

Никос Казандзакис.

Последнее искушение Христа.

Издание: 1998 г.

«Последнее искушение Христа» — роман греческого писателя Никоса Казандзакиса, который принёс его автору всемирную известность. Впоследствии американский режиссёр Мартин Скорсезе снял по этому роману фильм, также ставший заметным событием в культуре XX века.

• • •

НИКОС КАЗАНДЗАКИС.

ПОСЛЕДНЕЕ ИСКУШЕНИЕ ХРИСТА.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Двойственная природа Христа, жаждущего так по-человечески, но с такой нечеловеческой страстностью обрести Бога, или вернее — вернуться к Богу и слиться с ним, — всегда составляла для меня неразрешимую загадку. Эта ностальгия по Богу, столь таинственная и столь осязаемая, открылась во мне как незаживающая рана, одновременно став и неиссякаемым источником духовных сил.

С ранней юности и в течение всей последующей жизни причиной всех моих страданий и радостей стала беспощадная, ни на минуту не прекращающаяся борьба между духом и плотью.

Тёмные древние силы Зла таились во мне; но во мне же обитали и светлые силы Господа — и душа моя превратилась в арену, где эти две армии сошлись и скрестили свое оружие.

Эта битва причиняла невыносимые страдания. Я любил свое тело и не желал его гибели; но я любил и свою душу и страшился её уничтожения. И я бросился примирять этих двух исконных противников, пытаюсь внушить им, что они не враги, но скорее соратники, что они могут обрести радость в гармонии, дабы и я мог возликовать вместе с ними.

Дух и плоть каждого человека содержит частицу божественной природы. Вот почему тайна Христа не является тайной лишь какого-то одного вероучения: она всеобща и универсальна. Борьба между Богом и человеком совершается в каждом, и в каждом живёт надежда на их воссоединение. Порой эта схватка происходит в подсознании и быстро завершается. У слабой души недостает сил долго противостоять плоти. Она тяжелеет, сама преобразаясь в плоть, и поединок заканчивается. Но для тех, кто денно и ночью ощущает свое Высшее Предназначение, этот взаимоистребляющий конфликт между плотью и духом может длиться до самой смерти.

Чем сильнее душа, чем бодрее плоть, тем плодотворнее эта борьба, тем полнокровнее конечная их гармония. Господу не по нраву слабые души и дряблые тела. Дух жаждет борьбы с равноценным противником — телом сильным и готовым к сопротивлению. Как хищная птица, всё время испытывающая голод, дух пожирает плоть и уничтожает её.

Борьба между плотью и духом, бунт и сопротивление, примирение и подчинение и, наконец, высшая цель этой борьбы — единение с Богом, — таков смысл восхождения Христа, восхождения, которое можем совершить и мы, следуя по его кровавым следам.

Таково Высшее Предназначение борющегося человека — стремиться к величественной вершине, покорённой Христом, первенцем всеобщего спасения. С чего же начать?

Для того чтобы следовать за ним, мы должны глубоко осознать и пережить его борьбу и страдания: победу над заманчивыми ловушками, расставляемыми нам земным бытием, отказ от великих и малых человеческих радостей, восхождение от одной жертвы к другой, от подвига к подвигу и далее — к вершине мученичества, к Кресту.

Никогда я не переживал кровавый путь Христа к Голгофе с таким ужасом, не ощущал его жизнь и страсти с такой полнотой, таким пониманием и любовью, как в дни и ночи, когда писал эту книгу. Воплощая эту исповедь страданий и великих надежд человечества, я испытывал такие муки, что в глазах моих стояли слезы. Никогда ранее не доводилось мне ощущать, как кровь Христа капля за каплей падает на моё сердце, наполняя его невыразимой болью и радостью.

В своем последнем восхождении на Крест (вершину самопожертвования) на своем пути к Господу (вершине духовности) Христос миновал все этапы, которые проходит борющийся человек. Потому-то его страдания так близки нам, потому-то мы и разделяем их, потому-то его конечная победа представляется нам во многом нашей собственной будущей победой. Эта человеческая ипостась Христа помогает нам понять и полюбить его, пережить его страсти как свои собственные. Если бы он был лишен этого теплого человеческого начала, он никогда бы не смог с такой нежной силой покорить наши сердца, стать образцом нашей жизни. Мы боремся и, видя его борьбу, духовно мужаем. Мы перестаем ощущать свое одиночество, чувствуя, что он сражается на нашей стороне.

Каждый эпизод жизни Христа — это сражение и победа. Он преодолел непобедимое очарование простых человеческих радостей, он преодолел искушения, он перевоплотил себя в дух и вознесся. Он поднялся на вершину Голгофы и взошёл на Крест.

Но и здесь не заканчивается его борьба. На Кресте его тоже ожидает искушение — последнее искушение. Перед меркнущим взором распятого Дух Зла, словно в мгновенной вспышке, разворачивает обманчивую картину безмятежной и счастливой жизни. Христу предстает другой, ровный и спокойный путь, которому он мог бы последовать. Вот он женился, взрастил детей.

Он любим и уважаем. И теперь, достигнув старости, он сидит на пороге своего дома, довольно улыбаясь при воспоминаниях о страстных мечтаниях своей юности. Как верно, как разумно он поступил, выбрав путь простого человека! Что за безумие желать спасти мир! Какое счастье, что его миновали лишения, страдания, Крест!

Таково это искушение, омрачающее последние мгновения жизни Спасителя.

Но Христос с усилием вскидывает голову и открывает глаза. Нет, он не отступник, слава Тебе, Господи! Он не изменник. Он до конца выполнил миссию, возложенную на него Богом. Нет, он не женился и не познал счастливой жизни. Он взошёл на вершину самопожертвования: он пригвожден к Кресту.

Спокойно он закрывает глаза. И торжествующий крик вырывается из его груди: «Свершилось!»

Иными словами: «Я выполнил свое предназначение, я распят, я не поддался искушению...»

Эта книга написана мною для того, чтобы дать борющемуся человеку идеальный образец, чтобы он понял: не надо бояться боли, искушений и смерти, ибо все они могут быть побеждены и уже были побеждены однажды. Христос пережил страдания, и с тех пор страдание освящено. Искушения осаждали его до последней минуты, но и они были повержены. Христос умер на Кресте, и в то же мгновение смерть была побеждена навсегда.

Любое препятствие на его пути становилось вехой, залогом его новой победы. Перед нами образец, пример для подражания, который дает нам силы.

Эта книга не является биографией. Это — исповедь борца.

Публикуя её, я выполняю свое предназначение, предназначение

человека, который много боролся, много страдал и на многое надеялся в этой жизни. Я уверен, что любой свободный человек, прочитав эту книгу, полюбит Христа больше и чище, нежели раньше.

Н. Казандзакис

• • •

ГЛАВА 1.

Подул ветер.

Небеса разверзлись, усыпанные плотным узором звёзд; внизу, на земле, остывали нагретые за день камни. Мир, наполненный вечными ночными голосами, был покоен и тих. Время шло к полуночи. Очи Господни — Солнце и Луна — закрылись. Господь спал, и молодой человек безмятежно наблюдал за пролетающими в его голове мыслями, которые тут же уносились легким ветром. Какой покой! Какой рай! Но вот что-то переменялось: легкое божественное дуновение иссякло. Над землей начал стелиться туман тяжёлых влажных испарений: будто большое животное билось и задыхалось в зарослях сырого пышного сада, будто вся деревня тщетно пыталась побороть кого-то во сне. Воздух тревожно сгустился. Теплое дыхание людей, животных и духов поднималось, смешиваясь с острыми запахами прокисшего человеческого пота, свежего хлеба и лаврового масла, которым женщины умащали свои волосы.

Ночной мрак пугал — в нем можно было ориентироваться лишь ощупью. Но мало-помалу глаз привыкал к темноте: и вот уже проступил кипарис, чёрнее ночи, финиковые пальмы, раскинувшие свои ветви струями фонтана, раскачивающиеся на ветру и отливающие во мгле серебром оливы. А дальше на живой земле были разбросаны группами и поодиночке ветхие дома, слепленные из тьмы, грязи и кирпича, обмазанные известью. И лишь по запаху и звукам можно было угадать спящих на крышах людей, прикрытых простынями или вовсе обнажённых.

Тишина иссякла. Чистая блаженная ночь насыщалась болью. Не в силах обрести покой, человеческие ноги и руки ерзали и подрагивали. Вздохи полнили груди, и отчаянные упрямые крики, рвущиеся из сотен глоток, силились объединиться, слиться в один призыв в этом помятом Господом хаосе. Но голоса таяли, рассеивались и терялись в разрозненном бреду.

И вдруг с самой высокой крыши в центре деревни раздался резкий, идущий из самого сердца, разрывающий сердце надвое пронзительный крик:

— Бог Израиля, Бог Израиля, Адонай (1), долго ли ещё ждать?!

Словно не человек, но вся деревня, вся земля Израиля, впитавшая в себя кости умерших, пронизанная корнями деревьев и покрытая истощенными полями, потерявшими способность рожать, взывала к Господу.

И снова после глотка тишины ещё более ожесточенный и горестный крик пропорол воздух от земли до неба:

— Долго ли ждать? Долго ли?

Проснулись и залаяли деревенские собаки, на пыльных плоских крышах испуганные женщины ещё глубже спрятали головы под мышки своим мужьям.

Человеку снился сон. Сквозь него он услышал крик, и тело его напряглось; сон начал испуганно таять. Силуэт горы размылся, заколебался, и проступили её недра, сотканые из сна и бреда. Группа мужчин, поднимавшихся по каменистым выступам — сплошь усы, бороды, брови, длинные руки, — тоже начала расплываться, таять, пока окончательно не превратилась в разрозненные мелкие клочки, словно облако, рассеянное сильным ветром. Ещё немного — и они исчезнут из сна.

Но вот голова снова наливается тяжестью, и он снова погружается в глубокий сон. Расплывшиеся очертания вновь обретают облик горы, легкие облака сгущаются, образуя человеческие фигуры. Он слышит чье-то дыхание, быстрые шаги, и на вершине показывается рыжебородый. Хитон его распоясан, он бос и взмок от пота. За ним карабкаются его задыхающиеся спутники, но выступы горы пока мешают их рассмотреть. В вышине снова раскинулся купол небес, но теперь там сияет одна-единственная звезда, огромная как факел. Занимается день.

Разметавшись на своей постели из древесной стружки, человек глубоко дышал, отдыхая после тяжёлого дня. Словно услышав зов Утренней звезды, он открыл на мгновение глаза, но не проснулся: сон сызнаова осторожно обнял его. Ему снилось, что рыжебородый остановился, весь в поту, стекающем из подмышек, струящемся по ногам и узкому веснушчатому лбу. Задыхаясь не то из-за крутого подъема, не то от переполнявшего его гнева, он с трудом подавил проклятие и сдавленно прорычал:

— Сколько ещё ждать, Адонай, сколько ещё?

Но ярость не отпускала, слепила ему глаза. Он оглянулся, и вся история его народа молнией промелькнула перед его взором.

Гора растаяла, исчезли люди, сон свернул в другую сторону, и перед спящим развернулась вся земля Израиля на камышовом потолке его жилища. Многоцветная и трепещущая, она охватила его своей благоухающей свежестью: с юга — словно леопардовая шкура — пустыня Идумеи, безжизненное и убийственное Мёртвое море и над всем — Иерусалим, укрепленный со всех сторон заповедями Яхве. По его мощным улицам струилась жертвенная кровь агнцев и пророков. Чуть дальше — грязная Самария, вытопанная женщинами; на самом севере — солнечная, зеленеющая, тихая Галилея. И из конца в конец струящийся Иордан

— артерия Господа, без разбора питающая пустынные пески и богатые сады, Иоанна Крестителя и самаритянских отступников, блудниц и рыбаков Генисарета.

Ликуя, взирал во сне человек на эти святые земли и воды. Он протянул руку, чтобы коснуться их, но Обетованная земля, сотканная из росы, ветра и вековых упований, свежая, как роза на заре, внезапно задрожала в мохнатом мраке и рассыпалась. И стоило ей исчезнуть, как он вновь услышал проклятия, рев голосов и увидел людей, выходящих из-за острых скал и колючего кустарника. Но как они изменились! Как они сгорбились, съежились, превратившись в дрожащих карликов, чьи бороды теперь волочились по земле. И каждый сжимал в руках орудие пыток: кожаные ремни, обитые железом и вымазанные кровью, ножи, стрекала, толстые гвозди с плоскими шляпками. Трое уродцев с огромными задницами несли массивный тяжёлый крест, а замыкал процессию косоглазый коротышка с терновым венцом в руках.

Рыжебородый смотрел на них, и лицо его брезгливо подёргивалось. Спящий понимал его мысли: «Они не верят. Вот почему они вырождаются, вот где корень моих страданий. Они не верят».

— Смотрите! — Он протянул свою огромную волосатую руку, указывая вниз, где расстилалась долина, покрытая седым утренним туманом.

— Ничего не видно, там темно!

— Ничего не видите? Так почему же тогда вы не верите?

— Мы верим. Только потому и следуем за тобой. Но мы ничего не видим.

— Смотрите снова!

Опустив руку, словно меч, он схватил туман и сдернул его с долины. Голубое озеро пробудилось и засияло, как только с него сорвали покрывало тумана. Деревушки и селеньица, раскинувшиеся на его берегах, покрытых галькой и колосющимися полями, засверкали белизной под финиковыми пальмами, словно гнезда, полные яиц.

— Он там! — вскричал предводитель, указывая на большую деревню, окруженную зелёными лугами.

На лице спящего внезапно отразился ужас. Сон повис на самых кончиках ресниц, и человек ожесточенно начал тереть глаза, чтобы прогнать его, изо всех сил пытаясь проснуться. «Это сон, — повторял он, — я должен проснуться, и тогда я спасен». Но карлики продолжали назойливо виться вокруг, не желая исчезать. Рыжебородый что-то говорил им, угрожающе указывая пальцем на деревню, лежащую в долине.

— Он там! Он прячется там, босой, одетый в лохмотья, прикидывается плотником. Он хочет спастись, улизнуть от нас! Но это у него не пройдет: Господь уже увидел его! За ним, парни!

И рыжебородый дал знак спускаться, но карлики окружили его со всех сторон, не давая сделать ни шагу.

— Многие одеты в лохмотья, сотник, многие босы, да и плотник в этой земле не один. Скажи нам, каков он, где живёт, чтобы мы могли лучше распознать его. А иначе с места не тронемся — сил больше нет.

— Я прижму его к сердцу и расцелую — так узнаете вы его. А теперь вперёд, бегом! Но будьте осторожны, не кричите! Он сейчас спит. Смотрите, чтобы он не проснулся раньше времени и не улизнул от нас. Во имя Господа, парни, за ним!

— За ним! — с готовностью завопили карлики.

И лишь тощий косой горбун, который нес терновый венец, завизжал, вцепившись в колючий куст:

— Я никуда не пойду. Я сыт по горло! Сколько ночей мы уже ищем его? Сколько деревень мы миновали? Посчитайте: в пустыне Идумейской мы обшарили все обители ессеев (2), мы прошли через Вифанию, где чуть до смерти не замучили бедного Лазаря, дошли до Иордана, и Иоанн Креститель прогнал нас, сказав: «Я не Тот, кого вы ищете, убирайтесь вон!» Мы пошли дальше и добрались до Иерусалима, где обыскали Храм, дворцы Анны и Каиафы, дома книжников и фарисеев: никого! Мы снова отправились в путь. Мы прошли через Самарию и дошли до Галилеи. За один день мы миновали Магдалу, Кану, Капернаум, Вифсаиду. Переходя от дома к дому, мы искали самого праведного, избранного Богом. И каждый раз, найдя, мы кричали: «Ты — Мессия, что же ты прячешься? Вставай и спаси Израиль!» Но как только он видел, что у нас в руках, у него в жилах застывала кровь. Он начинал упираться, плевать и кричать: «Это не я, не я!» — и бросался в распутство, пьянство и разврат, только чтобы избавиться от нас. Он напивался, богохульствовал и прелюбодействовал — только чтобы убедить нас, что он — грешник и не Тот, кого мы ищем... Увы, сотник, но и там, внизу, нас ждет то же самое. Мы напрасно ищем. Мы не найдем Его: Он ещё не родился.

Рыжебородый схватил горбуна за загривок и поднял в воздух.

— Ах ты, Фома неверующий, — рассмеялся он, — люблю я тебя, Фома! Мы — скот. Он — стрекало. — И он повернулся к остальным: — Так пусть же Он бьет нас, пусть колет, дабы мы не успокаивались.

Лысый Фома вопил от боли. Рыжебородый, смеясь, опустил его на землю и снова обратился к своей разношерстной компании:

— Сколько нас? Двенадцать — дьяволы, ангелы, бесы и недоноски — все порождения и выкидыши Господни. Берите свою поклажу. Вперёд!

Он был в хорошем настроении, его круглые ястребиные глаза поблескивали. Протянув свою огромную лапищу, с грубоватой лаской он начал подталкивать своих спутников, по одному приподнимая их, изучая с ног до головы и вновь опуская, смеясь, на землю.

— Ты — сизоносый скряга, хапуга, бессмертный сынок Авраама... А ты — сорвиголова, болтун, обжора... А ты — набожный молокосос: ты не убиваешь, не крадешь и не изменяешь жене, и всё только потому, что ты боишься. Все твои добродетели — дети страха... И ты, простодушный осел, полудохлый от побоев: ты тащишь и тащишь свою поклажу несмотря на голод, жажду, холод и кнут. Трудлюбивый и самоотверженный, ты готов кормиться чужими объедками. Все твои добродетели — дети бедности... И ты, хитрая лиса: ты стоишь перед логовом льва, вратами Яхве и предпочитаешь не входить туда... А ты — наивная овечка: блеешь и следуешь за Господом, который так и норовит сожрать тебя... А ты — сын левита (3), шарлатан, богопродавец, торгующий им за серебреник, мошенник, подносящий Господа, как вино, своим покупателям, чтобы они подвыпили и раскошелились, ты — плут из плутов!.. А ты — злобный самодовольный аскет: ты, глядя на собственную физиономию, лепишь лицо Господа, такого же злобного и самодовольного, как ты сам. А потом ты падаешь ниц и молишься ему лишь потому, что он похож на тебя... И ты, чья бессмертная душа открыта, как лавка менялы: ты сидишь на пороге и раздаешь милостыню проходящим беднякам, всё аккуратно записывая в свою расчетную книгу: сегодня подал столько-то денариев, дал их тому-то и тому-то в такой-то и такой-то день, в такой-то и такой-то час. Ты уже и завещание написал, чтобы эту

книгу положили вместе с тобой в гроб, дабы ты мог открыть её перед Господом, представить свой отчет и получить миллионы бессмертия... А ты — лжец и болтун: ты пренебрегаешь всеми заповедями Господа — ты убиваешь, крадешь и распутничаешь, а потом рыдаешь, бьешь себя в грудь и, взяв псалтирь (4), перекладываешь свои грехи на музыку. Хитрая бестия, уж кому-кому, но тебе-то известно, что Господь многое прощает певцам... И ты, Фома, наше стрекало... И я, я: безумный наивный полудурок. Во имя того, чтобы найти Мессию, я бросил жену и детей. И все мы — дьяволы, ангелы, бесы, недоноски — все мы плоть и кровь нашего дела!.. Вперёд же, ребята!

Он снова засмеялся, поплевал на руки и тронулся в путь.

— За Ним, ребята! — прокричал он ещё раз, пустившись бегом по склону горы, ведущему к Назарету.

Горы и люди обратились в дымку и рассеялись. В глазах спящего потемнело. Его бесконечный сон кончился, хотя шаги спускавшихся всё ещё были слышны.

Сердце его бешено колотилось, изнутри рвался крик: «Они идут! Они идут!» Вскочив, в страхе (по крайней мере, так ему показалось во сне) он начал заваливать дверь всем, что попадалось под руку, — скамьей, инструментами, деревянными брусками, гвоздями и огромным крестом, над которым он сейчас работал. Затем он снова упал на стружку и щепки и затаился.

Странная тревожная тишина повисла в комнате — плотная и удушливая. Звуки исчезли — он не слышал ни людей, ни Господа. Словно тёмный бездонный пересохший колодец всосал в себя всё, даже бдительного дьявола. Сон ли это? Смерть ли, бессмертье,

Господи? В ужасе, из последних сил человек попытался ухватиться за тонущий во всем этом рассудок и спастись, и — проснулся.

Он весь вспотел. Из сна ничего не помнил. Только, пожалуй, одно — его кто-то ловил. Но кто?.. Один? Много? Люди? Бесы?.. Он не мог вспомнить. Насторожившись, он прислушался. В тишине ночи слышалось дыхание деревни — дыхание многих душ. Жалобно пролаяла собака, во дворе зашумело дерево. Нежно и монотонно в дальнем конце деревни мать укачивала своего ребенка... Ночь была полна шорохов и шёпотов, которые он так хорошо знал и любил. Вот говорит земля, вот ей отвечает Господь, и мало-помалу человек обретает покой. На мгновение он даже испугался, что остался на земле один-одинёшенек.

Из соседней комнаты, где спали родители, донеслось прерывистое дыхание отца — несчастный старик не мог заснуть. Он выворачивал губы, упорно раскрывая и закрывая рот в надежде, что оттуда прольется слово. Уже много лет он мучил себя таким образом, стараясь выдавить из себя звук человеческой речи. Но парализованное тело не слушалось. Снова и снова он заставлял себя, потея и пуская слюни, и иногда после отчаянных усилий ему удавалось произнести одно слово по слогам — только одно слово, всегда одно и то же: «А-до-най». Адонай. И больше ничего — только Адонай... И произнеся его, он успокаивался на пару часов, пока жажда речи снова не охватывала его, и он не начинал снова бороться с языком...

— Это моя вина... моя, — пробормотал человек, и глаза его наполнились слезами.

Слыша в ночной тишине мучения отца, сын тоже переполнялся мукой и принимался произвольно открывать и закрывать рот. Он прислушивался к звукам, доносившимся из-за стены, чтобы самому повторить всё, что проделывал отец, и поддержать его

неимоверные усилия. Вместе со стариком он вздыхал, беспомощно издавал беззвучные крики, пока снова не погрузился в сон.

Но не успел он заснуть, как дом задрожал, скамья, инструменты, крест — всё, чем была забаррикадирована дверь, рухнуло на пол, дверь распахнулась, и на пороге показался рыжебородый. Огромный, он хохотал и протягивал руки.

Человек закричал и проснулся.

ГЛАВА 2

Он сидел на стружках, прислонившись к стене. Над его головой висел лоскут кожи, утыканный двумя рядами гвоздей. Каждый вечер, перед тем как заснуть, он бил и терзал этим бичом свое тело, чтобы оно оставалось недвижимым в течение всей ночи, не поддаваясь искушениям. Легкая дрожь пробежала по плечам. Он не мог вспомнить, какие искушения посещали его нынешней ночью, но чувствовал, что избежал большой опасности.

— Я больше не могу это выносить. Довольно, — прошептал он, подняв глаза к небу. Утренний свет, неверный и бледный, проскальзывал в дверные щели, мягко оттенял желтый камышовый потолок.

— Я больше не могу терпеть. С меня довольно, — повторил он громче, яростно сжимая зубы.

Взгляд его погружался в наплывающие потоки света, и внезапно он увидел всю свою жизнь: посох отца, зацветший в день свадьбы; молния, поразившая новобрачного и навсегда парализовавшая его; родная мать, глядящая на него, своего сына. Она ничего не

говорила, но он слышал её немую жалобу — она была права! Днём и ночью собственные прегрешения ножами впивались ему в сердце. Тщетно пытался он осилить последнего из оставшихся дьяволов, имя которому был Страх. Всех остальных он уже одолел: бедность, страсть к женщинам, радости юношества, счастье домашнего очага. Он победил их все, все, кроме Страх. Ах, если бы и его удалось победить, если бы он смог... А время для этого уже пришло, ведь он стал мужчиной.

— Я виноват в том, что отец парализован, — бормотал он. — Я виноват в том, что Израиль до сих пор стонет под игом...

Забив крыльями, грозно закричал петух — наверное, во дворе соседнего дома, где жил его дядя раввин. Похоже, петух устал от слишком долго длившейся ночи и теперь требовательно взывал к солнцу.

Юноша прислонился к стене и прислушался. Свет хлынул на дома, захлопали двери, ожили улицы. Утренние звуки заполнили землю, просачиваясь через щели домов, — Назарет просыпался. Из соседнего дома донесся тяжёлый стон, тут же сменившийся диким воплем. Это кричал раввин. Он взывал к Господу, напоминая ему об обещании, данном народу Израиля. «Господь Израиля, Господь Израиля! Долго ли ещё ждать?!» — голосил раввин, и человек слышал, как хрустят коленные суставы, когда он падает на пол.

— Молится, — покачал головой юноша, — взывает к Богу. Сейчас будет стучать мне в стену, чтобы я тоже начинал молитву. Жаль, что мои беседы с Богом неизвестны людям, — и он забарабанил кулаками в стену, чтобы дать знать суровому раввину, что уже проснулся и молится.

Он вскочил на ноги. Латаная-перелатанная туника сползла с плеча, обнажив худое загорелое тело, покрытое красными и коричневыми

шрамами. Устыдившись нагого тела, он поднял одежду и обвязал её вокруг бёдер.

Бледный утренний свет озарил упрямое гордое лицо страдальца. Его подбородок и щёки окаймляла угольно-чёрная борода. Нос был с горбинкой, полные губы приоткрывали ярко белевшие зубы. Он не был красив, но излучал какое-то тайное, завораживающее обаяние. Густые длинные ресницы оттеняли всё лицо голубизной, в которой тёмными провалами светились глаза.

Он стряхнул стружки, приставшие к бороде. Его слух уловил звук тяжёлых шагов, они приближались, и он узнал их.

— Это снова он, — с испугом простонал он. — Что ему от меня нужно?

Он рванулся к двери и тут же, потрясённый, остановился.

Кто придвинул к двери скамью, инструменты и крест? Кто? Когда? Ночь была полна злых духов, полна снов. Мы спим, но для них двери открыты, они входят и выходят по собственному желанию, переворачивая всё вверх дном и в наших домах, и в наших душах.

— Кто-то был здесь этой ночью, — пробормотал он, затаив дыхание, словно опасаясь, что пришелец всё ещё здесь и может его услышать. — Кто-то приходил. Возможно, Бог... Бог... или дьявол? Кто их различит? Они меняются обличьями: порой Бог становится тьмой, а дьявол — светом, и человек не может их различить.

Он вздрогнул. Всего лишь два пути. Каким пойдёт он, который выберет?

Звук шагов всё приближался и приближался. Человек испуганно оглянулся: казалось, он ищет место, где бы спрятаться. Он боялся этого пришельца и не хотел его видеть, потому что глубоко внутри болело связанное с ним воспоминание, болело и не заживало. Как-то, ещё будучи детьми, они играли во дворе, и тот, другой, который

на три года старше, повалил его на землю и как следует вздул. Он встал и ушёл, не говоря ни слова, но с тех пор никогда не ходил играть с другими детьми. Он стыдился и боялся. Томясь в одиночестве во дворе своего дома, он размышлял о том, как однажды смоет свой позор, докажет, что он лучше, победив всех. И по прошествии стольких лет эта ранка всё сочилась, не закрывалась.

— Неужели он до сих пор преследует меня? Что ему от меня нужно? — шептал он. — Я не пущу его.

Дверь вздрогнула от обрушившегося на неё удара. Человек рванулся вперёд и, собрав все свои силы, отодвинул скамью, крест и открыл дверь. На пороге стоял рыжебородый великан, босой, краснолицый, потный. Пожевывая стебелек спелого ячменя, он окинул взглядом мастерскую, увидел крест, прислоненный к стене, нахмурился и переступил порог.

Не говоря ни слова, он сел в угол, продолжая ожесточенно грызть стебелек. Человек остался стоять, отвернувшись от пришедшего и глядя сквозь открытую дверь на узкую, неожиданно рано ставшую оживленной улицу. Пыль ещё не поднялась, земля влажно благоухала. Ночная роса и рассветные лучи смешивались на листьях оливы, стоящей во дворе, и всё дерево будто смеялось. Человек в восхищении вдыхал утренний воздух, ощущая мир и покой.

— Закрой дверь, — прорычал рыжебородый. — Мне нужно кое-что тебе сказать.

Человек вздрогнул от резкого звука его голоса, закрыл дверь и покорно сел на край скамейки.

— Я пришёл, — произнес рыжебородый. — Всё готово.

Он отшвырнул стебелек, приподнял голову и, вытянув вперёд толстую веснушчатую шею, обратил на человека свой тяжёлый взгляд:

— А ты, ты готов?

Свет всё прибывал и прибывал. Теперь грубые черты рыжебородого проступили отчетливее: казалось, его лицо состояло из двух половинок — когда одна смеялась, другая угрожала, когда одна искажалась от боли, другая оставалась спокойной к неподвижной, и даже когда они объединялись в едином порыве, было видно, что в нем продолжается борьба между Господом и дьяволом.

Человек молчал. Взгляд рыжебородого становился всё более жестким.

— Ты готов? — повторил он. Казалось, он сейчас набросится на собеседника, чтобы вытрясти ответ, но в этот момент завыли трубы и узкие улицы заполнились грохотом копыт ворвавшейся римской кавалерии, за которой тяжёлым ритмичным шагом двигались легионеры. Рыжебородый сжал кулак и, воздев его к потолку, закричал:

— Время пришло, Господь Израиля! Сегодня! Не завтра, а сегодня! Ты готов? — обернулся он снова к человеку. Я сказал: ты не понесёшь крест! — продолжил он, не дожидаясь ответа. — Люди собраны. Варавва со своими людьми спустился с гор. Мы ворвемся в тюрьму и освободим зелота (5). И тогда — не качай головой — тогда и произойдет чудо. Спроси своего дядю раввина. Вчера он собрал нас всех в синагоге. Однако почему твое святейшество не явилось? Он встал и говорил с нами. «Мессия не придёт, — говорил он, если мы будем сидеть сложа руки. Господь и люди должны бороться сообща во имя пришествия Мессии», — вот что он нам сказал, к твоему сведению. Ни Господь, ни люди не смогут в

одиночку приблизить его приход. Они должны бороться сообща! Слышишь?

Он схватил юношу за руку и встряхнул.

— Ты слышишь меня? О чём ты опять мечтаешь? Тебе бы послушать собственного дядю, может, тогда ты бы пришёл в себя. Он сказал, что зелот — да-да, тот самый зелот, которого римляне собираются сегодня распять, — может быть он — Тот, кого мы ждали столько веков. Если мы не поможем ему, если мы его не спасём, он умрёт, и мы не узнаем, кто он такой. Но если мы спасём его — совершится чудо. Какое чудо? Он сбросит свои отрепья, и царская корона Давида засияет над его головой. Вот что нам сказал раввин, к твоему сведению. Мы все заливались слезами, когда слушали его. А потом старый раввин воздел руки к небесам и закричал: «Господь Израиля, сегодня? Не завтра — сегодня!» — и мы все тоже, подняв руки, устремили взоры к небесам и закричали, грозя и плача: «Сегодня! Не завтра — сегодня!» Слышишь, ты, сын плотника, или я разговариваю со стеной?!

Человек, полуприкрыв глаза, не сводил их с кожаного лоскута, утыканного гвоздями, который висел на противоположной стене, и сосредоточенно прислушивался к чему-то. Громкий угрожающий голос рыжебородого не мог заглушить сиплого мычания, которое издавал его отец в соседней комнате, силясь открыть рот и заговорить. Оба голоса соединялись в сердце человека, и внезапно он ощутил, сколь смешны все потуги человечества.

Рыжебородый схватил его за плечо и встряхнул снова.

— Где ты опять блуждаешь, ясновидящий? Ты слышал, что нам сказал твой дядя Симеон?

— Мессия так не придёт, — сказал человек. Его взор устремился к свежеструганному кресту, купавшемуся в розовом сиянии

рассвета. — Нет, Мессия так не придёт. Он не станет скидывать свои отрепья и надевать царскую корону. Ни люди, ни Господь не станут спасать его, потому что он не может быть спасён. Он умрёт, умрёт, облаченный в свои лохмотья, и все — даже самые верные — предадут его. Он умрёт один на вершине пустынной горы, увенчанный терновым венцом.

Рыжебородый смотрел на него в изумлении. Половина его лица сияла, другая была мрачна и сурова.

— Откуда ты знаешь? Кто тебе это сказал?

Но человек не ответил. Уже окончательно рассвело. Он вскочил со скамьи, схватил молоток и пригоршню гвоздей и подошёл к кресту. Но рыжебородый опередил его. Одним прыжком оказавшись у креста, он начал неистово пинать его и плевать, словно это был человек.

— И тебе не стыдно? — обернувшись, закричал он. — Все плотники Назарета, Каны и Капернаума отказались делать крест для зелота, а ты... Тебе не стыдно? Тебе не страшно? Представь себе, что Мессия увидит, как ты строгаешь этот крест; представь себе, что этот зелот, которого сегодня должны распять, и есть Мессия... Почему тебе не достало смелости ответить центуриону так же, как и все остальные: «Я не делаю крестов для героев Израиля?!»

Он схватил плотника за плечо.

— Почему ты не отвечаешь? Куда ты уставился?

Навалившись всем телом, рыжебородый прижал его к стене.

— Ты — трус! — выкрикнул он с презрительной усмешкой. — Трус! Трус! И вся твоя жизнь — ничто!

Высокий пронзительный звук вспорол тишину, заставив обоих повернуться к двери и прислушаться: «Глашатай! Глашатай!» И снова взвился резкий голос:

— Сыновья и дочери Авраама, Исаака и Иакова, повелением цезаря: слушайте! Закрывайте свои мастерские, таверны и не выходите в поля. Матери, берите своих младенцев, старики, обопритесь на свои посохи! Выходите из домов! Хромые, глухие и расслабленные, выходите, чтобы увидеть, как будет наказан поднявший руку против цезаря — да продлятся дни жизни его! — чтобы увидеть, как умрёт бесстыдный разбойник зелот!

Рыжебородый открыл дверь, взглянул на застывшую в молчании толпу, тощего кривоногого городского глашатая, стоявшего на камне, и сплюнул.

— Чёрт бы тебя побрал, предатель! — прорычал он. Захлопнув дверь, он повернулся к человеку. Глаза его налились кровью.

— Можешь гордиться своим братцем Симоном, предателем!

— Он в этом не виноват, — печально произнес собеседник, — это моя вина, моя. — Он замолчал на мгновение и продолжил: — Это из-за меня моя мать прогнала его из дома, это из-за меня, и теперь он...

Половина лица рыжебородого потеплела и даже словно озарилась улыбкой тайной симпатии.

— Чем же ты заплатишь за все эти грехи, бедняга? — поинтересовался он.

Человек ответил не сразу; губы его шевелились, но язык отказывался повиноваться.

— Своей жизнью, Иуда, брат мой, — произнес он наконец. — Больше у меня ничего нет.

Рыжебородый вздрогнул. Теперь вся мастерская была залита светом. Огромные чёрные глаза юноши блестели, голос был полон горечи и страха.

— Своей жизнью? — переспросил рыжебородый, беря его за подбородок. — Не отворачивайся от меня. Будь мужчиной, взгляни мне в глаза... Своей жизнью? Что ты имеешь в виду?

— Ничего.

Он опустил голову и помолчал. И вдруг словно что-то взорвалось в нем.

— Не спрашивай меня, не спрашивай меня, Иуда, брат мой!

Иуда, сжав лицо того, второго, руками и повернув к себе, долго вглядывался в него. Затем спокойно отпустил его и направился к двери. Душа рыжебородого ощутила странное волнение.

Гул на улице становился всё громче. Топот босых ног и шлепанье сандалий заполняли воздух, усиливался звон бронзовых браслетов и женских серег. Стоя на пороге, рыжебородый наблюдал, как всё новые и новые толпы выплескивались на улицы. Людской поток устремлялся к противоположному концу деревни, к проклятой горе, где должно было состояться распятие. Мужчины шли молча, лишь проклятия срывались с их губ да удары посохов по булыжникам выдавали их чувства. Кое-кто прятал ножи в одежде. Женщины плакали. Некоторые скидывали платки, распускали волосы и запевали погребальную песнь.

Во главе шёл старый раввин Назарета Симеон — согбенный тяжестью лет, изможденный тяжёлым недугом — туберкулезом. Казалось, лишь его бессмертная душа не давала распасться этой груде одряхлевших костей. Своими истощенными руками, напоминавшими лапки птицы, он сжимал священнический посох. Этот живой труп смердел как головёшка. Но глаза его горели,

впрочем, и всё его щедедушное тело было охвачено огнём, и, когда он открывал рот и кричал: «Господь Израиля!», от головы его поднимался пар. За ним шли старейшины со своими посохами, дальше — мужчины и, наконец, женщины. Заключали это шествие дети с камнями в руках, некоторые через плечо несли пращи. Они двигались как единое целое, издавая глухой шум, словно морской прибой.

Иуда наблюдал за ними, прислонясь к косяку, и душа его ликовала. «Вот они, — думал он, и кровь поднималась к его голове, — вот они вместе с Господом совершат чудо! Сегодня! Не завтра, сегодня!»

Из толпы вырвалась высокая мужеподобная женщина. Плечи её обнажились. Черты лица исказились в бешенстве. Нагнувшись, она подняла камень и запустила его в дверь плотницкой мастерской.

— Будь ты проклят, римский прихвостень! — заорала она.

И в то же мгновение крики и проклятия заполнили всю улицу. Дети снимали с плеч пращи. Рыжебородый со стуком захлопнул дверь.

— Римский прихвостень! Римский прихвостень! — слышалось снаружи, и дверь содрогалась под ударами камней.

Человек, опустившись на колени перед крестом, методично забивал гвозди, будто желая заглушить крики, доносившиеся с улицы. Дыхание с трудом вырывалось из его груди. От каждого удара снопы искр разлетались в разные стороны. Испарина покрыла его лоб, и капли пота медленно ползли по вискам.

Склонившись, рыжебородый схватил его за руку и резко выдернул молоток, потом пнул крест ногой, и тот с грохотом обрушился на пол.

— Ты собираешься нести его?

— Да.

— И тебе не стыдно?

— Нет.

— Я тебе не позволю. Я разобью его в щепки.

Он оглянулся и схватил тесло.

— Иуда, Иуда, брат мой, — просяще промолвил юноша, — не вставай на моем пути.

Голос его внезапно изменился, стал глубоким и строгим.

Рыжебородый отшатнулся.

— На каком пути? — тихо переспросил он и замер в тревожном ожидании. Свет теперь падал прямо на лицо плотника и его обнажённую грудь. Сжатые губы юноши дрожали, словно слясь удержать крик, рвавшийся наружу. И рыжебородый вдруг увидел, как он худ и бледен, и его суровое сердце наполнялось жалостью. Казалось, человек таял с каждым днем — щёки его глубоко провалились.

Когда он видел этого плотника в последний раз? Всего несколько дней тому назад. Он тогда отправлялся по деревням к Генисарету. Будучи кузнецом, Иуда подковывал лошадей, делал серпы и плуги. Оттуда, получив известие о казни зелота, он поспешил обратно в Назарет. Он вспомнил последнюю встречу со своим давним приятелем и снова вглядывался в его изменившееся лицо. Как покраснели его глаза и впали виски! А эти скорбные складки, появившиеся вокруг рта?

— Что с тобой? — спросил Иуда. — Отчего ты так похудел? Что тебя мучает?

Человек слабо рассмеялся. «Господь», — хотелось сказать ему, но он сдержался. Это и было то самое слово, которое криком хотело сорваться с его губ, но он не позволил ему вырваться.

— Я борюсь, — ответил он.

— С кем?

— Не знаю. Я борюсь.

Рыжебородый впился глазами в плотника. Его взгляд вопрошал, умолял, угрожал, но чёрные как смоль глаза человека отражали лишь страх.

И вдруг Иуда почувствовал, как почва уходит у него из-под ног: ему почудилось, что он видит в этих безмолвных зеркалах цветущие деревья, голубую воду, людские толпы, а там дальше, глубоко на дне блестящего зрачка, за цветущими деревьями, водой и людьми — огромный чёрный крест... Он резко выпрямился, глаза его округлились, язык отказывался повиноваться.

— Может быть, ты... ты... — но ему так и не удалось договорить. Его вдруг охватило неудержимое желание прижать человека к своей груди, расцеловать его, но руки не слушались — конечности одеревенели.

И тогда, увидев вытянутые руки Иуды, округлившиеся глаза и стоящие дыбом волосы, Иисус закричал. Мучивший его кошмар вынырнул из глубин сознания — толпа карликов с орудиями пыток и криками: «За ним, парни!» И теперь он узнал их главаря — рыжебородого. Это был Иуда, кузнец Иуда, это он, дико хохоча, бежал впереди. Рыжебородый шевельнулся.

— Может, ты... ты... — заикаясь повторил он.

— Что я?

Рыжебородый не ответил. Пожевывая ус, он смотрел на плотника, перебирая в памяти приметы и предзнаменования, которые сопровождали этого человека с рождения и даже раньше: зацветший посох Иосифа, когда собрались претенденты на руку Марии; и как раввин отдал ему Марию, прекрасную Марию, посвященную Господу; и как ударил гром, и молния парализовала жениха в день свадьбы, ещё до того, как он успел прикоснуться к своей невесте; и как потом, по слухам, невеста понюхала белую лилию и зачала сына; и как в ночь его рождения ей приснился сон, что небеса разверзлись и спустившиеся ангелы, словно птицы, начали распевать и вить гнезда на крыше, а потом вошли в дом, разожгли огонь и подогрели воду для ожидаемого ребенка и вскипятили бульон, чтобы подкрепить мать.

Рыжебородый медленно и неуверенно склонился над юношей. Голос его был полон мольбы, страха и ожидания.

— Может, ты... — начал он снова, но так и не решился завершить свой вопрос.

— Я? — переспросил человек, саркастически рассмеявшись. — Но разве ты не видишь, какой я? Я даже говорить не могу. Даже на то, чтобы пойти в синагогу, у меня не хватает смелости. Я бегу от людей. Я бесстыдно попираю заповеди Господни. Я работаю в субботу... — Он поднял крест, установил его и взял в руки молоток. — А ещё — смотри! — я делаю кресты и распинаю! — И он снова попытался рассмеяться.

Рыжебородый растерянно открыл дверь. Новый поток жителей появился в конце улицы — старухи с распущенными волосами, больные старики, хромые, слепые, прокажённые — отбросы Назарета. Задыхаясь, они тоже спешили к месту распятия.

Приближался назначенный час. «Пора идти, — подумал рыжебородый, — пора начинать. Надо освободить зелота. Тогда

станет ясно, кто Спаситель...» Но сомнения не давали ему двинуться с места. Внезапный ветерок подул прохладой, и мысль его приняла новый оборот: «Нет, человек, которого сегодня распнут, не Тот, кого евреи ждут уже столько веков. Завтра! Завтра! Завтра! Сколько лет, Бог Авраама, ты мучил нас этим "завтра"! Завтра! Завтра! Так когда же наступит это "завтра"?! Мы — люди и терпели достаточно!»

Ярость охватила его. С ненавистью глядя на человека, сгорбившегося перед крестом с молотком в руках, он с трепетом вопрошал себя: «Может ли он быть Им, он, римский прихвостень? Пути Господни тайны и неисповедимы... Может ли он быть Им?»

Теперь за старухами и калеками показались римские солдаты в своих блестящих доспехах. Спокойные и молчаливые, с презрением глядя на евреев, они подгоняли толпу вперёд, словно стадо.

Увидев это, рыжебородый почувствовал, что кровь у него вскипает. Он повернулся к плотнику. Теперь ему казалось, что во всем виноват именно Иисус.

— Я ухожу, — рявкнул он, сжимая кулаки. — Можешь... можешь поступать, как тебе угодно, римская собака! Трус и предатель! Ты не лучше своего брата, городского глашатая! Но Господь покарает тебя, как он покарал твоего отца. Я всё сказал, и ты меня ещё вспомнишь!

ГЛАВА 3.

Иисус остался один. То и дело, вытирая пот, текущий по лбу, он склонился над крестом. Горло сжалось, ему не хватало воздуха.

Вокруг всё кружилось. Он слышал, как мать разжигала огонь, чтобы приготовить пищу и успеть вместе со всеми посмотреть на казнь. Соседи уже ушли. Отец мычал, борясь со своим языком. Улица снова опустела.

Он прислонился к кресту и закрыл глаза. Звуки и мысли отступили, ощущались лишь мерные удары сердца в груди. И вдруг его пронзила резкая боль. Он почувствовал, как невидимый хищник впивается в его мозг.

— Он снова пришёл, он снова пришёл, — дрожа прошептал Иисус. Он почувствовал, как когти вонзаются всё глубже и глубже. Череп трещал, обнажая беззащитный мозг. Он стиснул зубы, чтобы не закричать, — ему не хотелось пугать мать. Обхватив голову руками, он сжал её, словно опасаясь, что она расколется.

— Он снова пришёл, он опять здесь, — сотрясаясь в ознобе, повторял Иисус.

В первый раз такое случилось с ним, когда ему минуло двенадцать лет. Он сидел в синагоге вместе со старейшинами, слушая, как они толкуют Божье слово, и вдруг увидел свет — и дрожь пробежала по его телу. Но тогда это прикосновение было мягким, словно ласка. Он закрыл глаза и почувствовал, как его подхватили и понесли огромные мягкие крылья. «Должно быть, это рай», — подумал он тогда, и блаженная улыбка стала разливаться по его лицу — сначала робко, из-под опущенных ресниц, потом захватывая полуоткрытый рот и, наконец, затопив всё его лицо и переплавив плоть в одно сплошное сияние. Старики, глядя на эту таинственную, пожирающую мальчика улыбку, покивали головами и сошлись во мнении, что на него снизошла благодать Господня, после чего застыли в почтительном молчании, прижав пальцы к губам.

Шли годы. Он ждал, но ласка не повторялась. Однажды на Пасху, весной, он отправился в Кану, родную деревню своей матери,

чтобы выбрать себе невесту. Мать заставила его это сделать — она страстно мечтала видеть его женатым. Ему исполнилось уже двадцать лет, щёки покрылись мягким пушком, а кровь так бешено кипела, что он не мог спать по ночам. Мать видела это и при подходящем случае отправила его в Кану на поиски жены.

Он стоял с красной розой в руке, глядя на девушек, танцующих под большим тополем, только что покрывшимся свежей листвой. И пока он глядел и сравнивал одну с другой, желая их всех и не имея смелости выбрать, он услышал позади себя легкий смех — словно шум прохладного фонтана, бьющего из-под земли. Он обернулся. Вниз по склону в белом одеянии, в красных сандалиях, с распущенными волосами и обнажёнными руками, звеня браслетами и серьгами, к нему шла Мария Магдалина, единственная дочь его дяди раввина.

— Её я хочу, я хочу её! — закричал Иисус и протянул руку, чтобы отдать ей розу.

Но как только он это сделал, сотни когтей вцепились в его мозг, а над ним забились два крыла, сжимая его виски. Он вскрикнул и рухнул на землю, изо рта потекла пена. Мать в отчаянии набросила платок ему на голову и, когда стемнело, увела домой.

С того дня всё было кончено для него. Это обрушивалось на него при полной луне, когда он бродил по полям; во сне, в тишине ночи; а чаще всего весной, когда земля была напоена благоуханием цветения. Всякий раз, когда он мог быть счастлив, наслаждаться сном, беседовать с друзьями, смеяться, встречать на улице девушку и думать «я люблю её», — сотни когтей мгновенно впивались в его плоть, и все желания испарялись.

Но никогда ещё до сегодняшнего утра его не терзали с такой жестокостью. Он катался по мастерской, сжимая голову. Мир

потонул во мраке. Звуки растворились в монотонном гуле и отчаянном трепете невидимых крыльев.

Но мало-помалу, один за другим когти стали медленно разжиматься. Вместе с облегчением на Иисуса накатила смертельная усталость. Запустив в волосы пальцы, он испуганно принялся ощупывать голову. Ему казалось, что его череп разъят на мельчайшие осколки, но пальцы не находили ни единой раны и он, слегка успокоившись, опустил руки. Но когда на них упал свет, он с содроганием увидел, что пальцы испачканы кровью.

— Господь сердится, — пробормотал он, — сердится. Вот и первая кровь.

Он поднял голову и огляделся — никого. В комнате стоял терпкий запах зверя. «Он снова здесь, — с ужасом подумал Иисус. — Повсюду вокруг меня — над головой и под ногами».

Склонив голову, он замер в ожидании. Воздух оставался недвижим, легкие солнечные зайчики перебегали со стены на камышовый потолок и обратно. «Буду молчать, — подумал Иисус. — Не произнесу ни звука. Может, тогда он сжалится и оставит меня».

Но не успел он принять это решение, как губы его разжались и испустили жалобный возглас:

— Зачем ты пьешь мою кровь? Чем я тебя разгневал? Сколько ты ещё будешь меня преследовать?

Он наклонился и замер, прислушиваясь. Рот его открылся, спутанные волосы прилипли ко лбу, взгляд был полон отчаяния...

Снова тишина. И вдруг кто-то заговорил. Иисус напрягся и услышал, а когда услышал, решительно замотал головой, словно не в силах вымолвить то, что хочет. «Нет! Нет! Никогда!»

Но вот вернулась способность говорить, голос его перестал дрожать.

— Не могу. Я неуч, я лентяй, я трус. Я люблю хорошую пищу, вино, смех. Я хочу жениться, иметь детей. Оставь меня.

Он замер и прислушался.

— Что ты говоришь? Я не слышу!

В следующую же секунду ему пришлось прижать руки к ушам, чтобы смягчить громовой голос, раздавшийся над ним. Лицо его исказилось, дыхание стало хриплым и прерывистым — теперь он расслышал.

— Да, да, я боюсь... Ты хочешь, чтобы я встал и говорил — но что я могу сказать? Как я могу сказать это? Я не могу! Говорю тебе, я не знаю грамоты... Что ты сказал?.. Царствие небесное? Мне наплевать на него. Повторяю тебе — я люблю землю и хочу жениться. Я говорю тебе, что хочу Магдалину, несмотря даже на то, что она блудница. В этом лишь моя вина, и я спасу её. Её! Не Землю, не царство земное, но только Магдалину я хочу спасти. С меня этого вполне достаточно!.. Говори тише, я не понимаю тебя!

Он прикрыл глаза ладонью — яркий свет, лившийся с неба, слепил его. Обратив взгляд к потолку, он слушал, затаив дыхание. И чем дальше, тем более несчастным и отрешённым становилось его лицо. Занемевшие губы покалывало. И внезапно он разразился хохотом.

— Да, да, ты всё прекрасно понимаешь. Да, нарочно, я нарочно это делаю. Я хочу, чтобы ты возненавидел меня, чтобы оставил меня в покое и выбрал кого-нибудь другого. Я хочу отделаться от тебя! Да, да, нарочно, — продолжал он, собрав последние остатки мужества.
— Я всю жизнь буду строгать кресты, чтобы на них распинали выбранных тобою Мессий!

Сорвав со стены лоскут кожи, утыканный гвоздями, он подпоясался им и взглянул на небо — солнце поднялось уже высоко. Утренняя лазурь рассеялась, и небеса блистали холодной сталью. Надо было торопиться. Распятие было назначено на полдень, когда солнце будет в зените.

Присев на корточки, он подпихнул плечо под крест и обхватил его руками, потом начал медленно подниматься — крест казался невыносимо тяжёлым. Задышавшись, он сделал два шага, затем третий и, наконец, добрался до двери. Но тут колени его подогнулись, в голове всё поплыло, и он рухнул на порог лицом вниз, повергнутый крестом.

Дом вздрогнул, и из глубины раздался пронзительный женский визг. Дверь распахнулась, за ней стояла мать. Высокая темноглазая женщина с ослепительно белой кожей, она уже миновала пору молодости и теперь вступала в нелегкую медовую тяжесть осени. Голубые круги лежали вокруг её глаз, рот был таким же строгим, как и у сына, но подбородок более сильным и волевым. На голову её был наброшен фиолетовый льняной платок, а в ушах блестели два серебряных продолговатых кольца — её единственное украшение.

За ней виднелся отец. Полуобнажённый, он сидел на своей циновке — дряблая кожа пожелтела, глаза остекленели. Мать только что покормила его, и он всё ещё механически пережевывал хлеб, оливы и лук. Крошки усыпали седые волосы у него на груди. Рядом с постелью стоял знаменитый посох, которому было суждено зацвести в день его обручения. Теперь он засох и потемнел.

Увидев Иисуса, придавленного крестом, мать не бросилась поднимать его, но застыла на пороге, впившись ногтями в щёки. Она устала от его бесконечных обмороков, от бесцельных шатаний

по полям, от его постов, работы, бессмысленного сидения со взглядом, устремленным в одну точку, — мечтатель, живущий ночными видениями, его существование было вызывающе нелепым. И лишь когда ему заказывали крест для распятия, он с головой уходил в работу и строгал дни и ночи как сумасшедший. Он перестал ходить в синагогу, не желал больше появляться в Кане и посещать праздники. А когда наступало полнолуние, рассудок его мутился, и до несчастной матери доносились крики и бред, словно он спорил с дьяволом.

Сколько раз она валялась в ногах раввина, своего деверя, который славился искусством укрощения бесов. Несчастные приходили к нему со всех концов Израиля, и он излечивал их. Только вчера она умоляла:

— Ты лечишь чужих и не хочешь исцелить моего сына!

Но раввин только качал головой:

— Мария, твоего сына мучает не дьявол; это не дьявол, это — Бог, что же я могу сделать?

— Неужели нет никакого средства, чтобы помочь ему?

— Говорю тебе: это — Бог. Против него все средства бессильны.

— Но зачем же Господь так мучает его?

Старый врачеватель только вздохнул.

— Зачем, зачем он его мучает? — переспросила мать.

— Потому что любит его, — наконец ответил старый Симеон.

Мария изумленно посмотрела на него и хотела было ещё что-то спросить, но раввин взглядом остановил её.

— Не спрашивай меня. Таков закон Господа. — И, нахмурившись, он кивнул ей, чтобы она удалилась.

Этот недуг длился многие годы, и Мария, хоть и была матерью, уже начинала тяготиться этим. И теперь, глядя на своего сына, который лежал на пороге, на сочащуюся из его лба кровь, она не шелохнулась. Она лишь вздыхала, да и то не по сыну, а по себе, по своей несчастной жизни — по своему горькому замужеству и горькому материнству. Она овдовела, не успев выйти замуж, была матерью, не обладая своим ребенком; а старость подходила всё ближе, количество седых волос увеличивалось с каждым днем, а она так и не узнала, что значит быть молодой, никогда не чувствовала тепла своего мужа, сладости и гордости материнства. Глаза её высохли. Сколько слез отпустил ей Бог — она истратила всё. И теперь она глядела на мужа и сына сухими глазами. Если она когда и плакала, так это весной, когда в одиночестве смотрела на зеленеющие поля, вдыхая запахи цветущих деревьев. Но и в эти минуты она плакала не по своему мужу или сыну, а по своей зря прошедшей жизни.

Юноша поднялся и отер кровь краем туники. Он повернулся к матери, почувствовав суровый взгляд, и его захлестнул гнев. Он прекрасно знал этот взгляд, который ничего ему не прощал, знал эти сжатые губы. Он не мог больше этого переносить. Он тоже устал от этого дома с дряхлым паралитиком-отцом, безутешной матерью и ежедневными напоминаниями: ешь, работай, женись, ешь, работай, женись. Сжатые губы матери разомкнулись:

— Иисус, — укоризненно промолвила она, — с кем ты опять ссорился нынче утром?

Ее сын прикусил язык, чтобы с него не сорвалось недоброе слово, и распахнул дверь. Солнце и палящий ветер пустыни ворвались в хижину. Не говоря ни слова, Иисус отер со лба пот и снова выступившую кровь и поднял крест.

Волосы у матери рассыпались по плечам. Она собрала их в узел под платком и шагнула к сыну. Но когда свет упал на его лицо, она вздрогнула от удивления. Как быстро оно менялось! Оно было текучим, как вода. Каждый день приносил новые перемены, и ей казалось, что она каждый день встречается с незнакомым человеком. Несказанный свет озарял его лоб, рот, глаза; улыбка, то счастливая, то полная боли, блуждала по его лицу.

Сегодня его глаза горели, как чёрное пламя. В испуге она хотела спросить его: «Кто ты?» — но не дала себе воли.

— Мальчик мой, — произнесла она дрожащими губами и снова застыла, всматриваясь: действительно ли этот мужчина был её сыном? Обернется ли он, чтобы взглянуть на неё, чтобы ответить ей? Он не обернулся. Взвалив крест на плечо, он медленно удалялся от дома.

Прислонившись к косяку, мать смотрела, как легко он шагает по булыжнику, взбираясь на склон. Бог знает, откуда у него такая сила. Словно не крест был за его плечами, а два трепещущих крыла.

— Господи, Боже мой, — в смущении прошептала она, — кто он? Чей он сын? Он не похож ни на отца, ни на меня, он ни на кого не похож. С каждым днем он меняется. Порой мне кажется, что он не один, так он многолик... Нет, я ничего не понимаю.

Ей вспомнился день, когда она, сидя во внутреннем двореке возле колодца, кормила его грудью. Это было летом, и виноградную лозу над её головой сплошь покрывали зреющие грозди. И пока младенец сосал и причмокивал, она погрузилась в легкую дрему. Ей привиделся ангел. Держа в руках мерцающую звезду, он спускался вниз, освещая её светом всю землю. Впереди в темноте вилась дорога, поблескивая на поворотах, словно всполохи молнии. Дорога подползла к её ногам и иссякла. И пока Мария с удивлением размышляла, где бы могла начинаться эта дорога и

почему она кончается у её ног, она невзначай подняла глаза и увидела, что звезда остановилась прямо над её головой, а в конце дороги появились три всадника с золотыми коронами на головах. Они остановились на мгновение, посмотрели на небо и, увидев, что звезда тоже остановилась, пришпорили коней и поскакали к ней. Теперь она могла отчетливо рассмотреть их лица. В середине, подобный белой розе, скакал прекрасноликий светловолосый юноша, чьи щёки были едва покрыты первым пушком. Справа от него ехал монгол с раскосыми глазами и остроконечной чёрной бородкой. Слева — негр с курчавыми волосами, золотыми серьгами и сверкающими белизной зубами. Но прежде чем мать успела их как следует разглядеть или хотя бы прикрыть глаза ребенку, чтобы его не разбудил яркий свет, всадники уже подъехали, спешили и преклонили перед ней колени.

Первым приблизился светлоликий юноша: Младенец оставил грудь и встал на ножки. Подошедший снял свою корону и положил её к ногам ребенка. Вторым на коленях подполз негр. Он вынул из-за пазухи пригоршню рубинов и изумрудов и бережно высыпал горкой перед ребенком. Последним был желтолицый — он положил к ногам мальчика фазаньи перья, чтобы тот мог играть ими. Не прикасаясь к подаркам, дитя смотрело на всех троих и улыбалось.

Внезапно, как по мановению руки, все трое исчезли, и появился пастушок в одежде из овечьих шкур с миской теплого молока. При виде молока дитя запрыгало на материнских коленях, наклонило личико к миске и стало жадно пить его...

Прислонившись к косяку, мать вспоминала счастливый сон и вздыхала. Какими надеждами одаривал её этот единственный сын! Какую чудесную жизнь предсказывали ему знамения! Разве не сам старый раввин, глядя на него, раскрыл Священное Писание и читал пророчества над его маленькой головкой, рассматривая его грудь,

глаза, даже пятки в поисках божьего знака? Но увы! Время шло, и её мечты таяли. Сын выбрал дурной путь; путь, уводящий его всё дальше и дальше от людей.

Она поплотнее завернулась в платок и закрыла дверь. Она шла посмотреть на казнь — надо же было чем-то заполнить время.

ГЛАВА 4.

Мать шла всё быстрее и быстрее, чтобы догнать толпу и смешаться с нею. Она слышала впереди крики женщин, голоса мужчин — босых, с немытыми телами и грязными спутанными волосами, разгоряченных и дрожащих от возбуждения, — каждый из них прятал на груди нож. За ними шли старики и увечные. Земля дрожала под ногами людей, вздымавших столбы пыли. В воздухе стояла невыносимая вонь. Солнце уже входило в зенит.

Одна из старух, оглянувшись, заметила Марию и выругалась. Две её соседки тут же обернулись и сплюнули, чтобы уберечь себя от дурного предзнаменования. Молодая женщина, только что вышедшая замуж, с трепетом подхватила свою юбку, чтобы мать Иисуса не коснулась её. Мария вздохнула и поплотнее закуталась в свой платок, так что остались видны лишь укоризненно смотрящие глаза. Она торопливо шла, спотыкаясь, спеша слиться с толпой и затеряться в ней. Повсюду вокруг раздавались шепотки, но она, скрепя сердце, шла всё дальше и дальше, не обращая на них внимания. «До чего дошёл мой сын, — думала она, — мой сын, мой любимый!» И закусив ткань платка, чтобы не разрыдаться, продолжила свой путь.

Позади начал нарастать гул: мужчины, улучив момент, проталкивались вперёд, чтобы занять место во главе процессии. Они приближались к цитадели, где содержался зелот, — надо было выламывать двери и освобождать его. Мария посторонилась и встала в дверном проеме какого-то дома: перед ней мелькали распущенные сальные волосы и бороды, пена кипела у ртов, старый раввин размахивал руками и указывал на небеса, сидя на плечах какого-то звероподобного верзилы. Он что-то кричал. Мария прислушалась:

— Дети мои, верьте в народ Израиля. Вперёд, все вместе! Не бойтесь, Рим горит! Бог уничтожит его и сотрет с лица земли! Вспомните Маккавеев (6), изгнавших и опозоривших всемогущих греков! Так мы изгоним и опозорим римлян! Бог один, и Он с нами!

Охваченный неземным восторгом, старый раввин воздел тонкие руки, изгибаясь в странном подобии танца на широких плечах своего носильщика. Посты, молитвы и неосуществившиеся надежды иссушили плоть старика, но дух его ещё был силен. Огромный горец нес его как знамя.

— Эй, не урони его, Варавва! — кричали вокруг.

Но Варавва продолжал невозмутимо идти вперёд.

Люди взывали к Богу, и, казалось, воздух над их головами вот-вот воспламенится, чтобы соединить небо и землю огненными языками. Рассудок мутился: здешний мир камней и живой плоти таял, терял свои очертания, и вместо него возникал другой — мир огня и ангелов.

Пламенный порыв охватил и Иуду. Он стащил старого раввина с плеч Вараввы, водрузил на собственные и заревел:

— Сегодня! Не завтра, но сегодня!

И священник, словно воспрянув от его крика, запел псалом победы. Его высокий голос дрожал и срывался, но после первых же слов его подхватила вся толпа:

Господи! Как умножились враги мои!

Многие восстают на меня;

Многие говорят душе моей:

«Нет ему спасения в Боге».

Но Ты, Господи, щит предо мною,

слава моя, и Ты возносишь голову мою.

Но пока они пели, побеждая в мечтах врагов, перед ними выросла настоящая цитадель противника, расположенная в самом сердце Назарета: это была четырехугольная, прочно сложенная крепость, каждый угол которой венчала башня с огромным бронзовым орлом. Каждая пядь земли, окруженной этими стенами, была пристанищем дьявола. Ещё выше, над башнями, на флагштоках реяли жёлто-чёрные римские знамена, под которыми стоял кровавый центурион Назарета Руфус со всем своим войском. Ниже располагались его лошади, собаки, верблюды, рабы; и совсем внизу — на дне глубокого высохшего колодца —зелот, чьих волос никогда не касались ножницы, губ — вино, а тела — женщины. И стоило ему потряхнуть головой, как все эти люди, невольники, лошади, башни — вся несправедливая пирамида жизни, громоздящаяся над ним, рухнет. Господь всегда так устраивает: слабый голос вопиющего о справедливости дрожит у подножия трона зла, но он бывает услышан.

Этот zelot был одним из последних отпрысков древнего рода Маккавеев. Господь Израиля держал свою руку над его головой, охраняя это святое семя от вымирания. Когда Ирод, старый царь Иудеи, приказал вымазать бунтовщиков смолой и поджечь, как факелы, за то, что они сорвали золотого орла, которого он прикрепил к дверям Храма, тогда из сорока одного заговорщика были пойманы сорок, а зачинщик чудом бежал. Говорили, что Бог Израиля поднял его за волосы и спас — это и был тот самый zelot, праправнук Маккавеев.

Многие годы он скитался по горам, сражаясь за освобождение Святой земли, дарованной Господом Израилю. «У нас один Господь — Яхве, — повторял он. — Не платите податей римским мытарям, не бойтесь их идолов, не приносите в жертву тирану цезарю быков и овец! Бог один, и Он — наш. Есть один праведный народ — народ Израиля и один Божий плод на древе земном — Мессия».

Но случилось, что Бог Израиля отвратил от него свое лицо, и он был пойман центурионом Назарета Руфусом. И теперь уже несколько дней в Назарет стекались люди из близлежащих деревень — крестьяне, рыбаки, мастеровые. Туманные двусмысленные слухи перебегали от дома к дому, от лодки к лодке, настигая прохожих на дорогах: «Зелота собираются распять. С ним тоже покончено». Однако, то и дело текст переиначивали: «Привет вам, братья! Спаситель пришёл! Берите пальмовые ветви и — в Назарет, приветствовать его!»

Старый раввин кричал, сидя на плечах рыжебородого и указывая на крепость:

— Он пришёл! Он пришёл! В этом высохшем колодце нас ждет Мессия! Нас — народ Израиля! Вперёд, ломайте двери, освободите Спасителя, чтобы он мог нас спасти!

— Во имя Бога Израиля! — взревел Варава и выхватил нож.

Люди закричали, засверкали кинжалы, дети стали заряжать свои пращи, и все во главе с Вараввой кинулись на железные ворота. Все были настолько ослеплены неземным сиянием Господа, что никто не обратил внимания на низенькую дверцу, расположенную в стороне, которая со скрипом открылась и выпустила бледную как смерть, залитую слезами Марию Магдалину. Пожалев осужденного, она пришла к нему ночью, чтобы подарить ему высшую радость, сладчайшую из всех известных миру. Но он был из тех непоколебимых zelотов, которые поклялись, что пока оковы не спадают с Израиля, им не суждено стричь своих волос, пить вина и спать с женщинами. Целую ночь Магдалина просидела напротив него, но его взгляд был устремлен на Иерусалим. В дальней дали он видел не покорённый Иерусалим, но святой Иерусалим будущего с его семью победоносными вратами, семью ангелами-хранителями и поверженными сорока девятью народами, лежащими у его подножия. И, прикинув горячечной головой к прохладной груди будущего Иерусалима, обреченный чувствовал, как отступала смерть и мир наполнялся радостью. Он смежил веки, держа Иерусалим в своих ладонях, и думал лишь об одном о Боге Израиля. Всю ночь ласкал zelот Иерусалим на своих коленях, строя в душе своей Царство Божие, но не из облаков и ангелов, а такое, какое хотелось именно ему, — теплое зимой и прохладное летом, полное плодов земли и счастливых человеческих тварей.

Старый раввин заметил свою дочь, выходящую из казармы, и отвернулся — она поправа всю его жизнь. Как его богобоязненное тело могло породить на свет блудницу? Какой дьявол, какие роковые страдания толкнули её на путь позора? Однажды, вернувшись с праздника в Кане, она проплакала всю ночь, крича, что убьет себя, а потом разразилась приступами смеха, подвела глаза, нарумянила щёки, надела все свои драгоценности и отправилась прогуливаться по улицам. А затем и вовсе покинула

отчий дом, открыв лавку в Магдале, на перекрестке дорог, мимо которого проходили все караваны.

Со всё ещё распахнутой на груди одеждой она бесстрашно шла навстречу толпе. Краска стерлась с её щёк и губ, глаза были заплаканы. Заметив отвернувшегося отца, она грустно улыбнулась. Она давно уже забыла, что такое стыд, Божий страх, любовь к отцу, и перестала обращать внимание на косые взгляды людей. Молва говорила, что она одержима семьёю дьяволами, но не дьяволы терзали её сердце, а семь обоюдоострых ножей.

Старый Симеон опять зашёлся в крике, чтобы отвлечь внимание людей от своей дочери. Господь видит её, и этого достаточно — Он ей судья.

— Откройте очи души своей и взирайте на небеса, — выкрикивал он, вертясь на плечах рыжебородого. — Над нами Бог. Небеса разверзлись, армии ангелов на подходе — воздух уже трепещет от голубых и красных крыльев!

Небо блистало. Люди закидывали головы и видели нисходящее в боевых доспехах воинство. Варавва поднял свой клинок.

— Сегодня! Не завтра, сегодня! — взвыл он, и толпа бросилась на крепость. Одни налегли на ворота, поддевая их ломami, другие приставили к стенам лестницы, третьи стали бросать внутрь факелы, чтобы поджечь здание. Но внезапно ворота отворились, и из крепости выехали загорелые, сытые, уверенные в себе всадники. Они с надменным видом подняли пики, и улица мгновенно заполнилась криками людей, бегущих в сторону горы, предназначенной для распятия.

На этой проклятой горе ничего не росло — она была покрыта лишь камнями и колючками, и под каждым камнем чернела запекшаяся кровь. Всякий раз, когда евреи, борясь за свободу, поднимались

против римлян, эта гора покрывалась крестами, на которых корчились мятежники, оглашая столами окрестности. По ночам приходили шакалы и объедали им ноги, а на следующее утро слетались вороны и выклевывали глаза.

Задыхаясь, люди замерли у подножия горы. Римская кавалерия всё прибывала и прибывала, сбивая толпу евреев в одну кучу, вокруг которой выстраивались всадники. Солнце стояло уже почти в зените, но креста ещё не было. Наверху с молотками и гвоздями в ленивом ожидании сидели двое палачей. Вокруг бегали голодные деревенские собаки. Обращенные к вершине лица людей горели под раскалённым небом. Чёрные, как уголья, глаза, носы с горбинкой, ввалившиеся загорелые щёки, грязные пейсы. Жирные женские тела таяли под солнцем, наполняя воздух запахом пота.

Компания рыбаков, пришедшая с Генисаретского озера, по-детски тараща глаза, ждала чуда: когда бессовестные варвары поведут зелота к кресту, он сбросит свои цепи, и с неба слетит ангел с мечом в руках... Они пришли накануне вечером с полными корзинами рыбы. Тела их были обветрены и иссушены солнцем. Продав всё с большой для себя выгодой, они отправились в таверну, да и позабыли, с какой целью пришли в Назарет, и пили во славу женщин, потом поругались и снова помирились, и в полусонном состоянии отправились смотреть на чудо.

Ожидание затянулось, и рыбаки уже изнемогали от усталости, а ударов пикой в спину и вовсе оказалось достаточно, чтобы они пожалели о своем приходе.

— Я думаю, парни, нам пора домой, — произнес один из них, с курчавой седой бородой. Он был силен и крепок для своего возраста, хотя весь его лоб покрывали морщины, делая рыбака похожим на устрицу. — Зелота распнут, как и всех прочих, и, помяните моё слово, небеса не разверзнутся. Нет предела гневу

Господню, впрочем, как и людской несправедливости. Что скажешь, сын Зеведея?

— Я, например, скажу, что нет предела глупости Петра, — со смехом ответил один из его спутников с клочковатой бородой и диким взором. — Прости меня, Петр, но здравого разума под стать твоим сединам ты так и не приобрел. Ты вспыхиваешь от единой искры, но сгораешь так же быстро, как солома. Разве не ты заставил прийти нас сюда? Ты носился, как сумасшедший, от лодки к лодке и кричал: «Бросайте всё, братья! Чудо можно увидеть только раз в жизни! Пошли в Назарет, и мы его увидим!» А теперь тебя пару раз ткнули пикой под ребра, и ты уже верещишь: «Бросайте всё, братья! Пошли домой». Тебя неспроста называют флюгером.

Пара рыбаков, стоявших поблизости, рассмеялась, но пастух, от которого несло козлищами, поднял свой посох и заметил:

— Напрасно ты насмехаешься над ним, Иаков. Даже если он и вправду флюгер, он лучше всех нас — у него золотое сердце.

— Ты правильно сказал, Филипп, золотое сердце, — закивали остальные и потянулись к Петру, чтобы остудить закипавший в нем гнев.

«Ну и пусть, — думал он тем временем про себя, — пусть они считают меня кем угодно, пусть называют флюгером. Может, я и вправду такой — кланяюсь каждому ветерку, но ведь это не оттого, что я трус, просто у меня доброе сердце».

Иаков заметил, как помрачнел Петр, и почувствовал раскаяние. Ему стало неловко, что он так грубо повел себя по отношению к старшему, и, чтобы сменить тему разговора, он спросил:

— Петр, а как твой брат Андрей? Всё там же, в Иорданской пустыне?

— Да, там же, — вздохнул Петр. — Говорят, его крестили, и теперь он питается акридами (7) и диким медом так же, как его учитель. Пусть меня назовут лжецом, но я уже предвижу день, когда он будет бегать по деревням с криками «Кайтесь! Кайтесь! Царство Божие грядет!» — как и многие другие.

Иаков покачал головой и нахмурил свои густые брови.

— С моим ученым братцем Иоанном случилось то же самое. Он отправился в Генисаретскую пустыню, в обитель. Можно подумать, ему не написано было на роду стать рыбаком. Оставил меня одного с двумя стариками и пятью лодками. Как теперь быть — ума не приложу!

— И чего бедняге не хватало? — вздохнул пастух Филипп. — Господь дал ему всё, что можно только пожелать! Что это на него нашло в расцвете лет?

Однако было заметно, как Филипп втайне радуется, что и богатых мира сего поедает червь сомнения.

— Он в одночасье потерял всякий покой, — ответил Иаков, — начал крутиться, вертеться ночи напролет на своей постели, как это бывает с юнцами, когда им нужна женщина.

— Что ж он не женился? Вокруг тьма невест на выданье.

— Он сказал, что ему нужна не женщина.

— А что же?

— Царство Божие — ну так же, как и Андрею.

Мужчины разразились хохотом.

— Да будут они счастливы во веки веков! — воскликнул какой-то старый рыбак, злорадно потирая свои заскорузлые ладони.

В разговор собрался было вмешаться Петр, но не успел он вымолвить и слова, как вокруг раздались крики:

— Смотрите! Римский прихвостень! Римский прихвостень!

Толпа разом обернулась. Внизу, на дороге, показался сын плотника. Дрожа от натуги под тяжестью креста, он медленно карабкался по склону.

— Римский прихвостень! Римский прихвостень! — ревела толпа. — Предатель!

Палачи тоже обернулись на шум и, увидев приближающийся крест, радостно закричали — солнце поджаривало и их. Поплевав на руки, они взяли кирки и принялись копать яму. Толстые гвозди они положили на соседний камень. Приказано было три гвоздя, но они приготовили пять.

Мужчины и женщины, взявшись за руки, образовали цепь, чтобы не дать пройти Иисусу. Магдалина, с трудом вырвавшись из толпы, застыла, не спуская глаз с сына Марии, поднимавшегося в гору. Её сердце разрывалось от горя при воспоминании об их детских играх, когда ему было три, а ей четыре. Какая глубокая тайная радость была им тогда дарована, какое невыразимое счастье! Они одновременно постигли сокровенную тайну: что один из них — мужчина, другая — женщина, два тела, которым предназначено стать единым. Безжалостный Господь разъединил их, но они поняли себя и возжаждали соединиться, сплестись в единое целое. И чем старше они становились, тем острее они ощущали предчувствие этого чуда. В немом восторге взирали они друг на друга, как звери, ожидая того момента, когда голод станет нестерпимым и они бросятся навстречу один другому и соединят то, что разделил Господь. Но Господь снова встал на их пути, и на празднике в Кане, когда её любимый протянул ей розу в знак

обручения, Он опять обрушил свой гнев на их головы, разлучив их ещё раз. И с тех пор...

Глаза Магдалины были полны слез. Она сделала шаг вперёд и оказалась лицом к лицу с Иисусом.

Она склонилась над ним, и её благоухающие волосы скользнули по его обнажённому кровоточащему плечу.

— Римский прихвостень! — прошипела она хриплым придушенным голосом, и её охватила дрожь.

Плотник поднял голову, и на какое-то мгновение взгляд его огромных воспалённых глаз остановился на женщине. Конвульсии подергивали углы его губ, но он тут же опустил голову, и Магдалина так и не смогла рассмотреть, было ли это попыткой улыбки, гримасой боли или страха.

— Где твоё чество? Как ты мог так пасть? — всё ещё склоняясь над ним, сказала она.

Иисус молчал, и вдруг она закричала так, словно услышала его ответ:

— Нет, нет, несчастный, это не Бог, это — дьявол!

Толпа тем временем подалась ещё ближе, окончательно закрыв проход. Какой-то старик, подняв палку, ударил Иисуса по спине. Двое пастухов, спустившихся с Фавора, чтобы вместе со всеми увидеть чудо, укололи плотника своими стрекалами. Нож дергался в руке Вараввы. Но старый раввин вовремя заметил надвигающуюся опасность и, соскочив с плеч рыжебородого, поспешил на помощь своему племяннику.

— Остановитесь, дети мои! — возопил он. — Большой грех становится на пути Господа. Не делайте этого. Всё, что предписано, должно совершиться. Расступитесь. Пропустите крест

— он послан Господом. Пусть палачи готовят свои гвозди. Пусть апостол Адоная взойдет на крест. Не бойтесь! Веруйте! Закон Господа таков, что нож должен пройти сквозь плоть и коснуться сердца. Иначе не будет чуда! Послушайте своего старого учителя, дети мои! Я говорю вам правду. У человека не вырастут крылья, пока он не дойдет до края бездны!

Пастухи опустили палки, камни выпали из рук, люди расступились, уступая дорогу промыслу Господа, и сын Марии двинулся дальше. Было слышно, как внизу, в оливковой роще стрекочут кузнечики. Голодная собака оглашала гору залиvistым лаем. В толпе раздался крик, и какая-то женщина в фиолетовом платке начала падать, теряя сознание.

Петр стоял с открытым ртом и выпученными глазами, не спуская глаз с сына Марии. Он знал его. Когда-то они жили в Кане, по соседству с Марией, и её престарелые родители Иоахим и Анна были друзьями родителей Петра, святыми людьми. Ангелы часто посещали их дом, а однажды ночью соседи видели кого-то, переодетого нищим, на их пороге. Все уверились, что это сам Господь: дом дрожал, как при землетрясении, когда Он вошёл в него; а через девять месяцев произошло чудо — старуха Анна родила Марию. Петру было тогда не больше пяти лет, но он прекрасно запомнил это великое событие, которое отмечала вся деревня: все бежали с поздравлениями, несли муку, молоко, мед, финики и детскую одежду — подарки матери и её младенцу. Мать Петра была повитухой. Она кипятила воду, бросала в неё щепотки соли и купала хныкавшего младенца. И вот мимо него шёл сын той самой Марии с крестом на плечах, и все собравшиеся плевали на него и бросали в него камни. Петр глядел и чувствовал, как в сердце его поднимается жалость: какая несчастная судьба. Бог Израиля безжалостно выбрал его, сына Марии, строгать кресты, чтобы на них распинали пророков. «Господь всемогущ, — с

трепетом подумал Петр. — Он мог выбрать меня, но выбрал сына Марии...» Волнение улеглось, и теперь Петр взирал на сына Марии с глубокой благодарностью за то, что он взвалил греховное дело на свои плечи, избавив от него других.

Пока всё это проносилось в голове Петра, сын Марии пошатнулся и замер.

— Я устал, устал, — пробормотал он и оглянулся в надежде хоть на что-нибудь опереться, будь то человек или камень. Но вокруг были видны лишь воздетые к небу кулаки и источавшие ненависть глаза. На мгновение ему показалось, что он слышит шорох крыльев над головой, и душа его воспрянула. Может, Бог смилостивился над ним в последний момент и послал ангелов на помощь? Он поднял глаза и увидел над собой стаю ворон. Ярость охватила его. С упрямой решимостью он шагнул вперед, решив во что бы то ни стало добраться до вершины. Но камень из-под ноги сорвался вниз, плотник споткнулся, потерял равновесие — и тут Петр, рванувшись вперед, подхватил его под руки и, взяв крест, взвалил его на собственные плечи.

— Позволь мне помочь тебе. Ты устал, — смиренно произнес рыбак.

Сын Марии повернулся и посмотрел на Петра, но узнать его не смог. Весь этот путь представлялся ему одним сплошным кошмаром. Но теперь плечи его стали свободны, и ему показалось, что он парит, как парят во снах. «То был не крест, — подумал он, — то была пара нераскрывшихся крыл!» И утерев пот со лба, он уверенно двинулся за Петром.

Языки раскалённого воздуха, как пламя, вились над камнями. Собаки, приведенные палачами, лежали, вытянув свои откормленные тела у края ямы, которую рыли их хозяева. Бока их ходили ходуном, с трясущихся языков стекала влага. Казалось, в

этом пекле можно было расслышать, как закипают мозги. Границы реальности расплывались: добро и зло, крест и крылья. Господь и человек — всё смешалось воедино.

Добросердечные женщины привели Марию в чувство, и, едва открыв глаза, она увидела своего босого изможденного сына — он был уже почти на вершине. Но перед ним шёл ещё кто-то, неся на плечах крест. Вздых вырвался из её груди, и она обернулась как бы в поисках поддержки. Заметив своих соседей и рыбаков, она направилась было к ним, чтобы на кого-нибудь опереться, — но слишком поздно. Со стороны цитадели раздался рев трубы, новая группа всадников, вздымая тучи пыли, принялась прокладывать дорогу в толпе, и прежде чем Мария успела встать на камень и рассмотреть, что происходит, уже подскакали всадники в красных одеждах и бронзовых шлемах, и горделивые холеные лошади начали теснить евреев.

Наконец появился мятежный zelot. Руки его были связаны сзади, туника разорвана, длинные волосы приклеились к плечам, слипшись от пота и крови. Взгляд неподвижных глаз был устремлен вперёд.

Народ вздрогнул при виде его. Кто он? Человек? Ангел? Или в этом отрепье скрывался дьявол, чьи сжатые губы хранили неведомую страшную тайну? ещё раньше старый раввин подговаривал народ, что как только осужденный появится, они все вместе изо всех сил запоют псалом Давида «Господи, Боже мой! На Тебя я уповаю», чтобы придать ему мужества. Но теперь слова застревают в глотках — люди чувствовали, что этот человек не нуждается в ободрении. Он был выше мужества — непобедимый, несломленный, — даже связанные за спиной руки символизировали свободу. С благоговейным ужасом народ взирал на него.

Чуть впереди ехал центурион, к седлу которого была приторочена веревка, на которой вели зелота. Руфус давно боролся с евреями, и лицо его покрылось тёмным загаром под этим южным солнцем. Уже десять лет, как он ставил кресты и распинал иудеев, затыкал камнями и грязью их рты — но всё напрасно. Не успевал он казнить одного, как сотни других распевали наглые псалмы своих древних царей в ожидании, когда расправятся с ними. Они не боялись смерти. Их собственный Бог, требовавший крови и обрезания новорожденных мальчиков, был жесток, их собственный Закон призывал к жертвенности. Римлянин не мог понять их, не мог заставить подчиниться. Они не боялись смерти, а тот, кто не боится смерти, — об этом центурион часто размышлял здесь, на Востоке, — тот бессмертен.

Натянув поводья, он остановил лошадь, окинул взглядом толпу — изможденные лица, горящие глаза, грязные бороды, сальные клочья волос — и брезгливо сплюнул. Если бы он только мог уехать отсюда! Если бы он только мог снова вернуться в Рим, в Рим — с его многочисленными термами, его театрами и цирками, его ухоженными женщинами. Он ненавидел Восток — его запахи, его грязь, его евреев.

Палачи утирали пот — они уже установили крест. Сын Марии опустил на камень и тупо смотрел на крест, на людей, на центуриона, слезавшего с лошади перед толпой, и ничего не различал, кроме моря голов, шевелящихся под раскалённым небом. Петр наклонился к нему и начал что-то говорить, но все звуки для Иисуса слились в сплошной шум набегавших валов людского ропота.

По знаку центуриона зелота развязали. Мятежник спокойно сделал несколько шагов в сторону, потер руки, чтобы восстановить кровообращение, и начал раздеваться. Магдалина, проскользнув между лошадей, попробовала было приблизиться к нему, но он

жестом остановил её. Толпа беззвучно расступилась перед худой старухой, которая, подойдя, обняла его. Зелот склонил голову, поцеловал обе её руки, прижал к своей груди и отвернулся. Старуха постояла и, наконец, пробормотала:

— С тобой моё благословение.

Затем она отошла и прислонилась к камню, в скудной тени которого лежали собаки.

Центурион снова вскочил в седло, чтобы все могли видеть и слышать его. Взмахнув кнутом, чтобы успокоить толпу, он начал:

— Слушайте меня, евреи! Говорит Рим! Тихо!

Он указал пальцем на зелота, который уже снял свое тряпье и спокойно ждал смерти под палящим солнцем.

— Этот человек, который стоит теперь обнажённым перед вами, поднял руку на Рим. Ещё в юности он срывал римские знамена, потом ушёл в горы и подстрекал вас всех объединиться и поднять мятеж, говоря, что пришёл день и среди евреев родился царь, который уничтожит Рим!.. Заткнитесь! Прекратите свой крик!.. Мятежи, убийства, оскорбления — вот его преступления. А теперь слушайте, евреи, слушайте, что я спрошу вас! Я хочу, чтобы вы сами вынесли ему приговор. Какого наказания он заслуживает?

Он скользил глазами по толпе, замершей внизу, и ждал. Народ впал в смятение. Раздался общий могучий крик, и, подминая спотыкавшихся, людской вал двинулся на центуриона, но, едва достигнув копыт его лошади, толпа, словно набежавшая волна, в ужасе начала откатываться назад.

Центуриона охватил гнев. Пришпорив лошадь, он рванулся на толпу.

— Я спрашиваю вас, — взревел он, — какое будет наказание мятежнику и убийце? Какое наказание?!

Рыжебородый в неистовстве подался вперёд, не в силах более сдерживаться. Он уже собрался прокричать: «Да здравствует свобода!» — но его приятель Варавва вовремя заткнул ему рот.

Наступило долгое молчание, нарушавшееся лишь приглушенным рокотом. Никто не осмеливался заговорить, лишь вздохи и роптанья вырывались из тысяч грудей. И вдруг над толпой раздался высокий резкий голос. Все обернулись испуганно и радостно одновременно. Старый Симеон возвышался над толпой, сидя на плечах рыжебородого. Воздев руки, словно собираясь молиться или насылать на кого-то проклятия, он страстно выкрикнул:

— Ты спрашиваешь, какое наказание? Царскую корону!

Народ зашумел, чтобы заглушить его голос. Центурион не расслышал.

— Что ты сказал, старик? — прокричал он, поворачивая лошадь и прикладывая ладонь к уху.

— Царскую корону! — завопил раввин изо всех сил. Его лицо сияло, тело горело, словно в огне, — он приподнялся на плечах кузнеца, будто собирался взлететь.

— Царскую корону! — закричал он снова, счастливый оттого, что стал гласом своего народа и своего Господа, и раскинул руки, будто распятый в воздухе.

Центурион рассвирепел. Соскочив с лошади и вытащив кнут, тяжёлыми шагами он стал приближаться к толпе. Он шёл, словно огромное сильное животное, не спеша, поддавая ногой камни. Люди ждали, затаив дыхание. И снова все звуки отступили, кроме стрекота кузнечиков в оливковой роще да нетерпеливого грая ворон.

Руфус сделал два шага, затем ещё один и остановился. В нос ему ударила вонь, исходившая из полуоткрытых ртов и от потных полуобнажённых тел. Евреи! Он прошёл ещё чуть-чуть и оказался перед раввином. Старик глядел на него сверху вниз с плеч кузнеца, и победоносная улыбка освещала его лицо. Всю свою жизнь он мечтал об этом моменте, и вот он наступил — сейчас он тоже будет убит, как пророки.

Центурион глядел на него, полуприкрыв глаза. Огромным усилием воли он сдержал свою руку, которая уже поднялась, чтобы одним ударом разбить голову старого бунтаря. Но он смирил свою ярость, чувствуя, что не в интересах Рима убивать старика. Этот проклятый беспокойный народ снова поднимется и начнет партизанскую войну — зачем Риму ворошить осиное гнездо? Взяв себя в руки и смотав кнут, центурион обратился к раввину. Голос его был хрипл.

— Старик, твоя персона достойна почтения лишь потому, что я — Рим — оказываю ей это почтение, сама по себе она ничего не значит. Вот почему я не подниму свой кнут. Я слышал тебя — ты вынес свой приговор. Теперь я вынесу свой.

Он обратился к цыганам, которые в ожидании стояли по обеим сторонам креста, и рявкнул:

— Распните его!

— Я вынес приговор, — спокойно заметил раввин, — и то же сделал ты, центурион. Но остается ещё одно, самое важное лицо, которое тоже должно вынести свой приговор.

— Цезарь?

— Нет... Бог.

Центурион рассмеялся:

— Я — глас цезаря в Назарете, цезарь — глас Бога на земле. Бог, цезарь и Руфус вынесли приговор.

И повернувшись, он выхватил кнут и начал подниматься по склону, яростно хлеща камни и колючки, попадавшие под ноги. Старик вытянул руки к небесам:

— Да осыпет Господь твою голову грехами, сатана, головы твоих детей и детей твоих детей!

Тем временем легионеры окружили крест. Люди внизу вставали на цыпочки. Всех охватила дрожь нетерпения — свершится чудо или нет? Женщины уже начинали различать цветные крылья в воздухе. Раввин, сидя на широких плечах рыжебородого, силился что-нибудь разглядеть между воинами на месте казни. Из всех сил напрягая зрение, он смотрел и смотрел на пределе надежды и отчаяния, смотрел и молча ждал. Старый священник хорошо знал Завет, данный Богом Израилю. Бог был безжалостен, у Него были строгие законы, строгие десять заповедей. Да, Он обещал и Он сдержит слово, но Он не спешил — у Него была своя мера времени. Проходили века за веками, а Его Обетование оставалось обетованием, не спускаясь на землю. Но когда оно спустится — горе, трижды горе тому, на кого падет Его перст! В скольких местах Святого Писания в удел богоизбранным доставалась мученическая смерть, а Господь даже пальцем не шевелил, чтобы спасти их. Почему? Почему? Разве они не следовали его воле? Значит, воля Его такова, чтобы их убить? Симеон снова и снова задавал себе эти вопросы, но не осмеливался на них отвечать. «Господь — бездна, — думал он, — бездна. И лучше не подходить к её краю!»

Сын Марии, обхватив свои дрожащие колени руками, всё так же неподвижно сидел на камне. Палачи схватили зелота, подошла римская стража, и все они, толкаясь, смеясь и ругаясь, принялись

втаскивать мятежника на крест. Собаки, тут же сообразив, что означает эта возня, вскочили.

Старуха-мать отошла от камня, на который она опиралась, и подошла ближе.

— Мужайся, сын мой, — прокричала она. — Не стони, не позорь нас!

— Это мать zelota, — пробормотал старый раввин, — в ней течет кровь Маккавеев.

Под мышками страдальца пропустили толстые веревки. К обоим крылам креста палачи приставили лестницы и начали медленно поднимать осужденного. Под тяжестью его большого тела крест внезапно накренился и чуть не упал. Центурион ударил ногой сына Марии, и тот поднялся, взял кирку и принялся укреплять крест, вбивая камни как клинья.

Это окончательно подкосило Марию. Сгорая со стыда от того, что сын её оказался среди палачей, она собралась с силами и принялась протискиваться через толпу. Рыбаки Генисарета из жалости сделали вид, что не узнают её. Она уже почти достигла легионеров, когда сердобольная соседка схватила её за руку:

— Мария, не делай этого. Куда ты идешь? Они убьют тебя.

— Я хочу увести оттуда своего сына, — промолвила Мария и разрыдалась.

— Не плачь, Мария, — произнесла старуха. — Взгляни на другую мать. Она стоит и молча смотрит, как распинают её сына. Смотри на неё и крепись.

— Ах, соседка, я плачу не только по своему сыну, но и по ней тоже.

Старуха, немало испытавшая за свою жизнь, лишь покачала своей лысеющей головой и пробормотала:

— Лучше быть матерью того, кто распинает, чем того, кого распинают.

Но Мария не слышала её. Сквозь пелену слез ей казалось, что плач стоит повсюду. В тумане вокруг неё двигались лошади, поблескивали железные доспехи, и надо всем от земли до неба возвышался свежевытесанный крест.

Один из всадников обратил на неё внимание и, приподняв пику, сделал ей знак отойти. Мария остановилась и, склонившись, заглянула под брюхо лошади. Тут-то она и увидела своего сына — стоя на коленях, он укреплял крест камнями.

— Дитя моё, Иисус! — воскликнула она.

Этот душераздирающий материнский крик был таким пронзительным, что заглушил гомон людей, ржание лошадей и лай голодных собак. Сын обернулся и увидел свою мать. Лицо его потемнело, и он с ещё большим ожесточением продолжил работу.

Палачи уже подтянули зелота на крест и теперь привязывали его к перекладине, чтобы он не соскользнул вниз. Затем взяли гвозди и начали приколачивать его руки. Тяжёлые капли жаркой крови упали на лицо Иисуса. Уронив кирку, он в ужасе отступил назад и, пятясь за спины стражников, вдруг оказался рядом с матерью человека, который должен был сейчас умереть. Вся его кровь прилила к рукам, вены набухли, грозя разорваться, а ладони горели от такой нестерпимой боли, словно в них тоже были вбиты гвозди.

— Иисус, дитя моё! — снова прозвенел голос его матери.

Дикий, нечеловеческий крик сорвался с креста:

— Адонай!

Кто это кричал? Весь народ? Или сама земля? Нет, то был человек на кресте, когда в него вколотили первый гвоздь. Вопли и стенания

затопили всё вокруг — теперь кричали уже все, словно слившись в одном теле на кресте. Кровь лилась, брызжа во все стороны. Большая горячая соленая капля упала на губы Иисуса. Он покачнулся, но Мария успела подбежать и прижать его к себе.

— Мальчик мой... Иисус... — прошептала она.

Глаза его были закрыты. Невыносимая боль пронзила руки, ноги и сердце.

Старуха, не шелохнувшись, взидала на агонию своего пригвождённого сына. Закусив губы, она молчала, пока не услышала за спиной голос матери Иисуса. Гнев обуял её сердце, и она обернулась. Вот он, этот отступник, сделавший крест для её сына, а вот — мать, выносившая его в своем чреве. Почему он, предатель, почему он остается жить, когда её сын кричит и извивается на кресте? Она подошла ближе к сыну плотника и простерла над ним руки. Он поднял глаза и увидел её — она была бледна и беспомощна. Иисус опустил голову.

— Я проклинаю тебя, — хрипло произнесла она. — Я проклинаю тебя, сын плотника! Да будешь ты распят так же, как сейчас распинаешь другого! И тебе, Мария, я желаю пережить такую же боль, какую я переживаю сейчас!

Вымолвив это, она отвернулась и вновь устремила взор на своего сына. У подножия креста стояла Магдалина, обняв ноги зелота, руки и волосы её были залиты кровью, а из горла вырывались хриплые звуки погребальной песни.

Палачи делили одежду распятого, решая с помощью игральных костей, кому что достанется. Оставшуюся головную повязку, залитую кровью, они решили отдать Иисусу.

— Оставим её сыну плотника. Бедняга, он тоже неплохо потрудился.

Они нашли его сидящим на солнце. Его била дрожь.

— Это твоя доля, плотник, — крикнул один из них, бросая повязку.

— Желаю, чтобы это распятие было не последним! — Вплоть до твоего собственного, плотник! — рассмеялся другой и небрежно похлопал его по плечу.

ГЛАВА 5.

— Пойдёмте, дети мои! — воскликнул старый раввин, распахивая свои объятия, словно желая собрать в них всю свою отчаявшуюся паству. — Идемте! Я должен открыть вам одну тайну. Мужайтесь!

Люди бросились бегом по узким улицам — сзади наседали всадники. Женщины кричали и захлопывали двери своих домов, чувствуя, что этот день ещё не насытился кровью. Старый раввин дважды падал на ходу, поднимался и отхаркивал кровавые сгустки, пока Иуда и Варавва не подхватили его на руки. Люди в панике бежали к синагоге. Набившись до отказа внутрь и заполнив двор, они задвинули засов на воротах.

Теперь все с нетерпением смотрели на раввина. Какую тайну раскроет им старик, чтобы укрепить их сердца в этот горестный час? Уже многие годы несчастье следовало за несчастьем, распятие за распятием. То и дело появлялись Божьи посланцы из Иерусалима, с Иордана, из пустыни, они спускались с гор в рубище и босые — и все они были распяты.

Гул недовольства прокатился по толпе. Пальмовые ветви, украшавшие стены, священные свитки с возвышенными словами — «избранный народ», «Обетованная земля», «Царство Божие», «Мессия» — всё это больше не могло привнести мир в их сердца.

Слишком долго питаемые надежды выливались в отчаяние. Бог не торопился, зато человеку было куда спешить — и человеческое терпение уже иссякало. И воплощенные в настенной росписи синагоги мечты уже не в силах были обмануть людей. Когда-то стены расписал сам раввин.

Однажды, когда он читал письма пророка Иезекииля, на него снизошло божественное «видение» — раввин вскочил, принялся кричать, рыдать, плясать, но оно не покидало его. Слова пророка вошли в его душу. И чтобы найти выход этому наваждению, он взял кисти и краски, заперся и в божественном экстазе расписал стены видениями пророка: безбрежная пустыня, черепа и кости, человеческие скелеты, а наверху — как раскалённое железо, огромное красное небо. Протянувшаяся с неба гигантская рука держала Иезекииля в воздухе. Роспись шла и по другой стене. Здесь Иезекииль стоял на коленях среди костей, его уста зелёного цвета были широко раскрыты, и из них струилась лента, на которой было запечатлено красным: «Народ Израиля, народ Израиля, Мессия пришёл!» Оскалив зубы, поднимались черепа, покрытые тленом, сочленялись разрозненные кости, а протянувшаяся с небес гигантская рука держала на своей ладони новый Иерусалим — свежестроенный, ярко освещенный, блистающий рубинами и изумрудами.

Люди глядели на эту живопись и в сомнении качали головами.

— Что вы там бормочете? — гневно воскликнул раввин. — Вы не верите в Бога наших отцов? Сегодня распят ещё один человек — значит, Спаситель ещё на один шаг ближе к нам. Вот что означает это распятие, маловерные!

Он схватил с кафедры свиток и резко развернул его. Через открытое окно в синагогу ворвалось солнце, с неба спустился жаворонок и уселся на крышу соседнего дома, словно тоже

вознамерившись послушать. И из больной старой груди раввина вырвался торжествующий победный вопль:

— Трубите победу в Сионе! Радостные вести несите в Иерусалим! Ликуйте! Яхве пришёл к своему народу! Вставай, Иерусалим! Гляди! С запада и востока Господь сзывает твоих сыновей! Горы сравнялись с землей, деревья разливают аромат своих цветов! Счастье пришло к народу Израиля отныне и во веки веков!

— Когда? Когда? — закричали из толпы. Все обернулись на голос.
— Когда, рабби (8), когда? — повторил сморщенный, как сушеная смоква, худой старик, вставший на цыпочки, чтобы его заметили.

Раввин гневно скрутил свиток.

— Ты так торопишься, Манассия?

— Да, — ответил старик, и слезы побежали по его лицу. — У меня не осталось времени, я скоро умру.

Раввин протянул руку и указал на картину.

— Гляди, Манассия! Ты воскреснешь!

— Говорю тебе — я стар и слеп. Я ничего не вижу.

Но тут вмешался Петр. День подходил к концу; по ночам Петр выходил за рыбой на озеро, и теперь надо было поспешать.

— Рабби, — промолвил он, — ты обещал раскрыть нам тайну; чтобы успокоить наши души. Что это за тайна?

Затаив дыхание, все столпились вокруг старого раввина. Даже со двора, кто смог, протиснулись в синагогу, где стояла страшная жара, пропитанная тяжёлым запахом людского пота.

Чтобы не задохнуться, старому раввину пришлось взобраться повыше на кафедру.

— Дети мои, — начал он, утирая пот, — с нас довольно распятий. Моя чёрная борода давно уже поседела, из седой она стала белой, мои зубы повыпали. То, что выкрикнул сегодня старый Манассия, рвется из моей груди уже много лет: сколько ещё ждать, Господи? Сколько же? Неужели я умру, не увидев Мессию? Много раз я задавал этот вопрос, и однажды ночью свершилось чудо: Господь ответил мне... Нет, это не было чудом. Господь всегда отвечает, когда мы спрашиваем Его, это мы глухи и зачастую не слышим Его ответов. В ту ночь я услышал, и это-то и было чудом!

— Что же ты услышал? Расскажи нам, отец! — воскликнул Петр. Локтями он проложил себе путь к кафедре, и старик, склонившись, улыбнулся, глядя на него.

— Господь, Петр, такой же рыбак, как и ты. Он тоже выходит рыбачить по ночам, когда стоит полная луна. Той ночью луна была полной, она плыла в небе белая, как молоко, и такая величественная, что я не мог сомкнуть глаз. Дом казался мне тесен. По узким улицам я вышел из Назарета, поднялся по скалам и направился на юг, к святому Иерусалиму. Луна склонялась и смотрела на меня, как улыбающийся человек, я тоже смотрел на неё — на её рот, щёки, глаза — и вздыхал. Я чувствовал, что она говорила со мной, обращаясь ко мне из тишины ночи, но я ничего не мог расслышать. Ни единая травинка не шевелилась на земле, долина пахла хлебом и молоком... «Это ночь Господа, — подумал я. — Эта полная луна — Его ночной лик. В будущем Иерусалиме все ночи будут такими». И как только мне пришло это в голову, я почувствовал, что глаза у меня наливаются слезами. Страх и уныние охватили мою душу. «Я уже стар! — воскликнул я. — Неужели мне не доведется испытать радость, когда явится Мессия?!» Я вскочил — меня снова охватило божественное неистовство. Содрав с себя одежды, я предстал пред Господом, каким меня родила мать. Я хотел показать Ему, как я стар, как я дрожу на ветру, словно

фиговый лист осенью, как виноградная лоза, объединенная птицами. Я хотел, чтобы Он увидел меня, сжалился надо мной и поспешил. И пока я так стоял обнажённым перед Господом, я почувствовал, как в моё тело проникает лунный свет и оно превращается в дух. И тогда я услышал Его голос — не снаружи, не сверху, но изнутри. Внутри себя! Истинный голос Господа всегда приходит к нам изнутри наших собственных душ. «Симеон, Симеон, — услышал я. — Я не дам тебе умереть, пока ты не увидишь Мессию, не услышишь его голоса, не прижмешь его к своему сердцу!» — «Господи, скажи это ещё раз!» — закричал я. «Симеон, Симеон, Я не дам тебе умереть, пока ты не увидишь Мессию, не услышишь его голоса, не прижмешь его к своему сердцу!» Меня охватило такое счастье, что я чуть не сошёл с ума. Совершенно голый, я принялся плясать под луной, хлопая в ладоши и притоптывая ногами. Я не знаю, сколько это длилось — секунду или вечность, но наконец я получил то, чего хотел, — я обрел покой. Одевшись и подпоясавшись, я стал спускаться к Назарету. При виде меня на крышах закричали петухи, возвещая о приходе утра. Небо сияло, просыпались птицы, открывались двери домов. Моя лачуга тоже вся сверкала. Деревья, скалы, люди, птицы — всё было пронизано духом Господа, всё вокруг меня говорило о Его присутствии. Даже кровосос центурион замер при виде меня: «Что с тобой, Симеон? Ты полыхаешь как факел. Смотри, не спали Назарет!» Но я ничего ему не ответил, я не хотел осквернить им свое дыхание. Я долго держал это в тайне. Ревниво и гордо я радовался про себя и ждал. Но сегодня, в этот чёрный день, когда новый крест вбит в наши сердца, я не могу больше молчать. Мне жаль народ Израиля. Поэтому я и поведал вам эту радостную весть: Он идёт. Он уже близко. Может, Он только остановился у колодца, чтобы испить воды, или захотел подкрепиться свежим хлебом у какого-нибудь очага. И не важно, где Он, Он скоро придёт, ибо так сказал Господь, а то, что Он говорит, — сбывается. «Симеон, ты не умрешь, пока не

увидишь Мессию, пока не услышишь его голоса, не прижмешь его к своему сердцу...» С каждым днем я чувствую, как убывают мои силы, но чем меньше их остается, тем ближе к нам Спаситель. Мне уже восемьдесят пять! Ему нужно торопиться!

Из толпы выскочил лысый косоглазый старик — кожа да кости. Похоже было, что кто-то забыл добавить дрожжей, когда замешивали его плоть.

— А что, если ты проживешь тысячу лет, рабби? А что, если ты вообще не умрешь? Такое уже бывало. Енох и Илия до сих пор живы! — Его хитрые глазки забежали из стороны в сторону.

Раввин сделал вид, что не расслышал этого, но то, что ехидно сказал косоглазый, ножами впилося ему в сердце.

— Я хочу остаться один с Господом, — величественно поднял руку служитель. — Уходите все!

Толпа рассеялась, синагога опустела. Старый раввин запер наружную дверь и глубоко задумался, прислонившись к стене, на которой пророк Иезекииль был изображен парящим в воздухе. «Господь есть Господь, и Он всемогущ. Он поступает, как ему заблагорассудится. А если этот разбойник Фома прав? Горе мне, если Господь положил мне тысячу лет! А если Он решит, чтобы я жил вечно... тогда Мессия... Неужели все надежды народа Израиля напрасны? Тысячи лет мы лелеяли в чреве своем Слово Божье, как мать лелеет свое дитя. Мы отдавали на растерзание свою плоть и кровь, живя лишь ради одного этого Сына. Но наступило время родовых схваток; семя Авраама взывает к тебе, о Господи! Дай ему жизнь, Боже, дай ему наконец жизнь! Ты — Бог, ты можешь ждать, мы больше не можем! Смилуйся!»

Он расхаживал в смятении по синагоге. День клонился к вечеру. Симеон глядел, как темнота заполняет синагогу, и внезапно перед

его взором пронеслось всё, что он перевидал и вынес за свою жизнь. Сколько раз и с какой страстью он пускался из Галилеи в Иерусалим, из Иерусалима в пустыню в поисках Мессии! Но каждый раз его надежды рушились, и, посрамленный, он снова возвращался в Назарет. Сегодня же...

Он обхватил голову руками.

— Нет-нет, — забормотал он в ужасе, — нет-нет, этого не может быть.

Уже несколько дней и ночей голова его шла кругом от новой посещавшей его надежды — такой невероятной, что рассудок отказывался ей верить. Нет, это была безумная мысль. Однако она посещала его не в первый раз. Уже многие годы она всё глубже и глубже вгрызалась в его душу. Он прогонял её, но она возвращалась снова. И никогда ещё эта мысль не осмеливалась появляться при свете дня — лишь в ночной тьме или в снах. Сегодня же, сегодня — в полдень!.. Неужели... он?

Раввин прислонился к стене, закрыл глаза и снова увидел, как мимо него медленно, задыхаясь, с крестом на спине идёт Иисус в ореоле колеблющегося воздуха, словно архангел... Вот он поднял глаза — никогда ещё старик не видел такого божественного взгляда у человека! Может, он и есть...

— Господи, Господи, — запричитал Симеон, — зачем Ты меня мучаешь? Почему Ты не отвечаешь?

Пророчества, словно всполохи молний, проносились у него в голове, то освещая всё божественным светом, то погружая во мрак безысходности. Врата его памяти распахнулись, и из неё чередой вышли патриархи и пророки. И снова его стойкий негибемый народ во главе с Моисеем — крутолобым овном — пускался в бесконечный путь из земли рабства в землю Ханаана, из земли

Ханаана к будущему Иерусалиму. Но во главе этого нового исхода раввин видел уже не Моисея, а того, другого, с крестом на плече...

Он бросился к двери и распахнул её. Ветер ударил ему в лицо, и он глубоко вдохнул свежий воздух. Солнце село; птицы смолкли. Узкие улицы заполнились тенями, земля остывала. Раввин запер дверь и засунул тяжёлый ключ за пояс. На какое-то мгновение решимость оставила его, но он совладал с собой и, наклонив голову, направился к дому Марии.

Мария сидела, на высокой табуретке во дворе и пряла. На улице всё ещё было светло: летний свет медленно переползал на землю с её лица и не хотел уходить. Крестьяне возвращались с полевых работ. Женщины разжигали очаги для вечерней трапезы, и аромат горящего дерева наполнял прохладный воздух. Мария пряла, и вместе с веретеном мысли её бежали то в одну сторону, то в другую. Воспоминания и мечты мешались: вся её жизнь представлялась ей полуправдой-полусказкой.

«Господи, возьми меня куда угодно, делай со мной всё, что хочешь. Ты выбрал мне мужа, Ты подарил мне сына, Ты дал мне страдания. Ты велел мне кричать, и я кричала, сказал молчать — и я не проронила ни звука. Кто я, Господи? Горстка пепла в Твоих руках, которую Ты пересыпаешь из ладони в ладонь. Делай, что хочешь! Я прошу Тебя только об одном — Господи, пощади моего сына!»

С противоположной крыши слетел белоснежный голубь и, забив крыльями над её головой, с достоинством опустился на булыжники, которыми был вымощен двор. Склонив голову и взглянув на Марию одним глазом, он принялся методично расхаживать туда и обратно у её ног, то выгибая шею, то распуская хвост. Его круглые глазки поблескивали в вечернем свете, как рубины, и смотрели на неё так выразительно, словно он хотел

сообщить ей что-то. «Ах, если бы зашёл старый раввин. Он понимает знамения, приносимые птицами, он бы объяснил мне...» Она с сочувствием взглянула на голубя и, отложив веретено, принялась подзывать птицу нежным голосом. Голубь вспорхнул и, довольный, опустился на её колени. И там, словно вся его цель только и заключалась в том, чтобы достичь этих коленей, он заворковал, сложил крылья и замер.

Мария блаженно улыбнулась, чувствуя его сладкую тяжесть. Если бы Господь всегда с такой нежностью нисходил на людей! И тут она вспомнила утро, когда она со своим женихом Иосифом отправилась на гору Святого Илии. Они хотели умолить сурового пророка, чтобы тот выпросил для них у Бога сына. Свадьба должна была состояться в тот же вечер, и они вышли затемно, чтобы успеть получить благословение громонесущего святого. В небе не было ни облачка, стояла прекрасная осень. Урожай был собран, вино настаивалось в погребах, под стропилами домов сохли смоквы. Марии было тогда пятнадцать, её жених был седовласым стариком, но в крепкой руке он держал посох, которому суждено было зацвести.

Они достигли священной вершины ровно в полдень — содрогнувшись и преклонив колена, дотронулись до обагрённого кровью гранита. Ласточка выпорхнула из расселины скалы и наткнулась на руку Марии. Иосиф собрался было уже обратиться к суровому обитателю горы, как вдруг над ними с огромной скоростью собрались свинцово-чёрные тучи и хлынул дождь. Иосиф бросился к своей невесте, чтобы укрыть её под каким-нибудь валуном, но в это мгновение Илия метнул молнию, соединившую небеса с землею, и Мария потеряла сознание. Когда она очнулась, то увидела, что Иосиф ничком лежит на камне без движения...

Мария опустила руку и слегка, чтобы не испугать, погладила голубя.

— Тогда Господь явился ко мне в суровом обличье и был беспощаден со мной. Но что он хотел сказать мне этим? — пробормотала она.

Ее часто расспрашивал старый раввин, который не переставал удивляться бесчисленным чудесам, окружавшим её.

— Постарайся вспомнить, Мария, — говорил он. — Именно так Господь зачастую обращается к людям. Постарайся вспомнить, тогда мы сможем понять судьбу твоего сына.

— Гремел гром, рабби. Он катился с неба, как повозка с горы.

— А кроме грома, Мария?

— Да, ты прав, отец. За громом говорил Господь, но я не смогла разобрать слов. Прости меня.

Лаская голубя, она пыталась вернуться на тридцать лет назад и разгадать тайный смысл происшедшего.

Мария закрыла глаза, ощущая в своей ладони теплое тельце птицы и её бьющееся сердце. И вдруг — она даже не поняла как — гром и голубь слились. Она была уверена — эти удары сердца и те удары грома были одним и тем же — Богом! Она вскрикнула и вскочила, ибо сейчас впервые она разобрала слова, таившиеся и за воркованием голубя, и за тем ударом грома: «Радуйся, Мария... Радуйся, Мария...» Она не сомневалась больше — Господь говорил именно это: «Радуйся, Мария...»

Обернувшись, она увидела своего мужа, сидящего у стены. Уже совсем стемнело, а он всё ещё тужился говорить, обливаясь потом, открывая и закрывая рот. Она ничего не сказала ему и, встав, подошла к дверям взглянуть, не вернулся ли её сын. Последний раз она его видела, когда он, обвязав вокруг головы белый платок зелота, направился вниз, в долину. Куда он пошёл? И почему до сих пор не вернулся? Может, он снова пробудет в полях до рассвета?

Пока она размышляла об этом, стоя на пороге, к ней подошёл старый Симеон. Он тяжело дышал, опираясь на посох. Пряди седых волос на висках раздувались вечерним ветром, спустившимся с горы Кармил.

Мария почтительно отступила, и раввин вошёл в дом. Подойдя к брату, он взял его за руку, погладил её, но ничего не произнес — да и что он мог сказать? Разум Иосифа был погружен в тёмную и глубокую влагу забвения. Затем Симеон снова повернулся к Марии.

— Твои глаза сияют, Мария. В чем дело? К тебе снова приходил Господь?

— Рабби, я вспомнила! — радостно воскликнула Мария.

— Ты вспомнила? Во имя Господа, что ты вспомнила?!

— Те слова во время грома.

— Велик Бог Израиля! — вскричал раввин, вздымая свои высохшие руки. — Для того я и пришёл сюда, Мария, чтобы спросить тебя об этом ещё раз. Сегодня, как ты знаешь, погибла ещё одна наша надежда, и я...

— Я вспомнила, рабби, — повторила Мария. — Сегодня вечером я пряла и снова думала о той молнии, и вдруг я почувствовала, как гром в моей памяти утихает, и я расслышала спокойный чистый голос, голос Господа: «Радуйся, Мария!»

Священник опустился на табуретку и, сжав виски, погрузился в глубокое размышление.

— Это всё, Мария? — спросил он через некоторое время. — Загляни как можно глубже в себя, чтобы не ошибиться. Судьба Израиля может зависеть от того, что ты скажешь.

Услышав это, Мария перепугалась и, дрожа от страха и напряжения, в который раз попыталась услышать сказанное ей тогда.

— Нет, — наконец, полностью обессилив, вымолвила она, — нет, отец. Он сказал больше, гораздо больше, но я не могу расслышать. Я стараюсь изо всех сил, но не могу.

Симеон опустил свою руку ей на голову.

— Постись, Мария, и молись, не распыляй свои мысли на каждодневные мелочи. Временами вокруг твоей головы сияет такой нимб! Но истинный ли это свет, я не знаю. Постись, молись и ты услышишь... «Радуйся, Мария...» — послание Господа начинается ласково. Постарайся услышать, что следует за этим началом.

Мария направилась в погреб, чтобы скрыть свое волнение. Наполнив прохладной водой медную чашку и прихватив пригоршню фиников, она, склонившись, предложила их старику.

— Я не голоден, Мария, и не хочу пить. Спасибо, — поблагодарил тот. — Сядь. Я хочу сказать тебе кое-что.

Мария взяла низенькую скамеечку и устроилась у ног раввина.

Старик медлил, подыскивая верные слова. То, что он хотел сказать, было непросто: его упования были столь эфемерны и хрупки, что нужно было найти столь же хрупкие и эфемерные слова, чтобы надежда не превратилась в уверенность. Он не хотел понапрасну пугать мать.

— Мария, — начал он наконец, — вокруг твоего дома, как пустынный лев, рыщет таинственность. Ты не похожа на других женщин, Мария. Чувствуешь ли ты это?

— Нет, рабби, — ответила она. — Я такая же, как и все. Я люблю все женские радости и заботы. Я люблю стирать, готовить пищу, ходить к фонтану за водой, болтать с соседками, а по вечерам сидеть у дверей своего дома и смотреть на прохожих. И моё сердце так же, как сердца всех женщин, полно страданий.

— Нет, ты не такая, как все женщины, Мария, — спокойно повторил раввин и приподнял руку, как бы желая предупредить все возражения. — И твой сын...

Симеон запнулся — теперь надо было сказать самое сложное. Он посмотрел на небо и прислушался. Одни птицы засыпали на деревьях, другие просыпались. Колесо повернулось — день тонул под ногами людей.

Симеон вздохнул — как быстро несутся дни, как будто гонятся друг за другом! Рассвет, сумерки, закат, луна сменяет луну, мальчики становятся мужчинами — и только тот, кого все ждут, не приходит!

— Что мой сын? — вздрогнув, переспросила Мария. — Что мой сын, отец?

— Он не такой, как другие, — мужественно закончил раввин, потом помедлил и продолжил: — Временами, когда он ночью один и думает, что его никто не видит, лицо его сияет, словно луна в темноте. Да простит меня Господь, Мария, но я проделал дырку в стене и подсматриваю за ним. Зачем? Потому что — признаюсь — мой разум отказывается понимать, я в полном замешательстве; я неустанно вчитываюсь в Писание, но не в силах понять, кто он. Потому-то я и подсматриваю за ним тайно и вижу это сияние, озаряющее его лицо, сияние, которое сжигает его. Потому-то он бледнеет и тает с каждым днем. Это не из-за болезни, поста или молитв, нет — его пожирает Свет.

Мария вздохнула — горе матери, у которой сын не такой, как все.

Старик наклонился к ней ближе и понизил голос. Губы его пылали от слов.

— Радуйся, Мария. Господь всемогущ, и неисповедимы пути Его. Твой сын может быть...

— Сжался, рабби! — закричала Мария. — Пророком? Нет! Нет! И если это начертано Господом, пусть бы Он стер это. Я хочу, чтобы мой сын был таким же, как все, ни больше ни меньше. Как все. Пусть он сколачивает колыбели, плуги, корыта и другую утварь, как это делал его отец, а не кресты. Пусть он женится на красивой девушке из хорошего дома — с приданым, пусть у него родятся дети, и тогда мы все вместе будем ходить гулять по субботам — бабушка, дети и внуки, чтобы все могли любоваться нами.

Симеон тяжело оперся на посох и встал.

— Мария, если Господь будет слушать матерей, мы все погрязнем в трясине благополучия и легкомыслия, — и он повернулся к брату.

Мутный неподвижный взгляд Иосифа был устремлен в пустоту, он продолжал ворочать языком, всё так же пытаясь заговорить.

Мария покачала головой.

— Он старается с утра до вечера и всё ничего не получается. — Она утерла свисавшие с подбородка мужа слюни.

Старик уже собирался попрощаться с Марией, когда дверь отворилась и на пороге появился Иисус с сияющим в темноте лицом. Вокруг головы его был повязан окровавленный платок, мрак скрывал всё ещё бегущие по щекам слезы. Он переступил через порог и взглянул на мать, дядю, отца, сидящего у стены. Мария стала суетливо зажигать лампу, но раввин остановил её.

— Постой. Я хочу поговорить с ним, — и, собравшись с духом, он подошёл к Иисусу.

— Иисус, — мягко начал старик, понизив голос, чтобы их никто не мог услышать. — Иисус, дитя моё, как долго ты будешь сопротивляться Ему?

И тут весь дом вздрогнул от жуткого крика:

— До самой смерти!

И, словно последние силы покинули его с этим криком, сын Марии рухнул у стены. Раввин было нагнулся к нему, чтобы спросить что-то ещё, но его отбросило в сторону — ему показалось, что полыхающий огонь опалил ему лицо. «Повсюду вокруг Иисуса Бог, — подумал старик. — Да, вокруг него Бог, и Он никого не подпускает. Мне лучше уйти».

И, погружившись в глубокие размышления, Симеон вышел. Дверь за ним затворилась, но Мария всё не решалась зажечь лампу. Стоя посреди своего дома, она прислушивалась к квохтанью своего мужа и прерывистому дыханию сына, лежавшего на полу и хрипевшего, словно его кто-то душил. Но кто? Несчастливая мать в который раз вопрошала Господа, молила его: «Я ведь мать его, неужели Тебе не жаль меня?!» — но ответа ей не было.

И пока она так стояла, безмолвная, точно окаменев, чувствуя биение каждой жилки в своем теле, дикий торжествующий крик потряс дом. Наконец парализованный язык обрел свободу, и из искаженного рта вылилось всё слово, целиком — слог за слогом.

— А-до-най! — отдалось эхом по всему дому. И как только замер последний отзвук, Иосиф, словно мёртвый, провалился в глубокий сон.

Мария заставила себя зажечь лампу. Котел кипел. Подойдя к очагу, она опустилась на колени, отодвинула крышку и попробовала — не надо ли добавить воды или щепотку соли.

ГЛАВА 6.

Небо окрасилось бледно-голубым. Назарет спал и видел сны. Утренняя звезда отсчитывала часы. Лимоны и финиковые пальмы всё ещё кутались в розоватую дымку. Стояла мёртвая тишина...

Сын Марии отворил дверь. Глубокие тени легли вокруг его глаз, но рука была тверда. Он распахнул дверь и, не закрывая её, не оглядываясь ни на мать, ни на отца, покинул навсегда отчий дом. Он сделал шаг, два и замер — за спиной послышалась тяжёлая поступь. Оглянулся — никого. Он потуже затянул утыканный гвоздями кожаный ремень, повязал вокруг головы испачканную кровью зелота повязку и начал спускаться узкими кривыми улочками. Заунывно пролаяла собака; над его головой бесшумно скользнула сова, почувствовавшая приближение дня. Он поспешно миновал ещё запертые дома и вышел в сады. Защебетали первые птицы. На одном из огородов старик крутил ворот оросительного колодца, качал воду, — день начинался.

Перед Иисусом лежал долгий путь, на который он вступил без сандалий, посоха и кошеля. Перед ним лежали Кана, Тивериада, Магдала и Капернаум, ему предстояло обогнуть Генисаретское озеро, после чего вступить в пустыню. Он знал, что там находится община простых и праведных людей: они носили белые одежды, не ели мяса, не пили вина и не прикасались к женщинам, — единственное, чем они занимались, так это молитвами. Они были искушенными знахарями и знали свойства трав, известны им были и тайные чары, изгоняющие бесов. Сколько раз его дядя, раввин, глубоко вздыхая, рассказывал ему об этой общине! Он провел там одиннадцать лет, славя Господа и излечивая людей. Но увы! Однажды им овладел искушитель (он ведь тоже всемогущ), Симеон

повстречал женщину, оставил святую жизнь, снял белую одежду, женился и родил Магдалину. И поделом ему! Господь по заслугам наказал отступника...

— Туда я и пойду, — пробормотал сын Марии, ускоряя шаг. — Там я и спрячусь.

Какая радость пела в его душе! С двенадцати лет он мечтал уйти из дома, сбежать от родителей, позабыть прошлое, покончить с матушкиными нравоучениями, не слышать больше стонов отца, избавиться от ежедневных мелких забот, убивающих душу; сколько лет мечтал он стряхнуть со своих ног обыденность, как пыль, и обрести мир и покой в пустыне! И сегодня, наконец, он сразу порвал со всем, вырвался из круговерти человеческой жизни и отдался Господу душой и телом. Он обрел спасение!

Его бледное изможденное лицо сияло. Может, все эти годы Господь мучил и терзал его именно затем, чтобы наставить на путь, который он выбрал теперь добровольно и без принуждения. Не значило ли это, что его желания наконец совпали с намерениями Господа? И разве не это было величайшим и труднейшим предназначением человека? Разве не обещало это величайшее счастье? Огромное облегчение охватило его душу — конец борьбе, конец сопротивлению. Наконец-то Господь снизошёл к нему, полный сострадания, овевая его сердце, словно прохладный ветерок.

— Пойдём! — сказал Он.

Иисус открыл дверь, обретя свободу и счастье.

— И всё это мне, о Господи! — прошептал он и, высоко подняв голову, запел гимн избавления: — Бог нам прибежище и сила...

Он не мог сдержать радость, она выплескивалась наружу. Он шёл в нежном свете зари мимо оливковых рощ, виноградников,

пшеничных полей, и псалом радости, вырываясь из его сердца, летел к самому небу. Но вдруг сердце его замерло, и он резко остановился — сзади отчетливо послышался звук бегущих босых ног. Он прислушался — бегущий тоже остановился.

— Я знаю, кто это, — дрожа прошептал Иисус. — Знаю...

Он набрался мужества и круто повернулся, чтобы проверить свои подозрения... Никого!

Небо на востоке окрасилось в пурпурный цвет. Налившиеся спелостью колосья стояли, неподвижно склонившись в ожидании серпа. Ни единой души не было видно в долине — ни зверя, ни человека. И лишь в Назарете начала уже пробуждаться жизнь — из нескольких труб поднимался дымок — женщины просыпались.

Это придало ему бодрости. «Главное — не терять времени. Надо бежать изо всех сил, обогнуть холм — тогда оно отстанет». — И он побежал.

Пшеница была здесь в человеческий рост. Долины Галилеи были самыми плодородными в Палестине. В отдалении поскрипывала повозка, запряженная быками. С земли поднимались ослы, отряхивали пыль, нюхали воздух и ревели, задрав хвосты. До него доносился смех и гомон женских голосов. Молниями блеснули первые серпы — жницы вышли в поле, и солнце, заметив их, бросало свои лучи на их обнажённые руки, шеи, плечи.

— Эй ты, за кем бежишь? — смеялись они, видя сына Марии. — Или от кого убегаешь?

Но когда он приблизился, и они, рассмотрев, узнали его, шутливые замечания замерли на их устах и они сбились в кучку:

— Римский прихвостень! Будь ты проклят! Я видела, как он вчера распинал...

— Посмотрите на этот кровавый платок!

— Это он получил, когда делили вещи распятого. Да падет кровь невинного на его голову!

Они поспешно вернулись к работе, но теперь смех застревал у них в горле, и они умолкли.

Миновав их, сын Марии пересек пшеничные поля и добрался до виноградников, покрывавших покатые склоны горы. Заметив фиговое дерево, он остановился, чтобы подобрать листик. Ему очень нравился запах фиговых листьев, он напоминал ему запах человеческих подмышек. Когда он был маленьким, он любил закрывать глаза, нюхать фиговые листья и представлять себе, что он лежит у материнской груди и сосет молоко... Но стоило ему остановиться и протянуть руку за листом, и его прошиб холодный пот, — он отчетливо услышал, как останавливается существо, бегущее за ним. Волосы его встали дыбом, протянутая рука замерла — он оглянулся: никого. Кроме Бога. Земля была ещё влажной, и листья вымокли, по коре дерева ползала бабочка, пытаясь раскрыть свои покрытые росой крылья.

— Я сейчас закричу, — решил Иисус. — Закричу и избавлюсь от него.

Что ощущала его душа, когда он в одиночестве бродил по горам или пустынной долине в полуденный час, — радость, горе или превыше всего был страх? Он всегда ощущал присутствие Господа, угрожающего, подгоняющего его, и в отчаянных попытках избавиться от него он то кричал петухом, то выл, как голодный шакал, то скулил, как побитая собака. Но сейчас, едва открыв рот, он заметил бабочку, старающуюся разлепить свои крылья. Он нагнулся, осторожно поднял её и посадил повыше на дерево, где солнце уже начинало пригревать.

— Сестра моя, сестра моя, — нежно пробормотал он и тронулся дальше. И тут же позади послышалась поступь его спутника. Вначале, когда Иисус только выходил из Назарета, этот звук был едва слышен, словно доносился издалека; теперь же мало-помалу шаг становился всё более уверенным и звучал всё ближе и ближе. «Скоро, — вздрогнув, подумал сын Марии, — оно меня догонит».

— Господи, Господи, — взмолился он, — сделай так, чтобы я успел добраться до общины, пока оно не набросилось на меня.

Лучи солнца залили долину, безжалостно опалая птиц, зверей и людей. Земля наполнилась звуками: заблеяли козы и овцы, пасущиеся на склонах, пастухи заиграли в свои рожки. Мир был приветлив и добр. Через несколько минут Иисус дойдет до того большого тополя слева и увидит Кану — веселую деревню, которую он так любил. Сколько раз он ходил сюда с матерью на шумные праздники, когда был ещё безбородым юнцом, а Господь не наложил на него свою десницу. Сколько раз он любовался здесь девушками, приходившими танцевать под этот тополь из всех окрестных деревень, когда земля счастливо принимала удары их ножек. Но потом ему исполнилось двадцать, он стоял здесь, задыхаясь, с розой в руке...

Он вздрогнул и снова увидел её, Марию Магдалину. Свет и тьма всходили и опадали на её полуприкрытой груди, луна и солнце сияли на ней...

— Оставь меня! Оставь меня! — закричал Иисус. — Я отдан Господу и иду к нему в пустыню!

Он поспешно миновал тополь, и перед его взором раскинулась Кана — плоские крыши мазанок, позолоченные разложенными на них тыквами и зерном. Девушки, свесив ноги, нанизывали на нитки красный барбарис, чтобы украсить им свои дома.

Опустив глаза, Иисус опрометью бросился мимо этой ловушки, расставленной сатаной. Он не хотел никого видеть или быть кем-то увиденным. Босые ноги за его спиной теперь гулко шлепали по булыжникам — преследователь тоже прибавил шаг.

Солнце поднималось всё выше, теперь оно заливало уже всю землю. Весело распевая, жнецы махали серпами: пригоршни превращались в охапки, охапки — в скирды. Поспешно минуя их, сын Марии желал им доброго урожая:

— Да будет в каждом колосе столько зерна, чтобы достало на мешок!

Кана скрылась за рощами олив. Тени прижались к самым корням деревьев — близился полдень. Думая лишь о Господе, сын Марии наслаждался всем, что его окружало, и вдруг почувствовал запах свежее испеченного хлеба. И тут же ощутил голод, а ощутив, преисполнился несказанной радости — никогда в жизни он не испытывал такого благословенного желания вкусить хлеба!

Ноздри его задрожали. Двигаясь на запах, он перешёл канаву, перелез ограду и, войдя в виноградник, увидел хижину под дуплистым орехом, над которым вился дым, стелясь по тростниковой крыше. У входа в дом стояла старуха и, согнувшись, быстрыми ловкими движениями орудовала над кирпичной печкой. У неё был крючковатый нос и веки без ресниц. Рядом, мордой к печи, лежала чёрная с жёлтыми пятнами собака и с жадностью разевала свою зубастую пасть. Услышав в винограднике шаги, она залаяла и бросилась к незваному гостю. Старуха удивленно обернулась, но при виде странника её маленькие глазки радостно заблестели. При мысли о том, что её одиночество будет нарушено живым человеком, она перестала работать и застыла с деревянной лопаткой в руке.

— Добро пожаловать. Проголодался? Откуда ты, Божьей милостью?

— Из Назарета.

— Голодный? — повторила старуха и рассмеялась. — Твои ноздри трепещут, как у гончей.

— Да, я голоден. Прости меня.

Но старуха была глуха и ничего не слышала.

— Что? Говори громче.

— Я голоден. Прости меня!

— Простить тебя? За что? Голод, жажда и любовь не являются тем, чего стыдятся, мой милый. Они от Бога. Так подходи же и не стесняйся.

И она снова засмеялась, обнажая свой единственный зуб.

— Здесь ты найдешь хлеб и воду. А любовь — чуть дальше, в Магдале, — и она взяла один из хлебов, которые лежали на деревянном подносе рядом с печью. — Видишь, эту лепёшку мы всегда оставляем для прохожих. Так что хлеб не мой, он — твой. Бери и ешь.

Сын Марии успокоился и, сев на корень старого орехового дерева, принялся есть. Как вкусен был этот хлеб, как свежа вода, как сладки оливки, которые дала ему старуха! Они были огромными и мясистыми, словно яблоки. Он жевал не спеша, ощущая, как сливаются воедино его душа и тело, насыщаясь и радуясь. Старуха любовалась им, перегнувшись через печь.

— Ты действительно голоден, — снова засмеялась она. — Ешь. Ты молод, и впереди у тебя длинная дорога и тьма бед. Ешь, набирайся сил, чтобы ты смог их вынести.

Она отломила горбушку от другого хлеба и протянула ему ещё олив. У неё соскользнул платок, обнажив лысеющую голову, и она поспешно снова повязала его.

— Куда ты, Божьей милостью, направляешься?

— В пустыню.

— Куда? Говори громче!

— В пустыню.

Беззубый рот старухи искривился, взгляд стал жестким.

— В общину? — вскричала она с неожиданной яростью. — Зачем? Что тебе там надо? Тебе не жаль своей молодости?

Он не ответил. Старуха затрясла своей лысой головой и зашипела, как змея:

— Наверное, ты ищешь Бога, а?

— Да, — еле слышно ответил юноша.

Старуха пнула собаку, которая путалась между её тощих ног, и подошла ближе.

— Бедняжка, — закричала она, — разве тебе не известно, что Господь обитает не в пустыне, а в человеческих жилищах? Так знай же, Бог там, где муж и жена, где дети и заботы, где готовится пища, где ссорятся и примиряются! Не слушай этих евнухов. Несчастные стручки! Истинный Господь живёт в домах, а не в общинах пустынников! Ему ты и должен поклоняться. А того, другого, оставь ленивым кастратам из пустыни! — всё более воодушевляясь, вопила старуха. Но вот мстительные чувства оставили её, и она, успокоившись, замолчала.

— Прости меня, мой храбрый путник, — прикоснулась она к плечу Иисуса. — Когда-то у меня был сын, такой же красивый, как и ты.

Но однажды поутру он помутился в рассудке, открыл дверь и ушёл в пустыню к целителям — чума возьми их, и чтоб они никого в своей жизни не исцелили! Я потеряла его и теперь замешиваю тесто и пеку хлеб — для кого? Для своих детей? Внуков? Я — высохшее бесплодное дерево.

Она умолкла на мгновение, чтобы вытереть слезы, и снова заговорила:

— Многие годы я воздеваю руки к Господу и кричу ему: «Зачем я родилась? У меня был сын — зачем Ты отнял его у меня?!» Я надрываюсь из последних сил, но, можно подумать. Он услышит! Лишь раз в своей жизни я видела, как разверзлись небеса. Это было в полночь на вершине горы пророка Илии. Я услышала громopodobный голос: «Ори хоть до хрипоты!» Небеса снова захлопнулись, и больше я не обращалась к Богу.

Сын Марии поднялся. Он хотел попрощаться, но старуха снова зашипела:

— Так значит, в пустыню?! Тебе тоже по вкусу песок?! Где же твои глаза? Неужели ты не видишь виноградников, солнца, женщин? Послушай меня, ступай в Магдалу — вот куда тебе надо! Разве ты не читал Писания? Господь сказал: «Мне не по вкусу пост и молитва, я жажду мяса!» Другими словами, Он хочет, чтобы ты рожал ему детей!

— Прощай! — промолвил юноша. — Да воздаст Господь тебе за хлеб, которым ты меня накормила.

— Да воздастся и тебе, — смирившись, ответила старуха. — Пусть Он воздаст тебе за то добро, которое ты сделал мне. Давно уже никто не останавливается у моей покосившейся лачуги, а если кто и проходил мимо, то одни старики...

Он снова пробрался через виноградники, перепрыгнул через изгородь и вышел на проезжую дорогу.

— Я не выношу людей, — пробормотал он. — Я не желаю их видеть. Даже хлеб, который они дают, яд для меня. Лишь одна дорога ведет к Господу — та, на которую я встал сегодня. Она идёт среди людей, но не касается их и приводит в пустыню. Когда же я наконец дойду!

Он не успел договорить, как за спиной послышался смех. Он обернулся — свистящий злобный плотоядный смех сотрясал воздух.

— Адонай! Адонай! — вырвалось из его сдавленного горла. В ужасе он смотрел на колеблемый хохотом воздух, пока не опомнился и не помчался прочь, — его босоногий преследователь тут же пустился за ним.

— Как бы там ни было, меня скоро догонят, как бы там ни было, меня скоро поймают, — повторял Иисус с каждым шагом.

Женщины всё ещё жали. Мужчины относили охапки к токам, где их обмолачивали и провеивали. Легкий ветерок подхватывал солому и рассыпал её золотым покровом по земле, оставляя тяжёлое зерно. Прохожие зачерпывали пригоршню зерна, целовали его и желали хозяевам такого же урожая на будущий год.

Вдали, между двух холмов, показались театр и новые постройки Тивериады. Страх заполнил душу сына Марии при виде её.

Однажды, когда он был ещё маленьким, его дядя раввин взял его с собой к одной римской матроне, к которой его пригласили для изгнания из неё бесов. Её преследовал бес одержимых нимф.

Раздевшись донага, она выходила из дома и, устроив засаду, набрасывалась на прохожих. Раввин и его племянник вошли в дом в тот самый момент, когда матрону опять обуяла нечистая сила.

Преследуемая слугами, она неслась к парадной двери. Симеон вытянул свой посох и остановил её, но, увидев мальчика, она тут же набросилась на него. Сын Марии закричал и потерял сознание; и с тех пор всякий раз, когда он вспоминал это бесстыдное место, страх и трепет охватывали его.

— Этот город проклят Богом, — обычно говорил ему дядя. — Если тебе доведется проходить мимо него, иди быстро, опустив глаза, и думай о смерти или, глядя в небеса, думай о Боге. Но если ты хочешь получить моё благословение, ходи в Капернаум другой дорогой.

Сейчас этот продажный город купался в солнечных лучах; толпы людей, пеших и конных, вливались и выливались из его чрева; над башнями реяли флаги с двуглавыми орлами, сверкали бронзовые значки.

Как-то раз сын Марии в болоте за Назаретом наткнулся на труп кобылы. Брюхо у неё вспучилось, и кожа натянулась, как барабан. Мириады жуков и червей ползали в её разверстом животе, набитом грязью и гниющими внутренностями; целый рой зеленовато-золотистых мух жужжал над ней в воздухе; и две вороны, запустив свои острые клювы ей в глаза, выклевывали их из-под длинных ресниц. Вид трупа был ужасен. Казалось, окруженный таким количеством живых существ, он возвращается к жизни: могло показаться, что кобыла просто радостно валяется на весенней травке, задрав к небу все четыре копыта.

— Такова и Тивериада, — пробормотал сын Марии, не в силах оторвать взгляда от сверкающего города, — таковы Содом и Гоморра, такова грешная душа человека.

Иисуса догнал крепкий старик верхом на осле.

— На что это ты уставился, парень? — поинтересовался он. — В первый раз видишь? Это наша новая царица — блудница Тивериада. Греки, римляне, бедуины, халдеи, финикийцы, евреи лезут и лезут на неё, но чрево её неистощимо. Она готова их всех объять, и ещё столько же... Слышишь, что говорю? Ясно как Божий день.

Он вынул из сумы, притороченной к седлу, пригоршню грецких орехов и протянул Иисусу.

— Похоже, ты честный, но бедный. Возьми пожевать на дорожку и не забудь сказать: «Да благословит Господь старого Зеведея из Капернаума».

Острая бородка старика давно поседела, но взгляд чёрных глаз был живым, шея крепкой, как у быка, а маслянистые губы свидетельствовали о чревоугодии. Видно, это здоровое тучное тело ещё не насытилось за свою жизнь ни вином, ни пищей, ни женскими ласками.

Пока они стояли, на дороге появился ещё один прохожий — здоровый высоченный парень, заросший волосами. Туника на груди у него была распахнута, ноги — босы, в руках он держал кривой пастуший посох. Он замедлил шаг и, не здороваясь со стариком, обратился к сыну Марии:

— Это не ваша ли милость, сын плотника из Назарета? Не ты ли строгаешь кресты и распинаешь нас?

Две старухи, жавшие поблизости, услышав его, приблизились к дороге.

— Я... — начал сын Марии, — я... — Он повернулся, чтобы уйти.

— Куда это ты направился?! — закричал великан, хватая его за руку. — Тебе не удастся так просто от меня отделаться! Римский прихвостень, предатель — я убью тебя!

Но старик успел выхватить занесенный посох из рук пастуха.

— Пстой, Филипп. Послушай старого человека. Ответь-ка мне: всё происходящее в этом мире свершается по воле Господа, не так ли?

— Да, Зеведей, всё.

— Ну хорошо. Значит, Господь пожелал, чтобы этот парень строгал кресты. Оставь его и послушай моего совета: не суйся в дела Господа, спокойнее будет. Это ясно как Божий день.

Сын Марии тем временем вырвал свою руку из клешней детины и бросился бежать. Старухи, потрясая серпами, завизжали и заулюлюкали ему вслед.

— Пошли, Зеведей, омоем руки — мы прикасались к отступнику, — промолвил Филипп. — Да и рты нам надо ополоснуть — мы говорили с ним.

— Не волнуйся, — ответил старик. — А что мы здесь стоим? Пошли, составь мне компанию — я спешу. Моих сыновей нет дома. Один отправился в Назарет смотреть на распятие — так он сказал, по крайней мере, а другой ушёл в пустыню, чтобы стать святым. А я остался один со своими лодками. Пойдём, поможешь мне вытащить сети — наверное, они уже полны рыбы. А я тебе за это из пойманного отсыплю целую корзину.

И они тронулись в путь. Старик был в самом прекрасном расположении духа.

— Бедный Господь... Ты только подумай, как плохо приходится старине Господу, — веселился Зеведей. — Представляешь, каково Ему было, когда Он создавал мир? Рыба кричит: «Господи, не делай меня слепой, не дай мне попасться в сети!» Рыбак вопит: «Господи, ослепи рыбу! Пусть она запутается в сетях!» Кого слушать? Вот Он и слушает то рыбу, то рыбака — так оно и идёт!

Сын Марии тем временем ступил на узкую крутую козью тропку, чтобы обойти Магдалу. Он не хотел марать свою душу видом этого прелестного, но порочного селения, раскинувшегося среди финиковых пальм на оживленном перекрестке, через который днем и ночью двигались караваны — одни шли к Великому морю от Евфрата и Аравийской пустыни, другие из Дамаска или Финикии направлялись в нежно зеленеющую долину Нила. У входа в деревню стоял колодец с прохладной водой, у которого всем проезжающим торговцам призывно улыбалась женщина с открытой грудью и густо нарумяненным лицом. О нет, бежать, бежать, срезать путь к озеру и скорей — в пустыню! Там, в пересошем колодце его ожидал Господь.

При воспоминании о Боге сердце его заныло, и он ускорил шаг. Солнце, наконец, сжалилось над жнищами и повернуло к западу. Воздух посвежел. Девушки разлеглись на соломе передохнуть и переброситься парой шуточек, вгонявших в краску. Вспотевшие, распаренные после целого трудового дня, разгоряченные солнцем, они не могли теперь унять возбуждения, закипавшего в них от близости работавших тут же мужчин, и пытались разговорами и смехом выплеснуть его.

Слыша их, сын Марии смущался и, чтобы отвлечься, начал размышлять над тем, что сказал громогласный пастух Филипп.

— Никто не понимает, как я страдаю, — вздохнул он, — никто никогда не узнает, зачем я делаю кресты и с кем борюсь.

Впереди, перед хижинкой два крестьянина вытряхивали мякину из своих бород и голов и поливали друг друга водой — наверное, братья. Старуха-мать накрывала скудную трапезу на каменном столе рядом с печью. На горячих углях жарилась рыба, и аромат её наполнял воздух.

Увидев измученного, покрытого пылью сына Марии, они замахали руками.

— Эй, откуда ты бежишь? Похоже, издалека. А где твой мешок? Пстой, подели с нами хлеб.

— И рыбу, — добавила мать.

— Выпей вина, чтобы вернуть цвет своему лицу!

— Я не голоден. Я ничего не хочу, спасибо, — не останавливаясь, ответил им сын Марии. «Стоит им узнать, кто я такой, — подумал он, — и они устыдятся, что прикасались ко мне, что говорили со мной».

— Большой привет твоей глупости! — закричал один из братьев. — Мы что, недостаточно хороши для тебя?

«Я римский прихвостень, сколачиваю кресты», — чуть было не ответил Иисус, но струсил, опустил голову и продолжил свой путь.

Вечер обрушился словно меч. Скалы не успели порозоветь, как земля стала пепельно-серой и тут же почернела, а свет, игравший на верхушках деревьев, погас. Темнота застала сына Марии на вершине холма у подножия старого кедра. Его корни глубоко впились в камень, и, несмотря на неустанно дующие ветры, он стоял крепко и непоколебимо. Из долины поднимались запахи горящих дров и вечерней трапезы.

Сын Марии был голоден и изнемогал от жажды. Вдалеке виднелись огни, струйки дыма вились над крышами, у очагов хлопотали женщины. И на мгновение он позавидовал людям, которые закончили свои дневные труды и смертельно усталые вернулись в свои хижины.

Внезапно на него навалилось ни с чем не сравнимое одиночество. Даже у сов и лис есть гнезда и норы, куда они могут вернуться, где

их ждут теплые и любящие существа. У него теперь не было никого, даже матери. Дрожа, он свернулся калачиком у подножия кедра.

— Господи, — прошептал Иисус, — благодарю Тебя за всё — за одиночество, за голод, за холод. Мне ничего не нужно.

Но не успел он это произнести, как снова остро почувствовал, что преследователь близко. Вскочив, как затравленный зверь, он принялся озираться — гнев и страх стучали ему в виски. Из всех сил всматривался он в темноту тропинки. Звук шагов всё ещё был слышен — камни сыпались из-под ног взбиравшегося наверх. Вот они достигли вершины, и тогда, непроизвольно — он сам испугался своего голоса, — сын Марии закричал:

— Ну подходи же! Не прячься! Вокруг темно — тебя никто не увидит!

Иисус затаил дыхание.

Ему никто не ответил. Лишь вечные звуки ночи мягко и мирно плыли в воздухе: стрекот кузнечиков и цикад, лай собак вдалеке. Иисус вытянул шею, он был твердо уверен, что прямо перед ним под кедром кто-то стоит.

— Подходи же, подходи, — умоляюще шептал Иисус, пытаюсь выманить невидимого. Дрожать он перестал, но теперь пот заливал ему глаза и струился из подмышек.

Напряженно прислушиваясь, Иисус вглядывался в темноту. То ему казалось, что он слышит смех, доносящийся из мрака, то вдруг почудилось, что воздух сгустился и оформился в чье-то тело, но прежде, чем ему удалось что-либо различить, всё рассеялось. Дрожа от напряжения, сын Марии пытался что-нибудь высмотреть в сгустившейся тьме. Он уже не кричал и не молил, а просто стоял на коленях под кедром, вытянув шею в изнуряющем ожидании...

Камни впивались в колени — он откинулся к дереву и закрыл глаза. И тут-то в полном безмолвии Иисус и увидел это, правда, не в том обличье, в каком ожидал. Он думал увидеть осиротевшую мать, возложившую руки на его голову и произносящую свое проклятие. Но это!.. Вздрагивая, он медленно приоткрыл глаза. Перед ним стояло ужасное создание, с ног до головы покрытое чешуей бронзовых доспехов. Орлиная голова поблескивала жёлтыми глазами, а в кривом клюве был зажат кусок человеческой плоти. Спокойно и беспощадно смотрело оно на сына Марии.

— Я не думал, что ты такое, — пробормотал Иисус. — Ты не мать... Сжался, поговори со мной. Кто ты?

Он снова и снова повторял свой вопрос, но напрасно. Лишь желтый блеск был ему ответом.

И тут он понял.

— Проклятие! — закричал Иисус и упал ничком на землю.

ГЛАВА 7.

Небеса сияли над головой, земля впивалась в тело колючками и камнями. Раскинув руки, он стонал и вздрагивал, словно весь мир был крестом, на котором его распинали.

Ночь со своими малыми и великими прислужниками — птицами и звездами текла над ним. С риг доносился лай собак, охраняющих хозяйское добро. Иисус дрожал от холода. Сон овладевал им на мгновение, унося в теплые далекие страны, и тут же снова бросал на каменистое ложе.

К полуночи он услышал веселый перезвон колокольчиков каравана, проходившего у подножия холма, и заунывную песню погонщика верблюдов. Кто-то гортанно крикнул, потом чистый женский голос вдруг прорезал тьму, и снова всё смолкло.

...В разгар ночи в позолоченном седле мимо проехала Магдалина — лицо её распухло от слез, краска на щёках потекла. Прибывшие издалека богатые торговцы, не найдя её ни дома, ни у колодца, выбрали верблюда с самой дорогой упряжью и снарядили погонщика, чтобы он нашёл и привез её. Всю свою длинную и полную опасностей дорогу они мечтали о нежном горячем теле блудницы, которое ждет их в Магдале, и это придавало им сил. Не найдя же блудницы и отправив на поиски погонщика, они расположились во дворе её дома, где и сидели теперь, закрыв глаза в ожидании.

Колокольчики звучали всё глуше, всё мелодичнее. Они казались сыну Марии нежным смехом, журчащей водой, ласковым голосом, окликавшим его по имени; и так под звон верблюжьих колокольчиков он снова погрузился в забытие.

Сон снизошёл на него. Ему снилось, что вся земля превратилась в один зелёный цветущий луг, и Господь — бронзовокожий пастушок, наигрывая на своей дудочке, восседал у струящегося источника. Никогда в жизни сын Марии не слышал такой нежной завораживающей музыки. И по мере того как Господь-пастушок играл, вся земля пядь за пядью, вздрагивая и набухая, обретала сияние и жизнь. Откуда-то вышли на поляну благородные олени. Нагнувшись, Господь посмотрел в зеркало воды, и источник наполнился рыбой; Он поднял глаза к вершинам деревьев, и листья, изменившись в цвете, превратились в поющих птиц. Он заиграл быстрее, мелодия стала страстной и яростной, и из-под земли появились два огромных насекомых в человеческий рост, которые, обнявшись, тут же упали на весеннюю траву. Они

катались из конца в конец зеленеющего луга, совокуплялись и снова разделялись лишь для того, чтобы с ещё большим азартом броситься друг на друга. Они вульгарно хихикали, шипели и насмехались над пастушонком. Мальчик опустил дудочку и молча взирал на наглую бесстыдную пару. И вдруг его терпение иссякло — одним движением он сломал свою дудочку, и тут же всё исчезло: олени, птицы, деревья, влага и слившиеся в двуполое чудовище насекомые.

Сын Марии закричал и проснулся. Но прежде чем он открыл глаза, прежде чем сон окончательно покинул его, он увидел, как переплетенные тела мужчины и женщины соскользнули через тёмный потайной ход в его память. В ужасе он вскочил.

— Так вот какую грязь я ношу в себе, какие блудодеяния!

Иисус снял свой утыканный гвоздями ремень, скинул одежду и начал безжалостно хлестать себя по бедрам, спине и лицу. Брызнувшая кровь омыла его тело, и он почувствовал облегчение.

Начинался рассвет... Звезды потускнели, свежий ветер пронизывал до костей. Кедр над его головой шорохом отозвался на трепет птичьих крыльев и первых утренних песен. Иисус оглянулся: никого. При свете утра бронзовое птицеголовое Проклятие снова стало невидимым.

«Надо уходить, спастись, — подумал Иисус. — Ноги моей не будет в Магдале — да будет проклято это место! Нельзя останавливаться ни на минуту, пока не доберусь до пустыни и не схоронюсь в обители. А там я убью плоть и превращу её в дух».

Он приложил ладонь к стволу древнего кедра и почувствовал, как душа дерева восходит от корней к мощным сучьям, а оттуда к тончайшим веточкам на вершине.

— Прощай, брат мой, — сказал Иисус. — Я покрыл себя позором сегодня ночью под пологом твоих ветвей. Прости меня.

И, мучимый дурными предчувствиями, он пустился вниз. Долина уже просыпалась, первые лучи солнца, упав на тока, окрасили их золотом.

— Нельзя идти через Магдалу, — пробормотал сын Марии. — Это опасно.

Он остановился в задумчивости, размышляя, каким путем добраться до озера. И свернул на первую же узкую тропинку, которая отходила направо от дороги. Он помнил, что Магдала должна быть от него по левую руку, а озеро — по правую, и уверенно тронулся в путь.

Мысли его блуждали, но он продолжал быстро идти вперёд. Он бежал от распутницы Магдалины к Богу, от креста к Раю, от отца и матери к далеким землям и морям, к тысячелетнему белому, жёлтому и чёрному человечеству. Ему никогда не доводилось пересекать границы Израиля, но с самого раннего детства стоило ему закрыть глаза в скромной родительской лачуге, и мысль его, словно ручной сокол с золотыми колокольцами, ликуя от счастья, летела с материка на материк, пересекая океаны. Он забывал о своем теле, вырывался из него, возносясь к небесам, — а этого-то он и желал более всего.

Сын Марии шёл всё дальше и дальше. Извилистая тропа петляла по виноградникам и, наконец, вывела его к сливовой роще. Он следовал за тропой, как следуют за струящимся потоком, за печальной и монотонной песней погонщика верблюдов. Ему казалось, что он идёт будто во сне, не касаясь ногами земли. Приветствуя его, оливы качали своими ветвями, сгибавшимися под

тяжестью плодов. Поблескивали, клонясь к земле, крупные кисти винограда.

— Шолом! Мир тебе! — нежно улыбаясь, говорили встречавшиеся ему девушки в белых платках.

Временами, когда вокруг никого не было видно, он снова слышал за спиной тяжёлую поступь; как-то бронзовый всполох мелькнул в воздухе и исчез со зловещим хохотом. Но сын Марии набрался терпения. Он приближался к спасению — скоро он увидит озеро, а дальше, за его лазурными водами, — обитель, словно соколиное гнездо, прилепившееся к скалам.

Воображение обгоняло его, и он с трудом поспевал за ним, как вдруг, поражённый, остановился. Перед ним в ложбине, окруженная финиковыми пальмами, раскинулась Магдала. Душа его требовала повернуть, обойти, но ноги сами уверенным шагом вели его к благоухающему приюту его двоюродной сестры Магдалины, к дому, хозяйка которого обречена гореть в геенне огненной.

— Нет, не хочу, не хочу! — в ужасе повторял он, но тело отказывалось повиноваться ему и, словно собака, почуявшая дичь, было глухо к его мольбам.

— Не пойду! — снова решил он, но не остановился. Он уже различал чистые белые домики и старинный колодец с мраморными стенками. До его слуха доносился лай собак, кудахтанье кур, смех женщин. «Я должен увидеть её, должен увидеть её! — услышал он вкрадчивый голос в своем сердце. — Это необходимо! Господь направил сюда мои ноги, Господь, а не я, — потому что я должен увидеть её, упасть к её ногам и молить о прощении. Ведь это я виноват, я! Прежде чем уйти от мира и надеть белые одежды, я должен получить её прощение. Иначе мне

не удастся спастись. Господи, благодарю Тебя, что Ты привел меня туда, куда я не хотел идти!»

Счастье охватило его, и, потуже затянув ремень, он начал спускаться к Магдале.

Стадо верблюдов расположилось вокруг колодца. Сытые и умиротворенные, они лениво пережевывали свою жвачку. Видно, они пришли из далеких благоухающих земель, так как воздух вокруг был пропитан ароматами пряностей.

Иисус остановился у колодца. Старуха, набравшая воду, протянула ему кувшин, и он напился. Он хотел было спросить её, дома ли Мария, но устыдился. «Господь привел меня к её дому, — подумал он, — я должен верить — она будет дома».

И он тронулся вниз вдоль тенистой улочки. Селенье было полно приезжих — одни в длинных белых головных уборах бедуинов, другие — в дорогих индийских кашемировых шالях. Из открывшейся двери появилась толстозадая матрона с пробивающимися чёрными усиками, которая разразилась хохотом при виде Иисуса.

— Ну и ну! — воскликнула она. — Добро пожаловать, плотник. Значит, ты тоже решил поклониться нашей святыне, а? — и, не прекращая смеяться, она захлопнула дверь.

Сын Марии залился краской и собрал всё свое мужество. «Я должен, я должен, — повторял он. — Я должен пасть ей в ноги и вымолить прощение».

Он ускорил шаги. Её дом стоял в гранатовом саду в другом конце деревни — он хорошо его помнил: зелёные одностворчатые ворота, украшенные двумя переплетавшимися змейками — чёрной и белой, они были нарисованы одним из возлюбленных Магдалины — бедуином, а выше была изображена большая

желтая ящерица с растопыренными, словно на распятии, конечностями.

Он заплутал, остановился и, стыдясь спросить дорогу, вернулся к тому месту, откуда начинал свой путь. Время двигалось к полудню, Иисус присел в тени оливы передохнуть. Мимо прошествовал богатый торговец, черноглазый, с чёрной курчавой бородой. Пальцы его были унизаны кольцами. Сын Марии последовал за ним. «Должно быть, это один из ангелов Господних, — думал Иисус, идя за ним и любуясь благородной красотой его молодого тела и дорогим кашемировым платком, украшенным диковинными птицами и цветами, который был накинут на его плечи. — Наверняка это один из ангелов Господних, спустившихся, чтобы указать мне путь».

Приезжий безошибочно миновал все перекрестки, и вскоре впереди замаячили зелёные ворота с двумя переплетенными змейками. У входа перед жаровней с крабами на высокой табуретке сидела старая карга, тут же лежали жареные тыквенные семечки, нежный сладкий горошек в двух деревянных тарелках и мясные шарики, обсыпанные перцем, которыми она торговала.

Нагнувшись, провожатый Иисуса подал старухе серебряную монету и вошёл внутрь. Сын Марии последовал за ним.

Во дворе, расположившись друг за другом, скрестив ноги, сопели четыре торговца: два старика с покрашенными ресницами и ногтями и два чёрнобородых мужчины. Взгляды всех были устремлены на маленькую дверь комнаты Марии. Она была закрыта. То и дело из-за неё доносились вскрики, смех, стоны — поклонники, тут же умолкая, начинали сопеть и ерзать. Давно уже вошедший к ней бедуин всё ещё не выходил, а сидящие во дворе, как старые, так и молодые, спешили. Юный индус занял место в очереди, за ним сел сын Марии.

В середине двора росло огромное гранатовое дерево, усыпанное плодами, а по бокам ворот высились два кипариса: мужской — с прямым, как меч, стволом, и женский — с раскидистыми ветвями. На гранате висела богато украшенная клетка с куропаткой, птица прыгала вверх и вниз, чистила перышки и что-то щебетала.

Поклонники жевали финики и мускатные орехи для освежения дыхания, и беседовали друг с другом, чтобы скоротать время. Обернувшись, они дружелюбно поприветствовали молодого индуса и бросили пренебрежительный взгляд на бедно одетого сына Марии. Старик, сидевший первым, вздохнул.

— Ни с чем не сравнятся мои страдания, — промолвил он. — Как тягостно сидеть перед закрытой дверью рая!

Молодой купец, чьи ноги были украшены золотыми обручами, рассмеялся.

— Я вожу пряности с Евфрата к Великому морю. Видите эту куропатку? Так вот, я собираюсь купить Марию за корабль корицы и перца, посадить её в золотую клетку и увезти. Так что, мои сластолюбивые друзья, сегодня вы получите последний поцелуй.

— Спасибо, что сказал, мой ясноглазый, — перебил его второй старик с седой бородой и потемневшими от корицы руками. — Тем дороже нам будет этот поцелуй.

Юный индус прикрыл глаза и начал медленно раскачиваться, шевеля губами, словно произнося молитву. Ещё не вступив ногой в рай, он уже погрузился в вечное блаженство. До него доносилось кудахтанье куропатки, смех и стоны из-за двери, он слышал, как старуха у ворот высыпала живых крабов на жаровню и они запрыгали по горячим угольям.

«Это — рай, — думал он, уносимый волнами вечного покоя. — В этом беспробудном сне, который мы называем жизнью, я грежу о

рае. И другого нет. А теперь я могу уходить, ибо большего счастья не бывает».

Толстый мужчина в зелёном тюрбане, сидевший перед ним, толкнул его коленом и рассмеялся:

— Ну что, принц, что говорит твой Бог обо всем этом?

— О чём? — открыл глаза индус.

— О том, что ты видишь перед собой, — о мужчинах, женщинах, крабах, любви...

— Что всё это сон.

— Тогда, ребята, осторожнее, — вмешался старик с белоснежной бородой, перебиравший длинные янтарные четки, — смотрите, как бы не проснуться!

Маленькая дверь распахнулась, и из неё медленно вышел бедуин. Губы его опухли. Следующий по очереди старик вскочил, как двадцатилетний юнец, и бросился к двери.

— Эй, дедушка, смилуйся над нами и давай поскорее! — закричали ему вслед остальные.

Но старику было недосуг теперь болтать — он уже расстегивал пояс и, войдя внутрь, громко захлопнул за собой дверь.

На бедуина все смотрели с завистью, но никто не осмеливался заговорить: все чувствовали, что мысленно он парит далеко-далеко отсюда. Он скользнул по ним мутным взглядом, спотыкаясь, дошёл до двери, где едва не свалил жаровню старухи, и, наконец, исчез в петляющих улочках. И тут же ни с того, ни с сего толстяк в зелёном тюрбане, чтобы отвлечься, начал рассуждать о львах, океанах и далеких коралловых островах.

Шло время. То и дело из-за двери доносилось легкое позвякивание янтарных четок. Все по-прежнему не сводили глаз с двери — старик задерживался, очень задерживался.

Индус встал, и все в изумлении повернули к нему головы. Что такое? Может, он хочет что-то сказать? Или он собирается уйти?.. Лицо его лучилось от счастья, легкий румянец играл на щёках. Он покрепче завернулся в свою кашемировую шаль, приложил руку к губам и сердцу и вышел. И тень его невозмутимо скользнула вслед за ним через порог.

— Он проснулся, — заметил купец с золотыми обручами на ногах и попробовал рассмеяться.

Но всех внезапно обуял какой-то странный страх, и, чтобы избавиться от него, мужчины начали в нервной спешке обсуждать доходы и потери, текущие цены на рабов на рынках Дамаска и Александрии. Вскоре, однако, они успокоились и снова вернулись к разговорам об утехах с женщинами и мальчиками — языки развязались, и, облизывая губы, они затараторили наперебой.

— Господи, Господи, — повторял сын Марии, — куда Ты привел меня?! Куда? Сидеть с такими людьми? Какой позор, Господи! Дай мне сил вынести его!

Подошло время трапезы, и один из поклонников окликнул старуху, которая тут же появилась с хлебом, крабами, мясом и большим кувшином финикового вина. Один, насытившись, схватил большого краба и, швырнув его в дверь, закричал:

— Эй, дед, побыстрее! Нельзя же этим заниматься целый день!

И все разразились взрывами хохота.

— Господи, Господи, дай мне сил дождаться моей очереди! — снова забормотал сын Марии.

— Эй, парень, — сжавшись, повернулся к нему старик с надушенной бородой, — разве ты не хочешь есть или пить? Иди сюда и перекуси, это прибавит тебе сил.

— Да, приятель, поешь-ка, — смеясь, добавил толстяк в зелёном тюрбане, — мы не хотим, чтобы ты осрамил мужчин, когда подойдет твоя очередь.

Сын Марии залился краской и опустил голову.

— Этот тоже спит, — заметил старик, обгладывая краба и вытряхивая хлебные крошки, осыпавшие его бороду. — Клянусь Ваалом, спит. А потом тоже встанет и уйдет, помяните моё слово.

Сын Марии затравленно оглянулся. Неужели индус прав, и всё это — двор, гранатовое дерево, куропатка, люди — сон? Может, он всё ещё спит под кедром?

Он повернулся к воротам в поисках подтверждения и увидел под кипарисом своего бронзового спутника с орлиной головой. И впервые Иисус ощутил облегчение и радость при виде его.

Наконец дверь раскрылась, и из неё появился потный раскрасневшийся старик. Следующим был толстяк в зелёном тюрбане. Потом подошла очередь мужчины с золотыми обручами на ногах, потом другого старика. Сын Марии остался один.

Солнце уже садилось. Тяжёлые от золотых лучей, по небу плыли два облака, отбрасывая тонкий слой позолоты на землю, деревья, лица людей.

Вышел последний старик, вышел, постоял на пороге и, обтерев нос, глаза и губы, опустив плечи, направился на улицу.

Сын Марии встал и обернулся — его спутник проявил готовность следовать за ним. Он хотел было попросить подождать его за дверью, сказать, что хочет побыть один, что не убежит, но понял,

что все слова будут напрасными, и промолчал. Затянув пояс, он поднял глаза и взглянул на небо. Сомнения мучили его, но тут из комнаты донесся хриплый голос:

— Есть там кто-нибудь ещё? Заходи!

Это была Магдалина. Собрав все силы, он шагнул — дверь была приоткрыта — и дрожа вошёл внутрь.

Магдалина, нагая, потная, с распущенными волосами, лежала на спине, заложив руки за голову. Лицо её было обращено к стене, она зевала. Борьба с мужчинами утомила её. Её волосы, ногти, каждая пядь тела источала запахи всех мыслимых народов, руки, шея и грудь были покрыты следами укусов.

Сын Марии опустил глаза и остановился посередине комнаты, не в силах идти далее. Магдалина неподвижно ждала, отвернувшись к стене, но до слуха её не долетали привычные звуки сопения, прерывистого дыхания и шороха одежд. Она испуганно повернулась, вскрикнула и, схватив простыню, быстро обернула её вокруг своего тела.

— Ты! Ты! — воскликнула она и закрыла лицо руками.

— Мария, — промолвил Иисус, — прости меня!

Магдалина разразилась приступом хриплого душераздирающего хохота — казалось, её голосовые связки вот-вот порвутся.

— Мария, — повторил он, — прости меня!

И тут, вскочив на колени и подняв кулак, она заговорила:

— Так ты для этого пришёл ко мне, мой юный любовник? Для этого ты смешался с толпой моих почитателей, чтобы привести Бога к моей неостывшей постели? Ты опоздал, дружок, ах, как ты опоздал! А что касается твоего Бога, то я не нуждаюсь в нем — он уже разбил моё сердце!

Рыдая, она продолжала говорить, и грудь её вздымалась и опадала под простыней.

— Он разбил моё сердце, разбил моё сердце, — жалобно повторяла она, и две слезы, выкатившиеся из её глаз, повисли на ресницах.

— Не богохульствуй, Мария. Это я виноват, а не Господь. Для того я и пришёл, чтобы просить у тебя прощения.

— У тебя и твоего Господа одинаковые рожи, я вас не различаю, вы для меня одно и то же, — посетовала Магдалина. — Иногда Он приходит мне на ум по ночам — да будет проклят этот час! — и предстает передо мной с твоим лицом. А когда я случайно встречаю тебя — да будет проклят этот час! — мне кажется, что это Бог! И не надоедай мне со своим Богом! — заголосила она, потрясая кулаком. — Убирайся отсюда и больше никогда не попадайся мне на глаза! Для меня осталось одно прибежище — порок! Я молюсь и очищаю душу свою в единственной синагоге, имя которой — разврат!

— Мария, послушай, дай мне сказать. Не надо отчаиваться. Для того я и пришёл сюда, сестра моя, чтобы вытащить тебя из порока. На мне лежит много грехов, и теперь я иду в пустыню искупать их; много грехов, Мария, но твое горе тяготит меня превыше всего.

— Какое горе?! — растопырив пальцы, словно намереваясь разодрать Иисуса, набросилась на него Магдалина. — У меня всё прекрасно, просто замечательно. Я не нуждаюсь в твоём святейшем сострадании. Я борюсь в одиночку и не прошу помощи ни у людей, ни у богов, ни у бесов. Я борюсь, чтобы спасти себя, и я это сделаю!

— От чего же ты себя спасаешь или от кого?

— Не от порока, как ты думаешь, да благословит его Господь! На него-то я и возлагаю все свои упования. Он и есть мой путь к спасению.

— Порок?

— Да, порок: позор, грязь, эта постель, это тело, принадлежащее всем, покрытое укусами и выпачканное семенем, слюнями и потом мужчин всех племен и народов. И не смотри на меня своими овечьими глазами! Отойди, трус! Я не желаю тебя видеть. Ты мне противен! Не прикасайся ко мне! Я отдала свое тело на поругание, чтобы спастись и забыть тебя!

Сын Марии опустил голову.

— Это я виноват, — повторил он глухим голосом и сжал пояс, всё ещё покрытый запекшейся кровью. — Прости меня, сестра моя. Это я виноват, и я расплачусь за свою вину.

— Ты очень жалобно блеешь: «Это моя вина, это я виноват, сестра моя, я спасу тебя», — хриплый смех снова вырвался из груди Магдалины. — Но ты никогда не сможешь поднять голову как мужчина и сказать правду. Тебе ведь тоже хочется моего тела, но ты не осмеливаешься признаться в этом, поэтому и повторяешь, что хочешь спасти мою душу. Какую душу, болтун? Душа женщины — её плоть. И ты знаешь это, ты знаешь это, но у тебя не хватает мужества взять эту душу в руки, как мужчина, и поцеловать её — и спасти поцелуем! Мне жаль тебя. Я тебя презираю!

— Ты блудница, одержимая семью дьяволами! — побагровев от стыда, закричал теперь и Иисус. — Да, семью дьяволами — твой несчастный отец прав!

Магдалина вздрогнула, яростно скрутила свои волосы в узел и перевязала их красной лентой.

— Нет, не семью дьяволами, сын Марии, — помолчав, произнесла она. — Если я и одержима, то болью. Ты бы должен знать, что женщина — как раненая сука. Бедняжка, у неё нет других радостей, кроме как зализывать собственные раны, — глаза её снова наполнились слезами. Она смахнула их одним движением и снова лихорадочно заговорила. — Зачем ты пришёл сюда? Что ты от меня хочешь? Зачем стоишь над моей постелью? Уходи!

Иисус подошёл к ней ближе:

— Мария, помнишь, как мы были детьми...

— Я не помню! Да что это такое? Что ты слюни распускаешь? Постыдись! У тебя никогда не хватало мужества постоять за себя, тебе всегда было нужно на кого-нибудь опереться. Если ты не цеплялся за передник своей матери, то хватался за меня или за Бога, потому что ты — трус. Ты не осмеливаешься заглянуть даже в собственную душу, даже в собственное тело, потому что тебе страшно. А теперь ты бежишь прятаться в пустыню, закапываться в песок, потому что ты — трус! Трус! Я презираю тебя! Мне жаль тебя! Моё сердце разрывается, когда я думаю о тебе, — и, не в силах продолжать далее, она разрыдалась. Слезы хлынули потоками, смывая краску со щёк, пачкая простыни, и, как ни старалась, она не могла сдержать их.

Иисус почувствовал, как сжалось его сердце. Если бы он только смог преодолеть страх перед Господом, он бы сжал её в объятиях, осушил её слезы, обласкал её волосы, умиротворил её сердце, а потом взял бы с собой и увел куда глаза глядят!

Если бы он действительно был мужчиной, именно это он должен был бы сделать для её спасения. Что ей до постов, молитв, обителей? Чем они могли ей помочь? Как могут они спасти женщину? Забрать её из этой постели, уйти, основать мастерскую в отдаленном селении, взять её в жены, рожать детей, страдать и

радоваться, как это предписано человеческим созданиям: вот путь женщины, а вместе с ней и мужчины — единственный путь!

Опускалась ночь. Вдалеке прокатился гром. Блеск молнии ворвался через щель в двери и на секунду осветил лицо Марии. Затем слышались новые удары грома уже поблизости. Небо набухло, готовое пролиться дождем, и опустилось ниже.

Внезапно Иисус почувствовал невероятную усталость. Колени его подгибались, и он, скрестив ноги, опустился на пол. Тошнотворная вонь ударила ему в нос — смесь мускуса, пота и семени. Он приложил ладонь к горлу, чтобы его не вытошнило.

— Отвернись. Я хочу зажечь лампу, — донесся из темноты голос Марии.

— Я ухожу, — мягко ответил он и, собрав последние силы, поднялся на ноги.

Но Мария сделала вид, что не расслышала.

— Выгляни во двор. Если там кто-нибудь есть, скажи, чтобы уходили.

Он открыл дверь и выглянул наружу. Стемнело. Большие капли гулко падали на листья граната; небо так нависло над землей, что, казалось, оно вот-вот упадет. Старуха со своей горячей жаровней устроилась под кипарисом. Тяжёлые капли падали всё чаще и чаще.

— Никого, — ответил Иисус, поспешно закрывая дверь. Ливень хлынул в полную силу.

Магдалина тем временем спрыгнула с постели и завернулась в тёплую шерстяную шаль, расшитую львами и ланями, которая была подарена ей этим утром влюбленным эфиопом. Магдалина

подрагивала от удовольствия при соприкосновении с нежной тканью. Встав на цыпочки, она сняла со стены лампу.

— Никого, — повторил Иисус, не в силах скрыть своей радости.

— А старуха?

— Под кипарисом. Там настоящий ураган.

Мария выскочила во двор и пошла на свет горячей в темноте жаровни.

— Бабушка Ноеми, бери своих крабов и жаровню и иди домой, я закрою. Сегодня больше никого не будет.

— У тебя там любовник? — прошипела старуха, раздосадованная потерей ночных клиентов.

— Да, — ответила Магдалина. — Он остается, а ты иди.

Ворча, старуха поднялась и начала собирать свои вещи.

— Твой оборванец — настоящий красавец, — прошамкала она беззубым ртом, но Мария поспешно вытолкала её за ворота и задвинула засов.

Небеса разверзлись, словно вознамерились затопить двор блудницы. Радостный крик вырвался из её груди, как это бывало в детстве, когда на землю обрушивался первый осенний дождь. Когда она вошла в дом, шаль её промокла насквозь.

Иисус стоял посередине комнаты в нерешительности — оставаться или уходить? Какова воля Господа? Здесь было уютно и тепло, он даже привык к тошнотворному запаху. На улице дождь, ветер, холод, а он никого не знал в Магдале, да и Капернаум был ещё далеко. Остаться или уходить — он колебался.

— Льет как из ведра, Иисус. Могу поклясться, что ты ничего не ел с утра. Помоги мне разжечь огонь, и мы что-нибудь приготовим поесть, — голос у неё был нежный и ласковый, как у его матери.

— Я уйду, — ответил он, поворачиваясь к двери.

— Сядь, и мы поедим вместе, — решительно повторила Магдалина. — Или ты брезгуешь? Боишься осквернить себя трапезой с блудницей?

Иисус взял в углу поленья и растопку и, склонившись над очагом, развел огонь.

Магдалина, умиротворенно улыбаясь, налила в горшок воды и установила его над огнём. Потом из висящего на стене мешка взяла две полных пригоршни сухой фасоли, бросила её в горшок и, опустившись на колени перед огнём, прислушалась. На улице бушевал ливень.

— Ты спрашивал меня, Иисус, — мягко произнесла она, — помню ли я то время, когда мы были детьми и играли вместе...

Но мужчина, тоже встав на колени перед очагом, не шевелясь смотрел в огонь — мысли его блуждали далеко. Ему казалось, что он уже достиг обители в пустыне, облачился в белые одежды и пребывает в одиночестве — и сердце его, подобно маленькой счастливой золотой рыбке, безмятежно резвится в глубоких и невозмутимых водах Господа. На улице непогода, казалось, вознамерилась разрушить всё до основания, но в душе Иисуса царил мир, любовь и покой.

— Иисус, — повторил голос рядом, — ты спрашивал меня, помню ли я время, когда мы были детьми и вместе играли...

По лицу Магдалины пробегали отсветы пламени, оно покраснелось и полыхало, как раскалённое железо. Но плотник, погружённый в свои размышления, вновь не услышал её.

— Тебе было три, Иисус, — продолжала женщина, — а я была на год старше. К дверям нашего дома вели три ступени, я обычно сидела наверху и смотрела, как ты часами пытаешься залезть на первую. Ты падал, поднимался и начинал всё сначала, а я даже пальцем не шевелила, чтобы помочь тебе. Я мечтала, как ты до меня доберешься, но не сразу, а только после долгих мучений... Помнишь?

Не иначе как дьявол, один из тех семи, толкал и заставлял её говорить с этим мужчиной, искушая его.

— Многие часы уходили у тебя на то, чтобы забраться на первую ступеньку. Потом вторая, и, наконец, третья, где неподвижно сидела я в ожидании. Я тогда...

— Замолчи! — вскрикнул Иисус, пытаясь остановить её. — Не надо больше!

Лицо Магдалины горело, отблески пламени лизали её глаза, губы, подбородок, обнажённую шею. Она взяла несколько лавровых листьев и, вздохнув, бросила их в огонь.

— И тогда ты брал меня за руку — да-да, Иисус, ты брал меня за руку, мы спускались во двор и ложились на камни пятками друг к другу. Мы чувствовали, как через подошвы ног сливается тепло наших тел, поднимаясь всё выше и выше — к бедрам, чреву... мы закрывали глаза и...

— Нет! — снова вскрикнул искушаемый и поднял руку, чтобы закрыть ей рот, но, испугавшись скверны, тут же отдернул её.

Женщина вздохнула и продолжила почти шёпотом:

— Никогда за всю свою жизнь я не испытывала такого счастья. И с каждым новым мужчиной я жаждала обрести его снова, Иисус, но мне этого так и не удалось.

— Адонай! — сын Марии сжался и спрятал свое лицо в коленях. — Адонай, помоги!

Вокруг царила тишина, если не считать потрескивания огня в очаге да бульканья фасоли в котле. Снаружи земля, раскрыв свои чресла, вбирала в себя с грохотом изливающееся с небес семя.

— О чём ты думаешь, Иисус? — спросила Магдалина, не осмеливаясь взглянуть на него.

— О Боге, — ответил он приглушенным голосом, — о Яхве, — и не успев договорить, он пожалел, что осквернил имя Господа, произнеся его в таком доме.

Магдалина вскочила и принялась метаться по комнате — бешенство закипало в её груди.

«Господь — могущественный противник, — думала она, — Он всегда тут как тут. Он злобен и ревнив. Он никому не позволит быть счастливым». Она остановилась у двери и прислушалась: небеса бушевали, поднявшаяся буря стучала во дворе плодами граната, падавшими на землю.

— Дождь немного стих.

— Я пойду, — ответил сын Марии вставая.

— Поешь сперва и наберись сил. Куда ты пойдешь в такой час? На улице темно, хоть глаз выколи, да и дождь ещё не кончился. — Она расстелила на полу круглый коврик. Затем сняла с огня глиняный горшок, открыла маленький шкафчик, скрытый в стене, достала ячменный хлеб и две глубоких глиняных миски.

— Это пища блудницы. Ешь, ешь, если не брезгуешь.

Иисус не колеблясь протянул руку, и Магдалина рассмеялась.

— Так-то ты ешь? — прошипела она. — Не помолившись? Может, ты всё-таки поблагодаришь Господа за то, что он послал тебе хлеба, фасоли и блудницу?

Кусок застрял у Иисуса в горле.

— За что ты так ненавидишь меня, Мария? Зачем смеешься надо мной? Видишь, я готов преломить хлеб с тобой, мы снова стали друзьями. Кто старое помянет, тому глаз вон. Прости меня. За тем я и пришёл.

— Ешь, и хватит ныть. Если тебе не дают прощения, возьми его силой. Ты ведь мужчина. — Она преломила хлеб со смехом. — Да будет благословенно имя Того, кто посылает нам хлеб, фасоль, блудниц и благочестивых гостей!

Оба замолчали, сидя друг против друга, и принялись за еду: они проголодались и много перенесли за день — надо было восстановить силы.

Дождь утихал. Небо успокоилось, земля была напоена. Снаружи доносилось лишь журчание ручьев, бегущих по мощеным улицам.

Покончив с трапезой, они запили её вином, маленький кувшинчик которого также хранился в шкафу. На сладкое были спелые финики. Они смотрели на угасающий огонь и молчали. Мысли их вспыхивали и гасли, танцуя вместе с языками пламени.

Стало холодно — Иисус подбросил в огонь поленьев, Магдалина кинула сверху щепотку сухой ароматной смолы, и комната наполнилась благоуханием. Женщина подошла к двери и открыла её: поднявшийся ветер разогнал тучи, и над домом засияли две огромных, чисто умытых звезды.

— Дождь ещё идёт? — спросил Иисус, который снова замер посередине комнаты в нерешительности.

Магдалина не ответила. Она раскатала циновку, достала из сундука простыни и толстые шерстяные одеяла — подарки своих любовников, и расстелила постель перед очагом.

— Ты будешь спать здесь. На улице холодно и ветер, к тому же на дворе полночь. Куда ты пойдешь? Простудишься и умрешь. Будешь спать здесь — рядом с очагом.

— Здесь? — вздрогнул Иисус.

— Испугался? Успокойся, мой невинный голубок, я не потревожу твой сон. Я не стану искушать тебя и не нарушу твою девственность, не велика нужда!

Она подбросила в огонь ещё поленьев и уменьшила свет в лампе.

— Счастливых снов. Завтра у нас обоих много дел. Ты пойдешь по одной дороге искать свое спасение, я свое — по другой. Каждый по своей, и мы больше никогда не встретимся. Спокойной ночи.

Она упала на свою постель, зарывшись головой в подушку и кусая простыни, чтобы сдержать рыдания. Она боялась испугать спящего рядом. Всю ночь она прислушивалась к его спокойному дыханию, тихо вздыхала и баюкала его про себя, как мать.

На рассвете сквозь полуприкрытые ресницы она видела, как Иисус встал, туго затянул свой пояс и открыл дверь. Здесь он замешкался: он хотел идти и не мог. Обернувшись, он взглянул на её постель и сделал к ней один неуверенный шаг. Он нагнулся (в комнате всё ещё было темно), словно ища эту женщину, чтобы прикоснуться к ней.

Магдалина неподвижно лежала на спине, распущенные волосы закрывали её обнажённую грудь. Она глядела на него сквозь ресницы и трепетала.

— Мария... — шевельнулись его губы. Но как только он услышал свой голос, его охватил страх. Одним прыжком он очутился у порога, поспешно пересек двор и отодвинул засов.

И тогда, вскочив со своей постели и отбросив простыни, Мария Магдалина разрыдалась.

ГЛАВА 8.

Постройки обители, сложенные из пепельно-красного камня, прятались между огромных скал такого же цвета за Генисаретским озером. В полночь над ними разверзлись хляби небесные, ниспадая не каплями, но потоками. Обезумев от грохота грома, гиены, волки и шакалы оглашали воем окрестности. Всполохи молний то и дело освещали стены обители, выхватывая их из кромешной тьмы, словно Бог Синая решил высечь их за провинности. Отшельники, лежа на полу своих келий, молили Господа не устраивать второй потоп. Ведь он обещал спасение патриарху Ною и в знак дружбы протянул радугу от небес до земли.

Свет горел лишь в келье настоятеля. Настоятель Иоахим, сидя под семируким подсвечником в своем кипарисовом кресле, слушал юного послушника Иоанна, который, стоя за кафедрой, читал вслух из пророка Даниила. Настоятель был худ, его мучила одышка, белая борода ниспадала водопадом ему на грудь.

— Видел я в ночном видении моем, и вот, четыре ветра небесных боролись на великом море, и четыре больших зверя вышли из моря, непохожие один на другого. Первый — как лев, но у него крылья орлиные; я смотрел, доколе не вырваны были у него крылья, и он поднят был от земли и стал на ноги, как человек, и

сердце человеческое дано ему. И вот ещё зверь, второй, похожий на медведя, стоял с одной стороны, и три клыка во рту у него, между зубами его; ему сказано так: «Встань, ешь мяса много!» Затем видел я: вот — ещё зверь, как барс; на спине у него четыре птичьих крыла, и четыре головы были у зверя сего, и власть дана была ему...

Послушник запнулся и умолк. Слух его не улавливал ни вздохов настоятеля, ни даже его дыхания. Жив ли он? Уже много дней он отказывался принимать пищу. Он гневался на Бога и желал умереть. Он ясно дал понять братьям, что стремится к смерти, дабы избавиться от груза плоти и вознестись к Господу на небеса. Он должен был донести до Него свои жалобы — ему надо было встретиться с Ним. Но тело так тяготило, так влекло его к земле... Вот он и решил отдать его земле, оставить в могиле, чтобы истинный Иоахим мог взлететь и поведать Господу о своих печалях. Это был его долг. Разве не он был одним из пророков Израиля? Уста людей безгласны. Они не могут предстать перед Господом и поведать о своих страданиях. А Иоахим мог — так что выбора не оставалось!

Послушник перевел взгляд: семисвечник освещал голову настоятеля — лицо его было изборождено морщинами, кожа загрубела от постов и солнца: как она напоминала вымытые дождем черепа животных, на которые иногда натыкались караваны в пустыне! Сколько видений пронеслось в этой голове, сколько раз перед очами этого человека разверзались небеса и недра ада! Его мысли были подобны лестнице Иакова, по которой все заботы и надежды Израиля сновали вверх и вниз.

Настоятель открыл глаза и увидел перед собой смертельно бледного послушника. При свете меноры светлый пушок его щёк золотился во всей прелести своей девственности, взор, устремленный вдаль, был полон печали.

Суровое лицо настоятеля смягчилось. Он любил этого красивого юношу, которого ему удалось забрать от его отца, Зеведея, привести сюда и отдать Господу. Ему нравилась его покорность и твердость в вере, его молчаливость и ненасытность взгляда, его мягкость и понятливость. «Когда-нибудь, — думал Иоахим, — этот мальчик будет говорить с Богом и сделает то, что не удалось мне; два шрама, которые ноют на моих лопатках, у него превратятся в крылья. И если я не вознесся при жизни, он вознесется».

Как-то раз на Пасху мальчик приехал в обитель вместе со своими родителями. Настоятель, дальний родственник старого Зеведея, радушно принимал их и усадил за собственный стол. Иоанну было тогда шестнадцать. И вот когда он ел, склонившись над столом, он вдруг почувствовал взгляд настоятеля, который проникал всё глубже и глубже к нему в душу. В ужасе он поднял глаза, и два взгляда встретились над пасхальным столом. С тех пор Генисаретское озеро стало тесным для него, ничто его не веселило. Он вздыхал и таял на глазах, пока в одно прекрасное утро старый Зеведей, будучи не в силах больше выносить это, не закричал:

— Твоя голова забита не рыбной ловлей, а Богом. Ну так и отправляйся в обитель. Слава Богу, у меня два сына. Господь хочет, чтобы я с Ним поделился — так тому и быть — пусть получит свое!

Настоятель взглянул на юношу, собираясь побранить его, но при виде молитвенного выражения его лица смягчился.

— Почему ты остановился, дитя моё? Ты отвлекся посередине рассказа. Так не следует делать. Даниил был пророком, а пророков следует почитать.

Послушник залился краской, снова раскатал на кафедре пергаментный свиток и продолжил монотонно читать:

— После сего видел я в ночных видениях, и вот — зверь четвёртый, страшный и ужасный и весьма сильный; у него — большие железные зубы; он пожирает и сокрушает, остатки же попирает ногами; он отличен был от всех прежних зверей, и десять рогов было у него...

— Хватит! — воскликнул настоятель. — Достаточно!

Крик испугал Иоанна, и свиток скатился на каменный пол. Юноша поднял его, приложился к нему губами и, глядя на учителя, отошёл в угол. Настоятель кричал, впившись ногтями в подлокотники кресла:

— Все твои пророчества сбылись, Даниил. Четыре зверя прошло над нами. Явился лев с орлиными крыльями и растерзал нас, явился медведь, кормящийся плотью иудеев, и пожрал нас, явился четырехглавый барс и изъязвил нас с востока, запада, севера и юга. Бесстыдный зверь с железными зубами и десятью рогами воссел на нас. Весь позор и бесчестье, о которых пророчествовал ты, Господь наслал на нас, и мы благодарим тебя! Но ты пророчествовал и о благе. Почему же оно не приходит? Отчего, Господи, Ты так жаден до него? Ты щедро излил на нас беды, будь же столь щедр в своих благодеяниях! Где Сын человеческий, обещанный нам?.. Читай, Иоанн.

Юноша вышел из угла, где стоял всё это время, прижав к груди свиток, и, подойдя к кафедре, продолжил. Но в голосе его, как и в голосе учителя, появились угрожающие нотки:

— Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шёл как бы Сын человеческий, дошёл до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится.

Не в силах более сдерживаться, настоятель вскочил, сделал шаг, другой, споткнулся и чуть не упал, схватившись за священную рукопись.

— Где Сын человеческий, которого Ты обещал нам? Дал Ты свое слово или нет? Тебе не удастся отказаться от него — оно занесено в Писание! — и он торжествующе ударил кулаком по свитку. — Всё записано! Читай снова, Иоанн! — Не дожидаясь, когда послушник начнет, настоятель схватил Писание и, подняв его вверх, не глядя, принялся ликующе выкрикивать:

— И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится, — он положил свиток на кафедру и взглянул в заоконный мрак. — Ну так где же Сын человеческий? — закричал Иоахим, вглядываясь в темноту. — Ты обещал его, так что теперь он принадлежит нам, а не Тебе! Так где же он? Почему Ты не даешь ему власти, славы и царства, чтобы Твой народ, народ Израиля стал правителем Вселенной? У нас уже шеи затекли от долгого глядения в небо. Так когда же, когда? Что ж Ты медлишь — ладно, мы знаем, что Твоя секунда — тысяча лет человеческих. Но если б Ты был справедлив, Господи, Ты бы стал мерить время человеческой мерой, а не божеской. Вот что такое справедливость!

Он двинулся к окну, но колени его подогнулись, он закачался и вытянул руки, словно пытаясь схватиться за воздух. Иоанн бросился к нему на помощь, но настоятель сердито махнул рукой, чтобы тот не приближался. Призвав все свои силы, он добрался до окна, оперся о стену и высунулся как можно дальше из окна. Темнота... Молнии вспыхивали всё реже, но дождь продолжал лить. Кусты, освещаемые молниями, казалось, вращались, меняя форму, словно толпа калек вздымало к небу обрубки рук, изъеденные проказой.

Иоахим напряженно вслушивался в ночь: издали донесся вой дикого пустынного зверя, кричащего от страха. А над их годовой ревел и метался другой зверь, окутанный огнём и смерчами. Настоятель вслушивался в голоса пустыни. Вдруг он вздрогнул и обернулся: кто-то невидимый вошёл в его келью. Семь язычков пламени затрепетали и готовы были погаснуть. Все девять струн стоявшей в углу псалтири задрожали и зазвенели, словно невидимая рука коснулась их. Иоахим затрепетал.

— Иоанн, подойди ко мне поближе, — попросил он, оглядываясь.

— Повелевай, отец. — Выйдя из угла, послушник опустился перед ним на колени.

— Пойди, Иоанн, позови братьев. Мне надо сказать им кое-что перед уходом.

— Перед уходом, отец? — юноша вздрогнул, увидев за спиной старца два чёрных трепещущих крыла.

— Я ухожу, — промолвил настоятель, и голос его вдруг прозвучал словно уже с другого берега. — Я ухожу! Разве ты не видишь, как трепещет и срывается с фитилей пламя? Не слышишь, как безумно дрожат струны псалтири, готовые разорваться? Я ухожу, Иоанн. Беги звать братьев. Я хочу говорить с ними.

Иоанн склонил голову и исчез. Настоятель остался один под сенью подсвечника. Наконец он был один на один с Богом: он мог говорить свободно и бесстрашно. Он спокойно поднял голову, твердо зная, что перед ним стоит Господь.

— Иду, иду. Зачем Тыходишь в мою келью, задуваешь пламя, тревожишь струны? Я иду к Тебе, и не по Твоей воле, но по собственной. Я иду. В руках моих таблички с жалобами моего народа. Я хочу видеть Тебя и говорить с Тобой. Я знаю. Ты не привык слушать, по крайней мере, делаешь вид, что не слышишь,

но я буду стучать в Твою дверь, пока Ты не откроешь, а если Ты не откроешь (сейчас меня никто Не слышит, и я скажу Тебе прямо), если Ты не откроешь дверь, я её выломаю! Ты жестокосерд и любишь жестокосердых — лишь они могут называть себя Твоими сыновьями. До сих пор мы рыдали и повторяли: «Да исполнится воля Твоя!» Но мы не можем больше ждать, Господи. Сколько ещё? Ты жестокосерд и любишь жестокосердых — так мы ожесточимся. Да исполнится теперь наша воля, наша! — Настоятель прислушался. Дождь кончился, далеко с востока доносились приглушенные раскаты грома. Семь язычков пламени спокойно горели над седой головой старика.

Иоахим замер в ожидании, когда огонь снова затрепещет, когда вздрогнут от страха струны... Но нет! Он покачал головой.

— Да будет проклята плоть человеческая! — пробормотал он. — Вечно она идёт поперек духа и не дает разглядеть невидимое. Убей меня, Господи. Я хочу избавиться от непроницаемой стены своей плоти, которая не дает мне расслышать Тебя!

Тем временем дверь кельи бесшумно отворилась, и внутрь вошли разбуженные братья — все в белом. Встав у стены, они замерли в ожидании, словно бесплотные духи. Они слышали последние слова настоятеля, и дыхание остановилось в них: «Он говорит с Богом, он бранит Его — теперь всех нас поразит гром!»

Иоахим обернулся. Но взгляд его блуждал где-то далеко. К нему подошёл Иоанн и пал ниц.

— Все собрались, — мягко произнес он, чтобы не испугать Иоахима.

До старца долетел голос Иоанна, и он медленно двинулся к креслу, стараясь как можно прямее держать свое умирающее тело. Дойдя до кресла, он сел и замер. Амулет со священными апофтегмами (9),

висевший на его руке, развязался. Молодой послушник вовремя подхватил его и снова затянул, прежде чем тот успел упасть на пол и оскверниться от соприкосновения с землей, по которой ступали человеческие ноги. Настоятель протянул руку и сжал посох с навершием из слоновой кости. Почувствовав прилив сил, он поднял голову и окинул взглядом сбившихся в кучу братьев.

— Дети мои, — вымолвил он, — я хочу сказать вам несколько слов, последних. Раскройте свои уши, и если кто-нибудь ещё не проснулся, пусть уйдет. То, что я скажу, понять нелегко. В вас должны пробудиться все ваши страхи и упования, дабы вы смогли мне ответить.

— Мы слушаем, святой отец, — откликнулся старейший из братии Аввакум и приложил руку к сердцу.

— Это мои последние слова, братья. Я стану говорить иносказаниями.

— Мы слушаем, святой отец, — повторил Аввакум.

Настоятель склонил голову и понизил голос:

— Сначала видны крылья и лишь затем ангел! — Он помолчал, переводя взгляд с одного на другого, и покачал головой. — Братья, что вы на меня так смотрите, раскрыв рты? Аввакум, ты поднял руку и шевелишь губами. Ты хочешь возразить?

Тот приложил руку к сердцу:

— Ты сказал «сначала видны крылья и лишь затем ангел». Святой отец, мы никогда не видели этих слов в Писании.

— Да как же вы могли их видеть там, Аввакум? Горе мне! Ваши души всё ещё в тумане. Вы читаете пророчества, но ваши глаза видят лишь буквы. А что могут сказать буквы? Буквы суть чёрные прутья решетки, за которой бьется и вопиет дух. Дух дышит

свободно лишь между букв, между строк, да на полях; а вместе с ним дышу и я. И вот я говорю вам: братья, сначала видны крылья и лишь затем ангел!

Отец Аввакум снова приоткрыл рот:

— Наши души, святой отец, словно потухшие лампы. Зажги их, зажги, чтобы мы смогли принять твое иносказание и понять его.

— Вначале, Аввакум, была тоска по свободе. Свободы ещё не было, но однажды во мгле рабства кто-то с безумной скоростью замахал своими скованными руками, словно крыльями, — один, другой и наконец целый народ.

— Народ Израиля? — раздались радостные голоса.

— Да, братья, народ Израиля! Сейчас мы и переживаем этот великий и ужасный миг. Жажда свободы стала нестерпимой, крылья уже бьются над головой — освободитель грядет! Да, братья, он близко, потому что... Поймите, как вы думаете, из чего соткан этот ангел свободы? Из милости Господа? Из Его любви и справедливости? Нет, он создан борьбой, упрямством и терпением человечества!

— Святой отец, ты возлагаешь на плечи человека тяжёлые обязательства — непереносимый груз, — осмелился возразить старый Аввакум. — Твоя вера в человека так велика?

Но настоятель не обратил на него внимания — мысли его были обращены к Мессии.

— Он — один из наших сыновей, — выкрикнул он. — Потому в Писании он и назван Сыном человеческим! Как вы думаете, зачем поколение за поколением, тысячи и тысячи мужчин и женщин Израиля совокуплялись и рожали детей? Соприкоснуться чревами и насладиться друг другом? Нет! Все эти сотни тысяч соитий нужны были лишь для того, чтобы родить Мессию!

Иоахим ударил посохом о пол:

— Будьте бдительны, братья! Он может прийти днем или среди ночи. Будьте готовы — чистые духом, постящиеся, бодрые. Горе тому, кого он найдет спящим, пресыщенным или полным скверны!

Братья прятались друг за друга, не осмеливаясь взглянуть на Иоахима: он излучал жгучее пламя, вздымавшееся над его головой и обжигавшее их лица.

Встав с кресла, умирающий твердыми шагами подошёл к своей пастве и, протянув посох, по очереди дотронулся до каждого.

— Будьте бдительны, братья! Стоит жажде исчезнуть хоть на мгновение, и крылья снова обратятся в цепи. Бодрствуйте, боритесь, не дайте ни на миг угаснуть факелу своей души. Боритесь! Куйте крылья! Я ухожу — мне пора к Господу. Я ухожу... Вот мои последние слова: боритесь, куйте крылья! — Внезапно он перестал дышать, посох выскользнул из его рук. Беззвучно и мягко старик опустился на колени и тихо упал на пол. Юный послушник вскрикнул и бросился на помощь учителю. Братья, склонившись, уложили его на спину и, опустив подсвечник, установили его над мёртвенно-бледным неподвижным лицом старика. Белая ряса его распахнулась, обнажив вериги с острыми железными крючьями, впивавшимися в грудь и бока настоятеля.

Аввакум приложил руки к его сердцу.

— Он мёртв.

— Он дождался своего избавления, — прибавил кто-то.

— Душа и тело расстались и разошлись по своим обиталищам, — прошептал третий, — плоть вернулась в землю, душа — к Богу.

Но пока они перекидывались замечаниями и собирались нагреть воду, чтобы омыть тело, Иоахим раскрыл глаза. Братья отпрянули в

ужасе. Его лицо было прекрасно, тонкие, с длинными пальцами руки шевелились, глаза лихорадочно блестели.

Аввакум снова опустился на колени и приложил руку к его сердцу.

— Бьется, — прошептал он. — Жив.

Он обернулся к послушнику, который лежал на полу, целуя ноги старого настоятеля.

— Вставай, Иоанн. Возьми самого быстрого верблюда и скачи за старым раввином Симеоном. Он вылечит нашего пастыря. Скорее, уже светает!

Брезжил рассвет. Облака рассеялись, и удовлетворенная вымытая земля сияла, с благодарностью глядя на небо. Два ястреба взмыли вверх и, обсушивая после дождя крылья на солнце, принялись кружить над обителью.

Послушник, утерев слезы, бросился в стойло и выбрал молодую верблюдицу с белой звёздочкой во лбу. Опустив её на колени, он взобрался ей на спину и издал пронзительный гортанный крик. Верблюдица дернулась, поднялась на ноги и широкими шагами направилась к Назарету.

Утро сияло над Генисаретским озером. Вода искрилась под лучами солнца — вблизи ещё мутная от размытых за ночь берегов, дальше голубовато-зелёная, а совсем далеко — молочно-белая. Паруса были развешены на просушку, но несколько лодок уже вышли в открытые воды — рыбная ловля началась. Розовато-белые поплавки весело подпрыгивали на воде. На камни взгромоздились бакланы, следя своими круглыми глазами, не вынырнет ли какая-нибудь рыба на поверхность порезвиться в волнах. На берегу просыпался вымокший до основания Капернаум: петухи отряхивали крылья, ревели ослы, ласково мычали телята; и

осмысленная человеческая речь вносила во всю эту разноголосицу покой и радость.

В укромной бухточке дюжина рыбаков, упершись своими сильными ногами в гальку и что-то напевая себе под нос, тащили сети. Над ними высился старый Зеvedей — их речистый и хитрый хозяин. Делая вид, что он души не чает в каждом, он, однако, не позволял им и минуты отдыха. Они получали поденную плату, и ненасытный жадюга должен был быть уверен, что они ни секунды не потеряли даром.

Послышался звон колокольчиков — к берегу приближалось стадо коз и овец. Кто-то засвистел, залаяли собаки. Рыбаки обернулись взглянуть, но Зеvedей был тут как тут.

— Это Филипп со своими филиппятами, — раздраженно рявкнул он. — За работу, ребята, за работу! — и сам схватился за веревку.

От деревни подходили всё новые и новые рыбаки с сетями, за ними следовали жены, неся на головах корзины с провизией на день. Дойдя до берега, не теряя времени, они тут же садились за весла и уходили на промысел. С берега было видно, как между гребками они подкрепляются хрустящим хлебом, лежавшим у них на коленях. Филипп залез на скалу так, чтобы его видели все, и свистнул — ему не терпелось поболтать, но старый Зеvedей лишь хмурил брови.

— Отвяжись, Филипп, — наконец, не выдержав, заорал он. — У нас дела. Пойди к кому-нибудь другому, — и повернулся к нему спиной, ворча себе под нос: — Пусть болтает с Ионой, он тоже там забрасывает свои снасти. А что до нас, парни, то у нас дела. — И он опять схватился за веревку и принялся тащить её.

Рыбаки снова затянули свою заунывную, монотонную песню, не спуская глаз с красных тыквенных поплавков, подплывавших всё

ближе и ближе. Но в тот момент, когда они уже готовы были вытащить на берег чрево сети, кишасщее рыбой, вдали раздался шум и пронзительные крики. Старый Зеведей наострил свое огромное, поросшее волосами ухо, а его люди, воспользовавшись случаем, тут же прекратили работу.

— Что случилось, парни? Похоже на погребальную песнь — женщины плачут, — произнес Зеведей.

— Какой-то большой человек умер, — ответил ему старый рыбак.
— Да наградит тебя Господь долгой жизнью, хозяин.

Но старый Зеведей уже карабкался на скалу, не сводя своих хищных глазок с долины, по которой спотыкаясь бежали люди, запевая погребальную песнь. Деревня шумела — мимо пробегали женщины с распущенными волосами, низко опустив головы, шли мужчины.

— Что случилось? — окликнул их Зеведей. — Куда вы? Почему плачут женщины?

Но все спешили к токам, и ему никто не отвечал.

— Эй, куда вы? Кто умер? — заорал Зеведей, махая руками. — Кто умер?

— Зерно! — остановившись, чтобы перевести дыхание, пробурчал какой-то толстяк.

— Говори яснее. Я — Зеведей, со мной шутки плохи. Кто умер?

— Пшеница, ячмень, хлеб! — донеслись крики со всех сторон.

Старый Зеведей остался стоять с открытым ртом, но потом хлопнул себя по заднице — до него дошло.

— Ливень, — пробормотал он, — он смыл урожай с токов. Ну, пусть бедные плачут, нас это не касается.

Крики наводнили уже всю долину. В деревне не осталось ни души. Женщины на токах падали ниц и, ползая в грязи, спешили собрать то немного, что сохранилось в выемках и бороздах. Руки у рыбаков Зеvedей бессильно упали — у них не было сил тянуть сети. Зеvedей при виде их праздности пришёл в ярость.

— За работу! — заорал он, спускаясь со скалы. — Взяли! — и снова схватился за веревку, изображая невероятные усилия. — Слава Тебе, Господи, мы — рыбаки, а не земледельцы. Пусть хоть потоп. Как известно, рыба не тонет. Это ясно как Божий день!

Бросив свое стадо и перепрыгивая с камня на камень, приближался Филипп.

— Новый потоп, парни! — закричал он, внезапно выныривая из-за валуна. — Да остановитесь вы, ради Бога, поболтаем. Похоже, конец света! Вы только посмотрите, сколько несчастий! Позавчера распяли зелота — наше упование. Вчера Господь разверз хляби небесные, как раз когда заполнились тока, и смыл весь наш хлеб. А тут намедни овца принесла у меня двухголового ягненка. Говорю вам, это — конец света! Да кончайте вы работать, ради Господа, давайте обсудим!

— Убирайся отсюда к чёрту, Филипп, и оставь нас в покое, — взревел Зеvedей — кровь ударила ему в голову. — Не видишь, у нас стоит работа. Мы — рыбаки, ты — пастух, пусть горюют земледельцы — какое нам дело? Эй вы, за работу!

— И тебе, Зеvedей, не жалко земледельцев? Они же помрут с голоду! — возразил пастух. — Это же наши братья, израильтяне, мы же одно дерево, и землепашцы — наши корни, если они высохнут, мы все погибнем. И к тому же, если грядет Мессия, а мы все отдадим Богу душу тем временем, кого Он будет спасать? Ответь-ка, если сможешь!

Старый Зеведей запыхтел и начал раздуваться от гнева, словно должен был вот-вот взорваться.

— Уйди ради Господа, уйди к своим филиппятам. Меня уже тошнит от ваших Мессий. Стоит ему появиться, как его тут же распинают; а за ним уже спешит следующий. Знаешь, что просил передать Андрей своему отцу Ионе? — Кресты теперь повсюду, куда ни плюнь, темницы забиты Мессиями! О-о-о, с меня довольно! Нам и без Мессий хорошо, а от них одни сплошные неприятности. Слушай, принеси-ка мне сыру, а я тебе дам за это рыбы. Ты дашь мне, я дам тебе — вот и Мессия! — он рассмеялся и повернулся к своим работникам. — Пошевеливайтесь, парни, пора разводить костер и ставить похлебку. Солнце поднялось уже на два локтя, а мы ещё не сдвинулись с места.

Филипп сделал было шаг назад к своему стаду и тут же остановился. На узкой тропинке, вьющейся вдоль берега, показался нагруженный до ушей, изнемогающий от тяжести осел, за которым следовал рыжебородый босой гигант с обнажённой грудью. Он спешил, погоняя несчастное животное стрекалом.

— Глядите! Старый бес Иуда Искарот собственной персоной! — остановившись, закричал пастух. — Снова отправился по деревням подковыривать мулов и ладить мотыги. Пошли послушаем, что он скажет!

— Чума на него! — пробормотал старый Зеведей. — Не нравится мне цвет его волос. Я слышал, что у его предка Каина борода была такого же цвета.

— Бедняга родом из Идумеи, — заметил Филипп. — Там до сих пор рыскают львы. Так что лучше с ним не спорить, — и, засунув в рот два пальца, он засвистел Иуде.

— Привет, Иуда, рад тебя видеть! Заворачивай сюда, чтоб мы могли получше разглядеть тебя.

Рыжебородый сплюнул и выругался. Он не любил этого пастуха, не любил хапуги Зеведея, не любил их всех, вместе взятых. Но он был кузнецом, человеком дела, знал, что нельзя терять заказчиков, и ему ничего не оставалось, кроме как направиться к этим людям.

— Какие ты привез нам новости? — осведомился Филипп. — Что делается в долине?

Рыжебородый дернул осла за хвост, и тот остановился.

— Всё прекрасно, — ответил он с сухим смешком. — Господь на редкость милостив, да будет благословенно Его имя! Да, Он любит свой народ! В Назарете Он распинает пророков, а здесь, в долине, насылает потоп и уничтожает хлеб. Вы разве не слышите плач? Женщины так воют из-за пшеницы — можно подумать, что погибли все их сыновья.

— Всё, что ни сделает Господь, всё хорошо, — запальчиво возразил Зеведей, видя, что опять никто не работает. — Что бы Он ни делал, я Ему доверяю. Если все потонули, я один уцелел — это Господь защитил меня. Если все уцелели, я один потонул — снова Господь меня защитил, избавил от мук. Говорю вам — я Ему доверяю. Ясно как Божий день.

Услышав это, рыжебородый позабыл, что он простой труженик, еле сводящий концы с концами и полностью зависящий от этих самых людей, и, подхлестываемый дурным расположением духа, в котором пребывал, начал выкладывать всё начистоту:

— Ты Ему доверяешь, Зеведей, лишь потому, что Всевышний мягко стелет для тебя и твоих делишек. В твоём распоряжении пять лодок, а в услужении пятьдесят рыбаков, которых ты кормишь так, чтобы они только не протянули ноги и у них хватило сил батрачить

на тебя, пока ты набиваешь свое брюхо, сундуки и кладовые. А потом ты вздымаешь руки и говоришь: «Господь справедлив, я доверяю Ему! Мир прекрасен, и надеюсь, он никогда не изменится!» Отчего тебе было не спросить зелота, которого распяли на мечах, зачем он борется за наше освобождение? Или крестьян, чей годовой труд Господь поглотил за одну ночь — спроси их! Они теперь ползают в грязи и льют слезы, по зернышку собирая урожай. Или спроси меня. Я хожу по деревням — вижу и слышу страдания Израиля. Доколе? Доколе? Тебе никогда не приходилось спрашивать себя об этом, Зеведей?

— Сказать правду, — ответил старик, — я никогда не доверял рыжеволосым. Ты — от семени Каина, убившего своего брата. Иди к чёрту, дружище. Я не хочу с тобой разговаривать! — и повернулся спиной к Иуде.

Рыжебородый треснул осла палкой, животное вскинуло голову и помчалось во весь дух.

— Ну подожди же, старый паразит, — пробормотал Иуда, — Мессия всех нас рассудит. Мы ещё поговорим с тобой, Зеведей! — крикнул он, зайдя за камни. — Мессия придёт и поставит каждого мошенника на свое место. Я тоже доверяю кое-чему! Увидимся в день правосудия!

— Пошёл к чёрту, рыжий! — отвечивал Зеведей. Из воды, наконец, появилась сеть, полная красноперок и карпов.

Филипп замер, так и не решив, чью сторону принять. То, что сказал Иуда, было верно и смело. Пастуху не раз хотелось бросить в уродливое лицо старика то же самое, но у него никогда не хватало духу. Этот безбожник был слишком силен. Ему принадлежали все луга, на которых Филипп пас свои стада — как простой пастух мог противостоять богачу? Для этого надо было быть или безумцем или

героем — Филипп не был ни тем, ни другим. Он просто слишком много болтал и никогда не рисковал попусту.

Потому он и молчал, пока эти двое препинались, да так и остался стоять в робкой нерешительности. Рыбаки уже вытянули сеть, и он нагнулся, чтобы помочь им перекладывать рыбу в корзины. Сам Зеведей вошёл по пояс в воду и оттуда подавал команды людям и даже рыбе.

Но пока они, довольные, любовались переполненными корзинами, с близстоящей скалы донесся хриплый голос Иуды:

— Эй, Зеведей!

Старик сделал вид, что не слышит.

— Эй, Зеведей, — загремел тот же голос, — послушайся моего совета: сходи заberi своего сына Иакова!

— Иакова! — взволнованно воскликнул старик. Он потерял своего младшего сына и не хотел терять старшего. Других у него не было, кто же станет наследником?

— Иакова? — обеспокоенно крикнул он Иуде. — Что ты хочешь сказать об Иакове, рыжий?

— Я видел, как он беседует на дороге с римским прихвостнем. Они отлично поладили!

— Каким римским прихвостнем, ты, неверный? Говори яснее.

— Сыном плотника, тем самым, который сколачивает кресты в Назарете и распинает пророков... Похоже, ты опоздал, бедняга Зеведей: Иаков тоже пропал! У тебя было два сына. Одного забрал Господь, другого — дьявол!

Старый Зеведей раскрыл рот. Какая-то рыбка выскочила из корзины, перелетела через его голову и нырнула обратно в озеро.

— Дурной знак, дурной знак! — в ужасе забормотал старик. — Неужели мой сын, как эта рыбка, покинет меня и исчезнет в глубоких водах? Ты видел летающую рыбку? — повернулся он к Филиппу. — Всё на свете имеет свой смысл. Можешь ты мне сказать, что означала эта рыбка? Вы, пастухи...

— Если б это был ягненок, я бы всё тебе сказала, Зеведей, даже если бы увидел его только со спины. Рыбки — это не по моей части, — он сердился, потому что, в отличие от Иуды, не мог сказать всё открыто. Он перекинул посох через плечо и, прыгая с камня на камень, пошёл догонять Иуду.

— Подожди, брат. Я хотел поговорить с тобой.

— Иди к своим овцам, трус, — не оборачиваясь, ответил рыжебородый, — иди к своим овцам, не суйся в мужские дела. И не смей называть меня «брат». Я тебе не брат.

— Говорю тебе, стой. Мне надо тебе кое-что сказать. Не сердись.

Иуда остановился и с презрением взглянул на него.

— Почему ты не осмеливаешься раскрыть рот? Что ты его так боишься? Как можно так трусить, когда ты знаешь, кто грядет, к чему мы все идем? Или, может, ты ещё ничего не понимаешь? Да, бедняга, время близится, царь Иудейский грядет во всей своей славе, и горе будет трусам тогда!

— ещё, Иуда, ещё, — взмолился Филипп. — Жги меня угольями, возьми свою палку и вколоти в меня отвагу. Я уже больше не могу всё время дрожать.

Иуда медленно приблизился и схватил его за руку.

— Ты говоришь от сердца, Филипп, или это лишь пустые слова?

— Говорю тебе, я сыт по горло. Я сам себе был противен сегодня. Иди впереди, Иуда, иди впереди и указывай мне путь. Я готов.

Рыжебородый оглянулся и понизил голос:

— Филипп, ты можешь убить?

— Человека?

— Естественно. А ты думал, овцу?

— Я никогда ещё не убивал человека, но думаю, что смог бы, да, точно смог бы. В прошлом месяце я сам завалил и убил быка.

— Человека проще. Пойдём с нами.

Филипп вздрогнул — он понял.

— Ты — один из них, zelотов? — в ужасе спросил он. Он много слышал об этом страшном братстве «Святых убийц», как оно называлось в народе. От Гермона до Идумеи они вселяли ужас во всех и каждого. Вооруженные вагами, веревками и ножами, они появлялись то тут, то там, проповедуя: «Не платите дань неверным. У нас один Господь — Яхве. Убивайте всякого иудея, неповинующегося священному Закону, всякого, кто смеется, говорит или работает с врагами нашего Господа, римлянами. Боритесь, убивайте, расчищайте путь для Мессии! Очистите мир: Он грядет!»

При свете дня они появлялись в деревнях и городах, чтобы истребить предателя саддукея или кровожадного римлянина, не нуждаясь ни в чьем совете. Богачи, священники и первосвященники трепетали перед ними и призывали проклятия на их головы: zelоты провоцировали мятежи, вслед за которыми входили римские войска, начиналась резня и текли реки иудейской крови.

— Ты один из них, один из zelотов? — повторил Филипп приглушенным голосом.

— Испугался, храбрец? — пренебрежительно рассмеялся рыжебородый. — Не бойся, мы не убийцы. Мы боремся за свободу, Филипп, чтобы освободить нашу землю, чтобы освободить наши души. Поднимайся. Настал момент, когда ты сможешь доказать всему свету, что ты тоже мужчина. Присоединяйся к нам.

Но Филипп опустил глаза. Он уже пожалел, что так несдержанно пустился с Иудой в разговор. «Смелые слова — это здорово, — подумал он. — Посидеть с приятелем, закусить, выпить, поспорить, сказать "я сделаю" или "я покажу"... Но ради твоего блага, Филипп, не суйся дальше, иначе тебе не сдобровать».

Иуда склонился над ним, глядя своей тяжёлой лапой плечо Филиппа. Голос его изменился:

— Что есть жизнь человеческая? Чего она стоит? Ничего, если человек несвободен. Мы боремся за свободу. Присоединяйся к нам.

Филипп молчал. Если бы ему удалось улизнуть! Но Иуда крепко впился ему в плечо.

— Присоединяйся к нам! Ты же мужчина — решайся! У тебя есть нож?

— Да.

— Носи его всегда при себе, под туникой. Он может понадобиться тебе в любую минуту. Мы сейчас переживаем трудные времена, брат мой. Разве ты не слышишь приближающуюся поступь? Это Мессия, и он не должен увидеть, что путь закрыт. И нож в таких делах лучший помощник, чем хлеб. Вот, смотри! — Он распахнул хитон: на тёмной коже груди поблескивал короткий обоюдоострый бедуинский кинжал. — Если бы не этот оболтус, сын Зеведея Иаков,

я бы уже сегодня всадил его в грудь предателя. Вчера, когда я уходил из Назарета, братство приговорило его к смерти...

— Кого?

— ... и убить его выпало мне.

— Кого? — повторил Филипп. Он не на шутку испугался.

— Это моё дело, — коротко ответил рыжебородый. — Не суй нос в наши дела.

— Ты не доверяешь мне?

Иуда смерил его взглядом и снова схватил за руку.

— Слушай хорошенько, что я скажу тебе, Филипп, и ни звука никому об этом — иначе тебе конец! Я иду в пустыню, в обитель. Меня позвали выковать им кое-какие вещи. Через несколько дней — три-четыре — я буду идти снова мимо вас. Обдумай как следует то, о чём мы говорили. Не болтай. Реши сам. Если ты мужчина и придёшь к правильному решению, я открою тебе, кого мы собираемся убить.

— Кого? Я его знаю?

— Не спеши. Пока ты ещё не вступил в наше братство, — он протянул свою лапищу. — Прощай, Филипп. Ты был ничем до сегодняшнего дня, никому не было дела, жив ты или мёртв. Так же и я был ничем до дня, пока не вступил в братство. Но с тех пор я стал другим человеком, я стал мужчиной. Нет больше рыжебородого Иуды, кузнеца, который пахал, как вол, с единственной целью набить свое брюхо. Теперь я тружусь во имя великой цели — понимаешь? — великой. А тот, кто трудится на благо великой цели, сам становится великим, даже если он последняя спица в колесе. Понял? Это всё, что я хотел сказать тебе. Прощай! — Он пнул своего осла и повернул в пустыню.

Филипп остался один. Опершись подбородком о свой посох, он смотрел вслед Иуде, пока тот не исчез за камнями.

«Здорово рассуждает этот рыжебородый, — думал пастух, — прямо как святой. Может, чего и приврал, но какая разница! На словах у него получается всё прекрасно, вот когда он перейдет к делу... Берегись, бедняга Филипп. Подумай о своих маленьких овечках. Это дело надо обмозговать. Лучше всего подождать и посмотреть, что из этого получится», — он закинул посох за плечо и, насвистывая, поспешил к своим овцам.

Тем временем работники Зеведея развели огонь и поставили воду для похлебки и, как только она закипела, побросали в неё моллюсков, овощи, рыбу и заросший зелёными водорослями камень, чтобы похлебка пахла морем. Голодные рыбаки расселись кружком вокруг котла, неторопливо беседуя и поджидая, когда приготовится уха. Старший из них наклонился к своему соседу:

— Приятно было посмотреть, как рыжебородый швырнул ему всё это в морду. Главное — терпение. Наступит день, и бедные возвысятся, а богатые падут на самое дно. Это и есть справедливость.

— Ты думаешь, это когда-нибудь будет? — ответил другой, с детства не расстававшийся с голодом. — Будет на этом свете?

— Есть Господь или нет? — откликнулся старик. — Есть! Он справедлив или нет? Он должен быть справедливым, если Он Господь! Он справедлив. Значит, это будет. Нам нужно только потерпеть, сынок, только потерпеть.

Что это вы там бубните? — с подозрением поинтересовался Зеведей, до которого долетели отдельные слова. — Ваше дело работать, а не болтать о Боге. Ему лучше вашего известны Его намерения.

Мгновенно воцарилась тишина. Старый рыбак поднялся и, взяв деревянную ложку, помешал похлебку.

ГЛАВА 9.

В час, когда утро пало на озеро, казавшееся столь девственным, словно оно только что вышло из рук Создателя, и рыбаки тянули свои сети, сын Марии шёл по дороге со старшим сыном Зеведея Иаковом. Магдала осталась уже далеко позади. И теперь они то и дело останавливались, чтобы сказать слова утешения женщинам, оплакивавшим погибший урожай. Иакова ливень тоже застал в Магдале и, переночевав у приятеля, он поднялся до рассвета, чтобы продолжить свой путь.

Он шлепал по грязи в синих предрассветных сумерках, спеша добраться до Генисарета. Горечь виденного им в Назарете уже осела в его душе. Распятый зелот отодвинулся в далекие глубины памяти, оттесненный каждодневными заботами — отцовскими лодками и рыбаками. Он перепрыгивал через ямы, вымытые дождем. С деревьев капало — они не то смеялись, не то плакали; проснулись птицы — день обещал быть великолепным. Но по мере того как прибывал свет, становилось видно, какие потери принёс ливень на тока. Собранные пшеница и ячмень неслись теперь с потоками воды по дороге. На поля уже высыпали первые крестьяне со своими женами, которые затягивали погребальную песнь. И тут он увидел сына Марии, склонившегося над двумя старухами у разоренного тока.

Он сжал посох и выругался. Назарет с крестом и распятым зелотом снова всплыл у него в памяти. А теперь — смотрите, этот римский

прихвостень оплакивает с женщинами погибшее зерно. Душа Иакова была грубой и упрямой. Он унаследовал все черты своего отца — жадность, отсутствие сострадания, громкий голос и ничем не напоминал свою добрую мать Саломею или нежного и милого брата Иоанна... Сжав посох, он с мрачной решительностью двинулся к токам.

Сын Марии со струящимися по лицу слезами поднимался, чтобы вернуться на дорогу. Старухи хватали его за руки, покрывая их поцелуями, и не давали ему уйти. Никто не мог сравниться с этим случайным прохожим в сказанных им словах утешения.

— Не плачьте, не плачьте, я вернусь, — повторял он, медленно освобождая свои руки из старых ссохшихся ладоней.

Иаков замедлил шаги — рот его открылся от изумления. Глаза римского прихвостня блеснули от слез. Взгляд его то устремлялся к розовеющим небесам, то опускался вниз на землю к копающимся в грязи и плачущим людям.

— Неужто это тот, кто строгаёт нам кресты и распинает наших пророков? — в недоумении пробормотал Иаков. — Его лицо сияет, как у пророка Илии.

Сын Марии в это время спустился с тока и, увидев и узнав Иакова, приложил руку к сердцу в знак приветствия.

— Куда ты идёшь, сын Марии? — произнес сын Зеведея как можно мягче и тут же добавил, не дожидаясь ответа: — Пошли вместе. Дорога длинная, а вдвоем мы её скоротаем.

«Дорога длинная, и вдвоем мы её скоротаем», — повторил про себя сын Марии, но не стал говорить о том, что промелькнуло у него в голове.

— Пойдём, — лишь ответил он, и они тронулись к Капернауму.

Некоторое время они молчали. С каждого тока доносился женский плач. Старики, опершись на свои посохи, молчаливо взирали, как потоки воды уносят зерно. Крестьяне с почерневшими лицами неподвижно стояли на своих сжатых и опустошенных полях — одни молчали, другие посылали проклятия.

— Если бы нашёлся человек, готовый отдать свою жизнь, чтобы народ не умер с голода, — вздохнул сын Марии.

Иаков украдкой взглянул на него.

— Если бы ты мог стать зерном, — усмехнулся он, — чтобы спасти народ, ты бы согласился на это?

— А кто бы не согласился? — спросил сын Марии.

Ястребиные глаза Иакова вспыхнули.

— Я, — ответил он.

Сын Марии промолчал, и Иаков ощутил жгучую обиду.

— Почему я должен умирать? — возмутился рыбак. — Господь наслал ливень. Разве я не прав? — и он свирепо взглянул на небо.

— Зачем Господь сделал это? Чем люди обидели Его? Я не понимаю. А ты, сын Марии?

— Не спрашивай, брат мой, это грешно. Ещё несколько дней назад я тоже задавал вопросы, но теперь понял. Это и есть змей, искусивший первых людей и заставивший Господа изгнать нас из Рая.

— Что ты имеешь в виду?

— Вопросы.

— Я не понимаю, — произнес сын Зеведея и ускорил шаг.

Ему расхотелось идти дальше с этим человеком: слова сына Марии тяжело падали ему в душу, а его молчание было ещё непереносимей.

Теперь они подошли к небольшой возвышенности, и вдали засверкали воды Генисарета. Лодки уже достигли середины озера, рыбная ловля началась. Из пустыни поднималось ярко-красное солнце. На берегу сияло белизной богатое селение. При виде лодок мысли Иакова тут же обратились к рыбе.

— Так куда ты направляешься? — снова поинтересовался он у своего неудобного спутника. — Гляди, вон Капернаум.

Сын Марии не ответил и лишь опустил голову. Он стыдился сказать, что направляется в обитель, чтобы стать святым.

Иаков тряхнул головой и снова взглянул на него — дурная мысль внезапно закралась ему в голову.

— Не хочешь говорить? — прорычал он. — Скрываешь? — и, схватив своего спутника за подбородок, поднял его голову. — Смотри мне в глаза. Отвечай: кто тебя послал?

— Я не знаю, я не знаю, — со вздохом пробормотал сын Марии, — может, Господь, а может... — он замолчал — его охватил такой страх, что слова застряли в горле: что если действительно им управляет дьявол?

Сухой смешок, полный презрения, сорвался с губ Иакова. Он крепко схватил Иисуса за руку и встряхнул.

— А может, центурион, твой дружок центурион послал тебя? — приглушенно прорычал он.

Точно, наверняка центурион послал его шпионить. В горах и пустыне собирались новые zeloty. Они тайно появлялись в деревнях и говорили людям о свободе и отмщении. И

кроважидный центурион Назарета рассылал по деревням своих лазутчиков, продавшихся ему. И этот парень, этот римский прихвостень несомненно был одним из них.

Нахмутив брови, Иаков отшвырнул Иисуса от себя.

— Послушай меня, сын плотника, — произнес он, понизив голос. — Здесь наши пути расходятся. Может, ты и не знаешь, куда ты идешь, зато я знаю. Иди пока, но мы с тобой ещё увидимся. Я тебя из-под земли откопаю и тогда — горе тебе! И запомни: тебе не сойти живым с дороги, которую ты выбрал! — и, не попрощавшись, Иаков вприпрыжку помчался по склону.

Рыбаки Зеведея уже сняли с огня медный котел и расселись кружком около него. Первым зачерпнуть своей деревянной ложкой должен был сам хозяин. Он выудил самую большую рыбину и принялся за еду. Но старик рыбак остановил его, протянув руку.

— Мы позабыли вознести благодарность, — напомнил он.

Старый Зеведей, продолжая жевать, поднял ложку и начал благодарить Бога за то, что Тот посылает рыбу, зерно, вино и масло, вскармливая евреев поколение за поколением и давая им силы дожидаться дня Господня, когда рассеяны будут их враги и все народы преклонятся перед Израилем, и все боги падут к ногам Яхве, чтобы почтить его.

— Для того мы и едим, Господи, для того женимся и рожаем детей, для того живем — всё ради Тебя! — и, договорив, он за один присест заглотил рыбину.

Пока хозяин со своими людьми ел, наслаждаясь плодами трудов своих и лаская взглядом озеро, кормившее их, перед ними неожиданно появился покрытый грязью Иаков. Рыбаки

потеснились, уступая ему место, а старый Зеведей, пребывавший в веселом расположении духа, закричал:

— Добро пожаловать, первенец мой! Тебе повезло — садись и ешь. Что нового?

Иаков не ответил и, опустившись рядом с отцом, даже не протянул руки к благоухающему и дымящемуся котлу.

Старый Зеведей робко повернул голову и взглянул на него. Он хорошо знал своего раздражительного, неразговорчивого сына и побаивался его.

— Ты не хочешь есть? — спросил он. — Что с тобой такое? С кем ты сражался на этот раз?

— С Господом, людьми и дьяволами, — раздраженно рявкнул Иаков. — Я не голоден.

«Ну надо же, пришёл и испортил нам завтрак», — подумал Зеведей про себя, но постарался не дать испортить себе настроение и перешёл на другую тему.

— Ах ты разбойник, с кем это ты разговаривал по дороге? — хлопнув сына по колену, подмигнул Зеведей.

— Шпионим? — вздрогнул Иаков. — Кто тебе сказал? Я ни с кем не разговаривал. — Он вскочил, вошёл по колено в воду и принялся мыться. Но, обернувшись и увидев, с какими довольными, счастливыми лицами все поглощали пищу, он не сдержался: — Вы тут жрёте и пьёте, а в Назарете в это время ради нас распинают! — и не в силах более их видеть, что-то ворча себе под нос, он направился к деревне.

Старый Зеведей смотрел ему вслед.

— Сыновья мои — словно тернии в теле моём, — покачал он своей большой головой. — Один слишком мягок и набожен, другой глуп

— куда бы он ни пришёл, где бы ни остановился, тут же затевает ссору. Тернии... Ни один из них не стал настоящим мужчиной: чуть нежным, чуть своевольным, то добрым, то псом цепным, полуангелом, полудьяволом — короче, человеком! — и вздохнув, он зацепил красноперку, чтобы заесть горькие мысли. — Слава Богу, у нас ещё есть рыба, и озеро, рождающее её, и Господь, созидающий озера.

— Если уж ты так говоришь, что должен говорить старый Иона? — произнес старый рыбак. — Бедняга каждый вечер сидит на скале, смотрит на Иерусалим и оплакивает своего сына Андрея. Тот тоже из провидцев. Говорят, Андрей пристал к какому-то пророку, тот ничего не ест, кроме меда и акрид, хватает людей и тащит их в Иордан, кажется, чтобы смыть их грехи.

— А ещё говорят, что сыновья даются нам для процветания! — заметил Зеведей. — Дайте-ка мне бутыл. Там ещё осталось вино? Мне надо взбодриться.

До их слуха донеслись тяжёлые медленные шаги по гальке, словно приближался какой-то большой неуклюжий зверь. Старый Зеведей обернулся.

— Добро пожаловать, Иона, добрый человек! — закричал он, обтер свою залитую вином бороду, почтительно встал и уступил свое место. — Я только что говорил о своих сыновьях и красноперках. Садись, поешь и ты рыбки, да Расскажи нам, какие вести от святого Андрея.

Подошедший к ним старый рыбак был невысокого роста, крепко сбитый, кожа его пропеклась и высохла на солнце, став похожей на рыбью чешую, взгляд серых глаз был мутным, а огромную голову покрывали седые вьющиеся волосы. Подавшись вперёд, он переводил взгляд с одного на другого, словно искал кого-то.

— Кого ты ищешь, отец Иона? — поинтересовался Зеvedей. — Или ты слишком устал, чтобы говорить?

Он скользнул взглядом по Иониной бороде, спутанным волосам, в которых застряли водоросли и рыбы кости, по растрескавшимся губам старика, которые тот открывал и закрывал, словно рыба, не произнося ни звука. Зеvedей собрался было рассмеяться, но вдруг ему стало страшно; Глупое подозрение промелькнуло у него в голове, и в ужасе он вытянул руки, словно желая остановить старого Иону.

— Говори! — закричал он. — Ты, случаем, не пророк, Иона? Столько живешь с нами и всё скрывал? Заклинаю тебя именем Адоная: говори! Я как-то слышал, как святой старец из общины рассказывал о ките, проглотившем пророка Иону, и о том, как потом рыба изрыгнула его, и Иона выпрыгнул из её чрева целый и невредимый. Помоги мне, Господи, ты вылитый Иона, как нам его описывали: водоросли вперемешку с волосами на голове и груди, и новорожденные крабы в бороде. Не обижайся, Иона, но я готов поручиться, если покопаться в твоей бороде, там можно будет найти крабов.

Рыбаки разразились хохотом, но старый Зеvedей смотрел на своего друга с неподдельным ужасом.

— Говори, Божий человек, — повторил он. — Ты пророк Иона?

Иона покачал головой. Он не мог припомнить, чтобы его проглатывала какая-нибудь рыба. Хотя всё возможно. После стольких лет борьбы с рыбой разве мог он сказать наверняка?

— Он, точно он! — забормотал Зеvedей, и взгляд его забежал, словно он собирался бежать.

Он знал, что пророки — капризные люди и им нельзя доверять. Они могут исчезнуть в море, воздухе или огне, а потом — бац! —

когда ты их меньше всего ожидаешь, они снова появляются. Разве Илия не вознесся к небесам на огненной колеснице? Сколько лет прошло, а он всё ещё жив — стоит взобраться на гору, и он перед тобой! То же с бессмертным Енохом. А тут ещё пророк Иона. «Дурака валяет, — подумал Зеведей, — делает вид, что он рыбак, отец Петра и Андрея. Надо с ним обходиться получше: эти пророки — странный и глупый народ, и если вовремя не остеречься, можно здорово влипнуть».

— Возлюбленный сосед, отец Иона, — начал он нежным голосом, — ты ищешь кого-то, не Иакова ли? Он вернулся из Назарета, но очень устал и пошёл в деревню. Если ты хочешь узнать о своем сыне Петре, то Иаков сказал, что с ним всё в порядке, и тебе не стоит беспокоиться. С ним всё в порядке и тебе не стоит беспокоиться. Слышишь меня, Иона? Подай хоть знак.

И он погладил его загорбелые плечи. Кто может знать? Всё бывает. Может, действительно этот дурак — пророк Иона. Лучше поостеречься!

Старый Иона наклонился, выхватил из котла ерша и, закинув в рот, принялся жевать вместе с костями.

— Я пошёл, — прощамкал он и повернулся спиной. Снова захрустела галька. Захлопав крыльями, чайка закружилась над его головой, словно и вправду увидела краба в его бороде, потом хрипло вскрикнула и полетела дальше.

— Берегитесь, парни, — промолвил старый Зеведей. — Клянусь головой, это пророк Иона. Лучше, чтобы двое из вас пока помогли ему до прихода Петра. Иначе кто знает, что с нами будет?

Два самых сильных рыбака встали и полушутя-полуиспуганно обратились к Зеведею:

— Смотри, Зеведей, за последствия будешь сам отвечать. Пророки — ровно дикие звери. Они как откроют пасть, да как проглотят тебя! Ну, мы пошли. Прощай!

Зеведей удовлетворенно потянулся — с пророком он сладил — и повернулся к оставшимся.

— Веселее, ребята, веселее — грузите корзины и по деревням. Но будьте внимательны, крестьяне хитры, не то что мы, рыбаки. Рыбы отдавайте поменьше, пшена берите побольше, даже прошлогоднего урожая, то же с маслом, вином, курами и овцами. Поняли? Должно быть ясно как Божий день.

Работники вскочили и принялись набивать корзины. Вдалеке между камней замелькал бегущий верблюд с седоком на спине. Старый Зеведей прикрыл рукой глаза от солнца и вгляделся.

— Эй, ребята, ну-ка взгляните, вам не кажется, что это мой сын Иоанн? — закричал он.

Верблюд уже ступил на прибрежный песок и теперь приближался к ним.

— Он! Он! — закричали рыбаки.

Минуя их, всадник помахал рукой в знак приветствия.

— Иоанн! — закричал его старый отец. — Что за спешка? Куда ты мчишься? Остановись на мгновение, дай на тебя посмотреть!

— Некогда, настоятель умирает!

— А что с ним случилось?

— Не хочет принимать пищу, хочет умереть.

— Почему? Почему?

Но ответ до них уже не долетел.

Зеведей откашлялся и, задумавшись, покачал головой.

— Да упасет нас Господь от святости, — промолвил он.

Сын Марии смотрел вслед Иакову, в гневе спускавшемуся широкими шагами к Капернауму, потом опустился на землю — сердце его наполнилось печалью. Почему он, который так стремился любить и быть любимым, вызывал у людей столько ненависти? Он сам был в этом виноват — не Господь и не люди, а он сам. Почему он вел себя так трусливо? Почему, выбрав путь, он не мог набраться мужества, чтобы следовать им до конца? Он был изгоем, презренным трусом. Почему он не осмелился взять в жены Магдалину, спасти её от позора и смерти? Почему, когда Господь налагает на него свою руку и приказывает встать, он вцепляется в землю и отказывается подниматься? И сейчас, почему он уступил своему страху и помчался спасаться в пустыню? Неужели он думает, что Господь не найдет его там?

Солнце стояло уже прямо над головой. Плач по зерну стих. Измученные люди уже привыкли к несчастьям, и теперь, припоминая, что их слезы никогда ещё не приносили избавления, постепенно умолкли. Уже тысячи лет они страдали от несправедливости, голода, становились игрушками видимых и невидимых сил. И всё же каким-то образом им удавалось влачить свое существование, едва сводя концы с концами, и это научило их терпению.

Зелёная ящерица, выскользнув из-под приземистого куста, выбралась на солнышко. При виде огромного человека, нависшего над ней, она застыла от ужаса, и сердце запрыгало в её горле; но ящерица быстро успокоилась, распласталась на камне и, поблескивая чёрным глазком, доверчиво взглянула на сына Марии, словно приветствуя его и говоря: «Я увидела, что ты один, и

пришла скрасить твое одиночество», Возликовав, сын Марии перестал даже дышать, чтобы не испугать гостью, — сердце его заколотилось с такой же скоростью, как и у ящерицы. Откуда ни возьмись, прилетели две мохнатые, чёрные с красным бабочки и весело заплясали, трепеща крыльями, резвясь на солнце. Заметив окровавленный платок Иисуса, они уселись ему на голову, запустив свои хоботки в ткань. Он же, чувствуя их нежные прикосновения, вспомнил боль, которая так часто его мучила по воле Господней, и вдруг ему показалось, что трепетанье их крыльев имеет для него тоже какой-то высший смысл. Ах, если бы Господь всегда нисходил на человека как бабочка, а не карающей десницей или громом и молнией.

Пока он соединял в уме Господа и бабочек, что-то защекотало ему пятки. Он взглянул на землю и увидел вереницу толстых жёлто-чёрных муравьев, поспешно и деловито сновавших у него под ногами. Они тащили в жвалах зерна, украденные у людей из долины, перетаскивая их в свой муравейник и вознося хвалу своему Господу, Великому Муравью, который, заботясь о своем избранном народе, вовремя наслал ливень как раз в тот момент, когда зерно было собрано на тока.

Сын Марии вздохнул. «Муравьи тоже Божьи создания, — подумал он, — как и люди, ящерицы, кузнечики, стрекодухи в сливовой роще, шакалы, воющие по ночам, как и ливни, и голод, происходящие по воле Яхве...»

Сзади слышалось чье-то тяжёлое дыхание, и ужас снова охватил Иисуса. Он позабыл о своем спутнике, зато тот помнил о нем. Иисус услышал, как он, отдуваясь, уселся за его спиной.

— Проклятие тоже от Бога, — пробормотал Иисус, чувствуя, как его со всех сторон обнимает дыхание Господа. То теплое и благодатное, то безжалостное и жестокое, оно всё время веяло

вокруг него. Ящерка, бабочки, муравьи, Проклятие — всё было Богом.

С дороги донеслись звуки голосов и звон колокольчиков, и он обернулся. Мимо двигался длинный караван верблюдов, гружёных дорогими товарами. Может, он шёл из Ктесифона или Вавилона, богатой долины патриарха Авраама, везя ткани, пряности, слоновую кость, а может, даже рабов и рабынь к пёстрым кораблям Великого моря.

Гуськом, друг за другом двигались верблюды, и казалось, им нет конца. «Какие богатства есть у людей, какие диковины!» — подумал сын Марии. Наконец показался хвост процессии, в котором ехали чернобородые купцы с золотыми серьгами, в зелёных тюрбанах и летящих накидках. Они двигались мимо, то плавно поднимаясь, то опускаясь, покачиваясь в такт верблюжьей поступи.

Сын Марии вздрогнул — ему внезапно пришло в голову, что они остановятся в Магдале. «Дверь Магдалины открыта днем и ночью, и они войдут к ней, — подумал он. — Я должен спасти тебя, Магдалина, — о если бы я только мог! — тебя, Магдалина, не народ Израиля — его мне не спасти. Я не пророк. Я даже не знаю, что говорить. Господь не вложил мне в уста горящие уголья, не прожёт меня молнией, чтобы внутренности мои горели, чтобы я мог бегать по улицам и кричать... Слова ведь должны принадлежать Ему, а не мне — я лишь открываю рот. Он говорит моими устами. Нет, я не пророк, я простой, обычный человек, который всего боится: я не смогу вытащить тебя из постели позора, Магдалина, я бегу в пустыню, в обитель, молиться за тебя. Молитва всесильна. Говорят, во время войн, пока Моисей молился, сыны Израиля побеждали, как только он уставал и опускал руки, они терпели поражения... За тебя, Магдалина, я буду молиться денно и ночью».

Он взглянул на небо, чтобы посмотреть, когда будет садиться солнце, — он собирался идти и ночью, чтобы в темноте миновать Капернаум, обойти озеро и добраться до пустыни, ему не терпелось оказаться там.

— Если б я только мог ходить по воде и напрямую пересечь озеро!
— вздохнул он.

Ящерка всё ещё грелась на солнце, лежа на теплом камне. Бабочки взлетели и растаяли в воздухе. Муравьи продолжали перетаскивать урожай — сгребали его в свои амбары, спешили обратно на поля и возвращались с новыми зернами. Солнце клонилось к закату. Прохожих стало меньше, тени удлиннились, вечер позолотой опустился на деревья и землю. Вода на озере меняла свою окраску в мгновение ока — от красной к сиреневой и наконец потемнела. На западе возшла большая звезда.

«Скоро ночь, — подумал сын Марии, — по чёрной пустыне неба поедет караван звёзд».

Он уже собрался встать и идти дальше, как позади послышался рожок, и прохожий окликнул его по имени. Он обернулся и в скудном вечернем свете увидел чью-то фигуру, подающую ему знаки и взбирающуюся по склону с огромным тюком за спиной. «Кто бы это мог быть?» — подумал Иисус, пытаясь различить черты лица прохожего. Где-то он уже видел это бледное лицо с редкой бородкой, эти тощие кривые ноги.

— Это ты, Фома? — воскликнул он. — Ты снова обходишь деревни?

Хитрый торговец остановился перед ним, переводя дыхание. Он опустил узел на землю и утер пот с веснушчатого лба. Его косые маленькие глазки бегали из стороны в сторону, так что невозможно было сказать, рад он или нет этой встрече.

Сын Марии его очень любил. Они часто виделись, когда тот возвращался мимо мастерской плотника из своих походов по деревням. Торговец зачастую останавливался, опускал на скамью свой узел и рассказывал о том, что ему довелось повидать. Он глумился, смеялся, дразнил; он не верил ни в Бога Израиля, ни в какого другого.

«Все они смеются над нами, — говаривал Фома, — заставляют нас приносить им в жертву своих детей, возжигать им фимиам и орать до хрипоты, воспевая их великолепие...»

Сын Марии слушал его, и комок в его сердце таял: он восхищался этим бродягой, который, несмотря на всю нищету, рабство и унижение своего народа, имел силы победить все несчастья своей насмешкой и скепсисом.

И Фома-торговец любил сына Марии. Иисус казался ему блеющей больной овечкой, которая ищет Господа, чтобы спрятаться в Его тени.

«Ты — овца, сын Марии, — смеясь говорил он Иисусу, — но внутри тебя сидит волк, и он тебя съест!» — а потом доставал из-под хитона пригоршню фиников, гранат или яблоко, украденные из чьего-нибудь сада, и угощал его.

— Хорошо, что я встретил тебя, — наконец, отдышавшись, произнес он. — Господь хранит тебя. Куда ты идешь?

— В обитель, — ответил Иисус, указывая на озеро.

— Тогда вдвойне хорошо, что я тебя встретил. Поворачивай обратно!

— Зачем? Господь...

— Сделай одолжение — не начинай снова о Господе, — взорвался Фома. — Если мы начнем о Нем, то не остановимся. Ты всю жизнь

пытаешься добраться до Него, но Он бесконечен. Поэтому забудь на время о Нем, и не вмешивай Его в наши дела. Послушай: я тебе хочу сказать о человеке — человеке бесчестном и хитрющем. Берегись Иуды рыжебородого. Перед тем как уйти из Назарета, я видел, как он шептался с матерью распятого зелота, а потом с Вараввой и ещё с двумя-тремя друзьями из их кровожадного братства. Я слышал, как они упоминали твое имя. Берегись, сын Марии, не ходи в пустыню.

— Всё живое в милости Господа, — опустил голову Иисус. — Он решает, кого спасти, кого убить. Что сопротивляться? Я пойду, и да поможет мне Господь!

— Пойдешь?! — в ярости закричал Фома. — Но сейчас, как раз сейчас, пока мы тут разговариваем, Иуда уже там со своим ножом, спрятанным под хитоном. У тебя есть нож?

— Нет, — вздрогнул сын Марии. — Зачем он мне нужен?

— Овца, овца, овца, — рассмеялся Фома и поднял свой тук. — Прощай. Поступай как знаешь. Я тебе сказал: «Вернись». Ты сказал: «Я пойду». Хорошо, иди, но потом пеняй на себя, когда уже будет слишком поздно!

И подмигнув своим косым глазом, насвистывая, он начал спускаться.

Темнота сгустилась уже не на шутку. Земля почернела, озеро стало невидимым, в Капернауме зажгли первые лампы. Дневные птицы, засунув головы под крылья, отходили ко сну, ночные — собирались на охоту.

«Священный час — самое подходящее время отправляться, — подумал сын Марии. — Никто не увидит меня — пора!»

Он вспомнил слова Фомы.

— Да исполнится воля Господня, — прошептал он. — Если Господь ведет меня к моему убийце, так пусть же я дойду до него скорее и он убьет меня. По крайней мере, хоть на это я способен. — Он оглянулся. — Пойдём, — пригласил он своего невидимого спутника и двинулся к озеру.

Опустилась теплая, нежная, сырая ночь, с юга дул легкий ветерок. Капернаум пах рыбой и жасмином. Старый Зеведей сидел во дворе своего дома под большим миндальным деревом со своей женой Саломеей. В доме на циновке крутился и ворочался их сын Иаков. Распятый zelot, новая несправедливость Господа, отнявшего у людей урожай, и сын Марии, показавшийся Иакову согладатаем центуриона, — всё это мучило и растравляло сердце. Эти мысли не давали ему уснуть, а отцовская болтовня на улице злила его ещё больше. Вскипев от ярости, он наконец вскочил на ноги, вышел во двор и переступил через порог.

— Куда ты? — обеспокоенно окликнула его мать.

— На озеро, подышать свежим воздухом, — промычал он и исчез в темноте.

Старый Зеведей покачал головой и вздохнул.

— Мир теперь уже не такой, как прежде, — промолвил он. — Слишком умная стала молодежь, жена. Ни птицами не становятся, ни рыбой не остаются — так, летающие рыбы. Море мало для них, вот они и взлетают в воздух. Но и в воздухе им долго не продержаться — снова падают в воду и опять начинают всё сначала. Все посходили с ума. Только посмотри на нашего сына Иоанна — твоего любимца. «Я ухожу в обитель», — заявляет он. Молитвы, посты, Бог... Рыбачьи лодки малы для него, ему в них не уместиться. А вот другой — Иаков, у которого, как мне кажется, что-то есть в голове. Помяни моё слово: он собирается в том же направлении. Видела, какой он сегодня был возбужденный? Вот-

вот взорвется, и в доме ему уже не сидится. Ну ладно, это не моё дело. Но кто будет смотреть за моими лодками и людьми? Неужели весь мой труд пойдет насмарку? Мне горько, жена: принеси-ка мне вина да кусок сыра, чтобы поддержать угасающие силы.

Но старая Саломея сделала вид, что не слышит. Её муж уже довольно выпил сегодня.

— Они молоды, — попыталась она сменить тему. — Не волнуйся, у них это пройдет.

— Клянусь Господом, жена, ты права! У тебя на плечах толковая голова. Что я тут мучаю себя? Всё просто: они молоды, у них это пройдет. Юность, как болезнь, проходит. Когда я был молодым, я тоже порою крутился и вертелся в жару на своей постели. Мне казалось, что я ищущу Господа, но выяснилось, что мне просто была нужна жена — ты, Саломея! Я женился и успокоился. И с нашими сыновьями будет то же, нечего и думать! Ну, теперь я спокоен... Принеси-ка мне кусочек сыра, жена, да вина не забудь, дорогая Саломея, — я хочу выпить за твоё здоровье!

Чуть дальше, по соседству в полном одиночестве в своем доме сидел старый Иона и чинил сети при свете лампы. Он латал и латал прорехи, и думал не о своей любимой жене, скончавшейся год назад как раз в это время, не о своем полоумном сыне Андрее, не о другом сыне — простофиле Петре, который до сих пор шатался по тавернам Назарета, бросив своего старика-отца одного бороться с рыбой. Нет, он думал о том, что сказал Зеведей, о том, что вселило в его сердце такую тревогу. А вдруг он действительно пророк Иона! Он взглянул на свои руки, ноги, бедра — повсюду чешуя. Даже его дыхание и пот пахли рыбой, и теперь он припомнил, что, когда в свое время оплакивал свою дорогую жену, слезы его тоже пахли рыбой. А что касается крабов, хитрюга Зеведей был прав: как-то раз

он действительно нашёл несколько штук в своей бороде... Так, может, он действительно пророк Иона? Тогда всё понятно, почему ему никогда не хочется разговаривать, почему слова из него приходится тащить клещами, почему он всегда спотыкается, когда ходит по твердой земле. Зато когда он заходит в озеро — какая радость наступает, какое облегчение! Вода вздымает его на своей груди, ласкает его, облизывает, мурлыкает ему в ухо и разговаривает с ним, и он, как рыба, беззвучно отвечает ей, и пузыри идут из его рта!

«Точно, я — пророк Иона, — наконец решил он. — Я воскрес, когда кит изрыгнул меня. Только теперь я немного поглупел. Правильно, я — пророк и только делаю вид, что рыбак. Никому не говорю ни слова, чтобы снова не попасть в переделку», — и, гордый собственной хитростью, он самодовольно улыбнулся. «Здорово у меня получилось, — подумал он ещё. — Столько лет, и никому даже в голову не приходило, даже мне, пока этот дьявол Зеведей не догадался. Ну что ж, хорошо, что он раскрыл мне глаза». Иона оставил на полу свои инструменты, потер руки в предвкушении, открыл шкафчик и, вынув оттуда бутылку вина, запрокинул свою голову на короткой шее и принялся пить.

Пока два достойных старца выпивали в Капернауме, сын Марии, глубоко погрузившись в размышления, шёл по берегу озера. Он был не один — за спиной похрустывал песок.

Во дворе Магдалины спешивались новые торговцы и, усаживаясь на камни, начинали тихо беседовать, поедая финики и жареных крабов в ожидании своей очереди.

В обители братья уложили настоятеля посередине его кельи и несли рядом с ним свои бдения. Он всё ещё дышал, вылезшие из орбит глаза его были устремлены на распахнутую дверь,

одухотворенное лицо напряжено: казалось, он силится что-то услышать. Братья шептались, глядя на него.

— Он прислушивается, не приехал ли раввин из Назарета лечить его.

— Он прислушивается, не слышны ли крылья архангела.

— Он пытается услышать поступь приближающегося Мессии.

Они шептались, глядя на него, и душа каждого в этот час была готова к встрече с чудом. Они изо всех сил напрягали свой слух, но ничего не могли услышать, кроме ударов молота по наковальне. Это Иуда во дворе растопил печь и работал ночи напролет.

ГЛАВА 10.

А далеко в Назарете в своей бедной хижине сидела Мария, жена Иосифа. Горела лампа, и дверь была открыта. Женщина поспешно сматывала шерсть, которую пряла, решив отправиться на поиски своего сына. Руки её проворно работали, но мысли были далеко: одиноко и безнадежно они блуждали по полям, заглядывали в Магдалу и Капернаум, бродили по берегу Генисарета. Она искала сына. Господь снова поддел его своим стрекалом, и он убежал невесть куда. «Неужели Ему его не жалко? — спрашивала она себя. — Неужели Ему не жалко меня? Что мы Ему сделали? Неужели это и есть радость и слава, которые Он обещал нам? И зачем, Господи, Ты заставил зацвести посох Иосифа, выдав меня замуж за старика? Зачем Ты метнул свою молнию, посеяв в моём чреве этого мечтателя и бродягу, моего единственного сына? Все соседи приходили полюбоваться мной, пока я его носила. "Ты благословенна среди женщин, Мария", — говорили они. Я

расцвела, как миндальное дерево, покрытое цветами от корней до самой верхушки. "Что это за цветущий миндаль?" — спрашивали проезжие купцы, останавливали свои караваны, слезали с верблюдов и осыпали меня дарами. Но подул ветер, и весь цвет облетел. Я прижимаю руки к своим иссохшим грудям: Господи, свершилась Твоя воля — Ты дал мне расцвести, потом подул, и лепестки облетели. Неужели мне никогда больше не суждено зацвести, Господи?»

«Неужели никогда моему сердцу не суждено обрести покой?» — спрашивал себя её сын на следующее утро. Он обошёл озеро, и теперь впереди была видна обитель, окруженная красно-зелёными скалами. «Чем дальше я иду, чем ближе подхожу к своей цели, всё больше и больше сомнений наполняют моё сердце. Почему? Разве я выбрал неправильный путь, Господи? Разве не сюда направлял Ты меня? Почему же Ты отказываешься протянуть Свою руку и возрадовать моё сердце?»

Из больших дверей вышли два члена общины в белых одеждах и, взобравшись на скалу, принялись всматриваться в сторону Капернаума.

— Никого, — промолвил один из них, полубезумный горбун с огромным задом, который чуть ли не волочился по земле.

— Пока они приедут, Иоахим умрёт, — ответил другой, слоноподобный детина с акульим ртом, узкая щель которого тянулась от уха до уха. — Иди, Иеровоам, я постою здесь, пока не появится верблюд.

— Ладно, — ответил довольный горбун, соскальзывая со скалы. — Пойду посмотрю, как он умирает.

Сын Марии в нерешительности замер на пороге обители, сердце его колотилось, как колокол: входить или не входить? Круглый

двор был вымощен плитами — ни деревца, ни цветочка, ни птицы, только дикие груши, покрытые колючками. И вокруг этого нечеловеческого запустения, по всей окружности двора в скалах были вырублены кельи, подобные склепам.

«И это обитель Божия? — подумал Иисус. — Тут обретает покой человеческое сердце?»

Но пока он так стоял, не в силах решиться переступить порог, из-за двери выскочили две большие чёрные собаки и с лаем бросились на него.

Худосочный толстозадый горбун заметил гостя и, посвистев, подозвал собак, потом повернулся к нему и внимательно осмотрел с ног до головы. Одежда пришедшего была очень бедной, из ног сочилась кровь, в глазах застыла боль — и горбун пожалел его.

— Добро пожаловать, брат, — произнес он. — Какой ветер занес тебя сюда, в пустыню?

— Господь, — ответил сын Марии глубоким измученным голосом.

Горбун вздрогнул — он ещё никогда не слышал, чтобы человеческие уста произносили имя Господа с таким ужасом. Он сложил руки и предпочел промолчать.

— Я пришёл повидаться с настоятелем, — продолжил Иисус.

— Ты-то, может, его и увидишь, а вот он тебя уже нет. Зачем он тебе нужен?

— Не знаю. Мне приснился сон... Я пришёл из Назарета.

— Сон? — рассмеялся горбун.

— Ужасный сон, рабби. Я с тех пор не могу найти покоя. Иоахим — святой человек. Господь научил его понимать язык зверей и птиц, толковать сны. Вот я и пришёл к нему.

Раньше Иисусу и в голову никогда не приходило, что он идёт в обитель к настоятелю для того, чтобы тот растолковал ему сон, приснившийся в ночь накануне распятия: карлики с орудиями пыток под предводительством рыжебородого. Но сейчас, пока он в нерешительности стоял на пороге, этот сон, словно молния, внезапно промелькнул у него в голове. «Так вот в чем дело? — воскликнул он мысленно. — Я пришёл из-за сна! Господь послал мне его, чтобы указать путь, а настоятель растолкует его».

— Настоятель умирает, — промолвил горбун. — Ты пришёл слишком поздно, брат мой. Можешь возвращаться.

— Господь велел мне прийти сюда, — возразил Иисус. — Он никогда не обманывает своих чад.

Булькающие звуки вырвались из груди собеседника — он уже достаточно повидал за свою жизнь и мало доверял Господу.

— Он ведь Господь. Разве Он способен на несправедливость? Какой же Он будет тогда всемогущий? — Иисус был настойчив.

Горбун похлопал упрямца по плечу — он хотел ободрить Иисуса, но его слишком тяжёлая лапа лишь причинила боль.

— Хорошо, хорошо, не волнуйся. Заходи. Я — брат-странноприимщик.

Они вошли во двор. Поднялся ветер, и над плитами завились песчаные вихри. Тёмная туча закрыла солнце, воздух сгустился.

В середине двора разевал свою пасть пересохший колодец. Временами он наполнялся водой, но сейчас в нем был лишь песок. На его потрескавшихся камнях грелись две ящерицы.

Келья настоятеля была открыта. Горбун взял Иисуса за руку.

— Подожди здесь, я спрошу разрешения у братьев. Не уходи, — он сложил руки на груди и вошёл внутрь. Обе собаки легли с двух

сторон двери у порога. Вытянув шеи, они приняхались и жалобно завывали.

Старец лежал посередине кельи ногами к дверям. Вокруг него, измученные всенощным бдением, дремали братья. Умиравший лежал напряженно вытянувшись, не спуская глаз с открытой двери. Менора всё ещё горела над его головой, освещая гладкий высокий лоб, страстные глаза, ястребиный нос, посиневшие губы и длинную белую бороду, спускавшуюся до пояса и закрывавшую худую обнажённую грудь. Братья бросили ладан и сушеные лепестки роз в горящие угли глиняного кадила, и аромат заполнил всю келью.

Войдя, горбун позабыл, что ему здесь было нужно, и уселся на корточках у порога.

Лучи солнца проникли через дверь и, казалось, стремились дотянуться до ног старца. Сын Марии в ожидании стоял на улице. Ничто не нарушало тишину, кроме воя собак и ударов молота по наковальне.

Шло время. Странник ждал — про него явно забыли: Ночью было холодно, и теперь он чувствовал, как живительное тепло утреннего солнца согревает его.

— Едут! Едут! — вдруг закричал дозорный.

Братья в келье настоятеля проснулись и высыпали на улицу, оставив умирающего в одиночестве.

Собравшись с духом, сын Марии робко приблизился и переступил порог. Внутри был разлит покой смерти или бессмертия. Бледные худые ноги настоятеля купались в ярком солнечном свете. Под потолком жужжала пчела; мохнатое чёрное насекомое гудело над семью язычками пламени, перемещаясь то к одному, то к другому, словно выбирая себе погребальный костер.

Внезапно Иоахим пошевелился. Собрав последние силы, он поднял голову — рот у него раскрылся, ноздри затрепетали, а глаза начали вылезать из своих орбит. Сын Марии поочередно приложил руку к сердцу, губам и лбу в знак приветствия.

— Ты пришёл... ты пришёл... ты пришёл... — зашевелились губы настоятеля, но говорил он почти беззвучно, и сын Марии не услышал его. И тут же улыбка невыразимого восторга разгладила суровые черты лица старца, глаза его закрылись, ноздри перестали вибрировать, рот закрылся и руки, сложенные до того на груди, скатились одна налево, другая — направо и замерли на полу с вывернутыми кистями.

Во дворе тем временем два верблюда опустили на колени, и братья кинулись помогать слезть старому раввину.

— Он жив? Он ещё жив? — страдальчески повторял юный послушник.

— Он ещё дышит, — ответил Аввакум. — Он слышит и всё видит, но не говорит.

Раввин вошёл первым, за ним следовал послушник с бесценной сумой, содержащей бальзамы, травы и целительные мощи. Чёрные псы, поджав хвосты, даже не обернулись. Положив морды на землю, они жалобно выли, словно всё понимая.

Услышав их, Симеон покачал головой. «Я приехал слишком поздно», — подумал он, но ничего не сказал.

Опустившись на колени, он склонился над Иоахимом и приложил руку к его сердцу. Губы его почти касались рта святого отца.

— Слишком поздно, — прошептал он. — Я опоздал... Да продлятся дни вашей жизни, святые братья.

Возопив, братья опустились на колени и поцеловали покойника, каждый в соответствии со сроком своего служения согласно обычаю: Аввакум — глаза, другие — бороду и вывернутые кисти, послушник — ноги. Потом, взяв посох старца, положили его рядом со святыми останками.

Старый раввин стоял на коленях, не утирая бегущих слез, и внимательно всматривался в лицо Иоахима. Что означала эта торжествующая улыбка на его лице? Что это за странное сияние вокруг закрытых глаз? Солнце, незаходящее солнце пало на это лицо и навсегда застыло на нем. Что это было за солнце?

Он оглянулся. Братья, всё ещё стоявшие на коленях, платили дань усопшему; Иоанн рыдал, не отрывая губ от ног настоятеля. Старый раввин переводил взгляд с одного на другого, словно вопрошая, и вдруг увидел сына Марии, спокойно стоявшего в дальнем конце кельи, сложа руки на груди. И лицо его тоже светилось той же покойной и торжествующей улыбкой.

— Адонай, Боже мой, — в ужасе прошептал раввин, — сколько ещё Ты будешь искушать моё сердце? Помоги же мне наконец понять и решить!

На следующий день из пустыни поднялось свирепое кроваво-красное солнце, окутанное чёрной дымкой песчаной бури. С востока задул раскалённый ветер, мир почернел. Две чёрные собаки пытались лаять, но песок забивался им в пасти, и они умолкли. Верблюды, вжавшись в землю, закрыли глаза и замерли в ожидании.

Медленно, выстроившись в цепочку, братья продвигались вперёд, стараясь не упасть и не отдать ветру тело старца, которое им

предстояло похоронить. Пустыня дышала, словно море, то вздымаясь, то опускаясь волнами.

— Это ветер пустыни, дыхание Яхве, — пробормотал Иоанн на ухо сыну Марии. — Он высушивает всё зелёное, уничтожает все побеги, забивает рот песком. Мы просто оставим святые останки в расщелине, а песок сам занесет их.

Когда они выходили из обители, во мгле бури возник рыжебородый кузнец с молотом через плечо, взглянул на них и тут же исчез, поглощенный песком. Сын Зеведея, увидев это страшилище, в ужасе прижался к своему спутнику.

— Кто это? Ты видел?

Но сын Марии не ответил. «Господь всё прекрасно устраивает, что ни случается — всё в воле Его, — думал он. — Как Он свел меня с Иудой, здесь в пустыне, на краю света. Так свершится же воля Твоя, Господи».

Согнувшись, они продвигались вперёд, ступая по раскалённому песку, пытаясь закрывать рот и нос краями одежды, но пыль уже проникла в их глотки и легкие. Внезапно ветер подхватил Аввакума, который шёл во главе процессии, закружил его и бросил наземь. И братья, ослепленные тучами песка, прошли мимо. Пустыня свистела, звенели камни, старый Аввакум хрипло вскрикнул, но его никто не услышал.

«Почему дыхание Яхве не может быть нежным ветерком, прилетающим к нам с Великого моря?» — размышлял сын Марии. Он хотел было поделиться этой мыслью со своим спутником, но не смог раскрыть рта. «Почему бы ветру Яхве не наполнять водой пересохшие колодцы? Почему бы Господу не любить зеленеющие побеги, не жалеть человека? Если бы хоть один человек смог приблизиться к Нему, упасть Ему в ноги и, прежде чем обратиться в

пепел, поведать о людских страданиях, о мучениях земли и зеленеющих побегов».

Иуда так и стоял в дверях одинокой кельи, которую выделили ему под мастерскую. Трясаясь от смеха, он глядел вслед спотыкающейся похоронной процессии, которая то появлялась в просветах между вихрями пыли, то исчезала в отдалении. Его глаз успел заметить нужного ему человека, и теперь он злорадно усмехался.

— Велик Господь Израиля, — прошептал кузнец. — Он всё прекрасно устраивает. Он привел предателя прямо к острию моего ножа, — и, довольно поглаживая усы, Иуда вошёл внутрь. В келье было темно, лишь в углу, в маленьком очаге жутко поблескивали горящие угли. Полусумасшедший отшельник раздувал их кузнечными мехами.

— Эй, брат Иеровоам, — добродушно окликнул его кузнец, — это вы и называете дыханием Господа? Мне нравится, очень нравится. Если бы я был Господом, я бы дышал так же.

Тот рассмеялся.

— А я уже — не могу дышать — я уже без сил, — и он отложил меха, утирая пот со лба и шеи.

— Не сделаешь ли ты мне одолжение, Иеровоам? — подошёл к нему Иуда. — Вчера в обитель пришёл молодой человек с короткой чёрной бородкой, тоже немного не в своем уме, как и твое святейшество. Босой и с кровавым платком на голове.

— Я первым заметил его, — гордо сообщил Иеровоам. — Но знаешь, мой дорогой, он не намного не в своем уме, а настоящий сумасшедший! Он сказал, что ему приснился сон и он пришёл из самого Назарета, чтобы настоятель — да покоится он с миром! — объяснил его значение.

— Ну хорошо, так слушай. Ты ведь брат-странноприимщик? Ты ведь готовишь келью, постель и пищу для всех проходящих?

— Я, можешь не сомневаться! Они считают, что от меня нет никакой пользы, вот и сделали меня странноприимщиком. Я мою, прибираю и готовлю для всех приезжающих.

— Замечательно! Постели ему сегодня в моей келье. Я не могу спать один, Иеровоам... Ну как тебе это объяснить? Меня мучают кошмары, сатана искушает меня, и я боюсь, что буду проклят за это. Но стоит мне почувствовать рядом живое существо, как я тут же прихожу в себя. Сделай одолжение. А я тебе дам в подарок ножницы для стрижки овец, чтобы ты мог подстригать свою бороду. Ты и братьев сможешь стричь, и верблюдов, и никто не станет больше говорить, что от тебя нет пользы. Слышишь, что говорю?

— Дай ножницы!

Кузнец порылся в своей суме и извлек оттуда огромные ржавые ножницы. Иеровоам поднес их к свету, принялся открывать их и закрывать — восторгу его не было пределов.

— Велик Ты, Господи, и дивны Твои творения, — шептал он в изумлении.

— Ну так что? — встряхнул его Иуда.

— Он будет у тебя сегодня, — откликнулся Иеровоам и, прижав к груди ножницы, вышел.

Братья уже вернулись. Они не смогли уйти далеко, так как ветер Яхве крутил их и бросал на землю. Найдя яму, они запеленали труп и принялись звать Аввакума, чтобы тот произнес молитву, но того нигде не было, и старый раввин Назарета, склонившись над покинутой душой плотью, прокричал: «Прах ты есть и вернись к праху. Отлетела душа, бывшая в тебе, и ты не нужен более. Плоть,

ты совершила свой долг: ты помогла душе пройти её земное изгнание по песку и камням, пережить столько солнц и лун, грешить, страдать, томиться по Царствию Небесному и Господу, её отцу. Исчезни, плоть, ты больше не нужна Иоахиму!»

И пока Симеон говорил, тонкий слой песка уже занес лицо, бороду и руки старца — останки поглощала земля. Из пустыни неслись всё новые и новые тучи песка, и братья поспешили пуститься в обратный путь. И как раз в тот момент, когда полубезумный Иеровоам, схватив ножницы, выбежал от кузнеца, ослепленные, с потрескавшимися губами они входили в обитель, неся Аввакума, которого нашли на обратном пути, полузанесенного песком.

Старый раввин, обтерев мокрой тряпкой глаза, рот и шею, опустил на корточки перед опустевшим креслом настоятеля. Через закрытую дверь он слышал, как дыхание Яхве сжигает землю, уничтожая всё живое. Он думал о пророках: в такие же раскалённые дни они взывали к Господу, такое же жжение в глазах испытывали они при Его приближении.

— Конечно, я знаю. Господь — это палящий ветер, это удар молнии, — бормотал Симеон. — Он — не сад в цвету. А сердце человеческое словно зелёный лист, — Господь ломает его черенок, и оно вянет. Что делать, как вести себя человеку, чтобы Он смягчился? Мы предлагаем Ему священных агнцев, а Он вопиет: «Я не желаю плоти, лишь псалмы утоляют мой голод». Мы начинаем распевать псалмы, а Он кричит: «Хватит слов! Лишь агнец, сын, единственный сын утолит мой голод!» — старик вздохнул.

Размышления о Боге утомили его, и он огляделся, чтобы найти место и прилечь. Братья, уставшие после бессонной ночи, тоже разошлись по своим кельям, чтобы заснуть и видеть во сне настоятеля. Сорок дней его дух будет бродить по обители, входить в их кельи и наблюдать за ними.

В келье Иоахима было пусто. Ветер в безумной ярости обрушивался на дверь, словно тоже хотел войти. Но когда Симеон совсем уже собрался улечься, он вдруг увидел в углу неподвижно стоящего сына Марии, который не спускал с него глаз. Сон тут же слетел с тяжёлых век раввина. Он сел и встревоженно кивнул своему племяннику, чтобы тот приблизился. Иисус, казалось, только этого и ждал. Он подошёл ближе, горькая улыбка играла в углах его рта.

— Садись, Иисус, — сказал раввин. — Я хочу поговорить с тобой.

— Я слушаю, — ответил юноша и сел напротив. — Я тоже хотел поговорить с тобой, дядя Симеон.

— Зачем ты пришёл сюда? Мать твоя ходит, плача, по деревням и ищет тебя.

— Она ищет меня, я ищу Господа — мы никогда не встретимся, — ответил Иисус.

— У тебя нет сердца. Ты никогда не любил своих отца и мать, как то подобает человеку.

— Тем лучше. Сердце моё — горящий уголь, оно сжигает всё, к чему прикоснется.

— Что с тобой? Как ты можешь так говорить? Чего тебе не хватает?
— раввин вытянул шею, чтобы получше рассмотреть Иисуса. Глаза того были полны слез. — Тайная боль пожирает тебя, сын мой. Откройся, облегчи свою душу. Глубоко затаенная боль...

— Одна? — перебил Иисус, и горечь разлилась по всему его лицу.
— Не одна, их много!

В этом прозвучала такая тоска, что раввин испугался и, чтобы придать мужества племяннику, положил руку ему на колено.

— Я слушаю, мальчик мой! — ласково проговорил он. — Вынеси на свет свои мучения, извлеки их из себя. Они плодоносят в темноте, свет убивает их. Не стыдись и не бойся, говори.

Но сын Марии не знал, с чего начать, что рассказать, а что утаить, скрыв глубоко в своем сердце. Господь, Магдалина, семь грехов, кресты, распятый — всё пронеслось перед ним, терзая и разрывая его душу.

Старик взирал на него с немым ободрением и похлопывал по колену.

— Тебе трудно? — наконец тихо и нежно промолвил он. — Ты не можешь, дитя моё?

— Нет, дядя Симеон, не могу.

— Ты обуреваем многими искушениями? — ещё тише и мягче спросил раввин.

— Многими, — с ужасом ответил Иисус, — многими.

— Когда я был молод, дитя моё, — вздохнул раввин, — я тоже много страдал. Господь мучал и испытывал меня так же, как он это делает с тобой: Он хочет посмотреть, что вынесет человек и как долго. Многие искушения посещали меня. Одних, с кровожадными ликами, я не боялся, но других, нежных и сладкоголосых, — вот чего я страшился. И как ты знаешь, чтобы избавиться от них, я пришёл в эту обитель, как и ты. Но Господь не уступил, и здесь, прямо здесь, Он и настиг меня. Он послал искушение — женщину. И горе мне, я пал пред искушением. И с тех пор, может, такова и была воля Господня, я стал тих, да и Господь перестал меня мучить: мы примирились. Так и ты, дитя моё, примиришься с Господом и обретешь избавление.

Сын Марии покачал головой.

— Не думаю, что мне так просто удастся его обрести, — прошептал он и умолк. Симеон тоже молчал и лишь тяжело дышал.

— Не знаю, с чего начать, — попытался встать Иисус. — Я никогда не начну: мне слишком стыдно!

Но старик крепко держал его колени.

— Сиди, — властно произнес он, — оставайся на месте. Стыд есть тоже искушение. Победи же и его! Я буду задавать тебе вопросы, я буду спрашивать, а ты будешь терпеливо отвечать... Зачем ты пришёл сюда?

— Чтобы спастись.

— Спасть? От чего? От кого?

— От Господа.

— От Господа?! — в смятении воскликнул раввин.

— Он преследует меня, терзает мою голову, сердце, чрево. Он хочет, чтобы я...

— Чтобы ты что?

— Он хочет столкнуть меня в пропасть!

— Какую пропасть?

— Свою. Он требует, чтобы я встал и говорил. Но что я могу сказать? «Оставь меня! Мне нечего говорить! — кричу я Ему, но Он не хочет слушать. — Ах, Ты так?! Ну тогда я тебе покажу, я заставлю Тебя презирать меня, может, тогда Ты отстанешь...» — и бросаюсь во все мыслимые и немыслимые прегрешения.

— Во все мыслимые прегрешения? — воскликнул Симеон.

Но Иисус его не слышал, одержимый возмущением и болью.

— Почему Он выбрал меня? Разве Он не заглядывал в мою душу, разве Он не знает, что в ней таится?! Грехи, как ползучие гады, шипят и совокупаются там. А сверх того... — слова застряли у него в горле. Он умолк. Волосы его взмокли от пота.

— А сверх того? — мягко переспросил раввин.

— Магдалина! — вскинул голову Иисус.

— Магдалина? — Симеон побледнел.

— Это моя вина, моя вина, что она встала на этот путь. Ещё младенцем я научил её радостям плоти — да, я признаюсь в этом. Слушай, дядя, и ужасайся. Мне тогда было не больше трех лет. Я пробирался к вам в дом, когда ты уходил, брал Магдалину за руку, мы раздевались донага и ложились на землю, соединив стопы ног. Боже, какая это была радость, какой радостный грех! Тогда-то Магдалина и погибла, она погибла, она не могла уже жить без мужчины, без мужчин, — он взглянул на раввина, но тот не слушал, зажав голову ладонями.

— Это моя вина! Моя! Моя! — вскричал Иисус, бия себя в грудь. — И если бы только это! — продолжил он через мгновение. — С детства, рабби, я вскармливал глубоко внутри себя не только дьявола блуда, но и беса надменности. С малых лет — я ещё плохо ходил и держался за стенку, чтобы не упасть, — я повторял про себя (Боже, какая дерзость! какая дерзость!): «Господи, сделай меня Господом!» А однажды, когда я сидел с большой кистью винограда, мимо проходила халдейка. Она подошла ко мне, села на корточки и взяла мою руку. «Дай мне винограду, — сказала она, — и я предскажу тебе будущее». Я отдал. Она нагнулась и принялась рассматривать мою ладонь, а потом закричала: «О! О! Я вижу кресты, кресты и звёзды». А потом она рассмеялась: «Ты станешь царем Иудейским!» — и ушла. Но я поверил ей и раздулся от тщеславия. И с тех пор, дядя Симеон, я как будто не в своем уме.

Ты — первый человек, кому я говорю это, дядя Симеон, до сих пор об этом не знала ни одна живая душа. С того времени я не в себе.

— Он помолчал и вдруг взорвался:

— Я — сатана! Я! Я!

Раввин зажал рот Иисусу.

— Замолчи! — резко сказал он.

— Нет, я не замолчу! — возбужденно воскликнул Иисус. — Теперь уже слишком поздно, раз я начал. Я не замолчу! Я лжец, лицемер, я боюсь собственной тени, мне не хватает смелости сказать правду. Когда я встречаю женщину, я заливаюсь краской и опускаю голову, но взгляд мой полон вожделения. У меня никогда не поднялась рука украсть, ударить или убить, но не потому, что мне этого не хотелось, а потому, что я боялся. Мне хочется восстать против собственной матери, центуриона, Господа, но я боюсь! Боюсь! Если ты заглянешь в мою душу, ты увидишь там страх, трясущегося зайца, сидящего внутри меня, — страх и больше ничего! Он — мой отец, моя мать и мой Бог.

Старый священник взял руки Иисуса в свои, чтобы успокоить его, но Иисус продолжал конвульсивно вздрагивать.

— Не бойся, дитя моё, — утешал его раввин. — Чем больше в нас дьяволов, тем больше ангелов может получиться из них. Ведь ангелами мы называем раскаявшихся дьяволов, а посему веруй... Но я бы хотел тебя спросить ещё об одном: Иисус, спал ли ты когда-нибудь с женщиной?

— Нет, — еле слышно ответил тот.

— И тебе не хочется?

Молодой человек покраснел, не в силах вымолвить ни слова, лишь кровь его бешено колотилась в висках.

— Тебе не хочется? — повторил старик.

— Хочется, — ответил Иисус так тихо, что раввин еле расслышал его. Но тут же, вздрогнув, словно очнувшись, он закричал:

— Нет! Нет! Не хочу!

— Почему? — спросил священник, который не мог выдумать другого лекарства от его страданий. Он знал по собственному опыту и на многочисленных примерах своих больных, одержимых дьяволами, которые с пеной у рта клялись и кричали, что мир слишком мал для них, — они женились, рожали детей и успокаивались.

— Это слишком мало для меня, — отчетливо произнес страдалец.

— Мне нужно больше.

— Слишком мало? — удивленно воскликнул раввин. — Чего же ты тогда хочешь?

Гордая, крутобедрая Магдалина с обнажённой грудью и накрашенными губами, подведенными глазами и нарумяненными щеками проплыла перед мысленным взором в голове у Иисуса. Она смеялась, и зубы её сверкали на солнце, тело её изгибалось, меняло форму, и вот уже это не Магдалина, а озеро, наверное Генисаретское, и на берегу его собрались тысячи людей — тысячи Магдалин, счастливых, смеющихся, купающихся в лучах солнца. Нет, не солнца, купающихся в его лучах — Иисуса из Назарета, который склонялся над ними, бросая на их лица отблески своей славы.

— О чём ты задумался? — спросил раввин. — Почему ты не отвечаешь мне?

— Ты веришь в сны, дядя Симеон? — неожиданно спросил племянник. — Я верю. Кроме них, я ни во что не верю. Как-то мне приснилось, что невидимые враги привязали меня к высохшему

кипарису. В тело моё впивались длинные красные стрелы, и оно сочилось кровью. На голову мне они водрузили терновый венец, на котором горящими буквами было написано «Святой богохульник». Я — богохульник, рабби. Так что лучше не спрашивай меня ни о чём, а то я начну богохульствовать.

— Ничего, дитя моё, можешь начинать, — спокойно ответил раввин и снова взял его за руку. — Богохульствуй, облегчи свою душу.

— Во мне сидит бес, который кричит не переставая: «Ты не сын плотника, ты — сын царя Давида! Ты не мужчина, ты Сын человеческий, о котором пророчествовал Даниил». И ещё того пуще: «Ты — сын Господа!» И это не всё! «Ты — Господь!»

Симеон слушал, склонившись, и дрожь сотрясала его дряхлое тело. Растрескавшиеся губы Иисуса покрыла пена, язык застревал в гортани; он больше не мог говорить. Да и что ещё он мог сказать? Он уже всё сказал; он чувствовал, что душа его опустошена, и, вырвав свои руки у старца, он встал.

— Может, ты ещё хочешь о чём-нибудь спросить? — с ядовитой усмешкой обратился он к старику.

— Нет, — ответил раввин, чувствуя, что силы покидают его. Много бесов изгонял он за свою жизнь — одержимые стекались к нему со всех концов Израиля, и он излечивал их. Однако их бесы были мелкими, и изгонять их было просто — бесы похоти, гнева, болезни. А теперь... Как ему победить такое?

Ветер Яхве ломился в дверь, пытаясь ворваться внутрь. Всё остальное молчало — ни завывания шакалов, ни крика воронов — в ужасе всё живое попряталось, ожидая, когда минует гнев Божий.

ГЛАВА 11.

Закрыв глаза, сын Марии прислонился к стене. Отчаяние застыло на его лице. Старый раввин опустил голову на колени и вернулся к своим размышлениям о дьяволах, аде и сердце человеческом. Нет, ад это не подземная бездна, его вместилище — сердца человеческие, сердца праведных, самых праведных. Господь — бездна, но и человек это тоже бездна, и раввин не хотел заглядывать в свою душу — ему было страшно.

Вязкая тишина окутала мир. Всё замерло. Даже пара чёрных псов уснула, устав от звуков причитаний и молитв над трупом усопшего. Тут-то из-за угла и донеслось это сладкое шипение. Юродивый Иеровоам услышал его первым. Ветер Яхве всегда приносил это вкрадчивое шипение, и, вслушиваясь в него, Иеровоам чувствовал, как истома разливается по его телу. Солнце уже садилось, но весь двор ещё был залит светом. Он скользнул взглядом по вымощенной плитами земле и увидел у пересохшего колодца её — огромную чёрно-желтую змею; она раздувала шею, шевелила языком и шипела. Никогда в своей жизни Иеровоам не слышал более сладостной музыки, чем звуки, лившиеся из этого змеиного горла. Жаркими летними ночами, когда ему снились женщины, они являлись к нему в образе такой змеи.

Иеровоам вышел из кельи и осторожно, затаив дыхание, направился к змее. Она шипела и раскачивалась, и, глядя на неё, он тоже принялся шипеть, и постепенно змеиный дух стал перетекать и в его тело. Одна за другой из высохшего колодца и просто из песка начали появляться новые змеи — голубые, зелёные, жёлтые, чёрные... Словно вода, быстро и неслышно, они стекались к первой змее и присоединялись к её пению, они терлись друг о друга, сплетаясь всё крепче и крепче, пока их свернувшиеся тела не образовали единую тугую гроздь, будто свисающую с невидимой

виноградной лозы. Иеровоам замер с раскрытым ртом. «Вот так же мужчины и женщины, — думал он, — за это Господь и выгнал нас из рая». И его горбатое, ни разу не целованное тело вопреки его мыслям раскачивалось, словно замороженное движением змеиных тел.

Услышав шипение, раввин приподнял голову и прислушался. «Ветер Яхве, — произнес он про себя, — змеи любят его жаркое дыхание — они празднуют свои свадьбы». Чары змеиного шипения просочились и в келью, словно нитями опутывая и дурманя сознание, и старик чуть было не поддался им... Но вот он вздрогнул: «Всё от Бога, — пронеслось у него в голове, — и всё не так просто: за явным скрывается тайное. Люди говорят: "Это — змея", и мысль их не идёт дальше, но ум, пребывающий в Господе, видит сокрытое за внешним, зрит тайный смысл. Но какой?»

Симеон свернулся калачиком на полу. Какой тайный смысл? Холодный пот струился по его смуглому лицу. Он то всматривался в бледного человека, стоявшего рядом, то с закрытыми глазами прислушивался к змеиному шипению. Что таилось за этим?

Он изучил язык зверей и птиц у великого целителя Иосафата. Он мог объяснить звуки, издаваемые орлами, ласточками и голубями. Иосафат обещал, что обучит его языку змей, но умер и унес секрет с собой. Эти змеи сегодня несомненно принесли какую-то весть. Но какую?

Он снова поднялся и обхватил голову руками: его мысль билась в тупике. Чёрные и белые молнии пронизывали мозг. Какой смысл? Какая весть? И вдруг из него словно сам по себе вырвался крик, подхвативший его и поставивший на ноги. Словно в поисках опоры, он схватился за посох почившего Иоахима и оперся о него.

— Иисус, — произнес он очень тихо, — что ты чувствуешь сейчас в сердце своем?

Но Иисус не слышал его. Он весь трепетал от невыразимого ликования. Сегодня, после стольких лет молчания, сегодня вечером он решился на исповедь, осмелился выговориться, в первый раз в жизни он отважился заглянуть в глубины своего сердца и извлечь оттуда по одной всех шипящих там змей. Он называл каждую своим именем, и с каждым словом, ему казалось, они, шипя и извиваясь, выползали из его души и исчезали за дверью.

— Иисус, что ты чувствуешь в сердце своем? — повторил старый раввин. — Легче ли тебе? — склонившись, он взял его за руку и, поднеся свой палец к губам, тихо добавил: — Пойдём.

Он открыл дверь, держа Иисуса за руку, и они переступили порог. Свившись по двое, змеи раскачивались, стоя на хвостах в самой сердцевине огнедышащего песчаного смерча, отдавшись на милость Божью, — обессиленные, они то замирали, то снова возобновляли свое мистическое действо.

При виде их сын Марии вздрогнул, но раввин схватил его за руку и, вытянув посох, прикоснулся к границе змеиного чертога.

— Вот они, — мягко улыбнулся Симеон, — они вышли.

— Вышли? — удивленно переспросил сын Марии. — Вышли откуда?

— Разве ты не чувствуешь себя легче? Они вышли из твоего сердца.

Сын Марии перевел взгляд с улыбающегося раввина на танцующих змей, которые теперь медленно двинулись в сторону высохшего колодца, и, приложив руку к сердцу, почувствовал, как радостно и ликующе оно бьется.

— Пойдём обратно, — произнес Симеон, снова беря его за руку. Они вошли в келью, и раввин закрыл дверь. — Слава Тебе, Господи!

Однако, взглянув на сына Марии, он почувствовал странную тревогу.

«Настоящее чудо, — пронеслось у него в голове. — Вся жизнь этого человека, который стоит теперь передо мной, состоит из сплошных чудес». Станные чувства охватили его: то он хотел, простерев руки над головой Иисуса, благословить его, то упасть ниц перед ним и целовать ему ноги. Но он не поддался ни тому, ни другому желанию. Уже столько раз Господь водил его за нос, обманывая. Сколько раз при встрече с очередным спустившимся с гор или вышедшим из пустыни пророком он восклицал: «Вот Мессия!» Но всё напрасно: Господь замутил его зрение, и готовое расцвести сердце раввина оставалось мёртвым. Потому-то он и привык не давать воли своим чувствам... «Сначала надо его проверить, — решил он про себя. — Я видел пожиравших его гадов. Теперь они вышли, и он очистился. Теперь он воспрянет. Пусть говорит с людьми, тогда и посмотрим».

Дверь отворилась, и в келью вошёл Иеровоам с ужином для обоих постояльцев — ячменным хлебом, оливками, молоком.

— Я постелил тебе в другой келье, так что ты будешь спать не один, — заметил он Иисусу.

Но мысли обоих гостей витали далеко отсюда, и они не обратили на это никакого внимания. Снова слышалось змеиное шипение, но теперь оно было гораздо тише — празднество шло на убыль.

— Женятся! — хихикнул Иеровоам. — Дует ветер Господа, а они — чума на них — и не думаютдохнуть!

Он подмигнул раввину, но тот уже окунул хлеб в молоко и занялся его старательным пережевыванием. Все эти плоды земли нужно было превратить в силы и разум, чтобы он снова смог говорить с сыном Марии. Горбун ещё некоторое время смотрел на одного,

потом на другого, но вскоре его охватила нестерпимая скука, и он удалился.

Оба сидели друг напротив друга и ели в полной тишине. В келье стало совсем темно. Лишь отполированное дерево кресла и кафедры, где лежали свитки пророчеств Даниила, тускло поблескивало во мраке. Воздух всё ещё был пропитан сладкими курениями. Ветер затихал.

— Ветер уходит, — сказал раввин. — Бог пришёл и ушёл.

Иисус не ответил. «Они вышли из меня, вышли, — пела его душа. — Змеи оставили меня. Может, этого и хотел Господь, может, за этим Он и привел меня в пустыню — чтобы я исцелился. Он дунул — змеи вышли и покинули меня. Слава Богу!»

Покончив с трапезой, раввин, воздев руки, произнес хвалу Всевышнему и снова повернулся к сыну Марии.

— О чём ты думаешь, Иисус? Слышишь ли ты меня, это я — раввин Назарета.

— Я слышу тебя, дядя Симеон, — выходя из задумчивости, ответил Иисус.

— Настал час, дитя моё. Готов ли ты?

— Готов? Готов к чему?

— Ты и сам хорошо знаешь к чему. Зачем ты меня спрашиваешь? Готов к тому, чтобы встать и говорить?

— С кем говорить?

— С человечеством.

— И что говорить?

— Об этом не беспокойся. Ты будешь лишь открывать рот. Господь не требует от тебя большего. Ты ведь любишь человечество?

— Не знаю. Я смотрю на людей, и мне становится жалко их.

— Этого достаточно, дитя моё, этого достаточно. Вставай и говори. Твои страдания умножатся, но зато их облегчатся. Может, за тем тебя Бог и послал на землю. Посмотрим!

— За этим Бог послал меня на землю? — повторил юноша. — Откуда ты это знаешь, рабби, — душа его ушла в пятки от ужаса, он весь напрягся и замер в ожидании ответа.

— Я не знаю. Мне этого никто не говорил, но ведь такое может быть. Я был свидетелем знамений. Однажды, ещё в детстве, ты слепил птицу из глины. Ты ласкал её и говорил с ней, и, пока ты это делал, мне показалось, что у неё оперились крылья, и она, вырвавшись из твоих ладоней, улетела. А вдруг эта глиняная птица, Иисус, мой мальчик, — душа человеческая, душа, которую ты держишь в своих руках?

Иисус встал и осторожно открыл дверь. Змеи окончательно затихли. Довольный, он повернулся к раввину:

— Благослови меня, рабби. И не надо больше ничего говорить. Ты сказал достаточно, больше я не вынесу. — Он немного помолчал и добавил: — Я устал, дядя Симеон. Пойду лягу. Иногда Господь ночью объясняет события дня... Спокойной ночи, дядя Симеон.

Брат-странноприимщик уже стоял в ожидании за дверью:

— Идем. Я покажу, где я тебе постелил. Как тебя зовут, мой прекрасноликий?

— Иисус, сын плотника.

— А меня — Иеровоам. Ещё меня зовут Сумасшедшим братом и Горбатым братом. Такие дела. Господь меня наделил черствой коркой.

— Какой черствой коркой?

— Не понимаешь, безмозглый дурак? — рассмеялся горбун. — Это я о своей душе. А когда я помру — спокойной ночи, счастливых снов, — дьяволу придётся потрудиться, чтобы сгрызть её.

Он распахнул маленькую дверцу:

— Заходи. Я постелил тебе там, в левом углу.

И зайдясь в кашле, он подтолкнул Иисуса внутрь кельи:

— Спи спокойно, мой прекрасноликий, и счастливых тебе снов. Не пугайся, если приснятся женщины, — у нас ведь тут обитель.

И фыркнув от смеха, он захлопнул дверь. Сын Марии стоял не шевелясь в кромешном мраке... Глаза с трудом привыкали к темноте. Но мало-помалу из неё начали проступать выбеленные стены, в нише блеснул кувшин, а в углу, прямо напротив себя, он увидел два горящих глаза.

Вытянув руки, он медленно двинулся вперёд, но тут же споткнулся о расстеленную циновку и остановился. Два глаза неотрывно следили за каждым его движением.

— Добрый вечер, приятель, — поздоровался сын Марии со своим соседом, но ответа не последовало.

Сжавшись в комок, подтянув колени к подбородку и сдерживая дыхание, Иуда сидел, прислонившись к стене, и не спускал глаз с Иисуса.

«Иди сюда... иди... иди... — шептал он про себя, прижимая к груди нож. — Иди, иди, иди сюда, — бормотал он, глядя на

приближающегося Иисуса. — Иди, иди, иди...» — заволаживающе шипел он.

Ему казалось, что он снова в своей родной деревне — Кариоте Идумейской. Точно так же его дядя заволаживал и подманивал шакалов и кроликов, лежа на земле и впившись глазами в жертву: «Иди, иди, иди». И животное подчинялось и, склонив голову, начинало медленно приближаться.

— Иди, иди, иди, — шипел Иуда, сначала мягко и нежно, потом громче, громче, уже злобно и угрожающе, и сын Марии вскочил на ноги. Кто был с ним рядом? Кто шипел? Ноздри его почуяли запах охотника, и он понял.

— Иуда, брат мой, ты ли это? — тихо спросил он.

— Убийца! — взревел тот, вскакивая на ноги.

— Иуда, брат мой, — ответил сын плотника. — Убийца страдает больше, чем распятый.

Рыжебородый бросился на Иисуса и схватил его за плечо.

— Я поклялся своим братьям зелотам и матери распятого, что убью тебя. Милости прошу, римский прихвостень. Я звал, и ты откликнулся на мой зов.

Он запер дверь, снова вернулся в свой угол, сел там на корточки и уставился на Иисуса.

— Ты слышал, что я сказал?! И не вздумай мне тут болтать. Готовься!

— Я готов.

— Тогда не кричи. Быстро! Я хочу уйти сегодня ночью.

— Я рад видеть тебя, Иуда, брат мой. Я готов. Но пришёл я не на твой зов, а на зов Господа. Он в своей безграничной милости обо

всем позаботился. Ты пришёл как раз вовремя, брат мой, Иуда. Сегодня душа моя очистилась, я освобожден: теперь я могу предстать перед Господом. Я устал бороться с Ним, я устал жить. Вот моё горло, Иуда, я готов.

Кузнец тяжело вздохнул и нахмурился. Ему не нравилось, ему всё это совершенно не нравилось — он не хотел распаривать горло римскому прихвостню как беззащитному ягненку. Он хотел сопротивления, рукопашной борьбы, схватки, приличествующих настоящим мужчинам, а убийство, как справедливая награда в поединке, должно было произойти в самом конце, когда кровь кипит...

Он взглянул на сына Марии, который стоял перед ним в ожидании, покорно вытянув шею, и, схватив его своей лапой, отшвырнул в сторону.

— Почему ты не сопротивляешься? — зарычал кузнец. — Что ты за мужчина? Вставай и сражайся!

— Но я не хочу, Иуда, брат мой. К чему мне сопротивляться? Я хочу того же, что и ты, и Господь хочет того же — иначе зачем бы Ему потребовалось с таким совершенством соединить всё разрозненные куски моей жизни воедино. Разве ты не видишь: я пошёл в обитель, ты последовал туда же, я пришёл, и сердце моё очистилось, я готов к смерти, ты взял нож, спрятался в этом углу и приготовился к убийству, дверь открылась, я вошёл... Ну какие тебе ещё нужны знамения, Иуда, брат мой?

Иуда не ответил. Он в бешенстве грыз свой ус, кровь толчками то поднималась к голове, воспаляя мозг, то отливала вниз, покрывая его лицо мертвенной бледностью.

— Зачем ты делаешь кресты? — наконец громовым голосом произнес он.

Плотник опустил голову. Это было его тайной — как он мог раскрыть её? Почему кузнец должен принимать на веру сны, которые посылает ему Господь, или голоса, которые он слышит в одиночестве, или боль, терзающую его мозг и пытающуюся оторвать его от земли? А он сопротивляется, отказываясь от вознесения — поймет ли это Иуда? Поймет ли рыжебородый, что он отчаянно хватается за любой грех, только чтобы остаться на земле?

— Я не могу тебе объяснить, Иуда, брат мой. Прости меня, — сокрушенно промолвил Иисус, — но я не могу.

Кузнец поерзал, чтобы получше разглядеть в темноте лицо жертвы и, найдя удобное положение, впился в него жадным взглядом. «Не могу понять, что он за человек? — в который раз спрашивал себя Иуда. — Кто его ведет, дьявол или Бог? Но как бы там ни было, да будет он проклят! Я не могу резать ягнят; людей — да, но не ягнят».

— Ничтожество! Трус! — разразился он. — Да провались ты в тартарары! Тебя бьют по одной щеке — а ты? Ты подставляешь другую! Увидел нож — и тут же подставляешь свое горло. Да к тебе даже притронуться никто не может, не замаравшись!

— Бог может, — безмятежно возразил сын Марии.

В нерешительности кузнец крутил в руках нож. И вдруг ему показалось, что он видит мерцание вокруг головы Иисуса. Ужас охватил его, руки заходили ходуном.

— Может, я действительно болван, — промолвил он, — но объясни, я постараюсь понять. Кто ты? Что тебе надо? Откуда ты взялся? Что за байки окружают тебя со всех сторон — цветущий посох, удар молнии, голоса, которые ты слышишь по ночам? Открой мне свою тайну! В чем она заключается?

— В жалости, Иуда, брат мой.

— В жалости к кому? Кого ты жалеешь? Себя из-за своего ничтожества и трусости? Или, может, ты жалеешь Израиль? Ну, говори! Израиль? Я хочу, чтобы ты сказал мне, слышишь? Мне нужно только это, и больше ничего. Ты мучаешься из-за страданий Израиля?

— Из-за человеческих страданий, Иуда, брат мой.

— Забудь о людях! Греки, уничтожавшие нас столько лет — да будь они прокляты! — тоже люди. Римляне тоже люди, но они топчут нас и святотатствуют в Храме. Какое нам до них дело? Ты должен думать об Израиле и жалеть его. Всё остальное может идти к дьяволу!

— Но я жалею не только людей, Иуда, брат мой, но и шакалов, ласточек, траву.

— Ха-ха-ха! — зло рассмеялся рыжебородый. — А муравьев?

— Да, и муравьев тоже. Всё от Бога. Когда я склоняюсь над муравьем, в его чёрных блестящих глазках я вижу лик Господа.

— А если ты склонишься над моим лицом, сын плотника?

— Там тоже очень глубоко я вижу лицо Бога.

— И ты не боишься смерти?

— А почему я должен бояться её, Иуда, брат мой? Смерть — это дверь, которая открывается, а не закрывается. Она открывается, и тыходишь.

— Кудаходишь?

— К Господу.

Иуда вздохнул с досадой. «Этого парня не поймает, — подумал он, — его не поймает, потому что он не боится смерти».

Облокотившись на лежанку, он смотрел на Иисуса в поисках какого-нибудь решения.

— А что ты будешь делать, если я не убью тебя? — промолвил он наконец.

— Не знаю. Всё в Божьей воле... Я хотел бы говорить с людьми.

— И что ты собираешься им сказать?

— Откуда я знаю, Иуда, брат мой? Я лишь открываю рот, слова в него вкладывает Господь.

Нимб над его головой стал ярче, его бледное печальное лицо сияло, взгляд огромных чёрных глаз обволакивал Иуду несказанной нежностью. Рыжебородому стало не по себе, и он опустил глаза. «Я не стал бы его убивать, — думал он, — если бы был уверен, что он действительно поднимется и обратится к израильтянам с призывом бороться с римлянами».

— Чего ты ждешь, Иуда, брат мой? — спросил юноша. — Или Бог не послал тебя, чтобы убить меня? Может, Он хочет чего-нибудь другого, неизвестного даже тебе, и ты сейчас, глядя на меня, пытаешься понять это? Я готов умереть, но я готов и жить. Решай!

— Не спеши, — ответил рыжебородый. — Ночь длинная, впереди у нас много времени.

Он помолчал мгновение и вдруг заорал, как безумный:

— С тобой нормально даже поговорить нельзя! Я спрашиваю тебя об одном, ты в ответ говоришь мне о другом! Не могу я убить тебя! Я был во всем уверен, пока не увидел тебя сегодня! Оставь ты меня в покое! Отвернись и спи! Мне нужно побыть одному, чтобы решить, что делать.

И он повернулся к стене.

Сын Марии лежал на своей циновке, спокойно сложив руки на груди.

«Да будет на всё воля Божия», — подумал он и спокойно закрыл глаза.

Из расщелины в скале высунулась сова, удостоверилась, что смерч, посланный Господом, миновал, и бесшумно выскользнула наружу. Сделав пару кругов, она уселась поблизости и нежно заухала, призывая своего возлюбленного: «Бог ушёл, мы остались живы. Выходи, дорогой!» Небо заполнилось звёздами. Сын Марии открыл глаза и понял, что он счастлив. Время шло.

Рядом в стойле заревел верблюд — может, ему привиделся волк или лев? А на востоке всходили всё новые и новые звёзды.

И вдруг в кромешной тьме закукарекал петух. Иуда вскочил, одним прыжком оказавшись у двери, резко открыл её и исчез. В гулкой тишине слышались тяжёлые шаги босых ног по каменным плитам двора.

И тогда, обернувшись, сын Марии увидел своего недреманного хранителя, свое Проклятие. Бодрствующее и спокойное, оно сидело в углу.

— Прости меня, — промолвил Иисус. — Но время ещё не пришло.

ГЛАВА 12.

На следующий день дул тёплый влажный ветер. Он гнал по Генисарету огромные волны. Осень уже наступила, и земля пахла прелыми листьями и перезревшим виноградом. Мужчины и женщины рекой полились из Капернаума, как только рассвело.

Пришла пора сбора винограда: сочные гроздья в ожидании уже лежали на земле. Девушки, сияющие, как виноградины, объедали кисти, и виноградный сок струился по их подбородкам. Юноши, страстные и нетерпеливые, украдкой посматривали на хихикающих девушек, которые собирали виноград. Из всех виноградников доносились крики и взрывы хохота. Девушки улыбались парням, которые, распаяясь, подходили всё ближе и ближе. Хитрый бес винограда носился повсюду, тиская женщин и то и дело разражаясь хохотом.

Просторный дом Зеведея был открыт и гудел как улей. Давильня в углу двора наполнилась виноградом, который корзинами сносили к нему со всех концов деревни. Четверо великанов — Филипп, Иаков, Петр и Нафанаил, простодушный деревенский сапожник, мыли свои волосатые ноги, готовясь давить виноград. Последний нищий в Капернауме, и тот запасался вином — каждый год они приносили сюда давить урожай со своих крохотных виноградников и получали свою долю сусла. А старый толстосум Зеведей потом наполнял свои кувшины и бочки вином, которое брал в уплату за пользование давящей. Потому-то он теперь и сидел на возвышении с ножом в руках и, делая зарубки на своем посохе, отмечал, сколько корзин кто ему принёс. Но приносящие тоже делали зарубки у себя в уме — они не хотели быть обманутыми через день при дележе сусла. Грабителю Зеведею никто не доверял — за ним нужен был глаз да глаз.

Через распахнутое окно виднелась хозяйка дома — старая Саломея, возлежавшая на низком мягком ложе. Она смотрела во двор и прислушивалась к происходящему — так на время ей удавалось забыть о мучившей её боли в суставах. В юности она отличалась редкой красотой — стройная, высокая, с персиковой кожей и огромными глазами, она происходила из древнего рода. Три деревни — Капернаум, Магдала и Вифсаида — сражались за

неё. Три жениха, одновременно выйдя из своих деревень, явились к её отцу — каждый с богатым поездом верблюдов, несущих корзины, полные до краев всяким добром. Хитрый старик долго выбирал, тщательно взвешивал состояние, душевные и телесные качества каждого, и остановился на Зеведее. Тот любил Саломею, но теперь, когда от её изысканной красоты ничего не осталось, время от времени, особенно в праздники, её всё ещё крепкий и полный жизненных соков муж захаживал по ночам поразвлечься к вдовушкам.

Сегодня, однако, лицо Саломеи сияло. Вчера из обители вернулся её любимый сын Иоанн. Он похудел и был бледен. Молитва и пост истощили его, но теперь она его оставит при себе и не позволит никуда уходить. Она восстановит пищей и вином его угасшие силы, и он снова окрепнет. «Господь благ, и мы преклоняемся перед Его милостью, — говорила она себе. — Он благ, и потому Он не должен высасывать кровь из наших детей. В меру — пост, в меру молитва — так будет хорошо для Бога и для человека, и всё устроится разумно». Она беспокойно взглянула на дверь — когда же вернется её мальчик, её Иоанн, который с утра ушёл на виноградники помогать.

Посередине двора под большим миндальным деревом, отяжелевшим от плодов, сидел Иуда и размахивал своим молотком, подгоняя обручи к бочкам. Лицо его казалось то угрожающим, то печальным и смущенным. Немало миновало дней с тех пор, как он украдкой бежал из монастыря. Всё это время он ходил по деревням, делая обручи для бочек. Он входил в дома, прислушивался к разговорам, запоминал, что говорил и как поступал каждый встречный, чтобы потом сообщить своим братьям. Но куда подевался буйан и крикун рыжебородый? С тех пор как он покинул обитель, он изменился до неузнаваемости.

— Чёрт побери, Иуда Искарот, да раскрой же ты свой рот, рыжий бес, — закричал Зеведей. — Где витают твои мысли? Это ж ясно как Божий день. Раскрой рот и скажи нам что-нибудь. Сбор винограда — это тебе не какая-нибудь ерунда. В такой день все должны радоваться до последней облезлой овцы.

— Не искушай, Зеведей, — вмешался Филипп. — Он сходил в обитель и теперь, кажется, не прочь сделаться святым. Не знаешь разве, когда бес стареет, он превращается в святого.

Иуда обернулся, бросил на Филиппа уничтожающий взгляд, но промолчал. Что говорить с этим презренным? Какой он мужчина? Одна болтовня и никаких поступков. Страх сковал его в последний момент, и он отказался вступать в братство. «У меня же овцы, овцы, на кого я их оставляю?» — блеял он.

Старый Зеведей расхохотался и повернулся к рыжебородому.

— Берегись, бедняга, — закричал он ему. — Отшельничество — заразная болезнь. Смотри, не подхвати её! Мой собственный сын чуть было не заразился. Но моя старуха заболела, да благословит её Господь, и он вернулся. Настоятель уже научил его готовить травы, вот он и приехал теперь домой подлечить свою мать. И помяните моё слово, больше он уже никуда не уйдет. Да и куда идти? Он же в своем уме. Там, в пустыне — голод, жажда, молитвы и Бог. Здесь вкусная пища, вино, женщины и Бог. Бог везде. Так зачем бежать за ним в пустыню? Ты как думаешь, Иуда?

Но рыжебородый лишь стучал молотком и не отвечал. Что он мог ему сказать? Всё достается этому жирному псу, чего он только ни пожелает. Что он понимает в людских бедах? Даже Господь, стирающий других с лица земли за малейший проступок, охранял и лелеял эту свинью, этого мироеда, не давая и волосу упасть с его головы, нежа его в тепле зимой, овевая прохладой летом. За что? Что Он в нем нашёл? Разве этого мошенника волновала судьба

Израиля? Почему бы ему хоть пальцем не пошевелить во имя свободы Божьего народа? Нет, ему нравились римляне — они охраняли его добро. «Да поможет им Бог, — говаривал он, — потому что они поддерживают порядок. Если б не они, прощай наше богатство — его бы давно растащили босоногие бродяги и бездельники». Ну ничего, старый разбойник, придёт час расплаты. То, о чём забывает Господь, не будет позабыто zelотами. Спокойно, Иуда. Спокойно. Наступит день Яхве Саваофа.

Он взглянул на Зеведея, и тот представился ему плавающим в давяльне в собственной крови. И широкая улыбка залила всё лицо Иуды.

К этому времени четверка богатырей уже отмыла свои ноги и запрыгнула в давяльню. Потонув по колено в винограде, они принялись топтать и давить его, нагибаясь время от времени и зачерпывая ягоды целыми пригоршнями. Они то плясали, взявшись за руки, то прыгали порознь, оглашая двор криками. Запах сока пьянил их, да и не только он: через распахнутые двери виднелись девушки, собирающие виноград, юбки их были подоткнуты выше колен, а груди, как кисти винограда, колыхались над спелыми лозами.

При виде их у давяльщиков головы начинали плыть. Это была уже не давяльня, не земля, не виноградники, но рай, где на возвышении сидел старый Саваоф с ножом в руке и длинной палкой, на которой зарубками отмечал все свои обязательства по отношению к каждому: кто сколько принёс корзин винограда и сколько Он послезавтра, после их смерти, должен будет им кувшинов вина, горшков еды, сколько женщин!

— Честное слово, — вырвалось у Петра, — если бы сейчас ко мне пришёл Господь и спросил: «Эй, Петр, мой маленький Петр, Я сегодня в хорошем настроении, проси у Меня чего хочешь, Я всё

сделаю. Что тебе надо?» — если б Он спросил меня так, я бы Ему ответил: «Господи, больше всего на свете я хочу давить виноград до скончания века!»

— А пить вино, болван? — грубо оборвал его Зеведей.

— Нет, я говорю от души — давить виноград.

Он не смеялся, лицо его стало серьезным и сосредоточенным. Бросив на мгновение работу, он потупился, подставляя тело солнцу. Под левым соском у него была вытатуирована большая чёрная рыба. Давным-давно её наколол ему какой-то умелец, да так похоже, что, казалось, она шевелит хвостом и радостно резвится в курчавой груди Петра. А над рыбой был изображен маленький якорь с четырьмя зубцами.

Филипп думал о своих овцах. Он не любил пахать землю, возделывать и давить виноград.

— Ну и ну, Петр, — ухмыльнулся он, — хорошую работку ты себе выбрал до скончания века. Я бы попросил Господа превратить Землю в один зелёный луг, на котором пасутся козы и овцы. Я бы доил их, и молоко реками стекало бы по горным склонам, образуя внизу озера, чтобы все бедняки могли напиться. А по вечерам мы бы собирались, все пастухи, вокруг нашего главного пастыря Господа, разжигали бы костер, жарили барашка и рассказывали друг другу разные истории. Вот это Царство Небесное!

— Чума на тебя, дурак, — прорычал Иуда, бросив на Филиппа ещё один свирепый взгляд.

Во дворе туда и сюда сновали обнажённые юноши — лишь цветастые повязки прикрывали их чресла. Слух их выхватывал обрывки этих бессвязных речей, и они заливисто смеялись. Они тоже ощущали внутри себя Царствие Небесное, но не хотели ни с кем делиться. Опрокинув корзину в давящую, одним прыжком

они перелетали к порогу, спеша вернуться к прелестным сборщицам.

Зеведей открыл было рот, чтобы вставить умное замечание, да так и замер от удивления. В дверях стоял и слушал странный гость. Одет он был в чёрную козлиную шкуру, которая крепилась у него на плече, ноги его были босы, волосы всклокочены, а лицо желто, как сера. В огромных чёрных глазах незнакомца полыхало пламя.

Зеведей проглотил свою остроту, чавканье в давяльне затихло, и все повернулись к дверям. Что это за живой труп стоял на пороге? Смех оборвался. В окне появилась старая Саломея, которая пригляделась и вскрикнула:

— Это же Андрей!

— Боже милостивый, Андрей, — закричал Зеведей, — ты только посмотри на себя! Не из-под земли ли ты к нам вернулся? Или, может быть, ты как раз туда направляешься?

Петр выскочил из давяльни и, не говоря ни слова, схватил брата за руку, не спуская с него испуганного и радостного взгляда. Господи, неужели это в самом деле Андрей, круглолицый крепыш, признанный лидер в работе и заводила в играх? Неужели это тот самый Андрей, который был обручен с белокурой Руфью, самой красивой девушкой в деревне? Она утонула в озере вместе с отцом однажды ночью, когда Господь наслал бурю, и Андрей в отчаянии решил отдаться Богу.

«Как знать? — думал он. — Если я посвящу себя Господу, может, рядом с Ним я найду и её». Так что искал он не Бога, а всего лишь свою нареченную.

С ужасом Петр смотрел на него. Он хорошо помнил, каким был Андрей, когда они его отдавали Господу, и теперь — каким Господь вернул его им!

— Эй, — закричал Зеведей Петру, — ты что, целый день собираешься с ним там стоять? Пусть войдет, а то ветер ненароком собьет его с ног. Входи, Андрей, мальчик мой, и ешь виноград. Слава Тебе, Господи, у нас и хлеб есть. Поешь, наберись сил, а то если твой бедный отец увидит тебя в таком виде, он снова со страху угодит в пасть к киту!

— Устыдитесь! — закричал в ответ Андрей, поднимая свою костлявую руку. — Побойтесь Бога! Мир рушится, а вы здесь давите виноград и веселитесь!

— Да спасут нас святые, кажется, ещё один пришёл поучать нас, — проворчал Зеведей. — Послушай, оставь нас в покое! — закричал он Андрею, и в голосе его уже зазвучала ненависть. — Мы сыты по горло, если хочешь знать. Это, что ли, проповедует твой Креститель? Посоветуй-ка ему сменить волюнку. «Конец света, могилы разверзаются, мёртвые выходят, Господь спускается!» Ложь! Ложь! Ложь! Не слушайте его, парни! За работу! Давите виноград!

— Кайтесь! Кайтесь! — взревел сын Ионы и, вырвавшись из объятий брата, бросился на Зеведея, подняв руку к небесам.

— Ради твоего брата, Андрей, — миролюбиво произнес Зеведей, — сядь, поешь, выпей вина и приди в себя. Бедняга, ты обезумел от голода!

— А ты обезумел от легкого житья, Зеведей! — ответил сын Ионы. — Но земля уже разверзается под твоими ногами. Господь поглотит тебя вместе с твоими лодками, давящей и ненасытным брюхом.

Распалившись, бешено вращая глазами, он начал хватать то одного, то другого, выкрикивая:

— Прежде чем эти плоды обратятся в вино, наступит конец света! Надевайте власяницы, посыпайте головы пеплом, бейте себя в грудь, кайтесь, кайтесь! Земля — это дерево, и оно прогнило. Мессия грядет с топором!

Иуда перестал ковать. Верхняя губа у него вздернулась, и зубы заблестели на солнце. Терпение Зеведея иссякло.

— Ради Господа, Петр, — завопил он, — забирай его отсюда! Нам нужно работать. «Он грядет! Он грядет!» То с огнём, то со скрижалями. С чем теперь? С топором! Чего вы от нас хотите, обманщики? На этом свете всё устроено прекрасно, просто великолепно — запомните! Давите виноград, парни, и не волнуйтесь!

Петр ласково гладил брата по спине, пытаясь утихомирить его.

— Успокойся, — тихо повторял он, — успокойся, брат, не кричи. Ты устал. Пойдём домой, ты отдохнешь, отец посмотрит на тебя, — и, взяв Андрея за руку, осторожно, как слепого, повел его за собой. Они вышли на узкую улицу и исчезли из виду.

— Несчастный Иона, — расхохотался старый Зеведей, — бедный старый рыбный пророк, не хотел бы я быть на твоём месте.

Но теперь подошла очередь и Саломее вставить свое слово. Она всё ещё ощущала горящий взгляд Андрея на себе, и он жёг её сердце.

— Зеведей, — промолвила она, качая своей белоснежной головой. — Думай, что говоришь, старый греховодник. Перестань смеяться. Ангел, стоящий над нами, всё записывает. И ты полной мерой заплатишь за свои насмешки.

— Мать права, — проговорил Иаков, молчавший всё это время. — Ты сам чуть не оказался в шкуре Ионы со своим любимчиком Иоанном. Да и сейчас ещё угроза не миновала. Как мне сказали

носильщики, он и не думает собирать виноград, а сидит с женщинами и болтает с ними о Господе, постах и бессмертных душах. Я бы тоже не хотел оказаться на твоём месте, отец! — и он сухо рассмеялся.

Иаков не выносил своего ленивого избалованного братца. Кровь ударила в голову Зеведея. Он, в свою очередь, терпеть не мог своего старшего сына — уж слишком тот походил на самого Зеведея. И если бы в это мгновение в дверях не появилась Мария, жена Иосифа из Назарета, опираясь на руку Иоанна, не миновать бы ссоры.

После долгого путешествия её худые ноги были разбиты и покрыты пылью. Она давно уже оставила свой дом и, плача, ходила от деревни к деревне в поисках своего несчастного сына. Господь отнял у него разум, и он сбился с пути человеческого. Вздыхая, мать пела погребальную песнь по ещё живому сыну. Повсюду спрашивала она, не видел ли кто его: «Он высок, худ, бос... Голубая туника и чёрный кожаный пояс. Вы не видели его случайно?» Никто не видел его, и только сейчас, благодаря младшему сыну Зеведея, она нашла на его след. Иисус был в обители в пустыне. Он носил белые одежды и молился... Пожалев её, Иоанн рассказал ей всё. И теперь, опираясь на его руку, она вошла во двор Зеведея, чтобы немного передохнуть перед дорогой в пустыню.

Старая Саломея величественно встала.

— Добро пожаловать, дорогая Мария. Входи.

Мария до бровей натянула платок, опустила голову и, не поднимая взгляда от земли, пересекла двор. Схватив за руки свою старшую подругу, она зарыдала.

— Большой грех плакать тебе, дитя моё, — промолвила старая Саломея, усадив Марию на кушетку и устроившись рядом. — Твой сын теперь в безопасности — он под крышей Господа.

Старый Зеведей услышал её жалобы и, спустившись со своего возвышения, пошёл утешить её — он был неплохим человеком, если никто не вмешивался в его дела.

— Это всё молодость, Мария, — заметил он, — всё молодость. Не волнуйся, она проходит, молодость, да будет она благословенна, как вино. Но потом мы трезвеем и без сопротивления впрягаемся в свое ярмо. Твой сын тоже протрезвеет, Мария. Возьми, к примеру, моего сына, того самого, который стоит перед тобой, — он уже начинает трезветь, слава Тебе, Господи.

Иоанн покраснел, но ничего не сказал и пошёл за водой и смоквами для гостей. А обе женщины, склонившись друг к другу, продолжали разговор о сыне, отторгнутом у матери Богом. Они говорили шёпотом, чтобы мужчины не слышали их и не мешали их сладостной женской скорби.

— Он всё время молится — так мне сказал твой сын, Саломея. Колени и локти у него в мозолях. Иоанн сказал, что он ничего не ест и тает прямо на глазах. Он уже видит крылья в воздухе. Он даже пить отказывается, чтобы лучше видеть ангелов. К чему это приведет, Саломея? Даже его дядя раввин не смог его вылечить, а подумай, сколько людей к нему приходило, и он всем помогал. Почему Бог проклял меня, Саломея, что я ему сделала? — Она упала головой на колени подруги и снова разрыдалась.

Вошёл Иоанн с медной чашкой воды и несколькими смоквами.

— Не плачь, — промолвил он, кладя фрукты ей на колени. — Святое сияние исходит от лица твоего сына. Не все это видят, но я видел однажды ночью — как пламя охватило всё его лицо, я даже

испугался. Настоятель после того, как умер, каждую ночь являлся во сне старцу Аввакуму, держа за руку твоего сына, водя его по кельям и с улыбкой указывая на него людям. Наконец однажды ночью Аввакум поднял всех братьев, и они все вместе стали пытаться растолковать сон. Что хотел сказать им Иоахим? Почему он указывал на пришельца и улыбался? И позавчера, как раз в день моего ухода, Господь просветил их, и они разгадали сон. Усопший наказывал им сделать настоятелем твоего сына. Тут же все бросились, отыскиали его, пали ему в ноги и сказали, что Господь хочет, чтобы он стал настоятелем. Но твой сын отказался. «Нет, нет, это не мой путь! Я не достоин, я ухожу», — ответил он им. В полдень я вышел из обители и слышал, как они оплакивали его отказ. Они даже собирались запереть его в келье и поставить стражу, чтобы он не сбежал.

— Поздравляю тебя, Мария, — расцвела Саломея, — ты — счастливая мать! Господь оплодотворил твое чрево, а ты и не догадывалась.

Но Мария, Божья избранница, лишь безутешно качала головой.

— Я не хочу, чтобы мой сын был святым, — причитала она. — Я хочу, чтобы он был как все, человеком. Я хочу, чтобы он женился и подарил мне внуков. Таков Божий путь.

— Это путь человеческий, — робко, словно стесняясь, возразил Иоанн. — Путь Бога другой, и твой сын следует ему.

Со стороны виноградников послышался взрыв хохота и возбужденные голоса. Два раскрасневшихся носильщика вбежали во двор.

— Плохие вести, хозяева, — закричали они, покатываясь от смеха.

— Похоже, Магдалина восстала. Люди вооружились камнями и охотятся за своей сиреной, чтобы убить её.

— За какой сиреной, парни? — оборвав свой танец, закричали давитьщики. — Марией Магдалиной, что ли?

— Конечно, Магдалиной, да благословит её Господь! Нам рассказали погонщики мулов, проходившие мимо. Они сказали, что вчера, в субботу, головорез Варавва, оставив Назарет, объявился в Магдале.

— ещё один! — в ярости прорычал Зеведей. — Чума на него! Тоже твердит, что он zelot и спасет Израиль. Свиное рыло! Да сгинет он в преисподней, грязный разбойник!.. Ну так что?

— Ну он зашёл вечером к Магдалине и увидел, что двор у неё битком набит. Эта отщепенка трудилась вовсю в святую субботу! Такого богохульства он не стерпел. Он выхватил из-под хитона нож, торговцы обнажили свои клинки, сбежались соседи, и в мгновение ока весь двор превратился в кровавую бойню. Двое наших были ранены, а купцы вскочили на своих верблюдов и только их и видели. Варавва выломал дверь, чтобы прикончить Магдалину. Но её и след простыл — она незаметно ускользнула через заднюю дверь! Вся деревня бросилась на поиски, но вскоре стемнело, и её не смогли найти. Утром они снова разбрелись во все стороны и напали на её след — нашли отпечатки ног на песке, и, судя по ним, она направилась в Капернаум!

— Какая удача, парни? — воскликнул Филипп, облизывая свои полные губы. — Только её не хватало нашему Царству Небесному. Да, мы позабыли о Еве, и вот взор наш будет услажден её видом!

— её мельница открыта и по субботам, да благословит её Господь, — добавил Нафанаил, глупо ухмыляясь в бороду.

Он вспомнил, как однажды накануне субботы он вымылся, надел чистую одежду, и тут-то искушение и схватило его за руку. Так рука об руку с бесом-искусителем он и отправился в Магдалу напрямиком

к Магдалине — да благословит её Господь! Дело было зимой, работы было мало, и он пробыл у неё всю субботу. Он удовлетворенно улыбнулся. Можно сказать — большой грех, и вправду большой, но мы возлагаем свои надежды на Господа, а Господь милостив. Всю свою жизнь тихий, бедный, запуганный, неженатый Нафанаил просидел на скамеечке на перекрестке, делая деревянные башмаки односельчанам и сандалии на толстой подошве для пастухов. Что это за жизнь? И лишь раз в жизни, лишь в один бесценный её миг он бросил всё и наслаждался, как это положено мужчине, — хоть это и было в субботу! Господь поймет и простит...

— Неприятности, неприятности, — ворчал старый Зеведей. — Почему эти люди всегда должны скапливаться у меня во дворе? Сначала пророки, потом шлюхи, а теперь ещё и Варавва — это уж слишком! А вы работайте! — повернулся он к давитьщикам. — Давите виноград.

В доме же, при этих новостях, женщины переглянулись и, не говоря ни слова, опустили головы. Иуда бросил свой молоток, подошёл к дверям и прислонился к косяку. Он всё слышал, и всё запечатлелось в его голове. До него донеслись голоса, и он увидел вдалеке облако пыли. Бежали мужчины, визжали женщины: «Лови её! Лови!» — и прежде чем давитьщики успели спрыгнуть с пресса или старый жмот слезть со своего возвышения, во двор, обессиленная и растерзанная, ворвалась Магдалина.

— Помогите! — прокричала она, вбежала в дом и упала к ногам старой Саломеи. — Помогите! Они идут!

Саломея, сжавшись над бедной грешницей, встала, закрыла окно и велела сыну задвинуть засов на двери.

— Садись на пол, — сказала она Магдалине. — Прячься!

Склонившись, Мария, жена Иосифа, вглядывалась в эту заблудшую овцу со смешанным чувством ужаса и сострадания. Лишь честные женщины знают, как горька и призрачна их честность, и ей было жаль Магдалину. Но в то же время грешное тело блудницы казалось ей диким зверем, грязным, зловещим и опасным. Это был тот самый зверь, который чуть не похитил её сына, когда ему минуло двадцать, но тогда Иисус избежал соблазна. «Да, от этой женщины он спасся, — со вздохом подумала Мария, — а вот от Бога...»

— Что ты плачешь, дитя моё? — Саломея опустила свою руку на пылающую голову Магдалины.

— Я не хочу умирать, — ответила та. — Жизнь так хороша. Я не хочу умирать.

Мария, жена Иосифа, тоже протянула к ней руку — в её душе не осталось ни страха, ни презрения к ней.

— Не бойся, Мария, — прикоснулась она к ней. — Господь защитит тебя, ты не умрешь.

— Откуда ты знаешь, Мария? — спросила Магдалина, и глаза её блеснули.

— Господь дает нам время, Магдалина, время на покаяние, — уверенно ответила мать Иисуса.

В то время как женщины беседовали, обретая единство перед лицом своих страданий, крики на виноградниках: «Идут! Идут! Вот они!» — становились всё громче. И не успел Зеведей пошевелиться, как в воротах показались огромные потные мужчины, и через порог переступил разгоряченный Варавва.

— Эй, Зеведей, — заорал он, — именем Бога Израиля мы всё равно войдем — разрешишь ты нам или нет!

И прежде чем хозяин успел открыть рот, одним ударом Варавва снес дверь дома с петель и схватил Магдалину за волосы.

— Выходи, шлюха! Выходи! — заревел он, вытаскивая её во двор. К этому времени подоспели и жители Магдалы и, схватив её, потащили к озеру под взрывы хохота и улюлюканье. Подойдя к берегу, они бросили её в яму и разошлись собирать камни в свои передники и хитоны.

Саломея, несмотря на мучившие её боли, встала со своего ложа и отправилась во двор отчитать мужа.

— Постыдись! — закричала она ему. — Ты позволяешь разбойникам врываться в твой дом и похищать женщину прямо из твоих рук, женщину, которая ищет у тебя защиты, — она обернулась к Иакову, который в нерешительности стоял посередине двора: — А ты, ты идешь по стопам своего отца! Стыдно! Неужели ты никогда не исправишься? Неужели ты тоже хочешь сделать своим богом богатство? Иди, беги! Беги и защити женщину, на которую накинута вся деревня! Вся деревня! Да устыдятся они сами себя!

— Успокойся, мама, я иду, — ответил Иаков, который не боялся никого на свете, кроме собственной матери. Каждый раз, когда она гневно обрушивалась на него, он чувствовал, как его обуревают ужас, потому что этот дикий жестокий голос не принадлежал матери — это был древний, огрубевший в пустыне глас народа Израиля.

Иаков кивнул своим напарникам — Филиппу и Нафанаилу:

— Идемте! — Он бросил взгляд на гору бочек, надеясь увидеть Иуду, но тот исчез.

— Я тоже пойду, — раздраженно вставил Зеведей, боясь оставаться с женой с глазу на глаз. Нагнувшись, он поднял свой посох и вышел за сыном.

Магдалина хрипела. Израненная, она сжалась на дне ямы, прикрывая голову руками. Мужчины и женщины, смеясь, смотрели на неё сверху. На всех окрестных виноградниках люди побросали работу и сбегались к берегу посмотреть — мужчины, дрожа от нетерпения увидеть в крови и обнажённым знаменитое тело, девушки, движимые ненавистью и завистью к той, которая услаждала всех мужчин, в то время как они — ни одного.

Варавва поднял руку, чтобы успокоить толпу, — он должен был произнести приговор и дать знак начинать забивание камнями. Но в это мгновение появился Иаков. Он было двинулся к Варавве, но Филипп вцепился в его руку.

— Куда ты? Что мы можем? Нас горстка, а их — целая деревня! У нас ничего не получится!

Но в ушах Иакова продолжал звучать жесткий голос матери:

— Эй, Варавва, эй ты, головорез! — закричал он. — Ты что, пришёл к нам убивать людей? Оставь женщину, мы сами с ней разберемся. Её будут судить старейшины Капернаума и Магдалы, а также её отец — раввин из Назарета. Таков Закон!

— Мой сын прав, — промолвил подошедший Зеведей. — Он прав — таков Закон!

Варавва обернулся всем телом и замер напротив них.

— У старейшин грязные руки, — выкрикнул он, — как и у тебя, Зеведей. Я им не доверяю. Закон — это я, и если кто из вас смельчаков осмелится, пусть выходит и померяется силой со мной!

Толпа жителей Магдалы и Капернаума сгрудилась вокруг Вараввы, жажда крови полыхала в их глазах. От деревни спешила группа юношей, вооруженных пращами.

Филипп схватил Нафанаила за руку и попятился.

— Иди, сын Зеведея, иди, если хочешь, — проямлил он Иакову. — Что до нас, то мы останемся здесь. Ты что думаешь, мы совсем сумасшедшие?

— И вам не стыдно, трусы?

Иаков повернулся к отцу, но Зеведей кашлял.

— Я старик, — произнес он.

— Ну так что? — расхохотался Варавва. Опираясь на руку своего младшего сына, подошла Саломея. За ними шла Мария, жена Иосифа, глаза её были полны слез. Иаков обернулся, увидел свою мать и вздрогнул. Перед ним стоял головорез с обезумевшей толпой, за ним — суровая мать.

— Ну так что? — повторил Варавва, закатывая рукава.

— Я не опозорю их, — пробормотал сын Зеведея и шагнул вперёд. Варавва тут же бросился на него.

— Он убьет его! — вскрикнул младший брат Иакова, вырываясь из рук матери, чтобы броситься на помощь к брату, но Саломея крепко держала его.

— Стой! Не вмешивайся!

Но в тот самый момент, когда два противника готовы были вцепиться друг в друга, с берега донеслись радостные крики: «Маран афа! Маран афа!» Еле переводя дыхание, к ним подбежал загорелый юноша, который махал руками и кричал:

— Маран афа! Маран афа! Господь идёт!

— Кто идёт? — окружили его люди. — Кто?

— Господь, — ответил юноша, указывая в сторону пустыни. — Господь. Он там!

Все обернулись. Солнце уже садилось, и жара спала. И люди увидели, как с берега поднимается человек во всем белом, словно отшельник. Протянув руку, он сорвал красный цветок олеандра и зажав его в губах. Две чайки, разгуливавших по гальке, расступились, чтобы дать ему дорогу.

Саломея подняла свою седовласую голову и глубоко вдохнула.

— Кто идёт? — спросила она сына. — Ветер переменился.

— У меня сейчас разорвется сердце, мама, — ответил Иоанн. — Помоему, это он!

— Кто он?

— Тихо! Не спрашивай!

— А что это за люди идут за ним? Боже милостивый, да за ним идёт целая армия!

— Там бедняки, которые собирают остатки винограда, мама. Это не армия, не бойся!

Толпа нищих, шедших за ним, действительно напоминала войско. Мужчины, женщины, дети — они мгновенно рассеялись по виноградникам, с которых был уже снят урожай, и принялись собирать остатки в свои мешки и корзины. Каждый год в период жатвы толпы голодающих наполняли Галилею и собирали зерно, виноград и оливки, оставленные им крестьянами — таков был закон Израиля.

Человек в белых одеждах внезапно замер. Его испугал вид толпы. «Надо уходить? — промолвил он про себя, охваченный прежними

своими страхами. — Это мир людей. Нужно уходить, обратно в пустыню, где Господь...» И снова его судьба повисла на волоске. Как поступить — вперёд или назад?

Вокруг ямы все замерли, не спуская с него глаз. Иаков и Варавва всё ещё стояли друг против друга, позабыв о драке. Даже Магдалина приподняла голову и прислушалась. Жизнь? Смерть? Что означала эта тишина? Ветер переменялся. И тут, вскочив, она воздела руки и закричала:

— Помогите!

Мужчина в белом услышал её, он узнал этот голос, и дрожь пробежала по его телу.

— Это Магдалина! — сказал он. — Магдалина! Я должен спасти её! — и быстрыми шагами, раскинув руки, он направился к толпе.

И чем ближе он подходил, чем яснее видел искаженные злобой лица, тем сильнее болело его сердце, тем больше любовь к этим людям и сострадание заполняли его душу. «Вот они, люди, — думал он. — И все они — братья и сестры, все до последнего, но они не знают об этом, потому и страдают. Если бы они только узнали, какое было бы счастье, сколько объятий и поцелуев, какой праздник!»

Наконец он подошёл, ступил на камень и распростер руки. И единственное слово, радостное и ликующее, вырвалось из его уст:

— Братья!

Люди удивленно посмотрели друг на друга, и никто не ответил.

— Братья! — снова прозвучал торжественный крик, — братья, я счастлив вас видеть!

— Зато мы не хотим тебя видеть, римский прихвостень! — прорычал Варавва и поднял с земли тяжёлый камень.

— Мальчик мой! — зазвенел душераздирающий крик, и Мария кинулась обнимать своего сына. Она смеялась, плакала и осыпала его ласками, но он, не говоря ни слова, отстранил её и пошёл навстречу Варавве.

— Варавва, брат мой! Я рад тебя видеть. Я друг и принёс весть великой радости.

— Не подходи! — взревел Варавва и заслонил Магдалину. Но она уже услышала возлюбленный голос и вскочила.

— Иисус! Помоги! — раздался её крик.

В одно мгновение Иисус оказался на краю ямы. Магдалина карабкалась вверх, цепляясь ногтями за камни. Иисус нагнулся и протянул ей руку. Женщина ухватилась за неё, и он вытащил её на поверхность. Окровавленная, она упала на землю, переводя дыхание. Варавва бросился к ней и придавил её ногой к земле.

— Она моя! — прорычал он, поднимая камень. — Я убью её. Она осквернила субботу. Смерть ей!

— Смерть! Смерть! — завывала толпа в страхе, что жертва может улизнуть.

— Смерть! — выкрикнул Зеведей, глядя на нищих, окружавших пришельца, который, несомненно, забивал им головы глупыми идеями. «Горе нам, если нищие начнут своевольничать», — подумал он и снова закричал: «Смерть!» — ударяя посохом о землю.

Иисус поднял руку, чтобы удержать Варавву.

— Варавва, — промолвил он печально и мягко, — разве ты никогда не нарушал заповедей Господа? Разве ты никогда в своей жизни не крал, не убивал, не прелюбодействовал и не лгал? — он повернулся к воющей толпе и оглядел всех, медленно переводя

взгляд с одного на другого. — Пусть первым бросит камень тот, кто не знает за собой ни единого греха!

Толпа вздрогнула, по одному люди начали отступать, пытаясь скрыться от цепкого взгляда, который, казалось, проникал в самые глубины их памяти. Мужчины припоминали всю ложь, сказанную ими за свою жизнь, все несправедливости, всех чужих жен, которых они уложили в постель; женщины прятали лица платками, и камни выпадали из их рук.

Но когда Зеведей увидел, что сброд того и гляди одержит победу, его охватила ярость. Иисус снова оглядел собравшихся, заглядывая каждому в душу.

— Так пусть же первым бросит камень тот, кто никогда не грешил.

— Я, — крикнул Зеведей. — Варавва, дай мне свой камень. Невинности нечего бояться. Я брошу его.

Варавва с радостью передал ему свой камень и отошёл в сторону. Зеведей подошёл к Магдалине, взвешивая в руке камень, чтобы ударить её точно по голове. Магдалина свернулась у ног Иисуса и лежала спокойно — теперь она не боялась смерти.

Разъяренные нищие с ненавистью смотрели на старого Зеведея, пока из их толпы не вышел самый истощённый.

— Эй, Зеведей, — закричал он, — помнишь ли ты о Господе? Ты не боишься, что у тебя отсохнет рука? Вспомни-ка, разве ты никогда не обижал бедных? Никогда не отбирал у сирот виноградники, чтобы продать и потуже набить свой кошель? Никогда не заглядывал по ночам к вдовушкам?

Чем больше слушал старый грешник, тем тяжелее становился камень в его руке. И вдруг он закричал, рука безжизненно опустилась, и камень, выпав из руки, рухнул ему на ногу, отбивая пальцы.

— Чудо? Чудо! — радостно закричали нищие. — Магдалина невинна!

Варавва рассвирепел, его покрытое оспинами лицо стало красным, и, кинувшись к сыну Марии, он ударил его по щеке.

— Ударь и по другой, Варавва, брат мой, — подставляя другую щёку, спокойно промолвил Иисус.

Рука Вараввы застыла в воздухе, глаза округлились. Кто это был? Человек? Привидение? Дьявол? Ошеломлённо он сделал шаг назад, не спуская глаз с Иисуса.

— Ударь и по другой щеке, Варавва, брат мой, — повторил Иисус.

В это мгновение из тени фигового дерева, появился Иуда — всё это время он, наблюдая, стоял в стороне. Убьют Магдалину или нет, ему было безразлично, но ему нравилось слушать, как нищие обвиняют Зеведея в грехах. Когда же он увидел Иисуса в белой одежде на берегу озера, сердце его забилося.

«Сейчас станет ясно, кто он такой, чего он хочет и что за весть он принёс людям», — пробормотал Иуда, настораживаясь. Но с самого начала, с первого же слова «братья» он помрачнел.

«Он всё такой же, — горестно решил Иуда. — Нет, мы не братья. Израильтяне и римляне не братья, да и между израильтянами не все братья. Саддукеи, продавшиея Риму, деревенские старейшины, оправдывающие тиранов, — не братья нам. Ты плохо начал, сын плотника. Берегись».

Но когда он увидел, как Иисус беззлобно и с нечеловеческой мягкостью подставляет другую щёку, ему стало страшно. «Кто он? Так... так подставлять другую щёку! На это способен только ангел, только ангел... или трусливый пес». Он подскочил к Варавве и схватил его за руку как раз в тот момент, когда тот готов был обрушить её на сына Марии.

— Не трогай его! — глухо произнес он. — Уходи!

Варавва изумленно поднял глаза на Иуду — они были из одного братства и не раз бок о бок врывались в города и деревни, чтобы расправиться с предателями Израиля. И вдруг...

— Ты, Иуда? Ты? — пробормотал Варавва.

— Да, я. Уходи!

Варавва не шелохнулся. В их братстве Иуда считался старше его, и он должен был ему повиноваться, но достоинство не позволяло ему уступить.

— Уходи! — снова приказал рыжебородый.

Головорез склонил голову и бросил на сына Марии ненавидящий взгляд.

— Ты так от меня не уйдешь! — проскрежетал он, сжимая кулаки.

— Мы ещё встретимся! — и, скрепя сердце, он бросил своим спутникам: — Пошли!

ГЛАВА 13.

Солнце уже клонилось к закату. Лихорадка дня улеглась, ветер утих, озеро сверкало голубыми и розовыми красками. Несколько аистов стояли на одной ноге на мелководье, высматривая в озере добычу.

Нищие замерли в ожидании, не спуская глаз с сына Марии. Чего они ждали? Они позабыли о своем голоде и наготе, о жадности хозяев, которым не хватило великодушия оставить на своих виноградниках несколько гроздьев, чтобы скрасить их бедность. С

утра они обошли все виноградники, но их корзины остались пусты. То же было и с зерном — они ходили от поля к полю с пустыми мешками, возвращаясь затемно к своим голодным детям. Но сейчас — непонятно, как и почему, — им казалось, что корзины их заполнились. Они смотрели на человека в белом и не могли заставить себя уйти. Чего они ждали? Они и сами не могли бы сказать.

Сын Марии тоже ждал, глядя на них, чувствуя, как все эти души зависят от него. Что им от него надо? Чего они жаждали? Что мог он им дать, он, у кого ничего не было? Он смотрел и смотрел на них, и вдруг мужество покинуло его — ему нестерпимо захотелось бежать, и лишь стыд удержал его. Что станет с Магдалиной, прижавшейся к его ногам? И эти тысячи глаз, с надеждой смотрящих на него, — как бросить их неутешенными? Бежать? Но куда? Господь повсюду. По своей милости Он швырял его то туда, то сюда — нет, не из милости, своей властью, своей бесконечной властью. И сын Марии вдруг ощутил, что его дом — это вся Земля, и у него нет другого дома, а человечество стало его миром, и другого мира ему не дано.

— Да свершится воля Твоя, Господи, — сказал он, склонив голову и отдаваясь на милость Божью.

Из толпы вышел старик.

— Сын Марии, мы голодны, но не хлеба просим мы у тебя. Ты беден, как и мы. Раскрой уста свои, скажи нам доброе слово, и оно насытит нас.

Старика поддержал юноша:

— Сын Марии, нас душит несправедливость, мы больше не можем выносить её. Ты сказал, что принёс нам доброе слово. Поведай же нам его, дай нам справедливость.

Сын Марии глядел на людей, и сердце его ликовало — он слышал голос, изголодавшийся по счастью, и чувствовал, что ждал этот голос долгие годы, голос, окликнувший его теперь по имени.

— Братья? — раскинув руки, произнес он. — Пошли!

И тут же, словно они тоже ждали этот голос долгие годы и наконец впервые услышали свое истинное имя, люди просияли и подхватили его крик:

— Пошли? Во имя Господа!

Сын Марии двинулся во главе, остальные за ним единым потоком. Неподалеку от озера лежал холм, ещё покрытый бледной зеленью, несмотря на испепеляющий жар летнего солнца. Сейчас в вечерней прохладе он благоухал тимьяном и чабрецом. Когда-то на его вершине стоял древний языческий храм, и теперь ещё разбитые резные капители колонн валялись на земле. Во время ночной ловли рыбаки часто видели там белое привидение, сидящее на мраморе, а старый Иона даже слышал однажды, как оно плакало. К этому холму и двигался — словно в полусне — сын Марии во главе огромной толпы бедняков. Саломея повернулась к своему младшему сыну.

— Возьми меня под руку. Мы тоже Пойдём. — Она взяла за руку Марию. — Не плачь, Мария. Разве ты не видишь сияния вокруг головы твоего сына?

— У меня нет сына, у меня нет сына, — ответила, судорожно всхлипывая, Мария. — У всех этих нищих есть сыновья, только у меня нет ни одного. — Плача, она направилась к холму. Теперь она была уверена, что сын покинул её навсегда. Когда она подбежала, чтобы обнять и увести его домой, он удивленно взглянул на неё, словно видел впервые; а когда она сказала: «Я — твоя мать», он осторожно отстранил её.

Старый Зеведей увидел, что его жена забирается на холм вместе с толпой. Нахмурившись, он сжал посох и, повернувшись к Иакову и двум его спутникам, Филиппу и Нафанаилу; указал на пёстрое возбужденное людское скопище.

— Голодные волки, чёрт бы их побрал! Но лучше уж мы будем выть вместе с ними, чтобы они не приняли нас за овец и не съели! Пошли за ними — но помните, что бы ни болтал этот сын Марии, мы будем лишь смеяться над ним. Слышите? Мы не должны позволить ему обвести нас вокруг пальца. Вперёд, все вместе и глядите в оба! — И медленно, приволакивая ногу, он двинулся вслед за всеми.

К берегу подошли оба сына Ионы. Петр держал брата за руку и говорил с ним ласково, чтобы ненароком не разозлить. Но тот беспокойно следил за бредущими по склону людьми и человеком в белом, который шёл во главе их.

— Кто это? Куда они идут? — спросил Петр Иуду, который всё ещё стоял на месте в нерешительности.

— Сын Марии, — ухмыльнулся рыжебородый.

— А толпа за ним?

— Нищие, подбирающие остатки винограда после сбора урожая. Полюбили его с первого взгляда. Похоже, он собирается говорить с ними.

— Что он может сказать? Он же двух слов связать не может!

Иуда пожал плечами.

— Поглядим, — проворчал он и тоже направился к холму.

Две смуглые девушки, утомленные и разгоряченные, возвращались с виноградников, неся полные корзины на головах. Бросив

любопытный взгляд на шествие, они решили тоже присоединиться к нему.

Старый Иона с сетью на плечах тащился к своей хижине. Голод подгонял его. Но при виде своих сыновей и толпы, взбиравшейся на холм, он остановился и уставился на них своими круглыми рыбьими глазами. Он ни о чём не думал, он не спрашивал себя, кто умер, кто женился и куда идёт эта толпа. Ни одна мысль не посещала его голову, он просто стоял, раскрыв рот.

— Давай, рыбий пророк Иона, пошли, — окликнул его Зеvedей. — У нас праздник! Кажется, Мария Магдалина выходит замуж. Давай Пойдём и повеселимся!

Иона зашевелил своими полными губами — он хотел было что-то сказать, да передумал. Поправив на плече сеть, он двинулся дальше тяжёлыми шагами. И когда он уже подходил к дому, душа его наконец разродилась словами:

— Пошёл ты к дьяволу, болван Зеvedей! — пробурчал он и, пнув ногой дверь, вошёл внутрь.

Когда Зеvedей и его спутники достигли вершины, Иисус сидел на одном из мраморных обломков. Он ещё не начал говорить, казалось, он ждал их. Толпа нищих расположилась перед ним, мужчины, скрестив ноги, сели на землю, женщины остались стоять за их спинами. Солнце скрылось, и лишь на юге вершина горы Фавор всё ещё была освещена и словно не отпускала от себя свет.

Иисус, сложив на груди руки, смотрел, как свет борется с мраком, время от времени оглядывая лица людей, которые сидели перед ним. Морщинистые, исхудавшие, скорбные, лица были обращены к нему, и глаза их наполняла надежда и даже укоризна, словно в их невзгодах был виноват он.

Увидев Зеvedея и его спутников, Иисус встал.

— Добро пожаловать. Садитесь поближе. Мой голос не силен. Я хочу говорить с вами.

Как старейшина деревни, Зеведей прошёл вперёд и уселся на камень. Справа от него расположились его сыновья, Филипп и Нафанаил, слева — Петр и Андрей. Старая Саломея и Мария, жена Иосифа, стояли среди женщин позади. Другая Мария, Магдалина, лежала у ног Иисуса, закрыв лицо руками. Иуда стоял в стороне под старой, исхлестанной ветрами сосной, не спуская с Иисуса тяжёлого взгляда голубых глаз.

Внутри Иисуса всё дрожало — он пытался собрать остатки мужества. Вот и настал миг, которого он боялся всю свою жизнь. Господь победил, насильно приведя его туда, куда хотел, — к людям, чтобы заставить его говорить. И теперь, что он им скажет? В голове у него пронеслись те редкие мгновения радости, которые ему удалось пережить за свою жизнь, а за ними следовали многочисленные страдания, нескончаемый поединок с Господом и всё, что ему довелось видеть во время своих одиноких скитаний, — горы, цветы, птицы; довольные пастухи, несущие домой овец на плечах; рыбаки, забрасывающие сети; крестьяне, пашущие, сеющие, жнущие и, наконец, везущие урожай в свои амбары. Все чудеса Господа на земле и на небе веером разворачивались перед его мысленным взором, и он не знал, с чего начать! Он хотел рассказать обо всем, чтобы утешить этих безутешных. Раскинувшийся перед ним мир был словно волшебная сказка, которую рассказывала ему бабушка. Сам Господь, склонившись с небес, дарил её людям.

Иисус улыбнулся и раскинул руки.

— Люди, — начал он дрожащим, ещё не уверенным голосом, — простите меня, если я буду говорить иносказаниями. Я простой безграмотный человек, нищий и презираемый, как и вы. Моё

сердце полно, но язык беден. Я открываю уста, и помимо моей воли слова складываются сами. Простите, но я буду рассказывать вам притчи.

— Мы слушаем, сын Марии, — раздались крики, — мы слушаем.

Иисус продолжил.

— Сеятель вышел засеять свое поле, и когда он бросал свои зерна, одно упало на дорогу — прилетели птицы и склевали его. Другое упало на камни и, не найдя почвы, которая бы вскормила его, засохло. Третье упало в тернии, тернии выросли и задушили его. А четвертое упало на добрую почву, оно дало корень, заколосилось, родило новое зерно и накормило человечество. Имеющие уши да услышат!

Все молчали, удивленно переглядываясь. И только старый Зеведей, искавший лишь повод, чтобы затеять ссору, вскочил на ноги.

— Прости, но я не понял. У меня есть уши, слава тебе, Господи, у меня есть уши, и я слушал тебя, но не понял. Что ты хотел сказать? Не можешь ли ты говорить понятнее? — И он саркастически рассмеялся, гордо поглаживая свою седую бороду. — Может, случайно, сеятель это ты?

— Да, — робко ответил Иисус. — Я — сеятель.

— Упаси нас, Господи! — воскликнул Зеведей, ударяя посохом о землю. — А мы, конечно же, камни, тернии и поля, на которые ты бросаешь зерна, так?

— Да, — так же спокойно ответил сын Марии. Андрей не спускал с него глаз. Чем больше он глядел на Иисуса, тем сильнее колотилось у него сердце. Так же оно колотилось на берегу Иордана, когда он впервые увидел Иоанна Крестителя, завернутого в звериную шкуру, сожженного солнцем, столь истощенного постом, молитвой и ночными бдениями, что от него ничего не

осталось, кроме двух безумных глаз, горящих, как угли, да рта, из которого вырывалось: «Кайтесь! Кайтесь!». От его крика волны вздымались на Иордане, останавливались караваны, замирали верблюды. Теперь перед ним стоял другой человек — он улыбался, и голос его был мягок и нерешителен, как у робкой пичуги, впервые пробующей петь, и взгляд его не испепелял, но ласкал. В растерянности сердце Андрея разрывалось надвое.

Сам того не замечая, Иоанн отодвинулся от отца и приблизился к Иисусу. Он уже почти достиг ног учителя, когда это заметил Зеведей, и ярость вспыхнула в нем с новой силой. Его уже тошнило от этих лжепророков. Не проходило дня, чтобы не являлся новый, готовый взвалить всю тяжесть мира на свои плечи, и, словно сговорившись, все они поносили землевладельцев, царей и священников. Всё, что было на свете доброго и устойчивого, они стремились разрушить. А теперь очередной — босоногой сын Марии. «Лучше свернуть ему шею, пока он ещё молод и хрупок», — думал про себя Зеведей.

И в поисках поддержки он обернулся, чтобы послушать, что говорят вокруг. Иаков стоял, нахмурившись не то от досады, не то от злости; Саломея пододвинулась ближе и утирала слезы; он перевел взгляд на нищих и в ужасе увидел, что вся эта изголодавшаяся голытьба, раскрыв рты, не спускает глаз с сына Марии, словно птенцы, когда их кормит мать.

— Чума на всех нищих! — проворчал старик, придвигаясь к сыну. «Лучше уж промолчать, — подумал он, — а то не миновать неприятностей».

Впереди слышался тихий, но спокойный голос — кто-то заговорил с Иисусом. Это был младший сын Зеведея, он подобрался к самым ногам Иисуса и беседовал с ним, подняв голову.

— Ты — сеятель, а мы камни, тернии и поля. Но что за зерно ты сеешь? — Его юное, покрытое первым пушком лицо горело, чёрные миндальные глаза с мольбой взирали на Иисуса. Подавшись вперёд, Иоанн весь дрожал от волнения. Ему казалось, что вся его жизнь зависит от ответа, который он сейчас получит, — эта жизнь и та, что будет дальше за ней.

Иисус, склонившись к нему, молчал некоторое время, прислушиваясь к своему сердцу, пытаясь найти верные слова — простые, доступные и бессмертные. Жаркий пот выступил на его лице.

— Что за зерно ты сеешь? — взволнованно повторил сын Зеведея.

Иисус резко выпрямился и обратился к толпе.

— Любите друг друга... — вырвался крик из самого его сердца. — Любите друг друга!

И произнеся это, он почувствовал, что сердце его словно опустело, и он обессиленно опустил на обломок капители.

Люди взволнованно начали перешептываться — одни качали головами, другие смеялись.

— Что он сказал? — переспросил тугой на ухо старик.

— Говорит, мы должны любить друг друга.

— Как это так? — рассердился старик. — Голодный не может любить сытого. Обиженный не может любить своего обидчика. Такого не бывало! Пошли домой!

Иуда, прислонившись к сосне, нервно поглаживал свою рыжую бороду.

— Так вот что пришёл ты нам сообщить, сын плотника, — проворчал он. — Это и есть твоя бесценная весть? Ты хочешь,

чтобы мы любили римлян? Может, нам тоже подставить свои шеи, как ты другую щеку, и упрашивать: «Возлюбленный брат, прирежь меня?»»

До Иисуса донеслись перешептывания, он увидел ухмыляющиеся лица, оловянные глаза и всё понял. Он горько улыбнулся и, собрав все свои силы, встал перед ними.

— Любите друг друга! Любите друг друга! — настойчиво и проникновенно повторил он. — Господь — это любовь. Я тоже думал, что Он жесток, что одно прикосновение обращает в прах горы и несет смерть человеку. Я бежал в обитель, чтобы спастись от Него, и, распростершись ниц, замер в ожидании. «Сейчас Он придёт, — повторял я себе, — придёт и поразит меня молнией». И однажды утром Он пришёл, но пришёл, как легкий ветерок, и, прикоснувшись ко мне, сказал: «Вставай, дитя моё». Я встал и пошёл, и вот я перед вами, — он сложил руки и поклонился в пояс.

— Господь — легкий ветерок! Тьфу ты, Господи! Болтун! — сплюнул Зеведей и схватил свой посох.

Сын Марии спустился к собравшимся и ходил теперь между ними, заглядывая каждому в глаза и словно упрашивая.

— Он — наш отец, — продолжал он, вздымая руки к небесам. — Ни одна боль не останется не излеченной Им, ни одна рана не заживленной. Чем больше мы страдаем на земле, тем больше нам воздастся на небесах, и возрадуемся мы... — Он вернулся к капители и в изнеможении опустился на неё.

— Пирог достанем, когда ноги протянем! — выкрикнул кто-то, и люди рассмеялись.

Но Иисус, чьими губами говорил Господь, не слышал этого.

— Блаженны голодные и жаждущие правды! — сказал он.

— Нам мало правды, нам нужен хлеб! — перебил его один из голодающих.

— И хлеба, — вздохнул Иисус, — и хлеба... Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны бедные, кроткие и обиженные. Ибо для них, для вас уготовано Господом Царствие Небесное.

Девушки, стоявшие с корзинами винограда, не говоря ни слова, переглянулись и начали раздавать виноград бедным. Магдалина, всё ещё не осмеливающаяся поднять голову и взглянуть на людей, украдкой целовала ноги учителя, прикрывая их своими волосами.

Иаков не выдержал, вскочил и поспешил вниз с холма. Андрея охватило какое-то бешенство и, вырвавшись из объятий брата, он устремился к Иисусу.

— Я пришёл с Иордана. Пророк там говорит: «Люди — солома, а я — огонь. Я пришёл, чтобы жечь и очистить землю, пламенем расчистить путь для Мессии!» А ты, сын плотника, говоришь о любви! Посмотри вокруг! Повсюду лжецы, убийцы, воры! Все бесчестны — обиженные и чинящие обиды, бедные и богатые, фарисеи и книжники — все! все! И я лжец, и я бесчестен, и брат мой Петр, и толстопузый Зеведей: он слышит «любовь» и думает о своих лодках и о том, сколько денег можно выжать из виноградной давилки.

При этих словах старый Зеведей совсем вышел из себя. Лицо его покраснело, жилы на шее вздулись, и, подняв посох, он кинулся на Андрея, но Саломея остановила его.

— Постыдись! Постыдись! — прошептала она. — Давай, иди домой.

— Не бывать тому, чтоб босоногие попрошайки указывали мне! — громко закричал Зеведей, чтобы все слышали. — А ты, плотник, — отдуваясь, обратился он к сыну Марии, — не прикидывайся здесь

Мессией. Мне жаль тебя, бедняга, тебя распнут, как и твоих предшественников. Может, тогда ты одумаешься. Но мне жаль не тебя, пустобреха, а твою несчастную мать, у которой больше нет сыновей, — и он указал на Марию, которая уже без сил сидела на земле. Но и этого Зеведею показалось недостаточно, он продолжал стучать посохом и выкрикивать: — Он говорит «любовь» — давайте, валяйте, все вы братья, все общее, так что хватайте, что можете, разворовывайте чужие дома! Но могу ли я любить своего врага? Могу ли я любить нищего, который околачивается у моего дома и только того и ждет, чтобы выломать дверь и обокрасть меня? А он говорит «любовь» — послушайте этого пустозвона! Трижды да здравствуют римляне! Вот как я скажу: хоть они и язычники — трижды да здравствуют! Ибо они блюдут порядок!

Это было уже слишком. Яростно взыв, толпа пошла на Зеведея. Иуда выпрыгнул из-за сосны. Саломее стало страшно. Закрыв рукой рот своему мужу, она повернулась к угрожающе надвигавшейся толпе.

— Не слушайте его, люди. Гнев ослепил его. Пойдём, — повернулась она к Зеведею, потом кивнула любимому сыну, безмятежно сидевшему у ног Иисуса: — Пойдём, мальчик мой. Уже темно.

— Я остаюсь, мать, — ответил юноша.

Мария встала с земли и, утирая слезы, неуверенно направилась к сыну, чтобы увести его домой. Бедная женщина была напугана и любовью, которую проявляли к нему люди, и угрозами, посылаемыми ему старейшиной деревни.

— Заклинаю вас именем Господа, не слушайте его, — повторяла она то одному, то другому, пробираясь к Иисусу. — Он болен... болен... болен...

Вздрагивая, она подошла к сыну. Он стоял, сложив руки и устремив свой взгляд на озеро.

— Пойдём, дитя моё, — ласково промолвила она, — Пойдём, давай вместе вернемся домой...

Услышав голос, он обернулся и удивленно посмотрел на неё, словно спрашивая, кто она такая.

— Пойдём, дитя моё, — повторила Мария, обнимая его. — Почему ты так на меня смотришь? Ты не узнаешь меня? Я твоя мать. Пойдём, в Назарете тебя ждут братья и твой старый отец...

Иисус покачал головой.

— Какая мать? Какие братья? — спокойно произнес он. — Здесь моя мать и братья мои, — протянув руку, он указал на бродяг, их жен и рыжего Иуду, который безмолвно стоял в толпе, не сводя с него ненавидящего взгляда. — А отец мой, — он поднял палец к небесам, — отец мой — Господь.

Глаза Марии наполнились слезами.

— Есть ли на всем белом свете мать несчастнее меня? У меня был единственный сын, единственный, и теперь... — воскликнула она.

До Саломеи долетел её крик, и, оставив мужа, она вернулась и взяла Марию за руку. Но та не хотела идти и снова, повернувшись, закричала сыну:

— Так ты не идешь? Последний раз прошу тебя: Пойдём!

Иисус молчал, снова повернувшись к озеру.

— Значит, не идешь? — с отчаянием выкрикнула мать и подняла руку. — А материнского проклятия ты не боишься?

— Я ничего не боюсь, — не оборачиваясь, ответил ей сын, — и никого, кроме Господа.

Лицо Марии искривилось от гнева, и, воздев к небу кулак, она совсем уже была готова произнести проклятие, но старая Саломея вовремя успела остановить её.

— Не надо! Не делай этого! — воскликнула она и, обхватив Марию за пояс, силой потащила прочь. — Пойдём, Мария, дорогая моя, давай Пойдём. Мне надо тебе кое-что сказать.

И обе женщины начали спускаться к Капернауму. Впереди них топал разгневанный Зеведей, сшибая посохом головки чертополоха.

— Что ты плачешь, Мария, дитя моё? Разве ты не видела? — говорила Саломея.

— Что? — удивленно взглянула на неё Мария, сдерживая слезы.

— Когда он говорил, ты не видела голубые крылья за его спиной, тысячи крыл? Клянусь тебе, Мария, там была целая армия ангелов.

Но Мария лишь в отчаянии покачала головой.

— Я ничего не видела... ничего... ничего... Да и к чему мне ангелы, Саломея? Я хочу, чтобы у него были дети и внуки, чтобы они окружали его, а не ангелы!

Но в глазах старой Саломеи стояло чудесное видение.

Дотронувшись до груди Марии, она зашептала, словно делясь с ней страшной тайной:

— Благословенна ты, Мария, благословен и плод твоего чрева.

Но Мария безутешно качала головой и плакала.

Разъяренные бродяги тем временем окружили Иисуса. Они выкрикивали угрозы, стучали по земле посохами и размахивали пустыми корзинами.

— Смерть богатым! Ты хорошо сказал, сын Марии! Смерть богатым! — кричали они. — Веди нас, и мы сожжем Зеведеев дом!

— Нет, не будем его жечь, — возражали другие. — Ворвемся внутрь и поделим между собой его зерно, масло, вино и сундуки, полные богатых одежд... Смерть богатым!

— Я не говорил этого! — в отчаянии взмахнул руками Иисус. — Я не говорил этого! Я говорил: «Братья, любовь!»

Но бедняки обезумели и оглохли от голода.

— Прав Андрей, — вопили они. — Сначала огонь и топор, а потом любовь!

Стоя рядом с Иисусом, Андрей слышал эти крики, но голова его была опущена, и он молчал. «Когда говорил мой учитель в пустыне, — подумал он, — слова его падали на головы людей как камни, сминая их. Этот человек, стоящий рядом, делит слова между людьми, словно хлеб... Кто из них был прав? Какой путь ведет к спасению — сила или любовь?»

Пока Андрей прикидывал, что к чему, он почувствовал, что ему на голову опустились две ладони — это Иисус подошёл к нему и мягко коснулся. Пальцы его были такими длинными и мягкими, что казались уже ангельскими. Они обхватили голову Андрея, и тот не сопротивлялся. Он чувствовал, как раскрываются швы его черепа и внутрь вливается неизъяснимо сладостный поток, как он оmyвает его мозг, стекая в рот, к сердцу, чреслам и, растекаясь, доходит до подошв. И вся душа его возликовала, словно засохшее дерево, впитавшее влагу. Он молчал. О, если бы эти руки всегда оставались над ним! Наконец, после стольких лет борьбы он ощутил покой и душевный мир.

Чуть в стороне беседовали Филипп и простак Нафанаил — два неразлучных друга.

— Он мне нравится, — сказал долговязый сапожник. — Его голос сладок, как мед. Поверишь ли, у меня даже слюнки потекли, пока я его слушал.

— А мне не нравится, — возразил пастух. — Он говорит одно, а делает другое. Восклицает «Любовь! Любовь!» — а сам делает кресты и распинает.

— Говорю тебе, Филипп, это дело прошлое. Ему нужно было пережить это. Теперь он ступил на путь Господа.

— Мне нужны поступки, — настаивал Филипп. — Вот на моих овец напал мор. Пусть сходит и благословит их. Если они исцелятся, я поверю ему. А если нет, пусть идёт, сам знаешь куда. Что ты качаешь головой? Если он хочет спасти мир, пусть начнет с моих овец.

Опустившаяся ночь, словно плащаницей, накрыла озеро, виноградники и людей. На востоке зажглась алая звезда, будто капля вина над пустыней.

Внезапно Иисус почувствовал, как он устал и проголодался. Ему захотелось остаться одному. Люди постепенно тоже возвращались мыслями к своим заботам, вспоминая о предстоящей дороге домой и о ждущих дома малышах. Каждодневные заботы нахлынули снова. словно вспышка молнии отвлекла их на мгновение, но погасла, и они снова вернулись в обычный круговорот дел. По одному и парами, украдкой, будто предатели, они уходили и исчезали в темноте.

Охваченный грустью, Иисус лег на древний мрамор. Никто не протянул ему руки на прощанье, никто не спросил, не голоден ли он, есть ли где ему переночевать. Он лежал вниз лицом и слушал удалявшиеся шаги — всё дальше, дальше, пока они не замерли в

отдалении. Наконец наступила полная тишина. Он поднял голову — никого. Он огляделся — темнота. Люди ушли. Лишь звёзды сияли над его головой, и внутри него затаились голод и страх. Куда ему идти? В какую дверь постучать? Он снова свернулся на остывающем камне, горечь и обида нахлынули на него. «Даже у лис есть норы, — подумал он, — а у меня нет». Он закрыл глаза. Стемнело и похолодало, его стала бить дрожь.

Внезапно до него донеслись стон и сдержанные рыдания. Он открыл глаза и различил в темноте женщину, которая ползла к нему на коленях. Добравшись, она распустила волосы и принялась обтирать ему ноги, которые были безжалостно изранены камнями. Он узнал её.

— Мария, сестра моя, — промолвил он, опуская руку на её голову,
— Мария, сестра моя, возвращайся домой и не греши больше.

— Иисус, брат мой, — ответила она, целуя ему ноги, — позволь мне следовать за тобой, пока я не умру. Теперь я поняла, что такое любовь.

— Возвращайся домой, — повторил Иисус. — Я позову тебя, когда придёт час.

— Я хочу умереть за тебя.

— Не спеши, Магдалина. Час наступит, он ещё не пришёл. Я позову тебя, когда он наступит. А сейчас иди.

Она хотела возразить, но он сказал на сей раз уже тверже:

— Иди!

Магдалина встала и молча пошла вниз. Её легкие шаги быстро замерли, и лишь благоухание её тела некоторое время ещё сохранялось вокруг, пока и оно не растаяло в воздухе.

Теперь сын Марии остался совсем один. Лишь Господь взирал на него тёмным ночным небом, усыпанным звёздами. Иисус замер, словно надеясь услышать Его голос из звёздного мрака. Ни звука. Он хотел спросить Невидимого: «Господи, доволен ли Ты мною?» — но не осмеливался. Обрушившаяся тишина пугала его. «Конечно, Он недоволен мной, — внезапно вздрогнув, подумал Иисус. — Но разве я виноват, Господи? Ведь Ты знаешь, сколько раз я повторял Тебе, что не умею говорить! Но Ты, то смеясь, то негодуя, упорно толкал меня на это. И сегодня утром в обители, когда братья заставляли меня стать настоятелем, меня, недостойного, и заперли все двери, чтобы я не сбежал, Ты открыл потайную калитку и, подняв меня за волосы, швырнул пред эту толпу. "Говори! — требовал Ты. — Час пришёл!" Но я молчал, сжав губы. Ты настаивал, но я продолжал молчать. И когда Твое терпение иссякло, Ты раскрыл мои уста. Я не раскрывал их, это Ты силой раскрыл их, умастив мои губы не горящими угольями, но медовой патокой! И я стал говорить. Сердце моё кипело, я готов был кричать: "Господь есть огонь пожирающий! (да, да, как Твой пророк Креститель!) И вы, забывшие Закон, творящие неправду, не помнящие о чести, не прячьтесь! Он грядет!" — вот что хотел я кричать. Но Ты умастил мои уста медом, и вместо этого из них полилось: "Любовь! Любовь!"»

— О, Господи, — простонал Иисус. — Я не могу бороться с Тобой. Я сдаюсь на твою милость. Да исполнится воля Твоя! — И тут же он почувствовал, словно камень свалился с его души. Склонив голову на грудь, как птица, он закрыл глаза и заснул.

И тут же ему начал сниться сон: будто он достал из-под хитона яблоко и, разломив его, вынул семечко и посадил его в землю перед собой. Не успел он это сделать, как семя проросло, образовало ствол, раскинуло ветки, покрытые листьями и цветами, — и вот уже налились плоды — тысячи красных яблок...

Покатались камешки, и слышались шаги. Потревоженный сон рассеялся. Иисус открыл глаза и увидел перед собой чью-то фигуру. И счастливый от того, что он больше не одинок, он благодарно и безмолвно встал и потянулся к человеку.

— Ты, наверное, голоден, — опустившись перед ним на колени, промолвил пришелец, — я принёс тебе хлеб, мед и рыбу.

— Кто ты, брат мой?

— Андрей, сын Ионы.

— Все меня бросили и разошлись. Я и вправду голоден. Как это ты вспомнил обо мне, брат мой, и принёс мне все богатства Господа — хлеб, мед и рыбу? Мне было бы достаточно и доброго слова.

— Я принёс тебе и его, — ответил Андрей, чувствуя, как темнота придает ему смелости. Иисус не видел ни его дрожащих рук, ни слез, медленно ползущих по его бледным щёкам.

— Сначала слово, — промолвил Иисус, протягивая руку и улыбаясь.

— Раввунни, мой господин, — прошептал сын Ионы и, склонившись, принялся целовать его ноги.

ГЛАВА 14.

Время не поле — его не измеришь шагами, и не море — его не измеришь стадиями (10), мера ему — биение сердца человеческого. Сколько минуло с того откровения? Дни? Месяцы? Годы? Одетый во всё белое, как жених, сын Марии ходил от деревни к деревне с добрым словом на устах, от горы к горе, а то и переплывая в лодке с одного берега озера на другой, находя для

всех утешение и радость. И земля была его нареченной — всё расцветало, куда бы он ни ступил. Стоило ему взглянуть на деревья, и они покрывались цветами. Стоило войти в лодку — начинал дуть попутный ветер. Люди внимали ему, и у них вырастали крылья. И сколько бы это ни длилось, повсюду был Бог — под каждым камнем, за каждой дверью, в любых глазах — друзей и врагов — Господь улыбался оттуда из самой глубины зрачков. Фарисеи негодующе качали головами.

— Иоанн Креститель блюдет пост и страждет, — усмехались они, глядя на него своими пустыми глазами, — он угрожает, а не смеется. А ты разгуливаешь по свадьбам, и всюду первый в веселье. Ты ешь, пьешь и развлекаешься со всеми, а в Кане ты даже не постыдился плясать с девушками. Где это слыхано о смеющемся и танцующем пророке?

Но Иисус лишь улыбался.

— Фарисеи, братья мои, я не пророк, я — жених.

— Жених? — выли фарисеи и начинали рвать на себе одежды.

— Да, фарисеи, братья мои, жених. Простите, но я не знаю, как иначе объяснить это вам, — и он поворачивался к своим спутникам — Иоанну, Андрею, Иуде, крестьянам и рыбакам, которые, забросив свои поля и лодки, следовали за ним по пятам, просветленные и очарованные им.

— Ликуйте и веселитесь, пока жених с вами, — говорил он. — Настанут дни, когда вы осиротеете и овдовеете, но и тогда доверьтесь нашему Отцу. Взгляните, как живут птицы небесные. Они не сеют и не жнут, их кормит Отец наш. Взгляните на цветы земные. Они не прядут и не ткут, но какой царь может сравниться с ними в великолепии их одежд? Не заботьтесь о теле своем — что будет оно есть, пить или надевать. Ваша плоть прах и вернется в

прах. Пусть заботы ваши будут о Царстве Божиим и о вашей бессмертной душе.

Иуда слушал его нахмурившись. Его совершенно не интересовало Царство Божие. Его волновало царство земное, да и не всё к тому же, а лишь творимое на земле Израиля, которую продолжали попирать чужеземцы и язычники римляне. Сначала надо было избавиться от них, а потом уже думать о Царстве Божиим.

Иисус видел, как хмурится рыжебородый, как морщины избегают по его лбу, и читал его тайные мысли.

— Небо и земля — одно и то же, Иуда, брат мой, — говорил он улыбаясь, — камень и высь небесная едины, Царство Божие не в облаках, но внутри нас, в наших сердцах. Изменится сердце твое, и сольются воедино земля и небо, израильтяне и римляне обнимут друг друга и станут одним.

Но рыжебородый лишь замыкался, ещё глубже прятал свое возмущение, принуждая себя терпеть и ждать. «Он сам не понимает, что говорит, — ворчал про себя Иуда. — Витает в заоблачных высях и не видит, что творится вокруг. Сердце моё успокоится лишь, когда мир переменится вокруг. Лишь когда римляне исчезнут с земли Израиля, я обрету покой!»

И однажды младший сын Зеведея обратился к Иисусу:

— Прости меня, рабби, но мне кажется, что я не люблю Иуду. Всякий раз, как я прохожу мимо него, какая-то тёмная сила вырывается из его тела и впивается в меня тысячами крохотных иголочек. А недавно в сумерках я видел демона, который что-то шептал ему на ухо. Что он ему говорил?

— Кажется, я знаю, что он говорил, — вздохнул Иисус.

— Что? Мне страшно, рабби. Что он сказал?

— Придёт время, и ты узнаешь. Я ещё не уверен сам.

— Зачем ты взял его с собой? Почему позволяешь и днем и ночью следовать за тобой? И почему твой голос звучит теплее, когда ты говоришь с ним?

— Так должно быть, Иоанн, брат мой. Он больше вас нуждается в любви.

С каждым днем преображался мир для Андрея, последовавшего за новым учителем. Да и не мир, а его собственная душа становилась мягче. Смех и трапезы перестали быть грехом, земля под ногами стала упругой, и небо склонялось над ней, как любящий отец. А день Господа уже не был более днем гнева и разрушений, знамением конца света, но днем сбора зерна и винограда, днем свадьбы и танцев — неустанного обновления земли. И каждый новый рассвет приносил возрождение. Господь исполнял Свой обет не выпускать землю из Своих святых ладоней.

Шли дни, и Андрей обретал покой. Он снова начал есть и смеяться, лицо его порозовело. Под деревом ли, в доме ли друзей Иисус, благословляя, делил хлеб — плоть Андрея принимала его, обращая в смех и любовь. И лишь вспоминая семью, он вздыхал ещё время от времени.

— Что станет с Ионой и Зеведеем? — спросил как-то он, глядя вдаль. Ему казалось, что оба старика остались где-то на краю света.

— А с Иаковом и Петром? Где они теперь? Как влачат свои дни?

— Мы всех их найдем, — улыбнулся Иисус, — и каждый из них найдет нас. Не печалься, Андрей. Широки дворы нашего Отца — места хватит для всех.

Однажды вечером Иисус вошёл в Вифсаиду. Дети выбежали ему навстречу с ветвями олив и пальмовыми листьями. Распахивались

двери, выходили женщины и, бросив домашние дела, шли за ним, чтобы услышать доброе слово. Сыновья выносили своих парализованных отцов, внуки выводили своих слепых дедов. Скрутив, вели одержимых дьяволом, чтоб Иисус возложил им на головы руки и излечил их.

Случилось и Фоме-торговцу быть здесь. Сгибаясь под целой грудой ниток, гребешков, чудодейственных притираний, бронзовых браслетов и серебряных серег, он трубил в свой рожок, когда его заметил Иисус. Порыв ветра — и это уже не Фома, косоглазый торговец. В руках у него плотницкий ватерпас, а вокруг него толпы рабочих кладут известь и камни, возводя величественное здание — Божий храм с мраморными колоннами. А Фома руководит ими, там и здесь, проверяя и замеривая... Иисус подмигнул, Фома ему ответил — и вот он уже снова торговец, нагруженный товарами, с жуликовато-бегающим взглядом.

— Фома, Пойдём со мной, — опустил Иисус руку ему на голову. — Я нагружу тебя другими товарами — пряностями и украшениями для души. Твои пути протянутся из конца в конец Земли, и ты будешь делить то, что получишь, меж людьми.

— Пожалуй, я продам сначала эти, — хихикая, ответил хитрый купец, — а потом... а потом посмотрим.

И он снова начал расхваливать гребни, нитки и притирания своим визгливым голосом.

В дверях дома по соседству появился сельский старейшина, известный свои богатством, жестокостью и бесчестьем. Облокотившись о косяк, он с интересом всматривался в приближающуюся толпу. Впереди бежали дети, размахивая пальмовыми листьями и стучась во все двери, кричали: «Он идёт, он идёт, сын Давида идёт!» За ними шёл мужчина в белом, с волосами, ниспадающими на плечи. Спокойно улыбаясь, он шёл,

раскинув руки, словно благословляя окружающие дома. А идущие следом ревниво наблюдали, кто до него дотрагивается, тем самым обретая силу и благодать. Ещё дальше шли слепые и калеки, а из домов всё появлялись и появлялись новые люди, увеличивая и без того огромную толпу.

Старейшина почувствовал себя неуютно и, вцепившись в косяк двери, опасаясь, чтобы люди не хлынули к нему в дом и не обобрали его, только повторял:

— Кто это? Кто это?

— Это новый пророк, Анания, — ответил ему кто-то из деревенских.

— Этот человек в белом, которого ты видишь перед собой, держит в одной руке жизнь, а в другой — смерть и раздает их по собственному усмотрению. Не будь дураком, Анания, будь с ним поласковее.

Страх охватил старого Ананию. Много грехов было на его душе, и зачастую он просыпался ночью в холодном поту, дрожа от ужаса. В ночных кошмарах ему чудилось, что он поджаривается на медленном огне, что его лижут языки пламени. Может, этот человек спасет его? «Главное в этом мире — колдовство, — думал он, — и этот человек тоже, верно, колдун. Так пусть для него накроют стол, пусть потратят деньги, чтобы накормить его, а он взамен, глядишь, совершит чудо».

И Анания вышел на середину улицы, приложив руку к сердцу.

— Сын Давида, — промолвил он, — я, старый Анания — грешник, а ты — святой. Узнав, что ты направляешься к нашей деревне, я распорядился накрыть столы, чтобы ты мог поесть. Входи, пожалуйста, будь так добр. Как известно, святые приходят на землю ради грешников, а мой дом нуждается в святости.

— Мне нравится то, что ты говоришь, Анания, — остановился Иисус.
— Я рад тебя видеть.

И он вошёл в богатый дом. Слуги во дворе накрывали на столы и выносили подушки. Иисус опустился на одну из них, рядом устроились Иоанн, Андрей, Иуда и хитрый Фома, решивший прикинуться учеником, чтобы бесплатно поесть. Старый хозяин сел напротив, прикидывая, как бы направить разговор на тему снов и заставить целителя избавить его от ночных кошмаров. Принесли еду и два кувшина с вином. Люди, оставшиеся на улице, смотрели, как они едят, пьют и беседуют о Боге, погоде и виноградниках. Когда они закончили трапезу, внесли чан с водой. Гости вымыли руки и собрались вставать. Тут уже старый Анания не выдержал. «Я вошёл в расходы, чтобы накормить его, — подумал он. — Пророк поел, попил и вся его компания тоже. Теперь настал его черед расплачиваться».

— Учитель, я страдаю кошмарами, — промолвил он. — Я слышал, что ты великий целитель. Я сделал для тебя всё, что мог, теперь пусть твоя святость сделает что-нибудь для меня. Сжался, изгони мои сны. Говорят, ты излечиваешь притчами. Расскажи мне притчу. Я пойму тайный смысл и излечусь. Главное — колдовство в этом мире, не так ли? Ну так поколдуй.

Иисус улыбнулся и посмотрел старику в глаза. Не в первый раз приходилось ему видеть хищные челюсти, толстую шею и бегающий жадный взгляд, и каждый раз дрожь проходила у него по телу при виде их. Эта люди ели, пили, смеялись, полагая, что весь мир принадлежит им, они крали, плясали и прелюбодействовали — и их даже не посещала мысль о том, что они уже горят в адском пламени. И лишь изредка, во сне, они открывали глаза и прозревали... Иисус смотрел на старика, смотрел прямо в глаза и видел в них страх, и снова правдивые слова в его устах складывались в притчу.

— Раскрой свои уши, Анания, раскрой свое сердце, — промолвил он, — я буду говорить.

— Я раскрыл свои уши, я раскрыл свое сердце. Я слушаю, да будет благословен Господь.

— Когда-то, Анания, жил богатый человек. Он был бесчестен и несправедлив. Он ел и пил, одевался в виссон и пурпур и даже зелёный листик отказывался бросить своему бедному соседу Лазарю. Лазарь ползал у него под столами, собирая крошки и обгладывая кости, но и оттуда его прогоняли. И вот избитый Лазарь сидел на пороге, и собаки сходились зализывать его раны. Затем пришёл назначенный день, и оба умерли. Богач попал в геенну огненную, бедняк обрел покой на груди Авраама. Как-то богач, обратив взор кверху, увидел, что сосед его Лазарь веселится и ликует на груди Авраама, и закричал, не стерпев: «Отец Авраам, отец Авраам, пошли ко мне Лазаря, пусть намочит кончик пальца и прикоснется к моим губам и освежит их — я горю!» Но Авраам ответил ему: «Вспомни дни, когда ты ел, пил и наслаждался жизнью, в то время как он страдал от холода и голода. Дал ли ты ему хоть зелёный листик за всю свою жизнь? Теперь его черед радоваться, а твой — гореть во веки веков».

Иисус вздохнул и умолк. Старый Анания стоял с раскрытым ртом. Губы его пересохли, в горле саднило. С мольбой он смотрел на Иисуса в надежде на продолжение.

— Это всё? — спросил он дрожащим голосом. — Это всё. И больше ничего?

— Так ему и надо, — рассмеялся Иуда. — Кто пережрал и перепил на этом свете, всё отыгнет на том.

Но младший сын Зеведея обратился к Иисусу.

— Рабби, тихо промолвил он, — твои слова не облегчили моего сердца. Сколько раз ты говорил нам, что надо прощать своим врагам! Ты говорил, что мы должны любить своих врагов, и если он тебя обидел семь и семью семь раз, сделай ему добро семь и семью семь раз. Ты говорил, что только тогда на земле исчезнет ненависть. А теперь... Разве Господь не прощает?

— Господь справедлив, — перебил его рыжебородый, бросая на Ананию мстительный взгляд.

— Господь добр, — возразил Иоанн.

— Значит, нет надежды? — заикаясь, пробормотал старик. — Притча окончена?

Фома, встав, подошёл к дверям.

— Нет, любезный, она не окончена, — ухмыльнулся он. — Есть продолжение.

— Говори, дитя моё, и да будет с тобой моё благословение.

— А звали богача Анания! — выкрикнул Фома — и был таков. Собравшиеся расхохотались.

Кровь ударила в голову старейшины, взгляд его помутнел.

— Иоанн, — промолвил Иисус, глядя курчавую голову любимого товарища, — у всех есть уши, и все слышали, у всех есть головы, и все вынесли свой приговор. «Господь справедлив», — говорят они и не хотят думать дальше. Но у тебя, кроме этого, есть ещё и сердце, и ты говоришь: «Да, Господь справедлив, но этого мало. Он добр. Притча не может остаться такой, у неё должен быть другой конец».

— Прости меня, рабби, — ответил юноша, — но я сказал то, что чувствовал. «Человек прощает, — сказал я себе. — Разве может такое быть, чтобы Господь не простил? Нет, не может. Эта притча —

кошунство, она не может оставаться такой. У неё должен быть другой конец».

— У неё и есть другой конец, возлюбленный Иоанн, — улыбнулся Иисус. — Слушай, Анания, и ликуй, слушайте и вы, во дворе, и вы, что смеетесь на улице. Господь не только справедлив, но и добр. Он не просто добр. Он наш Отец. Услышав слова Авраама, Лазарь вздохнул и мысленно обратился к Господу: «Господи, как можно быть счастливым в раю, когда знаешь, что в аду горит человек и будет гореть там вечно. Успокой его, Господи, чтобы и я мог быть спокоен. Освободи его, Господи, чтобы и я стал свободен. Иначе и я буду чувствовать, что горю». Господь услышал его мысли и возрадовался. «Возлюбленный Лазарь, — ответил Он, — спустись и возьми страждущего за руку. Мои источники неиссякаемы. Пусть напьется и возрадуется, и ты возрадуешься вместе с ним». — «Во веки веков?» — спросил Лазарь. «Да, во веки веков», — ответил Господь.

И не говоря более ни слова, Иисус встал. Ночь окутала землю. Люди начали расходиться, возвращаясь в свои лачуги, шепчась по дороге. Сердца их были переполнены услышанным. «Разве может слово насытить?» — спрашивали они и отвечали себе: «Да, может, когда это доброе слово!»

Иисус протянул руку старому хозяину, но Анания упал ему в ноги.

— Рабби, — пробормотал он, — прости меня! — и разрыдался.

Той же ночью Иуда пошёл искать сына Марии под оливами, где они остановились на ночлег. Он никак не мог успокоиться. Ему необходимо было увидеться и поговорить с Иисусом, чтобы наконец всё прояснилось. Когда в доме старейшины Анании он радовался наказанию богача в аду, хлопал в ладоши и кричал: «Так

ему и надо!» — Иисус поглядывал на него, словно посмеиваясь, и этот взгляд до сих пор мучил его. Ему необходимо было выяснить всё. Иуда не переносил недомолвок и насмешливых взглядов.

— Добро пожаловать. Я ждал тебя, — приветствовал его Иисус.

— Сын Марии, я не похож на двух других твоих спутников, — с места в карьер начал Иуда. — Я не обладаю ни непорочностью и добротой, как возлюбленный тобой Иоанн, ни непостоянством Андрея, который меняется в зависимости от того, откуда дует ветер. Я дикий и неукротимый зверь. Я родился не в супружестве, мать бросила меня в жестокий мир, и я был вскормлен молоком волчицы. Я стал грубым, жестоким и честным. Уж если кого люблю, то готов стать грязью в его ногах, но если возненавижу — убью. — Он говорил, и голос его становился всё более хриплым. Глаза, казалось, вспыхивали искрами в темноте.

Иисус опустил руку на его мятежную голову, чтобы успокоить его, но рыжебородый стряхнул прочь эту десницу мира.

— Я могу убить даже того, кого люблю, если увижу, что он сошёл с верного пути, — медленно продолжил он, взвешивая каждое слово.

— А что такое верный путь, Иуда, брат мой?

— Освобождение Израиля.

Иисус закрыл глаза и не ответил. Взгляд Иуды опалял его, как и его слова. Что есть Израиль? И почему только Израиль? Разве мы не все братья?

Рыжебородый ждал ответа, но сын Марии молчал. Иуда схватил его за руку и встряхнул, словно желая разбудить.

— Ты понял? Ты слышал, что я сказал?

— Да, я понял, — открыл глаза Иисус.

— Я говорил с тобой без обиняков, потому что хочу, чтобы ты знал, каков я и чего желаю. Так что отвечай. Хочешь ты, чтобы я шёл с тобой или нет? Я хочу знать.

— Хочу, Иуда, брат мой.

— И ты позволишь мне свободно говорить, возражать тебе? Потому что — говорю тебе ещё раз, чтобы ты не сомневался, — кто угодно может слушать тебя с раскрытым ртом, только не я. Я не раб. Я свободный человек. Так обстоит дело, а уж ты решай как знаешь.

— Но я тоже хочу свободы, Иуда.

Рыжебородый вскочил и, схватив Иисуса за плечо, воскликнул:

— Ты хочешь освободить Израиль от римлян?

— Я хочу освободить душу от греха.

Иуда лихорадочно отдернул руку и ударил кулаком по стволу оливы:

— Тут-то и расходятся наши пути, — прорычал он, с ненавистью глядя на Иисуса. — Сначала нужно освободить тело от римлян, а потом душу от греха. Таков путь. Пойдешь ли ты им? Дом строится не с крыши, а возводится с фундамента.

— Но фундамент — это душа, Иуда.

— Фундамент — это плоть, с неё ты и должен начать. Смотри, сын Марии. Я уже говорил и ещё раз скажу: берегись, иди тем путем, который я указываю тебе. Зачем, ты думаешь, я иду с тобой? Знай: чтобы указывать тебе этот путь.

Проснулся Андрей, спавший под соседней оливой. Прислушавшись, он узнал голос учителя и ещё чей-то, грубый и резкий. «Неужели кто-то осмеливается беспокоить Иисуса по ночам?» — вздрогнул

он. Андрей знал, что учителя любят многие и многие бедняки, но знал он и то, что немало богатых старейшин ненавидят его и жаждут его гибели. Неужели они подослали какого-то негодяя? И на четвереньках он стал подкрадываться на звук голосов. Но рыжебородый услышал шорох и поднялся.

— Кто там? — крикнул он.

Андрей узнал его голос.

— Иуда, это я, Андрей.

— Иди спать, сын Ионы, тебя это не касается.

— Иди спать, Андрей, дитя моё, — повторил Иисус.

Иуда перешёл на шёпот, и теперь Иисус чувствовал на своем лице его тяжёлое дыхание.

— Ты помнишь, как в пустыне я сказал тебе о решении братства убить тебя? Но в последнее мгновение я передумал, вложил нож в ножны и бежал на рассвете, как вор.

— А почему ты передумал, Иуда, брат мой? Я был готов к смерти.

— Я решил подождать.

— Чего подождать?

Иуда замолчал и вдруг выкрикнул:

— Посмотреть, не Тот ли ты, кого ждет Израиль?

Дрожь прошла по телу Иисуса, и он откинулся к дереву.

— Я не хочу впутываться в такие дела и убивать Спасителя, нет, мне этого не надо! — снова закричал Иуда, весь взмокнув от внезапно выступившего пота. — Тебя понятно? — завизжал он, словно кто-то душил его. — Понятно? Я не хочу этого! — Он глубоко вздохнул. «Может, он сам ещё этого не знает, — сказал я себе. — Терпение,

пусть поживёт немного, пусть поживёт, а мы поглядим, что он будет делать и говорить. А если он не Тот, кого мы ждем, всегда можно будет с ним разделаться...» Вот, что я сказал себе, вот почему я не убил тебя, — Иуда сопел, ковыряя землю большим пальцем ноги, и вдруг, схватив Иисуса за руку, заговорил хриплым, полным отчаяния голосом: — Я не знаю, как тебя называть — сын Марии? Сын плотника? Сын Давида? Ты же видишь, что до сих пор не знаю, кто ты такой, но и ты сам не знаешь. Мы оба должны найти ответ, найти успокоение! Эта неопределенность не может больше продолжаться. И нечего смотреть на остальных — они идут за тобой как блеющие овцы, а женщины, те просто обожают тебя и заливаются слезами, едва тебя увидев. Да нечего от них ждать, женщины и есть женщины, у них нет мозгов, от них всё равно никакого годка. Только нам двоим предстоит решить, кто ты такой и что за пламень сжигает тебя — дьявол или Бог Израиля. И мы должны это сделать! Должны!

— Что мы можем сделать, Иуда, брат мой? — дрожа, спросил Иисус. — Как нам найти ответ? Помоги мне.

— Есть способ.

— Какой?

— Мы Пойдём к Иоанну Крестителю. Он скажет нам. Он ведь провозглашает: «Он грядет! Он грядет!» Так пусть он посмотрит на тебя и скажет, Тот ли ты, кто грядет. Пошли, и ты успокоишься, и я выясню, что мне делать.

Иисус глубоко задумался. Сколько раз его уже охватывала тревога, сколько раз он падал ниц на землю, сотрясаемый конвульсиями, с пеной у рта! Люди тогда смотрели на него как на умалишенного, одержимого дьяволом, и испуганно спешили обойти его стороной. Но он в это время пребывал на седьмом небе, душа его, вырвавшись из клетки, возносилась и, стучась во врата Господни,

вопрошала: «Кто я? Зачем я рождена? Что мне делать, чтобы спасти мир? И где кратчайший путь — может, это моя собственная смерть?» Иисус поднял голову — Иуда навис над ним всем телом.

Иуда, брат мой, ляг со мной рядом. Господь сойдет на нас во сне и унесет обоих. А завтра, даст Господь, с утра отправимся к пророку Иоанну, и да свершится, что угодно Господу. Я готов.

— Я тоже готов, — сказал Иуда, и они легли рядом бок о бок.

Солнечные лучи упали на озеро и осветили весь мир.

Рыжебородый шёл впереди, указывая путь. Иисус с двумя верными учениками Андреем и Иоанном следовал за ним. Фома остался в деревне продавать оставшиеся у него товары. «Мне нравится, что говорит сын Марии, — вертелось в голове ловкого торговца, который всегда был не промах и чужое прихватить и свое не потерять. — Бедняки во веки вечные будут есть и пить в Царствии Божием, но это после того, как отбросят копыта. А пока поглядим, что тут у нас на грешной земле. Берегись, бедняга Фома, смотри, не упустить бы чего. Лучше всего нагружать свои короба и тем и другим — сверху шпильки да гребешки, а на дне — Царство Божие»... Он мелко затрясся от смеха, закинул свой узел за спину и с рассветом отправился бродить по улицам Вифсаиды, расхваливая громким голосом свои товары.

Петр и Иаков тоже поднялись в Капернауме с рассветом. Сети уже были полны отменной рыбы, поблескивавшей в лучах солнца. В другое бы время души их возликовали при виде таких тяжёлых сетей, но сегодня их мысли были далеко, и они молчали. Они молчали, но на лицах их была написана неустанная борьба, которую они вели не то с судьбой, которая поколение за поколением привязывала их предков к этому озеру, не то сами с собой, со своими простыми житейскими желаниями, которые

мешали душам воспарить. «Что за жизнь? — возмущались они про себя. — Забрасывать сети, ловить рыбу, спать, есть и каждый день начинать всё сизнова — и так дни напролет, годы напролет, жизнь напролет! Доколе? Доколе? И так встретить свою смерть?» Они никогда не задумывались об этом раньше. Их сердца всегда были покойны, и они без жалоб следовали вековой традиции. Так жили их отцы и деды у этого озера, борясь с рыбой. А потом в один прекрасный день они складывали на груди загрубевшие руки и умирали, приходили их дети и внуки и без жалоб вступали на тот же путь. И эти двое, Петр и Иаков, прекрасно жили до сих пор, они тоже не жаловались. И вдруг окружающий мир показался им слишком тесен, они стали задыхаться в нем. Их мысли блуждали далеко, там, за озером. Где? К чему они стремились? Они сами не знали, чувствуя лишь, что задыхаются. И словно этих мучений было недостаточно, каждый день путники приносили новые вести: воскресали покойники, расслабленные начинали ходить, прозревали слепые.

— Я что это за новый пророк? — спрашивали прохожие. — Ведь с ним ваши братья, вы должны знать. Говорят, он не сын плотника из Назарета, а сын Давида. Это правда?

Но Петр и Иаков только пожимали плечами и вновь склонялись над своими сетями. Им было горько до слез. А порой, когда прохожий уже исчезал вдалеке, Петр поворачивался к Иакову и спрашивал:

— Иаков, ты веришь слухам обо всех этих чудесах?

— Тащи сети и помалкивай! — раздраженно отвечал сын Зеведея и, пыхтя, налегал на снасти.

Этим утром на рассвете мимо проехала повозка, принеся новые известия:

— Говорят, новый пророк трапезничал в Вифсаиде в доме старого жмота Анании. А поев и вымыв руки, пододвинулся к Анании и что-то прошептал ему на ухо. И тут же в голове у старика всё перевернулось — он разрыдался и начал раздавать бедным всё свое добро.

— А что он ему прошептал? — спросил Петр, и взгляд его уже устремился в сторону Вифсаиды.

— Если б я знал, — рассмеялся погонщик, — я бы говорил это каждому богатею, чтобы бедные смогли вздохнуть... Прощайте, — крикнул он, трогаясь дальше, — и счастливого лова!

Петр повернулся было к своему напарнику, собираясь что-то сказать, да передумал. Что он мог сказать? Опять слова? Разве не достаточно их уже было сказано? Ему хотелось бросить всё и уйти навсегда. Да, решено, он уйдет! Домик Ионы стал слишком мал для него, как и эта лохань с водой — Генисаретское озеро!

— Это не жизнь, — пробормотал он, — это не жизнь! Уйду!

— Что эта ты там бормочешь? — обернулся Иаков. — Цыц!

— Ничего, чёрт побери, ничего! — ответил Петр и яростно дернул сеть.

В это мгновение на вершине холма, где Иисус впервые говорил с людьми, появилась одинокая фигура Иуды. В руках у него была крючковатая палка, которую он вырезал по дороге из дуба, и каждый свой шаг он сопровождал ударом по земле. Вслед за ним появились трое других путников. Переводя дыхание, они замерли на мгновение на вершине, чтобы окинуть взглядом мир, лежащий вокруг. Озеро сверкало и смеялось, ласкаемое солнцем. А лодки казались красными и белыми бабочками, опустившимися на воду, над которыми кружили крылатые рыбаки — чайки. Вдали белел Капернаум. Солнце стояло уже высоко, день был в разгаре.

— Смотри, вон Петр! — закричал Андрей, указывая на берег, где тащили сети.

— И Иаков, — вздохнул Иоанн. — Они всё ещё не могут оторваться от этого мира.

— Не вздыхайте, возлюбленные спутники, — улыбнулся Иисус. — Прилягте здесь и отдохните, а я спущусь вниз и приведу их, — и он легкими мальчишескими шагами двинулся вниз.

«Он словно ангел, — подумал Иоанн, любуясь им. — Только без крыльев...» Иисус спускался, перепрыгивая с камня на камень. Достигнув берега, он замедлил шаг и подошёл к обоим рыбакам, тянувшим сеть. Не говоря ни слова, он остановился за их спинами и долго глядел на них. Он ни о чём не успел подумать, и душа его стала взлетать. Всё обратилось в свет и всплыло, словно облако, — два рыбака и сети с их содержимым поднялись в воздух, и вот уже не рыба трепыхалась в них, но люди, тысячи счастливых улыбающихся людей...

А оба рыбака, внезапно ощутив легкое покалывание в голове и сладкую неведомую истому, испуганно обернулись. Перед ними неподвижно стоял Иисус.

— Прости нас, рабби! — вскричал Петр.

— За что, Петр? Что вы такого сделали, что просите у меня прощения?

— Ничего, — растерялся Петр, — и вдруг взорвался: — Разве это жизнь?! Меня уже тошнит от всего этого!

— И меня! — Иаков швырнул сеть на землю.

— Идемте! — протянул Иисус им руки. — Идемте, я сделаю вас ловцами душ, — и взяв их за руки, повторил ещё раз: — Идемте.

— Мне, наверно, надо попрощаться с отцом, — вспомнил Петр про старого Иону.

— Не оглядывайся назад, Петр. У нас нет времени. Идемте.

— А куда? — заколебался Иаков.

— Зачем ты спрашиваешь? Не надо ни о чём спрашивать, Иаков. Идем!

Старый Иона тем временем стряпал, склонившись над жаровней, и поджидал своего сына Петра. Своего единственного сына теперь, да сохранит его Бог. Петр был разумным парнем, толковым работником, а Андрея он давно уже вычеркнул из своей памяти. Сначала тот ходил за одним шарлатаном, теперь за другим, бросив своего старого отца чинить сети, бороться с ветрами и проклятой лодкой, не говоря уже о приготовлении пищи и заботах по дому — после смерти жены он один управлялся с домашними делами. «Но рядом со мной Петр, да будут с ним мои благословения, — думал Иона, — он придает мне сил...» Старик попробовал пищу. Готова. Он взглянул на солнце. Почти полдень.

— Как же я проголодался, — вздохнул Иона, — но не стану есть до его прихода, — и он сел в ожидании, сложив руки.

Дом Зеведея, как всегда, был открыт. Двор был заполнен корзинами и кувшинами, в углу стоял перегонный куб. В такие дни, когда из оставшихся в давяльне виноградных отжимок изготавливалась ракия, весь Капернаум пропитывался винным духом. Старый Зеведей со своей женой обедали за маленьким столиком под обобранными лозами, увивающим деревянный навес. Зеведей тщательно пережевывал пищу своими беззубыми челюстями и толковал о делах. Он уже давно поглядывал на дом своего соседа, старика Наума, который задолжал ему и не мог расплатиться. На следующей неделе, если на то будет воля

Господа, Зеведей собирался отсудить Наумово жилище за долги. Давно он мечтал добраться до этого домика, чтобы сломать стену и расширить свой двор. Виноградная давяльня у него была, но он ещё хотел завести и давяльню для оливок, чтобы к нему ходила вся деревня за оливковым маслом, а он брал бы часть в уплату и запасался маслом сам. Но куда тогда девать виноградную давяльню? Нет, как ни крути, ему нужен дом Наума.

Саломея слышала, что он говорил, но мысли её были далеко — она думала о своем любимом сыне Иоанне. Где он теперь? Она вспомнила нового пророка, речь которого сладка, как мед. Ей так хотелось опять увидеть его, услышать, как он говорит, как вводит Господа в сердца людские. «Мой сын правильно поступил, — подумала она, — он выбрал верную дорогу, и да будут с ним мои благословения». Ей вспомнился сон, приснившийся несколько дней тому назад: с шумом захлопнув за собой дверь, она выходит из дома, покидая навсегда давяльни, дом и мужа, чтобы следовать за новым пророком. «Я бежала за ним босая и голодная, — вспоминала она, — но впервые в жизни я поняла, что такое счастье».

— Ты меня слышишь? — возмутился Зеведей, заметив, что жена отвлеклась. — Где ты блуждаешь?

— Слышу, — ответила Саломея и взглянула на него так, словно видела его впервые.

В это мгновение с улицы донеслись знакомые голоса, и Зеведей, взглянув на ворота, закричал:

— Вот они!

При виде человека в белом, идущего между его сыновьями по улице, Зеведей с набитым ртом бросился к дверям.

— Эй, парни, куда это вы идёте? Почему не заходите в дом? Стойте!

— У нас дела, Зеведей, — ответил ему Петр, остальные были уже впереди.

— Какие дела?

— Очень сложные и серьезные, — рассмеялся Петр.

— И ты, Иаков, и ты?! — давась непрожеванной пищей, закричал Зеведей.

— Попрощайся со своими сыновьями, Зеведей, — качая головой, промолвила Саломея. — Он забрал их у нас.

— И Иаков? — не в силах собраться с мыслями, повторял старик. — Но он же неглуп! Этого не может быть!

Саломея молчала. Да и что она могла ему сказать? Разве он понял бы? Забыв о еде, она подошла к воротам и стала смотреть вслед удаляющейся счастливой компании — они направлялись к царской дороге, ведущей к Иордану и дальше к Иерусалиму. Она подняла свою иссохшую руку и тихо, так, чтобы не слышал муж, промолвила:

— Да будет с вами моё благословение.

На выходе из деревни они встретили Филиппа, который привел на водопой своих овец. Он стоял на красном камне, любясь своей тенью, колыхавшейся на голубовато-зелёных водах озера. Услышав на дороге хруст гальки, он обернулся.

— Привет! — закричал он, узнав путников. — Эй, вы что, не видите меня? Куда это вы?

— В Царство Божие, — ответил Андрей. — Пойдешь с нами?

— Скажи серьезно, Андрей. Если вы на свадьбу в Магдалу, я с вами. Если хотите знать, Нафанаил тоже меня приглашал. Он женит своего племянника.

- А дальше Магдалы ты не пойдешь? — спросил Иаков.
- У меня овцы, — ответил Филипп. — Кому я их оставляю?
- Отдай их Господу, — не оборачиваясь, сказал Иисус.
- Их съедят волки.
- Ну и пусть! — крикнул Иоанн.

«Боже милосердный, эти парни совсем сошли с ума», — подумал пастух и засвистел, сзывая отару.

А путники всё шли и шли. Впереди всё так же шёл Иуда с кривым посохом — он спешил, ему не терпелось добраться до места, остальные же радовались и ликовали. Они свистели, подражая чёрным дроздам, и смеялись. И лишь Иуда с мрачным видом целеустремленно шёл вперёд.

— Иуда, скажи, куда мы идем? — догнав, тихо спросил его Петр.

— В Царство Божие, — ухмыльнулся рыжебородый.

— Перестань ты шутить, ради Бога, скажи мне, куда мы идем? Я боюсь спрашивать об этом учителя.

— В Иерусалим.

— Ой! Три дня пути, — схватившись за свои седые волосы, вскричал Петр. — Если бы я знал, я бы прихватил свои сандалии, хлеб, мех вина и посох.

Тут рыжебородый не сдержался и разразился хохотом.

— Бедный Петр, но шарик уже покатился и теперь его не остановишь. Попрощайся со своими сандалиями, хлебом, вином и посохом. Мы отбыли — ты ещё не понял, Петр? — мы отбыли из

этого мира, мы попрощались с этим морем и землей и взлетели!
Но ещё не поздно... — прошептал он в самое ухо Петру, — уйти!

— Как же я могу теперь уйти? — промолвил Петр, разведя руками.

— Всё стало безвкусным для меня, — он указал на озеро, лодки и оставшиеся позади хижины Капернаума.

— Понимаю! — кивнул рыжебородый. — Ну тогда хватит хныкать и пошли!

ГЛАВА 15.

Первыми его учуяли собаки, залившись лаем. Вслед за ними с криками: «Он идёт! Он идёт!» — по улицам Магдалы пробежали дети.

— Кто идёт? Кто? — спрашивали люди, открывая двери.

— Новый пророк!

На пороги домов высыпали женщины и старухи, мужчины побросали свои дела, немощные, ликуя, готовились ползти, чтобы прикоснуться к нему. Слава его уже распространилась по всем окрестностям Генисаретского озера. Припадочные, слепые и расслабленные, вылеченные им, разносили слухи о его силе и святости от деревни к деревне:

— Он прикоснулся к моим померкнувшим очам, и я увидел свет!

— Он велел мне отбросить костыли и идти, и я пустился в пляс!

— Полчища бесов пожирали меня. Он поднял руку и приказал им: «Выйдите вон и войдите в свиней!» И бесы тут же с визгом покинули меня и бросились к свиньям, пасущимся на берегу.

Животные посходили с ума, начали кидаться друг на друга, а потом попрыгали в воду и утонули.

Когда до Магдалины долетела добрая весть о приходе Иисуса в Магдалу, она вышла из дома. С тех пор, как сын Марии велел ей вернуться сюда и не грешить, она ни разу не появлялась на улице. Она плакала, и душа её очищалась этими слезами — они смывали прошлое из памяти: и позор, и радости, и ночные загулы, — она это должна была уничтожить, чтобы родиться заново. Первые дни она выла и билась головой о землю, но со временем покой снизошёл на неё, боль отступила, исчезли мучившие её кошмары, и теперь каждую ночь ей снилось, что Иисус входит в дверь, как хозяин дома, садится во дворе под цветущим гранатом. Что пришёл он издалека, усталый и обиженный людьми. Что она греет воду, моет его святые ноги и, распустив волосы, вытирает ими его стопы. А он... он отдыхает, улыбается и разговаривает с ней. Магдалина никогда не могла припомнить утром, что он говорил, но просыпалась теперь всегда радостной и счастливой; в последнее время она даже начала что-то тихо напевать, так, чтобы не слышали соседи. И теперь, при криках мальчишек, что он идёт, она вскочила, прикрыла свое знакомое многим, бесстыдно красивое лицо платком, так что остались видны лишь огромные чёрные глаза, и отодвинула засов, чтобы встретить его.

В тот вечер вся деревня бурлила. Девушки примеряли украшения и готовили лампы для свадебной процессии. Женился племянник Нафанаила — он был сапожником, как и дядя, — загорелый, круглолицый, как ребенок, с огромным носом. Невеста, укутанная густой вуалью, под которой поблескивали лишь глаза да серебряные серьги, сидела на возвышении в кресле у себя дома в ожидании, когда придут гости и девушки с зажженными лампами, когда раввин развернет Писание и благословит её и когда, наконец, все уйдут и она останется одна со своим длинноносым мужем.

До Нафанаила тоже долетели детские крики, и он выбежал навстречу, чтобы пригласить гостей деревни на свадьбу. Он нашёл их у колодца, где они присели передохнуть и утолить жажду. Перед Иисусом на коленях стояла Магдалина. Она уже омыла ему ноги и теперь вытирала их своими волосами.

— Сегодня женится мой племянник, — промолвил Нафанаил. — Будьте так добры, приходите на свадьбу. Будем пить вино из винограда, который я давил этой осенью у Зеведея. Мы много слышали о твоей святости, сын Марии, — обратился он к Иисусу. — Окажи честь, приди благословить молодую пару, чтобы они рожали сыновей во славу Израиля.

— Нам милы людские радости, — поднялся Иисус, — Пойдёмте, друзья, — он взял за руку Магдалину и помог ей встать, — Пойдём с нами, Мария.

На душе его было радостно, и он двинулся вперёд. Он любил праздники. Ему нравились сияющие лица людей, ему нравилось смотреть на женихов и невест, которым назначено поддерживать огонь в незатухающем очаге человечества: «Растения, птицы, звери, люди — всё священно, — думал Иисус, идя на свадьбу. — Все они — Божьи творения. Зачем они живут? Во славу Господа! Так пусть же они живут во веки веков!»

Чистые юные девушки в своих белых платьях уже стояли у закрытой, богато украшенной двери. С зажженными лампами в руках, они пели старинные свадебные песни, прославляющие невесту, насмехавшиеся над робким женихом и просящие Господа благословить молодых. Начиналась свадьба, женился израильтянин, и два тела, которым суждено было соединиться сегодня, может, дадут жизнь Мессии... Жених задерживался, и девушки пели, чтобы скоротать время, в ожидании, когда он наконец появится, откроет двери и начнется обряд.

Но пока они пели, появился Иисус со своими спутниками. Обернувшись и увидев Магдалину, девушки резко оборвали песню и, покраснев, сбились в кучу. Что эта блудница делает здесь среди девственниц? Где старейшина? Почему он не выгонит её? Свадьба испорчена!

Замужние женщины тоже с ненавистью уставились на неё; вся толпа гостей зароптала, и негодование волной прокатилось от закрытых дверей к Магдалине, которая сияла, как зажженный факел. Она стояла рядом с Иисусом, и ей казалось, что тело её невинно, а уста никогда не целованы. Но вот толпа расступилась, давая дорогу маленькому старичку с красным носом — деревенскому старейшине. Он приблизился к Магдалине и, коснувшись её своим посохом, сделал знак, чтобы она удалилась.

Руки, лицо, непокрытая грудь Иисуса горели от пропитанных ядом злобы взглядов. Он чувствовал, что всё тело его пылает, словно в него вонзаются тысячи невидимых шипов. И переводя взгляд со старейшины на честных жен, ухмыляющихся мужчин и краснеющих девиц, он лишь вздыхал. Сколько ещё глаза людские будут оставаться слепыми, не давая увидеть людям, что все они братья?

Шум тем временем нарастал; из толпы начали доноситься первые угрозы. К Иисусу подошёл Нафанаил, но учитель мягко отстранил его и стал пробираться к девушкам. Лампы заколебались — люди расступались, освобождая ему дорогу. Он остановился у двери невесты и поднял руку.

— Девы, сестры мои, Господь коснулся моих уст и вверил им благое слово, чтобы я передал его вам в этот святой вечер свадьбы. Девы, сестры мои, раскройте уши, раскройте ваши сердца, и вы, братья мои, слушайте, ибо я буду говорить!

Люди смущенно затихли. Мужчины по его голосу решили, что он сердит, женщины — что опечален. Все замолчали, лишь со двора

дома доносились звуки цитр, которые настраивали два слепых музыканта.

Иисус поднял руку.

— Девы, сестры мои, на что похоже Царство Божие? Оно похоже на свадьбу. Господь — жених, а душа человеческая — невеста. А протекает эта свадьба на небесах и приглашен на неё весь род людской. Простите меня, братья мои, но Господь говорит со мной притчами, притчами и я буду говорить с вами.

В одной деревне была свадьба. Десять дев взяли свои лампы и вышли встречать жениха. Пять из них были мудрыми и взяли с собой ещё сосуды с маслом. А пять других — неразумными, и не взяли с собою масла. Остановились они у дома и стали ждать, но жених припозднился, и все они задремали и уснули. А в полночь раздался крик: «Вот жених идёт, выходите навстречу ему!» Встали все девы и начали поправлять затухающие светильники свои. Но у неразумных дев уже не осталось масла. И сказали они мудрым девам: «Дайте нам вашего масла, сестры, потому что наши светильники гаснут». А мудрые ответили: «У нас не осталось. Пойдите и купите себе». И пока неразумные девы бегали за маслом, прибыл жених, мудрые девы вошли в дом и дверь закрыли. После вернулись и неразумные девы с зажженными лампами и начали стучать в дверь. Они плакали и умоляли: «Откройте нам! Откройте!» Но мудрые девы лишь смеялись. «Так вам и надо! — отвечали они. — Дверь заперта. Уходите!» А те лишь плакали и просили: «Откройте дверь! Откройте! Откройте!» И тогда... — Иисус умолк и, ещё раз окинув взглядом старейшину, гостей, честных жен и девушек с горящими светильниками, улыбнулся.

— И тогда? — повторил Нафанаил, который слушал с раскрытым ртом. Его простые и медлительные мысли начали мешаться. — И что тогда, рабби, чем всё кончилось?

— А как бы ты поступил, Нафанаил? — спросил Иисус, обращая на него свой завораживающий взгляд. — Как поступил бы ты, если бы был женихом?

Нафанаил молчал. Он не мог ни на что решиться: то ему казалось, что он выгнал бы их, как того требовал Закон — дверь ведь была уже закрыта, то ему становилось жаль их, и он думал, что, пожалуй, он бы их впустил.

— Как бы поступил ты, Нафанаил, если бы ты был женихом? — повторил Иисус, и глаза его с мольбой скользнули по простодушному лицу сапожника, словно лаская его.

— Я бы открыл дверь, — тихо проговорил Нафанаил, чтобы его не услышал старейшина. Он более не мог противиться взгляду сына Марии.

— Мир тебе, друг мой Нафанаил, — радостно воскликнул Иисус и поднял руку, благословляя его. — В этот миг ещё при земной жизни ты вошёл в Царствие Небесное. Жених поступил точно так, как ты сказал, — он приказал слугам открыть дверь. «Это ведь свадьба! — вскричал он. — Так пусть же все едят, пьют и веселятся. Откройте дверь неразумным девам, вымойте и освежите им ноги, ибо они много бегали».

Слезы повисли на длинных ресницах Магдалины. О, если бы только она могла расцеловать уста, произнесшие эти слова! Простак Нафанаил сиял с головы до пят, словно уже был в раю. И лишь красный нос — старейшина — поднял свой посох.

— Ты идешь против Закона, сын Марии, — проскрежетал он.

— Это Закон противоречит моему сердцу, — спокойно ответил Иисус.

В это мгновение появился вымытый, надушенный жених с зелёным венком на курчавой голове. Несколько глотков вина уже привели его в восторженное состояние, лицо покраснелось. Одним рывком он распахнул дверь, и гости потекли за ним в дом. Держа Магдалину за руку, вошёл и Иисус.

— Кто такие мудрые девы и кто неразумные? — тихо спросил Петр Иоанна. — Ты как понял?

— Я понял, что Мессия — наш Иисус, — так же тихо ответил сын Зеведея, но шум не дал Петру расслышать последнее слово.

Прибыл и произнес свои благословения раввин Магалы. После чего жених с невестой устроились посередине комнаты, окруженные гостями, которые целовали их и желали родить сына, который вызволит Израиль из рабства. Затем заиграла музыка, гости начали пить и плясать, и Иисус с приятелями пил и плясал вместе со всеми.

Время бежало незаметно, и когда поднялась луна, они вышли из дома и продолжили свой путь. Была уже глубокая осень, но дни стояли всё ещё жаркие, и идти в сырой прохладе ночи было приятно.

Они шли вперёд, обратив взгляды к Иерусалиму. Выпитое вино преобразило мир. Их тела стали легкими, как души, — путники словно летели на крыльях. Каким-то чудом уже скоро слева от них показался Иордан, справа — долина Завулону. Выполнив свой обет, данный более тысячи лет назад, выращивать колосья в рост человека, наполнять ягодами виноградники и оливками оливы, она лежала уставшая и довольная, как мать, только что давшая жизнь ребенку.

— Какое счастье, братья! — повторял Петр снова и снова. Это ночное шествие охватило его бесконечным восторгом. — Неужели это действительность? Верно, это сон! Нас околдовали! Если я сейчас не запою, то просто разорвусь от счастья!

— Все вместе! — крикнул Иисус.

Он шёл во главе и должен был начинать первым. Голос его был слаб, но полон чувства. Справа и слева от него зазвучали красивые голоса Иоанна и Андрея. И какое-то время лишь их три высоких голоса, вибрируя, прорезали ночную тишь. Это было столь прекрасно, что замирало сердце, казалось, сами певцы не выдержат этих божественных звуков, пропитанных такой сладостью, что от неё кружилась голова. Но голоса набирали силу — словно питаюсь из какого-то глубокого невидимого источника, и каждый раз, когда казалось, они вот-вот сорвутся, их вновь наполняла уверенность. И вдруг — что за радость! что за мощь! — вступили мужественные и торжественные баритоны Петра, Иакова и Иуды. И все вместе, каждый по-своему, они восслали к небесам свои голоса в хвалебном псалме:

Как хорошо и как приятно

жить братьям вместе!

Это — как драгоценный елей на голове,

стекающий на бороду, бороду Ааронову,

стекающий на края одежды его;

Как роса Ермонская, сходящая на горы Сионские.

Ибо там заповедал Господь

благословение и жизнь навеки...

Шло время, звёзды побледнели, встало солнце. Оставив позади красную почву Галилеи, они вступили на чернозем Самарии.

Иуда замедлил шаг.

— Давайте Пойдём другим путем. Эта земля отступников. Она проклята. Давайте по мосту перейдем через Иордан и двинемся по другому берегу. Грех прикасаться к поправшим Закон. Их дом осквернен, осквернены их пища и питье. «Ломоть самаритянского хлеба, — говаривала мне мать, — всё равно что кусок свинины». Давайте Пойдём другим путем!

Но Иисус взял его спокойно за руку, и они продолжили путь.

— Иуда, брат мой, когда праведник прикасается к грешнику, грешник очищается. Не перечь мне. А мы пришли сюда ради них, грешников. Мы не нужны праведникам. Я здесь, в Самарии, одно наше доброе слово может спасти душу, одно доброе слово, Иуда, доброе слово, простая улыбка, обращенная к проходящему мимо самаритянину.

Иуда боязливо оглянулся, чтобы убедиться, что его никто не слышит.

— Это неправильный путь, — тихо произнес он. — Нет, ты идешь не той дорогой. Но я подожду, пока мы придём к яростному пророку. Он нас рассудит. А пока иди, куда хочешь, и делай, что знаешь. Я буду следовать за тобой.

И, перекинув свой посох через плечо, он пошёл вперёд. Остальные, беседуя, следовали за ним. Иисус говорил о любви, о Господе, о Царствии Божьем. Он объяснял, кто такие неразумные и мудрые девы, что означают светильники и масло, кто такой жених и почему неразумным девам не только дозволили войти в дом, но и вымыли и умастили им ноги. И чем больше слушали четверо друзей, тем

шире становились их души, впитывавшие слова Иисуса, тем крепче и мужественнее становилось их сердце. Грех предстал перед ними в виде неразумной девы, стоящей перед дверью Господа с погашенным светильником, плачущей и умоляющей впустить её внутрь...

Они шли всё дальше и дальше. Над головами начали собираться тучи, лик земли потемнел. В воздухе запахло дождем.

Вскоре впереди замаячила первая деревня у подножия Гаризима, священной горы их праотцев. У входа в деревню, окруженный финиковыми пальмами, стоял древний колодец Иакова. Сюда приходил патриарх поить водой своих овец. Каменная плита была стерта и источена трением веревок, на которых поколение за поколением люди вытаскивали из колодца воду.

Иисус устал. Ноги его были изранены камнями и кровоточили.

— Я останусь здесь, — промолвил он, — а вы идите в деревню и постучитесь в дома. Там найдется добрая душа, которая даст нам хлеба, а к колодцу выйдет женщина и достанет для нас воды. Веруйте в Господа и в людей.

Все пятеро отправились, но по дороге Иуда передумал.

— Я не пойду в оскверненную деревню и не буду есть оскверненный хлеб. Я останусь здесь под этим фиговым деревом и подожду вас.

Иисус тем временем прилег в тени кустов. Его мучила жажда, но колодец был глубоким — как ему напиться? Он склонил голову на грудь и задумался. Трудный он выбрал путь. Тело его слабело, он уставал, подгибались колени, его плоть и дух молили об отдыхе. Он падал, но Господь посылал легкий прохладный ветерок, и его пророк находил в себе силы встать и идти дальше. Но сколько это будет продолжаться? До самой смерти? Или даже после смерти?

Но пока он думал о Господе, людях, смерти, кусты заколебались и из них вышла молодая женщина с кувшином на голове. Подойдя к колодцу, она поставила кувшин на край, и Иисус увидел, как она достала принесенную веревку, зачерпнула воды и наполнила свой кувшин. Жажда его стала нестерпимой.

— Женщина, — промолвил он, выходя к ней из тени, — дай мне напиться.

При его неожиданном появлении женщина испуганно вздрогнула.

— Не бойся, — добавил Иисус. — Я честный человек. Я хочу пить — дай мне напиться.

— Как же так, — ответила она, — ты — галилеянин, как я вижу по одежде, и просишь напиться у меня, самаритянки?

— Если б ты знала, кто говорит тебе: «Женщина, дай мне напиться», ты бы пала ниц к моим ногам и просила бы, чтоб я дал тебе испить бессмертной воды.

— У тебя нет ни веревки, ни ведра, а колодец глубок, — удивленно промолвила женщина. — Как же ты достанешь воду, чтобы дать мне напиться?

— Пьющий воду из этого колодца возжаждет снова, — ответил Иисус, — но испивший моей влаги насытится во веки веков.

— Добрый человек, — сказала тогда женщина, — дай мне этой влаги, чтобы я никогда больше не хотела пить и не должна была бы каждый день ходить сюда.

— Пойди позови своего мужа, — сказал Иисус.

— У меня нет мужа.

— Правду ты говоришь, ибо у тебя было пять мужей, и тот, который с тобой сейчас, не муж тебе.

— Ты пророк, галилеянин? — удивленно спросила женщина. — Тебе всё известно?

Иисус улыбнулся.

— Ты хочешь о чём-нибудь спросить меня? Говори смело.

— Да, я бы хотела, чтобы ты ответил мне на один вопрос. Наши отцы всегда славил Господа на этой горе Гаризим. Теперь вы, пророки, говорите, что поклоняться Господу можно лишь в Иерусалиме. Кто прав? Где Господь? Просвети меня.

Иисус молчал, опустив голову. Эта грешница, мучимая поисками Господа, глубоко взволновала его сердце. И ради неё он изо всех сил пытался найти верные слова, чтобы ответить ей. Но вот он поднял голову, и лицо его просияло.

— Женщина, храни глубоко в сердце то, что я тебе скажу сейчас. Придёт день — он уже пришёл, — когда люди не будут поклоняться Господу ни на этой горе, ни в Иерусалиме. Господь есть Дух Святой, и ему можно поклоняться лишь в душе.

Женщина смущенно и недоумевающе взглянула на Иисуса.

— Неужели ты, — спросила она тихим прерывистым голосом, — неужели ты Тот, кого мы ждем?

— А кого ты ждешь?

— Ты знаешь. Зачем ты заставляешь меня произносить Его имя? Ты и так знаешь, а мои уста грешны.

Иисус опустил голову. Казалось, он прислушивается к своему сердцу и ждет, что оно ответит. Женщина, стоявшая перед ним, тоже ждала с нетерпением.

Но пока они оба пребывали в этом молчаливом смущении, издали донеслись веселые голоса и показались ученики, торжествующе

размахивая краюхой хлеба. Увидев учителя с незнакомой женщиной, они замедлили шаг. Но Иисус был рад их видеть — они избавили его от ответа на опасный вопрос самаритянки, и он кивнул, чтобы они подошли.

— Идите сюда, — крикнул он. — Эту добрую женщину послал нам Господь. Она пришла из деревни, чтобы напоить нас.

Все, кроме Иуды, отошедшего в сторону, подошли к Иисусу. Женщина протянула им кувшин, и мужчины напились. Затем она снова наполнила его и, поставив себе на голову, задумчиво направилась к деревне.

— Рабби, что это за женщина? — спросил Петр. — Вы так разговаривали, словно знаете друг друга сто лет.

— Она одна из моих сестер, — ответил Иисус. — Я попросил у неё воды, потому что хотел пить, и удовлетворил её жажду.

Петр почесал в затылке.

— Не понимаю.

— Неважно, — ответил Иисус, погладив седую голову товарища. — Не спеши, ты всё понемногу поймешь в свое время... А сейчас мы голодны — давайте есть!

Они улеглись под финиковыми пальмами, и Андрей начал рассказывать, как они ходили в деревню.

— Мы стучали во все двери, но над нами только смеялись и гнали от дома к дому. Наконец в самом конце деревни какая-то старушка приоткрыла дверь и выглянула посмотреть, нет ли кого на улице. Вокруг не было ни души. Тогда она тайком пихнула нам хлеб и тут же захлопнула дверь. Мы схватили его и бросились наутек.

— Мы даже не знаем, как её зовут, — заметил Петр. — А надо было бы попросить Господа, чтобы Он запомнил её.

— Не печалься, Петр, — рассмеялся Иисус. — Господь знает её имя.

Иисус взял хлеб, благословил его, воздал хвалу Господу за то, что Он послал им старушку, и преломил хлеб на шесть равных ломтей. Но Иуда посохом оттолкнул свою долю и отвернулся.

— Я не ем самаритянского хлеба — я не ем свинины.

Иисус не стал с ним сморить. Он знал, что у Иуды каменное сердце, и для того, чтобы смягчить его, нужно время — время, желание и доброта.

— А мы будем есть, — повернулся он к остальным. —

Самаритянский хлеб обращается в галилейский, когда его едят галилеяне, свинина же становится плотью человеческой, когда её едят люди. Во имя Господа!

И со смехом пятеро принялись есть. Самаритянский хлеб был так же вкусен, как и любой другой, и они насытились. Закончив трапезу, они прилегли, и вскоре усталость сморила их и повергла в сон. Лишь Иуда остался бодрствовать, в раздражении постукивая посохом по земле. «Лучше голод, чем позор», — думал он, и мысль эта понемногу успокаивала его.

Вскоре по листьям кустов застучали капли дождя, и спящие вскочили.

— Дождь, — промолвил Иаков. — Хорошо, земля напьется.

Но пока они размышляли, где найти укрытие от дождя, с севера налетел ветер и разогнал тучи. Небо прояснилось, и они снова отправились в путь.

Оставшиеся на деревьях смоквы сияли в посвежевшем воздухе. Гранаты стояли, отягощенные плодами. Приятели сорвали несколько штук и съели их на ходу. Крестьяне, поднимая головы, с удивлением смотрели на галилеян. Что привело их в Самарию?

Почему они якшаются с самаритянами, едят их хлеб, собирают их фрукты? Лучше бы им побыстрее убратся!

А какой-то старик, не выдержав, вышел из своего сада и закричал:

— Эй, галилеяне, ваш закон предает анафеме тех, кто ступает по этой священной земле. Что вы здесь делаете? Убирайтесь вон!

— Мы идем на поклонение в святой Иерусалим, — ответил Петр, останавливаясь перед стариком и выпячивая грудь.

— Вы должны поклоняться Господу здесь, отступники, на Гаризиме — горе, по которой ступал Господь, — загремел старик. — Вы что, не читали Писания? Господь явился Аврааму здесь, у подножия Гаризима. Он указал ему на горы и долины из конца в конец, от горы Хеврон до земли Мидийской и сказал: «Бери Землю Обетованную, землю, по которой текут молоко и мед. Я дал обет, что вручу её тебе, и вот Я исполняю его». И они подписали договор. Слышите, галилеяне? Так сказано в Писании. Так что поклоняться Господу надо здесь, на этой святой земле, а не в Иерусалиме, убивающем пророков!

— Земля всюду священна, — спокойно ответил Иисус. — Господь повсюду, старик, и все мы — братья. Самаритяне и галилеяне тоже, старик. И иудеи. Все!

Старик задумался. Он рассматривал Иисуса, поглаживая свою бороду.

— Господь и дьявол тоже? — наконец спросил он очень тихо, чтобы невидимые силы не слышали его.

Иисус вздрогнул. Он никогда в жизни не задумывался, настолько ли велика доброта Господа, что Он сможет простить даже Вельзевула и вернуть его в Царство Свое.

— Не знаю, старик, — ответил он. — Не знаю. Я — человек, и забочусь о делах людских. Остальное — в руках Господа.

Старик не ответил. Всё так же поглаживая бороду, он погрузился в размышления, глядя на странных путников, которые, миновав его, скрылись за деревьями.

Опустилась ночь, и поднялся холодный ветер. Они отыскиали пещеру и забрались в неё. Разделив оставшийся кусок хлеба, они поели. Рыжебородый собрал хворост и разжёл костер. Огонь придал всем бодрости, и люди расселись кругом, молча глядя на языки пламени. До них доносились свист ветра, вой шакалов и отдаленные раскаты грома. Над входом в пещеру ободряюще блестела большая теплая звезда, но набежавшие облака вскоре скрыли её из виду. Глаза у путников начали слипаться, и, положив головы друг другу на плечи, они погрузились в сон. Лишь Иоанн, встав украдкой, накинул Иисусу на плечи свой шерстяной плащ.

На следующий день они вошли в Иудею. Шаг за шагом они наблюдали, как меняются деревья, стоящие вдоль дороги: теперь она была окаймлена пожелтевшими тополями, акациями и древними кедрами. Почва стала сухой, каменистой, даже крестьяне, время от времени мелькавшие в дверях домов, казалось, были высечены из кремня. Порой меж камней мелькал скромный и изящный полевой цветок, да кудахтанье куропатки нарушало немую тишину. «Наверно, ищет напиться», — подумал Иисус, и тут же ему показалось, что он ощутил теплоту птичьего тельца в своих руках.

Чем ближе они подходили к Иерусалиму, тем суровее становилась земля. Господь тоже казался другим. Земля здесь не ликовала, как в Галилее, и Бог, так же как и люди, казалось, тоже был высечен из кремня. Небо в Самарии, хотя бы пытавшееся пролиться дождем, здесь полыхало, как раскалённое железо. Обливаясь потом,

путники продолжали идти через это горнило. Когда снова настала ночь, они подошли к усыпальницам, вырезанным в скале. Тысячи их предшественников, замурованных здесь, уже обратились в камень. Найдя пустующие гробницы, путники залезли в них, чтобы пораньше заснуть и отдохнуть перед входом в священный город.

Не спал лишь Иисус. Он бродил вдоль могил, прислушиваясь к ночным звукам. На сердце у него было беспокойно: ему слышались невнятные голоса, плач и стоны, словно тысячи мучеников взывали к нему... К полуночи ветер затих, и наступила тишина. И тогда эту тишь пронизал душераздирающий крик. Сначала ему показалось, что это кричал голодный шакал, но уже в следующее мгновение он с ужасом понял, что это кричала его собственная душа.

— Боже милосердный, — пробормотал он, — кто же так кричит во мне? Кто так рыдает?

Усталость сморила его. Забравшись в одну из усыпальниц, он лег, сложив руки, и отдался на милость Божью. На рассвете ему приснился сон. Ему снилось, что он с Марией Магдалиной спокойно и бесшумно летит над большим городом, чуть не касаясь крыш ногами. Когда они долетели до самой его окраины, в одном из домов распахнулась дверь и на пороге показался огромный старик с развевающейся бородой и яркими голубыми глазами. Рукава у него были засучены, а руки покрыты глиной. Увидев их, он задрал голову и закричал:

— Стойте! Я хочу вам кое-что сказать!

Они замерли.

— Что тебе нужно, старик? Мы слушаем.

— Мессия — это тот, кто любит весь мир. Мессия — это тот, кто отдаст свою жизнь из любви к миру.

— И всё? — спросила Магдалина.

— А тебе мало? — гневно воскликнул старик.

— Можно мне войти в твою мастерскую? — спросила Магдалина.

— Нет. Разве ты не видишь, у меня все руки в глине. Я делал Мессию.

Иисус проснулся. Тело его казалось невесомым — точно он всё ещё парил в воздухе. Брезжил рассвет. Его спутники уже проснулись и были готовы идти дальше, в Иерусалим.

Спеша добраться туда, они тут же отправились в путь. Но чем больше они отмеряли шагов, тем больше новых и новых холмов возникало перед ними, тем длиннее казалась им дорога.

Похоже, мы никогда не дойдем до Иерусалима, — с отчаянием воскликнул Петр. — Что это с нами? Разве вы не чувствуете — он от нас всё дальше и дальше!

— Он всё ближе и ближе, — возразил Иисус. — Мужайся, Петр. Мы делаем шаг навстречу Иерусалиму, он делает шаг навстречу нам. Это так же, как с Мессией.

— Мессией? — резко обернулся Иуда.

— Мессия близко, — уверенно ответил Иисус. — И тебе лучше всех известно, Иуда, брат мой, на правильном ли мы пути. Стоит нам сказать доброе слово или сделать доброе дело, и Мессия ускоряет шаг. Когда же мы бесчестные, злы и трусливы, Мессия поворачивается к нам спиной и удаляется. Мессия не стоит на месте, как и Иерусалим, братья. Иерусалим спешит к нам, мы — к нему. Так пошли же скорее навстречу ему! Веруйте в Господа и в бессмертную душу человеческую!

Ободренные, они ускорили шаг. Иуда с сияющим радостью лицом снова вырвался вперед. «Он хорошо говорит, — крутилось у него в голове. — Да, сын Марии прав — Старый раввин Симеон говорил

нам то же самое: спасение зависит от нас. Если мы будем ждать, сложа руки, Израиль никогда не обретет свободы. Но если мы все возьмемся за оружие, мы достигнем своей цели». Так Иуда беседовал сам с собой, пока его вдруг не поразила внезапная мысль, которая заставила его остановиться.

— А кто же Мессия? — пробормотал он. — Кто? Может, этот весь народ?

Пот крупными каплями выступил на его обветренном лбу. «Может ли Мессия быть всем народом? — эта мысль впервые пришла ему в голову и смутила его сердце. — Может ли Мессия быть всем народом? — повторял он снова и снова. — Но к чему же тогда все эти пророки и лжепророки? К чему мы мечемся в агонии, пытаюсь понять — кто Мессия? Вот оно: весь народ — Мессия, — я, ты, каждый. И единственное, что надо сделать, — это взять в руки оружие!» И он двинулся дальше, размахивая посохом, играя им так же, как он играл своей новой мыслью, и вдруг... крик вырвался из его груди: в расселине между двух вершин перед ним засиял белизной гордый святой Иерусалим. Он не стал звать спутников, ему хотелось как можно дольше в одиночестве насладиться его видом. Дворцы, башни, замки отражались в зрачках его голубых глаз, и на горе — золото, кедр и мрамор — высился Храм — зеница Господа.

Криками радости огласили пространство подошедшие спутники.

— Давайте воспоем красоту нашего священного города, — предложил Петр.

И все пятеро пустились в пляс вокруг Иисуса, замершего посередине дороги, и грянул псалом:

Возрадовался я, когда сказали мне: «Пойдём в дом Господень».

Вот, стоят ноги наши во вратах твоих, Иерусалим, —
Иерусалим, устроенный как город, слитый в одно,
Куда восходят колена, колена Господни, по закону Израилеву,
славить имя Господне.
Там стоят престолы суда, престолы дома Давидова.
Просите мира Иерусалиму: да благоденствуют любящие тебя!
Да будет мир в стенах твоих, благоденствие в чертогах твоих!
Ради братьев моих и ближних моих говорю я: «Мир тебе!»
Ради дома Господа, Бога нашего, желаю блага тебе.

ГЛАВА 16.

Весь Иерусалим — улицы, крыши, дворы, площади — был увит зеленью. Стоял большой праздник, и жители Иерусалима выстроили сотни шатров из оливковых и виноградных ветвей, пальмовых и кедровых лап, как было предписано Богом Израиля, в память о сорока годах, которые провели, скитаясь в пустыне, их праотцы. Урожай был собран, и люди, повесив таблички со всеми своими грехами на чёрного козла, выгнали его в пустыню. На сердце у всех было легко — души их очистились. Семь дней все будут есть и пить под зелёными крышами, славя Бога Израиля, благословившего жатву и пославшего им глупого козла, который унес их грехи. Он тоже был богопосланным Мессией — унося все прегрешения человеческие, он погибал от голода в пустыне, но с ним погибали и грехи.

Широкие дворы Храма были залиты кровью: целые стада ежедневно приносились здесь в жертву. Священный город смердел от запахов мяса, крови и навоза. Разноголосица рожков и труб заполняла священный воздух. Люди ели, пили, и души их тяжелели. Лишь первый день праздника был отдан псалмам и молитвам, сам невидимый Иегова в этот день спускался под навесы и, лучась от радости, трапезничал с людьми, утирая бороду. Но уже на второй день изобилие вина и мяса ударяло в головы. Отовсюду слышались грязные шутки, смех, непристойные песни, пьяные мужчины и женщины, порой не очень-то прячась, бесстыдно совокуплялись друг с другом среди белого дня. То тут, то там мелькали прославленные иерусалимские блудницы, умащенные маслом, с покрашенными лицами. И простые крестьяне и рыбаки, пришедшие со всех краев земли Израиля полюбоваться святыней из святынь, попавшись в их искусные руки, поражались, сколько неги и исступления может дарить один поцелуй.

Стараясь не дышать, Иисус быстрыми шагами шёл по улицам, переступая через мертвецки пьяных людей, валявшихся прямо на земле. У него кружилась голова от запахов, грязи и бесстыдного хохота.

— Скорее, скорее! — подгонял он спутников, держа правой рукой Иоанна, а левой — Андрея.

Но Петр то и дело останавливался, встречая паломников из Галилеи — одни предлагали ему вина, другие — закусить, третьи просто поболтать. Он бы позвал Иуду, да и Иаков не отказался бы — зачем обижать товарищей, но трое впереди спешили, постоянно окликая их и понуждая двигаться дальше.

— Господи, учитель не дает нам даже вздохнуть свободно, как людям, — проворчал Петр, впав уже в веселое настроение. — Во что это мы ввязались?

— Где же ты был до сих пор, бедняга Петр? — покачал головой Иуда. — Ты думал, мы идем сюда развлекаться? Может, ты думал, что мы идем на свадьбу?

Но тут из одного шатра раздался хриплый голос:

— Эй, Петр, сын Ионы, ты, вшивый галилеянин, мы чуть лбами не столкнулись, а ты хоть бы хны — идешь дальше. Остановись хоть на мгновение промочить горло. Я промою тебе глазки, чтобы ты в следующий раз замечал меня!

Узнав голос, Петр опять остановился.

— Привет! Здорово я в тебя врезался, Симон, грязная ты киринейская свинья? — и он повернулся к двум своим спутникам.

— На этот раз, парни, нам не удастся улизнуть, давайте-ка остановимся и выпьем. Симон, известный пьяница, держит харчевню у ворот Давида. Он заслуживает того, чтоб его укоротили, а голову насадили на шест, но всё равно он хороший парень и надо оказать ему честь.

Симон и вправду был хорошим парнем. В юности он приплыл из Кириinei, открыл таверну, и всякий раз, бывая в Иерусалиме, Петр останавливался у него. Они ели, пили, болтали, смеялись, иногда пели, иногда ссорились, снова мирились и опять за это пили, потом Петр заворачивался в одеяло и засыпал на скамье. Сейчас Симон сидел в своем шатре из переплетенных виноградных лоз с кувшином под мышкой и бронзовой чашей в руках и пил в одиночестве.

Друзья обнялись. Оба они уже выпили и так залюбили друг друга, что от переизбытка чувств на глазах у них появились слезы. Когда

все тосты были произнесены, и все обменялись взаимными тычками и восклицаниями, Симон разразился хохотом.

— Готов заложить свои кости, что ты собираешься креститься. И правильно делаешь. Я благословляю тебя. Я тут намедни и сам крестился и ничуть не жалею. Вполне сносно.

— Замечаешь изменения в себе? — спросил Иуда. Он ел, но к вину не прикасался. Мозг его, как тернии, терзали мысли.

— Что тебе сказать, приятель? Давненько я не влезал в воду. Я с водой на ножах. Мне нужно вино, а вода — для жаб. Но тут я сказал себе: «Послушай, а чего бы тебе не креститься? Весь мир крестится, и наверняка среди просветленных найдутся люди, употребляющие вино. Не все же они идиоты. А я заведу новые знакомства и подцеплю новых клиентов. Моя харчевня у ворот Давида всем известна...» В общем, короче говоря, я пошёл. Пророк — словно дикий зверь — не рассказать! Из ноздрей пламя — упаси, Господи! Схватил меня за шею и запихал в воду по самую бороду. Я как закричу! Точно он хотел меня, неверного, утопить! Но я выдержал, вышел на берег — и вот я перед вами!

— Замечаешь в себе изменения? — повторил Иуда.

— Клянусь тебе вином, купанье мне пошло на пользу. Легче стало. Креститель сказал, что я освободился от своих грехов. Но (между нами) я-то считаю, что освободился от лишней грязи, потому что, когда я вышел, на воде осталась пленка грязи пальца в три толщины.

Он разразился хохотом, наполнил свой стакан и выпил. Петр с Иаковом тоже выпили. Симон снова налил им и повернулся к Иуде.

— А ты, кузнец, почему не пьешь? Это вино, дурачок, а не вода.

— Я никогда не пью, — ответил рыжебородый, отталкивая от себя чашу.

Симон широко раскрыл глаза.

— Ты что, один из этих? — шёпотом спросил он.

— Да, один из этих, — ответил Иуда и резким движением руки оборвал этот разговор.

Шедшие мимо две накрашенные женщины подмигнули мужчинам.

— И без женщин? — спросил поражённый Симон.

— И без женщин, — сухо ответил Иуда.

— Как же ты живешь, бедняга, — не в силах этого вынести, воскликнул Симон. — Скажи мне, для чего же тогда Господь создал вино и женщин? Для собственного удовольствия или для нашего?

В это мгновение к ним подбежал Андрей.

— Идемте скорее, — закричал он. — Учитель торопится.

— Какой учитель? — спросил трактирщик. — Босой, весь в белом?

Но приятели уже поднялись, и Симон-киринеянин остался стоять в недоумении с пустой чашей в руке и кувшином под мышкой, глядя им вслед и качая головой.

— Наверное, ещё один Креститель, такой же сумасшедший! В последнее время они лезут, как грибы после дождя. Ну что ж, выпьем за его здоровье, — произнес трактирщик, наливая себе ещё. — Пусть даст ему Господь хоть немного разума!

Тем временем Иисус и его спутники достигли большого двора Храма. Они вымыли руки и ноги и ополоснули рты, чтобы войти в Храм и поклониться. Все галереи были забиты людьми и животными. Повсюду — в тенистых аркадах, между белыми и голубыми мраморными колоннами, увитыми золотыми ветвями винограда, — расположились лавки, навесы, тележки, менялы,

парикмахеры, торговцы и мясники. Воздух дрожал от криков, ругани и смеха. Дом Господа тонул в поту и грязи.

Иисус прикрыл лицо рукой и огляделся — Господа не было нигде. «Я ненавижу, я презираю ваши праздники. Меня тошнит от вони жирных тельцов, которых вы приносите мне в жертву. Прекратите надирать мой слух своими псалмами», — то безмолвно кричал не пророк, не Господь, но само сердце Иисуса. И тут всё поплыло перед его глазами — мир исчез, небеса разверзлись, и ангел с огненным мечом ринулся вниз. Он опустился на чёрный камень посередине двора — пламя и дым окутывали его голову — и указал своим мечом на гордый позолоченный храм.

Иисус споткнулся и схватился за руку Андрея, чтобы не упасть. Открыв глаза, он вновь увидел Храм и шумящую вокруг толпу. Ангел растворился в небе.

— Простите меня, — протянул Иисус руки к спутникам. — Я не вынесу этого. Я сейчас упаду. Пойдём отсюда.

— Не помолившись? — изумился Иаков.

— Мы помолимся в своей душе, Иаков, — ответил Иисус. — Тело каждого из нас есть храм.

Они вышли за пределы Храма — Иуда, стуча своим посохом по земле, снова впереди. «Он не выносит грязи, крови, криков. Он не Мессия», — вертелось в его голове.

На последней ступени Храма они натолкнулись на распростершегося фарисея — стенай, он жадно целовал мрамор. Пергаментные свертки апофтегм с устрашающими текстами из Писания свисали на толстых шнурках с его рук и шеи. От частых преклонений кожа на коленях задубела у него, как у верблюда, лицо, грудь и шея были исцарапаны, и по ним сочилась кровь.

Андрей и Иоанн поспешили заслонить его от Иисуса, а Петр подошёл к Иакову и прошептал ему на ухо:

— Ты знаешь его. Это Иаков, старший сын плотника Иосифа. Он торгует цитатами из Торы, но то и дело его охватывает злой дух, и тогда он падает на землю и начинает истязать себя, чуть не доводя до смерти.

— Тот самый дух, который преследовал нашего учителя? — остановился Иаков.

— Да. Наверное.

Они прошли через Золотые ворота Храма и вверх по долине Кедрона направились к Мёртвому морю. Справа от них раскинулись сады и оливковая роща Гефсимана. Небо над их головами было раскалено добела. Лишь когда они достигли садов, облик мира слегка смягчился, свет заструился между листьями деревьев. Испуганная стая ворон, взлетев, направилась к Иерусалиму.

Андрей, обняв Иисуса, рассказывал ему о своем прежнем учителе — Крестителе. Чем ближе они подходили к его логову, тем с большим ужасом вдыхал он львиный запах пророка.

— Он вылитый Илия, который низринул с горы Кармил врачевать огнём души людские. Как-то ночью я своими собственными глазами видел огненную колесницу над его головой; а в другой раз — как ворон принёс ему в клюве горящий уголь, и он съел его. Я набрался смелости и спросил его: «Ты Мессия?» Он вздрогнул, словно наступил на змею. «Нет, — вздохнул он, — я — вол, тянувший плуг. А зерно — Мессия».

— Почему ты ушёл от него, Андрей?

— Я хотел найти зерно.

— Ты нашёл его?

Андрей прижал руку Иисуса к сердцу и залился краской.

— Да, — промолвил он, но так тихо, что Иисус не расслышал.

Они медленно спускались к Мёртвому морю. Солнце изливало пламя, в головах у них начинало звенеть. Вдали высились белоснежные известняковые горы Идумеи. Дорога петляла и уходила вниз всё круче. Казалось, что они погружаются в глубокий колодец.

«Мы спускаемся в ад», — вертелось в голове у каждого, и они уже ощущали запах смолы и серы.

Свет слепил глаза, ноги кровоточили, они продвигались почти на ощупь. Издали донесся звук колокольчиков — верблюды? Нет, это мираж таял в раскалённом воздухе.

— Мне страшно, — прошептал младший сын Зеведея. — Это ад.

— Мужайся, — ответил Андрей. — Разве ты не знаешь, что рай лежит в сердце ада?

— Рай?

— Скоро увидишь.

Наконец солнце начало садиться. Горы залило пурпуром. И вдруг путники увидели впереди крутой изгиб дороги — и сердца их повеселели, словно они вступили в прохладную воду. Прямо среди песков перед ними неожиданно раскинулись луга, воздух заблагоухал цветами, слышалось журчание воды, а под гранатовыми деревьями, тяжёлыми от плодов, замелькали белые домики.

— Иерихон, — радостно воскликнул Андрей. — Здесь самые вкусные в мире финики и самые красивые розы — если они вянут, стоит опустить их в воду, и они снова оживают.

Ночь настала мгновенно. В городе уже зажглись первые огни.

— Нет для меня большей радости, чем так идти по земле, смотреть, как спускается ночь, как зажигаются первые огни в деревне, и, не имея ни пристанища, ни пищи, во всем полагаться на милость Божью и доброту людскую, — промолвил Иисус, останавливаясь, чтобы сполна насладиться этим святым мгновением.

Деревенские собаки, почуяв чужих, залились лаем. Начали открываться двери, замаячили лампы. Друзья переходили от дома к дому, и повсюду их радостно приветствовали, поднося хлеб, гранаты, оливки и виноград. Остановившись в одном из садов, они сложили все эти дары милости людской и Божьей и, поев, тут же заснули. И всю ночь их баюкал шорох пустыни, шумящей как морской прибой. Только Иисусу слышался сквозь сон рев труб и снилось, как рушатся стены Иерихона.

Лишь к полудню усталые путники добрались до проклятого Мёртвого моря. Рыба, вплывавшая в него из устья Иордана, гнила, редкие низкорослые деревца, стоявшие по его берегам, скорее походили на скелеты. Тяжёлая и неподвижная вода поблескивала, словно олово. А стоило заглянуть вглубь, и на дне его можно было увидеть двух обнявшихся блудниц — Содом и Гоморру.

Иисус встал на камень и обвел взглядом устье Иордана. Земля подрагивала в жарких испарениях, очертания гор таяли в раскалённом воздухе.

— Где же Иоанн Креститель? Я никого не вижу... никого... — взяв Андрея за руку, промолвил он.

— Там, за камышами, есть заводь, — ответил Андрей. — Там и крестит пророк. Пошли. Я знаю дорогу.

— Ты устал, Андрей. Оставайся здесь. Я пойду один.

— Он жесток. Я пойду с тобой, рабби.

— Я хочу пойти один, Андрей. Оставайся здесь, — и он с колотящимся от волнения сердцем направился к камышам. Новая стая ворон, взлетев над пустыней, спешила к Иерусалиму.

Позади слышались чьи-то шаги. Он обернулся. Это был Иуда.

— Ты забыл позвать меня, — язвительно улыбаясь, промолвил рыжебородый. — Я хочу быть с тобой в этот трудный час.

— Пойдём, — ответил Иисус.

И они молча двинулись вперёд — Иисус первым, Иуда чуть позади, раздвигая камыши и погружаясь по щиколотки в тёплый речной ил. Чёрная змейка испуганно скользнула на камень и, подняв головку, зашипела, глядя на них крохотными чёрными глазками. Иисус замедлил шаг и радушно помахал ей рукой, словно приглашая с собой. Иуда поднял свой дубовый посох, но Иисус, протянув руку, остановил его.

— Не убивай её, Иуда, брат мой. У неё тоже есть свое предназначение — жалить.

Жара усиливалась, южный ветер, подувший с Мёртвого моря, принёс тяжёлый запах разлагающихся трупов. Теперь до Иисуса долетал дикий хриплый голос, иногда он даже различал отдельные слова: «Огонь... топор... бесплодное дерево...» — а затем ещё отчетливее: «Кайтесь! Кайтесь!». И сразу же вслед за этим слышались рыдания и крики огромной толпы. Иисус двигался медленно и осторожно, словно приближаясь к логову дикого зверя. Он раздвинул камыш — шум усилился, и сам он чуть не вскрикнул

— перед ним возвышался пророк. Кто это был — ангел Смерти или архангел Мести? Человеческое море, волнуясь, ревело перед ним — эфиопы с покрашенными ногтями и ресницами, халдеи с толстыми оловянными кольцами, продернутыми через нос, израильтяне с грязными пейсами. Раскачиваясь вместе с камышом, колеблемым ветром, с пеной у рта Креститель кричал:

— Кайтесь! Кайтесь! День Господа пришёл! Падите на землю, ешьте прах и войте! Господь сказал: «В этот день опустится солнце и взойдет луна. Я сломаю рога новой луне и посею тьму на земле и на небе. Я обращаю вспять ваш смех и превращу его в слезы, а песни ваши — в рыдания. Я дуну, и ваши руки, ноги, носы, уши, волосы падут наземь».

Иуда, подойдя, взял Иисуса за руку.

— Ты слышишь? Слышишь? Вот как говорит Мессия! Он — Мессия!

— Нет, Иуда, брат мой, — ответил Иисус, — так говорит тот, кто держит топор и расчищает путь для Мессии. Мессия говорит иначе, — и, склонившись, он сорвал остроконечный листик и зажал его в губах.

— Мессия и есть тот, кто расчищает путь, — прорычал Иуда и подтолкнул Иисуса. — Иди, пусть он посмотрит на тебя! Он нас рассудит.

Иисус вышел из камышей, сделал два неуверенных шага, споткнулся и остановился, не сводя глаз с пророка. Он словно весь ушёл в этот взгляд — Креститель стоял к нему спиной, — скользящий по худым ногам и телу, взлохмаченной мятежной голове и ещё выше, всматриваясь в уже невидимое человеческому глазу. Иоанн, почувствовав этот пронзительный взгляд, прожигающий его насквозь, гневно обернулся и, прищулив свои круглые ястребиные глаза, увидел незнакомца. Что это за

молчаливый человек в белом смотрит на него? Где-то когда-то он уже встречал его. Но где и когда? Иоанн мучительно пытался вспомнить. Может, во сне? Ему часто снился человек, тоже одетый во всё белое. Они никогда не беседовали, лишь махали друг другу руками не то в знак приветствия, не то прощаясь. А на заре с первым криком петуха видение таяло и исчезало.

И вдруг Креститель вскрикнул — он вспомнил. Однажды около полудня он лежал на берегу и читал Книгу пророка Исайи, записанную на козлиных кожах. И внезапно в какой-то момент всё отступило — камни, вода, люди, камыши, река, а воздух заполнился огнями, крыльями и трубами, слова пророка распахнулись, как врата, и из них вышел Мессия. Он был в белом хитоне, худ, загорел, бос, и — главное — он тоже держал во рту остроконечный листик, как и этот человек!

Со страхом и радостью он спрыгнул с камня и приблизился к Иисусу, вытягивая свою тощую шею.

— Кто ты? Кто? — произнес он дрожащим голосом.

— Разве ты не узнаешь меня? — ответил Иисус и сделал ещё один шаг ему навстречу. Его голос тоже дрожал — он знал, что вся его жизнь зависит от ответа Крестителя.

«Это Он, Он», — крутилось в голове Иоанна. Его сердце бешено забилося, но он не мог решиться, не осмеливался.

— Кто ты? — осторожно приближаясь, повторил Креститель.

— Разве ты не читал Писания? — чуть укоризненно спросил Иисус, словно дразня. — Разве ты не читал пророков? Что говорит Исайя? Предтеча, не помнишь?

— Это ты? Ты? — прошептал отшельник и, обняв Иисуса за плечи, начал в упор всматриваться в него.

— Я пришёл... — неуверенно ответил Иисус и замолчал, не в силах ни вздохнуть, ни продолжить. Он словно двигался на ощупь, и перед тем, как сделать следующий шаг, каждый раз проверял, не упадет ли.

Суровый пророк внимательно изучал его, недоумевая, не ослышался ли он, действительно ли тот произнес пугающие и дивные слова, донесшиеся до его слуха.

— Я пришёл, — повторил сын Марии так тихо, что даже Иуда, стоявший рядом, напряженно вслушиваясь, ничего не расслышал. И тогда пророк вздрогнул — он всё понял.

— Что? — прошептал он, и холодок восторга прошёл у него по спине.

Кружившая над ними ворона хрипло каркнула, словно насмехаясь. Креститель в ярости начал искать камень, чтобы запустить им в птицу. Ворона улетела, а он всё продолжал поиски, радуясь, что может оттянуть время и немного прийти в себя... Наконец он выпрямился и спокойно промолвил:

— Приветствую тебя.

Но в глазах его не было любви.

Сердце Иисуса замерло. Неужто и вправду пророк приветствовал его? А если так, какое это чудо, какая радость, какой ужас!

Иоанн скользнул взглядом по Иордану, камышам, коленопреклоненным людям, стоящим в грязи и открыто исповедующимся в своих грехах, и, обласкав глазами свое владение, мысленно попрощался с ним.

— Теперь я могу идти, — повернулся он к Иисусу.

— ещё нет, предтеча. Сначала ты должен крестить меня, — голос Иисуса обрел уверенность.

— Я? Это Ты должен крестить меня, Господи!

— Не говори так громко. Нас могут услышать. Мой час ещё не настал. Идем!

Как ни пытался Иуда разобрать, о чём они говорили, до него долетала лишь невнятная речь, радостная и трепетная, словно журчание двух бегущих потоков воды.

Толпа на берегу раздалась в стороны. Что это за паломник, сбросивший свои белые одежды и теперь облаченный в солнечное сияние? Кто этот человек, с такой уверенностью и благородством вошедший в воду без покаяния? Иисус с Крестителем вошли в голубые воды Иордана. Креститель взобрался на камень, возвышавшийся над водой, Иисус остановился рядом, укрепившись ногами на песчаном дне. Вода, обнимая его, доходила ему уже до подбородка.

И когда Креститель поднял руку, чтобы полить водой лицо Иисуса и произнести благословение, народ закричал. Воды Иордана прекратили свое течение. Стаи разноцветных рыбок окружили Иисуса и принялись плясать вокруг него, то складывая, то разворачивая хвосты и плавники. А из воды, увитый водорослями, появился какой-то старец, который, раздвинув камыши и раскрыв рот от удивления, с восторгом и ужасом начал взирать на происходящее.

При виде таких чудес люди онемели. Одни попадали ниц на песок. Других, несмотря на невыносимую жару, охватила дрожь. А кто-то, увидев старика, закричал: «Дух Иордана!» — и упал в беспамятстве.

Креститель зачерпнул глубокой раковиной воду и дрожащей рукой стал лить её на лицо Иисуса.

— Крестится раб Божий... — начал он и замолчал в замешательстве, не зная, какое он должен произнести имя.

Он хотел уже спросить Иисуса, но в этот момент, когда все замерли, чтобы расслышать имя, в воздухе раздалось трепыхание крыльев, и белоснежная птица — птица? или серафим Иеговы? — ринувшись с небес, опустилась на голову Иисуса. Потом вспорхнула и, сделав три круга над его головой, вскрикнула, словно сообщая тайное имя, имя, неслыханное доселе. Небеса отвечали на немой вопрос Крестителя.

Люди недоумевали. Что за слова скрывались за хлопаньем крыльев? Глас Божий? Щебет птичий? Чудо... Всё тело Иисуса напряглось в попытке расслышать, он чувствовал, что было произнесено его истинное имя, но ему не удалось разобрать его — лишь плеск волн, разбивавшихся о его тело, трепет крыльев да великие и горькие слова. Он взглянул вверх — птица уже взмыла в высоту и растворилась в дневном свете.

И лишь Креститель, которого долгие годы жизни в пустыне в жестоком одиночестве научили понимать язык Господа, понял.

— Ныне крестится, — прошептал он, — раб Божий, Сын Господа, надежда человечества!

И, взмахнув рукой, он дал знак водам Иордана возобновить свое течение. Священнодействие завершилось.

ГЛАВА 17.

Солнце вышло из пустыни, как лев, и набросилось на жилища израильтян. Из-за каждой двери доносились слова древней

молитвы суровому Господу: «Мы чтим и славим Тебя, Господи, Бог наших отцов. Всемогуший и ужасный, ты наша помощь и упование. Слава Тебе, Бессмертный, слава Тебе, защитник Авраама. Кто сравнится с Тобой в силе, о Владыка, с Тобой, низвергающим, воскрешающим и освобождающим? Слава Тебе, заступник Израиля! Уничтожь, повергни и рассей наших врагов, но скорее, пока мы ещё живы!»

Восход застал Иисуса и Иоанна Крестителя сидящими на берегу Иордана под нависшей скалой. Всю ночь напролет они держали мир на своих ладонях, решая, как с ним поступить: то один брал его в свои руки, то другой. Лицо одного выражало жестокость и решительность, руки двигались резко, словно и вправду держали топор. На лице другого были написаны сомнение и страх, взгляд был полон страдания.

— Разве мало любви? — спрашивал он.

— Мало, — сурово отвечал Креститель. — Дерево сгнило. Господь призвал меня и вложил в мои руки топор, чтобы я срубил его. Я выполнил свой долг — я взял топор и нанес первый удар по корневищу. Теперь выполни ты свой — руби!

— Я бы жег, если бы был огнём, рубил, если бы был секирой, но я — сердце и несу любовь.

— У меня тоже есть сердце, потому я и не выношу несправедливости, зла, позора. Как ты можешь любить злых, несправедливых, бесчестных? Сруби их! Гнев и истребление порока — величайшее предназначение человека.

— Гнев? — переспросил Иисус — сердце его не хотело принимать этого. — Разве мы все не братья?

— Братья? — насмешливо переспросил Креститель. — Ты считаешь, любовь — путь Господа? Гляди... — И вытянув свою костлявую

волосатую руку, он указал на Мёртвое море, от которого чудилось зловоние, словно от разлагающегося трупа. — Видел ли ты двух блудниц — Содом и Гоморру — на его дне? Разгневавшийся Господь наслал огонь, потом суша обратилась в море, и оно поглотило Содом и Гоморру. Вот путь Господа — следуй ему. Что сказано в пророчествах? «В этот день деревья истекут кровью, всколыхнутся камни домов и поглотят своих владельцев!» День Господа грядет! Я первым возвестил это. Я закричал и, приняв секиру Господа, ударил в корень мира. Я взывал к тебе, и ты пришёл. Теперь я уйду, — и он схватил Иисуса за руки, словно передавая ему секиру.

Иисус испуганно отпрянул.

— Прошу тебя, подожди. Не спеши. Я пойду в пустыню говорить с Господом — там его голос звучит яснее.

— Как и голос Искушения. Берегись — сатана ждет тебя, и всё войско его наготове. Он хорошо знает, что от тебя зависят жизнь его и смерть. Он обратит против тебя всю свою силу, всё обольщение. Берегись — пустыня сочится сладкими голосами и смертью.

— Ни сладкие голоса, ни смерть не обманут меня, друг мой. Верь мне.

— Верю. Горе мне, если б я не поверил. Ступай говорить с сатаной, ступай говорить с Господом и выбирай. Если ты Тот, кого я ждал, Господь уже выбрал тебе предназначение, и избежать его не удастся. А если нет, то что мне за дело, когда ты погибнешь? Иди же и посмотри. Но торопись — мир нельзя оставить сиротой.

— Голубь, слетевший с небес, когда ты меня крестил, — что он сказал?

— То был не голубь. Настанет день, и ты узнаешь, что он сказал. А пока пусть его слова висят как меч над твоей головой.

Иисус поднялся и протянул руку.

— Прощай, возлюбленный Предтеча, — голос его дрожал, — прощай, быть может, навсегда.

Креститель припал устами к устам Иисуса, опалив их огнём, будто и вправду его губы были одним горящим углем.

— Тебе я вверяю свою душу, — промолвил он, крепко сжимая нежную руку Иисуса. — И если ты и вправду Тот, кого я ждал, выслушай мои последние наставления, ибо я думаю, мы никогда более не увидимся на этой земле, никогда.

— Я слушаю тебя, — вздрогнув, прошептал Иисус. — Какие наставления?

— Перемени свое лицо, укрепи руки, закали сердце. Путь твой тяжёл. Я вижу кровь и тернии на твоём челе. Мужайся, брат мой и учитель! Два пути лежат перед тобой: гладкий путь человека и тернистый путь Господа. Выбери тот, что круче. Прощай! И не терзай свою душу расставанием. Твое предназначение не рыдать, но бороться! Бороться! И да будет крепка твоя рука! Такова твоя стезя. Но не забывай, что оба пути — Господни. Но сначала родился огонь, и лишь затем любовь. Так начнем же с огня. Ступай!

Солнце поднялось уже высоко. Прибывающие из Аравийской пустыни караваны доставили новых паломников в ярких тюрбанах на выбритых головах. У одних на шеях висели крестообразные талисманы из рога, у других — бронзовые изображения крутобедрых богинь, у третьих — ожерелья из зубов поверженных врагов, — эти дикие звери Востока тоже хотели креститься. При виде их Иоанн издал пронзительный крик и ринулся вниз. Верблюды опустились на колени в ил Иордана, и зазвучал

безжалостный глас пустыни: «Кайтесь! Кайтесь! День Господа грядет!»

Тем временем Иисус, отыскав своих спутников, застал их сидящими на берегу в подавленном молчании. Вот уже три дня и три ночи, как он не появлялся, — три дня и три ночи Иоанн, бросив крестить, беседовал с ним. Он говорил и говорил, а Иисус слушал, склонив голову. И что Креститель говорил ему? И почему один был столь яростен, а другой печален? Иуда ходил взад и вперёд, а с наступлением ночи тайком приблизился к пещере. Они беседовали, сидя плечом к плечу. И как ни напрягал свой слух Иуда, ничего, кроме бормотания, журчащего, словно вода, не мог расслышать. Один говорил, другой внимал, заполняясь до краев, словно пустой кувшин водой. В отчаянии рыжебородый скользнул вниз и снова принялся мерить шагами берег.

— Позор на мою голову, позор, — рычал он. — Позволить им решать судьбу Израиля без меня. Креститель должен был довериться мне, мне в руки отдать секиру. Лишь я чувствую боль Израиля. Я бы управился с секирой в отличие от этого ясновидящего. Он бесстыдно провозглашает, что все мы братья, виновные и невинные, израильтяне и римляне с греками, чёрт бы их побрал!

Не в силах видеть своих спутников, он устроился на ночлег в стороне от них, у подножия скалы. Но заснул лишь на мгновение — ему снился Креститель, до его слуха доносились разрозненные слова: «Огонь! Содом и Гоморра! Руби!» И вскоре Иуда снова вскочил — вокруг стояла тишина, лишь голоса ночных птиц, вой шакалов да шорох камышей на берегу Иордана. Он спустился к реке и окунул в воду свою разгоряченную голову.

— Спустится он когда-нибудь или нет? — сказал Иуда. — Спустится, и уж тогда я всё выведаю, захочет он этого или нет.

Поэтому при виде Иисуса он тут же вскочил вместе со всеми. Подбежав к нему, ученики радостно прикоснулись к его рукам, плечам. И лишь глаза Иоанна наполнились слезами — глубокая морщина перерезала лоб учителя.

— Рабби, почему Креститель так долго говорил с тобой? — не в силах сдержаться спросил Петр. — Чем он так огорчил тебя? Твое лицо изменилось.

— Его дни сочтены, — ответил Иисус. — Оставайтесь с ним, креститесь. Я уйду.

— Куда, рабби? — воскликнул младший сын Зеведея, хватая его за край хитона. — Мы все Пойдём с тобой.

— Нет, я уйду один в пустыню — там мне не нужны спутники. Я иду говорить с Господом.

— С Господом? — переспросил Петр и закрыл лицо руками. — Значит, ты никогда не вернешься.

— Я вернусь, — вздохнул Иисус. — Я должен вернуться. Мир висит на волоске. Господь научит меня, и я вернусь.

— Когда? Сколько дней ты будешь снова отсутствовать? Ты бросаешь нас? — закричали все наперебой, хватая его за руки и пытаясь удержать.

Лишь Иуда стоял в стороне, презрительно глядя на них.

— Овцы... овцы... — ворчал он. — Благодарю Господа Израиля, что я родился волком.

— Я вернусь, когда того захочет Господь, братья. Прощайте. Оставайтесь здесь и ждите меня. До встречи, до свидания.

Братья, потрясённые, смотрели, как он медленно движется в сторону пустыни. Походка его изменилась — раньше он шёл легко,

едва касаясь земли, теперь его поступь стала тяжёлой и медленной. Он поднял палку, чтоб опираться, взошёл на мост и, остановившись посередине на мгновение, оглянулся. Повсюду в грязных заводях Иордана стояли паломники с восторженно сияющими лицами. Напротив, на берегу, другие ещё исповедовались в своих грехах, бия себя в грудь, в ожидании, когда Креститель подаст им знак погрузиться в священную реку. Стоя по пояс в воде, дикий отшельник крестил людей целыми толпами, потом свирепо, без любви и сострадания, толкал их к берегу и принимался за следующих. Его угольно-чёрная борода и никогда не знавшие ножниц волосы блестели на солнце, из огромного разверстого рта неслись непрекращающиеся крики.

Иисус скользнул взглядом по реке, людям, Мёртвому морю, Моавским горам и, наконец, остановил его на пустыне. Перегнувшись через перила, сын Марии увидел, как его тень всё дальше и дальше относится течением к Мёртвому морю.

«Как было бы хорошо сидеть на берегу, — мелькнуло у него в голове, — и смотреть, как река уносит к морю образы деревьев, птиц, облаков, а по ночам в ней бы отражались звёзды, и она уносила бы и их отражения; как было бы хорошо, если бы она несла и меня, спокойного и безмятежного, не обремененного заботой о мире».

Но, встряхнувшись, он отогнал это искушение, оттолкнулся от перил и, сойдя с моста, скрылся за мрачными скалами. Рыжебородый стоял на берегу, не спуская с него глаз. Он видел, как Иисус исчез из виду и, опасаясь потерять его, закатал рукава и бросился вслед, настигнув его как раз на границе бескрайнего песчаного моря.

— Остановись, сын Давида! — окликнул Иуда. — Что ж ты меня бросил?

— Иуда, брат мой, — обернувшись, с мольбой промолвил Иисус, — не подходи. Я должен остаться один.

— Ты должен раскрыть мне свою тайну, — подошёл ближе Иуда.

— Не спеши. Ты узнаешь, когда придёт время. Но скажу тебе, Иуда, брат мой, радуйся, всё хорошо!

— «Всё хорошо!» Мне мало этого. Волчий голод не утолишь словами. Может, ты этого не знаешь, зато знаю я.

— Потерпи во имя любви ко мне. Взгляни на деревья. Разве они торопятся родить плоды?

— Я не дерево, я — человек, — возразил Иуда, подходя ещё ближе.

— Я — человек, а следовательно, спешу. Я живу по своим законам.

— Закон Господа для всех един — и для людей, и для деревьев, Иуда.

Рыжебородый сжал зубы.

— И как же называется этот закон? — усмехнулся он.

— Время.

Иуда сжал кулак — он не принимал этого закона. Поступь его была медлительна, но он не мог терять впустую ни мгновения. Всё его существо жило по другим правилам, своим собственным, и не желало уступать времени.

— Господь живёт вечно! — закричал Иуда. — Он — бессмертен, поэтому Он не торопится. Ему некуда спешить. Я — человек, повторяю тебе, поэтому тороплюсь. Я не хочу умереть, так и не увидев того, о чём мечтал всю жизнь, не хочу!

— Ты увидишь, — успокоил его Иисус. — Ты увидишь и ощупаешь всё собственными руками, Иуда, брат мой. Верь. Прощай! Господь ждёт меня в пустыне.

— Я с тобой.

— Нет, пустыня слишком мала для двоих. Возвращайся.

Рыжебородый зарычал, обнажив зубы, как собака, услышавшая голос хозяина, повернулся и, опустив голову, тяжёлыми шагами направился обратно. Ему припомнилось время, когда он бродил с Вараввой и другими соратниками по горам. Какую грубую и свободную жизнь вели они! Каким бесстрашным головорезом казался Господь Израиля! Вот о таком вожде он и мечтал. И зачем он пошёл за этим лунатиком, боящимся вида крови и восклицаящим: «Любовь! Любовь!» — как юная трепещущая дева? «Ну, подождем, — подумал Иуда, — посмотрим, с чем он придёт из пустыни!»

Иисус вошёл в пустыню. Чем дальше он продвигался, тем сильнее чувствовал, что попал в львиное логово. Его охватила дрожь, но то был не страх, а глубокая невыразимая радость. Он был счастлив. Отчего? Он и сам не мог бы объяснить. И вдруг он припомнил сон, приснившийся ему в детстве, когда он едва ещё умел говорить. Казалось, с тех пор прошла тысяча лет. Это был самый ранний сон, который он мог вспомнить. Иисусу снилось, что он вошёл в пещеру, где львица кормила новорожденных львят. Увидев её, он почувствовал сильный голод и жажду и, пристроившись рядом со львятами, тоже начал сосать молоко. Потом, кажется, они все пошли на луг и принялись резвиться на солнце, но тут появилась Мария, его мать, и, увидев его среди львов, страшно закричала. Иисус проснулся и сердито повернулся к ней, спавшей рядом.

— Зачем ты разбудила меня? — обиделся он. — Я был со своей матерью и братьями!

«Теперь я понял, почему я счастлив, — подумал Иисус. — Я вхожу в пещеру своей матери-львицы, в пещеру одиночества...»

До него доносились беспокойное шипение змей и шорох горячего ветра, скользящего меж камней, невидимые духи пустыни обступили его.

— Душа моя, — молвил Иисус, обращаясь к себе, — теперь я узнаю, бессмертна ли ты.

Позади раздались шаги, и он прислушался. Хрустел песок — кто-то медленно и уверенно приближался к нему. «Я позабыл, — вздрогнул Иисус, — зато она меня помнит. Моя мать идёт со мной». Он хорошо знал, что это Проклятие, но давно уже про себя называл его матерью.

И заставляя себя думать о другом, он двинулся дальше. Он вспомнил голубя. В его душе тоже билась какая-то птица, а может, это сама душа пыталась вырваться наружу? А может, она и вырвалась? Может, этот голубь, трижды облетевший вокруг его головы, когда его крестили, был вовсе не серафим, но его собственная душа?

Вот ответ. И, успокоившись, он снова пошёл вперёд. Позади по-прежнему хрустел песок, но сердце его было спокойно; он теперь мог вынести всё без страха с достоинством. «Душа человека всесильна, — думал он, — она может принимать любые обличья. На этот раз она обратилась птицей, чтобы покружить над моей головой...» И вдруг, вскрикнув, он замер. Ему в голову пришла мысль, что голубь был просто видением, ведь тело его в это мгновение стало таким невесомым, лучистым и прозрачным, как душа, что он мог увидеть то, что хотел... Он просто выдумал...

— О, Господи, Господи, — зашептал Иисус, — теперь, когда мы одни, скажи мне, не обманывай меня. Я уже устал от всех этих голосов и видений.

Он шёл, и солнце двигалось вместе с ним. Наконец оно достигло зенита и замерло прямо над его головой. Раскалённый песок жёг ему ноги. Он оглянулся в поисках какой-нибудь тени, и над его головой тут же захлопали крылья — стая ворон ринулась в ложбину, где лежало что-то чёрное, распространяя вокруг зловоние.

Иисус приблизился. Вороны облепили труп и, вцепившись в него когтями, принялись есть. При виде Иисуса они рассерженно взлетели, унося в когтях куски мяса. Каркая и кружа в воздухе, они пытались прогнать Иисуса, а он, склонившись, вглядывался в растерзанное чрево, чёрную, полуоблезшую шкуру, короткие витые рога и связку амулетов, лежавших на вспухшей шее.

— Козел! — вздрогнул сын Марии.

Ритуальный козел отпущения, унесший человеческие грехи. Его гнали от деревни к деревне, пока, наконец, он не оказался в пустыне и не погиб тут.

Иисус склонился и начал копать руками песок, чтобы похоронить труп.

— Брат мой, ты был чист и невинен, как любое животное. Но трусливые люди свалили на тебя свои грехи и убили. Лежи с миром и не таи на них зла. Люди — бедные слабые создания, им не хватает мужества самим расплачиваться за свои грехи, и они взваливают их на невинных. Ты заплатил за людей, брат мой. Прощай!

Он двинулся было дальше, но, остановившись через несколько шагов, обернулся и закричал, взмахнув рукой:

— До встречи!

Вороны настойчиво преследовали его — он лишил их пищи, и теперь они будут лететь за ним до конца, пока он сам не умрёт, и тогда они смогут досыта поесть. По какому праву он совершил такую несправедливость? Разве Господь не предназначил трупы на съедение воронам? Он заплатит за это!

Наконец стало вечереть. Усталый, Иисус присел на огромный камень, напоминавший жернов.

— Дальше я не пойду, — пробормотал он. — Здесь, на этом камне, я возведу свою крепость и приму сражение.

Темнота спускалась с небес, поднималась с земли, окутывая всё вокруг. С мраком пришёл и холод. Зубы Иисуса принялись выбивать дробь. Покрепче завернувшись в свой белый хитон и свернувшись клубочком, Иисус закрыл глаза. Но только он смежил веки, как вспомнил ворон, услышал вой голодных шакалов и почувствовал, как пустыня крадется к нему, словно дикий зверь. Приоткрыв от страха глаза, он увидел над головой звёзды и немного успокоился. «Серафим скрасит моё одиночество, — подумал он. — Они — шестикрылые звёзды, поющие псалмы вокруг трона Господня, но звуки их песен не долетают до нас — слишком далеко...» Восторженно глядя на блеск звёзд, он позабыл о голоде и страхе. Он тоже был живым маяком во мраке и тоже пел гимны Господу. Его душа, как светлячок, была скромной и непритязательной сестрой ангелов... И, набравшись мужества, он представил себе её стоящей вместе с ангелами пред троном Господним. Затем закрыл глаза и умиротворенно заснул.

Проснувшись на следующее утро и взглянув на восток, он увидел, как поднимается солнце, подобное полыхающему горнилу. «Вот лицо Господа», — подумал он, затеняя глаза рукой, чтобы не ослепнуть.

— Господи! — прошептал Иисус. — Я — песчинка, видишь ли Ты меня в этой пустыне? Я — песчинка, которая говорит, дышит и любит Тебя, любит и называет Отцом. У меня нет другого оружия, кроме любви. С ней я вышел на поле битвы. Помоги мне! — и, встав, он очертил палкой круг вокруг камня, на котором спал.

— Я не покину этого места, — произнес он громко, чтобы его слышали невидимые силы, затаившиеся поблизости, — я не покину этого места, пока не услышу голос Господа. И я хочу, чтобы он звучал внятно, с меня довольно уже привычных жужжаний, щебета и грома. Я хочу, чтобы Он говорил со мной открыто, человеческим языком, чтобы Он сказал, чего Он хочет и что я могу, что я должен делать. Лишь тогда я покину этот камень и вернусь к людям, если такова Его воля, или умру здесь, если Он прикажет. Я сделаю всё, что Он захочет, но я должен твердо знать Его волю. Во имя Господа! — Иисус опустился на колени, лицом к солнцу, лицом к пустыне. Припомнив всё, что он пережил в Назарете, Магдале, Капернауме, у колодца Иакова и на Иордане, он начал выстраивать свои мысли и чувства в боевые порядки — он готовился к битве.

Закрыв глаза, он погружался в глубины своей души. До его слуха доносились шум воды, шелест камыша, рыдания людей. Волна за волной со стороны Иордана накатывали крики, ужас и отдаленные всполохи надежд. Прежде всего он обратил свой мысленный взор на три долгие ночи, проведенные им на скале с неистовым отшельником. Воспоминания о них слетелись в пустыню, чтобы сражаться на его стороне. И первая ночь была как гигантская саранча с пшенично-жёлтыми глазами, дыхание её было подобно зловонию Мёртвого моря, на брюхе виднелись странные зелёные письмена. Она бросилась на Иисуса, трепеща крыльями. Он вскрикнул и обернулся. Креститель стоял перед ним, указывая своей костлявой рукой на Иерусалим.

— Смотри. Что ты видишь?

— Ничего.

— Ничего? Святой блудодей Иерусалим перед тобой. Неужто ты не видишь? Он восседает, смеясь, на толстых коленях Рима. И кричит Господь: «Я не желаю его! Я не желаю его!» А я ему вторю, как собака хозяину: «Я не желаю его!» Я обхожу его дворцы и башни, и повсюду разносится мой лай: «Блудница! Блудница!» Четверо ворот ведут в Иерусалим. И у первых сидит Голод, у других — Страх, у третьих — Несправедливость, и у северных, четвертых, — Бесчестие. Я вхожу и иду по улицам, я подхожу к жителям и вглядываюсь в их лица: на каждые три толстых, пресыщенных и отекавших приходится три тысячи отощавших от голода. Вглядишься в них ещё раз! Страх прячется в каждом из них — как дрожат их ноздри! — они чуют день гнева Господня. Взгляни на женщин. Даже самые честные из них украдкой поглядывают на своих слуг и, сочась вожделением, подмигивают: «Пойдём!» Я снял крыши с их дворцов. Взгляни. Царь держит на коленях жену своего брата и ласкает её наготу. Что говорит Святое Писание? «Смерть тому, кто увидит наготу жены своего брата!» Но убит будет не он, блудливый царь, а я, отшельник. Почему? Потому что день Господа пришёл!

Всю первую ночь Иисус провел у ног Крестителя, глядя, как входят и выходят из ворот Иерусалима Голод, Страх, Несправедливость и Бесчестие. Полные гнева и проклятий, собирались тучи над головой священной блудницы.

На следующую ночь Креститель, вытянув свою высохшую, как камыш, руку, вопрошал:

— Прислушайся. Что ты слышишь?

— Ничего.

— Ничего? Разве ты не был в Иерусалиме и не слышал тявканья раввинов и первосвященников, книжников и фарисеев, толпящихся

вокруг Храма? Но Господь более не будет терпеть земные прегрешения. Он поднялся — его поступь сотрясает горы. Он грядет. Пред Ним шествует Гнев, за Ним — Огонь, Проказа и Безумие. Где гордый Храм с позолоченными колоннами? В пепле Храм, в пепле раввины и первосвященники, книжники и фарисеи, в пепле их святые амулеты, дорогие одежды, золотые кольца! В пепле! В пепле! В пепле! Где Иерусалим? Я рыскаю по горам с горящим факелом, я кричу во тьме: «Иерусалим! Иерусалим!» Нет ответа, даже ворон не крикнет — заброшено всё и пустынно. В черепах и костях я тону по колено, слезы подступают к моим очам, но я отшвыриваю кости и отгоняю слезы. Смеясь, я склоняюсь и, выбрав самую длинную кость, делаю из неё свирель, дабы воспеть славу Господа.

И всю ночь Креститель смеялся, стоя в ночи Господней и наслаждаясь видом Огня, Проказы и Безумия.

— Разве любовь не может принести спасение миру? — спрашивал Иисус, обняв ноги пророка. — Любовь, радость, милосердие?

— Разве ты не читал Писания? — отвечал ему Креститель. — Спаситель сокрушит нашу внутренность и, метнув огонь, выжжет землю, чтобы засеять её вновь. Он вырвет тернии и сорняки. Как сможешь ты избавить мир от лжи, несправедливости, бесчестья, если не искоренишь лжецов, лицемеров и грешников? Землю надо очистить — не жалея её — её надо очистить, чтобы посеять новое семя.

Вторая ночь миновала. Иисус молчал. Он ждал третьей — может, тогда смягчится голос пророка.

На третью ночь Креститель молчал. С болью и смятением смотрел он на Иисуса — на его ладони, руки, плечи, колени, качал головой и снова замирал; и лишь ноздри тревожно трепетали. При свете звёзд глаза мерцали то жёлтым, то зелёным, и пот бежал по

почерневшему от солнца лбу. И лишь на рассвете, когда их окутала белая заря, он взял Иисуса за руку и, нахмурившись, заглянул ему в глаза.

— Когда я увидел, как ты выходишь из камышей и идешь ко мне, сердце моё взыграло, как молодой телец, — вымолвил он. — Вообразишь ли, как прыгало сердце Самуила, когда впервые он увидел безбородого рыжего пастуха Давида? Так колотилось и моё. Но сердце — есть плоть и пристрастие к плоти, нет моей веры ему. Прошедшей ночью я рассматривал тебя, словно видел впервые, но не обрел успокоения. Я взглянул на твои руки. Это не руки воителя, не руки Спасителя. Слишком нежны и мягки. Как им удержать секиру? Я заглянул в твои глаза. Это не глаза Спасителя, они полны сострадания. Тогда я встал и вздохнул: «Господи, пути Твои неисповедимы: Ты можешь послать и белого голубя, чтоб уничтожить мир и обратить его в пепел. Зачем вопрошать и противиться? Да исполнится воля Твоя».

И Иоанн обнял Иисуса, поцеловав его сначала в правое плечо, а затем — в левое.

— Если ты Тот, кого я ждал, — молвил Креститель, — ты пришёл не так, как я надеялся. Так, может, напрасно вознес я секиру и опустил её на корень мира? Или любовь тоже может быть секирой? — Он задумался. — Не мне судить. Я умру, не дождавшись конца. Таков мой удел — тяжела эта доля, но она мне по нраву, — он схватил Иисуса за руку. — Ступай. Ступай говорить с Господом в пустыню. Но возвращайся быстрее, чтобы мир не оставался сиротой.

Иисус открыл глаза. Иордан, Креститель, толпы людские, верблюды и рыдания — всё растаяло и исчезло. Пустыня лежала перед ним. Поднявшееся солнце жгло, и камни дымились, словно только что испеченные хлеба. Внутренности его скрутил голод.

— Я хочу есть! — бормотал он, глядя на камни. — Я есть хочу!

Он вспомнил старуху-самаритянку, подавшую им хлеба. Как вкусен и сладок он был! Он вспомнил мед, оливки и финики, что подавали им в деревнях, которые они проходили, вспомнил, как они снимали аппетитную рыбу с жаровни на берегах Генисарета. И, наконец, смоквы, виноград, гранаты, которые они срывали по пути.

Горло саднило и горело от жажды. Сколько рек течет по земле! Они перекачивают свои воды по камням из конца в конец Израиля, гонят их в Мёртвое море, где те исчезают, а у него нет даже капли! И при мыслях об этих водах жажда ещё больше усилилась. Взор начал меркнуть, голова кружилась. Хитрые бесы в обличье маленьких зверюшек вынырнули из горячего песка и принялись плясать перед ним. Увидев пустытника, они взвизгнули и радостно бросились к нему — прыгнули к нему на колени, начали карабкаться на плечи. Один был прохладен на ощупь, как вода, другой — горяч и благоуханен, словно хлеб. Но стоило ему жадно протянуть к ним руки, как оба растворились в воздухе.

Он закрыл глаза и погрузился в размышления. Господь пришёл ему на ум, рассеяв голод и прогнав жажду. Иисус думал о спасении мира. О, если бы день Господа пришёл как любовь! Разве Всемогуший не может это сделать? Почему ему не совершить чудо, не дать расцвести сердцам людей? Каждый год на Пасху голые стебли и колючки расцветают от одного Его прикосновения. О, если бы люди проснулись в один прекрасный день и увидели бы, что души их расцвели!

С улыбкой Иисус взирал на цветущий мир, раскинувшийся в его воображении. Царь-кровосмеситель крестился, и душа его очистилась. Он отослал свою невестку Иродиаду, и она вернулась к мужу. Первосвященники и богачи раскрыли сундуки и раздавали добро беднякам; бедняки, вздохнув свободно, изгнали из своих сердец ненависть, зависть и страх... Иисус взглянул на свои руки.

Секира, которую передал ему Предтеча, зацвела — теперь в его руке была благоухающая ветвь миндаля.

И с этим чувством облегчения завершился день. Он лег на камень и заснул. Но всю ночь сквозь сон он слышал шум бегущей воды, топотанье пляшущих зверюшек, странные шорохи и чувствовал, как чей-то влажный нос обнюхивает его, — кажется, то был голодный шакал, размышлявший, труп перед ним или нет. Животное замерло, словно не в силах решить, и Иисус пожалел его во сне. Он готов был разъять свою грудь и накормить его, но вовремя сдержался, его плоть была нужна людям.

Иисус проснулся до рассвета. Сетка звёзд покрывала небо, прозрачный воздух голубел над пустыней. «В этот час, — подумалось Иисусу, — пробуждаются деревни, кричат петухи, люди открывают глаза, взирая на небеса, вновь дарующие свет. Просыпаются и плачут младенцы, к ним подходят матери с полной грудью...» И на мгновение над пустыней развернулся целый мир с людьми, домами, петухами, младенцами и матерями, сотканный из ветра и утренней прохлады. О, если б солнце никогда не вставало и не сжигало его! «Если б я мог продлить навеки эту жизнь!» — с замиранием сердца подумал пустынный. Но Господь есть бездна, и любовь Его — пропасть ужаса. Он создает мир и уничтожает его как раз тогда, когда тот готов заплодоносить, и создает новый. Иисусу на ум пришли слова Крестителя: «Кто знает, может, любовь это тоже секира?..» Вздвогнув, он посмотрел на пустыню. Огненно-красная, она дышала под лучами вставшего солнца. Подувший ветер принёс запах смолы и серы. И он вспомнил о Содоме и Гоморре, их дворцах, тавернах и блудницах, которых поглотила горящая смола. Авраам кричал: «Смилуйся, Господи, не сжигай их! Где милость Твоя? Сжался над своими созданиями!» И Господь ответил ему: «Я справедлив, а посему сожгу их».

Так вот каков путь Господа? Какой дерзости тогда набралось сердце Авраама — горсть праха, — чтобы восстать и воззвать: «Остановись!..» «В чем наше предназначение? — спрашивал себя Иисус. — Искать на земле следы Господа и следовать им. Я смотрю и ясно вижу печать Его на Содоме и Гоморре. Всё Мёртвое море отмечено печатью Господа. Он ступил — и всё исчезло! Он ступит ещё раз, и вся земля с царями, первосвященниками, фарисеями и саддукеями опустится на дно».

И вдруг Иисус начал кричать — душа его яростно противилась этому. Забыв, что колени у него подгибаются, он вскочил и тут же бессильно рухнул наземь.

— Разве Ты не видишь, я не могу! — закричал он, поднимая глаза к полыхающим небесам. — Я не могу! Зачем Ты выбрал меня? Я не вынесу! — и тут он вспомнил чёрный полуразложившийся козлий труп. Вспомнил он и то, как, нагнувшись, увидел в его застывших глазах собственное отражение.

— Я — козел отпущения, — сказал Иисус. — Господь специально поместил его на моем пути, чтоб показать мне, кто я есть и что со мной будет... Я не хочу... — внезапно заплакал он, — я не хочу... Не хочу быть один! Помоги мне!

Но пока он плакал, сгорбившись, запах смолы и трупная вонь рассеялись, и свежий ветер принёс благоухания. До пустытника донесся плеск воды, приближающийся смех и звон женских украшений. Почувствовав свежее дыхание, тело его воспряло, и он открыл глаза. На камне перед ним, высовывая кончик раздвоенного жала, лежала змея с глазами и грудью женщины. Пустытник в ужасе отступил. Что это? Змея? Женщина? Или хитрый бес пустыни? Точно такая же, обвившись вокруг запретного дерева в Эдеме, соблазнила первых мужчину и женщину, которые,

совокупившись, дали жизнь греху... До него донесся смех и нежный женский голос:

— Мне стало жаль тебя, сын Марии. Ты кричал: «Я не хочу быть один! Помоги мне!» Я пожалела тебя и пришла. Что ты хочешь?

— Я не хочу тебя! Я не звал тебя! Кто ты?

— Твоя душа.

— Моя душа! — воскликнул Иисус и в ужасе закрыл глаза.

— Да, твоя душа. Ты боишься одиночества. Твой праотец Адам боялся его тоже. Он тоже звал на помощь. И тогда женщина возникла из его ребра, чтоб скрасить ему жизнь.

— Я не хочу тебя, не хочу тебя! Я помню яблоко, которое ты скормила Еве. Я помню ангела с мечом.

— Эта память и причиняет тебе боль, из-за неё ты и кричишь, не зная, какой путь выбрать. Я укажу путь. Дай мне руку. Не оглядывайся и не думай ни о чём. Гляди лишь на мою грудь, она укажет тебе путь. Иди за ней, супруг мой.

— Ты и меня приведешь к сладкому греху и в ад. Нет. У меня другой путь.

Змея ехидно рассмеялась, обнажив свои смертоносные зубы.

— Ты хочешь идти путями Господа, путями орла, ты, червь? Ты, сын плотника, хочешь взвалить на себя грехи человечества? Разве тебе мало собственных грехов? Что за гордыня думать, что долг твой спасти мир!

«Она права... права... права, — дрожа, подумал пустынный. — Что за гордыня желать спасти мир!»

— Я открою тебе тайну, мой милый сын Марии, — нежно промолвила змея, и глаза её блеснули.

Словно вода, заструилась она всем своим пёстрым телом к Иисусу. Добравшись до него, она вползла к нему на колени и, обвившись вокруг бёдер, живота и груди, опустила свою головку ему на плечо. И пустынный вопреки своей воле прислушался к ней. Змея коснулась уха Иисуса. Голос её был сладок и доносился словно издалека, — казалось, он идёт из самой Галилеи, с берега Генисаретского озера.

— Магдалину... Магдалину... Магдалину...

— Что? — вздрогнул Иисус. — Что ты знаешь о Магдалине?

— ...Магдалину ты должен спасти, — настойчиво шипела змея. — Не мир, забудь о мире, а лишь её, Магдалину!

Иисус попробовал стряхнуть змею прочь, но она, прижавшись к нему крепче, ещё настойчивей зашептала:

— Тело её прекрасно, прохладно, совершенно. Все народы прошли через неё, но в скрижалях Господа записано — она с детства была предназначена тебе. Возьми её! Господь создал мужчин и женщин, чтобы они соединялись, как ключ и замок. Открой её. Твои дети лежат, свернувшись, в её чреве в ожидании, когда ты смоешь немоту с их членов, и эти дети смогут встать и выйти на солнце... Слышишь, что я тебе говорю? Подними веки, дай мне знак. Кивни головой, возлюбленный, я тут же отнесу тебя на свежее ложе твоей жены.

— Моей жены?

— Твоей жены. Взгляни, как Господь взял в жены блудную дочь Иерусалим. Все народы прошли через неё, но Он женился на ней и спас её. Так же Господь велит тебе взять Марию Магдалину, твою жену, родить детей и спасти её.

Прижавшись своей упругой прохладной грудью к Иисусу, змея медленно обвивала кольцами его тело. Иисус побледнел и, закрыв

глаза, увидел стройное крутобёдрое тело Магдалины, идущей вдоль берега Генисарета, и вздохнул. Она протягивала руки к нему... Ему лишь надо было мигнуть, дать знак, и сразу же — какое счастье! Какой сладкой станет его жизнь, какой человеческой! Так вот где путь! Он вернется в Назарет, в дом своей матери, помирится с братьями. А желание спасти мир и умереть ради человечества было лишь юношеской дурью, безумием. Но Магдалина, да благословит её Господь, исцелит его. Он вернется в свою мастерскую и снова займется любимым делом, снова будет делать плуги, колыбели, корыта. Он родит детей и станет хозяином дома, человеком. Его будут уважать соседи и вставать, когда он будет проходить мимо. Всю неделю он будет работать, а по субботам ходить в синагогу в чистых одеждах, которые из шерсти и полотна сошьет ему его жена Магдалина. И он будет сидеть со старейшинами и мирно и безмятежно слушать, как полубезумные фарисеи с пылом и страстью толкуют Писание. А он будет посмеиваться и смотреть на них с сочувствием: к чему-то они придут, бедные мудрецы! Он будет толковать Писание просто и ясно: он возьмет жену, родит детей и будет делать плуги, колыбели, корыта...

Он открыл глаза — перед ним лежала пустыня. Как быстро пролетел день! Солнце клонилось к горизонту. Змея, прильнув к нему, ждала. Она призывно шипела, и нежная мелодия колыбельной плыла в вечернем воздухе. Вся пустыня покачивалась и убаюкивала его, как мать.

— Я жду, я жду... — сладострастно шипела змея. — Вечер спускается. Мне холодно. Решайся. Кивни, и двери в рай распахнутся для тебя. Решайся, возлюбленный. Магдалина ждет...

Пустынник замер в ужасе. И только было он собрался раскрыть рот и сказать «да», как почувствовал, что сверху на него кто-то смотрит. Он поднял голову и увидел над собой два глаза, всего лишь два

глаза; глубокие и тёмные, Как ночь, они пристально смотрели и говорили ему: «Нет!» Сердце Иисуса сжалось. Он снова с мольбой взглянул вверх, словно прося: «Оставь меня! Позволь! Не гневайся!» Но очи в небесах вспыхнули яростью и угрожающе придвинулись.

— Нет! Нет! Нет! — крик вырвался из уст Иисуса, и две больших слезы выкатились из его глаз.

И тут змея, отлепившись от него, начала скукоживаться и исчезла, издав тихий свист. Воздух наполнился зловонием.

Иисус упал лицом в песок — душа его была пуста. Позабыв о голоде и жажде, он рыдал, оплакивая свою разрушенную жизнь, своих погибших жену и детей. Слезы мешались с песком, забивавшимся под веки, в ноздри и рот.

— Господи, Господи, — шептал страдалец, утирая песок с губ, — смилуйся, Отче! Да будет воля Твоя — сколько раз я уже повторял это и сколько ещё повторю! Всю жизнь я дрожу, сопротивляюсь и сдаюсь: да исполнится воля Твоя!

И так, молясь и давясь песком, он заснул. Но как только Иисус закрыл глаза, раскрылись очи его души, и он увидел огромного аспида, раскинувшего свое тело из конца в конец ночи. Змей возлежал на песке, разинув огромную кроваво-красную пасть. А перед ней прыгала и трепетала изящная куропатка, безуспешно пытаясь взмахнуть крыльями и взлететь. Из груди её вырывался слабый писк, перышки встали от ужаса дыбом. А аспид неподвижно с раскрытой пастью лишь смотрел на неё, не отводя своего немигающего взгляда. Ему некуда было спешить — он не сомневался в том, что жертва не уйдет от него. И куропатка, спотыкаясь на своих слабых ножках, шажок за шажком придвигалась всё ближе и ближе. Иисус неподвижно смотрел на это, и его била такая же дрожь, как и птицу. К рассвету она

подошла к самой пасти: оглянувшись, словно в надежде на спасение, она пискнула в последний раз и нырнула туда, сложив ножки. Пасть захлопнулась. Но Иисус ещё видел, как этот комочек перьев и плоти с рубиновыми лапками скользил к желудку аспида.

Он отвернулся в страхе: пустыня набухла розовыми волнами. Вставало солнце.

— Это Бог, — дрожа пробормотал он. — А куропатка... — голос его оборвался. У него не было сил закончить свою мысль. Но про себя он договорил: «...душа человеческая. Куропатка — душа человеческая!» — и снова замер, погрузившись в мысли.

Вставшее солнце раскалило песок. Его лучи, пронзая Иисуса, выжигали его дотла, как оставленную гроздь винограда на осенней лозе. Язык его пристал к гортани, кожа потрескалась, ногти посинели.

Время для него то суживалось, сжимаясь до одного удара сердца, то разрасталось до бесконечности смерти. Он уже не чувствовал ни голода ни жажды, не помышлял ни о жене, ни о детях. Он весь ушёл в зрение. Он мог лишь смотреть. Но к полудню и взор его стал мутнеть, мир отступил, сменившись огромной пастью, разверзшейся перед ним. И вытянув шею, он чувствовал, что подползает к ней всё ближе и ближе...

Чёрными и белыми вспышками сменялись дни и ночи. Однажды в полночь горделивый лев явился из пустыни и замер перед ним.

— Входи в моё логово, славный отшельник, — проговорил он человеческим голосом. — Я приветствую человека, победившего мелкие страсти и забывшего человеческие радости! Нам не по нраву легкие пути, мы жаждем трудностей. Нам мало Магдалины в жены, нам подавай всю землю. Вставай, жених, невеста заждалась, зажглись небесные лампы, гости собрались. Идем!

— Кто ты?

— Ты сам! Голодный лев твоего сердца, блуждающий ночами вокруг овчарен — царств этого мира, решая, не пора ли прыгнуть и пожрать их. Я бросаюсь от Вавилона к Иерусалиму, от Иерусалима к Александрии, от Александрии к Риму и кричу: «Я жажду! Всё моё!» А на рассвете я возвращаюсь в твою грудь, обращаясь из кровожадного зверя в трепещущего агнца. Я притворяюсь скромным отшельником, которому ничего не нужно, кроме пшеничного зернышка и глотка воды, да сговорчивого Господа, которому я льщу, называя Его «Отче». Но втайне, в глубине моего сердца, я стыжусь себя и жду ночи, когда мне дозволено сбросить овечью шкуру и вновь рычать, попирая всеми четырьмя лапами Вавилон, Иерусалим, Александрию, Рим.

— Я тебя не знаю. И никогда не желал царств этого мира. Царства Небесного мне достаточно.

— О, нет. Не обманывай себя, друг мой. Тебе его недостаточно. Ты просто не осмеливаешься заглянуть в себя, глубоко в свое сердце, ибо там я... Что ты смотришь искоса? Почему не доверяешь мне? Ты, верно, думаешь, я — искушение, посланное лукавым, чтоб сбить тебя с пути? Безмозглый отшельник, разве имеет над тобою власть искуситель? Крепость берется лишь изнутри. Я — голос твоей души, я — лев, живущий в тебе. Ты облачился в овечью шкуру, чтоб не отпугивать, а подманивать людей, чтоб тебе легче было их пожрать. Помнишь, когда ты был маленьким, халдейская гадалка взглянула на твою ладонь. «Я вижу звёзды, — молвила она, — и кресты. Ты станешь царем». К чему делать вид, что ты забыл? Ты помнишь этот день. Вставай, сын Давида, вступай в свое царство!

Иисус слушал его, склонив голову. Мало-помалу он узнавал этот голос, он вспомнил, что как-то слышал его во сне, и ещё тогда,

когда Иуда в детстве одержал над ним верх, когда, покинув дом и пробродив дни и ночи в полях, он, стыдясь, подгоняемый голодом, вернулся в дом, а в дверях его насмешками встретили единокровные братья — хромой Симон и благочестивый Иаков. Тогда и вправду он слышал львиный рык внутри себя... Вот и недавно, когда он нес крест для распятия зелота, минуя бушующую толпу, смотревшую на него с презрением, лев снова выпрыгнул из недр его души, да с такой силой, что сбил с ног.

И теперь, в эту благословенную полночь, рыкающий зверь вышел наружу и замер перед ним. То появляясь, то исчезая, лев терся о его колени и игриво бил хвостом... Иисус почувствовал, как сердце его наливается отвагой. «Он прав! С меня довольно! Довольно голода, довольно унижений, довольно подставлять другую щёку. Я устал от лести этому кровожадному Господу, я устал от проклятия своих братьев, слез матери, людского смеха, когда я прохожу мимо. Я не хочу больше ходить босым и нищим, не имеющим средств купить себе меда, вина, женщин, не хочу трусливо обнимать лишь воздух, который милосердно дарует мне Господь по ночам. Я устал! Мечом я заставлю себя встать — или я не сын Давида?! Прав зверь. Довольно облаков и Царства Божия. Камни, земля и плоть — вот моё царство!»

Он встал, у него нашлись силы, чтобы вскочить, язва себя невидимым мечом, и взревел, как лев. Он был готов.

— Вперёд! — воскликнул он и обернулся. Но лев исчез. Лишь взрывы хохота раздались над его головой.

— Гляди!

Разряд молнии разрезал ночь и осветил всё вокруг. Стали видны громоздящиеся вокруг города с их стенами, башнями, домами, дорогами, площадями и людьми, а рядом лежали долины, горы и

моря. Справа стоял Вавилон, слева — Иерусалим и Александрия, а через море — Рим, и снова он услышал голос:

— Гляди!

Иисус поднял голову. Жёлтокрылый ангел стремглав слетел с небес. Послышались рыдания: во всех четырех царствах люди вздымали руки к небесам, но руки отваливались, отъеденные проказой. Они открывали рты, чтобы воззвать о помощи, но губы их отсыхали, пожранные проказой. И улицы были усыпаны гниющими частями тел.

И пока Иисус, воздев руки, взывал: «Смилуйся, Господи, смилуйся!» — второй ангел с пёстрыми крылами ринулся вниз. И тут же земля всколыхнулась от смеха и хохота: охваченные безумием, прокажённые заматались беспорядочно, теряя отваливающиеся конечности и продолжая сотрясаться от взрывов хохота. В ужасе Иисус заткнул уши, чтобы не слышать этого. И тогда третий ангел с красными крылами полетел с небес. И четыре фонтана огня поднялись над землей, четыре столба дыма. звёзды померкли. Поднявшийся ветер рассеял дым, и взору предстала горстка пепла, оставшаяся от четырех великих царств мира.

— Вот, несчастный, царства этого мира, которыми ты хотел обладать, — прогремел голос с небес, — а вот три моих возлюбленных ангела — Проказа, Безумие и Огонь. Пришёл день Господа — мой день!

И с последним ударом грома видение исчезло.

Рассвет застал Иисуса лежащим на земле. Ночью в слезах он скатился со своего камня — глаза его опухли и болели. Он огляделся. Может, этот безбрежный песок и есть его душа? Пустыня шевелилась, пробуждаясь. До его слуха доносились крики,

смех, плач. Вокруг него скакали красноглазые зверюшки, похожие на кроликов, белок, ласок. «Я схожу с ума, — подумал он. — Безумие пожирает меня». Он вскрикнул, и зверьки разбежались. А вместо них перед ним появился архангел — сверкающая звезда сияла меж его бровей, а с шеи свисал полумесяц.

— Архангел, — прошептал Иисус, прикрывая ладонью глаза от слепящего света. Архангел сложил крылья и улыбнулся.

— Ты не узнаешь меня? Ты не помнишь меня?

— Нет, нет! Кто ты? Уходи!

— Ты не помнишь, как в детстве — ты ещё не умел ходить и цеплялся за стены и материнскую одежду, чтобы не упасть, — изо всех своих силёнок ты кричал про себя: «Господи, сделай меня Богом! Господи, сделай меня Богом! Господи, сделай меня Богом!»

— Не напоминай мне об этом бесстыдном святотатстве! Я помню его!

— Я — твой внутренний голос. Это кричал я. Я и сейчас кричу, но ты боишься и делаешь вид, что не слышишь. Но теперь тебе придётся выслушать меня, хочешь или нет. Час настал. Я выбрал тебя ещё до твоего рождения, одного из всего человечества. Я трудился в сердце твоём, предохранял тебя от падений и соблазнов, от мелких радостей, от счастья. Это я уничтожил женщину, пришедшую сюда соблазнять тебя. Явились царства, и я уничтожил царства. Это сделал я, а не ты. Я храню тебя для более высокого, более трудного предназначения.

— Более высокого?.. Более трудного?..

— Чего ты жаждал, будучи младенцем? Стать Богом. И ты им станешь.

— Я? Я?

— Не стнай! И не надейся избежать своей участи. Ты всё равно станешь им. Ты уже стал им. Как ты думаешь, что сказал голубь, спустившийся к тебе на Иордане?

— Скажи, что? Скажи!

— «Ты — Мой сын. Мой единственный сын!» Вот весть от Господа, принесённая тебе голубем, голубем — архангелом Гавриилом. И я приветствую тебя — Сын, единственный Сын Господа!

Сердце затрепетало в груди Иисуса. Он почувствовал, как во лбу его зажигается мятежная утренняя звезда. «Я не человек, не ангел, не раб твой, Адонай! Я — Сын твой! — рвался крик из его груди. — Я взойду на твой престол судить живых и Мёртвых. И в правой руке буду держать державу — всю землю. Дай мне трон, чтоб я мог воссесть!»

Услышав взрывы хохота над своей головой, Иисус опомнился — ангел исчез.

— Сатана! — закричал Иисус отчаянным голосом и рухнул наземь.

— Мы ещё встретимся! — раздался насмешливый голос. — Мы ещё встретимся. Скоро!

— Никогда, никогда, сатана! — простонал Иисус, пряча лицо в песок.

— Скоро! — повторил тот же голос. — В эту Пасху, жалкий бедняга!

Иисус рыдал — слезы текли, омывая и очищая его душу. К вечеру подул прохладный ветер, и солнце окрасило в розовый цвет вершины далеких гор. И тогда Иисус услышал милостивое повеление — невидимая рука прикоснулась к его плечу.

— Вставай! День Господа настал! Иди, неси весть людям: Ты пришёл!

ГЛАВА 18.

Каким коротким показался ему обратный путь через пустыню, как быстро он дошёл до Мёртвого моря и, обогнув его, снова вступил на обитаемую землю, вдохнул воздух, насыщенный человеческим дыханием! И где он только нашёл силы? Кто-то помогал ему — две невидимых руки поддерживали его сзади. Легкое облачко, появившееся над пустыней, спустилось, потемнело и заполнило всё небо. Ударил гром, и первые капли дождя упали на землю. Потемнело, хлынувшим дождем развезло дорогу. Иисус, сложив ладони, подставил их потокам небесной влаги и напился. Молния разорвала воздух. Лик земли вспыхнул бледно-голубым светом и снова погрузился во мрак. Но где Иерусалим, где Иоанн Креститель? И как же его друзья, ожидающие его в камышах у реки?

— Господи, — прошептал он, — просвети меня! Пошли молнию — укажи мне дорогу!

И не успел он договорить, как перед ним полыхнула молния. Господь подавал ему знак, и он уверенно двинулся в указанном направлении.

Дождь лил как из ведра. Мужское семя небес низвергалось в лоно земли, в её озера и реки. Всё смешалось — земля, небо, дождь, подгоняя Иисуса обратно к людям. Он скользил по грязи, спотыкался о корни и сломанные ветви, перепрыгивал через промоины. При следующей вспышке молнии он заметил гранатовое дерево, увешанное плодами, и сорвал себе гранат. Рубиновые зерна хлынули ему в ладони, и он насытился. Он сорвал

ещё один, потом ещё и ещё — он ел и благословлял руки, посадившие это дерево. С новыми силами он вновь тронулся в путь. Вокруг стояла кромешная тьма. День? Ночь? Ноги его отяжелели от грязи, казалось, с каждым шагом он тянет на себе всю землю. И вдруг в блеске молнии он увидел перед собой маленькую деревушку на вершине холма: белые домики возникали и снова исчезали. Сердце его запрыгало от радости: там были люди — братья. Он так истосковался по теплу человеческих рук, он так хотел хлеба, вина, человеческой речи. Сколько лет он мечтал об одиночестве, скитался по полям и горам, беседуя лишь с птицами и дикими зверьми, не желая никого видеть! Но теперь какую радость сулило ему прикосновение человеческой руки!

Он ускорил шаг и начал взбираться вверх по камням. Теперь, когда он знал, куда идёт, у него словно прибавилось сил. По мере того, как он поднимался, облака начали редеть, и над головой проглянул кусочек чистого неба. Солнце садилось. В деревне кричали петухи, лаяли собаки, перекликались женщины. Из труб струились голубые дымки. До него уже долетал запах горящего дерева.

— Да будет благословенно семя человеческое... — пробормотал он, подходя к первым домам и прислушиваясь к голосам.

Камни, вода, дома — всё сияло, нет, не сияло — смеялось. Иссохшая земля насытилась влагой. Ливень напугал и людей, и животных, но теперь облака рассеялись, обнажив тёмно-синее небо, и выглянувшее солнце вернуло веру в жизнь. Вымокший и счастливый, Иисус пробирался по узким улицам. В одном из домов распахнулась дверь, и из неё вышла девушка, таща за собой козу с полным выменем.

— Как называется твоя деревня? — улыбнулся ей Иисус.

— Вифания.

— А куда я могу постучаться, чтобы найти ночлег? Я здесь никого не знаю.

— Входи в любую открытую дверь, — рассмеялась девушка.

«В любую открытую дверь, — повторил про себя Иисус. — Это хорошая, гостеприимная деревня», — подумал он и отправился искать открытую дверь.

Улочки превратились в маленькие речки, из-под воды выступали лишь камни. И Иисус продвигался, перепрыгивая с камня на камень. Двери домов почернели после дождя и были закрыты. На первом перекрестке он свернул и тут же увидел открытую овальную дверь, выкрашенную в фиолетовый цвет. На пороге стояла молодая женщина — невысокого роста, с полными щёками и губами. В дверном проеме он разглядел ещё одну женщину: тихо напевая, она пряла в полумраке.

Иисус остановился и в знак приветствия приложил руку к сердцу.

— Я — чужой здесь, я — галилеянин. Я продрог и голоден, и мне негде переночевать. Я — честный человек. Позвольте мне провести ночь в вашем доме. Дверь была открыта, и я вошёл. Простите меня.

Полная женщина обернулась, так и не выпустив из рук птичий корм, который сыпала курам, и, спокойно осмотрев незнакомца с головы до ног, улыбнулась.

— Добро пожаловать. Входи. Наш дом в твоём распоряжении.

Пряха тоже оставила свою работу и вышла во двор. Она была худенькой и бледной, её чёрные косы были уложены в два ряда на затылке. Взгляд её больших с поволокой глаз был печален. На тоненькой шее висело бирюзовое ожерелье от сглаза. Она взглянула на гостя и залилась краской.

— Мы одни, — промолвила она. — Наш брат Лазарь ушёл на Иордан креститься.

— Ну и что, что одни? — ответила другая. — Не съест же он нас. Входи, добрый человек. Не слушай её, она боится собственной тени. Мы позовем соседей, чтобы тебе не было скучно, и старейшины придут порасспросить тебя, кто ты, куда идешь и какие принёс нам вести. А потому входи в наш бедный дом. Ты замерз?

— Я замерз, хочу есть и спать, — ответил Иисус, переступая через порог.

— Всё это поправимо, не бойся. А теперь, чтоб ты знал, — меня зовут Марфа, а это моя сестра Мария. А как зовут тебя?

— Иисус из Назарета.

— Добрый человек? — рассмеялась Марфа, поддразнивая его.

— Да, добрый, — ответил он очень серьезно. — Добрый, насколько могу, Марфа, сестра моя, — и он вошёл в дом. Мария зажгла лампаду и повесила её на крюк — свет залил безукоризненно выбеленные стены. В комнате стояли два сундука из кипарисового дерева с чеканкой, несколько табуреток, а вдоль стены длинное возвышение с циновками и подушками. В углу — прялка, в другом — два глиняных кувшина с оливками и оливковым маслом. Справа от двери на полке — кувшин с холодной водой и льняное полотенце. Воздух пах кипарисом и айвой. Рядом с широким, ещё не растопленным очагом висели кухонные принадлежности.

— Сейчас я разведу огонь, чтобы ты просушил одежду. Садись. — Марфа подвинула табурет к очагу и, выбежав во двор, вернулась с охапкой веток, прутиками лавра и двумя поленьями. Присев на корточки, она сложила растопку маленькой пирамидой и подожгла.

Иисус, подперев голову руками, опустился рядом, наблюдая за ней. «Какое священнодействие, — думал он, — сложить дрова и растопить очаг в холодный день: пламя, как милосердная сестра, приходит согреть тебя. Голодным и усталым прийти в чужой дом и встретить двух незнакомых сестер, готовых позаботиться о тебе...» — глаза его наполнились слезами.

Марфа вышла в кладовую и, вернувшись с хлебом, медом и кувшином с вином, поставила всё это перед гостем.

— Закуси пока, — промолвила она. — А я сейчас поставлю горшок на огонь, чтобы приготовить что-нибудь горячее. Ты ведь, наверное, идешь издалека.

— С другого конца земли, — ответил Иисус и жадно склонился к хлебу, оливкам и меду. Что за чудо, что за радость! Как великодушен Господь, посылая их людям! Он ел и ел, благодаря Господа.

Мария же всё это время стояла под лампадой, молча переводя взгляд с огня на нежданного гостя, с гостя на сестру, у которой словно выросли крылья от радости, что в их доме появился мужчина.

Иисус поднял чашу с вином и посмотрел на женщин.

— Марфа и Мария, сестры мои, вы, верно, знаете о потопе во времена Ноя. Все были грешны, и все потонули, лишь один праведник и его семейство взошли на ковчег и спаслись. Клянусь вам, если начнется новый потоп и мне будет предоставлен выбор, я приглашу вас на свой новый ковчег, сестры мои, ибо, когда сегодня вечером к вашим дверям подошёл незнакомый бедный босой человек, вы разожгли для него огонь и согрели его, вы дали ему хлеб, и он насытился, вы сказали ему доброе слово, и Царство

Божие снизошло на его сердце. Я пью за вас, сестры мои! Я счастлив, что встретил вас!

Мария подошла ближе и села у его ног.

— Говори ещё, — промолвила она, заливаясь краской, — тебя не наслушаться.

Марфа поставила горшок на огонь, накрыла на стол и принесла со двора свежей воды. А затем попросила мальчика соседа обойти деревенских старейшин и пригласить их к ней в дом, так как у них с сестрой гость.

— Говори ещё, — повторила Мария, так как Иисус молчал.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал? — спросил Иисус, легко дотрагиваясь до её чёрных кос. — Молчание прекрасно. В нем — всё.

— Женщине мало молчания. Им, бедняжкам, нужно доброе слово.

— Не слушай её. Женщине мало и доброго слова, — вмешалась Марфа, подливая масла в лампаду к приходу старейшин. — Она хочет слышать шаги мужа в доме, кормить младенца, опорожняя грудь. Ей нужно очень много, Иисус из Галилеи. Но что вы, мужчины, понимаете в этом! — и она безуспешно попыталась рассмеяться. Ей исполнилось тридцать, и она всё ещё не была замужем.

В тишине они слушали, как потрескивают дрова, пожираемые пламенем, да булькает горшок.

— Если бы ты только знал, сколько мыслей приходит в голову женщины, пока она сидит и прядет, — наконец промолвила Мария.

— Если бы ты знал, ты бы сжалился над ней, Иисус из Назарета!

— Я знаю, — улыбнулся Иисус. — Я тоже был женщиной в другой жизни и тоже пряд.

— И о чём ты думал?

— О Боге. Только о Боге, Мария, и ни о чём больше. А ты о чём думаешь?

Мария не ответила, лишь грудь её высоко поднялась, словно у неё перехватило дыхание. Марфа слушала их и тоже вздыхала.

— Так и есть, — внезапно, не выдержав, произнесла она хриплым голосом, — и я, и Мария, и все незамужние женщины в мире думают о Господе. Мы лелеем Его на коленях, как собственного мужа.

Иисус молча склонил голову. Марфа сняла с огня горшок — ужин был готов. Она снова пошла в кладовую.

— Я хочу рассказать тебе одну вещь, которая пришла мне в голову однажды, когда я пряла, — зашептала Мария, пока Марфа отсутствовала. — Я тоже думала о Господе в тот день, и я сказала Ему: «Господи, если Ты со согласишься войти в наш бедный дом, Ты будешь в нем хозяином, а мы гостями». И теперь... — она поперхнулась и умолкла.

— И теперь? — придвинулся Иисус к ней ближе. Но в это мгновение вернулась Марфа с тарелками.

— Ничего, — прошептала Мария, вставая.

— Идите есть, — сказала Марфа. — Старейшины вот-вот подойдут. Нельзя, чтобы они застали нас за трапезой.

Все трое опустились на колени. Иисус взял хлеб, поднял его над головой и произнес благословение так страстно и торжественно, что сестры в изумлении замерли, глядя на него. И тут им стало страшно, потому что лицо его светилось, а над головой колыхался нимб.

— Господи, — воскликнула Мария, протягивая руку. — Ты хозяин, мы — твои гости. Повелевай!

Иисус опустил голову, чтобы они не заметили его волнения: вот он — первый человек, первая душа, признавшая его.

Они встали из-за низкого столика, когда за дверьми уже стемнело, а на пороге показался высокий старик. Борода его ниспадала водопадом, руки были крепки, вьющиеся волосы на груди походили на баранью шерсть. В руках он держал высокий посох, который использовал не для опоры, а как символ власти.

— Добро пожаловать в наш бедный дом, отец Мелхиседек, — учтиво склонились обе женщины.

Он вошёл, и на пороге тут же возник следующий старец. Этот был худым и беззубым, с длинной лошадиной головой. Маленькие глазки его горели, свидетельствуя о хитрости и изворотливости.

Женщины с такой же учтивостью пригласили и его, он тоже вошёл. За ним появился третий старик — слепой и толстый, как боров. Посох он держал впереди, заменяя им утерянное зрение. У него была добрая душа, он любил пошутить, и, когда судил жителей своей деревни, никогда не решался кого-нибудь наказать. «Я не Бог, — говорил он. — Тот, кто судит, и сам будет судим. Помирись, дети мои, чтобы у меня не было неприятностей в будущей жизни!» А бывало, что он из собственного кармана возмещал убытки обиженному и шёл в тюрьму вместо обидчика. Одни называли его дураком, другие — святым. Старый Мелхиседек терпеть его не мог, да что поделаешь, толстяк происходил из священного рода Аарона и был самым зажиточным человеком в деревне.

— Марфа, — величественно промолвил Мельхиседек — посох его почти доставал до потолка, — где чужестранец, пришедший в нашу деревню?

Иисус поднялся от очага, у которого сидел, молча глядя на огонь.

— Это ты? — спросил старик, оглядывая его с головы до пят.

— Да. Я пришёл из Назарета.

— Галилеянин? — прошамкал второй старец. — Из Назарета ещё ничего хорошего не приходило. Об этом даже в Писании сказано.

— Не смейся над ним, Самуил, — вмешался слепой. — Галилеяне и вправду болтуны, глупцы и провинциальные невежи, но они честные люди. И наш сегодняшний гость — честный человек. Я слышу это по его голосу. Добро пожаловать, дитя моё, — повернулся он к Иисусу.

— Ты торговец? — спросил старый Мелхиседек. — Что ты продаешь?

Пока старейшины говорили, в дом стали собираться зажиточные жители деревни. Узнав о приходе чужестранца, они надели на себя всё лучшее и поспешили к сестрам, чтобы провести время и послушать, откуда гость и какие принёс вести. Они входили и устраивались на полу позади старейшин.

— Я ничего не продаю, — ответил Иисус. — Я был плотником у себя в деревне, но бросил эту работу, ушёл из дома и посвятил себя Господу.

— Ты правильно поступил, что отошёл от этого мира, дитя моё, — промолвил слепой. — Но берегись, бедняга! Впутавшись в дела Господа, всегда рискуешь. От Него уже не убежишь, — и он рассмеялся.

Старый Мелхиседек чуть поморщился, услышав такое, но промолчал.

— Значит, отшельник? — насмешливо предположил второй старейшина. — Один из левитов? Или zelot? Лжепророк?

— Нет, нет, отец, — смущенно ответил Иисус.

— Так кто же?

На пороге появились женщины. Надев все свои украшения, они пришли показать себя и посмотреть на незнакомца. Каков он — стар, молод, красив ли? Чем торгует? А может, он посватается к одной из двух стареющих, но всё ещё красивых сестер, Марфе или Марии? Бедняжки, они ведь так могут и умом тронуться... Надо пойти и взглянуть!

И, нарядившись и приукрасившись, они явились и встали рядом за спинами мужчин.

— Так кто же ты? — снова повторил старый хитрец.

Внезапно Иисуса охватила дрожь, и он протянул руки к огню. От его всё ещё влажной одежды шёл пар. «Может, воспользоваться этим случаем, — думал он, — и открыть миру, что Всевышний выбрал меня, чтобы разбудить Бога, спящего в душах этих людей, убивающих себя пустыми заботами. Они спрашивают меня, что я продаю. Я отвечу: Царство Божие, спасение души, вечную жизнь. И пусть они снимут последнюю рубашку, чтобы купить это бесценное сокровище». Он окинул взглядом собравшихся, увидел лица, освещенные лампадой и отблесками пламени очага: жадные, хитрые, состарившиеся от мелких забот и пожирающих душу тревог, сморщившиеся от страха. Жалость к ним заполнила его сердце, он хотел встать и говорить с ними, но в этот вечер он чувствовал себя слишком усталым. Так много времени миновало с тех пор, как он спал в человеческом жилище, положив голову на

подушку. Он прислонился к задымленной стенке очага и прикрыл глаза.

— Он устал, — вмешалась Мария, заискивающе глядя на старейшин. — Не мучайте его.

— Верно! — согласился Мелхиседек и, опершись на посох, двинулся к выходу. — Ты права, Мария. Мы говорили с ним так, словно мы ему судьи. Мы забыли... — он повернулся ко второму старейшине, — ты забыл, Самуил, что ангелы порой спускаются на землю в образе нищих — в рваных хитонах, босыми, без посохов и кошель, как этот человек. А поэтому хорошо, что мы вышли ему навстречу, как встречали бы ангела. Этого требует простой здравый смысл.

— Это ослиная логика, — рассмеялся слепец. — Мы к любому человеку должны относиться как к ангелу, к любому, даже к старому Самуилу.

Самуил надулся от обиды, но по здравому размышлению решил не перечить: слепой болтун был богат, не сегодня-завтра он мог понадобиться. Лучше прикинуться, что ничего не расслышал, — так разумнее всего.

Мягкие отблески огня падали на волосы, измученное лицо и раскрытую грудь Иисуса, отбрасывая синие тени на его вьющуюся чёрную бороду.

— Он — настоящий красавец, хоть и беден, — украдкой переговаривались женщины между собой. — Ты обратила внимание на его глаза? Таких я никогда не видела, их взгляд даже нежнее глаз моего мужа, когда он держит меня в своих объятиях.

— Никого страшнее не видела в своей жизни, — говорила другая. — Жуть и ужас, прямо хоть бросай всё и беги в горы.

— А вы видели, как Марфа ест его глазами? Бедняжка, она нынче ночью места себе не найдет.

— А он украдкой смотрит на Марию, добавила ещё одна. — Сегодня у сестричек будет веселая ночка, помяни моё слово. Я живу рядом, так что услышу всё.

— Идемте, — распорядился Мелхиседек. — Нечего было и приходить. Гость сонный. Вставайте, пошли! — И он принялся расталкивать людей посохом, расчищая себе дорогу.

Но не успел он дойти до двери, как во дворе послышались поспешные шаги, и в дом вбежал бледный запыхавшийся человек, тут же рухнувший на пол перед очагом, с трудом переводя дыхание.

— Брат! — закричала испуганные сестры, бросаясь к нему. — Что с тобой? Кто за тобой гнался?

Мелхиседек остановился и прикоснулся к пришедшему посохом.

— Лазарь, если ты принёс плохие вести, пусть женщины уйдут, а мужчины останутся, чтобы мы могли услышать их.

— Царь Ирод схватил Иоанна Крестителя и обезглавил его! — сразу выкрикнул Лазарь, потом дрожа поднялся. Он страдал желтухой — кожа у него была землистого цвета, щёки обвисли, мутные жёлтые глаза в свете пламени вспыхивали, как у дикого кота.

— Ну, что ж, мы не зря потратили вечер, — удовлетворенно промолвил слепой старейшина. — За то время, что прошло с утра, когда мы проснулись, до настоящего момента, когда мы уже собираемся отойти ко сну, по крайней мере, наконец, что-то произошло: мир изменился. Так давайте же сядем и послушаем Лазаря. Люблю новости, даже плохие. Говори, мой друг, — обратился он к Лазарю. — Расскажи нам, как, когда и почему

случилось это несчастье. Говори по порядку, не спеши, чтоб мы не тратили время даром. Успокойся. Мы слушаем...

Иисус слышал всё сквозь дрему, вскочил и с дрожью на губах посмотрел на Лазаря. Господь посылал ему новый знак: Предтеча покинул мир — тот больше в нем не нуждался, Креститель исполнил свой долг, подготовив путь, и ушёл. «Мой час настал... мой час настал...» — повторял про себя Иисус, но не говорил ни слова вслух, глядя на пожелтевшего Лазаря.

— Он убил его, убил? — прорычал старый Мелхиседек, сердито ударяя посохом об пол. — До чего мы докатились, если развратные кровосмесители убивают святых! Конец света!

Охваченные горем, женщины запричитали, и слепой старейшина решил их успокоить.

— Ты преувеличиваешь, Мелхиседек. Мир ещё крепко стоит на ногах. Не бойтесь, женщины.

— Горло мира перерезано! — взвыл Лазарь, и слезы хлынули из его глаз. — Голос пустыни задушен. Кто теперь будет взывать к Господу за нас, грешников? Мир осиротел!

— А не надо поднимать руку на власть, — прошипел второй старейшина. — Что бы ни вытворяла власть, закрой глаза и не смотри — Господь сам обо всем позаботится. И Крестителю не надо было забывать об этом. Сам виноват!

— Разве мы рабы? — загремел Мелхиседек. — Скажи, для чего Господь дал человеку руки? Я объясню тебе, для чего: чтобы мы могли поднимать их против тиранов!

— Успокойтесь, отцы. Давайте послушаем, как всё произошло, — раздраженно перебил их слепой. — Говори, Лазарь!

— Я как раз шёл креститься вместе со всеми, — начал Лазарь. — Думал, что это поправит моё здоровье. Вы же знаете, что в последнее время мне было плохо. А сейчас становится всё хуже и хуже. Голова кружится, в глазах темнеет, а живот...

— Ладно, ладно, мы всё это знаем, — усмехнулся слепец. — Ближе к делу.

— Я добрался до Иордана и был как раз у моста, где собираются люди, чтобы креститься. И тут до меня донеслись крики и рыдания, и я сказал себе: «Ничего. Это, наверное, люди так исповедуются в своих грехах». Я прошёл немного дальше, и что я увидел! — Мужчины и женщины лежали в прибрежной грязи и рыдали. Я спросил: «Что случилось, братья? Почему вы плачете?» — «Пророка убили!» — «Кто убил?» — «Преступник и прелюбодей Ирод!» — «Как, когда?» — «Ирод был пьян, а его бесстыдная племянница Саломея танцевала перед ним обнажённой. Старый развратник совсем помешался от её красоты и, усадив её к себе на колени, спросил, что она хочет в подарок. Полцарства? Она говорит: "Нет". — "А что же ты хочешь?" И тут она говорит, что голову Иоанна Крестителя. "Ты получишь её", — говорит он ей. И царь доставил отсеченную голову на серебряном блюде».

Утомленный своей речью, Лазарь снова опустился на пол. Все молчали. Огонь в лампаде задрожал и начал гаснуть. Марфа встала и подлила в неё масла — в комнате посветлело.

— Это конец света, — повторил старый Мелхиседек после долгого молчания. Всё это время он молча слушал, словно взвешивая в уме всё бесстыдство и порочность этого мира. Из Иерусалима то и дело приходили вести о том, что идолопоклонники порочат святой Храм. Каждое утро священники закалывают быка и двух агнцев не в жертву Богу Израиля, но в честь язычника — отвратительного римского цезаря. Богачи, открывая по утрам двери своих домов и

видя на ступеньках трупы умерших за ночь от голода, подбирают подола своих нарядных одежд, переступают через мертвецов и как ни в чем не бывало отправляются в Храм... И тщательно всё обдумав, Мелхиседек решил, что и вправду наступил конец света.

— А ты, ты что скажешь по этому поводу? — повернулся он к Иисусу.

— Я пришёл из пустыни, я видел их там, — промолвил Иисус таким неожиданно выразительным голосом, что все уставились на него с изумлением. — Да, три ангела-разрушителя уже покинули небеса, чтобы ринуться на землю. Я видел их собственными глазами на краю неба. Они грядут. Первый — Проказа, второй — Безумие, и третий, самый милосердный, — Огонь. И я слышал голос: «Сын плотника, построй ковчег и помести на него самых праведных, но спеши! День Господа наступает — Мой день! Я иду!»

Все заговорили разом. Мужчины, сидевшие на полу, повскакивали на ноги, у них стучали зубы. Женщины в едином порыве бросились к дверям. Мария и Марфа подбежали к Иисусу, словно ища у него защиты; разве не обещал он взять их на ковчег? Пришло время сдержать свое обещание.

— Странник говорит правду, — воскликнул Мелхиседек, утирая пот с седых висков, — правду! Слушайте, братья, я расскажу вам о чуде! Когда сегодня утром я раскрыл по обыкновению Святое Писание, я наткнулся на слова пророка Иоиля: «Трубите трубою на Сионе и бейте тревогу на святой горе Моей; да трепещут все жители Земли, ибо наступает день Господень, ибо он близок — день тьмы и мрака... Пред ним пожирает огонь, а за ним палит пламя... Вид его как вид коней, и скачут они как всадники; скачут по вершинам гор как бы со стуком колесниц, как бы с треском огненного пламени, пожирающего солому...» Таков день Господа! Прочитав это страшное послание не раз и не два, я выбежал во

двор и принялся распевать его. Я упал на колени и возопил: «Господи, если ты задумал совершить это, дай мне знак! Я должен подготовиться. Я должен облагодетельствовать бедных, раскрыть свои сундуки и оплатить свои грехи. Пошли мне гром небесный или голос человеческий, чтобы я успел!» Ты и есть знак, — сказал он Иисусу. — Господь послал тебя? У меня ещё есть время? Когда раскроются небеса, дитя моё?

— В любое мгновение, отец, — ответил Иисус, — они готовы раскрыться. С каждым мигот Проклаза, Безумие и Огонь приближаются к нам. Их крылья уже касаются наших голов.

Лазарь, широко раскрыв свои мутные жёлтые глаза, смотрел на Иисуса.

— Ты случайно не Иисус из Назарета? — спросил он, наконец, подойдя ближе. — Говорят, что перед тем, как Крестителю отрубили голову, он повернулся в сторону пустыни и закричал, протянув руку: «Иисус, Иисус из Назарета, выходи из пустыни, возвращайся к людям! Иди скорей! Не покидай мир!» Если ты и вправду Иисус из Назарета, да будет благословенна земля, на которой ты стоишь. Мой дом освящен, я крещен и излечен. Я преклоняюсь и целую твои ноги! — и он бросился ниц, покрывая поцелуями израненные ноги Иисуса.

Только хитрый старый Самуил не был выбит из колеи. Душа его лишь на мгновение взметнулась, но тут же вернулась на твердую почву. «Мы читаем те пророчества, которые хотим видеть, — подумал он. — На одной странице Господь в ярости готов сокрушить свой народ, а на другой — Он нежен и сладок, как мед с молоком. Под настроение можно и не то прочитать — так что нечего расстраиваться...» И Самуил покачал своей лошадиной головой, ухмыляясь в бороду. Пусть боятся — им это полезно! Без страха бедняки мужают и крепнут, и тогда нам конец! А посему он

счел за лучшее молчать и с презрением наблюдать, как Лазарь целует ноги Иисусу.

— Если те галилеяне, которых я встретил у Иордана, твои ученики, рабби, то они дали мне поручение на случай, если я вдруг встречу тебя. Они собирались уходить и будут ждать тебя в Иерусалиме, у ворот Давида, в таверне Симона-киринеянина. Они, верно, испугались после казни пророка и побежали прятаться, — сказал Лазарь.

Женщины тем временем, вцепившись в своих мужей, тянули их к дверям — они всё поняли по-своему. «У этого странника, — говорили они себе, — взгляд демона. Он глянет, и ты уже не в своем уме. Он скажет, и мир рушится. Лучше поскорее убраться восвояси».

— Мужайтесь, дети мои, — раздался умиротворяющий голос слепого старейшины. — До моего слуха доносятся ужасные вести, но не бойтесь. Вот увидите — всё снова вернется на свои места. Мир стоит крепко. Господь заложил под него хороший фундамент, и он будет жить столько, сколько живёт Господь. Не слушайте зрячих, слушайте меня, слепца, я вижу лучше вас всех. Народ Израиля бессмертен. Он подписал завет с Господом. Господь даровал нам всю землю. Так не бойтесь же! А сейчас время близится к полуночи, пора и по домам! — и, вытянув вперёд посох, он направился к двери.

Первыми вышли старейшины, за ними — мужчины и, наконец, женщины покинули дом.

Сестры постелили гостю на возвышении. Мария достала из сундучка льняные простыни, приготовленные ею для своей первой свадебной ночи. Марфа принесла собственное одеяло, к которому она не притрагивалась в ожидании того времени, когда она сможет

накрыть им своего мужа. Потом, достав пахучие травы — мяту и базилику, щедро набила ими подушку.

— Он будет спать сегодня как жених, — вздохнула Марфа.

Мария тоже вздохнула, но ничего не сказала. «Господи, не слушай меня, — покаялась она про себя. — Мир хорош, несмотря на мои вздохи. Да, хорош, но я так боюсь одиночества, и мне так нравится наш сегодняшний гость...»

Сестры удалились в маленькую внутреннюю комнатку и улеглись рядом на жестких циновках. Мужчины тоже легли рядом, касаясь друг друга ногами. Лазарь был счастлив. Какой прекрасный дух святости и красоты заполнил весь его дом! Он дышал спокойно и глубоко и, прикасаясь к ногам Иисуса, ощущал таинственную силу, божественную мощь, поднимавшуюся и охватывавшую всё его тело. Почки его перестали болеть, сердце билось без перебоев, кровь спокойно бежала от головы к ногам, омывая всё его больное, желтушное тело.

«Это и есть крещение, — думал он. — Этой ночью я, сестры мои и весь дом крестились. Иордан пришёл в мой дом».

Но разве могли смежить свои веки сестры! Уже много лет у них не останавливался на ночь незнакомый мужчина. Странники предпочитали ночевать в зажиточных домах и никогда не заглядывали в их убогое жилище, стоявшее на отшибе, да к тому же их больной брат был со странностями и не любил гостей. Но сегодня — какая нежданная радость! Дрожащие ноздри их вбирали в себя незнакомый запах. Каким благоуханием наполнился воздух — это был аромат не мяты и базилики, но человека, мужчины!

— Он сказал, что Господь послал его строить ковчег и обещал взять нас в него. Ты слышишь, Мария, или уже спишь?

— Я не сплю, — ответила Мария, сжимая руками свою набухшую грудь.

— Господи, — продолжила Марфа, — пусть скорее наступит конец света, чтобы мы могли взойти с ним на ковчег. Я буду прислуживать ему, и это никогда мне не надоест, а ты, Мария, будешь беседовать с ним. И этот ковчег будет плыть вечно, и я буду служить ему во веки веков, а ты во веки веков будешь сидеть у его ног. Вот таким я представляю себе рай. Ты тоже, Мария?

— Да, — ответила Мария, закрывая глаза.

Так они беседовали и вздыхали, а Иисус тем временем, всё ещё погружённый в глубокий сон, вдруг сел. Ему казалось, что он уже пробудился — душа и тело его были бодры, словно они только что омылись в Иордане. Тело очистилось от песков пустыни, а душа от пороков человечества и снова стала чиста и невинна. Внезапно ему почудилось, что, выйдя из Иордана, он ступает на зелёную нехоженую тропу и входит в густой сад, полный цветов и фруктов. И сам он уже был не Иисусом, сыном Марии из Назарета, но Адамом — первым созданием Божиим. Словно он только что вышел из рук Создателя, и плоть его ещё не обсохла, и он ложится на траву, чтобы солнце согрело его суставы и окрасило щёки румянцем, чтобы он мог встать и идти. Он лежал, как плод, созревая на солнце, а над ним щебетали птицы, перелетая с ветки на ветку, прогуливаясь в весенней траве. Они переговаривались между собой, рассматривая это новое создание, лежащее на траве. Каждая говорила свое, а он, всё понимая, лишь радовался.

Фазан, гордо распушив свои крылья, прохаживался поблизости, кокетливо поглядывая на этого Адама, распростертого на земле, и объяснял:

— Я был курицей, но влюбился в ангела — и вот стал фазаном. Разве есть птица красивее меня? Нет!

Голубка, перелетая с дерева на дерево, вздымала головку к небесам, возвещая:

— Любовь! Любовь! Любовь!

Дрозд кричал:

— Я единственный из всех птиц пою в самые большие холода.

Ласточка:

— Если б не я, деревья никогда бы не цвели!

Петух:

А если бы не я, утро никогда бы не наступало!

Жаворонок:

— А я, вылетая приветствовать рассвет, прощаюсь всякий раз навсегда со своими детками, не зная, вернусь ли живым после своей хвalebной песни.

Соловей:

— Не смотри на меня, я в бедных одеждах. У меня тоже есть большие сверкающие крылья, но я обращаю их в песню.

И чёрный дрозд, спустившись к самому уху первого человека, проговорил тихо, словно доверяя ему величайший секрет:

Двери рая и ада находятся рядом — они похожи друг на друга, как две капли воды: обе зелёные, обе красивые. Берегись, Адам! Берегись! Берегись!

И тут же Иисус проснулся — песня чёрного дрозда всё ещё звучала в его душе. На улице уже рассвело.

ГЛАВА 19.

Великие дела творятся, когда Господь соединяется с людьми. Без человека Господь никогда бы не удосужился задуматься о Своих созданиях, не смог бы в полной мере испытать Свое могущество. У Него не было бы сердца для сострадания другим, не было бы сил для зачатия добродетелей, о которых Он позабыл в свое время или не создал из страха ошибиться. Но стоило Ему дохнуть на человека, и тот обретал силу и отвагу продолжить дело творения.

Но и человек без Господа, рожденный безоружным, гонимый холодом, страхом и голодом, не выжил бы; а если и выжил, то вынужден был бы прозябать, как слизняк. Но даже если бы в результате непрестанной борьбы ему и удалось подняться на задние конечности, он никогда бы не избежал крепких, теплых и нежных объятий своей матери обезьяны...

Размышляя об этом, Иисус вдруг почувствовал глубоко, как никогда, что человек и Бог могут объединиться. Ранним утром он отправился в Иерусалим. Господь был повсюду. Он мог бы прикоснуться к Нему локтем. Они шли вместе, и у них была общая цель. Мир сбился с пути. Вместо того, чтобы восходить к Царствию Небесному, он опускался в ад. И обоим им, Господу и Сыну Божию, предстояло серьезно потрудиться, чтобы вернуть этот мир на верный путь. Вот почему Иисус так спешил. Он мерил дорогу широкими шагами, нетерпеливо ожидая встречи со Своими друзьями, чтобы они могли начать борьбу. Всё подгоняло его — и солнце, поднявшееся из-за Мёртвого моря, и птицы, согретые утренними лучами и распевавшие свои песни, и трепещущие листья, и сама дорога, словно катившаяся к воротам Иерусалима. Всё взывало к нему: «Скорей! Скорей! Мы погибаем!»

— Я знаю, знаю, — отвечал Иисус. — Я знаю, и я иду!

Тем же утром, как только рассвело, по ещё пустынным улицам Иерусалима спешили его ученики — не все вместе, а разбившись по двое — Петр с Андреем, Иаков с Иоанном и впереди одинокий Иуда. Они бежали, испуганно оглядываясь, чтобы удостовериться, что за ними не следят. Впереди высились ворота Давида. Они свернули налево по первой же улице и вбежали в таверну Симона-киринеянина.

Толстый сутулый хозяин харчевни только что встал со своей постели, устроенной из сена, и ещё не совсем проснулся. Глаза его опухли, нос покраснел, так как всю ночь он пил, пел и ругался со своими гостями, уgomонившись лишь под самое утро. И теперь вяло и в самом дурном расположении духа он мыл таверну, убирая остатки пиршества. Хотя он и стоял на ногах, ему казалось, что он всё ещё спит и что во сне убирает свое заведение с губкой в руках. И тут до его слуха вдруг донеслось прерывистое дыхание людей, вбежавших в таверну. Он обернулся: глаза его блестели, горькая складка лежала у рта, в бороде застряла шелуха от семечек тыквы.

— Чёрт побери, кто это там? — хрипло закричал он. — Оставьте меня в покое! Что-то вы рановато пришли пить и закусывать! Я нынче не в духе! Проваливайте!

Но собственный крик окончательно разбудил его, и понемногу он начал различать лица пришедших — своего старого приятеля Петра и остальных галилеян. Подойдя ближе, он внимательно оглядел их и разразился хохотом.

— Ба! Что за морды! Языки на плече! Вы поаккуратнее мне тут, мальчики, не наложите со страху! Ну и храбрые ребята, эти галилеяне!

— Ради Бога, Симон, ты сейчас весь город поднимешь на ноги своим криком! — ответил Петр, пытаясь заткнуть рот приятелю. —

Закрой дверь! Царь казнил Иоанна Крестителя. Ты что, ещё не понял? Ирод отрубил ему голову и положил её на блюдо.

— Ну и правильно сделал! Креститель прожужжал бедняге все уши по поводу его невестки. Кому какое дело! Он же царь, пусть и делает что хочет. И к тому же — между нами, конечно, — он и мне надоел со своим «Кайтесь! Кайтесь!». Чёрт возьми, в конце концов я не хочу, чтобы все, кому не лень, лезли в мою жизнь!

— Но говорят, Ирод собирается казнить и всех крещеных. А мы крестились. Не понимаешь, что ли?

— А кто вас просил, болваны?! Так вам и надо!

— Но ты ведь тоже крещеный, винная бочка! — съязвил Петр. — Ты сам сказал. Что ж ты нас ругаешь?

— Это разные вещи, рыбий чудак. Я крестился? Вы называете это крещением? Я залез в воду и немножко поплавал. А всё, что там вопил этот лжепророк, в одно ухо вошло, в другое вышло, как и у всякого нормального человека... А вы... вы — умственно отсталые. Эти болтуны говорят вам, что могут козла подоить в решето, а вы и рады верить. Они вам велят нырять в воду, и вы — бац! — готовы умереть от горячки. Они запрещают вам даже блоху убить в субботу, и вы слушаетесь, а сами они тем временем заедают вас до смерти. «Не платите подушного налога!» Вы не платите и — бац! Душа ваша уже отлетела. Так вам и надо! А теперь садитесь и давайте выпьем. Вам нужно подкрепиться, а мне проснуться!

В глубине таверны поблескивали два толстых бочонка — на одном красной краской был нарисован петух, на другом серо-чёрной — свинья. Симон налил кувшин из бочонка с петухом, разыскал шесть чашек и погрузил их в корыто с грязной водой ополоснуть. Аромат вина ударил ему в нос, и он окончательно проснулся.

У дверей харчевни появился слепец. Усевшись на пороге и поставив посох между ног, он принялся настраивать допотопную псалтирь, сухо кашляя и то и дело сплевывая, пытаясь прочистить горло. В юности он был погонщиком верблюдов и звали его Елиаким. Однажды в полдень, проезжая мимо оазиса, он увидел, как под финиковой пальмой в углублении с водой плещется обнажённая женщина. Вместо того чтобы отвернуться, нахальный парень устоял на красотку-бедуинку. К его несчастью, поблизости муж бедуинки в это время разжигал костер. Увидев, что к его жене приближается, как намагниченный, погонщик, кочевник схватил две горящие головешки и точно запустил их в бесстыжие глаза Елиакима. С тех пор несчастный начал исполнять псалмы. Обходя харчевни и дома Иерусалима со своей псалтирью, он то воспевал милость Господа, то женскую красоту. Получив свой кусок черствого хлеба, пригоршню фиников или пару оливок, он двигался дальше. Настроив инструмент и откашлявшись, он попробовал голос и с причудливыми трелями начал исполнять свой любимый псалом:

Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей,
и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои...

В этот момент появился Симон с вином и стаканами. Едва заслышав псалом, он чуть не взорвался от ярости.

— Хватит! Хватит! ещё один на мою голову! Старая песня: «Помилуй! Помилуй!» Пошёл к чёрту! Наверное, я один грешник на всей земле?! Может, это я подглядывал за чужой женой? Господь дал нам глаза, чтобы мы смотрели ими как следует — ты что, так и не понял? Давай, давай, вали отсюда! Иди, надоедай кому-нибудь другому!

Слепец поднялся, взял псалтирь под мышку и, не говоря ни слова, удалился.

— Помилуй меня, Боже, помилуй меня, Боже, — раздраженно передразнивал трактирщик. — Как будто Давид не смотрел на чужих жен... А этот слепой идиот сделал то же самое — и вот, пожалуйста. Почему страдаем только мы?.. Господи, ради всего святого, оставь меня в покое!

Наконец он налил, и они выпили. Симон тут же налил себе ещё и немедля осушил чашку.

— Ну а теперь пойду поставлю в печь голову барашка для вас. Первый сорт! Мамаша вытащила бы такую пищу изо рта собственного младенца! — и он выскочил во двор, где стояла сложенная им небольшая печь, принёс щепки и сухую лозу, разжёг огонь и поставил горшок с бараниной. Он спешил вернуться — ему хотелось поболтать и выпить.

Но галилеяне были не в том расположении духа. Они молчали, лишь изредка перекидываясь репликами, и всё время поглядывали на дверь, словно чувствовали за собой вину. Наконец Иуда поднялся и, подойдя к выходу, остановился на пороге. Его раздражал вид этих малодушных, трясущихся от страха людишек. Как у них ушло сердце в пятки, как они бежали, как быстро добрались от Иордана до Иерусалима, а теперь схоронились здесь, в этой харчевне. И сидят — ушки наострили, от каждого шороха вздрагивают... «Чёрт бы вас побрал, храбрые галилеяне! — ругался про себя Иуда. — Слава Тебе, Господи, что Ты создал меня не таким, как они. Я родился в пустыне и высечен из идумейского гранита, а не слеплен из мягкой галилейской глины. Вы все лебезили перед Иисусом, рассыпались в клятвах и поцелуях, а теперь каждый трясется за свою шкуру. Но я, я — дикарь, дьявол, головорез, я не покину его, а дождусь Иисуса здесь, пока он не вернется из пустыни, и посмотрю, что он скажет, а тогда уж поглядим. Я не боюсь за свою шкуру. Меня мучает лишь одно — это страдания Израиля».

Из харчевни слышался приглушенный спор. Иуда обернулся.

— По-моему, надо вернуться в Галилею, там безопаснее, — сказал Петр. — Помните наше озеро, парни! — вздохнул он, мысленно увидев свою зеленую лодку, покачивающуюся на синей воде, и сердце его заныло. Он вспомнил гальку, олеандры, сети, полные рыбы, и глаза его наполнились слезами.

— Пошли, ребята! Пойдём, а?

— Мы дали ему слово, что будем ждать его в этой харчевне, — возразил Иаков. — Мы должны сдержать обещание.

— Можно всё устроить, — предложил Петр, — попросим кириянина сказать ему, если он придёт, что...

— Нет, нет! — запротестовал Андрей. — Разве можем мы бросить его одного в этом жестоком городе? Мы должны дождаться его здесь.

— А я говорю, надо вернуться в Галилею, — упрямо повторил Петр.

— Братья? — взмолился Иоанн, хватая их за руки. — Вспомните последние слова Крестителя! Он воздел руки над мечом палача и прокричал: «Иисус Назаретянин, явись из пустыни! Я ухожу. Возвращайся к людям! Не бросай мир!» Эти слова имеют глубокий смысл, друзья. Да простит меня Бог, если я святотатствую, но... — Сердце его замерло.

— Говори, Иоанн! — потребовал Андрей. — Что мучает тебя, что ты не осмеливаешься нам раскрыть?

— Что, если наш учитель... — Иоанн снова запнулся.

— Кто?

— Мессия, — наконец закончил Иоанн прерывающимся испуганным голосом.

Все вздрогнули. Мессия! Они уже так долго были с ним вместе, и эта мысль ни разу не приходила никому в голову, кроме Иоанна. Сначала они считали его просто необычно добрым человеком, святым, несущим мир людям; потом — пророком, но не яростным, как пророки древности, а веселым и доступным. Он умел дать почувствовать Царствие Небесное на земле, он мог заставить оценить в этой жизни справедливость и покой. Он называл сурового Бога Израиля «Отче», и грозный, несговорчивый Иегова смягчал и действительно начинал казаться отцом. А теперь! Что это сорвалось с губ Иоанна — Мессия? Другими словами: меч Давида, спасение Израиля, война? И они — ученики, первые последователи — полководцы, судьи, правители вокруг его престола? Подобно ангелам и архангелам, окружающим Господа на небесах, они будут подле Мессии на земле! Глаза их заблистали.

— Беру назад свои слова, парни, — воскликнул Петр, заливаясь краской. — Я никогда не покину его!

— И я!

— И я!

— И я!

Иуда злобно сплюнул и стукнул кулаком по двери.

— Чёртовы соратники! — набросился он на них. — Когда он показался вам слабым, вы собрались смыться. А теперь, когда пахло величием: «Я не покину его!» Помяните моё слово, наступит день, когда вы все оставите его, лишь я не предам Иисуса! Симон-киринеянин мне свидетель!

Трактирщик слушал их и усмехался в усы.

— Вы только посмотрите на них! И они собираются спасти мир!

Но тут до него донесся запах горелого.

— Голова горит! — закричал он и одним прыжком очутился во дворе.

Потрясённые, ученики смотрели друг на друга.

— Так вот почему Креститель остолбенел, когда увидел его, — хлопнул себя по лбу Петр.

Начав, они уже не могли остановиться — головы их шли кругом.

— А вы видели голубя, спустившегося с небес, когда его крестили?

— Это был не голубь, а молния.

— Нет, нет, голубь. Я слышал, как он ворковал.

— Он не ворковал, а говорил. Я слышал своими собственными ушами, как он сказал: «Святой! Святой! Святой!»

— Это был Дух Святой! — восторженно воскликнул Петр. — Дух Святой спустился с небес, и мы все замерли, вы что, не помните? Я хотел подойти ближе и не мог сделать ни шага — ноги мои не двигались! Я хотел крикнуть и не мог — губы мои занемели! Всё замерло — ветер, камыш, река, люди, птицы — всё окаменело от страха Божьего. И лишь рука Крестителя двигалась медленно-медленно: он крестил!

— А я ничего не видел и не слышал! — вспыхнул Иуда. — Ты, верно, был не в своем уме.

— А ты, рыжий, ничего не видел, потому что не хотел видеть, — упрекнул его Петр.

— А ваше святейшество, соломенная борода, видело, потому что хотело видеть. Захотелось увидеть Святой Дух — и пожалуйста. Но, что самое интересное, сейчас ты этих болванов убедишь, что они его видели. Смотри — за это придётся отвечать.

Иаков молча слушал и грыз ногти, но теперь и он не сдержался.

— Пойдите, парни. Что вы запылали, как нефть? Давайте обсудим всё спокойно. Вы действительно думаете, что Креститель сказал это перед тем, как ему отрубили голову? Я сомневаюсь. Прежде всего никто из нас ничего подобного не слышал. А кроме того, если он и сказал, то, верно, про себя — не мог же он вслух это произнести? Он ведь понимал, что, если царь услышит такое, то пошлет лазутчиков разузнать, что это за человек, этот Иисус в пустыне, велит поймать и тоже обезглавить его. Как говорит мой отец, это ясно как Божий день. Так что не будем слишком увлекаться.

— К чёрту Божий день! — вскипел Петр. — Пусть каждый судит как умеет. Налей-ка выпить, Андрей! Надо прополоскать мозги, чтобы глаза прочистились.

В это мгновение в харчевню вбежал высокий нескладный человек, босой, со впалыми щёками. На нем была набедренная повязка, с головы до пят спускался погребальный саван, на шее болтались бусы из амулетов.

— Прощайте, братья! — воскликнул он, прикладывая руку к груди. — Я ухожу, иду к Богу. Есть ли у вас какие-нибудь поручения к Нему? — И, не дожидаясь ответа, он кинулся бегом в следующий дом.

Со двора вернулся трактирщик с подносом, и комната наполнилась восхитительным запахом.

— Счастливого пути! — закричал Симон вслед долговязому сумасшедшему. — Передай Ему наши наилучшие пожелания!.. Вот ещё один из ваших! — рассмеялся он, подмигивая приятелям. — Да, похоже, действительно наступил конец света — вокруг полно идиотов. Этот утверждает, что повстречал Господа позавчера ночью, когда вышел пописать. Ну и с этого мгновения как ему дальше жить? Он даже есть перестал. «Меня, — говорит, —

пригласили на небеса. Там и покушаю». Нацепил свой саван и бежит по домам: собирает поручения, прощается. Видите, что бывает, когда слишком близко подходишь к Богу! Берегитесь, парни, — для вашего же блага — не подходите к нему слишком близко. Я преклоняюсь перед Ним, но на расстоянии. Запомните!

Он установил поднос с головой барашка в центре стола. Всё лицо его искрилось от смеха.

— Свежая голова! Иоанн Креститель! Ешьте на здоровье!

Тошнота подкатила к горлу Иоанна, и он отвернулся. Рука Андрея, уже было потянувшаяся к подносу, замерла в воздухе. Голова смотрела на них мутными, широко раскрытыми неподвижными глазами.

— Симон, мерзавец! — вскричал Петр. — Ты отбил у нас всякий аппетит, теперь её никто не станет есть! Как я теперь выковыряю из неё глаза? Я так люблю ими закусить, а теперь это всё равно что съесть глаза Крестителя.

— Не волнуйся, милый Петр, — расхохотался трактирщик. — Я сам их съем, но сначала вкуснейший, нежнейший язык — да благословит его Господь! — который кричал: «Кайтесь! Кайтесь! Конец света наступил!» Бедняга, его собственный конец наступил гораздо быстрее, — и, вынув нож, он отрезал язык и в один присест проглотил его. Потом налил полную чашу вина и, усевшись, залюбовался своими двумя бочонками. — Ладно, парни, забудем, Мне жаль вас. Я сменю тему, чтобы голова Крестителя перестала вас отвлекать и вы смогли бы заняться бараньей... Как вы думаете, кто нарисовал этих петуха и свинью на бочках? Ваш гостеприимный хозяин собственными руками, если хотите знать. А может, вы угадаете, почему петуха и свинью? Куда вам, глупым галилеянам. Значит, мне придётся раскрыть вам тайну и просветить ваши крохотные мозги!

Петр, облизываясь, взирал на голову, но не осмеливался вынуть глаза и съесть их. Они всё ещё напоминали ему о Крестителе. Глаза пророка точно так же взирали на человечество.

— Так слушайте, — продолжил трактирщик, — и просвещайте, как я уже сказал, свои крохотные мозги. Когда Господь закончил творение (кстати, а зачем Благословенный вообще затеял это дело?) и смыл грязь со своих рук, он созвал всех новорожденных созданий и гордо спросил их: «Скажите, птицы и звери, как вам нравится мир, созданный мною? Может, что-нибудь вам не по вкусу?» И все тут же начали блеять, ржать, мяукать, мычать и щебетать: «Всё по вкусу! Всё по вкусу!» — «Благословляю вас, — ответил Господь. — Надо вам сказать, что и Я не вижу никаких изъянов. Мои руки заслужили похвалу». Но тут он заметил петуха и свинью, которые молчали, опустив головы. «Эй, свинья! — закричал Бог. — И вы, господин петух, почему молчите? Может, вам не нравится мир, который я создал? Может, в нем чего-то не хватает?» Но они продолжали молчать. Уж можете быть уверены, что бес им нашептывал на ухо: «Скажите Ему, что не хватает вьющегося растения, которое приносит виноград, — его можно давить, сливать в бочки и превращать в вино». «Эй вы, что молчите?!» — снова закричал Господь, поднимая свою исполинскую руку. И наконец бес придал им мужества, они подняли головы. «Господь Создатель, что мы можем Тебе сказать? Слава Твоим рукам — мир прекрасен! Но в нем недостает одного вьющегося растения, которое приносит виноград — его давят, сок сливают в бочки и превращают в вино». «Ах, вот в чем дело! Сейчас Я вам покажу, безобразники! — в гневе вскричал Господь. — Вы хотите вина и пьянства, и пьяных драк, и пьяной рвоты? Да будет вино!» И, засучив рукава, Он взял комок глины, вылепил лозу и посадил её. «Так слушайте же моё проклятие, — добавил Он, — да будет у пьяницы петушиный ум и свинья харя!»

Друзья разразились хохотом и, позабыв о Крестителе, принялись за жареную голову. Иуда был первым и самым усердным. Он расколол череп надвое и набрал полные пригоршни мозгов. Увидев такой грабеж, трактирщик перепугался — да они ему и косточки не оставят!

— Эй, парни, — закричал он, — хорошо вам тут есть и пить, но не забывайте и покойного Иоанна Крестителя. Бедная его голова!

Все снова замерли с кусками мяса в руках, а Петр, жевавший глаз и собиравшийся его уже проглотить, подавился. И проглотить его теперь было нельзя, но и выплевывать жалко. Что же делать? Лишь на Иуду это не произвело никакого впечатления. Трактирщик снова наполнил чаши.

— Да сохранится его имя надолго в нашей памяти. Бедная отрубленная голова... Ну, а теперь выпьем за ваши, парни!

— И за твою, старая лиса, — добавил Петр, проглатывая глаз.

— Ничего, — ответил трактирщик, — мне-то бояться нечего. Я не суюсь в дела Господа и не обременяю себя размышлениями о спасении мира! Я — трактирщик, а не ангел и не серафим, как ваши святейшества. Уж чего-чего, а этого мне не надо, — и с этими словами он схватил остатки головы.

Петр открыл было рот, но произнести ему ничего не удалось, так как на пороге появился огромный человек с изъеденным оспой лицом. Ученики Иисуса замерли за столом, Петр испуганно пригнулся, стараясь спрятаться за широкими плечами Иакова.

— Варава! — ухмыльнулся Иуда. — Заходи.

Варава, склонив свою крепкую шею, уставился на галилеян, притихших в полутьме.

— Рад, что встретил вас, мои ягнятки, — с издевкой рассмеялся он.
— Чуть до Индии не дошёл, чтобы разыскать вас.

Трактирщик ворча поднялся и принёс ему чашу для вина.

— Только тебя нам и не хватало, разбойник Варавва, — пробормотал он себе под нос. Симон не любил этого человека. Всякий раз, как Варавва заходил в харчевню, он напивался и начинал ссоры с римскими солдатами, а расплачиваться приходилось Симону. — Только не начинай свои старые штучки, свиная морда!

— Слушай, ты, пока нечестивые топчут землю Израиля, я буду бороться — заруби себе это на носу. Неси жрать, вшивая кляча!

Трактирщик подтолкнул к нему блюдо с костями.

— Ешь! У тебя зубы, как у собаки, — разгрызешь!

Варавва одним глотком осушил свою чашу, покрутил ус и спросил:

— А где же ваш пастух, мои овечки? У меня с ним старые счета. — Глаза его засверкали.

— Ты пьян, а пить ещё даже не начал, — угрожающе заметил ему Иуда. — Твои геройства уже дорого обошлись нам.

— Что ты имеешь против нашего учителя? — осмелился вставить слово Иоанн. — Он святой человек. Он даже на муравья не наступит, когда идёт.

— Чтобы муравей не наступил на него. Он просто трус! Разве он мужчина?

— Он вырвал Магдалину из твоих лап — этого ты ему и не можешь простить, — набрался мужества Иаков.

— Он осмелился перейти мне дорогу, — прорычал Варавва, и взор у него помутнел, — перейти мне дорогу, и он заплатит за это!

Но Иуда, схватив его за руку, оттащил в сторону.

— Что тебе здесь надо? — зловеще прошипел он. — Зачем ты спустился с галилейских гор? Братство предписало тебе скрываться там. В Иерусалиме место другим.

— Мы боремся за свободу или нет? — яростно набросился на него Варавва в свою очередь. — А если да, то я вправе делать всё, что мне заблагорассудится. Я пришёл посмотреть своими глазами на этого Крестителя и на все его чудеса и знамения. «Может, он и есть Тот, кого мы ждем», — сказал я себе. А если так, пусть не мешкает, встает во главе и начинает битву. Но я опоздал. Его уже казнили... Иуда, ты старше меня — что ты скажешь?

— Я скажу, что тебе надо встать и уйти отсюда. Не суйся в чужие дела.

— Мне уйти?! Ты шутишь? Я пришёл повидаться с Крестителем, но повстречался с плотником. Сколько времени я уже за ним гоняюсь! И теперь, когда Господь посылает его прямо мне в руки, я должен всё бросить и уйти?!

— Вон! — заорал Иуда. — Это моё дело. И не суйся в него.

— Интересно. Братство, к твоему сведению, приговорило его к смерти. Он — римский прихвостень: они платят ему за то, чтобы он кричал о Царствии Божием и отвлекал людей от земных дел, заставляя их забывать о рабстве. А ты... Что ты от него хочешь?

— Ничего. Мне надо свести с ним свои счета. Понял?

Варавва обернулся и бросил прощальный взгляд на своих приятелей, прислушивавшихся к разговору.

— Скоро увидимся, мои ягнятки! — зловеще прокричал он им. — Никому ещё не удавалось так легко уйти от Вараввы. Увидите, мы

ещё поговорим, — и, выйдя за порог, он направился в сторону ворот Давида.

— Он передал ему распоряжения! — подмигнул трактирщик Петру.
— Тоже мне братство! Они убивают одного римлянина, а римляне за это — десять израильтян. Да какое десять — пятнадцать! Берегитесь, парни! Слушай меня, — нагнувшись, зашептал он на ухо Петру, — не верьте Иуде Искароту. Эти рыжие... — он не закончил, так как в это мгновение рыжебородый вернулся за стол.

Иоанн встревоженно встал, подошёл к дверям и выглянул. Учителя не было видно. День уже начался, и улицы заполнились людом. Лишь у ворот Давида было пусто — камни, пыль и ни единого зелёного листочка. Ветер приносил вонь от какой-то гнили. Иоанну стало страшно. Всё в этом городе было камнем: каменные лица людей, каменные сердца, каменным был сам Господь, которому они поклонялись. Куда девался тот милостивый Отец, которого им подарил учитель? Когда же он появится, и они смогут вернуться в Галилею?

— Братья, пошли! — поднялся Петр, его терпение иссякло. — Он не придёт.

— Я слышу, как он приближается, — робко промолвил Иоанн.

— Где ты его слышишь, ясновидящий? — оборвал его Иаков, которого мало заботили фантазии собственного брата. Как и Петр, он мечтал вернуться домой к своим лодкам. — Ну, скажи мне, где ты его можешь слышать?

— В своем сердце, — ответил ему младший брат. — Оно всегда первым видит и первым слышит.

Иаков и Петр пожали плечами, но тут вмешался трактирщик.

— Не смейтесь. Мальчик прав. Я слышал... Постойте, как вы думаете, что такое Ноев ковчег, как его понимают? Конечно же,

сердце человеческое! Внутри него Господь и все Его творения! Всё гибнет и идёт ко дну, лишь оно одно плывет по волнам, неся свой груз. И это сердце человеческое знает всё — да, да, не смейтесь! Всё.

На улице завывали трубы, поднялся шум — люди освобождали дорогу. Галилеяне с любопытством кинулись к дверям. Крепкие красивые юноши несли украшенные позолотой носилки, на которых, поглаживая бороду, возлежал толстяк в дорогих одеждах, пальцы его были унижены золотыми перстнями, лицо расплылось от самодовольства.

— Каиафа — козел первосвященник, — заметил трактирщик. — Затыкайте носы, парни. Рыба гниет с головы, — и, зажав нос, он сплюнул. — Направился в свой сад есть, пить и резвиться со своими женщинами и мальчиками. Честное слово, если бы я был Господом... Мир ведь висит на нитке! Я бы перерезал её... да, клянусь моим вином! Перерезал бы — и пусть всё катится к чёрту!

— Пошли, — повторил Петр. — Здесь опасно. У моего сердца тоже есть глаза и уши, и оно кричит мне: «Уходи! Все! Уходите, несчастные!»

И не успел он договорить, как действительно услышал, как кто-то кричит в его сердце. В ужасе он вскочил и схватил стоявший в углу посох. Увидев это, остальные тоже повскакивали — страх заразителен.

— Симон, ты знаешь его. Если он придёт, скажи, что мы возвращаемся в Галилею, — сказал Петр.

А кто будет платить? — забеспокоился трактирщик. — Голова, вино...

— Ты веришь в загробную жизнь, Симон-киринейнин? — поинтересовался Петр.

— Конечно, верю.

— Даю тебе слово, что там я тебе и заплачу. Если хочешь, могу даже дать расписку.

Трактирщик почесал в затылке.

— Что? Ты не веришь в загробную жизнь? — угрожающе спросил Петр.

— Верю, Петр. Чёрт побери, верю... но не настолько...

ГЛАВА 20.

Пока они препирались, на порог вдруг упала синяя тень. Галилеяне отпрянули — в дверном проеме стоял Иисус. Ноги его были сбиты в кровь, одежда в грязи. Они с трудом узнали его: кто это — их робкий учитель или суровый Креститель? Волосы спутанными прядями падали на его плечи, кожа загубела и почернела под солнцем, щёки ввалились, зато глаза стали такими большими, что, казалось, занимали всё лицо. Всё это так напоминало Крестителя. Раскрыв рты, ученики молча смотрели на него. Могут ли два человека соединиться и стать одним?

«Он убил Крестителя, он... он...» — мелькнуло в голове Иуды, отошедшего в сторону, чтобы дать пройти незнакомцу. Не отрывая глаз, он следил, как Иисус перешагнул порог, сурово оглядел всех и закусил губу... «Он всё взял от него, он похитил его тело, — размышлял Иуда. А душу? Ну, ничего, сейчас он заговорит, и мы узнаем».

Некоторое время все молчали — даже воздух изменился в харчевне. Трактирщик тихо скрючился в углу и смотрел на Иисуса,

который медленно входил в комнату, кусая губы, — жилы вздулись на висках сына Марии. И вдруг раздался хриплый голос. Ученики вздрогнули, ибо это был голос не учителя, но страшного пророка Иоанна Крестителя.

— Уходите?

Никто не проронил ни слова. Столпившись у порога, они прятались друг за друга.

— Уходите? — гневно повторил он. — Говори, Петр!

— Рабби, — неуверенно ответил Петр, — Иоанн услышал твою поступь в своем сердце, и мы вышли тебе навстречу.

Иисус нахмурился — горе и гнев охватили его.

— Идемте, — произнес он, поворачиваясь к двери. — Ты идешь, Иуда? спросил он, заметив, что тот стоит в стороне, не спуская с него своего тяжёлого взгляда.

— Я с тобой до самой твоей смерти. Ты знаешь.

Этого недостаточно! Слышишь? Недостаточно! И после моей смерти!.. Пошли!

Трактирщик, наконец, выскочил из-за бочек, распрямив свои члены.

— Счастливо, ребята! — закричал он и добавил: — Скатертью дорога! Счастливого пути! И когда наступят счастливые времена и вы войдете в Царствие Небесное, не забудьте о вине, которым я вас поил... и о барашке!

— Я дал тебе слово! — очень серьезно ответил Петр.

Ему было стыдно, что он солгал учителю из страха. А суровый вид Иисуса ясно говорил, что тот понял это, и теперь, наверное, насмехался про себя: «Петр — трус, лжец предатель! Чёрт побери,

когда ты станешь человеком? Когда ты победишь свой страх? Когда прекратишь менять свое мнение по десять раз на дню — флюгер!»

Петр остановился чуть сзади, чтобы посмотреть, куда хочет пойти учитель, но Иисус, застыв, вслушивался в печальную монотонную мелодию, которую выводили надтреснутыми голосами у ворот Давида. Это были прокажённые. Распростершись в пыли и протягивая к прохожим обрубки своих рук, они тихо воспевали величие Давида и милость Божию, который послал им проказу здесь, на земле, дабы они ещё в этой жизни смогли искупить свои грехи, а в загробной их лица сияли бы, как солнце, во веки веков.

Поникнув головой, Иисус повернул в сторону города. Лавки, мастерские, харчевни — всё было открыто, улицы были запружены людьми — они суетились и кричали, пот ручьями бежал по их телам. Ржание лошадей, людские крики сливались с завыванием труб и рожков, и святой город казался Иисусу страшным мычащим больным животным, чье тело пожирается проказой, безумием и смертью.

Шум на улицах всё возрастал, люди сновали туда и сюда «Что за спешка? — спрашивал себя Иисус. — Почему они бегут? Куда они идут? — и вздыхал: — К дьяволу!»

Он был в растерянности, не зная, как поступить. Может, он должен остаться в этом людоедском городе, влезть на крышу Храма и возопить: «Кайтесь! Кайтесь!..» Эти несчастные люди, бегающие по улицам, больше нуждаются в покаянии и утешении, чем спокойные рыбаки и земледельцы Галилеи. «Я останусь здесь, — решил Иисус. — Здесь я впервые объявлю о гибели мира и Царстве Божиим».

— Рабби, — подошёл к Иисусу Андрей, который не мог справиться со своим горем. — Рабби, они схватили Крестителя и убили его!

— Слава Богу! Всё в руках Его, — спокойно ответил Иисус. — У Крестителя было достаточно времени, чтобы выполнить свое предназначение. Будем надеяться, Андрей, что и мы выполним свое! — Он увидел, как глаза бывшего ученика Предтечи наполняются слезами. — Не печалься, Андрей, — похлопал он его по плечу. — Он не умер. Умирают лишь те, кто не успел обрести бессмертия. Он успел. Господь дал ему на это время.

И произнеся это, он вдруг всё понял. Действительно, всё в этом мире зависит от времени. Во времени всё созревает. Если тебе дано время, то ты можешь успеть переработать свою человеческую плоть и обратить её в дух. И тогда тебе незачем бояться смерти. Если у тебя нет времени, ты погибаешь... «Милостивый Господь, — взмолился Иисус про себя, — дай мне время — это единственное, о чём я прошу тебя. Дай мне время...» Он чувствовал, что в нем всё ещё много плотского, много человеческого. Он всё ещё был подвержен гневу, страху, ревности; у него мутилось в глазах, когда он вспоминал Магдалину; а прошлой ночью он украдкой поглядывал на сестру Лазаря Марию...

Он вспыхнул от стыда и тут же решился: он уйдет из этого города. Час его смерти ещё не настал, он ещё не готов... «Господи, — снова взмолился Иисус, — дай мне время, время и больше ничего...»

— Идемте, друзья мои, мы возвращаемся в Галилею, — кивнул он спутникам. — Во имя Господа!

Они стремились к Генисаретскому озеру, как усталые голодные лошади в любимое стойло. Иуда снова шёл впереди, насвистывая. Давно ему уже не было так спокойно. Ему очень нравились лицо и голос учителя после возвращения его из пустыни. «Он убил Крестителя, — повторял Иуда снова и снова про себя. — Он взял его с собой, лев и агнец соединились. Может ли Мессия быть

львом и агнцем одновременно, как древние чудовища?» — спрашивал он себя и шёл дальше, насвистывая и ожидая, что будет. «Это молчание долго не может продолжаться. В один из вечеров до того, как мы достигнем озера, он раскроет свои уста и заговорит. Он откроет нам тайну: что он делал в пустыне, видел ли там Бога Израиля и о чём они с ним говорили. А уж я сделаю выводы».

Первая ночь прошла в молчании. Иисус смотрел на звёзды, утомленные спутники спали вокруг него. Лишь голубой глаз Иуды поблескивал в темноте. Всю ночь они с Иисусом просидели друг против друга, не проронив ни слова.

На рассвете они снова тронулись в путь. Они уже оставили позади каменистую почву Иудеи и вступили на белые земли Самарии. У колодца Иакова никого не было — ни одна женщина не появилась, чтобы достать им воды и дать напиться. Они быстро миновали проклятую землю, и вот уже вдали замаячили родные горы — остроконечный Гермон, изящный Фавор, святой Кармил.

Начинало смеркаться, и они устроились под раскидистым кедром любоваться закатом. Иоанн произносил вечернюю молитву:

— Господи, открой нам свои врата. День кончается, солнце садится, солнце исчезает. Мы приходим к Тебе, Господи. Открой нам. Вечный, мы молим Тебя, прости нас. Вечный, мы молим Тебя, смилуйся над нами. Вечный, спаси нас!

Сгущалась синева. Солнце покинуло небосклон, и звёзды ещё не вышли. Пустое небо нависло над землей. Тонкие руки Иисуса белели в сумерках. Душа его всё ещё была полна вечерней молитвой — она омывала все его члены, совершая внутри него свою работу. До его слуха доносились отчаянные крики людей, стучащихся во врата Господа, но Господь не открывал им. Люди стучали и кричали. Что они кричали?

Он прикрыл глаза, чтобы расслышать. Дневные птицы уже вернулись в свои гнезда, ночные ещё не вылетели. Не слышно ни людского говора, ни лая собак — они остановились вдали от каких-либо поселений. Его спутники бормотали вечерние молитвы, но они слишком устали, и священные слова тонули в их сонном сознании, не вызывая никакого отклика в душах. Иисус же слышал этот неустанный стук во врата Господа — стук в его собственном сердце. Они стучались в его собственное теплое сердце, крича: «Открой! Открой! Спаси нас!»

Иисус прижал руки к сердцу, словно сам стучался в него вместе со всеми и умолял открыть. Ему казалось, что он остался один-одинёшенек в этой борьбе, но тут же почувствовал чей-то взгляд. Он обернулся. Иуда не спускал с него глаз, пылающих, как холодное пламя. Иисус вздрогнул. Этот рыжебородый был гордым и неукротимым зверем. Из всех его спутников он казался ему самым близким и в то же время самым чужим, словно лишь Иуде он обязан давать отчет в своих действиях и объяснять свои поступки.

— Иуда, брат мой, — протянул Иисус к нему правую руку, — взгляни, что я держу?

Иуда, напрягшись, вытянул шею, чтобы рассмотреть в полумраке.

— Ничего. Я ничего не вижу.

— Скоро увидишь, — улыбнулся Иисус.

— Царствие Небесное, — сказал Андрей.

— Семя, — сказал Иоанн. — Рабби, ты помнишь, что ты говорил нам у озера в первый раз, когда ты разомкнул свои уста и обратился к людям? «Сеятель пришёл, чтобы бросить в землю свое семя...»

— А ты что думаешь, Петр? — спросил Иисус.

— Учитель, что я могу сказать? Если я спрошу свои глаза, то ничего. Если я спрошу сердце — всё. И мысль моя раскачивается в нерешительности, как язык колокола.

— А ты, Иаков?

— Ничего. Прости меня, рабби, но ты ничего не держишь.

— Глядите! — воскликнул Иисус, резко поднимая руку и с силой опуская её вниз. Иуда от счастья покраснелся, всё его лицо расцвело, как роза, и, схватив Иисуса за руку, он поцеловал её.

— Рабби! — воскликнул он. — Я видел! Я видел! Ты держишь секиру Крестителя. — Но тут же он устыдился и рассердился на себя, что так несдержанно высказал свою радость. Снова отодвинувшись, он прислонился к кедровому стволу.

— Он принёс её мне, опустив к корню сгнившего дерева, — спокойно и сурово промолвил Иисус. — Для того он и был рожден — чтобы передать её мне. Большого он и не мог сделать. Я пришёл и, нагнувшись, поднял секиру — для этого был рожден я. Настало время исполнить мне свой долг — срубить прогнившее дерево. Мне казалось, я жених, и в руках моих цветущая миндальная ветвь, но она обернулась секирой. Помните ли вы, как мы плясали и гуляли в Галилее, прославляя красоту мира, союз небес и земли, как врата рая распахивались перед нами? Друзья, всё это был сон. Но теперь настало пробуждение.

— Значит, нет Царствия Небесного? — в ужасе воскликнул Петр.

— Есть, Петр, есть, но Царство Божие внутри нас. Царствие Небесное в наших душах, царство дьявола — вовне. И два этих царства бьются между собой. Битва! Война! И наш первый долг — поразить сатану этой секирой.

— Какого сатану?

— Мир, окружающий нас. Мужайтесь, друзья, я собрал вас на битву, а не на свадьбу. Простите, ибо я и сам того не знал. Но если кто из вас мечтает о жене, детях, доме и счастье, — пусть уйдет! В этом нет ничего постыдного. Пусть встанет, тихо попрощается с нами и уйдет с нашими благословениями. Время ещё есть, — он умолк, переводя взгляд с одного на другого. Вечерняя звезда, как огромная капля, замерцала между мощных ветвей кедра. Ночные птицы встряхивали свои крылья и просыпались. Прохладный ветер подул с гор. И внезапно вечернюю покойную тишину пререзал крик — это вскочил Петр.

— Рабби, я с тобой в этой битве — плечом к плечу — до самой смерти!

— Это хвастливые слова, Петр, и мне они не по нраву. Мы идем трудным путем. Против нас встанут люди, Петр. Когда бывало такое, чтобы пророк поднимался на спасение людей, а те не забивали его камнями до смерти? Наш путь труден. Держись за свою душу, Петр, чтобы не распрощаться с жизнью. Плоть слаба — не доверяйся ей... Слышишь? Я тебе говорю, Петр.

— Ты не веришь мне, рабби? — со слезами на глазах спросил Петр.
— А я, на которого ты так смотришь и не доверяешь, в один прекрасный день отдам за тебя жизнь.

— Может быть... может быть... — пробормотал Иисус, поглаживая Петра по колену. — Прости меня, милый Петр. — Он обратился ко всем: — Иоанн Креститель крестил водой, и его казнили. Я буду крестить огнём. Я говорю вам это сегодня, чтобы вы знали и чтобы не жаловались потом, когда на нас обрушатся тяжёлые испытания. Перед началом пути я хочу сказать вам, куда мы идем: к смерти, а после смерти — к бессмертию. Вот наш путь. Готовы ли вы к нему?

Спутники словно онемели. Голос учителя был жесток — он уже не шутил и не смеялся, он призывал их к оружию. Неужели для того,

чтобы войти в Царствие Небесное, им надо пережить смерть? Неужели нет другого пути? Они были простыми людьми, бедными невежественными тружениками, а мир был так богат и могуществен — как они смогут бороться с ним? Вот если бы ангелы спустились с небес и помогли им. Но никто из учеников ещё не видел, чтобы ангел разгуливал по земле, помогая бедным и обездоленным. Поэтому они молчали, взвешивая и отмеривая про себя груз опасностей. Иуда посматривал за ними краем глаза и раздувался от гордости: он один ничего не высчитывал. Презирая смерть, он был готов к войне и не заботился ни о своем теле, ни о своей душе. В нем жила лишь одна великая страсть, и погибнуть ради неё было высшим наслаждением.

Петр первым открыл рот.

— Рабби, а ангелы придут нам на помощь с небес?

— Мы — ангелы Господа на земле, Петр, — ответил Иисус. — Других ангелов нет.

— Неужели ты думаешь, что мы управимся сами, учитель? — спросил Иаков.

— Уходи! — закричал, вставая, Иисус. Ноздри его дрожали. — Покинь меня!

— Я не предам тебя, рабби! — воскликнул Иоанн. — Я с тобой до самой смерти!

— И я, рабби! — воскликнул Андрей, обнимая колени Иисуса.

Две большие слезы выкатились из глаз Петра, но он не промолвил ни слова, а высоченный Иаков лишь опустил от стыда голову.

— А ты, Иуда, брат мой? — спросил Иисус, видя, как рыжебородый свирепо смотрит на всех.

— Я не стану тратить время на слова, — взорвался Иуда, — и болтать, как Петр. Покуда ты держишь секиру, я с тобой. Оставишь её, и я оставлю тебя. Я иду не за тобой, как ты знаешь. Я иду за секирой.

— Как ты смеешь так говорить?! — воскликнул Петр.

Но Иисус был рад этим словам.

— Иуда прав. Я и сам иду за секирой, друзья мои.

И прислонившись к кедру, они растянулись на земле. На небе появлялись всё новые и новые звёзды.

— Отныне мы поднимаем знамя Господа, — промолвил Иисус, — и начинаем битву. Звезда и крест вышиты на знамени Господа. Да пребудет он с нами!

Все молчали: приняв решение, они чувствовали, как отвага заливает их сердца.

— Я ещё раз прибегну к иносказанию, — промолвил Иисус, когда темнота уже поглотила всех. — Последняя притча, перед битвой... Знайте, что земля покоится на семи столбах, а столбы на воде, а вода на облаках, облака — на ветрах, ветры — на буре, а буря — на молнии. А молния, как секира, лежит у ног Господа.

— Я не понимаю, — смутился Иоанн.

— Иоанн, сын молнии, — ответил Иисус, глядя по голове любимого ученика. — Ты поймешь, когда станешь старше и будешь жить отшельником на острове, и небеса раскроются над тобой и воспламят твою душу.

Он умолк. Впервые так ясно Иисус понял, что есть молния Господа — горящая секира у ног Его, и, как связка бус, с неё свисали — буря, ветер, облака, вода — вся земля. Сколько лет он прожил с людьми, сколько раз читал Святое Писание — и никто не раскрыл ему этой

страшной тайны. Какой тайны? Что молния есть сын Господа, Мессия! Мессия, который должен очистить мир.

— Друзья, соратники, — промолвил он, и Петру почудилось, что два языка пламени охватили его чело. — Вы знаете, я ходил в пустыню встречаться с Господом. Я сгорал от жары, голодал и страдал от жажды. Я сидел на камне и призывал Господа, Бесы волна за волной обрушивались на меня, разбивались, откатывались и накатывались вновь. Вначале были дьяволы плоти, затем дьяволы ума и, наконец, самые могущественные — дьяволы сердца. Но я держал перед собой Господа, как бронзовый щит, и песок вокруг меня постепенно усеивался клыками, когтями и рогами. И наконец я услышал великий голос над своей головой: «Вставай, бери секиру, данную тебе Предтечей, борись!»

— Неужели никто не будет спасен? — воскликнул Петр, но Иисус не услышал его.

— И тут же рука моя стала тяжёлой, словно кто-то вложил в неё секиру. Я начал подниматься, этот голос раздался снова: «Сын плотника, готовится новый потоп, на сей раз не вода, но огонь. Строй новый ковчег, выбери праведных и погрузи их на него!» Я уже начал выбирать, друзья! Ковчег готов, врата его открыты. Входите!

Все зашевелились и начали подползать к Иисусу, словно он и был ковчегом, а они собирались войти в него.

— И снова я услышал голос: «Сын Давида, как только утихнет пламя и ковчег бросит свой якорь в Новом Иерусалиме, взойди на свой наследственный престол и правь миром! Старая земля должна погибнуть, и старое небо исчезнет. Новые небеса раскинутся над головами праведников. Звёзды и глаза людские будут сиять в семь раз ярче, чем ныне».

— Рабби, — снова воскликнул Петр, — никто из нас, кто будет сражаться с тобой, не должен умереть до того дня, пока мы не увидим этого и не встанем вокруг твоего престола!

Но Иисус снова не слышал его. Погрузившись в огненные видения пустыни, он продолжал:

— И в последний раз я услышал голос над своей головой: «Я благословляю тебя, Сын Божий!»

«Сын Божий! Сын Божий!» — повторял каждый про себя, но никто не осмеливался открыть рот.

Теперь уже все звёзды высыпали на небосклон — в эту ночь они висели совсем низко, на полпути между небом и людьми.

— А теперь, рабби, — спросил Андрей, — где мы начнем нашу битву?

— Господь, — ответил Иисус, — взял землю Назарета и из неё вылепил мою плоть. Потому мой долг начать битву в Назарете. Там моя плоть должна начать свое превращение в дух.

— А потом мы Пойдём в Капернаум, — предложил Иаков, — спасти моих родителей.

— А потом в Магдалу, — предложил Андрей, — возьмем бедную Магдалину тоже в свой ковчег.

— А потом по всей земле! — воскликнул Иоанн, простирая руки к востоку и западу.

— Я вот думаю о наших желудках, — рассмеялся Петр. — Что мы будем есть в этом ковчеге? Предлагаю взять с собой только съедобных животных. Боже милостивый, зачем нам львы и комары?! — Он явно проголодался.

Все рассмеялись.

— Ты можешь думать только об обеде, — усмехнулся Иаков. — А здесь сейчас говорят о спасении мира!

— Вы все думаете о том же, что и я, только не признаетесь, — возразил Петр. — Я открыто говорю всё, что приходит мне в голову, хорошо это или дурно. Мысли мои крутятся то туда, то сюда, и я меняюсь вместе с ними. Потому меня и дразнят флюгером. Прав я, рабби, или не прав?

Лицо Иисуса расцвело в улыбке. Старая история пришла ему на ум.

— Давным-давно жил-был один раввин, который хотел отыскать такого искусного музыканта, чтобы звуки рожка его доносились бы до всех праведников и те бы сходились в синагогу. И объявил он, что все музыканты собираются на состязание — раввин сам хотел выбрать наискуснейшего. Пришло пять человек, самых умелых в этом городе. Каждый брал рожок и дул. Когда все закончили, раввин спросил их: «О чём вы думаете, дети мои, когда дуете в свой рожок?» Один сказал: «Я думаю о Господе». Другой: «Я думаю об освобождении Израиля». Третий: «Я думаю о голодающих бедняках». Четвёртый: «Я думаю о сиротах и вдовах». И лишь самый нищий из всех стоял в углу и не отвечал. «А ты, дитя моё, — повторил раввин, — о чём ты думаешь, когда дуешь в свой рожок?» «Рабби, — залился краской тот, — я бедный невежда, и у меня четверо дочерей. Я не могу дать бедняжкам приданое, чтобы они могли выйти замуж, как все. Поэтому, когда я дую в свой рожок, я говорю себе: "Господи, ты видишь, как я тружусь и стараюсь ради Тебя. Пошли, пожалуйста, мужей моим дочерям!"» «Благословляю тебя, — ответил раввин. — Ты выбран мною». — Иисус повернулся к Петру и рассмеялся: — Благословляю тебя, Петр. Ты выбран мною. Когда пища у тебя на уме, ты говоришь о пище, когда Господь — ты говоришь о Господе. Поэтому люди и называют тебя флюгером! Я выбираю тебя. Ты — мельница, которая перемелет зерно в муку и накормит людей.

У них оставался последний кусок хлеба, и Иисус разделил его. Каждому досталось по крохе, но учитель благословил хлеб, и они насытились. После чего, прислонившись друг к другу, все погрузились в сон.

Ночью всё спит и, расслабившись, растёт во сне, даже камни и души. Когда спутники Иисуса проснулись утром, души их раскинулись ветвями, охватив всю плоть и наполнив её уверенностью и радостью.

Они вышли ещё до рассвета. Воздух был прохладен. На осеннем небе собирались тучи. Последние стаи журавлей тянулись с севера к югу. Ученики беззаботно шагали по дороге: небеса соединились с землей в их сердцах, и даже мельчайшая пылинка сияла для них, словно напоенная духом Господа.

Иисус шёл впереди один. Мысль его скользила по воле Божьей. Он понимал, что мосты сожжены и ему не удастся повернуть назад. Судьба вела его вперёд, и он слепо следовал за ней. Да исполнится воля Господа... Его судьба? И вдруг он снова услышал за спиной таинственные шаги, которые беспощадно преследовали его уже столько времени. Он напряг слух и прислушался. Поступь была тяжёлой и решительной. Но вот шаги обогнали его и донеслись спереди, они вели его... «Так лучше, — подумал он, — лучше. Теперь я никогда уже не сойбюсь с пути...» И возликовав, он пошёл быстрее. Шаги перед ним ускорились, он поспешил за ними.

— Вперёд! Вперёд! — шептал он своему невидимому проводнику и бежал, перепрыгивая через ямы и камни. И вдруг у него вырвался крик. Страшная боль пронзила его руки и ноги, словно в них впились гвозди. Он рухнул на камень, холодный пот крупными каплями выступил на его челе. Голова кружилась. Земля уплывала, Иисус вдруг увидел перед собой тёмный бушующий океан. Он был

пустынен, лишь крохотная красная лодочка отважно бороздила его поверхность, паруса её раздувались и чуть не лопались от ветра... Иисус вглядывался в неё всё внимательнее, и наконец улыбка раздвинула его губы.

— Это сердце моё... — прошептал он, — моё сердце...

Боль постепенно отступала, в голове прояснилось, и подошедшие ученики застали его уже спокойно сидящим на камне и улыбающимся.

— Вперёд, друзья, быстрее! — промолвил он и поднялся.

ГЛАВА 21.

Святая суббота, она — словно пухлый младенец, резвящийся на коленях Господа. Вместе с ним всё отдыхает от трудов своих: земля, вода и человек. Человек одевается, приукрашивается и отправляется в синагогу, чтобы увидеть, как раввин развернет святой свиток с Законом Божьим, записанным красными и чёрными буквами, чтобы услышать и внять каждому слову, каждой букве, раскрывающим волю Господа.

Была суббота. Правоверные выходили из синагоги Назарета. Перед их взором всё ещё стояли видения, которые рисовал в их воображении старый раввин Симеон, и видения эти были такими яркими, что люди шли, спотыкаясь, различая реального мира. Они разбредались по городской площади и, медленно прогуливаясь под высокими финиковыми пальмами, восстанавливали душевное равновесие.

Сегодня раввин вытащил один из свитков Писания наугад. Это оказалась Книга пророка Наума. Вслепую Симеон ткнул пальцем и попал на такой текст: «Вот, на горах — столпы благовестника, возвещающего мир...»

Раввин прочел эти слова один раз, другой — испарина выступила на его лбу.

— Это Мессия! — возопил Симеон. — Он идёт! Оглянитесь! Всмотритесь в себя! Повсюду знаки его приближения. Крик рвется из наших душ: «Довольно!..» А в миру? Взгляните! Сатана воссел на престол Вселенной. В одной руке он держит прогнившую плоть человеческую, в другой — продажную душу. Пришло время, о котором пророчествовали пророки, а устами пророков глаголил сам Господь. Откройте Писание. Что там сказано? «Когда Израиль низвергнется с престола своего и святая земля будет поправа пятою неверных, наступит конец света!» И дальше в Писании сказано: «И последний царь будет беспутным, безбожным и беззаконным, и семья его будет недостойным. И венец соскользнет с головы Израиля». Пришёл беспутный и безбожный царь Ирод Антипатр. Я видел его собственными глазами, когда он приглашал меня в Иерихон лечить его. Я взял все свои тайные травы и отправился. И с тех пор я перестал есть мясо, ибо видел его гниющую плоть, перестал пить вино, ибо видел кровь его, кишашую червями. Тридцать лет смрад, исходивший от его тела, стоит в моих ноздрях... Он умер, и труп его сгнил. Пришли его недостойные сыновья — мелкое отродье. И царский венец обещен... Свершились пророчества! Близится конец света! Над Иорданом гремит голос: «Он идёт!» Этот голос откликается в наших душах: «Он идёт!» Я сегодня открыл Писание и увидел слова: «Он идёт!» Я стар, взор мой мутнеет, выпали зубы, и конечности ослабли. И я ликую! Я ликую, ибо со мной обет Господа. «Симеон, — сказал Он, — ты умрешь не раньше, чем увидишь Мессию». А

стало быть, чем ближе я подхожу к смерти, тем ближе к нам Мессия. Мужайтесь, дети мои. Нет рабства, нет сатаны, нет римлян, есть лишь Мессия, и он грядет! Мужчины, беритесь за оружие, ибо это война! Женщины, зажигайте лампы, близок жених! Мы не знаем часа его прихода — может, он прибудет сегодня, может — завтра. Бдите! Я слышу уже шорох камней, осыпающихся с гор под его ногами. Он идёт! Выходите навстречу — может, вам доведется встретить его!

Люди выходили из синагоги и растекались под финиковыми пальмами. Раввин говорил слишком сумбурно, и его слушатели теперь пытались поскорей позабыть его речи, чтобы утихло бушующее пламя в их сердцах и они могли бы вновь обратиться к насущным заботам. Но пока они прогуливались, нетерпеливо ожидая полудня, когда они смогут вернуться в свои дома и за разговорами, спорами и трапезой позабыть окончательно о пророческих словах, — глядите-ка! Откуда ни возьмись, появился сын Марии, босой, в рваной одежде, с лицом, пылающим как зарница. За ним робко жались четверо учеников, замыкал шествие угрюмый Иуда — глаза его потемнели от усталости.

Земляки недоуменно взирали на них — что это за явление? И разве это не сын Марии впереди?

— Посмотрите, как он идёт. Раскинул руки и машет ими, как крыльями. Господь помутил его рассудок, и он пытается теперь взлететь.

— Смотрите: влез на камень, собирается говорить.

— Пошли повеселимся!

Иисус действительно взошёл на камень в центре площади. Вокруг собирався народ, довольный предстоящим развлечением. Вот теперь им удастся забыть суровые слова раввина. «Война, — сказал

он. — Бодрствуйте: он грядет!» Сколько лет уже Симеон талдычил им одно и то же, их уже тошнило от его слов. Слава Тебе, Господи, теперь сын Марии отвлечет их.

Иисус взмахнул руками, призывая всех собраться, и площадь стала заполняться ермолками, бородами и полосатыми хитонами. Кто жевал финики, кто семечки, богобоязненные перебирали длинные четки, каждый узелок которых содержал речение из Святого Писания.

Глаза Иисуса вспыхнули. В сердце его не было страха, несмотря на такое людское море.

— Раскройте свои уши, — воскликнул он, — раскройте свои сердца, дабы услышать, что я скажу. Исайя возопил: «Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам — открытие темницы». Пришёл пророческий день, братья! Господь Израиля прислал меня благовестником. Он вложил Свои слова мне в губы в пустыне за Иорданом, и я пришёл. Он доверил мне великую тайну. Я взял её и пересек горы и долины — разве не слышали вы моей поступи? Я стремился сюда — в родное селенье, чтобы вам первым принести радостную весть. Какую весть? Настало Царствие Божие!

— Туманно ты говоришь, сын плотника, — закричал горбатый старик, потрясая четками, — туманно и легковесно. «Царствие Божие», «справедливость», «свобода». Довольно! Сделай чудо, и мы поверим тебе. А иначе — заткнись!

— Всё есть чудо, старик, — ответил Иисус. — Какие тебе ещё нужны чудеса? Взгляни под ноги: даже у мельчайшей травинки есть свой ангел-хранитель, который помогает ей расти. Взгляни вверх: что за чудо звёздное небо! А если ты закроешь свои глаза, старик, то

увидишь — какое чудо мир внутри нас! Какое звёздное небо в наших сердцах!

Люди в изумлении слушали его и оборачивались друг к другу.

— Это ли сын Марии? Как ладно он говорит!

— Это дьявол говорит его устами. Где его братья? Пусть свяжут его, пока он никого не покусал!

— Он снова начал. Т-с-с-с!

— День Господа пришёл, братья. Готовы ли вы? У вас осталось мало времени. Сзывайте бедных и раздавайте свое добро. Что вам заботиться о богатствах этой земли? Огонь их всё пожрет. Ибо Царствию Небесному предшествует царство огня. В день Господа стены домов восстанут на своих обитателей и сокрушат богатых; золотые слитки в их сундуках превратятся в кровь и пот обездоленных и затопят притеснителей. Разверзнутся небеса, хлынет огненный дождь, море огня зальет землю, лишь новый ковчег будет плыть по нему. В моих руках спасение, я ступаю на ковчег и выбираю. Братья мои, назаретяне, я начинаю с вас. Вас первыми я приглашаю. Входите! Пламя Господа уже спускается с небес!

— Ха-ха-ха! Сын Марии пришёл нас спасать, — заулюлюкала толпа.

Со всех сторон доносились взрывы хохота. Кое-кто уже начал собирать камни.

И вдруг в дальнем конце площади появился какой-то бегущий человек. Это был Филипп, пастух. Как только он узнал о приходе своих друзей, он тут же кинулся к ним. Глаза у него опухли, словно от слез, щёки ввалились. В тот самый день, когда он попрощался у озера с Иисусом и своими друзьями, крича им вслед: «Я не пойду, у меня овцы, на кого я их оставляю?!» — разбойники, спустившиеся с гор, скрутили его и увели всех овец, оставив ему лишь пастуший

посох. С тех пор он ходил от деревни к деревне, от горы к горе в поисках своей отары, словно царь в изгнании. Из его уст вылетали проклятия и угрозы, и он точил свой кинжал, но по ночам, оставаясь в одиночестве, он плакал... И теперь он бежал к старым друзьям, собираясь присоединиться к ним, поведать о своих страданиях, чтобы всем вместе отправиться на поиски его стада. До него донеслись смех и улюлюканье.

— Что это там происходит? — пробормотал он. — Над чем они смеются? — И он подошёл ближе.

— Над чем вы смеетесь? — гневно вскричал Иисус. — Зачем собираете камни — чтобы побить Сына человеческого? К чему похваляетесь своими домами, оливковыми рощами, виноградниками?! Все это прах! Прах! Сыновья и дочери ваши — прах! Великий разоритель огонь сойдет с вершин гор, чтобы похитить ваших агнцев!

— Какой разоритель? Каких агнцев? — пробормотал Филипп, оперевшись подбородком на свой посох. — О каком это пламени он говорит?

Пока Иисус говорил, сходились всё больше и больше людей с землистым цветом кожи — нищих. Прослышав о новом пророке бедняков, они бросились на площадь. Говорили, что в одной руке у него божественный огонь, чтобы спалить богатых, а в другой — весы, чтобы поровну разделить их добро между бедными. Явился новый Моисей, принёсший новый, более справедливый Закон. И собравшаяся голытьба с восторгом внимала ему. Свершилось! Свершилось! Пришло царство бедных!

Иисус заговорил снова, и тут же ему на плечи обрушились четыре руки, стащивших его с камня. Он не успел оглянуться, как уже был связан толстой веревкой.

Обернувшись, Иисус увидел, что это сыновья Иосифа, его собственные единокровные братья — Симон, хромой, и Иаков, благочестивый.

— Домой! Домой! — вопили они, таща его за собой. — Ты одержим бесами!

— У меня нет дома. Оставьте меня! Вот мой дом, и вот мои братья, — воскликнул Иисус, указывая на толпу.

— Иди домой, домой! — хохоча, подхватили деревенские толстосумы. Один из них поднял руку и кинул камень. Он попал в лоб Иисусу — пролилась первая капля крови.

— Смерть! Смерть! — завизжал горбатый старик. — Он — чародей, он насылает на нас свое колдовство! Он призывает огонь на наши головы — огонь и вправду обрушится и сожжет нас!

— Смерть! Смерть! — слышалось со всех сторон.

— Позор на ваши головы! — выскочил вперёд Петр. — Что он вам сделал? Он невинен!

— Похоже, ты на его стороне? — схватил Петра за шею какой-то дюжий парень из толпы.

— Нет! Нет! Нет! — взвыл Петр, пытаясь вырваться из цепких лап.

Трое других учеников Иисуса словно обезумели от страха. Глаза Иоанна наполнились слезами. И лишь Иуда, продравшись сквозь толпу, отшвырнул двух обнаглевших братьев от учителя и развязал веревку.

— Прочь! — закричал он. — Или вам придётся иметь дело со мной. Прочь отсюда!

— Будешь командовать у себя в деревне! — воскликнул хромой Симон.

— Я буду командовать везде, пока со мной мои кулаки, ты, хромоножка! Постыдитесь — вы уже предали его! — повернулся он к четверке учеников. — Сюда! Встаньте вокруг него, чтобы никто его не тронул!

Ученики потупились.

— Братья, мы с вами! — завопили нищие и бродяги, пробиваясь вперёд. — Убьем их!

— Я тоже с вами! — раздался чей-то истошный крик. Это Филипп, размахивая посохом, пытался пробиться к ним через толпу. — Я иду!

— Добро пожаловать, Филипп, — ответил ему рыжебородый. — Присоединяйся к нам. Бедные и обездоленные — все вместе!

Жители Назарета дрогнули при виде всей этой нищей толпы. Сын плотника пришёл подстрекать бедных, он хочет перевернуть мир вверх дном. Он ведь сам сказал, что принёс новый Закон! Смерть, смерть ему!

Подогретые злобой, они приготовились к борьбе: одни — вооружившись посохами, другие — ножами и камнями. Старики отошли в сторону и подбадривали молодежь криками. Друзья Иисуса отступили под платаны на край площади. Иисус, выйдя вперёд, остановился между двумя бушующими толпами.

— Братья! — закричал он, раскинув руки, но его никто не стал слушать. Уже летели камни, стонали первые раненые.

Из узкой улочки выбежала женщина. Лицо её было туго обвязано чёрным платком, закрывавшим всё, за исключением огромных глаз, в которых стояли слезы.

— Ради Бога, не убивайте его! — закричала она пронзительным голосом.

— Мария, его мать! — раздался приглушенный ропот.

Но разве мужчины могли в это мгновение пожалеть мать — гнев правил ими.

— Смерть! Смерть! — вопили назаретяне. — Он пришёл будоражить народ, поднять восстание, разделить наше добро между босоногой нищетой. Смерть!

Противники перешли к рукопашной. Оба сына Иосифа, стеная, уже катались в пыли. Иаков камнем рассадил им головы. Иуда с кинжалом стоял перед Иисусом, не давая никому приблизиться к нему. Филипп, вспомнив о своих овцах, дал волю ярости и слепо молотил по головам посохом.

— Во имя Господа! — снова слышался голос Марии. — Он болен! Он вне себя! Сжальтесь!

Но её крик потонул в общем реве. Иуда, выбрав одного из самых рьяных противников, наступал на него теперь, прижав кинжал к самому его горлу. И лишь Иисус, схвативший его за руку, вовремя предупредил кровопролитие.

— Иуда, брат мой, — воскликнул он, — не надо крови! Не надо!

— Чего же ты хочешь? Воды? — в ярости обернулся к нему рыжебородый. — Может, ты забыл, что в твоих руках секира? Час пришёл!

Даже Петр после нескольких полученных ударов рассвирепел и, схватив огромный камень, прицеливался — в кого бы бросить.

Мария прошла в самую гущу схватки, приблизилась к сыну и взяла его за руку.

— Дитя моё, что с тобой? В кого ты превратился? Возвращайся домой — вымоешься, переоденешься, обуешь свои сандалии. Ты весь грязный, сын мой.

— У меня нет дома, — ответил Иисус. — У меня нет матери. Кто ты?

Вцепившись ногтями в свои щёки, Мария зарыдала и более уже ничего не произнесла.

Петр швырнул камень и попал по ноге горбатому старику. Жертва взвыла от боли и, прихрамывая, двинулась в сторону дома раввина. Но тот, запыхавшись, уже бежал навстречу. Услышав шум, он выскочил из-за стола, за которым сидел, погружившись в Святое Писание. Схватив посох, он бросился посмотреть, что происходит. Встретившиеся ему по дороге раненые рассказали о происходящем, и, наконец, пробившись через толпу, раввин смог добраться до сына Марии.

— Что это значит, Иисус? — строго спросил он. — И это ты, проповедник любви? Это такую любовь ты нам принёс? Тебе не стыдно? — Он повернулся к толпе: — Дети мои, возвращайтесь в свои дома. Это мой племянник. Он больной, несчастный человек; он давно уже болеет. Не держите зла на него, но простите его. Это не он говорит, его устами кто-то пользуется.

— Господь говорит ими! — воскликнул Иисус.

— Замолчи! — оборвал его раввин и пригрозил посохом. — Оставьте его, дети мои, — снова повернулся он к толпе. — Не держите зла на него, ибо он сам не знает, что говорит. Все — и бедные, и богатые, все мы — семя Авраама. Не ссорьтесь между собой. Полдень — расходитесь по домам. Я вылечу этого несчастного человека. Мария, ступай домой, — сказал он матери Иисуса. — Мы скоро придём.

Мать бросила на сына последний взгляд, взгляд, исполненный такой тоски, словно она прощалась с ним навсегда, вздохнула и, закусив губы, исчезла в узких улочках.

Пока люди лупили друг друга, над их головами собрались тучи — вот-вот должен был пролиться дождь. Поднялся ветер. Черенки последних листьев отрывались от голых ветвей платанов и смоковниц, и листья усеивали землю. Площадь опустела.

— Приветствую тебя, Филипп, брат мой, — протянул Иисус руку Филиппу.

Я рад видеть тебя, рабби, — ответил тот, хватая руку Иисуса и предлагая ему свой посох. — Возьми опереться.

— Идемте, други, идемте, — промолвил Иисус. — Отряхните прах со своих ног. Прощай, Назарет!

— Я вас немного провожу, чтобы никто не напал на вас, — предложил старый раввин.

И, взяв Иисуса за руку, он двинулся вперед, ощущая в своей ладони горящую ладонь сына Марии.

— Сын мой, чужие заботы надломают тебя.

— Но у меня нет своих забот, отец. Так пусть же меня надломают чужие!

Вдали показались сады и ещё дальше поля — путники достигли окраины Назарета. Ученики, шедшие позади, остановились у источника, чтобы промыть свои раны. Их сопровождала целая толпа нищих, увечных и двое слепых — все оживленно разговаривали в ожидании, когда новый пророк начнет творить чудеса. Все были возбуждены и веселы, словно одержали большую победу.

Лишь четверо учеников шли молча. Их одолевали сомнения, и они надеялись, что учитель развеет их. «Назарет — родина учителя — осмеял и изгнал нас. Великая битва началась с поражения. А если нас изгонят и из Каны, — думали они, — а потом из Капернаума и

прочих мест вокруг Генисарета, что с нами будет? Куда мы идем? Кому будем возвещать слово Господне? Если народ Израиля будет преследовать нас, к кому обратимся? К неверным?»

Они украдкой посматривали на Иисуса, но никто не осмеливался обратиться к нему. Однако Иисус заметил страх в их глазах и взял Петра за руку.

— Петр, маловерный, в зрачках твоих глаз я вижу трясущегося зверя, у которого шерсть стоит дыбом. Это страх, Петр, страх. Ты боишься?

— Когда я вдали от тебя, рабби, да, я боюсь. Потому я и жмусь к тебе, потому мы все хотим быть к тебе поближе. Поговори с нами, укрепи наши сердца.

— Когда Я заглядываю в глубь своей души, — улыбнулся Иисус, — не знаю, почему, но истина всегда является мне в виде притчи. Итак, друзья, я расскажу вам ещё одну притчу.

Один богатый человек приказал приготовить пир к свадьбе своего сына. Быки были заколоты, и столы накрыты, и послал он рабов своих звать гостей на брачный пир. Но у каждого из званых нашёлся предлог не ходить. Один сказал: «Я только что купил землю, мне надо её осмотреть». Другой: «Я сам только что женился и не могу прийти». Третий: «Я купил пять пар волов — мне надо испытать их». Вернулись рабы и сказали своему хозяину: «Никто не может прийти. Все в своих заботах». Рассердился господин и сказал: «Бегите на площади и распутья, созовите бедных, хромых, слепых и увечных и приведите их сюда. Я созвал своих друзей, но они отвергли моё приглашение и не вкусят от моего стола. Ибо много званых, но мало избранных».

Иисус умолк. Начиная рассказывать спокойно, но чем дальше он говорил, тем ярче вспоминались ему назаретяне, и под конец гнев начал полыхать в его глазах. Ученики в изумлении взирали на него.

— Кто такие званые и кто избранные, и чья это свадьба? Прости нас, рабби, но мы не понимаем, — в отчаянии запустив руку в свою густую шевелюру, промолвил Петр.

— Вы поймете, — ответил Иисус, — когда я соберу званых взойти на ковчег, а они откажутся, говоря, что у них поля, виноградники, жены, а их глаза, губы, уши, ноздри, руки — те самые пять пар волов, которые вспахивают, — что? Бездну, — он вздохнул. Глядя на своих избранных, он ещё сильнее ощущал свое одиночество.

— Я говорю, — прошептал он, — но кому? Всё впустую, Лишь я и слушаю себя. Когда же у пустыни вырастут уши, чтобы услышать меня?

— Прости нас, рабби, — повторил Петр, — наши умы словно комки глины. Но потерпи, и они оживут.

Иисус взглянул на старого раввина, но старик смотрел себе под ноги. Страшное предчувствие закралось тому в душу, и его старые, лишённые ресниц глаза наполнились слезами.

На самом краю Назарета у здания таможни стоял мытарь, собиравший подати. Звали его Матфей. Все торговцы, входившие и выходившие из города, должны были уплатить ему римский налог. Он был низкорослым и полным, с жёлтыми пальцами и грязными ногтями. Из ушей торчали волосы, а голос был высоким, как у евнуха. Вся деревня ненавидела и презирала его. Никто никогда не протягивал ему руки, а, проходя мимо, норовили отвернуться. Разве в Писании не было сказано: «И долг наш платить подати Господу лишь, но не человеку»? А этот человек служил тирану. Он

попрал Закон и жил беззаконием. Даже воздух вокруг него был осквернен.

— Скорее, друзья! — крикнул Петр. — Не дышите. Отвернитесь!

Иисус остановился. Матфей стоял на пороге своей конторы, держа в зубах перо. Сердце его колотилось, он не знал, что делать, на что решиться — оставаться было страшно, но и уходить ему не хотелось. Ведь сколько он уже мечтал взглянуть на нового пророка, провозглашавшего, что все люди — братья. Разве не он сказал, что Господу дороже раскаявшийся грешник, чем праведник? И ещё: «Я пришёл в мир не для праведников, но для грешников: с ними я буду говорить и вкушать пищу». А когда его однажды спросили: «Рабби, какое имя носит истинный Бог?» — разве не он ответил: «Любовь»?

Сколько дней и ночей Матфей размышлял над этими словами и, вздыхая, повторял: «Если б только увидеть его, если б только пасть к его ногам!» И вот он был перед ним, но Матфей не осмеливался даже поднять глаз и взглянуть на него. Наклонив голову, он стоял неподвижно и ждал. Чего он ждал? Пророк уйдет, и он потеряет его навеки.

Иисус сделал шаг и произнес:

— Матфей.

Голос его был так ласков, что у мытаря сердце начало таять, и он поднял глаза. Иисус смотрел прямо на него. Его взгляд проникал в самую душу мытаря, неся мир сердцу и просветление разуму. Матфея охватила дрожь, но животворное солнце осветило его, и он согрелся. Что за радость! Что за милость! Неужто всё так просто в мире, и спасения достигнуть так легко?

Матфей вошёл в таможенную, сбросил на пол свои свитки, взял с собой чистые папирусы, прицепил бронзовую чернильницу к поясу

и заткнул перо за ухо. Затем вынул ключ, запер здание и зашвырнул ключ в сад. Закончив с делами, он на трясущихся ногах подошёл к Иисусу и остановился. Идти дальше или нет? Протянет ли учитель ему руку? И, подняв глаза, он безмолвно взмолился, чтобы тот сжалился.

Иисус улыбнулся и протянул ему руку.

— Добро пожаловать, Матфей. Идем со мной.

Смущенные ученики топтались, не зная, как им поступить. Старый раввин обратился к Иисусу:

— Дитя моё, ты протянул руку римскому мытарю. Это большой грех. Закон осуждает это.

— Рабби, — ответил Иисус, — я слушаюсь лишь своего сердца.

Они вышли из Назарета и, миновав сады, скоро оказались в полях. Дул холодный ветер. Первый снег блестел на вершине Гермона.

Симеон снова взял Иисуса за руку — перед тем, как расстаться, он хотел ещё поговорить с ним. Но что сказать? И с чего начать? Иисус говорил, что в пустыне Господь вручил ему пламя в одну руку и семя в другую. Он говорил, что сожжет старый мир и посеет ростки нового... Раввин внимательно смотрел на племянника. Верить ли? Разве не сказано в Писании, что избранники Божии будут попораны и отвергнуты людьми, как засохшее дерево, выросшее среди камней? Значит, может быть, этот человек...

— Кто ты? — спросил раввин как можно тише, чтобы их никто не услышал.

— Ты так давно меня знаешь, дядя Симеон, с часа моего рождения, и ты до сих пор не узнал меня?

Сердце у старика, казалось, перестало биться.

— Это больше, чем может вместить мой разум, — прошептал он, — рассудок мой отказывается...

— А сердце твое, дядя Симеон?

— Дитя моё, я не прислушиваюсь к своему сердцу. Оно ведет в бездну.

— Бездна — это бесконечность. Бесконечность — это Господь, — ответил Иисус, с улыбкой глядя на старика. — Симеон, не помнишь ли ты сновидение пророка Даниила, посетившее его однажды ночью в Вавилоне, о судьбе народа Израиля? — продолжил он через мгновение. — Вечный сидел на своем престоле в белоснежных одеждах, и волосы на его голове были белы, как овечье руно. Престол его был окутан пламенем, и огненная река текла у его ног. А справа и слева от него восседали судьи. И тут разверзлись небеса, и на облако спустился... кто? Помнишь ли ты, отец?

— Сын человеческий, — ответил старый раввин, который долгие десятилетия лелеял в душе это сновидение. Случалось даже, что по ночам ему самому снился этот сон.

— А кто такой Сын человеческий, отец?

Колени у старого раввина задрожали, и он с ужасом взглянул на пророка.

— Кто? — прошептал он, не спуская глаз с губ Иисуса. — Кто?

— Я, — безмятежно ответил Иисус и опустил свою руку на голову старика, словно благословляя его.

Раввин попытался было открыть рот, но не смог.

— Прощай, отец, — промолвил Иисус, протягивая руку. — Верно, ты счастливый человек, Симеон, ибо Господь сдержал свое слово и

удостоил тебя увидеть перед смертью того, о ком ты мечтал всю свою жизнь.

Взор у старика помутился. Что творилось вокруг: престолы, крылья, Сын человеческий на облаках?

Или это ему только грезилось? Кто это? Пророк Даниил? Или то врата будущего распахнулись перед ним, давая возможность заглянуть внутрь? Симеон уже стоял не на твердой земле, но на облаках, и улыбающийся человек, держащий его за руку, был не сыном Марии, но Сыном человеческим!

Голова старика шла кругом, и, чтобы не упасть, он опёрся на посох, воткнув его поглубже в землю, и всё глядел вслед Иисусу, удалявшемуся под сенью осенних деревьев. Небо потемнело: дождь, не в силах больше удерживаться наверху, обрушился на землю. Одежда раввина быстро вымокла и прилипла к телу. Вода струилась по волосам. Но, несмотря на бившую его дрожь, он, не шевелясь, стоял посредине дороги. Иисус со своими спутниками исчез из виду, а раввин всё стоял и стоял под дождем и ветром и вскоре снова увидел их — уже в отдалении они взбирались на холм. Куда они шли? Неужто эти босые неученые бродяги обрушат пламя на мир? Замыслы Господа — поистине бездонная пропасть... — Адонай, — прошептал Симеон, — Адонай... — И слезы хлынули из его глаз.

ГЛАВА 22.

Ненасытный Рим восседает над всеми народами и, широко раскинув руки, загребает ими корабли и караваны, дары всех земель и моря, всех богов. Не веря ни в единого, он бесстрашно и

снисходительно принимает все божества в свои дома: от далеких огнепоклонников Персии — солнцеликого сына Ахурамазды Митру, восседающего на священном быке; с плодородных берегов Нила — Исиду, бродящую по весне в цветущих полях в поисках своего брата и супруга Осириса, разъятого Сетом; из Сирии — красавца Адониса; из Фригии — Аттиса, распростертого на могиле и усыпанного увядшими фиалками; из бесстыдной Финикии — Астарту с её тысячью мужьями; всех богов и дьяволов Азии и Африки; всех богов с греческого белоснежного Олимпа и из мрачного Аида.

Рим принимает всех богов. Рим прокладывает дороги, освобождает моря от пиратов и земли от разбойников, несет мир и порядок. Выше Рима нет никого. Под ним — всё. Боги и люди — это граждане и рабы Рима. И в деснице своей он держит богато изукрашенные свитки Пространства и Времени. «Я вечен!» — провозглашает Рим, лаская двуглавого орла, который, сложив свои выпачканные кровью крылья, отдыхает у ног хозяина. «Какое великолепие, какая неиссякающая радость быть всемогущим и бессмертным», — мыслит Рим, и торжествующая улыбка расползается по его мясистому лицу.

Он довольно улыбается... и забывает. Для кого он прокладывал пути на земле и по морю, для кого трудился столько лет, чтобы привнести в мир безопасность и благополучие? Это никогда не приходит ему в голову. Он побеждает, издает законы, обогащается, простирается по всей вселенной — но для кого, для кого?

Всё для босого нищего, который с толпой бродяг бредет сейчас пустынной дорогой от Назарета к Кане. Ему негде спать, нечем прикрыть свою наготу, нечего есть. Все его сундуки, кони и богатые одежды ещё на небесах, но уже начали свой путь на землю.

Опираясь на свой пастуший посох, он шёл в пыли по камням, ступая босыми ногами. Временами он останавливался, облакачивался на посох, и взгляд его скользил по вершинам гор к свету, озарявшему их, — Господу, восседающему над ними и следящему за людьми. Потом, подняв руку, приветствовал Его, и продолжал свой путь...

Наконец они добрались до Каны. У колодца на краю деревни счастливая молодая женщина с пухнувшим животом, достав воду, наполняла свой кувшин. Они узнали её. Это была та самая девушка, на чьей свадьбе они гуляли осенью. Тогда ещё они пожелали ей родить сына.

— Наше пожелание осуществится, — улыбнулся ей Иисус.

Она залилась краской и спросила, не хотят ли они пить. Они не хотели, и, поставив кувшин на голову, она направилась к деревне и вскоре исчезла.

...Обогнав всех, Петр перебегал от порога к порогу и стучался в двери. Странное возбуждение охватило его. Он кричал и приплясывал.

— Открывайте! Открывайте!

Двери начали открываться, появились женщины. День клонился к вечеру, и землепашцы возвращались со своих полей.

— Что случилось, приятель? — удивлялись они. — Что ты стучишься?

— День Господа наступил, — отвечал Петр. — Потоп, люди! Мы несём новый ковчег. Все верящие могут взойти. Смотрите! Учитель зовет спастись. Подходите поживее!

Женщины и мужчины двинулись к Иисусу, который, усевшись на камне, рисовал своим посохом на земле звёзды и кресты. Увечные и больные со всей деревни уже собрались вокруг него.

— Рабби, дотронься до нас, чтобы мы исцелились. Скажи нам доброе слово, чтобы мы позабыли о своей хромоте, слепоте, проказе.

— У меня был сын, они распяли его. Подыми его из Мёртвых! — выкрикнула высокая сухопарая старуха в чёрном.

— Кто это такая? — в изумлении оглядывались крестьяне. В их деревне никогда никого не распинали. В недоумении они искали, откуда исходил этот голос, — но старуха уже растворилась в сумерках.

Склонившись над землей, Иисус по-прежнему рисовал кресты и звёзды, прислушиваясь к боевым трубам, звук которых доносился с ближайших холмов. Послышалась тяжёлая ритмичная поступь, и в свете заходящего солнца вспыхнули железные щиты и шлемы. Жители деревни замерли, лица их помрачнели.

— Проклятая гончая возвращается со своей охоты. Снова ловит бунтовщиков.

— Привез к нам свою расслабленную дочь, чтобы её вылечил свежий воздух, как он говорит. Но Господь Израиля всё записывает в Свою книгу и не прощает. Земля Каны поглотит её!

— Не кричите, дураки, — он уже здесь!

Проскакали три всадника — в центре ехал Руфус, центурион Назарета. Пришпоривая скакуна, он приблизился к толпе.

— Что за столпотворение? — закричал он, поднимая хлыст. — Разойтись! — лицо его исказилось.

За несколько месяцев он превратился в старика. Волосы его поседели. Страдания его единственной дочери, которая однажды проснулась парализованной, надломили его. Но пока он разгонял и теснил жителей деревни, взгляд его упал на Иисуса, и лицо его просияло. Пришпорив лошадь, он подскакал поближе.

— Добро пожаловать, сын плотника. Ты вернулся из Иудеи! Я искал тебя. Мне надо кое-что сказать ему, — обернулся он к собравшимся. — Убирайтесь! — Затем оглядел учеников и нищих из Назарета, некоторых узнал, и нахмурился. — Смотри, сын плотника, ты помогал распинать других, как бы тебе не оказаться распятым самому! Оставь народ в покое, не баламуть его. У меня тяжёлая рука, а Рим бессмертен.

Иисус улыбнулся: он слишком хорошо знал, что это не так, но предпочел промолчать.

Крестьяне ворча отошли и столпились в отдалении, разглядывая трех бунтовщиков — высокого старика с раздвоенной бородой и двух его сыновей, которых поймали легионеры и теперь вели закованных в цепи. Все трое, высоко подняв головы, высматривали людей между римских шлемов, но не видели никого, кроме гневного Бога Израиля, парящего перед ними в воздухе.

Иуда узнал их. Было время, он сражался с ними бок о бок. Он кивнул им, но они, ослепленные великолепием Господа, не видели его.

— Сын плотника, — склонился центурион с лошади, — есть много богов: одни ненавидят и убивают нас, другие даже не нисходят до того, чтобы взглянуть на нас, но есть и третьи — милостивые и благорасположенные, — они лечат несчастных смертных. К кому из них принадлежит твой бог, сын плотника?

— Бог один, — ответил Иисус, — не святотатствуй, центурион!

— Я не собираюсь вступать с тобой в богословский спор, — покачал головой центурион. — Я презираю евреев, все вы толкуете лишь о Господе и ни о чём другом. Единственное, что меня интересует, может ли твой бог... — Он умолк, он совестился просить еврея об одолжении.

Но тут же он увидел перед собой узкую постель и неподвижно лежащую на ней девочку с большими зелёными глазами, которые умоляюще смотрели на него... И проглотив свою гордость, он ещё ниже склонился со своего седла.

— Сын плотника, может ли твой бог излечивать больных? — страдальчески посмотрел он на Иисуса. — Может? — повторил он ещё раз, видя, что Иисус молчит.

Иисус медленно поднялся с камня, на котором сидел, и подошёл к всаднику.

— Отцы ели зелёный виноград, и у детей испортились зубы — таков закон моего Бога.

— Это несправедливо! — вздрогнул центурион.

— Нет, справедливо! — возразил Иисус. — Отец и сын имеют один корень. Вместе они возносятся на небеса, вместе низвергаются в ад. Ударишь одного — ранишь обоих. Если один ошибается, наказывают обоих. Ты, центурион, преследуешь и убиваешь нас, и Господь Израиля поразил твою дочь параличом.

— Ты сказал жестокие слова, сын плотника. Я как-то слышал тебя в Назарете, тогда слова твои были добрее — даже слишком добрыми для уха римлянина. А теперь...

— Тогда говорило Царствие Небесное, теперь — конец света. С того дня, как ты слышал меня, центурион, Судия взошёл на престол со своей книгой и призвал Справедливость, которая встала рядом с ним с мечом в руке.

— Значит, твой бог тоже не идёт дальше справедливости? — в отчаянии воскликнул центурион. — Вот где его предел? Так что же это за добрая весть любви, которую ты проповедовал прошлым летом в Галилее? Моя дочь не нуждается в божьей справедливости, она нуждается в любви. Я ищу бога, который выше справедливости, который сможет исцелить моё дитя. Потому-то я и перевернул все камни в Израиле в поисках тебя... Любовь — слышишь ли? Любовь, а не справедливость.

— Безжалостный римский центурион, кто вложил эти слова в твои свирепые уста?

— Страдание и любовь к моему ребенку. Я ищу бога, который исцелит мою девочку, и тогда я поверю в него.

— Благословенны те, чья вера в Бога не нуждается в чудесах.

— Да, благословенны. Но я суровый человек, и меня нелегко убедить. Я видел много богов в Риме — у нас их тысячи, запертых в золотых клетях, — и я сыт ими по горло!

— Где твоя дочь?

— Здесь. В саду.

— Идем.

Центурион спрыгнул с лошади, и они с Иисусом двинулись вперёд. За ними на расстоянии шли ученики, и ещё дальше — толпа поселян. И в это мгновение из арьергарда римского отряда появился счастливый Фома. Он двигался за солдатами, выгодно сбывая им свой товар.

— Эй, Фома, — закричали ему ученики, — ты всё ещё не надумал пойти с нами? Сейчас ты увидишь чудо и удивишься.

— Сначала надо посмотреть и потрогать, — ответил Фома.

— Что потрогать, ты, хитрюга?

— Истину.

— Разве истина имеет плоть? Что ты несёшь, болван!

— А если у неё нет плоти, на что она мне нужна, — рассмеялся Фома. — Я должен пощупать вещь. Я не доверяю ни своим глазам, ни своим ушам. Я верю лишь рукам.

Иисус и Руфус поднялись к дому, стоящему на пригорке на окраине деревни, и вошли в него.

На белой постели лежала девочка лет двенадцати, с широко раскрытыми зелёными глазами. Она увидела отца, и лицо её просияло. Душа её затрепетала, она попыталась подняться, но — напрасно, и радость исчезла с её лица. Склонившись над постелью, Иисус взял девочку за руку. Все его силы сосредоточились в одной ладони, вся любовь и сострадание. Не говоря ни слова, он впился своими глазами в зелёные глаза девочки, чувствуя, как душа его через кончики пальцев перетекает в тело больной. Она доверчиво смотрела на него и улыбалась.

Ученики на цыпочках вошли в комнату — впереди Фома, с узлом через плечо и рожком на поясе. Крестьяне, не сдерживаемые охраной, которая была будто бы заморожена происходящим, разошлись по саду и заполнили улицу. Все ждали, затаив дыхание. Центурион, прислонившись к стене, смотрел на дочь, пытаясь скрыть волнение.

Мало-помалу щёки девочки начали розоветь, грудь её глубоко задышала, по всему телу распространилось легкое покалывание — сначала поднявшееся от руки к сердцу, а потом спустившееся к самым стопам ног. Всё внутри неё задрожало, как листья тополя, охваченные легким ветерком. Иисус почувствовал, как рука

девочки затрепетала, словно сердце, возвращающееся к жизни, и лишь тогда он раскрыл свои уста.

— Вставай, дочь моя! — мягко повелел он.

Девочка шевельнулась, безмятежно потянулась, будто только что проснувшись, и, опершись о постель, поднялась. Одним прыжком она оказалась в объятиях отца. Глаза у Фомы расширились.

Протянув руку, он прикоснулся к девочке — видимо, для того, чтобы удостовериться, что она была настоящей. Изумление и страх охватили учеников. Толпа, собравшаяся вокруг, издала крик и тут же застыла в ужасе. Наступила Мёртвая тишина — лишь слышался смех девочки, целующей и обнимающей отца.

К учителю подошёл Иуда — лицо его было суровым и недобрым.

— Ты растрачиваешь свой дар на неверных. Ты помогаешь нашим врагам. Такой-то конец света ты принёс нам? Это и есть твой огонь?

Но Иисус не слышал его, душа его блуждала где-то далеко. Он изумился более всех, увидев, как девочка вскочила с постели. Не в силах сдержать свою радость, ученики окружили его и принялись приплясывать. Они поступили верно, бросив всё и примкнув к нему. Он был настоящим, он творил чудеса. Фома застыл, словно тщательно взвешивая: на одну чашу весов он водрузил все свои товары, на другую Царствие Небесное. Чаши колебались и замерли: Царствие Небесное перевесило. Да, стоило рискнуть: даю пять, а могу получить тысячу. Так вперёд же, во имя Господа! Он подошёл к учителю.

— Рабби, во имя твое я раздам все свои товары бедным. Смотри же, не забудь это завтра, когда настанет Царствие Божие) Я отдаю всё, чтобы идти с тобой, ибо сегодня я видел и осязал истину.

Но Иисус всё ещё был далеко. Он слышал, но не отвечал.

— Единственное, что я оставляю, это свой рог, — продолжил бывший торговец, — чтобы собирать, трубя в него, народ. Мы будем раздавать новые товары, бессмертные — и бесплатно!

К Иисусу подошёл центурион, держа свою дочь в объятиях.

— Божий человек, — промолвил он, — ты оживил мою дочь. Что я могу сделать для тебя?

— Я освободил твою дочь из цепей сатаны, — ответил Иисус. — А ты, центурион, освободи трех бунтовщиков из цепей Рима.

Руфус склонил голову и вздохнул.

— Я не могу, — с горечью пробормотал он, — я действительно не могу. Я присягал римскому цезарю так же, как ты присягал своему богу. Разве хорошо нарушать присягу? Послезавтра я отправляюсь в Иерусалим и хочу отплатить тебе, пока я здесь.

— Центурион, — ответил Иисус, — настанет день, и мы встретимся с тобой в Иерусалиме в нелегкий час. Тогда я попрошу тебя об услуге. А пока, подожди, — и он опустил руку на белокурую головку девочки. Закрыв глаза, он ощущал тепло и мягкость волос, всю прелесть ещё не распустившейся женственности. — Дитя моё, — произнес он наконец, открывая глаза. — Я собираюсь сказать тебе что-то, чего ты никогда не должна забывать. Возьми за руку своего отца и выведи его на верный путь.

— А что такое верный путь, божий человек? — спросила девочка.

— Это любовь.

Центурион начал отдавать распоряжения — накрыли столы, принесли еду и питье.

— Будьте моими гостями, — обратился он к Иисусу и его ученикам. — Сегодня вы будете пить и есть в этом доме, ибо я праздную воскресение своего дитя. Сколько лет я уже не знал счастья. Но

сегодня моё сердце преисполнено радости. Добро пожаловать! — Он обратился к Иисусу: — Я в великом долгу перед богом, которому ты поклоняешься. Отдай его изображение мне, чтобы я мог послать его в Рим вместе с другими богами.

— Он сам доберется до Рима, — ответил Иисус и вышел во двор вдохнуть свежего воздуха.

Стемнело. На небе зажигались первые звёзды, в деревне — первые лампы. Лица людей сияли. Сегодняшним вечером их каждодневные беседы и подвиги лишений поднялись над обыденным — случилось чудо, все чувствовали, что Господь вошёл в их деревню.

Столы были накрыты. Иисус сел среди учеников, преломил хлеб, но ничего не сказал. Душа его всё ещё взволнованно билась крыльями, будто избежав страшной опасности или обретя огромную и неожиданную радость. Ученики вокруг него тоже молчали, но сердца их колотились от восторга. Все эти концы света и царства небесные были не сном, не болтовней, а реальностью; и этот смуглый босой человек, который ел, говорил, смеялся и спал, как все другие, оказался настоящим Мессией Господа.

Когда трапеза завершилась и все отправились спать, Матфей, склонившись над лампадой, извлек чистый папирус из-под хитона, вынул из-за уха перо и задумался. Как он должен начать? С чего? Господь поместил его рядом с этим святым человеком, чтобы он правдиво записывал сказанное и сделанное им. Тяжёлая ответственность была возложена на него: всё, чему суждено было исчезнуть, он должен был ухватить на кончик пера и, записав, обессмертить. И пусть другие ученики презирают его и избегают из-за того, что он был раньше мытарем. Он докажет им, что раскаявшийся грешник лучше никогда не грешившего праведника.

Он окунул перо в бронзовую чернильницу и услышал справа над собой шорох крыльев. Казалось, ангел спустился диктовать ему. И быстрой уверенной рукой Матфей начал записывать: «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова. Авраам родил...»

Он писал и писал, пока не порозовел восток и не слышались первые крики петухов.

Они вышли из Каны — впереди Фома со своим рогом. При его звуках проснулась вся деревня.

— Прощайте, — кричал Фома, — увидимся в Царствии Небесном.

Позади шёл Иисус с учениками и толпой бродяг и увечных из Назарета, которая теперь сильно увеличилась за счет присоединившихся к ним в Кане. Все они ждали. «Не может же он позабыть о нас, — повторяли они. — Придёт благословенный час, и, обратив на нас свои очи, он избавит нас от голода и болезней...» Иуда на этот раз шёл в самом конце процессии. Он раздобыл пару дорожных сум и теперь, останавливаясь у каждой двери, полупросительно-полуугрожающе обращался к хозяйкам:

— Мы трудимся ради вас, бедняги, чтобы вы были спасены. И вы можете помочь нам, чтобы мы не погибли от голода. Вам бы надо знать, что даже святые нуждаются в пище, чтобы подкреплять свои силы, которые потребуются для спасения человечества. Немного хлеба, сыра, изюма, фиников, пригоршню оливок — неважно, что Господь всё запишет и оплатит вам на том свете. Вы дадите одну мятую оливку, а Он воздаст вам целым садом.

А если какая-нибудь хозяйка медлила открывать свою кладовую, Иуда кричал:

— Зачем жадничать, женщина? Завтра или послезавтра, а может, и нынче вечером небеса разверзнутся, и огонь уничтожит всё твоё добро, кроме того, что ты отдашь нам. Если тебе и удастся спастись,

несчастное создание, то только благодаря хлебу, оливкам и бутылки масла, которых ты не пожалеешь для нас.

Испуганные женщины открывали свои закрома, и когда Иуда достиг конца деревни, сумы его были полны даров.

Шла зима. Застывшие деревья обнажились. Лишь оливы, финиковые пальмы и кипарисы, благословенные Господом, сохраняли свой наряд и зимой и летом. Так и люди: бедняки дрожали, как голые деревья... Иоанн накинул свой шерстяной плащ на Иисуса и теперь, трясаясь от холода, спешил добраться до Капернаума, чтобы порыться в сундуках своей матери. Старая Саломея много наткала за свою жизнь, а сердце её было благородным и великодушным. Он раздаст приятелям теплые одежды, и пусть ворчит старый жадюга Зеведей. Домом правила упрямая и добрая Саломея.

Филипп тоже спешил, думая о своем закадычном дружке Нафанаиле, который дни напролет согбенно шил и латал сандалии и шлепанцы в Капернауме. Вся его жизнь прошла в этом занятии. Когда же он мог найти время задуматься о Господе, прислонить к небесам лестницу Иакова и подняться по ней? «Как только я доберусь туда, — размышлял Филипп, — сразу открою путь бедняге, чтобы он тоже мог спастись!»

Свернув, они оставили позади, справа от себя, Тивериаду, проклятую Богом Тивериаду с её тетрархом — убийцей Крестителя: Матфей приблизился к Петру, чтобы расспросить обо всем, что тот помнит о Крестителе и Иордане, — надо было записать всё подробно, событие за событием. Но Петр отвернулся, чтобы не дышать одним воздухом с мытарем. Матфей печально сунул в мешок полуисписанный свиток.

Отстав, он повстречал двух возчиков, ехавших из Тивериады, и стал расспрашивать их, как именно было совершено это низкое

убийство, — надо было записать и это. Правда ли, что тетрарх напился и его племянница Саломея танцевала перед ним обнажённой? Матфею нужны были все подробности, чтобы он мог увековечить их в своем писании.

Наконец они достигли колодца у окраин Магдалы. Солнце закрыли тучи, и сумерки окутали землю. Чёрные нити дождя вытянулись, соединив землю с небом... Магдалина подняла глаза и увидела, как потемнело небо.

— Зима, — вздохнула она, — надо спешить.

И быстро-быстро начала вращать веретено, выделявая нить из самой отборной шерсти, которую ей только удалось найти. Она собиралась сделать тёплую накидку для своего возлюбленного, чтобы он не мерз. Время от времени Магдалина посматривала во двор и любовалась огромным гранатом, увешанным плодами. Она хранила их, не срезав ни единого, для Иисуса. «Милость Господа бесконечна, — думала она. — Придёт день, и мой возлюбленный снова появится на этой улочке, и тогда я сорву гранаты и положу их к его ногам. Он, склонившись, поднимет один из них и подкрепит свои силы...» Она прядла, любуясь своим деревом, и вся её жизнь проходила перед ней. Она начиналась и кончалась Иисусом, сыном Марии. Какую радость и какое горе ей довелось испытать! Почему он оставил её, открыв дверь в ту последнюю ночь и сбежав, как вор? Куда он ушёл? Неужто и по сей день он боролся с тенями, вместо того чтобы возделывать землю, строгать дерево или ловить рыбу, вместо того чтобы жениться и спать рядом со своей женой? О, если бы только он ещё раз появился в Магдале, чтобы она могла выбежать и поднести ему гранаты!

Но пока она так размышляла, быстро крутя веретено своими ловкими пальцами, до неё донеслись крики и шум с улицы, а вслед

за ними звук рога — не кривой ли это Фома? И тут послышался громкий голос:

— Открывайте, открывайте двери! Царствие Небесное здесь!

Магдалина вскочила, сердце её застучало от радости. Он пришёл! Он пришёл! Её тело сотрясилось от щемящей дрожи, её бросало то в жар, то в холод. Забыв надеть платок, с распущенными волосами она выскочила на улицу. Перебежав двор, распахнула ворота и увидела его. С радостным криком она рухнула ему в ноги.

— Рабби, рабби! — воскликнула она. — Добро пожаловать!

Она позабыла о гранатах. Обняв святые колени, она позабыла обо всем, и её иссякшие-чёрные волосы, всё ещё хранящие аромат благовоний, рассыпались по земле.

— Рабби, рабби! — повторяла она, мягко зовя его к себе в дом.

Иисус, склонившись, взял её за руки и поднял. Очарованный ею и залившийся краской, он держал её, словно неопытный жених держит невесту. Всё в нем возликовало. Это не Магдалину он поднял сейчас с земли, но душу человеческую — и её женихом он был. Магдалина тоже залилась краской и, дрожа, в смущении прикрыла волосами свою грудь. Люди смотрели на неё в изумлении: как она похудела! Куда делся румянец с её щёк? Тёмные круги легли под её глазами, яркий, чувственный рот потускнел, словно цветок осенью. Взявшись за руки, они шли с Иисусом, и обоим казалось, что они грезят. Казалось, они ступают не по земле, а парят в воздухе. Может, это свадьба? Может, толпа бродяг, заполнивших всю улицу, их свадебная процессия? А гранатовое дерево во дворе, верно, было добрым духом, богиней дома или просто женщиной, давшей жизнь многочисленным сыновьям и дочерям и теперь стоявшей в середине двора, любясь ими.

— Мария, — тихо промолвил Иисус, — все твои грехи прощены, ибо ты любила много.

Она потупила взор, ощутив прилив неземного восторга. Ей хотелось крикнуть: «Я девственна!» — но чувства переполняли её, и она не могла раскрыть рот.

Подбежав к гранату, она сорвала несколько плодов и, наполнив ими свой передник, высыпала их к ногам возлюбленного.

Получилась целая горка прохладных красных фруктов. А дальше произошло именно то, о чём она так страстно мечтала. Иисус, нагнувшись, поднял гранат, расколол его, и, наполнив пригоршню зернами, утолил свою жажду. Его примеру последовали и ученики.

— Мария, — спросил Иисус, — почему ты смотришь на меня так тревожно, словно собираешься проститься со мной?

— Возлюбленный мой, каждое мгновение с тех пор, как я родилась, я встречаюсь и прощаюсь с тобой, — она говорила так тихо, что слышали её лишь Иисус да Иоанн, стоявший поблизости.

— А смотрю я на тебя, — продолжила она через мгновение, — потому что женщина произошла от мужчины и до сих не может отлепиться от него. Ты должен смотреть на небеса, ибо ты — мужчина, а мужчина был создан Господом. Поэтому позволь мне смотреть на тебя, дитя моё! — последние слова она произнесла так тихо, что даже Иисус не разобрал их. Но грудь её затрепетала и взволнованно поднялась, словно она и впрямь собиралась кормить своего сына.

Толпа зашумела, во дворе появились новые больные, заполнив собой всё пространство.

— Рабби, — промолвил Петр, — люди недовольны. Они ждут.

— Чего они хотят?

— Доброго слова, чуда. Взгляни на них.

Иисус обернулся — в беспокойной предгрозовой атмосфере он различил сотни разверстых в немом крике ртов, множество глаз, с болью взиравших на него. Через толпу к нему протискивался старик. Ресницы у него выпали, оба глаза, казалось, зияли кровоточащими ранами. На отощавшей шее висело десять амулетов, на каждом из которых была запечатлена одна из десяти заповедей. Опершись на свой посох, он остановился в дверях.

— Рабби, — произнес он голосом, полным боли и горечи, — мне сто лет. На моей шее висят десять заповедей Господа. И за всю свою жизнь я не нарушил ни единой из них. Каждый год я хожу в Иерусалим и приношу в жертву Богу овна. Я возжигаю свечи и курю фимиамы. А по ночам, вместо того чтобы спать, я пою псалмы. То я смотрю на звёзды, то на горы и жду, жду, когда спустится Господь, чтобы я мог его увидеть. Это единственное, о чём я мечтаю. Я жду уже долгие годы, но всё напрасно. Одной ногой я уже стою в могиле, но так и не видел Его. Почему? Почему? Для меня это большое горе, рабби. Когда я увижу Господа? Когда обрету покой?

— По мере того как он говорил, отчаяние всё больше и больше охватывало его. К концу речи он уже стучал посохом по земле и кричал.

Иисус улыбнулся.

— Старик, в одном большом городе у восточных ворот стоял мраморный престол. На этом престоле восседали тысячи царей, слепых на левый глаз, тысячи — на правый и столько же, видевших хорошо обоими. Все они взывали к Господу, чтобы он явился перед ними и они могли бы увидеть Его, и все они сошли в могилу, так и не увидев его. Когда цари умерли, к престолу подошёл нищий, босой и голодный. Воссев на престол, он прошептал: «Господи, человеческие глаза не могут смотреть прямо на солнце, ибо оно ослепляет их. Как же тогда, Всемогущий, они могут смотреть на Тебя? Смилуйся, Господи, умерь свою силу, убавь свое сияние,

чтобы я, бедный и несчастный, мог увидеть тебя!» И тогда — слушай, старик! — Господь обернулся куском хлеба, чашей прохладной воды, теплым хитоном, хижиной, женщиной, кормящей грудью своего младенца. Нищий простер руки и счастливо улыбнулся. «Спасибо тебе, Господи, — прошептал он. — Ты снизошёл ко мне. Ты стал хлебом, водой, теплым хитоном, моей женой и сыном, чтобы я смог увидеть Тебя. И я увидел Тебя. Я преклоняюсь и превозношу Твой близкий образ!»

Все молчали. Старик глубоко вздохнул и пропал в толпе. За ним выскочил юноша, недавно ставший мужем, и, подняв кулак, закричал:

— Говорят, ты принёс огонь, чтобы сжечь мир — сжечь наши дома и наших детей! Это такую-то любовь ты принёс нам? Огонь — это справедливость?

Глаза Иисуса заблестели от слез — ему стало жаль юношу. И впрямь, неужто огонь — это справедливость? Неужто нет другого пути обрести спасение?

— Говори яснее, что нам надо делать, чтобы спастись? — закричал какой-то богач и начал локтями прокладывать себе дорогу через толпу, так как был туг на ухо и боялся не расслышать ответ.

— Раскройте свои сердца, — призвал Иисус, — раскройте свои кладовые и раздайте свое имущество бедным! День Господа пришёл! Кто утаит каравай хлеба, кувшин масла, полоску земли в свой последний час, тех этот хлеб, масло и земля утянут в ад.

— Что-то у меня шумит в ушах и голова кружится. Придётся оставить вас, — промолвил богач и, рассерженный, направился со двора Магдалины. — Вы только подумайте! Раздать свое имущество чесоточному сброду! И это справедливость? Да пошла она к дьяволу! — И бормоча ругательства, он ушёл.

— Широки врата ада, — глядя ему вслед, вздохнул Иисус, — широка дорога, ведущая туда, и усеяна цветами. Врата же Царства Божия узки, а дорога туда всё время идёт в гору. Но пока мы живы, мы можем выбирать, так как жизнь означает свободу. Когда же приходит смерть, — что сделано, то сделано, — и уже нет выбора.

— Если хочешь, чтоб я поверил в тебя, — закричал хромой на костылях, — сделай чудо, исцели меня. Или я хромым войду в Царство Небесное?

— А я прокажённым?

— А я одноруким?

— А я слепым?

И всей массой увечные угрожающе надвинулись на Иисуса. Терпение их иссякало, и крики становились всё истошнее.

— Исцеляй нас! — взвыл слепой старик, размахивая палкой. — Или тебе не уйти живым из нашей деревни!

— С такой душой, как у тебя, тебе никогда не видеть света! — закричал Петр, выхватывая палку из рук старика.

Рассвирепев, увечные и больные были уже готовы ворваться в дом, на пороге которого стоял Иисус. Ученики окружили его. Магдалина в ужасе бросилась запирать дверь, но Иисус остановил её.

— Магдалина, сестра моя, это — несчастные обреченные люди, они лишены душ. Я заглянул внутрь их, но не нашёл души. Увы. Огонь для них единственное лекарство, — он решительно шагнул к толпе. Взгляд его стал сухим и безжалостным. — Как выжигаем мы поля перед посевом, так Господь выжжет землю. У Него нет сострадания к терниям, плевелам и полыни. Такова справедливость. Прощайте! — он повернулся к Фоме: — Труби в свой рог. Мы уходим.

И он вытянул вперёд свой посох.

Остолбеневшие люди расступились, давая ему пройти. Магдалина вбежала в дом, схватила платок и, оставив незаконченную пряжу, не покормив птиц во дворе, швырнула ключ на середину дороги. Не оглядываясь, туго повязав платок, она последовала за сыном Марии.

ГЛАВА 23.

Начинало смеркаться, когда они добрались до Капернаума. Гроза прошла стороной — налетевший северный ветер отнес тучи к югу.

— Заночуем в нашем доме, — предложили оба Зеведеевых сына.

— Дом большой — места всем хватит. Там и обоснуемся.

— А старый Зеведей? — рассмеялся Петр. — Он и ангелу не даст глотка воды.

— Доверимся учителю, — залился краской Иоанн. — Увидишь, от одного его дыхания он образумится.

Но Иисус не слышал этого. Он шёл впереди, и мысли его были с теми слепыми, хромыми и прокажёнными... «Ах, если б я только мог, дунув на каждого, пробудить его спящую душу! — думал он. — Тогда и плоть стала бы душой и исцелилась сама собой!»

Фома достал рог и собрался трубить, но Иисус остановил его.

— Не надо. Я устал...

И действительно, он был бледен, под глазами легли синие круги. Магдалина постучалась в первую дверь, попросила воды и напоила Иисуса.

— Теперь я должен тебе чашу прохладной воды, Магдалина, — улыбнулся он и, вспомнив, что он сказал самаритянке у колодца Иакова, добавил: — Я отплачу тебе чашей бессмертной влаги.

— Ты давно уже за всё отплатил мне, рабби, — залилась краской Магдалина.

Дверь в дом Нафанаила была открыта, и сам хозяин стоял во дворе под смоковницей, срезая засохшие ветви. Филипп, поспешно отделившись от своих спутников, вбежал в дом.

— Нафанаил, мне надо тебе кое-что сказать. Кончай работу.

Нафанаил последовал за ним в дом и зажёл лампаду.

— Бросай свои лампы, смоковницы, дом и пошли, — выпалил Филипп.

— Куда?

— Куда? Ты что, не знаешь? Конец света! Не сегодня завтра небеса разверзнутся, и земля будет обращена в прах. Давай шевелись, скорей входи на ковчег, чтобы спастись.

— На какой ковчег?

— На судно сына Марии, сына Давида, — нашего учителя из Назарета. Он только что вернулся из пустыни, где встречался с Господом. Они говорили о спасении мира и его конце. Господь благословил нашего Иисуса и сказал: «Иди выбирай, кого надо спасти. Ты — новый Ной. Вот тебе ключ спасения». И дал ему ключ, который висит у него на шее, только человеческий глаз не может его увидеть.

— Говори яснее, Филипп, я ничего не понимаю. Когда произошли все эти чудеса?

— Только что, говорю тебе, в Иорданской пустыне. Крестителя казнили, и душа его вошла в Иисуса. Его стало не узнать, так он переменялся — стал свирепым, от рук его искры летят. Да что говорить, вот только что в Кане он прикоснулся к расслабленной дочери центуриона Назарета, и она тут же вскочила и принялась танцевать. Да, клянусь тебе нашей дружбой! Нельзя терять времени. Идем!

— Послушай, Филипп, — вздохнул Нафанаил, — я так хорошо устроился, у меня столько заказов. Взгляни на все эти сандалии — их надо закончить. Только мои дела пошли на лад, и тут... — Он окинул любовным взглядом свои инструменты, табуретку, сидя на которой делал обувь, сапожный нож, шила, вощеную бечеву, деревянные колодки и снова вздохнул... — Как я оставлю это?

— Не волнуйся, наверху тебя ждут золотые инструменты. Ты будешь чинить золотые сандалии ангелов, и заказов тебе хватит на целую вечность. Будешь шить и пороть — работы хватит. Только давай пошевеливайся — иди к учителю и скажи ему: «Я с тобой!» Больше от тебя ничего не требуется. «Я с тобой, и я буду следовать за тобой, куда бы ты ни пошёл... до самой смерти!» Мы все в этом поклялись.

— До самой смерти! — вздрогнул сапожник. Несмотря на его недюжинную силу и огромный рост, сердце у него было робкое и мягкое.

— Да это только так говорится! — успокоил его пастух. — Мы все поклялись, но не бойся — мы идем к величию, а не на смерть! Этот человек, друг мой, даже не человек. Нет, он — Сын человеческий!

— А это разве не одно и то же?

— Одно и то же? И тебе не стыдно говорить такое? Ты что, никогда не слышал книги пророка Даниила? Сын человеческий — значит

Мессия, другими словами — Царь! Он вскоре воссядет на престол Вселенной, а мы — все, у кого хватило ума пристать к нему, — разделим с ним славу и богатство. И ты не будешь больше ходить босым. Ты будешь носить золотые сандалии, и ангелы будут склоняться, чтобы завязать тебе на них тесемки. Нафанаил, говорю тебе, это стоящее дело. Смотри, не упusti. Ну, что ещё можно сказать? Даже Фома присоединился к нам. Учужал, мошенник, отдал бедным последнюю рубаху и примчался. И ты беги. Он сейчас у Зеведея. Давай, пошли!

— Ну смотри, Филипп, сам будешь отвечать, — наконец решился Нафанаил. — И предупреждаю тебя: если мне не понравится, я сразу уйду. Я ко всему готов, но только не к распятию.

— Ладно, ладно, в этом случае мы оба смоемся. Ты что, думаешь, я совсем с ума сошёл? Договорились? Идем!

— Ну, с Богом! — Нафанаил запер дверь, запихал ключ под хитон, и, взявшись за руки, оба друга направились к Зеведееву дому.

Иисус с учениками сидел, греясь у пылающего очага. Вокруг, лучась от радости, суетилась старая Саломея. Все её болезни как рукой сняло. Она буквально летала между кухней и комнатой, накрывая на стол, и не было предела её гордости за сыновей, за то, что ей довелось прислуживать святому человеку, возвестившему Царство Божие. Иоанн прошептал что-то матери на ухо, бросая взгляды на продрогших товарищей и их холщовые одежды. Мать ответила улыбкой и, войдя во внутренние комнаты, раскрыла сундук и достала шерстяные плащи. Быстро, пока не вернулся муж, она раздала их приятелям, — а самый плотный, ослепительно белый, она заботливо набросила на плечи Иисуса.

— Да будешь благословенна ты, мать Саломея, — улыбнулся он ей.
— Твоя доля — заботиться о плоти. Плоть, как верблюд, на котором душа пересекает пустыню. Заботься же о ней, чтобы ей хватило сил вынести всё.

Старый Зеведей, войдя, уставился на незваных гостей и, не слишком радушно поприветствовав их, уселся в углу. Эти воры (так он теперь их называл) вовсе не нравились ему. Кто пригласил их к нему в дом? А его расточительная жена устроила им настоящее пиршество! Да будет проклят день, когда появился этот новый фанатик! Довольно уже того, что он украл у него обоих сыновей! Так нет же, ещё день-деньской приходилось ругаться со своей глупой женой, которая встала на сторону мальчиков. «Они правильно сделали. Этот человек — настоящий пророк: он станет царем, победит римлян и воссядет на престол Израиля. Тогда Иоанн воссядет справа от него, а Иаков слева — оба станут большими князьями, а не простыми рыбаками! И почему они должны губить свою жизнь здесь, у воды?» — вот что она говорила. А он то ругался и бил всё, что под руку попадалось, то сдавался в отчаянии и уходил бродить, как безумный, по берегу озера. И в конце концов он начал пить. А теперь — мало того! — все эти разбойники у него в доме: девять ненасытных глоток, да ещё эта шлюха Магдалина. Уселись вокруг стола и даже не смотрят на него — на него, хозяина дома, даже разрешения у него не спросят. Вот до чего докатились! И ради этих паразитов он и его предки трудились столько лет?!

— Пойдите-ка, люди добрые, это чей дом, ваш или мой? — наконец, не выдержав молчания, злобно воскликнул он. — Ясно как Божий день. Ну-ка, скажите!

— Господа! — ответил Петр, который уже опрокинул пару чашек вина и пребывал теперь в самом веселом расположении духа. —

Дом принадлежит Господу, Зеведей. Ты разве не слышал? Теперь ничего нет ни твоего, ни моего — всё Господа.

— Закон Моисея... — начал Зеведей, но Петр поспешил перебить его, пока тот не распалился.

— Что я слышу? Закон Моисея? С ним покончено, Зеведей, покончено — он ушёл и никогда не вернется. Теперь у нас закон Сына человеческого. Понял? Все мы братья. Сердца наши разрослись, и Закон разросся вместе с ними. Теперь он объемлет всё человечество. Весь мир — земля обетованная! Нет границ! И я — тот человек, Зеведей, который понесет слово Господа ко всем народам. Я дойду до самого Рима — да, да, не смейся, — я возьму цезаря за шкуру, спихну его и сам воссяду на его престол. А почему бы и нет? Как сказал учитель, мы теперь ловцы не рыбы, но людей. А потому, прислушайся к моему совету: угождай нам, тащи побольше вина и еды, потому что в один прекрасный день, и очень скоро, мы станем князьями. Ты дашь нам кусок сухаря, а мы тебе оплатим полными закромами через несколько дней. И какие хлеба ты получишь! Неиссякаемые! Сколько бы ты ни ел, они никогда не кончатся.

— Бедняга, я уже вижу, как тебя распнут вверх ногами, — прорычал Зеведей, отступив обратно в угол.

Чем больше он слушал Петра, тем больше охватывал его страх. «Лучше помолчу, — подумал он. — Никогда не знаешь, что будет. Мир полон превратностей, и, может, в один прекрасный день эти сумасшедшие... Лучше уж поостеречься!»

Ученики посмеивались себе в бороды. Они прекрасно понимали, что Петр просто шутит, но в глубине души они лелеяли те же надежды, хотя и не были ещё настолько пьяны, чтобы говорить о них вслух. Величие, дорогие одежды, золотые перстни, изобилие и

весь мир под пятой Израиля — вот что означало для них Царство Божие. Старый Зеведей выпил немного и осмелел.

— А ты, учитель, ты не собираешься раскрыть свой рот? Ты всё это заварил, а теперь сидишь холодный, как лед, и отмалчиваешься, пока говорят другие... Послушай, может, ты объяснишь мне, ради Господа, почему я должен смотреть, как разбазаривают моё добро, и молчать?

— Зеведей, — ответил Иисус, — жил-был один богатый человек. Как-то раз, закончив жатву, собрав весь виноград и оливки, заполнив все свои кувшины и насытившись, он улегся у себя во дворе. «Душа моя, — воскликнул он, — ты богата. Ешь, пей, веселись!» Но не успел он это произнести, как сверху послышался голос: «Глупец, нынче ночью душа твоя отойдет в ад. И что ты будешь делать со всем этим добром?» У тебя есть уши, Зеведей, и ты слышал, что я сказал, у тебя есть голова, и ты понял, что я имел в виду. Да звучит этот голос, Зеведей, над твоей головой днем и ночью!

Старик опустил взор и более уже не промолвил ни слова.

В это мгновение дверь распахнулась, и на пороге показался Филипп, а за ним огромная неуклюжая фигура Нафанаила. Он уже не колебался — решение было принято. Подойдя к Иисусу, он склонился и поцеловал его ноги.

— Учитель, я с тобой до самой смерти!

Иисус опустил руку на его большую курчавую голову.

— Добро пожаловать, Нафанаил. Ты всем делаешь сандалиии, а сам ходишь босой. Мне это нравится. Пойдём со мной! — и, усадив его справа от себя, он отломил ему хлеба и налил вина. — Съешь этот хлеб и выпей это вино, и ты приобщишься к нам.

Нафанаил съел хлеб, выпил вино и тут же почувствовал, как силы наполняют его тело и сердце. Вино ударило ему в голову, как солнце, и озарило душу. Вино, хлеб и душа слились воедино.

Ему захотелось говорить — он заерзал, не осмеливаясь раскрыть рот.

— Говори, Нафанаил, — сказал учитель. — Открой свое сердце и облегчи его.

— Рабби, — ответил тот, — я хочу, чтобы ты знал: я всегда был бедным. Я жил изо дня в день лишь для того, чтобы прокормить себя, и мне никогда не хватало времени изучить Закон. Я слеп, рабби. Прости меня... Я хочу, чтобы ты знал это. А теперь я всё сказал, и мне стало легче.

Иисус нежно прикоснулся к широким плечам новообращенного и рассмеялся.

— Не вздыхай, Нафанаил. Два пути ведут к Господу: один путь разума, другой путь сердца. Послушай историю, которую я тебе расскажу. Одновременно умерло три человека — богатый, бедный и распутник, и в тот же день они предстали перед судом Господа. Никто из них никогда не изучал Закона. Господь нахмурился и спросил бедняка: «Почему, пока ты был жив, ты не учил Закон?» — «Господи, — ответил тот, — я был бедным и голодным. Я трудился день и ночь, чтобы прокормить жену и детей. У меня не было времени». — «Неужели ты был беднее Моего верного раба Гилеля? — сурово спросил Господь. — У того не было приличной одежды, чтобы прийти в синагогу и услышать толкование Закона, поэтому он взбирался на крышу и слушал через дымовое отверстие. Пошёл снег, но он так увлекся, что даже не заметил этого. А когда поутру раввин вошёл в синагогу, то увидел, что в ней темно. Он поднял глаза и увидел в просвете на крыше человека. Взобравшись на крышу, он раскопал снег и извлек из-под него

Гилеля. Взяв того на руки, он спустился вниз, разжёг огонь и вернул его к жизни, после чего подарил ему одно из своих одеяний. И Гилель стал знаменитым раввином, известным на весь свет... Ну, и что ты теперь скажешь?» — «Ничего, Господи», — пробормотал бедняк и заплакал. Господь повернулся к богачу: «А ты, почему ты не изучал святой Закон при жизни?» — «Я был слишком богат. У меня было много садов, много рабов и много забот. Когда мне было успеть?» — «Неужто ты был богаче Елеазара, — прервал его Господь, — который унаследовал тысячи деревень и тысячи кораблей? Но он оставил всё, когда узнал об отшельнике, толковавшем Закон. Ну, что ты теперь можешь сказать в свою защиту?» — «Ничего, Господи», — ответил в свою очередь богач и тоже заплакал. Тогда Господь повернулся к распутнику: «А ты, красавчик, почему ты не изучал Закон?» — «Я был слишком красив, и меня любили слишком многие женщины. При всех своих увлечениях где мне было найти время, чтобы заниматься Законом?» — «Неужто ты был красивее Иосифа, в которого влюбилась жена Потифара? Он был так прекрасен, что мог сказать солнцу: "Свети, солнце, чтобы и я мог светить". Когда он читал Закон, слова распахивались, словно двери, и смысл обнажался, объятый светом и пламенем. Что ты мне можешь сказать на это?» — «Ничего, Господи», — ответил распутник и тоже заплакал. Господь хлопнул в ладоши и призвал из рая Гилеля, Елеазара и Иосифа. А когда они явились, сказал им: «Судите этих людей. Никто из них не изучал Закон — один из-за своей бедности, другой из-за своего богатства, третий из-за своей красоты. Говори Гилель. Суди бедняка!» — «Господи? — ответил Гилель, — как я могу осудить его? Я знаю, что такое нищета, что такое голод. Он должен быть прощен!» — «А ты, Елеазар? — сказал Господь. — Вот тебе богач. Вручаю его тебе». — «Господи, — ответил Елеазар, — как я могу его осудить? Я знаю, что быть богатым — это гибель. Он должен быть прощен!» — «А ты, Иосиф? Теперь твоя очередь. Вот твой

красавец». — «Господи, как я могу его осудить? Я знаю, сколько нужно сил, сколько перенести мучений, чтобы победить искушение плотской красотой. Он должен быть прощен!» — Иисус замолчал, улыбнулся и посмотрел на Нафанаила. Но тот всё ещё не успокоился.

— Ну, и что же сделал Господь потом? — спросил он Иисуса.

— То же самое, что сделал бы ты, — рассмеялся Иисус.

— Значит, я спасен, — обрадовался сапожник и, схватив руки учителя, крепко сжал их. — Рабби, я понял! — закричал он. — Ты сказал, два пути ведут к Господу — путь разума и путь сердца. Я шёл путем сердца и нашёл тебя!

Иисус встал и подошёл к двери. На улице поднялся сильный ветер, по озеру перекатывались пенистые валы. Небо было усеяно бесчисленными звёздами. Иисус вспомнил пустыню и, вздрогнув, закрыл дверь.

— Ночь — великий дар Господа, — промолвил он. — Она, как мать, бесшумно и нежно опускается на человека. Она прикасается своей прохладной рукой к его лбу и снимает все дневные заботы с его души и тела. Пора отдаться объятиям ночи, братья.

Старая Саломея встала. Поднялась и Магдалина из своего угла, где, придвинувшись к огню, она умиленно внимала голосу возлюбленного. Женщины расстелили циновки и принесли покрывала. Иаков, выйдя во двор, принёс охапку сливовых поленьев и подбросил их в огонь. Иисус вышел на середину комнаты и, обратив свое лицо к Иерусалиму, воздел руки и принялся читать вечернюю молитву:

— Открой врата свои нам, о Господи! День кончился, солнце заходит, солнце исчезает. Предвечный, мы подходим к твоим вратам и молим Тебя: прости нас, смилуйся над нами, спаси нас!

— И пошли нам хороших снов, Господи! — добавил Петр. — Мне, Господи, дай увидеть во сне мою старенькую лодку с новым красным парусом!

Он много выпил и был в веселом настроении.

Иисус лег посередине, окруженный своими учениками. Они заняли весь дом. Зеведей с женой, не найдя места под крышей своего дома, отправились на улицу в сарай. Вместе с ними вышла и Магдалина. Старик, лишенный привычного удобства, ворчал и, чтобы излить свое негодование, обрушился на Саломею так, чтобы слышала и Магдалина.

— Ну, что будет дальше? Выброшен из собственного дома! Посмотри, до чего мы докатились!

Но старая Саломея не стала ему отвечать и отвернулась к стене.

Всю эту ночь Матфей опять не спал. Сев на корточки под лампадой, он записывал в свой свиток, как Иисус вошёл в Капернаум, как к ним присоединилась Магдалина, как учитель рассказал притчу... Закончив, он задул лампаду и тоже пошёл спать, но улегся несколько в стороне, так как ученики ещё не совсем привыкли к нему.

Петр заснул сразу, как только закрыл глаза. И тут же спустившийся с небес ангел мягко наваял ему сон. Петру снилось, что на берегу озера собрались толпы народа, среди них был и учитель, — и все они любовались новой зелёной лодкой с трепещущим на ветру красным парусом.

— Чья это такая прекрасная лодка? — спросил Иисус.

— Моя, — гордо ответил Петр.

— Иди; Петр, созови своих друзей и плыви на середину озера, чтобы все могли видеть твоё мужество.

— С удовольствием, рабби! — ответил Петр и отвязал канат.

Приятели запрыгнули в лодку. Подул попутный ветер, парус наполнился, и в мгновение ока они оказались на середине озера.

И вдруг налетел смерч. Лодку завертело, она затрещала и вот-вот должна была расколоться. Её всё больше и больше заливало водой — она начала тонуть. Ученики, упав на колени, кричали и рыдали.

— Рабби, рабби! На помощь!

И вдруг во мраке показались белые одежды учителя, идущего к ним по воде.

— Призрак! Призрак! — закричали в ужасе ученики, увидев его.

— Не бойтесь! — промолвил Иисус. — Это я.

— Господи, если и впрямь это ты, — сказал Петр, — вели и мне идти по водам навстречу тебе.

— Иди! — повелел Иисус.

Петр выпрыгнул из лодки и пошёл по волнам. Но когда он взглянул себе под ноги и увидел разъяренные воды, страх охватил его, и он начал тонуть.

— Господи, спаси меня! Я тону! — завопил он.

— Почему ты испугался, маловерный? — протянув руку, вытащил его Иисус. — Разве ты не веришь в меня? Смотри! — Он поднял руку. — Утихните!

И тут же ветер стих, и воды успокоились.

Петр разрыдался: снова душа его подверглась испытанию, и она снова не выдержала его.

Громко вскрикнув, он проснулся. Щёки его были мокры от слез. Сев, он прислонился к стене и глубоко вздохнул.

Еще не ложившийся Матфей услышал это.

— Что ты вздыхаешь, Петр?

Сначала Петр решил сделать вид, что не слышал, и не отвечать. Вот ещё — разговаривать с мытарем! Но сон беспокоил его, он должен был с кем-нибудь поделиться, чтобы успокоиться. И потому он подполз к Матфею и начал ему рассказывать. И чем дольше он говорил, тем больше воодушевлялся, расцвечивая свой сон всё новыми и новыми подробностями. Матфей жадно впитывал каждое слово, пытаясь запомнить всё, что говорил ему Петр. Завтра на рассвете, если на то будет Божья воля, он запишет это в свой свиток.

Петр закончил, но сердце у него в груди всё ещё прыгало и металось, как металась лодка в его сне.

— А вдруг учитель действительно приходил ночью и вывел меня в открытые воды, чтобы испытать? Никогда в жизни я не видел такого реального сна. А может, это был вовсе и не сон? Ты как думаешь, Матфей?

— Наверняка не сон. Определенно, это чудо произошло на самом деле, — ответил Матфей и начал размышлять, как бы ему завтра всё это запечатлеть на папирусе. Это была непростая задача, так как он сам не понял, сном это было или явью. Это было и тем и другим. Чудо произошло, но произошло оно не на этой земле и не на этих водах. Но где же?..

Он, размышляя, закрыл глаза, но сон мало-помалу победил его и увлек в свои владения.

На следующий день лил дождь, дул ветер, и рыбаки не вышли к озеру. Закрыв двери своих домов, они чинили сети и обсуждали необычных гостей, остановившихся в доме старого Зеведея. Их

учитель казался воскресшим Иоанном Крестителем. Ходили слухи, что, только палач отрубил ему голову, Креститель нагнулся, поднял её и был таков. Но чтобы Ирод снова не поймал его и снова не обезглавил, он соединился с плотником из Назарета, и они превратились в одного человека. А теперь и решай — один он, или их двое! Поразительно! Посмотришь на него прямо — вроде простой человек улыбается тебе. А отойдешь в сторону — и один глаз у него вспыхивал, словно смотрел на тебя с угрозой, а другой ласкал и подманивал. А стоило к нему подойти, как голова начинала кружиться, и сам не понимая, что ты делаешь, ты бросал семью, дом, детей и шёл за ним!

— Вот что бывает с неженатыми, — качали головами старики. — Во что бы то ни стало им надо спасти мир. Семя бьет им в голову, и разум мутится. Ради Господа, женитесь вы все, расходуйте свои силы на женщин, рожайте детей, чтобы успокоиться!

Старый Иона услышал новости ещё накануне вечером и теперь сидел в ожидании в своей хижине. «Не может такого быть, чтобы мои дети не пришли ко мне, — думал он, — должны же они хоть узнать, жив я или помер». Он ждал всю ночь, то надеясь, то отчаиваясь, а поутру влез в свои лучшие башмаки, сделанные ещё к его свадьбе, которые он обувал лишь по большим праздникам, завернулся в драный плащ и направился под дождем к дому своего дружка Зеведея. Дверь была открыта, и он вошёл.

Очаг горел, и перед огнём, скрестив ноги, сидели около десятка мужчин и две женщины. Одну из них он узнал — это была старая Саломея. Вторая была молодая. Где-то он её уже видел, но не мог вспомнить где. В доме царил полумрак. Он увидел и своих сыновей, Петра и Андрея, когда они обернулись на мгновение и огонь осветил их лица. Никто не слышал, как Иона вошёл, — все внимательно слушали человека, сидевшего перед ними. Что он говорил? Старый Иона замер и прислушался. То и дело до него

долетали слова: «справедливость», «Бог», «Царствие Небесное». Одно и то же из года в год! Как ему всё это надоело. Вместо того чтобы рассказать, как ловить рыбу, чинить парус, смолить лодку, или научить, как справляться с холодом, сыростью, голодом, они сидели здесь и опять болтали о Царствии Небесном! Чёрт побери, неужели у них нет дел на земле и на воде? Старый Иона рассердился и, чтобы привлечь к себе внимание, начал кашлять. Но никто не обернулся. Он поднял свою огромную ногу и с грохотом топнул по полу башмаком — всё впустую. Они не сводили глаз с бледного проповедника.

Лишь старая Саломея обернулась, но и та не обратила на него никакого внимания. Тогда Иона подошёл ближе и уселся перед огнём за спинами своих сыновей. Протянув свою лапу, он схватил Петра за плечо и потряс его. Петр повернул голову, увидел отца и прижал палец к губам в знак молчания, словно это был и не Иона, не его родной отец, которого он не видел уже много месяцев. Горе охватило Иону, но потом оно уступило место гневу, и он принялся стаскивать с ноги башмак (который, кстати, начал уже жать ему), чтобы запустить им в лицо проповедника, заставить того замолчать и наконец поговорить с собственными детьми. Иона уже снял второй и лишь ждал подходящего момента, когда сзади вдруг на его плечо опустилась чья-то рука. Обернувшись, он увидел старого Зеведея.

— Вставай, Иона, — прошептал тот ему на ухо. — Идем, мне надо тебе кое-что сказать.

Старый рыбак взял обувь под мышку и последовал за Зеведем. Они вошли во внутреннюю комнату и уселись на сундук Саломеи.

— Иона, — запинаясь, начал Зеведей — он уже сильно выпил, пытаюсь заглушить свой гнев, — Иона, мой закадычный друг, у тебя было двое сыновей — можешь забыть об этом. У меня тоже была

пара сыновей, и я вычеркнул их из своей памяти. Похоже, их истинный отец — Господь, так что уж тут соваться? Они смотрят на нас так, словно видят впервые... Это конец света, мой бедный Иона! Сначала я тоже сердился. Хотелось схватить гарпун и разогнать их всех. Но потом я понял, что выхода нет, и залез обратно в свою скорлупу. Да и моя жена с ними спелась. Знаешь, она впадает в старческое слабоумие. Так что — цыц, Зеведей! Цыц, Иона! Вот это я и хотел тебе сказать. Какой толк обманывать себя? Ясно как Божий день: мы проиграли!

Иона снова надел башмаки и завернулся в плащ. Потом бросил взгляд на Зеведея — не скажет ли тот ещё чего. Но он молчал. Иона, открыв дверь, взглянул на небо, потом на землю: непогода, холод, дождь...

— Мы проиграли, — прошептал он, — мы проиграли! — и, меся грязь, направился к своей хижине.

В то время как Иона удалялся, горестно вздыхая, сын Марии протянул руки к огню, словно молясь Духу Господню, который таился в пламени и дарил людям тепло. Сердце его раскрылось, и, обратив вперёд ладони, он заговорил:

— Не думайте, что я пришёл нарушить Закон или установления пророков. Не уничтожать старые заповеди пришёл я, но расширить их. Вы знаете, что записано на Моисеевых скрижалях: «Не убий». А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, поднимающий руку на него, отвечающий ему недобрым словом, будет низвержен в геенну огненную! Вы знаете, что записано на Моисеевых скрижалях: «Не прелюбодействуй». А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем. Одного лишь нечистого взгляда довольно, чтобы свести развратника в геенну... Вы знаете, что сказано: «Чти отца своего». Но я говорю: «Не замыкай сердца

своего на доме родителей твоих». Пусть оно войдет во все дома, обнимет весь Израиль, от горы Гермон до пустыни Идумеи, и даже дальше — с востока на запад всю вселенную. Отец наш — Господь, мать наша — Земля. Мы наполовину плоть, наполовину Дух небесный. Чтите же своих родителей — Землю и Небеса.

— Тяжелы твои слова, рабби, — вздохнула старая Саломея, — тяжелы они для сердца матери.

— Слово Господа всегда тяжело, — ответил Иисус.

— Бери моих сыновей, — скрестив руки, сказала мать, — бери их, они твои.

Иисус услышал сказанное осиротевшей матерью и почувствовал, что все сыновья и дочери Земли вручены ему. На память ему пришёл чёрный козел отпущения, виденный им в пустыне, — на шее которого висели записи всех грехов человечества. Молча он склонился к старой Саломее, словно говоря: «Нет, женщина, не в пустыню я поведу твоих детей, а к Господу, к спасению».

Он подбросил в очаг прутья виноградной лозы, и огонь взметнулся выше. Долго Иисус смотрел, как пламя, шипя, пожирает ветви, а потом снова обратился к слушавшим.

— Тот же, кто любит отца своего и мать больше меня, не достоин идти со мной; кто любит сына своего или дочь больше меня, пусть остается. Старые заповеди малы нам и не вмещают более нас, так же мала нам и старая любовь. Он немного помолчал и продолжил: — Человек есть граница на нем кончается земля и начинается небо. Но эта граница всё время движется, приближаясь к небесам. С ней движутся и заповеди Господни. Я беру заповеди со скрижалей Моисеевых и устремляю их выше.

— Значит, воля Господа меняется, рабби? — удивленно спросил Иоанн.

— Нет, возлюбленный Иоанн. Меняется сердце человеческое — расширяясь, оно больше понимает волю Господню.

— Так идемте же! — вскочил Петр. — Что мы тут сидим? Надо возвестить миру новые заповеди.

— Подожди, пока дождь не кончится, а то промокнем! — усмехнулся Фома.

— Прежде всего надо изгнать римлян! — раздраженно покачал головой Иуда. — Сначала надо освободить плоть, а потом души — всему свой черед. Строеение надо возводить с фундамента, а не с крыши.

— Но фундамент — душа, Иуда.

— А я говорю, фундамент — тело!

— Если душа в нас не изменится, Иуда, окружающий мир тоже никогда не изменится. Враг — внутри нас, римляне — твои собственные грехи, спасение начинается изнутри!

Вскипев, Иуда вскочил. Он терпел долго, сдерживая копившееся в нем, но больше не мог вынести.

— Сначала сбрось римлян! — закричал он, задыхаясь от гнева. — Сначала римляне!

— Но как же мы их можем сбросить? — заерзал Нафанаил, бросая опасливый взгляд на дверь. — Скажи нам, Искарот!

— Восстание! Вспомните Маккавеев! Они изгнали греков. Теперь наша очередь! Пора новым Маккавеям изгнать римлян. А потом, когда всё вернем себе, уладим ссоры между богатыми и бедными, разберемся с обиженными и обидчиками.

Все молчали в растерянности и ждали, поглядывая на учителя. Иисус же задумчиво смотрел на огонь... «Когда, наконец, люди

поймут, что одна лишь душа пребывает в мире видимом и невидимом!»

Простите меня, — встал Петр, — но этот спор слишком сложен для меня, я не понимаю. Жизнь нас научит, где фундамент. Давайте подождем и посмотрим, что будет дальше. Благослови нас, учитель, чтобы мы понесли людям добрые вести. А когда вернемся, поговорим об этом снова.

Иисус поднял голову и скользнул взглядом по ученикам, потом кивнул Петру, Иоанну и Иакову. Они подошли к своему учителю, и он по очереди возложил им на головы свои ладони.

— Идите с моим благословением. Возвестите людям Благовую весть. Не бойтесь. Господь не спустит с вас глаз и не даст вам погибнуть. Ни одна птица не упадет с небес без Его на то воли, а вы тем более. Бог с вами! Возвращайтесь скорее и да будет богат ваш улов. Вы — мои апостолы.

Получив благословение, они открыли дверь и шагнули в бурю, и каждый пошёл своим путем.

Шли дни. С утра двор Зеведеева дома заполнялся людьми, которые расходились лишь к вечеру. Со всех краев стекались к нему больные, хромые и одержимые. Одни рыдали, другие с гневом обрушивались на Сына человеческого, требуя от него чудес и исцеления. Разве не для этого Господь послал его на землю? Так пусть же выйдет во двор!..

Иисус же, слыша это, день ото дня становился печальнее. Временами он выходил и, прикасаясь и благословляя каждого, говорил:

— Есть два рода чудес, братья мои, чудеса плоти и чудеса души. Веруйте лишь в чудеса души. Кайтесь и очищайте свои души перед

Богом, и тела ваши очистятся. Душа есть дерево. Болезни и здоровье, рай и преисподняя — его плоды.

Многие, поверив, чувствовали, как начинала живее бежать кровь в их жилах, как она заполняла их онемевшие члены, и, отбрасывая костыли, пускались в пляс. Другие видели свет, исходящий от рук Иисуса, когда он подносил ладонь к их угасшим глазам, и, поднимая веки, кричали от радости, ибо снова начинали видеть мир!

Матфей был всё время рядом с пером наготове. Ни единому слову он не дал остаться оброненным втуне, запоминая и записывая всё. И так, понемногу, день за днем писалось Евангелие — Благая Весть. Оно пустило корень и раскинуло свои ветви, готовые заплодоносить, чтобы питать рожденных и тех, кому ещё предстояло родиться. Матфей хорошо знал Писание и видел, как слова и дела учителя совпадают с тем, о чём столетия назад сказали пророки; если пророчества и жизнь Иисуса в чем-то и расходились, то лишь потому, что разум человеческий ленился понять скрытый смысл священного текста. Семь значений таилось за каждым словом Господа, и Матфей силился найти то единственное, которое подойдет. И даже если где-то онумышленно и подгонял их — Господь простит! Да, простит, ибо такова была и Его воля. Разве не спускался к Матфею ангел всякий раз, когда он брался за перо, разве не диктовал ему, что писать?

Сегодня впервые Матфей ясно понял, с чего начать и как описать жизнь и время Иисуса. Прежде всего, где он родился, кто были его родители и предки до четырнадцатого колена. Он родился в Назарете от бедных родителей — плотника Иосифа и Марии, дочери Иоахима и Анны... Матфей взял перо и молча взмолился Господу, чтобы тот просветил его и дал сил. Но стоило ему начать выводить первые слова своим красивым почерком, как пальцы его словно одеревенели. Ангел схватил его за руку, он услышал над

головой мощное трепетанье крыльев и трубный глас: «Не "сын Иосифа"! Что сказано у пророка Исая: "Се, Дева во чреве принесёт и родит сына". Пиши: "Рождество Иисуса Христа было так: по обручении матери его Марии с Иосифом, прежде нежели сочetaлись они, оказалось, что она имеет во чреве от Духа Святого..." Слышишь ли? Так и пиши. И не в Назарете он был рожден, не в Назарете. Вспомни пророка Михея: "И ты, Вифлеем, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных". Потому Иисус родился в Вифлееме... Ну, что ты остановился? Я освободил твою руку. Пиши!»

Но Матфея охватило негодование и, повернувшись к невидимым крыльям справа от себя, он ответил раздраженно, но тихо, чтобы не разбудить спящих учеников:

— Это неправда! Я не хочу это писать! Я не буду!

В ответ ему некто рассмеялся.

— Ты, пригоршня праха, что ты знаешь о правде? У правды есть семь смыслов. И высший из них — правда Господа, которая ничем не походит на правду человеческую. И это правда, Матфей-евангелист, что я диктую тебе... Пиши: «Пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: "Где родившийся царь Иудейский?.."»

Пот выступил на лбу Матфея.

— Я не буду писать! Не буду! — закричал он, но рука его сама уже бежала по странице.

Иисус, услышав сквозь сон мучения Матфея, открыл глаза. Тот сидел, склонившись под лампадой, и прерывисто дышал, а скрипящее перо с бешеной скоростью летело по листу, и казалось, вот-вот сломается.

— Матфей, брат мой, — тихо промолвил Иисус, — что ты стонешь? Кто это над тобой?

— Не спрашивай меня, рабби, — ответил Матфей, перо которого всё так же несло по папирусу. — Я спешу. Ложись спать.

Чувствуя, что Дух Божий овладел Матфеем, Иисус закрыл глаза, чтобы не мешать ему.

ГЛАВА 24.

Летели дни и ночи. Луна рождалась и умирала, и нарождалась новая. Холод, дождь, огонь очага — священные бдения в доме старой Саломеи... После трудового дня бедняки и печальники Капернаума собирались у неё по вечерам, чтобы послушать нового утешителя. Бедными и разочарованными приходили они сюда, богатыми и обнадеженными возвращались в свои лачуги. Он раздавал им лодки, виноградники и радости, но не здесь, а на небесах; объяснял, сколь непреходящи они там. Сердца несчастных наполнялись терпением и надеждой. Даже непримиримый дух Зеведея был укрощен. Понемногу слова Иисуса проникали и в него, опьяняя его рассудок. Этот мир истончался, зато над его головой созидался новый, вечный. И в этом странном новом мире он, Зеведей, его сыновья, жена Саломея и даже пять его лодок и полные сундуки будут жить вечно. Поэтому лучше не ворчать на то, что день и ночь у него в доме незваные гости. Всё придёт, будет вознаграждение.

В разгар зимы наступили солнечные тихие дни. Солнце сияло, согревая обнажённое тело земли, и даже обмануло миндальное дерево в середине двора Зеведея, — решив, что пришла весна, оно

вдруг выпустило почки. Зимородки, дождавшись этих теплых благодатных дней, начали откладывать яйца в скалах — в отличие от остальных Божьих птиц, они выводили потомство в середине зимы. И Господь, сжалившись над ними, позволил солнцу сиять несколько дней зимой. Теперь, ликую, эти морские соловьи носились над Генисаретом, вознося хвалы Господу за то, что Тот снова выполнил свой обет.

А оставшиеся ученики в эти радостные дни разошлись по берегу и близлежащим деревням, чтобы тоже попробовать свои крылья. Филипп и Нафанаил отправились к своим друзьям пастухам и крестьянам возвестить им слово Господа. Андрей и Фома пошли к озеру беседовать с рыбаками. Угрюмый Иуда один направился в горы, чтобы успокоить свой гнев. Многие нравились ему в поведении учителя, но было и такое, что он просто не мог перенести. То устами Иисуса говорил яростный Креститель, а то вдруг из них вырывалось бление сына плотника: «Любовь! Любовь!..» Какая любовь, лунатик? Кого любить? Мир болен гангреной и нуждается в операции — так считал Иуда!

В доме остался один Матфей. Ему не хотелось покидать учителя — вдруг он тогда что-нибудь пропустит, вдруг учитель совершит какое-нибудь чудо, Матфей должен видеть это собственными глазами, чтобы потом всё правильно описать. Да и куда он может пойти, с кем говорить? Никто и близко его не подпустит к себе из-за того, что когда-то он был грязным мытарем.

Поэтому он остался в доме и из своего угла украдкой наблюдал за Иисусом, сидевшим во дворе под миндальным деревом. У ног его устроилась Магдалина, и он тихо беседовал с ней. Матфей прислушался, но напрасно — ничего не было слышно. Так что ему оставалось лишь взирать на суровое печальное лицо учителя, да на его руку, которая время от времени перебирала волосы Магдалины.

Была суббота, и паломники из дальних деревень — землепашцы Тивериады, генисаретские рыбаки и пастухи с гор тронулись ещё на рассвете в Капернаум — послушать, что новый пророк будет говорить о Царствии Небесном, преисподней, несчастном человечестве и милости Божьей. Они отведут его на зеленеющий холм — день выдался теплым и солнечным, сами растянутся на первой травке и будут слушать его, а может, даже и вздремнут, убаюканные его ласковым голосом. И посему, собравшись на улице перед домом, они принялись его звать.

— Магдалина, сестра моя, — промолвил Иисус, — слышишь? За мной пришли.

Но Магдалина, утонув в глазах Иисуса, не слышала его. Не старалась понять она ничего из того, что он так долго говорил ей. Ей хватало одного звука его голоса — сам голос говорил ей всё. Она была женщиной и не нуждалась в мудрости. Как-то раз она сказала ему: «Рабби, зачем ты рассказываешь мне о жизни грядущей? Мы не мужчины, нам не нужна другая, вечная жизнь, мы — женщины, и для нас мгновение, проведенное с возлюбленным, — Царствие Небесное, мгновение, проведенное вдали от него, — вечная мука в преисподней. Здесь, на этой земле, мы, женщины, проживаем свою вечность».

— Магдалина, сестра моя, — повторил Иисус, — за мной пришли люди. Мне надо идти, — и, встав, он открыл дверь.

Улица была полна горящих глаз, кричащих ртов и стонов убогих, простиравших к нему руки...

Магдалина подошла к порогу и прижала руку ко рту, чтобы не вскрикнуть от испуга.

— Люди, словно дикие звери, дикие и кровожадные, они сожрут его, — сказала она, глядя вслед удалявшемуся Иисусу, который спокойно повел за собой всю эту ревущую толпу.

Широкими уверенными шагами Иисус направился к холму, возвышавшемуся над озером, к тому самому, где он уже однажды, распростерши руки, взывал к народу: «Любовь! Любовь!» Но с тех пор сердце его ожесточилось. Пустыня закалила его, а на своих губах он до сих пор ощущал жар поцелуя Крестителя, подобного прикосновению горящего угля. Перед его взором вспыхивали и гасли пророчества; он вспоминал слышанные им нечеловеческие крики и трех посланцев Господа — Проказу, Безумие и Огонь, спускавшихся с небес.

И когда он достиг вершины холма и раскрыл рот, чтобы начать говорить, Креститель проснулся в нем, и он закричал:

— Грядет страшное нашествие со всех концов земли, быстрое и сеющее ужас, оно грядет. Ни один из воинов этой армии не знает страха и пощады. Доспехи их затянуты, и ноги облегают блестящие щитки. Стрелы их остры, тетивы натянуты туго; лошадиные копыта словно острые камни; колеса боевых повозок подобны смерчу. Рык воинов страшнее львиного. Никто не избежит нашествия, никто не спасется!

— Что это за воинство? — вскричал седовласый старик.

— Что? И вы спрашиваете, глухие, слепые, глупые люди? — Иисус воздел руку к небу. — Это воины Господа, несчастные! Издали они кажутся ангелами, но вблизи это пламя. Я и сам ещё прошлым летом принимал их за ангелов, когда, стоя на этом самом камне, взывал к вам: «Любовь! Любовь!» Но теперь Господь пустыни раскрыл мне глаза, и я увидел. Это пламя! «Я не могу взирать на ваши неправды более! — возгласил Господь. — Я иду!» Вопли и рыдания доносятся из Иерусалима и Рима, стенания в горах и на

могилах. Сама земля оплакивает своих детей. А потом ангелы Господни спустятся на выжженную землю с факелами, чтоб посмотреть, где был Иерусалим, где Рим. Прах будет в перстах их, и они ощутят его. «Верно, это был Рим, — скажут они, — а то Иерусалим», — и рассеют пепел по ветру.

— И нет нам спасения?! — вскричала юная мать, прижимая к груди своего младенца. — Я не о себе, я о сыне.

— Есть, — ответил ей Иисус. — При каждом потопе Господь создает ковчег и вверяет ему закваску будущего мира. Я буду править ковчегом!

— И кто станет этой закваской? Кого возьмешь ты с собой? Кого ты спасешь? У нас ещё есть время? — закричал другой старик с трясущейся челюстью.

— Весь мир проходит передо мной, и я выбираю. В одну сторону — всех пресыщенных. В другую — обиженных и жаждущих. Я выбираю последних. Они — те камни, на которых я буду возводить Новый Иерусалим.

— Новый Иерусалим? — вскричали люди, и глаза их загорелись.

— Да, Новый Иерусалим. Я и сам не знал этого, пока Господь в пустыне не доверил мне тайну. А любовь придёт лишь после огня. Сначала этот мир будет уничтожен дотла, и лишь потом Господь посадит новую лозу. Нет удобрения лучше пепла.

— Нет удобрения лучше пепла! — откликнулся кто-то хриплым счастливым голосом, почти таким же, как у Иисуса. Иисус удивленно обернулся и увидел стоящего у себя за спиной Иуду. На какое-то мгновение ему стало страшно, ибо лицо Иуды горело, словно охваченное пламенем. Кинувшись вперёд, Иуда схватил его за руку.

— Рабби, — прошептал он с неожиданной нежностью, — мой рабби!

Так ласково Иуда никогда ещё ни с кем не говорил за всю свою жизнь, и ему стало стыдно. Склонившись, он сделал вид, что хочет спросить о чём-то, но, так и не придумав, сорвал крохотный, едва распустившийся анемон.

Вечером, вернувшись в дом и усевшись по обыкновению на скамеечку перед очагом, Иисус, глядя в огонь, вдруг почувствовал, что Бог торопит его, не давая более медлить. Грусть, отчаяние и стыд охватили его. Он снова говорил сегодня с людьми, обрушивая пламя на их головы. Простые рыбаки и крестьяне сперва пугались, но затем к ним возвращалось самообладание, и они успокаивались. Все эти угрозы казались им похожими на сказку, а кое-кто из них даже уснул на теплом склоне, убаюканный его голосом.

В тревожной тишине Иисус смотрел на огонь, а Магдалина, стоя в углу, не сводила с него глаз. Она хотела обратиться к нему, но не осмеливалась. Временами женская речь радует мужчину, но, случается, она ввергает его в гнев. Магдалина это хорошо знала и потому молчала.

Дом пах рыбой и розмарином. Не было слышно ни звука. Окно, выходящее во двор, было открыто, и вечерний ветер приносил в комнату тепло-сладкий запах мушмулы.

Иисус встал и закрыл окно. Все эти весенние запахи были дыханием искусителя, они мешали его подвигу. Настала пора ему уходить в более подходящее место. Господь спешил.

Дверь распахнулась, и в комнату вошёл Иуда. Окинув её своим взором, он увидел учителя, задумчиво сидящего у огня;

крутобедрую Магдалину, храпящего Зеведея и склонившегося под лампадой мытаря... «И это воинство великой битвы? — покачал головой Иуда. — Это как же они будут покорять мир? Один лунатик, один писец, одна женщина с сомнительной репутацией, несколько рыбаков, сапожник и торговец — и все отдыхают в Капернауме!» Он направился в угол. Старая Саломея уже накрывала на стол.

— Я не голоден, — прорычал Иуда, — я хочу спать! — И он закрыл глаза, чтобы не видеть собравшихся. Через дверь влетел мотылек — потрепетал над язычком пламени в лампаде, скользнул по волосам Иисуса и принялся кружить по комнате.

— У нас будет гость, — промолвила старая Саломея. — И мы будем рады встретить его.

Иисус благословил хлеб, разделил его, и все принялись молча есть. Старый Зеведей, которого разбудили к трапезе, нервничал от такой тишины.

— Давайте, разговаривайте! — наконец, не выдержав, стукнул он кулаком по столу. — В чем дело? Что, у нас покойник в доме? Вы что, не знаете, если больше двух людей садятся за трапезу и не беседуют, значит, они на похоронах. Мне это однажды сказал старый раввин из Назарета, и я запомнил на всю жизнь. Так говори же о Боге, сын Марии! Прости, что я называю тебя сыном Марии, но я так и не знаю, как тебя надо величать. Одни говорят — сын плотника, другие — сын Давида, третьи — Божий сын, четвертые — Сын человеческий. Путаница какая-то. Вероятно, люди ещё не решили окончательно.

— Старый Зеведей, — ответил Иисус, — бесчисленные сонмы ангелов летают вокруг престола Господня. И издали их голоса, славящие Господа, кажутся звоном золота и серебра, журчанием

чистой воды. Но ни один из них не осмеливается приблизиться к Его престолу, кроме одного.

— Какого? — широко раскрыл глаза Зеведей.

— Ангела тишины, — ответил Иисус и более уже не открывал рта.

Хозяин дома поперхнулся, налил себе полную чашу вина и одним махом осушил её.

«Ну и человек, — подумал Зеведей. — Как будто сидишь рядом со львом...» И сам испугавшись этой мысли, он поднялся из-за стола.

— Пойду к старому Ионе, поговорю с ним по-людски, — промолвил он и направился к двери. Но в это мгновение во дворе слышались чьи-то легкие шаги.

— А вот и наш гость, — поднялась Саломея. Все обернулись — на пороге стоял старый раввин Назарета.

Как он постарел и похудел! От него почти ничего не осталось — лишь кости, обтянутые обожженной солнцем кожей, — ровно столько, чтобы душе было за что держаться и она не отлетела. Последнее время Симеона мучала бессонница, а когда на рассвете он погружался в глубокий сон, ему являлось одно и то же странное видение: ангелы, всполохи пламени... и Иерусалим в образе раненого зверя, с воем карабкающегося на Сион. В очередной раз ему это приснилось, и терпение у старика лопнуло. Он вскочил и, покинув дом, пересек Ездрилонскую долину. Богоизбранный Кармил высился перед ним. Не иначе как сам пророк Илия подталкивал раввина наверх, придавая ему сил взобраться. Солнце уже садилось, когда старик добрался до вершины горы. Он знал, что на вершине стоят три алтарных камня, а вокруг разбросаны кости и рога жертвенных животных. Но когда он приблизился, из груди его вырвался крик: камни исчезли! Три исполина стояли на вершине в белоснежных одеждах, и лица их лучились светом.

Иисус, сын Марии, стоял в середине. Слева от него Илия сжимал в руках горящие угли, справа — Моисей держал скрижали с горящими буквами...

— Адонай! Адонай! — прошептал дрожа раввин и упал ниц. Он знал, что Илия и Моисей появятся на земле в страшный день Господа. Это был знак, что наступил конец света. Они явились — вот они стоят перед ним! Симеона колотило от страха. Он поднял голову, чтобы взглянуть ещё раз, — отблескивая в сумерках, перед ним высились три обветренных камня.

Много лет раввин читал Писание, много лет он ощущал дыхание Иеговы. Он научился видеть скрытый промысел Господа за видимым и невидимым — и теперь он понял. Он поднял с земли свой посох — откуда взялись такие силы в этом дряхлом теле? — и отправился на поиски сына Марии, обходя Назарет, Кану, Магдалу и Капернаум. Старик знал о пребывании Иисуса в пустыне Иорданской, и теперь, идя по его следам через всю Галилею, видел, как крестьяне и рыбаки уже начали слагать легенду о новом пророке: о чудесах, совершенных им, сказанных им словах, о камнях, расцветших после того, как он вставал на них, чтобы говорить с людьми... Симеон разговорился со встречным стариком, и тот воздел руки к небесам:

— Я был слеп. Он прикоснулся к моим векам и вернул мне зрение. И хотя он велел мне никому не говорить, я хожу по деревням и только об этом и рассказываю.

— А может, ты скажешь мне, старик, где его можно сейчас найти?

— Я расстался с ним в Капернауме в доме Зеведея. Ступай скорее, если хочешь застать его, пока он не вознесся.

И раввин поспешил, а к сумеркам добрался до Капернаума. Уже в темноте он отыскал дом Зеведея и вошёл внутрь. Саломея вскочила приветствовать его.

— Саломея, — промолвил раввин, переступая через порог, — мир этому дому и да падет достаток Авраама и Исаака на его владельцев, — он оглянулся, и вид Иисуса ослепил его. — Птицы, пролетавшие мимо, принесли мне весть о тебе. Дорога, которую ты выбрал, дитя моё, — трудна и очень длинна. Да будет с тобой Бог!

— Аминь! — сурово ответил Иисус.

— Какой ветер занес тебя в мой дом, Симеон? — приложив руку к сердцу, спросил Зеведей.

Но раввин, не отвечая (может, и не расслышал), опустился у огня. Он устал, замерз и хотел есть, но вкушать пищу сейчас было некогда. Перед ним расстилалось несколько дорог, и он не знал, которую выбрать. Зачем он пришёл? Рассказать Иисусу о своём видении. А если это видение послано не Богом? Симеон слишком хорошо знал, как искунитель принимает Божье обличие, чтобы запутать людей. Если он откроет Иисусу то, что видел, демон гордыни может обуять душу сына Марии, и тогда тот будет погублен навсегда, и ему, раввину, придётся отвечать за это. Может, он должен сохранить всё в тайне и просто следовать за Иисусом, куда бы тот ни пошёл? Но хорошо ли ему, раввину Назарета, пристать к самоуверенному бунтовщику, хваставшемуся, что он принёс новый Закон? Разве он не застал в смятении Кану лишь из-за того, что Иисус сказал что-то противоречащее Закону? Хотя говорили, что, отправившись в поля в святую субботу и встретив там человека, копавшего канавы для орошения, Иисус сказал ему: «Человек, если ты ведаешь, что творишь, да пребудет радость с тобой, если же нет, ты будешь проклят, ибо нарушаешь Закон». Старый раввин смутился, услышав это. «Этот сын Марии

говорит сомнительные вещи, — подумал он. — Смотри, Симеон, а то окажешься проклятым, и это в твоём-то возрасте!»

Иисус подошёл к нему и сел рядом. Иуда, закрыв глаза, лежал на полу. Матфей вернулся на свое место под лампаду и в ожидании замер с пером в руке. Но Иисус молчал. Он смотрел, как огонь пожирает поленья, и слушал, как тяжело дышит раввин, будто он всё ещё шёл по дороге.

Тем временем Саломея приготовила постель для Симеона. Он был старым человеком — ему нужны были циновка помягче и подушка. Рядом с постелью она поставила небольшой кувшин с водой на случай, если он ночью захочет пить. Старый Зеведей понял, что гость пришёл не ради него и взяв посох, отправился к Ионе, чтобы хоть немного побыть рядом с нормальным человеком — его собственный дом был полон львов. Магдалина и Саломея ушли во внутреннюю комнату, оставив Иисуса с раввином наедине. Женщины чувствовали, что мужчинам есть о чём поговорить.

Но Иисус и раввин молчали. Оба они прекрасно понимали, что слова часто бессильны раскрыть и освободить душу человека. Это может сделать лишь молчание. Шло время. Матфей заснул с пером в руке; вернулся Зеведей, насытившись беседой с приятелем, и улегся рядом со своей старой женой. Наступила полночь. Раввин поднялся — он тоже насытился молчанием.

— Мы сегодня много сказали, Иисус, — прошептал он. — Завтра продолжим, — и он на своих трясущихся ногах направился к постели.

Вставшее солнце вскарабкалось на небо — был уже полдень, а Симеон всё ещё не просыпался. Иисус ушёл к озеру беседовать с

рыбаками и там сел в лодку Ионы, чтобы помочь ему. Иуда один, как бездомная собака, бесцельно бродил поблизости.

Старая Саломея испугалась и склонилась над раввином, чтобы послушать — дышит ли он? Симеон дышал.

Слава тебе, Господи, он ещё жив, — сказала она и уже собиралась отойти от него, как раввин открыл глаза и, увидев её, склонившуюся над ним, понял всё и улыбнулся.

— Не бойся, Саломея. Я не умер. Я не могу ещё умереть.

— Мы оба уже стары, — серьезно заметила Саломея. — И с каждым днем всё больше приближаемся к Богу. Никто не знает своего часа. И я думаю, грешно говорить: «Я не могу ещё умереть».

— И всё же я не могу ещё умереть, милая Саломея, упрямо повторил раввин. — Господь Израиля обещал мне: «Ты не умрешь, Симеон, пока не увидишь Мессию!»

Но стоило ему произнести это, как глаза его расширились от ужаса. А вдруг он уже видел Мессию? Вдруг Мессия это Иисус? Вдруг видение на Кармиле послано Господом? А если так, то пришла пора ему умирать! Всё его тело покрылось холодным потом. Он не знал, радоваться или горевать. Душа его ликовала: пришёл Мессия! Но его дрожащая плоть не хотела умирать. Тяжело дыша, он встал и, добравшись до двери, опустился на порог погреться на солнышке.

Усталый Иисус вернулся лишь к полуночи. Целый день он прорыбачил с Ионой. Лодка кишела рыбой, и Иона сиял, стоя по колено в шевелящейся массе.

Тем же вечером из окрестных деревень вернулись посланные сыном Марии проповедники. Усевшись вокруг Иисуса, они приступили к рассказам о том, что видели и что делали с тех пор, как покинули его. Как в мрачных тонах они вещали тут и там о

приходе дня Господа, а их слушатели преспокойно продолжали чинить сети и вскапывать свои сады и лишь время от времени покачивали головами, приговаривая: «Что ж, проживем — увидим...»

Пока проповедники пересказывали свои похождения, вернулись и три апостола. Иуда, до того мгновения сидевший в стороне и молчавший, при виде их не смог сдержаться и расхохотался.

— Ну и видок, у вас, апостолы! — воскликнул он. — Бедняги, видно, здорово вас отлупили!

И действительно, у Петра под правым глазом был огромный синяк, исцарапанное лицо Иоанна сочилось кровью, Иаков хромал.

— Рабби, — вздохнул Петр, — слово Господа принесло нам тьму бед и неприятностей!

Все рассмеялись, и лишь Иисус продолжал задумчиво взирать на них.

— Они просто побили нас, — продолжал Петр, спеша поведать о своих злоключениях. — Сначала мы решили, что каждый пойдет своей дорогой. Но потом побоялись идти поодиночке и, объединившись, пошли проповедовать. Я влезал на камень или на дерево на площади и собирал людей призывами или просто свистом. Если собирались женщины, говорил Иоанн. Потому-то у него и исцарапано лицо. Если мужчины, тогда выступал Иаков со своим басом, а только у него садился голос, тут уж подхватывал я. Что мы говорили?

То же самое, что и ты. Но они нас встречали гнилыми фруктами и улюлюканьем. Они решали, что это мы несем миру гибель, и набрасывались на нас — мужчины с кулаками, женщины царапались — и, видишь, на что мы похожи?

Иуда снова разразился громким хохотом, но Иисус, обернувшись, бросил на него суровый взгляд, и тот замолчал.

— Я знаю, что послал вас как агнцев в волчью стаю, — промолвил Иисус. — Вас будут поносить, забрасывать камнями и называть нечестивцами, ибо вы пришли объявить войну нечестивости. О вас будут злословить, говоря, что вы хотите уничтожить веру, власть и отечество, так как наша вера чище, дом шире, а отечество нам весь мир! Подпоясывайтесь туже, друзья мои! Прощайтесь с хлебом, радостью и миром. Ибо мы идем на войну!

Нафанаил тревожно взглянул на Филиппа, но Филипп сделал ему знак, чтобы тот не волновался, словно говоря: «Не бойся, он всегда так — это только для того, чтобы испытать нас».

Страшная усталость навалилась на старого раввина. Он снова лег в постель, но голова его была ясной: он всё видел и слышал. Он принял решение, и теперь его ничто не тревожило. В душе его неустанно звучал голос — его собственный? Господа? А может, оба вместе повелевали ему: «Симеон, куда бы он ни пошёл, следуй за ним!»

Петр собрался было продолжить свой рассказ, но Иисус остановил его.

— Достаточно!

Он поднялся. Перед его взором вырос Иерусалим — жестокий и кровавый, на последней грани отчаяния, откуда и растет всегда надежда. Капернаум со своими бесхитростными рыбаками и землепашцами отступил. Исчезло Генисаретское озеро. Дом Зеведея сжался, так что все четыре стены подступили друг к другу. Задыхаясь, Иисус бросился к двери и распахнул её.

Почему он здесь? Почему ест и пьет? Зачем для него разжигают огонь в очаге, днем и вечером накрывают на стол? Он бесполезно

тратит свое время. Это так он собирается спасти мир? И ему не стыдно?

Он вышел во двор. Теплый ветер приносил аромат распускающихся деревьев. Звёзды жемчужными нитками украсили шею и руки ночи. Земля под ногами трепетала, словно все её дети разом припали к её груди.

Иисус повернулся к югу, в сторону святого Иерусалима. Он внимательно всмотрелся, словно пытаясь различить в темноте угрюмость его кровавых камней. Душа его страстно и отчаянно тянулась через горы и долины и уже почти достигла священного города, когда ему почудилось, что под миндальным деревом затаилась чья-то огромная тень. Что-то темнее самой ночи возникло в воздухе, и он увидел, что это его проклятый исполинский спутник. Тяжёлое дыхание чудовища было отчетливо слышно в тишине, но Иисус не испугался. Время приучило его к следовавшему за ним по пятам кошмару. И вдруг из-под дерева раздался спокойный и повелительный голос: «Пора идти!»

В дверях появился встревоженный Иоанн — ему показалось, что он услышал в темноте незнакомый голос.

— Рабби, — прошептал он, — с кем ты разговариваешь?

Но Иисус, не отвечая ему, вошёл в дом и взял в углу свой посох.

— Друзья, пора идти! — и не глядя, следует ли кто-нибудь за ним, он направился к двери. Старый Симеон вскочил с постели и подтянул пояс.

— Я с тобой, дитя моё! — воскликнул он и первым бросился вслед за Иисусом.

Прявшая Саломея тоже поднялась и положила неоконченную работу в сундук.

— Я тоже иду. Возьми ключи, Зеведей. Прощай! — И сняв с пояса связку ключей, она отдала их мужу. Затем окинула взглядом свой дом и, кивнув, попрощалась с ним. И сердце её взлетело, как у девушки.

Магдалина, счастливая и молчаливая, тоже поднялась. Возбужденно переглядываясь, вскочили ученики.

— Куда мы идем? — осведомился Фома, прицепляя рог к своему поясу.

— Ночью! Что за спешка? Разве нельзя подождать до утра? — угрюмо взглянул Нафанаил на Филиппа.

Но Иисус уже пересек широкими шагами двор и направился к дороге, ведущей на юг.

ГЛАВА 25.

Основы мира были поколеблены, ибо было поколеблено человеческое сердце, раздавленное камнями, имя которым было Иерусалим, пророчествами, зловещими знамениями, проклятиями, фарисеями и саддукеями, пресыщенными богачами и голодающими бедняками и самим Господом Иеговой, по алтарю которого из века в век струилась в бездну кровь человечества. Господь был суров. Ему возносили молитвы, а Он требовал жертв. Если Ему предлагали агнца или собственного первородного сына, Он гневался ещё сильнее: «Не плоти хочу, но сердца вашего. Обратите плоть вашу в дух, дух в молитву и рассейте её по ветру!»

Человеческое сердце было погребено под тяжестью шестисот тринадцати писанных заповедей иудейского Закона и тысячи

неписанных; над ними тяготели книги Торы, пророков и Талмуда, и оно было в оцепенении.

И вдруг внезапно лёгкое дуновение ветерка, даже не с небес, а на земле, всё всколыхнуло. И тут же книги, пророчества и проклятия, фарисеи, саддукеи и камни, называемые Иерусалимом, треснули, зашатались и начали обваливаться — сначала в сердцах, затем в умах и, наконец, воочию на земле. Казалось, что Иегова, как в дни творения, снова повязывает кожаный фартук, вооружается молотом, отвесом и линейкой и начинает всё рушить и перестраивать. Казалось, что дни Иерусалимского Храма сочтены.

Каждый день приходил сюда Иисус и стоял на забрызганных кровью плитах. Он смотрел на заполненный людьми Храм и слышал, как сердце взывало к его разрушению. Но Храм продолжал стоять, возвышаясь над городом, сияя на солнце, как жертвенный золоторогий бык, увитый гирляндами. Стены его до самой крыши были облицованы белым мрамором с синими прожилками: казалось, он плывет в бушующем океане. Перед Храмом, очерченные стеной, одна над другой нисходили две галереи. Нижняя и самая широкая предназначалась для язычников, верхняя — для народа Израиля, на ней и стояло само здание, где служило до двадцати тысяч левитов, которые мыли и убирали Храм, зажигали и гасили лампы; из их же клана были и все служители. Днем и ночью возжигались здесь благовония, и воздух так пропитался их ароматом, что козы чихали от него и за семь стадий от Иерусалима.

Скромный ковчег с Законом, который странствующие предки перенесли через пустыню, бросил якорь на этом холме, пустил корни, разросся, оделся в кипарис, золото и мрамор и превратился в Храм. Сначала суровый Бог пустыни не соблаговолил снизойти в этот дом, но потом запах кипарисового дерева, благовоний и

умерщвляемых животных так ему понравился, что в один прекрасный день Господь переступил его порог.

Прошло уже два месяца с тех пор, как Иисус пришёл в Иерусалим. Каждый день он являлся сюда и останавливался перед Храмом, глядя на него, и всякий раз ему казалось, что он видит его впервые. Каждое утро он надеялся найти его низвергнутым и попраным. Он устал от его вида и не испытывал перед ним страха. В сердце его Храм уже был разрушен. Как-то старый Симеон спросил его, почему он не входит внутрь помолиться, но Иисус покачал головой и ответил:

— Много лет Храм для меня был центром мироздания, теперь центр мироздания — я.

— Иисус, это слишком хвастливые слова, — промолвил Симеон, склонив седую голову. — Ты не боишься?

— Когда я говорю «я», — ответил Иисус, — я говорю не об этом теле, которое есть прах, я говорю не о сыне Марии, который тоже прах с крохотной, едва теплящейся искрой души. «Я» в моих устах, рабби, означает «Бог».

— Это ещё более ужасное кощунство! — воскликнул раввин, закрывая лицо руками.

— Да, я святой богохульник, не забывай этого, — рассмеялся Иисус.

В другой раз, когда его ученики застыли в немом восхищении перед мощным строением, Иисуса охватил гнев.

— Вас изумляет Храм? — саркастически осведомился он. — Сколько лет потребовалось, чтобы построить его? Двадцать? Силами десяти тысяч каменщиков? В три дня я один уничтожу его. Так что смотрите хорошенько — больше вы его не увидите. Прощайтесь с ним, ибо и камня на камне не останется здесь вскоре.

Ученики испуганно отступили. Что случилось с учителем? В последнее время он стал таким резким, таким странным, таким непредсказуемым. То лицо его сияло, как восходящее солнце, и всё расцветало вокруг, то вдруг глаза его темнели, а во взгляде сквозило отчаяние.

— И тебе не жаль, рабби? — отважился спросить Иоанн.

— Кого?

— Храм. Почему ты хочешь разрушить его?

— Чтобы я мог построить новый. Я построю новый в три дня. Но сначала нужно расчистить место, — и, взяв подаренный ему Филиппом посох, он ударил им по камням мостовой. Вихри гнева бушевали в его груди. Он взглянул на фарисеев, раздирающих себя в кровь о стены, ослепленных своим фанатизмом, и воскликнул:

— Лицемеры! Стоит Господу вскрыть ваши сердца, и оттуда выползут змеи, скорпионы и нечистоты!

Слышавшие это фарисеи пришли в неистовство. Старый Симеон прижал ладонь к губам Иисуса, чтобы заставить его замолчать.

— Ты ищешь смерти? — спросил он Иисуса со слезами на глазах. — Разве ты не знаешь, что книжники и фарисеи уже требовали у Пилата твоей головы?

— Знаю, Симеон, — ответил Иисус, — но я знаю и многое другое, многое, многое другое... — и, попросив Фому протрубить в свой рог, он взошёл на Соломонов портик, откуда уже не раз проповедовал. Каждый день здесь он взывал к небесам, чтобы они раскрылись и обрушили на землю пламя — собственный голос слышался Иисусу всемогущим. Он призывал огонь, чтобы тот очистил землю, открыв путь любви. Её стопам приятно будет ступать по пеплу...

— Рабби, — спросил его как-то Андрей, — почему ты больше не смеешься, почему не радуешься жизни, как раньше? Почему с каждым днем ты становишься всё жестче?

Но Иисус не ответил ему. Да и что он мог ответить, так чтобы простосердечный Андрей понял его? «Этот мир, — думал Иисус, — должен быть разрушен до основания для создания нового. Новый Закон должен быть вырезан в скрижалях сердец, и вырежу его я. Я расширю его, включу в него друзей и врагов, иудеев и язычников. Для этого я и пришёл в Иерусалим. Ибо здесь-то и разверзнутся небеса. А что из них снизойдет на землю — великое чудо или гибель, — решит Бог. Я готов и к вознесению, и к сошествию в ад. Решай, Господи!»

Приближалась Пасха. Суровый лик Иудеи смягчился под дуновением весны. Со всех концов мира, где живут дети Израиля, в Иерусалим стекались паломники. Повсюду в Храме витали стойкие запахи тысяч человек и жертвенных животных.

Сегодня у Соломонова портика собралась огромная толпа калек и нищих. Бледные, голодными горящими глазами они злобно взирали на тучных саддукеев, зажиточных горожан и их жен, увешанных золотыми украшениями.

— Недолго вам осталось веселиться! — воскликнул кто-то. — Скоро мы перережем вам глотки. Так сказал учитель: бедные убьют богачей и поделят их добро.

— Ты неверно понял, Манассия, — прервал его другой с кротким овечьим взором. — Не будет ни богатых, ни бедных — мы станем едиными. Это и означает Царствие Небесное.

— Царствие Небесное означает изгнание римлян, — перебил неуклюжий дылда. — Разве может быть Царствие Божие с римлянами?

— Ты ничего не понял из слов учителя, Аарон, — вступил в разговор старик с заячьей губой. — Нет ни израильтян, ни римлян, ни греков, ни халдеев, ни бедуинов. Все мы братья! — и он покачал своей лысой головой.

— Все мы прах! — выкрикнул ещё кто-то поблизости. — Вот что я понял — я слышал это собственными ушами. Учитель сказал: «Небеса разверзнутся. Первый потоп был водным, второй будет огненным». И все — израильтяне и римляне, богатые и бедные — прах!

— Пророк Исайя сказал: «И останутся у него, как бывает при обивании маслин, две-три ягоды на самой вершине...» Мужайтесь, люди. Мы будем оставшимися. Нам только надо быть поближе к учителю, чтобы он не покинул нас! — это говорил человек с лицом, похожим на закопченный горшок, не спускавший глаз с белой пыльной дороги, ведущей в Вифанию. — Что-то он задерживается сегодня, задерживается. Смотрите, парни! Главное, чтобы он не бросил нас!

— А куда он денется? — спросил старик — заячья губа. — Господь велел ему принять бой в Иерусалиме, здесь он его и примет!

Солнце стояло в зените. От камней мостовой шёл пар, воздух дрожал в палящем зное. Увешанный амулетами, появился Иаков-фарисей и принялся расхваливать особые свойства товара: одни амулеты излечивали ветрянку, запоры и кожные болезни, другие изгоняли бесов, самые могущественные и дорогие убивали врагов... При виде нищих губы его искривлялись, и он злобно кудахтал: «Пошли вы к чёрту!» — плюя трижды перед собой.

Пока бродяги пререкались, каждый по-своему истолковывая слова учителя, к портику подошёл высокий старик — пот струился по его лбу, одежда запылилась, но широкое и всё ещё моложавое лицо его сияло.

— Мелхиседек! — воскликнул обладатель заячьей губы. — Какие вести из Вифании? Ты весь сияешь!

— Ликуйте и радуйтесь, люди! — закричал старец и, зарыдав, принялся обнимать ближайших. — Мёртвый был воскрешён — я видел это собственными глазами. Вышел из могилы и пошёл! Ему дали напиться — и он пил, дали хлеба — и он ел!

— Что? Кто воскрес? Кто воскрес? — кинулись все к вифанскому старейшине. Подошли даже несколько левитов и фарисеев. Варава, проходивший мимо и услышавший шум, тоже присоединился к толпе.

Мелхиседек весь лучился от удовольствия, что вокруг него собралась такая толпа и, опершись на посох, начал свой рассказ:

— Лазарь — сын Матфана. Кто-нибудь знает его? Он умер несколько дней тому назад, и мы похоронили его. Прошёл день, два, три — мы и позабыли о нем. Вдруг на четвёртый день слышу на улице крики. Выхожу на улицу и вижу Иисуса, сына Марии из Назарета, а у его ног распростерлись две сестры Лазаря, целуют ему ноги и оплакивают своего брата. Рвут на себе волосы, воют и кричат: «Если бы ты был рядом с ним, рабби, он бы не умер! Верни его, рабби! Позови его, и он вернется!» Иисус взял их обеих за руки и поднял. И они пошли на кладбище. Мы все побежали за ними и добрались до могилы. Здесь Иисус остановился. Вся кровь бросилась ему в голову, глаза закатились так, что остались видны лишь белки. А потом он как закричит не по-человечески, — мы все перепугались. И тогда, не сходя с места, весь дрожа, он издал ещё один крик, дикий и странный, словно с того света. Наверное, так кричат архангелы, когда гnevаются... «Лазарь! — закричал он. — Выходи!» И в то же мгновение мы увидели, как земля на могиле зашевелилась. Надгробный камень пополз в сторону, будто его кто-то медленно отодвигал снизу. Страх и ужас! Я смерти так не боюсь,

как меня перепугало это воскрешение. Клянусь Господом, если бы меня спросили, чего я боюсь больше — разъяренного льва или воскрешения, я бы сказал — воскрешения.

— Смилуйся, Господи! Смилуйся, Господи! — закричал народ. — Говори, Мелхиседек, говори!

— Женщины завизжали, мужчины попрятались за камни, а те, кто остался, дрожали как осиновый лист. Надгробие совсем сползло в сторону. Из могилы сначала показались две жёлтые руки, потом голова в грязи и струпьях разложения, и, наконец, всё тело, завернутое в саван. Он высвободил одну ногу, потом другую и вышел. Это был Лазарь! — Старик умолк и вытер широким рукавом струящийся по лицу пот. Люди вокруг него неистовствовали — одни рыдали, другие плясали.

— Ложь! Ложь! — закричал Варавва, поднимая свой волосатый кулак. — Он продался римлянам и всё подстроил с Лазарем. Долой предателей!

— Заткнись! — прорычал кто-то за его спиной. — Каким римлянам?

Толпа обернулась и тут же отпрянула. К Варавве с угрожающе занесенным кнутом приближался центурион Руфус. За руку его держала бледная белокурая девочка. Всё это время она слушала старого Мелхиседека, и слезы струились из её больших зелёных глаз. Варавва нырнул в толпу и растворился в ней, за ним кинулся Иаков-фарисей со своими амулетами, догнавший его только за колоннадой. Там, склонившись друг к другу, они разговорились, — бандиту и фарисею оказалось несложно найти общий язык.

— Ты думаешь, это правда? — тревожно спросил первым Варавва.

— Что?

— То, что они говорят, будто Иисус воскресил мертвеца.

— Слушай хорошенько, что я тебе скажу. Я — фарисей, ты — zelot. До сегодняшнего дня я утверждал, что Израиль будет спасён лишь молитвой, постом и священным Законом. Но теперь...

— Что теперь? — вспыхнули глаза Вараввы.

— Теперь, zelot, я начинаю смотреть на мир твоими глазами. Молитвы и поста недостаточно. Здесь в дело должен быть пущен нож. Ты меня понимаешь?

— Это ты мне говоришь? — расхохотался Варавва. — Нет лучшей молитвы, чем нож. Ну, так что?

— Давай с него и начнем.

— С кого? Говори яснее.

— С Лазаря. Прежде всего надо снова отправить его в могилу. Пока люди видят его, они будут говорить: «Он был Мёртв, а сын Марии воскресил его». И так слава этого лжепророка будет расти... Ты прав, Варавва, он подкуплен римлянами и потому кричит: «Не заботьтесь о царстве земном, думайте о небесном». Пока мы взираем на небеса, римляне будут сидеть у нас на шее. Понимаешь?

— Ну? Ты хочешь, чтобы мы и его убрали, несмотря на то, что он твой брат.

— Он мне не брат, я не имею к нему никакого отношения! — воскликнул фарисей и сделал вид, что собирается рвать на себе одежды. — Я вверяю его тебе.

И, отлепившись от колонны, он снова начал расхваливать свои талисманы — он был доволен разговором с Вараввой.

Толпа нищих у Соломонова портика, отчаявшись увидеть Иисуса, начала расходиться. Старый Мелхиседек купил двух белых голубей, чтобы принести их в жертву и отблагодарить Бога Израиля за то,

что Он наконец смилостивился над своим народом и послал ему нового пророка.

Камни плавилась. Лица людей становились неразличимы в нестерпимо ярком свете. И вдруг со стороны Вифании на дороге появилось облако пыли, восторженные крики огласили окрестности — сотни жителей деревни, закрыв свои дома, снялись с места. Впереди шли дети с лавровыми и пальмовыми ветвями. За ними с улыбкой двигался Иисус, следом — разгоряченные счастливые ученики, словно каждый из них тоже уже воскресил по покойнику, и дальше — толпа совершенно охрипших от криков жителей деревни. Все они устремились к Храму. Шагая через ступеньку, Иисус миновал первую галерею и взойшёл на вторую. Лицо и руки его сияли таким нестерпимо ярким светом, что никто не осмеливался к нему приблизиться. Старый Симеон, задыхаясь, двигавшийся со всеми, попытался пройти сквозь невидимую ауру, окружавшую учителя, но тут же был вынужден отскочить, его словно обожгло пламенем.

Иисус только что вышел из горнила Господа, и кровь в нем ещё кипела. Он всё ещё не мог поверить: неужто дух обладает столь непомерной силой? Неужто можно повелеть и горам сдвинуться с места? И дух действительно может раздвигать землю и воскрешать Мёртвых, может разрушить мир и построить новый в три дня? И если дух столь всемогущ, то вся ответственность за гибель и спасение ложится на плечи человечества — дело Господа и обязанности человека смыкаются... Кровь стучала в висках Иисуса — мысль эта была и манящей, и пугающей.

Он оставил Лазаря стоящим в саване над могилой и с необычной поспешностью отправился в Иерусалимский Храм. Удивительно ясно он вдруг ощутил, что этот мир должен быть разрушен, чтобы на его развалинах возник Новый Иерусалим. Час пробил. Он давно ждал знамения. Бездна прогневший мир был подобен

умершему Лазарю. И пришло время крикнуть ему: «Мир, восстань!» Иисус был обязан сделать это, и, что самое страшное, как он только что понял, — в его силах было сделать это. Больше он уже не мог увиливать, говорить: «Я не могу». Он мог, и если мир не будет спасен, вся вина падет на него.

Кровь прилила к его голове. Со всех сторон на него были обращены взоры униженных и несчастных, которые все свои надежды возлагали теперь только на него. Он взошёл на возвышение. Вокруг бушевало людское море. Самодовольно ухмыляясь, останавливались послушать и зажиточные горожане. Иисус, увидев их, поднял кулак.

— Слушайте, вы, богатые, — воскликнул он, — слушайте, хозяева этого мира. Не могут более длиться голод, несправедливость и бесчестие! Господь вложил в мои уста горящие угли, и я кричу вам: доколе будете нежиться на своих мягких постелях и кроватях из слоновой кости? Доколе будете пожирать плоть бедняков и пить их слезы, пот и кровь? «Я не желаю более видеть вас!» — вопиет мой Господь. Огонь приближается, Мёртвые встают из своих могил, конец света пришёл!

Два сильных парня схватили его на руки и подняли над толпой. Многие махали пальмовыми ветвями.

— Не мир я принёс, но меч. Я посею раздор в домах, и сын поднимет руку на отца, а дочь на мать и невестка на свекровь свою во имя моё. Верящий мне оставит всё. Жаждающий спасти свою жизнь на этой земле погибнет; отдавший же жизнь ради меня обретет жизнь вечную.

Что сказано об этом в Писании, бунтовщик?! — гневно закричал кто-то ему в ответ. — Отвечай, Вельзевул!

— А что говорят великие пророки о миссии Сына человеческого? — блестя глазами, ответил Иисус. — Я уничтожу Закон, выбитый на скрижалях Моисея, и впишу новый в сердца людей. Я вырву из людей их каменные сердца и вложу в них другие, из плоти человеческой, и в этих новых сердцах я посею новую надежду! Я распространю любовь, распахнув четыре двери Господа: Север, Юг, Восток и Запад, чтобы объять все народы. Лоно Господа не избранный народ, оно объемлет весь мир! Господь не израильтянин, но Дух бессмертный!

Старый Симеон закрыл лицо руками. «Замолчи, Иисус! Это величайшее кощунство!» — хотелось крикнуть ему, но было уже поздно. Раздались дикие вопли восторга. Бедняки ликовали, левиты улюлюкали, Иаков-фарисей рвал на себе одежду и плевался. Симеон впал в отчаяние и зарыдал.

— Он погиб! — отступая, бормотал раввин. — Погиб! Что за дьявол, что за бог говорит его устами?!

Симеон шёл по дороге, еле волоча ноги от усталости. За то время, что он следовал за Иисусом, пытаясь понять, кто же такой сын Марии, его тело совсем одряхлело. Неизвестно, в чем душа держалась. Был этот человек Мессией, обещанным нам Господом, или нет? Все чудеса, совершенные им, могли быть делом рук Сатаны, который тоже умел воскрешать Мёртвых. Поэтому чудеса его не являлись для раввина каким-либо доказательством, как и пророчества. Сатана был хитрым и могущественным врагом. Он мог подогнать слова и поступки так, чтобы они до мельчайших подробностей совпали с древними пророчествами, и обмануть людей. Поэтому Симеон лежал без сна по ночам в своей постели, умоляя Господа сжалиться над ним и послать верный знак... Какой? Это старик хорошо знал: смерть, его собственную смерть. Хотя он и боязливо вздрагивал, думая об этом.

Он ковылял в пыли, пока на вершине холма не появилась Вифания, купающаяся в солнечных лучах. Переведя дыхание, Симеон начал подниматься вверх по склону.

Дом Лазаря был открыт. Соседи то и дело заходили, чтобы взглянуть на воскресшего и дотронуться до него, прислушаться к его дыханию, убедиться, может ли он говорить, и вправду ли он жив или это всего лишь дух. Усталый и молчаливый Лазарь сидел в самом тёмном углу — свет беспокоил его. Руки, ноги, всё тело у него были зеленоватыми и вздувшимися, как у всякого обычного четырехдневного трупа. Распухшее лицо покрылось язвами, откуда сочился желтовато-белый гной, стекавший на белый саван, который он так и не снял, ткань пристала к его телу. Вначале Лазарь страшно смердел, так что приближавшиеся были вынуждены затыкать себе носы, но скоро вонь уменьшилась, и теперь он распространял лишь запах земли да благовоний. Время от времени он поднимал руку и вытаскивал из волос и бороды запутавшийся в них земляной комочек. Его сестры Мария и Марфа очищали его от земли и прилипших к нему червяков. Добросердечная соседка принесла ему курицу, и теперь старая Саломея, сидя у очага, варила её, чтобы воскресший мог выпить бульон и подкрепить свои силы. Крестьяне заходили ненадолго, чтобы только внимательно осмотреть Лазаря да поговорить с ним. Он устало отвечал на их вопросы лаконичными «да» и «нет»; за одними приходили другие, всё новые и новые посетители. Слухи о его воскрешении уже достигли близлежащих городков. Слепой старейшина тоже посетил его и жадно ощупал руками.

— Хорошо повеселился в аду? — рассмеявшись, поинтересовался он. — Ты счастливчик, Лазарь. Теперь тебе известны все тайны подземного мира. Только смотри, никому не раскрывай их, а то всех тут сведешь с ума, — и склонившись к самому его уху,

полушутя-полусерьезно спросил: — Черви, да? И ничего, кроме червей?

Он долго ждал ответа, но Лазарь молчал, и раздосадованный слепец, взяв свой посох, удалился.

Магдалина стояла в дверях и смотрела на дорогу, ведущую к Иерусалиму. Сердце её рыдало, словно малое дитя. Последние ночи ей снились дурные сны, однажды даже свадьба Иисуса, а это означало — смерть. А сегодня ночью он приснился ей в виде рыбки, которая выпрыгнула из воды, расправив свои плавники, и рухнула на землю. Она конвульсивно билась о береговую гальку, пытаясь снова раскрыть свои плавники, но всё напрасно. Она задыхалась, взор её помутнел. Рыбка с мольбой взглянула на Магдалину, которая только о том и мечтала, чтобы вернуть её в воду. Но когда Мария нагнулась и взяла её в руки, та оказалась мертва. И пока женщина держала её, плача и омывая слезами, рыбка принялась расти, всё увеличиваясь и увеличиваясь, пока не превратилась в человека — мёртвого мужчину...

— Я не пущу его обратно в Иерусалим... не пущу его... — вздохнула Мария и снова обратила свой взор на дорогу.

Но человек, показавшийся со стороны Иерусалима, не был Иисусом. Вместо него Магдалина увидела своего старого согбенного отца, который, спотыкаясь, брел по дороге. «Бедный старик, — подумала она. — И зачем только он, как верный пес, идёт за нашим учителем. Я слышала, как он встает ночью, выходит во двор и кричит там: "Господи, помоги, дай знак!" Но Господь дает ему только вволю помучиться...»

Она смотрела, как старик взбирается на холм, опираясь на посох. То и дело он останавливался, чтобы восстановить дыхание, и оглядывался назад на Иерусалим. За прожитые вместе дни в Вифании отец и дочь, вычеркнув из памяти прошлое, снова

сблизились, и, видя, что дочь его сошла с дурного пути, раввин простил её. Он знал, что все грехи искупаются слезами, а Магдалина плакала немало. Наконец полумёртвый старик добрался до вершины. Магдалина посторонилась, чтобы он прошёл в дом, но он остановился и с мольбой в глазах взял её за руку.

— Мария, дитя моё, ты — женщина, твои слезы, твоя ласка обладают огромной силой. Пади ему в ноги, умоли его не возвращаться в Иерусалим. Книжники и фарисеи сегодня совсем рассвирепели. Я видел, как они шептались, замышляя недоброе. Они хотят его смерти.

— Смерти? — воскликнула Магдалина, и на сердце ей навалилась невыносимая тяжесть. — Разве он может умереть, отец?

Старый Симеон взглянул на свою дочь и горько улыбнулся.

— Мы всегда так говорим о тех, кого любим, — сказал он.

— Но, отец, он не такой, как все, не такой! — с отчаянием воскликнула Магдалина. — Он другой! Другой! — повторяла она снова и снова, чтобы остановить набегавшие слезы.

— Откуда ты знаешь? — спросил старик — сердце его дрогнуло, ибо он верил женским предчувствиям.

— Знаю, — ответила Магдалина. — Не спрашивай меня, откуда. Я просто знаю. И не бойся, отец. Кто посмеет прикоснуться к нему после того, как он воскресил Лазаря?

— Сейчас, после того, как он воскресил Лазаря, они ещё больше разъярились. Раньше они слушали его проповеди и пожимали плечами. Теперь же, когда стало известно о чуде, любящие его набрались смелости и кричат: «Он — Мессия! Он воскрешает мёртвых! Сила его от Господа! Пошли присоединяться к нему!» Сегодня за ним бежала целая толпа с пальмовыми ветвями.

Увечные угрожают, вздымая свои костыли, бедняки смелеют. А книжники и фарисеи, видя всё это, приходят в ярость. «Если он пробудет на свободе ещё немного, с нами, считай, покончено», — повторяют они и идут к Анне, от Анны к Каиафе, от Каиафы к Пилату и роют ему могилу... Мария, дитя моё, вцепись в его колени, не пускай его больше в Иерусалим. Мы должны вернуться в Галилею! — ему вспомнилось мрачное, изъеденное оспой лицо. — И вот ещё, по дороге сюда я видел Варавву. Он что-то делает около деревни — вид его отвратителен, как у демона. Услышав мои шаги, он спрятался в кустах. Это дурной знак! — Ноги старика подогнулись, и он начал падать. Магдалина подхватила его на руки и втащила в дом. Усадив его на стул, она опустилась рядом на колени.

— Где он сейчас? Где ты оставил его, отец?

— В Храме. Он кричит, глаза его пылают: кажется, он собирается поджечь священное здание! И что он говорит — Боже мой! Какие кощунства! Он говорит, что уничтожит Закон Моисея и установит новый Закон. Что не нужно ходить к Господу в Храм, что встретить его должно в собственном сердце! — Старик понизил голос. — Временами, дитя моё, — промолвил он, дрожа, — мне кажется, что я схожу с ума. Или Вельзевул...

— Замолчи! — воскликнула Магдалина.

Пока они беседовали, один за другим в дверях появились ученики. Магдалина вскочила, но Иисуса среди них не было.

— А Иисус? — вырвался из её груди душераздирающий крик. — Где он?

— Не пугайся, — хмуро ответил ей Петр, — он идёт.

Мария, сестра Лазаря, оставив брата, тоже вскочила и подошла к ученикам. Лица их были темны и тревожны, глаза безрадостны. Мария прислонилась к стене.

— А учитель? — робко пролепетала она.

— Он сейчас придёт, Мария, сейчас придёт... — ответил Иоанн. — Неужели мы бросили бы его, если бы с ним что-нибудь случилось?

Мрачные ученики разошлись по дому, стараясь быть подальше друг от друга.

Матфей достал из-под хитона свой папирус и приготовился писать.

— Скажи, Матфей, — промолвил старый раввин. — Скажи что-нибудь, и да будут с тобой мои благословения.

— Рабби, — ответил Матфей, — только что, когда мы все вместе возвращались, у ворот Иерусалима нас нагнал центурион Руфус. «Стойте! — закричал он. — У меня есть распоряжение относительно вас!» Мы замерли от страха. Но Иисус спокойно протянул руку римлянину. «Рад тебя видеть, друг, — промолвил он, — что тебе от меня надо?» — «Это не мне надо, — ответил Руфус, — тебя хочет видеть Пилат. Будь добр, Пойдём со мной». — «Иду», — спокойно ответил Иисус и повернул обратно. Тут мы все бросились к нему. «Рабби, куда ты идешь? — закричали мы. — Мы не оставим тебя!» Но центурион встал между нами и сказал: «Не бойтесь! Даю вам слово, ничего дурного с ним не будет». — «Идите, — сказал нам учитель, — не бойтесь. Час ещё не пришёл». — «Я пойду с тобой, учитель, — вызвался Иуда, — я не брошу тебя». — «Пойдём, — сказал учитель, — я тоже не оставлю тебя». И все они направились к дворцу Пилата — впереди Иисус с Руфусом, и Иуда сзади, как верный пес.

Пока Матфей рассказывал, ученики молча приблизились и опустились на пол.

— Лица ваши тревожны, — промолвил Симеон. — Вы что-то скрываете от нас.

— Нас другое волнует, Симеон, другое... — пробормотал Петр и снова умолк.

Оказалось, что по дороге назад их обуяли демоны гордыни. Начались воскрешения из мёртвых — День Господа, судя по всему, приближался, учитель скоро займет свой престол. Значит, пришло время и им делить должности. Тут-то между ними и начался спор.

— Я воссяду от него по правую руку — он любит меня больше всех.

— Нет, меня! Меня! — закричали все наперебой.

— Меня!

— Меня!

— Я первым назвал его «рабби»! — заявил Андрей.

— А мне он чаще снится, чем тебе! — возразил Петр.

— А меня он называет «возлюбленный»! — промолвил Иоанн.

— И меня!

— И меня!

— А ну-ка, замолчите, все вы! — вскипел Петр. — Разве не мне он сказал наперед: «Петр, ты та скала, на которой я возведу Новый Иерусалим»?

— Он не говорил «Новый Иерусалим»! У меня здесь записаны его точные слова! — воскликнул Матфей, похлопывая по своему свитку.

— А что же он мне сказал, писака? Я слышал это! — в раздражении вскричал Петр.

— Он сказал: «Ты — Петр, и на этом камне я построю свою церковь». «Свою церковь», а не «Иерусалим» — это большая разница!

— А что он мне ещё обещал? — закричал Петр. — Что ты остановился? Тебе не выгодно продолжать дальше, да? Что насчет ключей? Ну, говори же!

Матфей неохотно достал свиток, раскрыл его и прочел:

— «И тебе я вручу ключи от Царствия Небесного...»

— Продолжай! Продолжай! — торжествующе воскликнул Петр.

Матфей сглотнул слюну и продолжил:

— «И то, что завяжешь ты на земле, то завяжется на небесах, а что развяжешь, то развяжется...» Всё!

— Это что вам, пустяки? Я — слушайте вы все! — держу ключи, я закрываю и открываю врата рая! Захочу — впущу вас, не захочу — не впущу!

К этому времени ученики совсем уже распалились и наверняка перешли бы к драке, если бы не достигли Вифании. Тут, устыдившись жителей деревни, они проглотили свои обиды, но на лицах их всё ещё был написан гнев.

ГЛАВА 26.

Между тем Иисус шёл с центурионом, а за ними по пятам — верный Иуда. Они углубились в узкие кривые улочки Иерусалима и двинулись по направлению к Храму, за которым высилась цитадель с дворцом Понтия Пилата.

Центурион прервал молчание.

— Галилеянин, — промолвил он, — моя дочь прекрасно себя чувствует и всё время вспоминает тебя. Всякий раз, как ей становится известно, что ты собираешься говорить, она старается убежать из дома, чтобы послушать тебя. Сегодня мне пришлось держать её за руку — мы вместе слушали тебя у Храма, и она хотела броситься целовать тебе ноги.

— Почему же ты ей не позволил? — спросил Иисус. — Одного мгновения довольно, чтобы спасти душу человеческую. Почему же ты лишил её этого мгновения?

«Римлянка, целующая ноги иудея!» — с содроганием подумал Руфус, но ничего не сказал и принялся разгонять встречную толпу коротким кнутовищем. Стояла почти летняя жара, голова кружилась, воздух гудел от жужжания мух. Тошнота подкатывала к горлу центуриона, когда он вдыхал этот иудейский воздух. Уже много лет он жил в Палестине, но так и не мог привыкнуть к евреям... Придя на базарную площадь, прикрытую соломенными навесами, где было прохладнее, они сбавили шаг.

— Как ты можешь говорить с этой сворой собак? — спросил центурион.

Иисус вспыхнул.

— Они не собаки. Это души, Божьи искры. Господь — это исполинское пламя, центурион, и каждая душа, каждая искра Его должна быть уважаема тобой.

— Я — римлянин, — ответил Руфус, — и мой Бог — Рим. Он прокладывает дороги, строит дома, проводит воду в города, облачается в доспехи и ведет войны. Он наш вождь, мы его солдаты. Душа и тело, о которых ты говоришь, для нас одно и то же, и превыше всего — величие Рима. Когда мы умираем, с нами

вместе умирают и плоть наша и душа, зато после нас остаются наши сыновья. Это мы и называем бессмертием. Прости, но то, что ты говоришь о Царствии Небесном, кажется нам просто сказкой, — он помолчал и продолжил: — Мы, римляне, рождены, чтобы управлять народами, а управлять при помощи любви невозможно.

— Любовь не безоружна, — промолвил Иисус, глядя в холодные голубые глаза центуриона, на его свежевыбритые щёки и крепкие короткопалые руки. — Любовь тоже воюет и идёт на приступ.

— Тогда это не любовь, — возразил центурион.

Иисус опустил голову. «Мне нужны новые мехи, чтобы влить в них новое вино, — подумал он. — Новые мехи, новые слова...»

Наконец они добрались. Перед ними высилась крепость, а за её стенами дворец, охранявшие свое сокровище — надменного римского наместника Понтия Пилата. Он до такой степени презирал народ Израиля, что всякий раз, когда ему приходилось просто проходить по улицам Иерусалима или разговаривать с евреями, он прижимал к носу надушенный платок. Он не верил ни в богов, ни в людей. На шее на тонкой золотой цепочке он постоянно носил остро отточенное лезвие, чтобы вскрыть себе вены, когда устанет от еды, питья и власти или когда цезарь сместит его. Он не раз слышал, как иудеи до хрипоты призывали Мессию прийти и спасти их, но лишь смеялся над этим. Тогда он говорил своей жене, указывая на отточенное лезвие: «Вот мой Мессия, мой освободитель». Но жена, не отвечая ему, лишь отворачивалась.

Иисус остановился перед огромными воротами цитадели.

— Центурион, ты мой должник. Помнишь ли ты это? Пришло время попросить тебя об услуге.

— Иисус из Назарета, тебе я обязан всем счастьем своей жизни, — ответил Руфус. — Говори. Я сделаю, что смогу.

— Если меня схватят, посадят в тюрьму, будут убивать меня, не предпринимай ничего, чтобы спасти меня. Даешь ли ты мне слово?

Они вошли в ворота, и стражники подняли правую руку, приветствуя центуриона.

— И эта та услуга, о которой ты меня просишь? — изумился центурион. — Нет, я не понимаю вас, евреев.

Перед дверями Пилата стояли два исполинских стражника-негра.

— Да, это услуга, центурион, — повторил Иисус. — Даешь ли ты мне слово?

Руфус кивнул неграм, чтобы те открыли дверь.

Пилат читал, сидя в высоком кресле, украшенном массивными, вырезанными из дерева орлами. Немолодое, чисто выбритое лицо с низким лбом и узкими тонкими губами наместника было надменно и спокойно. Он поднял свои серые глаза и взглянул на стоящего перед ним Иисуса.

— Ты Иисус из Назарета, царь Иудейский? — насмешливо процедил Пилат, прижимая к носу свой надушенный платок.

— Я не царь, — ответил Иисус.

— Как? Разве ты не Мессия, которого ждут твои соплеменники уже столько веков — ждут, чтобы он освободил их, воссел на престол Израиля и изгнал нас, римлян? Что же ты говоришь, что ты не царь?

— Царство моё не здесь, не на Земле.

— Где же тогда? На воде? В воздухе? — рассмеялся Пилат.

— На небесах, — спокойно ответил Иисус.

— Отлично! Небеса можешь взять в подарок, только не трогай Землю. — Он снял с большого пальца массивное кольцо и, подняв его к свету, взглянул на красный камень, на котором были выгравированы череп и слова: «Ешь, пей и веселись, ибо завтра умрешь». — Я не люблю иудеев. Они никогда не моются, и Бог их такой же — длинноволосый, грязный, хвастливый, жадный и злопамятный, как верблюд.

— Знай, что Бог занес свою ладонь над Римом, — снова спокойно заметил Иисус.

— Рим бессмертен, — зевнул Пилат.

— Рим — это колосс, представший пророку Даниилу в его видении.

— Колосс? Какой колосс? У вас, евреев, все ваши мечты сбываются лишь во снах. И при жизни, и в час кончины вас преследуют видения.

— С них человек начинает свою борьбу — с видений. Мало-помалу тени сгущаются, дух обрастает плотью и нисходит на землю. Пророку Даниилу явилось видение, — я тебя уверяю — дух обрастет плотью, спустится на землю и уничтожит Рим.

— Иисус из Назарета, я восхищаюсь твоей смелостью. Или это глупость? Похоже, ты не боишься смерти, оттого и говоришь так свободно... Ты мне нравишься. Ну, расскажи же мне о видении Даниила.

— Однажды пророку Даниилу приснился огромный истукан. Голова у этого истукана была из чистого золота, грудь и руки его — из серебра, живот и бедра его — медные. Голени его были железными, но стопы — глиняные. И вот камень оторвался от горы как бы сам собой, ударил в глиняные ноги истукана и разбил их. Тогда всё рассыпалось: глина, железо, медь, серебро и золото

стали как пыль на летних гумнах, и ветер унес их, и следа не осталось от них... Так вот, невидимая рука, столкнувшая камень, Понтий Пилат, это Господь Израиля, я — камень, а истукан — Рим.

Пилат снова зевнул.

— Я понял твою мысль, Иисус из Назарета, царь Иудейский, — устало проговорил он. — Ты оскорбляешь Рим, чтобы разозлить меня, чтобы я распял тебя, а ты бы пополнил ряды героев. Ты очень хитро всё придумал. Я слышал, ты даже мертвецов начал оживлять? Подготавливаешь почву? Потом твои ученики и о тебе распространят слухи, что ты не умер, а воскрес и вознесся на небеса. Но, мой милый разбойник, ты ошибся в расчётах. Твои трюки устарели, так что придумай новые. Я не собираюсь казнить тебя, я не собираюсь делать из тебя героя. Тебе не удастся стать Богом — можешь выбросить эту мысль из головы.

Иисус не отвечал. Через раскрытое окно он смотрел на огромный Храм Иеговы, сияющий на солнце неподвижным чудовищем, в чьих тёмных отверстых челюстях исчезала пёстрая толпа. Пилат тоже молчал, играя своей изящной золотой цепочкой. Ему не хотелось просить еврея об услуге, но он обещал жене Сделать это, и теперь у него не было выбора.

— Всё? — спросил Иисус и повернулся к двери.

— Подожди, — поднялся Пилат. — Мне надо тебе кое-что сказать — за этим я и пригласил тебя. Моя жена говорит, что ты снишься ей каждую ночь. Из-за этого она даже боится теперь закрывать глаза. Она говорит, что ты жалуешься ей на своих соплеменников Анну и Каиафу, утверждая, что они собираются убить тебя, и просишь её каждую ночь, чтобы она поговорила со мной и убедила защитить тебя. А вчера она проснулась с криком и залилась слезами. Похоже, она жалеет тебя, не знаю, почему, я не суюсь в женские глупости. Короче говоря, она упала мне в ноги и умоляла позвать тебя и

сказать, чтобы ты уходил и спасался. Иисус из Назарета, воздух Иерусалима вреден для твоего здоровья. Возвращайся в Галилею! Я не хочу применять к тебе силу и говорю тебе как друг. Возвращайся в Галилею!

— Жизнь — это война! — решительно и всё так же спокойно ответил Иисус, — и ты знаешь это, поскольку ты солдат и римлянин. Но вот чего ты не знаешь: Господь наш военачальник, а мы — его солдаты. Человек рождается, и Господь, указывая ему на земле город, деревню, гору, море или пустыню, говорит: «Вот место твоей битвы!» Как-то ночью Господь схватил меня за волосы, привел в Иерусалим и, опустив перед Храмом, промолвил: «Здесь поле твоей битвы!» И я не ослушник, прокуратор Иудеи, здесь я и буду вести свою войну!

Пилат пожал плечами. Он уже пожалел о том, что разоткровенничался перед иудеем.

— Поступай, как знаешь, — промолвил он, делая прощальный жест. — Я умываю свои руки. Ступай!

Иисус поклонился и направился к дверям. Но когда он уже почти достиг порога, Пилат насмешливо окликнул его.

— Эй, Мессия, а что за страшные вести ты принёс миру?

— Огонь, — всё так же спокойно ответил Иисус. — Огонь, который очистит землю.

— От римлян?

— Нет, от неверящих. От несправедливых, бесчестных, пресыщенных.

— А потом?

— А потом на выжженной, очищенной земле будет построен Новый Иерусалим.

— А кто его построят?

— Я.

— Ну-ну-ну, — рассмеялся Пилат, — я был прав, когда говорил своей жене, что ты сумасшедший. Ты должен навещать меня время от времени — это поможет мне скоротать время. Ну, ладно, ступай! Ты меня утомил, — и он хлопнул в ладоши.

В дверях появились два негра-исполина, которые проводили Иисуса.

Иуда в тревожном ожидании прохаживался около ворот. Какой-то тайный червь обреченности в последнее время пожирал учителя. С каждым днем лицо его становилось всё более угрюмым и изможденным, а слова всё более горькими и угрожающими. Зачастую он уходил один на Голгофу — холм за стенами Иерусалима, на котором римляне распинали мятежников, и часами сидел там в одиночестве. И несмотря на то, что он видел, как звереют священники и фарисеи от его слов, как они роют ему яму, он продолжал поносить их, называя ядовитыми аспидами, лжецами и лицемерами, которые дрожат при мысли о том, что кто-то проглотил муху, а затем сами проглатывают целого верблюда! Каждый день Иисус приходил к Храму и выкрикивал безумные слова, словно сознательно ища своей смерти. А когда Иуда спросил его, когда же, наконец, он сбросит овечью шкуру и явится во всем своем львином величии, Иисус покачал головой, и на губах его появилась такая горькая улыбка, какой Иуда никогда ещё в жизни не видал. С тех пор Иуда не отходил от него ни на шаг. Даже тогда, когда Иисус отправлялся на Голгофу, Иуда украдкой следовал за ним, чтобы никакой тайный враг не поднял бы на него руку.

Как лев в клетке, Иуда ходил перед проклятой цитаделью, бросая свирепые взгляды на неподвижных римских стражников, их железные доспехи и мрачные, словно у кабанов, лица. За их спинами на высоком шесте реял ненавистный флаг с изображением орла. «Что нужно Пилату от него? — повторял он про себя. — Зачем он позвал Иисуса?» Иуда знал, zeloty Иерусалима сообщили ему, что Анна и Каиафа регулярно посещают эту крепость, обвиняя Иисуса в том, что он намеревается поднять восстание, изгнать римлян и стать царем. Но Пилат не внимал им. «Он же сумасшедший, — отвечал им прокуратор, — и не суется в дела Рима. Я однажды специально подослал человека спросить его: "Хочет ли Бог Израиля, чтобы мы платили дань римлянам, как ты думаешь?" И он совершенно искренне и очень внятно ответил: "Отдайте Цезарю цезарево, а Богу Богово". Он не святой, он лишь играет в него. А если он оскорбляет вашу религию, — накажите его сами, но я умываю руки. К Риму он не имеет никакого отношения». Вот что Пилат обычно говорил им и отсылал назад. Но сейчас... Вдруг он передумал?

Иуда замер и прислонился к стене напротив цитадели, нервно сжимая и разжимая свои кулаки.

И вдруг завывли трубы, прохожие расступились. Показались левиты с позолоченными носилками и, подойдя к воротам, бережно опустили их на землю. Тонкие занавески распахнулись, и из носилок не спеша вышел бледнокожий Каиафа в жёлтом дорогом одеянии. Он был настолько тучен, что жировые складки возле глаз походили на коконы бабочек. Тяжёлая калитка в воротах распахнулась, и прямо на пороге первосвященник столкнулся нос к носу с выходящим от Пилата Иисусом. Иисус замер. Он был бос, в белой, покрытой заплатами, тунике. Застыв, он смотрел в глаза первосвященника. А тот, подняв свои тяжёлые веки и узнав его,

окинул Иисуса быстрым взглядом с головы до пят, и брезгливый рот его раскрылся.

— Что ты здесь делаешь, разбойник?

— Будь ты проклят, первосвященник Сатаны, — ответил Иисус, всё так же строго глядя на него своими огромными страдальческими глазами.

— Взять его! — завизжал Каиафа своим носильщикам и двинулся во двор — жирный кривоногий пигмей.

Левиты направились к Иисусу, но тут вперёд выскочил Иуда.

— Руки прочь! — заорал он и, отшвырнув их в стороны, заслонил собой учителя. — Идем! Идем!

Протискиваясь между людьми, овцами, верблюдами, Иуда шёл вперёд, расчищая путь Иисусу. Они миновали укрепленные ворота города, спустились в долину Кедрона, пересекли ручей и вышли на дорогу к Вифании.

— Что он хотел от тебя? — спросил Иуда, судорожно хватая Иисуса за руку.

— Иуда, — помолчав, сказал Иисус, — я хочу доверить тебе страшную тайну.

Иуда склонил свою рыжую голову, рот у него раскрылся.

— Ты сильнее всех. Только ты и сможешь вынести это. Я никому из других учеников ничего не говорил и не скажу. Им не хватит сил.

Иуда вспыхнул от такой откровенности.

— Спасибо за доверие, рабби. Говори. Увидишь, тебе не придётся жалеть об этом.

— Иуда, знаешь ли ты, почему я оставил любимую мною Галилею и пришёл в Иерусалим?

— Да, — ответил Иуда. — Потому что здесь должно произойти то, что должно произойти.

— Верно, пламя Господа возгорится отсюда. Сон покинул меня. Я вскакиваю по ночам и смотрю на небо — не разверзлось ли оно, не спускается ли пламя? А с наступлением рассвета я спешу к Храму говорить, угрожать, пророчествовать и молить, чтобы низверглось пламя. Но напрасно звучит мой голос. Небеса остаются немymi и безмятежными над моей головой. И вот однажды... голос его оборвался. Иуда придвинулся ближе, чтобы расслышать, но до слуха его долетело лишь прерывистое дыхание да стук зубов.

— Говори! Говори! — взмолился Иуда.

Иисус вздохнул и продолжил:

— Однажды, когда я сидел один на вершине Голгофы, мне привиделся пророк Исайя. Нет-нет, не привиделся — явился передо мной во плоти стоящим на камнях Голгофы. В руках он держал сшитую и раздувшуюся козлиную шкуру, почти такую же, как у козла отпущения, которого я видел в пустыне. И на этой шкуре были выведены слова. «Читай!» — приказал он и растянул её передо мной. Но как только я услышал голос, всё исчезло — и пророк, и козлиная шкура, остались лишь слова в воздухе — чёрные буквы с красными заглавными. Иисус поднял глаза. Он побледнел и, схватив Иуду за плечи, обнял его. — Вот они! — прошептал он в ужасе. — Они снова здесь.

— Читай! — вздрогнул Иуда.

Трепеща, Иисус хриплым голосом начал читать. Буквы прыгали перед ним, словно дикие звери, — за каждой приходилось гнаться. То и дело утирая пот со лба, он читал.

— «Он взял на себя наши немощи и понес наши болезни, а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и унижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и, как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? Ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь».

Смертельно побледнев, Иисус умолк.

— Я не понимаю, — остановившись, промолвил Иуда и принялся большим пальцем ноги выковыривать из земли камень. — Кто эта овца, которую ведут на заклание? Кто должен быть казнён?

— Иуда, — медленно проговорил Иисус, — Иуда, брат, я должен быть казнён.

— Ты? — отпрянул Иуда. — Значит, ты не Мессия?

— Мессия.

— Не понимаю, — повторил Иуда, палец на его ноге уже сочился кровью.

— Поверь, Иуда. Так должно быть. Чтобы спасти мир, я должен добровольно умереть. Сначала я и сам не понимал этого. Господь впустую посылал мне знаки: то видения наяву, то сны ночью, то козлий труп в пустыне, увешанный перечислениями людских грехов. А с тех пор, как я покинул материнский дом, за мной неотступно следует тень — то, как собака, плетется по пятам, то бежит впереди, указывая дорогу. Какую дорогу? К Кресту! — Иисус тоскливо вздохнул и оглянулся. За спиной горой белоснежных

черепов высился Иерусалим, впереди — камни, серебристые оливы и тёмные кедры. Солнце, напитавшееся кровью, клонилось к закату.

Иуда стал в отчаянии рвать свою бороду. Он мечтал о другом Мессии, Мессии с мечом, Мессии, который криком своим поднимет всех мёртвых из их могил в долине Иосафата, и они смешаются с живущими. Оживут не только люди, но и все павшие лошади и верблюды земли Иудейской. И одновременно в пешем и конном строю бросившись на римлян, они сомнут мучителей и повергнут в прах. А сам Мессия взойдет на престол Давида, и Вселенная, распростершись ниц, ляжет у его ног. Такого Мессию ждал Иуда Искарот. А теперь...

Он бросил на Иисуса злобный взгляд и прикусил язык, чтоб с него не сорвалось недоброе слово.

— Мужайся, Иуда, брат мой, — сжалившись над ним, ласково промолвил Иисус. — Я уже набрался мужества. Другого пути нет — дорога ведет туда.

— А потом? — спросил Иуда, уставившись на скалы.

— Я вернусь во всей своей славе — судить живых и мёртвых.

— Когда?

— Многие из ныне живущих ещё увидят меня.

— Идем! — промолвил Иуда, ускоряя шаг. Иисус, задыхаясь, поспешил за ним, стараясь не отставать. Солнце уже опускалось за горы Иудеи. Вдалеке, со стороны Мёртвого моря, уже слышался вой проснувшихся шакалов.

Иуда, стеная, мчался вперёд. Всё рухнуло в его душе. Он не верил в необходимость смерти Иисуса — это казалось ему наихудшим путем. Воскресший Лазарь, казавшийся ему мертвее и

отвратительнее всех мёртвых, вызывал у него лишь приступ тошноты. Да и сам Мессия — выдержит ли он схватку со смертью?.. Нет! Нет! Нет! Иуда не верил в необходимость смерти.

Он обернулся. Он должен был возразить, бросить Иисусу суровые слова, горевшие у него на языке. Может, они заставят Иисуса одуматься и не идти путем добровольной гибели. Иуда раскрыл рот, но из него вырвался лишь крик ужаса — огромная тень в форме креста падала от фигуры Иисуса на землю.

— Смотри! — подняв палец, показал он.

— Тихо, Иуда, брат мой, — вздрогнул Иисус. — Не надо ничего говорить.

И так молча они начали подниматься к Вифании. Ноги Иисуса дрожали, и Иуда поддерживал его. Они не разговаривали. Нагнувшись, Иисус поднял тёплый камень и сжал его в ладонях. Что это — камень или рука возлюбленного друга? Или прощальный привет расцветающей земли, очнувшейся после зимнего сна?

— Иуда, брат мой, не горюй! — промолвил он. — Взгляни, как зерно умирает, но прорастает в земле: Господь посылает дождь, земля набухает, и из жирной почвы поднимаются колосья, чтобы накормить людей. Если зерно не умрёт, откуда возьмутся колосья? Так и Сын человеческий.

Но Иуда оставался неутешным. Молча поднимался он по склону. Солнце скрылось за горами, земля потемнела. В деревне уже трепетали первые огоньки лампад.

— Подумай о Лазаре... — промолвил Иисус. Но Иуда, вспомнив, почувствовал, как тошнота подкатывает к его горлу, и, отплевываясь, поспешил вперёд.

Марфа зажгла лампаду, и Лазарь прикрыл лицо ладонью — свет всё ещё резал ему глаза. Петр позвал Матфея, и оба уселись под светильником. Старая Саломея нашла ворох чёрной шерсти и теперь пряла, размышляя о своих сыновьях. Боже милостивый, неужто ей никогда не суждено увидеть их во всем величии, с золотыми повязками на волосах, когда всё Генисаретское озеро будет принадлежать им?..

Магдалина вышла из дома — учитель запаздывал. Мука ожидания так переполнила её сердце, что, не в силах успокоиться, она вышла на дорогу в надежде встретить своего возлюбленного. Ученики, рассевшись во дворе, беспокойно поглядывали на калитку и молчали — злость после ссоры всё ещё кипела в них. В доме стояла тишина. Этого-то часа и ждал так долго Петр, сгоравший от любопытства взглянуть, что пишет мытарь в своем благовествовании. А после сегодняшней ссоры откладывать больше было нельзя: он должен был узнать, что написал о нем Матфей. Эти писаки — бесстыжий народ, и надо проследить, чтобы не стать посмешищем у потомков. А если Матфей и вправду рискнул написать что-нибудь не так, то он всё швырнёт в огонь — и перо его, и папирус. Да-да, прямо сегодня же вечером!.. И, заискивающе взяв мытаря за руку, Петр усадил его под лампаду.

— Почитай мне, Матфей. Я очень хочу узнать, что ты пишешь об учителе.

Матфей несказанно обрадовался и не спеша, аккуратно достал из-за пазухи свой свиток. Мария, сестра Лазаря, подарила ему вышитый платок, и он только что обернул им свое сокровище. Теперь бережно, словно живое существо, он развернул Евангелие. Всё его тело принялось раскачиваться, и, сосредоточившись, он начал не то петь, не то читать: «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова. Авраам родил Исаака; Исаак родил

Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; Иуда родил Фареса и Зару...»

Петр слушал, закрыв глаза. Поколения иудеев проходили перед его взором: от Авраама до Давида — четырнадцать родов; от Давида до вавилонского пленения — ещё четырнадцать; от вавилонского пленения до Христа — ещё четырнадцать... Какое множество, какая бессчетная, бессмертная рать! И какая несказанная радость, какая гордость быть одним из них! Петр откинул голову к стене и слушал; род сменял род, пока, наконец, не наступило время Иисуса. Петр прислушался. Сколько чудес, оказывается, произошло, а он даже и внимания не обратил на них! Значит... Иисус родился в Вифлееме, и отцом его был не Иосиф-плотник, а Дух Святой, и три волхва явились поклониться ему, а при Крещении какие слова промолвил голубь с небес? Он, Петр, не слышал. Кто же сказал их Матфею, если его не было там тогда? И вскоре Петр уже не различал слов, до него долетала лишь печальная и ласковая музыка, и он сам не ведал, как заснул. И вот во сне-то и музыка и слова зазвучали для него с необычайной отчетливостью. Каждое слово будто обратилось в зерно граната, точно такого, какие он ел в прошлом году в Иерихоне. Они трескались, и из них вырывались то пламя, то ангелы, то трубы...

Сквозь сладкую дрему до него долетел гомон счастливых голосов, и, вздрогнув, он пробудился.

Матфей всё ещё читал, положив папирус на колени. Усовестившись, что заснул, Петр схватил мытаря за руку и поцеловал его в уста.

— Прости меня, брат Матфей, но пока я слушал тебя, я вступил в рай.

В дверях появился Иисус, а за ним Магдалина. Она сияла от радости. Увидев, что Петр приветствует ранее презиравшего мытаря, Иисус тоже просветлел.

— Вот, — молвил он, указывая на них, — так приблизится Царствие Небесное.

Иисус подошёл к Лазарю, который пытался подняться. Но ноги его были слабы, и он снова опустился из страха, что они подкосятся. Лазарь протянул руку и коснулся Иисуса кончиками пальцев. Сын Марии вздрогнул. Руки Лазаря были холодны, черны и пахли землей.

Иисус вышел во двор. Этот воскресший человек всё ещё блуждал между жизнью и смертью. Господь не победил в нем тлена. Никогда ещё смерть не являла такой силы, как в нем. Печаль и страх охватили Иисуса.

Старая Саломея с пряжей под мышкой тихо приблизилась к нему и прошептала:

— Рабби!

— Говори, Саломея.

— Рабби, я хочу попросить тебя об одолжении, когда ты взойдешь на небеса. Ты знаешь, как много мы сделали для тебя.

— Говори, Саломея... — сердце у Иисуса вдруг сжалось.

«Когда же, когда, — спрашивал он себя, — люди наконец поймут, что добрые дела не нуждаются в воздаянии».

— Теперь, дитя моё, когда ты вот-вот займешь свой престол, поставь моих сыновей Иоанна и Иакова по правую и левую руку от себя.

Прикусив язык, чтобы не сказать что-нибудь обидное, Иисус устоял на земле.

— Ты слышишь, дитя моё? Иоанна...

Иисус повернулся и вошёл в дом широкими шагами. Матфей всё ещё сидел под лампадой с раскрытой тетрадью, глаза его были закрыты — он весь был там.

— Матфей, дай мне твой свиток, — промолвил Иисус. — Что ты пишешь?

Матфей встал и протянул свой труд Иисусу. Он был счастлив.

— Рабби, здесь я записываю твою жизнь и деяния для будущих поколений.

Иисус склонился под лампадой и начал читать. Первые же слова изумили его — быстро бегая глазами по строчкам, он поспешно читал, и лицо его всё больше краснело от стыда и гнева. Матфей в страхе забился в угол и ждал. Иисус закончил чтение и, не в силах более сдерживать себя, вскочил и негодуя швырнул Евангелие от Матфея на пол.

— Что это?! — закричал он. — Ложь! Ложь! Ложь! Мессия не нуждается в чудесах. Он сам чудо — другие уже не нужны! Я родился в Назарете, а не в Вифлееме; я даже ногой не ступал в Вифлеем, и я не помню никаких волхвов. Я никогда не был в Египте. Кто тебе рассказал это? Даже я не слышал этого. Как же ты это слышал, ты, которого даже рядом не было?

— Ангел сказал мне это, — трясась от страха, промолвил Матфей.

— Ангел? Какой ангел?

— Который прилетает ко мне каждую ночь, когда я берусь за перо. Он склоняется над моим ухом и диктует, а я пишу.

— Ангел? — смутился Иисус. — Ангел диктует, а ты пишешь?

— Да, ангел, — осмелел Матфей. — Иногда я даже вижу его, а иногда только слышу голос: он касается губами моего правого уха. Я чувствую его крылья, обнимающие меня. А ты как думаешь? Неужели я сам мог бы сочинить все эти чудеса?

— Ангел... — повторил Иисус и задумался. Вифлеем, волхвы, Египет и Дух Святой — если всё это было чистой правдой... Если это было высшей правдой, которой обладает лишь Господь... Если то, что мы называем правдой, для Господа ложь...

Он молча склонился и, собрав разбросанные им листки с пола, отдал их Матфею, который снова, бережно обернув их в платок, спрятал за пазуху, поближе к сердцу.

— Пиши, что диктует ангел, — промолвил Иисус. — Мне уже слишком поздно... — он не договорил.

Тем временем во дворе ученики, окружив Иуду, просили его рассказать, что было нужно Пилату от учителя. Но Иуда, даже не взглянув на них, вырвался и отошёл к двери. Он не выносил ни их вида, ни голосов; теперь он мог говорить только с Иисусом. Страшная тайна объединила их и отдалила от всех остальных... Иуда угрюмо смотрел на ночь, объявшую землю, и на первые звёзды, зажигающиеся над головой, словно крохотные лампы. «Господь Израиля, — просил он про себя, — помоги мне, или я сойду с ума».

Магдалина, чувствуя, что что-то неладно, подошла к нему и остановилась рядом. Он повернулся, чтобы уйти, но она схватила его за край одежды.

— Иуда, ты можешь без опаски открыть мне тайну. Ты же знаешь меня.

— Какую тайну? Пилат призвал его, чтобы предостеречь, Каиафа...

— Не эту, другую.

— Какую другую? Ты вся горишь, Магдалина. У тебя глаза как горящие угли, — он выдавил из себя смешок. — Поплачь, слезы погасят этот пламень.

Но Магдалина закусила платок и, дернув, порвала его.

— Почему он выбрал тебя, тебя, Иуда Искарот?

Тут рыжебородый рассердился не на шутку и крепко схватил Магдалину за руку.

— А ты бы хотела, Мария из Магдалы, чтобы он выбрал Петра или этого дурака Иоанна... или, может, ты хотела, чтобы он выбрал тебя, женщину? Я — кремень пустыни, я устою. Потому-то он и выбрал меня!

— Ты прав, — с глазами, полными слез, пробормотала Магдалина.

— Я — женщина, слабое существо... — и войдя в дом, она свернулась калачиком у огня.

Марфа накрыла на стол. Ученики вошли в дом и опустились на колени. Лазарь выпил куриный бульон, на щёках его снова появилась краска, и он уже больше не отворачивался от света. Воздух, тепло и пища укрепили его измученную плоть, и силы возвращались к нему.

Из внутренней комнаты вышел старый Симеон, бледный и бесплотный, как дух. Ноги отказывались держать его, и он тяжело опирался на свой посох. Иисус поднялся, поддерживая старика, усадил его, а затем сам опустился рядом с Лазарем.

— Симеон, я тоже хотел поговорить с тобой.

— Ты огорчил меня сегодня, дитя моё, — промолвил раввин, глядя на Иисуса с укором. — Я говорю об этом при всех. Пусть нас слышат

все — и мужчины, и женщины, и Лазарь, вернувшийся из могилы и узнавший там много тайн. Пусть нас услышат всё и решат.

— Что могут знать люди? — ответил Иисус. — В этом доме витает ангел — спроси Матфея. Он пусть и рассудит. Чем же ты опечален?

— Почему ты хочешь уничтожить священный Закон? До сих пор ты уважал его, как сын должен уважать своего старого отца. Но сегодня перед Храмом ты снова развернул свой стяг. К чему может привести мятеж твоего сердца?

— К любви, отец, к стопам Господа. Там моё сердце найдет поддержку и вдохновение.

— Неужели ты не можешь достигнуть этого при помощи священного Закона? Разве ты не знаешь, что значит Священное Писание? Закон был написан до того, как Господь сотворил мир. И записан он был не на пергаменте, ибо тогда ещё не было животных, которые могли бы дать для этого свои шкуры, и не на дереве, ибо тогда не было деревьев; и не на камне, ибо не было и камней. Он был выведен языками чёрного пламени на левой руке Господа. И помни, что в соответствии с этим Законом Господь созидал мир.

— Нет! Нет! — воскликнул Иисус в отчаянии.

Старый раввин нежно взял его за руку.

— Почему ты так кричишь, дитя моё?

Иисус смутился. Поводья выпали из его рук, и он перестал владеть собой. Ему казалось, что он весь — одна сплошная рана. Любое прикосновение, даже самое легкое, причиняло ему нестерпимую боль.

Но крик облегчил его страдания, и, затихнув, Иисус сказал:

— Святое Писание — страницы моего сердца. Я вырвал их, — не успев договорить, он тут же исправился: — Не я, не я... Господь, пославший меня.

Симеон, сидевший рядом с Иисусом и почти касавшийся его коленями, почувствовал, что от тела сына Марии исходил нестерпимый жар. Внезапный порыв ветра, ворвавшийся в распахнутое окно, задул лампаду, и в темноте раввин увидел Иисуса, стоящим посередине комнаты в сиянии и блеске, словно в фонтане огня. Он присмотрелся — не было ли рядом Или и Моисея, но на этот раз Иисус стоял один — голова его чуть не касалась камышового потолка, на котором играли отблески света. Иисус вытянул руки, и раввин едва сдержал крик, рвавшийся из груди. Облик Мессии менялся, и вот это уже было не человеческое тело, но крест, который лизали языки пламени.

Марфа поднялась и снова зажгла лампаду. И тут же всё стало прежним — Иисус, задумавшись, сидел, опустив голову. Симеон оглянулся: кроме него, никто ничего не заметил. Ученики рассаживались вокруг стола, готовясь к трапезе. «Господь держит меня в руках и играет мною, — подумал раввин. — Истина имеет семь ступеней, и Он бросает меня со ступени на ступень, то вверх, то вниз, пока у меня не начинается голова...»

Иисус не был голоден и не стал садиться за стол. Не хотел есть и старик. Оба они устроились рядом с Лазарем, который закрыл глаза и, казалось, заснул. Но он не спал, он думал. Что это за странный сон пригрезился ему? Будто он умер, и его закопали в землю, а потом вдруг раздался страшный голос: «Лазарь, выйди!» — и он вскочил в саване, в том самом, который ему снился во сне. Или то был не сон? Неужто и правду он спускался в ад?

— Зачем ты вызвал его из могилы, дитя моё?

— Я не хотел, — тихо ответил Иисус. — Я действительно не хотел. Я сам испугался, когда увидел, что он выходит из могилы. Я хотел бежать, но усовестился, лишь потому и остался, дрожа с головы до пят.

— Я могу вынести всё, всё, — промолвил раввин, — кроме запаха разлагающегося тела. Я видел однажды такое же страшное тело. Оно жило, питалось и говорило, но гниение охватило его уже целиком. Это был великий царь Ирод, низвергнутый потом в преисподнюю. Он убил прекрасную Мариану, которую любил, убил своих друзей, военачальников, сыновей. Он возводил башни, дворцы, города, он перестроил и украсил священный Иерусалимский Храм, превзойдя в этом самого Соломона. Он выбивал свое имя в бронзе и золоте, взыскав бессмертия. Но в рассвете славы перст Господа коснулся Ирода, и царь начал гнить. Нестерпимый голод начал преследовать его, и сколько бы он ни ел, не мог насытиться. Внутренности его превратились в одну алчущую гнойную рану; он выл от голода, и шакалы, дрожа от страха, прятались в свои норы, заслышав по ночам этот вой. Его брюхо, руки и ноги начали раздуваться, черви выползали из его срама. А вонь от него стояла такая, что ни одно живое существо не имело сил к нему приблизиться. Рабы теряли сознание при виде его. Ирода отнесли к теплым источникам Иордана, но там ему стало ещё хуже. Его купали в теплых маслах, но ему только становилось всё хуже и хуже. В то время я уже стал известным лекарем и целителем. Слухи обо мне дошли до царя, и он призвал меня к себе. Он был тогда в садах Иерихона, но воздух, полный его воню, смердел от Иерусалима до Иордана. Увидев Ирода в первый раз, я тоже лишился чувств. Потом, приготовив бальзамы, я пришёл, чтобы умастить его тело, но рвота подкатила к моему горлу. «И это царь? — спрашивал я себя. — И это человек? Грязь и вонь. Где же душа, вносящая гармонию в тело?»

Раввин говорил очень тихо, чтобы за столом не услышали его. Иисус слушал, склонившись в тоске. Об этом он и хотел просить Симеона сегодня вечером: поговорить с ним о смерти, чтобы укрепиться духом. Теперь ему всё время нужно было видеть перед собой смерть, чтобы привыкнуть к её виду. Но сейчас... Ему хотелось заставить раввина молчать, крикнуть: «Довольно!» Но как ему было теперь удержать старика? Симеону не терпелось излить всю виденную им грязь, чтобы очистить от неё свою память.

— Бальзамы мои были бесполезны — черви пожрали и их. Но на вершине этой кучи грязи всё ещё восседал дьявол. Он приказал собраться всем знатным людям Израиля и запер их во дворе и, уже умирая, призвал свою сестру Саломею. «Как только я испущу дух, казни их всех, чтобы не радовались моей смерти!» — приказал он и скончался. Умер Ирод Великий, последний царь Иудеи. Я скрылся за деревьями и принялся плясать. Скончался последний царь Иудеи, настал благословенный час, час, предреченный Моисеем в его завете: «И в конце придёт царь бесчестный и развратный, и сыновья его будут недостойными; и придут с запада орды язычников, и воссядет их царь на земле обетованной. После того и наступит конец света!» Так предсказал Моисей. И всё это свершилось. Пришёл конец света.

Иисус вздрогнул — он впервые слышал это пророчество.

— Где это сказано? — вскричал он. — Что это за пророчество? Я впервые его слышу.

— Его не так давно нашёл один отшельник в пещере в Иудее записанным на пергаменте и запечатанным в кувшин. Раскатав свиток, он увидел заглавие, написанное красными буквами: «Завет Моисея». Перед смертью великий вождь призвал своего преемника Иисуса Навина и продиктовал ему всё, что должно случиться в грядущем. И вот! — мы дожили до предсказанных им

лет. Ирод был развратным царем; римляне — воинство язычников; что же касается конца света, то стоит лишь поднять голову и ты увидишь, что он уже наступил!

Иисус поднялся — стены душили его. Он миновал беззаботно вкушавших ужин приятелей и вышел во двор. Из-за гор всходила огромная и скорбная луна, близилось полнолуние, которое должно было прийти на Пасху.

Иисус изумленно взирал на неё, словно видел впервые в жизни. «Что есть луна, — спрашивал он себя, — та самая, что встает из-за гор и пугает собак, которые поджимают хвосты при виде её и Заливаются лаем? В ледящей тишине взбирается она на небосклон, роняя капли яда...» Иисус почувствовал, как её ядовитый свет скользит по его щёкам, шее, рукам, обволакивая всё его тело белым сиянием, белым саваном.

Иоанн, видя страдания учителя, вышел во двор вслед за ним. Иисус неподвижно стоял в лунном свете, и осторожно, чтобы не напугать его, на цыпочках приблизился к нему Иоанн.

— Рабби... — прошептал он.

Иисус обернулся и взглянул на него. Безбородый юноша исчез, перед ним стоял старец с раскрытой книгой в одной руке и длинным, словно бронзовый дротик, пером в другой. Белоснежная борода ниспадала до колен.

— Пиши, Иоанн, — вскричал Иисус. — «Я есмь Альфа и Омега, я есть, был и буду Вседержитель». Слышишь ли трубный глас?

Иоанн вздрогнул — верно, учитель помешался в уме. Он знал, как пьянит луна, потому и вышел, чтобы отвести учителя обратно в дом. Но, увы! Он опоздал.

— Успокойся, рабби! Я — Иоанн, которого ты любишь. Пойдём в дом. Это дом Лазаря.

— Пиши! — вновь приказал Иисус. — «Семь Ангелов стоят пред Богом... Семь Ангелов, имеющие семь труб». Видишь ли ты их? Пиши: «Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зелёная сгорела. Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнём, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью, и умерла третья часть одушевленных тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла. Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде полынь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки. Четвёртый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звёзд, так что затмилась третья часть их, и третья часть дня не светла была — так, как и ночи. И видел я и слышал одного Ангела, летящего посреди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трех Ангелов, которые будут трубить!..»

Иоанн, не в силах более слышать этого, разрыдался и упал Иисусу в ноги.

— Рабби, мой рабби! Успокойся! Успокойся!

Услышав плач, Иисус вздрогнул и увидел у своих ног любимого ученика.

— Иоанн, возлюбленный, что ты плачешь?

— Рабби, Пойдём в дом, — промолвил Иоанн, постеснявшись сказать учителю, что под влиянием луны тот на мгновение потерял рассудок. Или так показалось... — Старик спрашивает, что с тобой, и ученики хотят тебя видеть.

— И поэтому ты плачешь, возлюбленный Иоанн? Пойдём.

Они вошли в дом, и Иисус снова сел рядом с Симеоном. Страшная усталость навалилась на него. Руки его покрылись потом и горели, хотя тело его сотрясала дрожь. Старый раввин со страхом смотрел на него.

— Дитя моё, не смотри на луну, — сжал он дрожащие руки Иисуса.

— Луна — грудь ночи, возлюбленной сатаны, из неё сочится...

— Симеон, — прервал его Иисус, — ты дурно сегодня говорил о смерти. У неё не может быть лика Ирода. Нет, смерть — великая дочь Господа, хранительница Его ключей, отворяющая Его врата. Попробуй вспомнить другие смерти, успокой меня.

Ученики закончили трапезу и затихли, прислушиваясь. Марфа убирала со стола. Обе Марии сели у ног Иисуса. То одна, то другая бросали друг на друга ревнивые взгляды, сравнивали руки, грудь, глаза, волосы, обеспокоенно прикидывая, кто из них красивее.

— Ты прав, дитя моё, — ответил старик. — Я дурно говорил... Но смерть всегда носит лик усопшего. Если умирает Ирод, она похожа на Ирода; если умирает святой, лик смерти сияет, как семь солнц. Она является на своей колеснице и возносит святого на небеса. Тебе хочется знать, каким будет твое лицо во веки вечные? Тогда взгляни на лик смерти, когда она явится к тебе в твой последний час.

Все слушали, раскрыв рты. И тишина надолго воцарилась в комнате, словно каждый пытался различить лик своей смерти. Наконец Иисус прервал молчание:

— Однажды, отец, когда мне было двенадцать лет, я пришёл в синагогу и слушал, как ты рассказываешь жителям Назарета о мученичестве и смерти пророка Исаяи. Но это было давным-давно, и я позабыл многое. Сегодня я очень хочу снова услышать о его

конце, чтобы душа моя успокоилась и я примирился со смертью. Своим рассказом об Ироде ты растревожил меня.

— Дитя моё, почему нынче вечером ты хочешь говорить лишь о смерти? Об этом ты и хотел просить меня?

— Да. Нет ничего величественнее смерти. — Иисус обратился к ученикам: — Не бойтесь её, друзья. Да будет она благословенна! Если бы не было смерти, как бы мы могли достигнуть Господа и пребывать с ним вовеки? Истинно говорю вам, смерть держит ключи и открывает нам врата.

— Иисус, почему ты говоришь о смерти с такой любовью и уверенностью? — с удивлением спросил старый раввин. — Давно уже твой голос не звучал так.

— Расскажи нам о смерти пророка Исая, и ты поймешь, что я прав.

Раввин подвинулся, чтобы не касаться Лазаря.

— Бесчестный царь Манассия предал забвению заповеди своего богобоязненного отца Езекии, сатана вошёл в него и овладел им. И возненавидел Манассия Исая, глас Божий. И разослал он убийц по всей Иудее, чтобы найти его и зарезать, чтобы не слышать больше его речей. Исая был в Вифлееме. Затаившись в дупле исполинского кедра, он молился о том, чтобы Господь смилостивился над народом Израиля и спас его. Мимо дерева шёл человек, отпавший, как и царь, от Бога, и внезапно из дупла появилась рука пророка. Безбожник увидел её и тут же бросился к царю, чтобы сообщить об этом. Пророка схватили и привели к Манассии. «Принесите пилу и распилите его надвое!» — приказал царь. Исая уложили, два раба взяли за ручки пилы и принялись пилить. «Откажись от своих пророчеств, — вскричал царь, — и я подарю тебе жизнь!» Но Исая уже вошёл в Царствие Небесное, и

до слуха его не долетали земные голоса. «Отрекись от Господа, — снова закричал царь, — и я заставлю своих подданных пасть ниц перед тобой!» — «В твоих силах убить лишь мою плоть, — ответил ему тогда пророк. — Душа моя и голос вне твоей досягаемости, ибо они бессмертны. Одна вознесется к Господу, другой на веки вечные останется на земле, чтобы проповедовать». И только он сказал это, как явилась к нему смерть в золотом венце на огненной колеснице и забрала его.

Иисус поднялся с сияющим взором — перед глазами его стояла огненная колесница.

— Друзья, — промолвил он, внимательно оглядев всех учеников. — Возлюбленные спутники мои, если любите меня, слушайте, что я вам скажу. Бодрствуйте и подпояшьте туже, будьте готовы к великому путешествию. Что тело? Лишь прибежище души. Всякий раз говорите: «Мы оставляем свое прибежище и отправляемся в путь! Мы уходим, чтобы вернуться домой!» Куда домой? На небеса. И вот ещё что я хочу сказать вам сегодня. Не плачьте, стоя перед могилой возлюбленного учителя. Помните: смерть — врата в бессмертие, и нет туда другого пути. Учитель ваш не умер, он стал бессмертным.

ГЛАВА 27.

Каждый Божий день и каждую ночь незаметно и упорно весна пробивалась из земли Израиля, расталкивая камни, взрыхляя почву. За одни сутки долины Шарона в Самарии и Ездрилон в Галилее покрылись жёлтыми маргаритками и дикими лилиями, недолговечные анемоны, как огромные капли крови, проступили

меж хмурых скал Иудеи. На виноградных лозах высунулись маленькие, словно крабьи глаза, цветочки. И каждая розово-зелёная почка уже напевала о спелом винограде и новом вине, и у каждого листика стоял свой ангел-хранитель, оберегающий его и помогающий расти. Казалось, вернулись первые дни творения, когда каждое слово Господа, падая на девственную землю, прорастало деревьями, цветами и травой.

Этим утром у подножия святой горы Гаризим самаритянка вновь наполняла свой кувшин у колодца Иакова, глядя на дорогу к Галилее, словно желая ещё раз увидеть бледного человека, который говорил ей о бессмертной воде. Теперь, по весне, эта любвеобильная вдова чувствовала сладкое томление в пышной груди.

Этой весенней ночью бессмертная душа Израиля оборачивалась соловьем, певшим у каждого открытого окна, не давая уснуть до рассвета ни одной незамужней иудейке. «Что ж ты ложишься в постель одна? — щебетала насмешливо она. — Для чего я наградила тебя длинными волосами, грудью и покатыми широкими бедрами? Вставай, надевай свои украшения, высунься из окна! Выходи на порог на рассвете, возьми свой кувшин и ступай к колодцу, заигрывая по дороге с холостыми иудеями. Может, твой будущий муж идёт навстречу. У нас, евреев, много врагов, но пока мои дочери приносят мне детей, я бессмертна. Я ненавижу невспаханные поля, неплодоносящие деревья и девственниц!»

Вблизи Хеврона иудейские малыши, проснувшись поутру, бежали к священной гробнице Авраама и играли в Мессию. Они делали ивовые луки и стреляли в небо, призывая Мессию — царя Израиля — явиться, наконец, с длинным мечом и в золотых доспехах. Разложив шкуру ягненка на священной гробнице, они готовили ему престол, пели ему песню и хлопали в ладоши — и внезапно из-за гробницы начинали раздаваться крики и удары в бубен. С воплем

оттуда выбегал Мессия: лицо его было страшно разрисовано, с усами и бородой, сделанными из конского хвоста. В руках он держал длинный меч из пальмовой ветви и колотил им всех по шее. Дети смеялись и падали поверженные.

День пришёл и в дом Лазаря в Вифании, но Иисус за всю ночь так и не смежил век. Тоска не покидала его. Перед ним лежал единственный путь — смерть. «Пророчества говорят обо мне, — думал он. — Я — агнец, которому суждено взять на себя грехи мира и быть убиенным в эту Пасху. Так пусть же агнец будет убит часом раньше. Слаба плоть, и я не верю ей. В последнюю секунду она может струсить. Так пусть же смерть приходит сейчас, пока дух мой силен... О, когда же встанет солнце, чтобы можно было отправиться к Храму! Я должен положить конец всему сегодня!»

Приняв решение, он немного успокоился, закрыл глаза и тут же провалился в сон. Ему привиделся сад, полный диких зверей. И сам он был зверем — он резвился и играл вместе со всеми и вдруг, перемахнув через изгородь, оказался посреди деревни. При виде его люди в страхе бросились врассыпную. Женщины завизжали и стали хватать и уносить своих детей, чтобы дикий зверь не пожрал их. Потом мужчины, вооружившись палками, пиками, камнями, мечами, бросились за ним... Окровавленный, он упал на землю. Тогда его окружили, словно для того, чтобы судить. Однако это были уже не люди, а лисы, собаки, кабаны и волки, которые приговорили его к смерти. Они повели его на казнь, и тут оказалось, что он не может умереть: он был небесным зверем, а потому бессмертным. Как только выяснилось это, его взяла за руку женщина — Мария Магдалина. Она вывела его из города в поле и сказала: «Не улетай на небеса. Наступила весна — останься с нами». И они отправились в путь, и шли, пока не достигли границы Самарии. Тут появилась самаритянка с кувшином на плече. Она предложила ему воды, и он напился; потом, взяв его за руку, она

проводила его до границы Галилеи. Здесь из-под цветущих олив вышла его мать. На ней был чёрный платок, она плакала. Увидев его раны, кровь и терновый венец на голове, она воздела руки. «Как ты растоптал меня, пусть Господь растопчет тебя! — вскричала она. — Ты сделал меня посмешищем в устах людей — весь мир судачит обо мне. Ты поднял руку на свое отечество, на Закон, на Бога Израиля. Неужто ты и Бога не боишься? Неужто тебе не стыдно перед людьми? Как мог забыть ты своих отца и мать? Да будь ты проклят!» — И она исчезла.

Иисус проснулся весь в поту. Вокруг храпели ученики. Во дворе прокричал петух. Петр, услышав его крик, приоткрыл глаза и увидел учителя, который стоял над ним.

— Рабби, — промолвил он, — перед тем, как прокричал петух, мне снился сон. Ты держал две доски. Но в твоих руках они превратились в псалтирь, ты начал играть и петь. Со всех концов земли к тебе сошлись дикие звери, чтобы послушать... Что это означает? Я спрошу старого Симеона.

— Твой сон на этом не заканчивается, — ответил Иисус. — Что же ты так поспешил проснуться? У этого сна есть продолжение.

— Продолжение? Я не понял. Может, он и тебе снился, рабби?

— Когда звери выслушали песню, они кинулись на певца и сожрали его.

Глаза у Петра полезли на лоб: в душе он чувствовал, что так оно и было, но вспомнить не мог.

— Не понимаю, — испугался Петр.

— Ты поймешь завтра утром, лишь только прокричит петух, — ответил Иисус и принялся расталкивать своих спутников. — Поднимайтесь, лентяи! У нас сегодня много дел.

— Мы что, уходим? — протирая глаза, спросил Филипп. — Я же говорил, что надо вернуться в Галилею — там спокойнее.

Иуда заскрипел зубами, но промолчал. Во внутренней комнате проснулись женщины, и оттуда слышался их безмятежный говор. Старая Саломея вышла растопить очаг. Ученики уже собрались во дворе в ожидании Иисуса, который тихо беседовал со старым Симеоном. Старик был совсем слаб и лежал в постели.

— Куда ты теперь идешь, дитя моё? — спросил раввин. — Куда ты ведешь свое войско? Снова на Иерусалим? Опять будешь поднимать руку на Храм? Ты же знаешь, слово становится делом, если оно рождено великой душой, а твоя душа велика. Тебе придётся отвечать за свои слова. Если ты провозглашаешь разрушение Храма, в один прекрасный день он таки будет разрушен. Так что будь аккуратнее со словами!

— Хорошо, отец. Но я думаю обо всем мире, когда говорю. И я выбираю, что останется, а что нет. Я отвечаю за свои слова.

— Ах, если бы мне только довелось прожить ещё немного, чтобы узнать, кто ты такой! Но я стар. И не могу уже отличить реальность от фантазий.

— Постарайся протянуть ещё несколько дней, отец. До Пасхи. Пусть твоя отлетающая душа подержится ещё за эту жизнь, и ты узнаешь. Час не пришёл.

— Когда же он придёт? — качая головой, грустно промолвил раввин. — Неужто Господь обманул меня? Неужто я не понял Его слов? Я умираю, умираю, и где же Мессия?

— Потерпи до Пасхи, отец. Ты увидишь. Господь всегда выполняет обещанное! — Иисус высвободил свою руку из цепких пальцев раввина и вышел во двор.

— Нафанаил, и ты, Филипп, ступайте в конец деревни, в самый последний дом, — промолвил он. — Там найдете молодую ослицу и осла, привязанных к двери. Отвяжите и приведите их сюда. А если кто скажет вам что-нибудь, ответьте: «Она нужна Сыну человеческому, и мы вернем её».

— Чувствует моё сердце — быть беде, — прошептал Нафанаил своему другу.

— Идем, — ответил Филипп. — Делай, что он говорит, а там будь что будет.

Матфей, с утра первым делом схватившийся за перо, весь обратился в слух. «Бог Израиля, — думал он, — только взгляните, как всё складывается согласно пророчествам! Что сказано у пророка Захарии: "Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима, се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле"».

— Рабби, — обратился Матфей к Иисусу, чтобы подтвердить это, — ты, кажется, устал и не сможешь пешком дойти до Иерусалима.

— Нет, я не устал, — ответил Иисус. — А почему ты спросил? Просто мне почему-то захотелось сегодня поехать туда верхом.

— Тебе бы надо ехать на белом коне! — вступил в разговор Петр.

— Ты же царь Израиля, ведь так? Значит, ты должен въезжать в свою столицу на белой лошади.

Иисус мельком взглянул на Иуду и промолчал. Тем временем Магдалина, выйдя из дома, остановилась на пороге. Глаза у неё были воспалены — она не спала всю ночь. Прислонившись к косяку, она тоскливо смотрела на Иисуса, будто чувствуя, что прощается с ним навсегда. Она хотела умолять его не уходить, но слова застревали в горле, Матфей видел, как судорога сводит её губы, и всё понял. «Пророки не дают ей слова молвить, — отметил

он про себя. — Они не дают ей сбить Иисуса с того пути, который предсказан ими. Он сядет на ослицу и поедет в Иерусалим, хочет этого Магдалина или нет, хочет он сам этого или нет, ибо так предначёртано!»

В это время появились счастливые Филипп и Нафанаил, таща за собой на веревке ослицу и её отпрыска.

— Всё получилось точно так, как ты сказал, рабби! — воскликнул Филипп. — Садись, и поехали!

Иисус бросил прощальный взгляд на дом. Женщины, скрестив руки, печально смотрели ему вслед и молчали — старая Саломея, обе сестры и чуть впереди Магдалина...

— Есть ли у вас кнут, Марфа? — спросил Иисус.

— Нет, рабби, — ответила Марфа. — Только стрекало нашего брата.

— Дай мне его.

Ученики сложили свои одежды на спину доверчивого животного, приготовив мягкое сиденье для учителя, а Магдалина поверх всего набросила свое красное покрывало, вышитое по краям маленькими чёрными кипарисами.

— Все готовы? — спросил Иисус. — Все ли в добром духе?

— Да, — ответил Петр и, взяв ослицу под уздцы, двинулся вперёд.

Заслышав шум, вифанцы открывали двери домов.

— Куда вы? Почему пророк сегодня верхом?

— Он сегодня взойдет на свой престол, — на ходу делились с ними секретом ученики.

— На какой престол, ребята?

— Т-с-с, это тайна. Человек, которого вы видите перед собой, — царь иудейский!

— Неужто?! Идемте с ним! — вскричала молодая женщина, и толпа начала расти.

Дети срезали пальмовые ветви и пристраивались впереди, распевая: «Благословен грядущий во имя Господне!» Мужчины расстилали по дороге свои плащи. Как все бежали! Какая была весна! Какими яркими поднялись цветы в этом году! Как голосисто щебетали птицы, кружась над процессией, двигавшейся к Иерусалиму!

— Наша мать говорила с ним вчера, — шепнул Иаков брату. — Она просила его, чтобы он поместил нас справа и слева от своего престола, на который он собирается взойти. Но он не ответил ей. Может, рассердился. Она сказала, что лицо его помрачнело.

— Конечно, он рассердился, — ответил Иоанн. — Не нужно ей было этого делать.

— А как же? Что ж, он должен бросить нас и — кто знает? — отдать предпочтение Иуде Искароту? Ты видишь, как они в последнее время беседуют тайком от всех? Стали просто неразлучными. Смотри, Иоанн. Пойди и поговори с ним сам, чтобы нам не остаться в дураках. Пришло время делить почести.

Но Иоанн покачал головой.

— Брат мой, — промолвил он, — взгляни, как он страдает. Он словно идёт на смерть.

«Хотелось бы мне знать, что уготовано дальше, — размышлял Матфей, идя в одиночестве в самом конце процессии. — У пророков сказано не слишком ясно. Одни говорят — царский престол, другие — смерть. Которое из двух осуществится? Пока событие не совершилось, пророчество остается туманным. Только

после того, как всё уже произошло, мы понимаем, что имели в виду пророки. А потому наберемся терпения, подождем — посмотрим, что будет. А когда сегодня вернемся, я всё запишу».

К этому времени благая весть облетела уже окрестные деревни и хижины, рассеянные там и сям в виноградниках и оливковых рощах. Крестьяне сбегались со всех сторон, расстилая на дороге свои одежды и платки, чтобы по ним проехал пророк. Сползались нищие, больные, увечные. Время от времени Иисус оборачивался, чтобы взглянуть на свое войско. Внезапно он ощутил такое невыносимое одиночество, что принялся звать Иуду, но тот шёл в самом конце и не слышал.

— Иуда! — снова в отчаянии прокричал Иисус.

— Здесь! — наконец откликнулся рыжебородый и, расталкивая народ, стал пробираться к Иисусу. — Что ты хочешь, рабби?

— Побудь со мной, Иуда. Не бросай меня.

— Не бойся, рабби, я не оставлю тебя, — и, взяв удила из рук Петра, он пошёл рядом.

— Не покидай меня, Иуда, брат мой, — повторил Иисус.

— Почему я должен покинуть тебя, рабби? Разве мы не решили уже всё?

Они подошли к Иерусалиму. Ослепительно белый под безжалостным солнцем, святой город высился перед ними на холмах. Минуя крохотную деревушку близ городской с гены, они услышали спокойные и заунывные звуки погребальной песни, льющейся словно теплый осенний дождь.

— Кого оплакивают? Кто умер? — вздрогнул Иисус.

Но крестьяне, шедшие за ним следом, рассмеялись.

— Не волнуйся, учитель. Никто не умер. Это девушки мелют зерно и поют.

— Но почему погребальную песню?

— Чтобы привыкнуть, учитель. Чтобы знать, как оплакивают, когда придёт время.

Они поднялись по дороге, мощенной булыжником, и вошли в город. Шумные нарядные толпы со всех концов земли Израиля заполняли улицы. Все целовались и обнимались — через день наступал бессмертный праздник, и все иудеи становились родственниками! При виде Иисуса верхом на осле и следующей за ним толпы с пальмовыми ветвями встречные разражались хохотом.

— Вы только гляньте — кто это такой?

— Вы ещё увидите! — угрожающе отвечали нищие, вздымая кулаки. — Это Иисус из Назарета, царь Иудейский!

Иисус спешил и поспешно взбежал по ступенькам Храма. Достигнув портика Соломона, он остановился и огляделся. Повсюду были прилавки. Сотни людей продавали, покупали, торговались, спорили и расхваливали свой товар: торговцы, менялы, трактирщики, блудницы. Желчь разлилась в Иисусе и ударила ему в голову — священный гнев охватил его. Схватив стрекало, он кинулся на прилавки и навесы ремесленников, переворачивая столы и язвя торговцев.

— Вон! Вон отсюда! Вон! — вопил он, размахивая стрекалом, а в душе его звучала тихая и горькая мольба: «Господи, пусть совершится воля твоя, но скорее, пусть совершится скорее. Лишь об этом прошу тебя. Скорее пока у меня есть силы». Толпа сторонников с безумным криком бросилась за ним.

— Вон отсюда! Вон отсюда! — гнали они осквернителей Храма, переворачивая прилавки.

Иисус остановился под царской аркой над Кедром. Он взмок от пота, длинные, чёрные, как смоль, волосы рассыпались по его плечам, глаза его горели.

— Я пришёл обрушить огонь на этот мир! — вскричал он. — Иоанн призывал в пустыне: «Кайтесь! Кайтесь! Ибо день Господа приближается!» Я же говорю вам — у вас нет времени на покаяние. Этот день пришёл, пришёл! Я несу день Господа! Иоанн в пустыне крестил водой, я буду крестить огнём. Я крещу людей, горы, города, корабли. Уже я вижу, как пламя охватило землю со всех четырех краев, как пламя охватило души — и я ликую! День Господа пришёл — мой день!

— Пламя! Пламя! закричала толпа. — Несите огонь, чтобы поджечь мир!

Левиты хватали мечи и пики. Впереди них бежал Иаков, брат Иисуса. Они кинулись на сына Марии. Но охваченные яростью бедняки встали на его защиту. Собравшись с мужеством, ученики последовали их примеру и присоединились к схватке.

Римские солдаты на стене цитадели покатывались со смеху, глядя на происходящее.

— Вперёд, братья! — вскричал Петр, хватая факел. — Огонь, ребята! Час настал!

И если бы в этот момент не завывали угрожающе римские боевые трубы, много крови было бы пролито тем днем во дворах дома Господня. Из Храма появился первосвященник Каиафа и велел левитам опустить оружие. Он собственноручно и с большой хитростью расставил ловушку для нечестивца, в которую тот, несомненно, попадет и без всякого шума.

Ученики окружили Иисуса, глядя на него с нетерпением. Почему он не дает им приказа жечь и атаковать? Чего он ждет? Сколько

можно ещё ждать? Почему он медлит? Почему вместо того, чтобы поднять руку и дать сигнал небесам, он смотрит в землю? Ему, конечно, некуда спешить, но им, беднякам, бросившим свои жизни к его ногам, пора уже получить свое вознаграждение.

— Решайся, рабби! — воскликнул Петр. Лицо его горело пот сбегал по груди. — Дай нам знак!

Иисус закрыл глаза. «Твой день приближается, Господи, — повторял он про себя снова и снова, — пришёл конец света. Я знаю, что я принесу его... я... своей смертью...» И словно от этого заклинания мужество вернулось к нему.

Иоанн, приблизившись, взял его за плечо и потряс, словно пытаясь разбудить.

— Если ты не дашь нам команды, мы погибли. То, что ты сегодня сделал, означает смерть.

— Да, это смерть, — подхватил Фома, — и, чтобы ты знал, мы не хотим умирать.

— Умирать! — в ужасе вскричали Филипп и Нафанаил. — Но мы же пришли сюда царствовать!

— О чём ты думаешь, рабби? — спросил Иоанн.

Но Иисус оттолкнул его.

— Иуда, встань рядом со мной, — промолвил он и оперся на твердое плечо рыжебородого.

— Мужайся, рабби, — прошептал Иуда. — Час пришёл; мы не должны опозориться.

Иаков с ненавистью смотрел на Иуду. Раньше учитель, казалось, и не замечал рыжего, а теперь — что означают эта дружба и тайные перешептывания?

— Они оба что-то задумали. Что скажешь, Матфей?

— Ничего не скажу. Я лишь смотрю, что вы говорите и делаете, и пишу. Это моё дело.

Иисус вцепился в руку Иуды — голова у него кружилась.

— Ты устал? — держал его Иуда.

— Да, я устал.

— Думай о Господе, и Он придаст тебе силы, — ответил рыжебородый.

Придя в себя, Иисус повернулся к ученикам.

— Идемте.

Но те не шевельнулись. Они не хотели уходить. Куда? Опять в Вифанию? И сколько ещё раз? Они уже устали от этого шатания туда и обратно.

— По-моему, он смеется над нами, — прошептал Нафанаил своему другу. — Никуда я не пойду! — и, промолвив это, он поспешил за учениками, угрюмо потянувшимися обратно в Вифанию.

Вслед им хохотали левиты и фарисеи. Уродливый, с покатыми плечами, молодой левит запустил в Петра гнилым лимоном, и плод попал тому прямо в лицо.

— Прямо в яблочко, Савл! Цель поражена!

Петр двинулся на левита, но Андрей удержал его.

— Терпи, брат. Придёт наш день.

— Когда?! Чёрт побери, когда, Андрей? — зарычал Петр. — Разве не видишь, в какую мы попали передрягу?!

Подавленные, они молча двинулись к дороге. Толпа, проклиная всё, рассеялась у них за спиной. Больше за ними никто не шёл, никто не расстилал перед Иисусом своих лучших одежд. Филипп тащил ослицу, сзади, подталкивая её, шёл Нафанаил. Оба спешили вернуть её хозяину, чтобы не прибавилось неприятностей. Солнце горело, подул ветер, и поднявшиеся тучи пыли скрыли путников. На подходе к Вифании перед ними вырос Варавва с двумя свирепыми длинноусыми друзьями.

— Куда вы ведете своего учителя? — закричал он. — Боже милостивый, да он от страха уже обгадился!

— Они ведут его снова воскрешать Лазаря! — расхохотались спутники Вараввы.

Когда Иисус и его ученики добрались до Вифании и вошли в дом, старый Симеон умирал. Женщины, встав вокруг него на колени, молча смотрели, как он отходит. Они знали, что не в силах удержать его здесь. Иисус подошёл и опустил руку на лоб старику. Раввин улыбнулся, но глаз не открыл.

Ученики, чувствуя пыль и горечь и в душе, и во рту, расселись во дворе. Говорить им было не о чём.

— Брат мой, час настал, — кивнул Иисус Иуде, не отходившему от него. — Готов ли ты?

— Я снова спрашиваю тебя, рабби: почему ты выбрал меня?

— Ты же знаешь, что сильнее тебя никого нет. Остальные не вынесут... Ты ходил к первосвященнику Каиафе?

— Да. Он говорит, что ему нужно знать, где и когда.

— Скажи ему — в канун Пасхи, после праздничной трапезы в Гефсиманском саду. Мужайся, Иуда, брат мой. Я тоже стараюсь не падать духом.

Иуда кивнул головой и, не говоря ни слова, вышел на дорогу дожидаться, когда взойдет луна.

— Что случилось в Иерусалиме? — спросила Саломея своих сыновей. — Что вы вернулись такие грустные?

— Боюсь, мать, мы построили свой дом на песке, — ответил Иаков. — Так что мы останемся в убытке.

— А царство, слава, златотканые полотна, престолы?.. Значит, он и меня обманул? — всплеснула руками старуха, но ей никто не ответил.

Круглая и печальная луна встала из-за синих вечерних гор. В нерешительности она замерла на мгновение между двумя вершинами, взглянула на мир и вдруг оторвалась от скал и принялась подниматься. Тёмная хижина Лазаря тускло засияла, словно её только что выбелили.

На рассвете ученики окружили учителя. Он молчал и лишь внимательно вглядывался в каждого, будто видя их то ли в первый, то ли в последний раз. Лишь к полудню он раскрыл свои уста.

— Друзья, я хочу отпраздновать святую Пасху с вами. В этот день наши предки оставили за спиной страну рабства и вышли в свободную пустыню. Имеющий уши да услышит. И мы впервые в эту Пасху выйдем из рабства и обретем новую свободу.

Ему никто не ответил. Слова его теперь казались ученикам слишком туманными. О каком рабстве шла речь, о какой новой свободе? Они не понимали.

— Единственное, в чем я уверен, — наконец промолвил Петр, — что Пасха невозможна без агнца. Где мы его возьмем?

— Агнец готов, — горько усмехнулся Иисус. — Прямо сейчас он идёт на заклание, чтобы все бедняки мира смогли отпраздновать новую Пасху. Поэтому не беспокойся об агнце.

— Рабби, я обязан тебе жизнью, — приложив свою тощую руку к груди, поднялся из-за угла Лазарь, — и как бы она ни была плоха, а всё лучше, чем ад. А потому я принесу тебе в дар пасхального агнца. Мой приятель пасет стадо на горе. Прощай — пойду к нему.

Ученики уставились на него в изумлении. Откуда у этого живого трупа взялись силы, чтобы встать и идти?! Сестры бросились, чтобы удержать его, но он, отстранив их, взял посох и переступил через порог.

Двери домов распахивались, когда Лазарь шёл по деревенским улицам. Испуганные женщины изумлялись, как его держат ноги, как это не ломается позвоночник! И хотя его мучила боль, он, набравшись сил, даже принялся насвистывать, чтобы всем показать, насколько он живой. Но губы у него смыкались с трудом, и потому он вскоре оставил свой свист и с напряженным выражением лица принялся подниматься по склону к овчарне приятеля.

Но не прошёл он и нескольких шагов, как из-за цветущего куста прямо перед ним появился Варавва. Сколько дней он бродил вокруг деревни в ожидании, когда этот проклятый Лазарь высунет нос из дома, чтобы можно было с ним разделаться. Его надо убрать с глаз долой, чтобы ничто не напоминало людям о совершенном чуде. После того, как сын Марии воскресил его, вокруг него стали собираться целые толпы сторонников, а потому Лазаря следовало отправить обратно в могилу и избавиться от него раз и навсегда.

— Ах ты, беглец из преисподней! — заорал Варавва. — Как я рад тебя видеть! Ну что, хорошо провел время под землей?! А что лучше — жизнь или смерть?

Лазарь попытался обойти его, но Варавва растопырил руки, загородив дорогу.

— Прости меня, дорогое привидение, но наступает Пасха, а у меня нет агнца, вот я и поклялся сегодня утром, что вместо агнца убью первое живое существо, которое встретится мне на пути. Что ж, тебе повезло. Вытягивай шею — будешь жертвой Господу.

Лазарь закричал, но Варавва тут же схватил его за горло. Однако произошло что-то странное. Разбойник словно схватил вату, нет, ещё легче — воздух. Пальцы его вошли в плоть и вышли, не пролив ни единой капли крови. «Может, он — дух?» — подумал Варавва, и его грубое, усыпанное оспинами лицо побледнело.

— Больно? — спросил разбойник.

— Нет, — ответил Лазарь, пытаюсь избежать цепких рук Вараввы.

— Стоять! — заревел Варавва, хватая его за волосы. Но волосы вместе с кожей остались у него в руке, а череп Лазаря вспыхнул жёлто-белым светом в солнечных лучах.

— Чёрт бы тебя набрал! — дрожа пробормотал Варавва. Призрак ты или кто? — и, схватив Лазаря за правую руку, зелот тряхнул его изо всех сил. — Говори, призрак, и я отпущу тебя.

Но пока он тряс, рука оторвалась от тела. Ужас охватил Варавву и, отшвырнув разлагающуюся руку в цветущий куст, он нагнулся, держась за живот, — его начало рвать. Ему стало так страшно, что волосы поднялись дыбом. «Надо скорее покончить с ним», — мелькнуло у него в голове, и он схватил нож. Повалив Лазаря, Варавва прижал его к камню и принялся резать. Он пилил и втыкал, но нож отказывался входить внутрь, словно Варавва убивал грудку шерсти. Кровь похолодела в его жилах. «Неужто я приканчиваю труп?» — спрашивал он себя. Оттолкнув Лазаря в сторону, Варавва бросился вниз, чтобы поскорее скрыться, но, обернувшись, увидел,

что жертва всё ещё шевелится. Надо было возвращаться, а то этот чёртов сын Марии снова воскресит его. Победив страх и отвращение, Варавва схватил Лазаря и принялся трясти, как белье, перед тем, как повесить его сушиться. Позвоночник Лазаря сломался, и тело развалилось на части. Закопав их под кустом, Варавва бросился наутек. Впервые в жизни он пережил такой страх. «Скорей бы только добраться до Иерусалима, — бормотал он. — Найти Иакова — он даст талисман для избавления от демона!»

Тем временем в доме Лазаря Иисус говорил с учениками, пытался намекнуть на то, чему им предстояло стать свидетелями, чтобы укрепить их сердца.

— Я — путь, — говорил он, — но и обитель, к которой стремятся. Я — поводырь, и тот, к кому идут. Все вы должны верить в меня. Что бы вы ни увидели, не пугайтесь, ибо я не могу умереть. Слышите? Я не могу умереть.

Иуда в одиночестве сидел во дворе. Он снова выковыривал из земли камешки большим пальцем ноги. Иисус то и дело оборачивался на открытую дверь, чтобы бросить на него печальный взгляд.

— Рабби, — укоризненно промолвил Иоанн, — почему ты так приближаешь его к себе? Если ты заглянешь в зрачки его глаз, то увидишь там нож.

— Нет, милый Иоанн, — ответил Иисус, — не нож, но крест.

Ученики тревожно переглянулись.

— Крест?! — воскликнул Иоанн, падая на грудь Иисуса. — Кто будет распят, рабби?

— Кто бы ни заглянул в эти глаза, он увидит себя на кресте. Я заглядываю и вижу это. Но ученики не поверили, и кое-кто даже рассмеялся.

— Хорошо, что предупредил, учитель, — заметил Фома. — Что касается меня, никогда в жизни не стану смотреть в глаза рыжебородому!

— Твои дети и внуки станут, Фома, — ответил ему Иисус и снова взглянул на Иуду, который теперь стоял на ступеньке, глядя на Иерусалим.

— Туманны твои слова, — пожаловался Матфей. — Как же мне записать их? — Весь вечер он сидел с пером в руке, ничего не понимая.

— Я говорю не для того, чтобы ты записывал, Матфей, — с горечью промолвил Иисус. — Вас, писак, правильно называют петухами — вы считаете, что, пока вы не прокукарекаете, и солнце не встанет. Иногда мне хочется взять все твои папирусы и швырнуть их в огонь!

Матфей поспешно собрал свои свитки и отошёл в сторону.

— Я говорю одно, ты пишешь другое, а те, кто будет читать, поймут что-нибудь третье, — не успокаивался Иисус. — Я говорю: крест, смерть, Царствие Небесное, Бог... и что вы из этого понимаете? Каждый вкладывает в эти священные слова свои страдания и свои желания, и слова рассыпаются, и душа моя теряется вместе с ними. Я больше так не могу! — У него перехватило дыхание в груди, и он поднялся. Ему вдруг показалось, что и душа его, и разум забиты песком.

Ученики стыдливо потупились. Учитель словно колол их стрекалом, а они, как ленивые волы, отказывались двигаться. Весь мир стал повозкой, в которую их впрягли, и Иисус понукал их везти её, они же ерзали под ярмом, но не сходили с места. Глядя на них, Иисус

чувствовал, как силы покидают его. Путь с земли на небеса долог, и вот они стоят и не шевелятся.

— Сколько я ещё пробуду с вами? — воскликнул он. — Кого мучают сомнения, спешите, — спрашивайте меня. Кто хочет сказать мне доброе слово, — говорите скорее, ибо я нуждаюсь в нем. Говорите, чтобы потом не раскаиваться, что вы не успели сделать это — дать мне понять, насколько вы меня любите. Потом будет уже поздно.

Женщины, опершись подбородками на свои колени, прислушиваясь, сжались в углу — только вздохи время от времени доносились оттуда. Они ничего не могли сказать. Вдруг Магдалина вскрикнула — к ней первой пришло предчувствие беды, и сердце её дрогнуло от ворвавшегося в него погребального плача. Вскочив, она выбежала во внутреннюю комнату. Подняв подушку, Магдалина достала флакон, который захватила с собой из дома. Он был полон арабских благовоний, подаренных ей как-то одним из любовников за проведенную с ней ночь. И, следуя за Иисусом, она повсюду носила его с собой, повторяя: кто знает, может, придёт день, когда я умаху волосы своего возлюбленного этими драгоценными благовониями. Может, придёт день, когда он женихом будет стоять рядом со мной. Таковы были её сокровенные мечты; но теперь за спиной возлюбленного она видела смерть — не свадебное покрывало, но саван. А смерть так же, как свадьба, любит благоухания.

Вынув флакон из-под подушки, Магдалина спрятала его за пазуху и разрыдалась. Она сидела, раскачиваясь, словно баюкая свое дитя, и приглушенно, чтобы её не услышали, всхлипывала. Потом, выплакавшись, она утерла глаза, вышла из комнаты и пала к ногам Иисуса. Не успел он склониться, чтобы поднять её, как она открыла сосуд, и благоуханная мирра потеет по святым ногам. Слезы снова хлынули из её глаз, и, распустив свои волосы, она обтерла ими умащенные ноги. Остатки душистой влаги Магдалина вылила на

голову Иисуса, снова опустилась на колени и принялась целовать его ноги.

Ученики с раздражением смотрели на это.

— Стыд и срам попусту тратить такую драгоценность, — проговорил торговец Фома. — Если б мы это продали, можно было бы накормить кучу бедняков.

— Или раздать сиротам, — добавил Нафанаил.

— Купить овец, — вставил Филипп.

— Это дурной знак, — вздохнул Иоанн. — Такими благовониями умащаются трупы князей. Зачем ты это сделала, Мария? Смерть почует свой любимый запах и придёт...

— Бедняки будут всегда, — улыбнулся Иисус, — но не всегда буду я с вами. А посему не так уж страшно, что на меня истратили сосуд мирры. Бывают минуты, когда расточительность восходит на небеса и делит престол со своим высоким братом Благородством. И ты, возлюбленный Иоанн, не печалься. Смерть может прийти всегда. Так лучше к её приходу умастить волосы.

Дом благоухал, как гробница богача. Вставший в дверях Иуда с удивлением взглянул на Иисуса. Неужто он раскрыл тайну ученикам? И теперь они умащивали идущего на смерть погребальными благовониями?

— Иуда, брат мой, — улыбнулся Иисус, — ласточка в воздухе летит быстрее, чем скачет олень по земле, а ещё скорее ласточки летит мысль человеческая, а быстрее мысли человеческой лишь женское сердце, — и глазами он указал на Магдалину.

— Мы столько всего наговорили, что позабыли о самом главном, — вмешался Петр. — Рабби, где в Иерусалиме мы будем встречать Пасху? Не пойти ли в таверну к Симону?

— Господь задумал иначе, — ответил Иисус. — Вставай, Петр. Бери Иоанна и ступайте в Иерусалим. Там вы встретите человека с кувшином на плече. Следуйте за ним. Он войдет в дом, войдите и вы и скажите хозяину: «Наш учитель приветствует тебя и спрашивает, где накрыт стол, чтоб он мог провести пасхальную вечерю со своими учениками?» А он ответит: «Передайте поклоны своему учителю. Всё готово. Мы ждем его».

Ученики, словно дети, широко раскрыв глаза, смотрели друг на друга.

— Ты не шутишь, сын Давида? — спросил Петр. — Всё готово? Агнец, вертел, вино — всё-всё?

— Всё, — ответил Иисус. — Ступайте. И веруйте. Это мы сидим здесь и беседуем, но Господь не дремлет. Он трудится на благо людей.

Из дальнего угла раздался слабый хрип, и все, устыдившись, обернулись. Всё это время они даже и не вспоминали о том, что старик Симеон был в предсмертной агонии! Магдалина бросилась к отцу, за ней вскочили остальные женщины. Ученики столпились у постели. Иисус приложил ладонь к ледяным губам умирающего. Старый раввин открыл глаза и, увидев его, улыбнулся, потом пошевелил рукой, делая знак остальным удалиться. Когда они остались одни, Иисус склонившись, поцеловал его в уста, глаза и лоб, и старик просиял, не сводя с него глаз.

— Я снова видел вас троих — Илию, Моисея и тебя. Теперь я уверен... я ухожу!

— Да благословит тебя Господь, Симеон. Доволен ли ты?

— Да. Позволь мне поцеловать твою руку, — он надолго припал к руке своими ледяными губами. С восторгом он посмотрел на Иисуса, прощаясь с ним.

— Когда ты придёшь — туда, наверх? — промолвил раввин через мгновение.

— Завтра, в Пасху. Скоро увидимся, отец!

Старый Симеон скрестил на груди руки и прошептал:

— Отпусти раба своего, Господи. Глаза мои видели Спасителя!

ГЛАВА 28.

Ослепительно красное солнце опустилось к горизонту, а на востоке уже появилось бледно-голубое сияние — ещё немного, и там появится огромная и безмолвная пасхальная луна. Последние закатные лучи косо падали на худое лицо Иисуса, выхватывали лица учеников, добираясь до угла, ласкали спокойное и счастливое, теперь уже отошедшее в вечность лицо старого Симеона. Мария сидела за своей пряжей в глубокой тени, и никто не видел слез, тихо струившихся по её щёкам и подбородку на так и не сотканный и не сшитый плащ. Дом всё ещё благоухал.

Чем больше вечерело, тем сильнее сжималось у всех сердце. Внезапно в раскрытое окно стремительно влетела ласточка, трижды сделала круг над их головами, радостно пискнула и, мелькнув в лучах уходящего солнца, исчезла — только они и видели её белую грудку и острые крылья.

— Пришло время, — промолвил Иисус и поднялся, словно только и ждал этого знамения. Медленно и жадно оглядел он дом — очаг, посуду, лампаду, кувшин с водой, пряжу; потом перевел взгляд на женщин — старую Саломею, Марфу, Магдалину и Марию, и

наконец, на побелевшего старика, который вступил уже в жизнь вечную.

— Прощайте, — помахал он обеими руками. Ни одной из трех молодых женщин не хватило сил ответить, лишь старая Саломея промолвила:

— Не смотри на нас так, дитя моё. Ты словно прощаешься с нами навсегда.

— Прощайте, — повторил Иисус и, приблизившись к женщинам, положил руку сначала на голову Марфы, потом Магдалины. Мария, бросив свою работу, подошла ближе и тоже опустила голову. Им казалось, что он, благословляя каждую из них, словно собирается взять их с собой — навсегда. И вдруг, не сговариваясь, все трое начали погребальную песнь.

Иисус вышел во двор, ученики последовали за ним. Во дворе над колодцем расцвела жимолость, и теперь, вечером, аромат её разлился в воздухе. Иисус сорвал цветок и сжал его губами. «Дай, Господи, мне сил сохранить этот нежный росток, пронеся его сквозь муки распятия», — прошептал про себя Иисус. Перед тем, как выйти на улицу, он ещё раз остановился и, подняв руку, воскликнул:

— Прощайте, жены!

Ему никто не ответил, плач во дворе усилился. Иисус двинулся вперёд к Иерусалиму. Солнце уже опустилось за Иудейские горы, из-за гор Моава поднялась полная луна. На мгновение два небесных светила замерли, вглядываясь в лики друг друга, и тут же тронулись дальше — одно вверх, другое — вниз.

Иисус кивнул шедшему рядом Иуде — им было о чём поговорить, и они зашептались. То Иисус, то Иуда опускали головы, задумываясь

над ответом и взвешивая каждое слово, словно они были золотыми.

— Прости меня, Иуда, брат мой, — промолвил Иисус, — но это необходимо.

— Я же уже спрашивал тебя, рабби, нет ли другого пути?

— Нет, Иуда, брат мой. Я бы тоже предпочел другой путь; до сегодняшнего дня я ждал и надеялся, но — напрасно. Нет, другого пути нет. Настал конец света — конец мира. Этот мир — царство дьявола — будет уничтожен, только тогда наступит Царствие Небесное. Я принесу его. Как? Своей смертью. Другого пути нет. Не дрожи, Иуда, брат мой. Через три дня я восстану из гроба.

— Ты говоришь это только для того, чтобы успокоить меня, чтобы я предал тебя, и сердце моё не разорвалось. Ты говоришь — я выдержу, ты хочешь придать мне сил. Нет, чем ближе час... нет, Иисус, я не вынесу!

— Вынесешь, Иуда, брат мой. Господь придаст тебе сил столько, сколько потребуется. Это необходимо, необходимо, чтобы я был казнён, а ты предал меня. Мы оба должны спасти мир. Помоги мне.

Иуда опустил голову.

— А ты бы предал своего учителя?

Иисус надолго задумался.

— Нет, боюсь, я не смог бы. Потому Господь и сжалился надо мной и поручил мне более легкое дело — быть распятым, — и, взяв Иуду под руку, он продолжил уговоры: — Не бросай меня. Помоги мне. Разве ты не говорил с первосвященником Каиафой? Ведь служители Храма уже готовы и вооружены, чтобы схватить меня? Ведь всё устроилось, как мы и договаривались, Иуда. Так

отпразднуем же сегодня вместе Пасху, а потом я дам тебе знак, и ты приведешь их. Впереди лишь три чёрных дня — они промелькнут, как молния, а на третий день, в воскресенье, мы возликуем и обнимемся снова!

— Остальные знают? — указал Иуда большим пальцем назад, на учеников.

— Я скажу им сегодня. Я не хочу, чтобы они оказывали сопротивление, когда левиты и стражники буду забирать меня.

— Они — оказывать сопротивление? — Губы Иуды искривились в презрительной усмешке. — И где ты только откопал их, рабби? Один хуже другого.

Иисус опустил голову и не ответил.

Взошедшая луна плыла над землей, заливая своим светом скалы, деревья и людей. Тёмно-синие тени ложились на землю. Ученики, следовавшие за Иисусом и Иудой, болтали и смеялись — одни в предвкушении пиршества, другие озабоченно обсуждали странные слова Иисуса. Фома вспомнил старого раввина.

— Для него всё закончилось. Теперь наша очередь.

— Как? Мы тоже умрем? — изумленно воскликнул Нафанаил. — Ведь утверждали, что мы идем к бессмертию!

— Верно. Но, похоже, нам сначала придётся пережить смерть, — объяснил Филипп.

— Значит, мы идем неверным путем, — потряс головой Нафанаил.

— Помяни мои слова, там, в преисподней, нам будет чертовски неуютно!

Перед ними снова высился Иерусалим, призрачно-белый, залитый лунным светом, словно мираж. Дома казались парившими в воздухе, звеневшем от псалмов и стонов убиваемых животных.

У восточных ворот их ждали Петр и Иоанн. Они радостно бросились навстречу друзьям.

— Всё случилось, как ты и говорил, рабби. Стол накрыт, Всё готово!

— А хозяина нет дома, — добавил со смехом Иоанн, — всё приготовил и исчез.

— Это высшее свидетельство гостеприимности, — улыбнулся Иисус, — когда хозяин исчезает.

Все ускорили шаг. Улицы были запружены народом, вокруг горели факелы, колыхались миртовые ветви. Из-за закрытых дверей торжественно звучал пасхальный псалом:

Когда вышел Израиль из Египта,
дом Иакова из народа иноплеменного,
Иуда сделался святынею Его,
Израиль — владением Его.

Море увидело, и побежало;
Иордан обратился назад.
Горы прыгали, как овны,
и холмы, как агнцы.

Что с тобою, море, что ты побежало,
и с тобою, Иордан, что ты обратился назад?
Что вы прыгаете, горы, как овны,

и вы, холмы, как агнцы?

Перед лицом Господа трепещи, земля,

пред лицом Бога Иаковлева,

Превращающего скалу в озеро воды

и камень — в источник вод.

Двигаясь вдоль улиц, ученики подхватили псалом. Петр и Иоанн шли впереди, указывая путь. Все, кроме Иисуса и Иуды, позабыли свои страхи и тревоги и летели к праздничной трапезе.

Петр и Иоанн остановились перед дверью, на которой кровью жертвенного агнца был сделан знак, распахнули её и вошли внутрь. Иисус и голодные ученики последовали за ними. Они пересекли двор и поднялись по каменной лестнице на верхний этаж. Стол был накрыт. Три семисвечника освещали агнца, вино, мацу, приправы и даже посохи, которые они должны были держать во время вечера, словно собираясь отправиться в далекий путь.

— Мы рады тебе! — промолвил Иисус, поднимая руку и благословляя невидимого хозяина.

— Кого ты приветствуешь, учитель? — рассмеялись ученики.

— Невидимого, — ответил Иисус и строго посмотрел на них. Потом взял широкое полотенце, обвязал его вокруг чресел и, опустившись на колени, принялся мыть ноги ученикам, поливая из кувшина.

— Рабби, я ни за что в жизни не соглашусь, чтобы ты мыл мне ноги!
— вскричал Петр.

— Петр, если я не вымою тебе ноги, ты не сможешь войти ко мне в Царствие Небесное.

— Ну, раз так, вымой уж мне заодно руки и голову.

Наконец все расселись. Все проголодались, но никто не осмеливался протянуть руку за куском. Лицо учителя было сурово. Одного за другим он оглядел всех — от Петра, сидящего по правую руку, до Иоанна, расположившегося по левую, задержав взгляд на своем мрачном рыжебородом сообщнике.

— Сначала, — промолвил Иисус, — мы должны выпить соленой воды, чтобы вспомнить слезы, пролитые нашими отцами в земле рабства.

Он взял кувшин с соленой водой и прежде других наполнил до краев чашу Иуды, затем налил по несколько глотков остальным и, наконец, полную себе.

— Вспомним же слезы, боль и страдания, пережитые людьми ради свободы! — промолвил он, залпом осушая свою чашу.

Ученики пили, скривившись, и лишь Иуда осушил свою так же, как Иисус, за один присест. Вытянув руку, он перевернул её, показывая учителю — ни единой капли не упало на стол.

— Ты храбрый воин, — улыбнулся Иисус. — Ты сможешь вынести самую горькую из потерь. — И, взяв опресноки (11), он разделил их, потом разделал агнца. Каждый положил себе свою долю горьких трав, как предписывал Закон: чабер, сатурею и лавр. Затем каждый полил мясо красной подливкой в память о красных кирпичах, изготавливавшихся их предками во время рабства. Ели все торопливо, как было сказано в Законе, держа в руке посох и подняв одну ногу, словно спеша отправиться в путь.

Иисус смотрел на учеников, но сам не ел. Посох, однако, был и у него в руках, и правая нога поднялась — он больше других

готовился в дорогу. Никто не произносил ни слова, слышался лишь звон чаш, хруст костей да чавканье. Луна заглядывала в комнату через люк в крыше и мешала свои лучи со светом менор. Наконец Иисус заговорил:

— Пасха, друзья мои, означает переход от мрака к свету, от рабства к свободе. Но значение нынешней Пасхи больше. Сегодняшняя Пасха означает переход от смерти к жизни вечной. Я пойду впереди, друзья, и расчищу для вас путь.

— Рабби, — встрепнулся Петр, — ты снова говоришь о смерти, и снова твои слова ранят, как острые ножи. Если над тобой нависли беды, откройся. Мы же мужчины.

— Правда, рабби! — воскликнул Иоанн. — Твои слова горше этих горьких трав. Сжался и объясни нам понятно.

Иисус взял свою часть хлеба, к которой он так и не притронулся, и разделил её между учениками.

— Ешьте. Это тело моё.

Затем взял свою полную чашу вина и пустил её по кругу, чтобы каждый отпил.

— Пейте. Это кровь моя.

Все съели по ломтю хлеба и запили его вином. Мысли мешались — вино казалось густым и соленым, как кровь, хлеб горящим углем жёг изнутри. И вдруг в ужасе им почудилось, что Иисус и вправду пустил корни в их чревах и начал жить в них. Петр облокотился на стол и заплакал. Иоанн обнял Иисуса.

— Ты уходишь, ты уходишь... уходишь... — бормотал он снова и снова, не в силах вымолвить что-нибудь ещё.

— Ты никуда не уйдешь! — воскликнул Андрей. — Ты как-то сказала: «Пусть не имеющий ножа продаст свой хитон и купит себе

нож». Мы продадим свою одежду, мы вооружимся! И пусть тогда является демон смерти, пусть только посмеет тронуть тебя!

— Все вы, все вы отречетесь от меня! — без укоризны промолвил Иисус. — Все!

— Я никогда! — вскричал Петр, утирая слезы.

— Петр, Петр, петух не прокричит, а ты уже трижды отречешься от меня.

— Это я? Я?! — вскричал Петр, бия себя кулаками в грудь. — Я отрекись от тебя? Я буду с тобой до самой смерти!

— До самой смерти! — вскочили ученики.

— Сядьте, — спокойно произнес Иисус. — Час ещё не пришёл. В эту Пасху я открою вам большую тайну. Раскройте свои сердца, чтобы страх не овладел вами.

— Говори, рабби! — прошептал Иоанн. Сердце его трепетало как осиновый лист.

— Поели ли вы? Сыты ли? Насытилось ли ваше тело? Позволит ли оно теперь вашей душе спокойно выслушать меня?

Ученики ловили каждый звук.

— Возлюбленные друзья! — воскликнул учитель. — Прощайте! Я ухожу!

Ученики с криками бросились к нему, хватая за руки. Слезы появились у них на глазах. Но Иисус спокойно обратился к Матфею.

— Матфей, ты много помнишь из Писаний наизусть. Встань и возгласи им слова Исайи, дабы укрепить их сердца. Помнишь: «Ибо он взошёл пред Ним, как отпрыск и как росток...»

Матфей радостно вскочил. Он был сутул, кривоног, сух, его длинные пальцы были постоянно грязными; но вдруг — каким он стал прекрасным! Лицо его горело, шея распрямилась, и слова пророка, полные горечи и мощи, отзывались эхом под сводами потолка:

— «Он взошёл пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему.

Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его.

Но Он взял на Себя наши немощи, и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом.

Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились.

Все мы блуждали как овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложил на Него грехи всех нас.

Он истязуем был, но страдал добровольно, и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и, как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих...»

— Довольно, — вздохнул Иисус. — Это я, — тихо добавил он. — Пророк Исайя говорит обо мне: я — агнец, ведомый на заклание, не отверзающий уст своих. С самого рождения моего меня ведут на заклание.

Ученики напряженно взирали на него, пытаясь понять смысл сказанного, и вдруг, словно всё осознав, склонили головы и завели погребальный плач.

Иисус вздрогнул. Как он оставит своих плачущих друзей? Тут он поймал на себе тяжёлый, обреченный взгляд Иуды. Учитель чувствовал, что творится в его душе, как легко любовь может сейчас парализовать все его силы. Их взоры встретились и схлестнулись; жестокий и безжалостный — Иисуса, страдающий и просящий — Иуды. Это длилось лишь мгновение — Иисус покачал головой, горько улыбнулся Иуде и снова обратился к ученикам.

— Что вы плачете? Почему боитесь смерти? Она — самый милостивый из архангелов Господа, больше других любящий человека. Я должен быть истерзан и распят, чтобы спуститься в преисподнюю. Но через три дня я выйду из гробницы, вознесусь на небеса и воссяду рядом со своим Отцом.

— Ты хочешь бросить нас? — воскликнул, рыдая, Иоанн. — Возьми нас с собой, рабби, и в преисподнюю, и на небеса!

— Земной труд тоже нелегок, Иоанн. Вы должны остаться и трудиться здесь, на земле. Сражайтесь здесь, любите и ждите — я вернусь!

Иаков, быстро смилившийся с неизбежностью смерти учителя, прикидывал уже, что они будут делать, когда останутся одни.

— Мы не можем противиться воле Господа и воле учителя. Как говорят пророки, Иисус, твой долг — умереть, наш — жить. Жить, чтобы не погибли слова, сказанные тобой. Мы закрепим их в новом Святом Писании, установив новые законы, построим новые синагоги и выберем собственных первосвященников, книжников и фарисеев.

— Ты хочешь распять дух! — в ужасе закричал Иисус. — Нет, нет, не надо этого!

— Но это единственный путь, чтобы дух не обратился в воздух и не исчез, — возразил Иаков.

— Но тогда он потеряет свободу, перестанет быть духом!

— Это неважно. Он будет походить на него. А для нашего дела и этого достаточно.

Иисус покрылся холодным потом. Он увидел, что никто из них не хотел возразить Иакову. Петр с восхищением смотрел на сына Зеведея. Надо же, какая голова: он унаследовал лучшие качества от своего отца — теперь он всё устроит как надо...

В отчаяний Иисус воздел руки, словно прося о помощи.

— Я пошлю вам утешителя — дух истины. Он будет вести вас.

— Скорей пошли его нам, — воскликнул Иоанн, — чтобы мы не заблудились и не потеряли тебя, рабби!

— С ним будет то же — с этим духом истины, о котором ты говоришь, — его тоже распнут, — упрямо покачал головой Иаков.

— Неужели ты не понимаешь, рабби, что дух будут распинать всегда, покуда жив человек! Но это неважно. От него всегда что-то останется, и нам этого хватит.

— Но мне этого не хватит! — в отчаянии воскликнул Иисус.

Даже Иаков смутился, услышав этот горький крик, и, приблизившись, взял учителя за руку.

— Да, тебе недостаточно этого. Потому ты и будешь распят. Прости меня, что я перечил тебе.

— Так пусть же дух во веки вечные распинается на этой земле, коли на то воля Божия, — промолвил учитель, опуская руку на упрямую голову Иакова, — и да будет благословен тогда крест! Пусть же мы несем его с любовью, терпением и верой. В один прекрасный день он обернется крыльями у нас за спиной.

Ему никто не ответил. Луна стояла высоко в небе, и её мертвенный свет разливался по всему столу. Иисус скрестил руки.

— Закончены труды сегодняшнего дня. Я сделал то, что должен был сделать, и сказал то, что должен был сказать. Я выполнил свой долг и теперь жду, — он кивнул Иуде. Тот поднялся, затянул потуже свой кожаный пояс и взял изогнутый посох. Прощаясь, Иисус махнул ему рукой. — Сегодня мы будем молиться под оливами Гефсимана, за долиной Кедрона. Иуда, брат мой, ступай с Божьим благословением и да будет Бог с тобой!

Иуда хотел что-то сказать, но передумал. Дверь была открыта, и он стремглав выбежал из комнаты — его тяжёлые шаги загремели по каменным ступеням.

— Куда он? — спросил Петр, почувствовав неладное. Он начал подниматься, чтобы последовать за Иудой, но Иисус остановил его.

— Петр, колесо Господа уже пришло в движение. Не вставай на его пути.

Внезапно подул ветер, пламя в семисвечниках затрепетало, ещё порыв, и огонь погас. Луна висела прямо над окном в крыше и, казалось, хотела войти в комнату. Испуганный Нафанаил склонился к приятелю.

— Это не ветер, Филипп. Это кто-то вошёл. О, Господи! А вдруг это демон смерти?

— А нам какое дело, даже если и он? — спросил пастух. — Он не за нами, — и Филипп хлопнул приятеля по спине со словами: — Большим кораблям большое плавание. Слава Тебе, Господи, мы всего лишь утлые лодчонки — скорлупки от грецких орехов.

Лунный свет затапливал бледное лицо Иисуса — лишь чёрные глаза горели на нем. Иоанн в испуге поднес руку к нему, чтобы проверить, здесь ли он ещё.

— Иисус, где ты? — пробормотал он.

— Я ещё не ушёл, Иоанн, — откликнулся Иисус. — Я просто вспомнил, что мне однажды сказал отшельник на горе Кармил: «Я погряз в пяти корытах своей плоти, как свинья». — «Как же ты спасся, отец? — спросил его я. — Тебе пришлось много бороться?» — «Вовсе нет, — ответил он мне. — Однажды утром я увидел над собой цветущее миндальное дерево и спасся». Так и я сейчас представил себе смерть, милый Иоанн, как цветущее миндальное дерево. Идемте, — промолвил он, поднимаясь. — Час настал.

Ученики в глубокой задумчивости последовали за ним.

— Давай сбежим, — прошептал Нафанаил своему другу. — Я чувствую — нас ждет беда.

— Мне тоже пришло это в голову, — также шёпотом ответил Филипп, — только давай прихватим Фому.

Они огляделись в его поисках, но тот уже исчез в тёмных улицах, и друзья последовали за всеми. Однако как только компания достигла Кедрона, они замедлили шаги и, дождавшись, когда все отошли на приличное расстояние, пустились наутек.

Вместе с оставшимися учениками Иисус пересек долину и двинулся по тропинке к Гефсиманскому саду. Сколько ночей он провел под этими оливами, размышляя о милости Божьей и несовершенстве человеческом!

Наконец они остановились. Сытых учеников одолевал сон. Они расчистили землю от камней и приготовились ложиться.

— Троиц нет, — заметил учитель, оглядывая учеников. — Что с ними случилось?

— Они ушли, — гневно ответил Андрей.

— Не осуждай их, Андрей, — улыбнулся Иисус. — Вот увидишь; придёт день, и они вернутся в терновых венцах, а выше этих неувядающих венцов нет ничего... — Голова у него закружилась, и он был вынужден прислониться к стволу оливы.

Ученики уже легли. Вместо подушек они приспособили охапки сорванной травы и удобно устроились.

— Рабби, иди сюда, ложись с нами, — зевнул Петр. — Андрей посторожит нас.

Иисус отошёл от дерева.

— Петр, Иаков, Иоанн, подойдите ко мне, — голос его был полон страдания, но звучал твердо.

Петр сделал вид, что не слышит, растянулся на земле и снова зевнул, но сыновья Зеведея взяли его за руки и подняли.

— Пошли! Тебе не стыдно?

— Кто знает, что будет, — встрепенулся Петр. — Дай мне свой нож, Андрей, — подошёл он к брату, после чего двинулся вслед за учителем.

Вскоре они оставили за спиной оливы и вышли на открытое пространство. Перед ними в лунном свете сиял белизной Иерусалим. Луна неподвижно висела посередине неба, будто прислушиваясь.

— Отче, — пробормотал Иисус, — Отче сущий на небесах и на земле, мир, созданный Тобой, прекрасен — и тот, что мы видим, и невидимый нам. И я не знаю — прости меня, — не знаю, Отче, который из них прекраснее, — он склонился, взял пригоршню земли и вдохнул её запах, напоивший всё его тело. Видно, поблизости росли фисташки — земля пахла смолой и медом, и он растер её по лицу, губам, шее. — Какой аромат, — шептал он, —

какая теплота и нежность, — слезы хлынули у него из глаз. Он держал землю в ладонях, не желая с ней расставаться. — Вместе, вместе мы умрем, сестра моя. Ты — моя единственная спутница.

— Я устал, — не вынес Петр. — Куда он нас ведет? Я дальше не пойду. Я ложусь здесь, — и он принялся осматриваться в поисках удобной ложбины, чтобы растянуться, но вдруг, увидев, что к ним приближается Иисус, мгновенно собрался с силами и пошел ему навстречу.

— Уже почти полночь, рабби, — промолвил Петр. — Вот хорошее местечко для ночлега.

— Дети мои, — сказал Иисус, — смертельная печаль снизошла на мою душу. Ступайте назад и ложитесь под деревьями, а я пока останусь здесь и помолюсь. Но прошу вас — не спите. Бодрствуйте сегодня и молитесь вместе со мной. Помогите мне, дети мои, помогите пережить этот трудный час, — он обратил лицо к Иерусалиму. — А теперь ступайте. Оставьте меня одного.

Ученики отошли на один бросок камня и растянулись под деревьями. Иисус упал лицом на землю, всем телом прильнув к ней. Его мысли, сердце словно и сами стали землей.

— Отче, — попросил он, — здесь мне хорошо: праху на прахе. Оставь меня здесь. Горька, ах, горька твоя чаша. Если возможно, да минет меня чаша сия, ибо нет моих сил, — он замер, прислушиваясь, словно ожидая услышать голос Отца из мрака ночи.

Иисус закрыл глаза. Кто знает — Господь милостив, — он может явиться с сострадательной улыбкой и кивнуть. И трепеща, Сын человеческий ждал, но ни звук, ни видение не коснулись его души. Он огляделся — ничего, и, испуганно вскочив, направился к

ученикам, чтобы они укрепили его сердце. Все трое уже спали. Он толкнул Петра, потом Иоанна и Иакова.

— Так не могли вы один час бодрствовать со мною, — горько промолвил Иисус.

— Рабби, — ответил Петр, с трудом разлепляя веки, — душа моя готова и жаждет, но плоть слаба. Прости нас.

Иисус снова вышел на поляну и упал на камни.

— Отче, — опять вскричал он, — горька, слишком горька эта чаша. Да минет она меня!

И тут в лунном свете он увидел над собой сурового и бледного ангела — он спускался к нему, сжимая в руках горящий жезл. Испуганно Иисус припал к земле, зажмурившись.

— Так вот твой ответ, Отче? Нет у Тебя милости для меня?

Он подождал и осторожно открыл глаза — не ушёл ли небесный посланник? Ангел ещё больше приблизился и, протянув свой огненный жезл, коснулся им губ Иисуса. Человек закричал от боли и упал на землю.

Когда Иисус пришёл в себя, луна уже исчезла, и ангел растаял в её неверном сиянии. Вдали, на Иерусалимской дороге, маячили огни — верно, от факелов. Это за ним? Снова его охватили страх и нестерпимое желание видеть людей, слышать их голоса, касаться их, и он бегом бросился к ученикам.

Те опять заснули, их лица были спокойны. Иоанн устроился головой на плече Петра. Петр — на груди Иакова. А Иаков оперся своей чёрной гривой о камень. Руки у него были раскинуты, словно он обнимал всю вселенную, сквозь чёрные усы и бороду сверкали зубы. Видимо, ему снился хороший сон, и он улыбался.

Сжалившись, Иисус не стал их будить. Бесшумно он отошёл в сторону и, снова упав на землю, разрыдался.

— Отче, — произнес он так тихо, словно не хотел, чтобы Господь услышал его, — Отче, да свершится воля Твоя. Не моя, Отче, но Твоя!

Поднявшись, он снова взглянул в сторону Иерусалима. Огни приблизились. Теперь он уже различал дрожащие тени вокруг них и блеск доспехов.

— Идут... идут... — прошептал он, и колени у него подогнулись. И тут же на молодой кипарис, высившийся поблизости, опустился соловей — горлышко его набухло, и полилась песнь. Опьяненная луной, весенними запахами и теплой влажной ночью, птичка воспевала красоту мира, словно сам всемогущий Господь пел гимн сотворенной земле. Иисус поднял голову и прислушался. Неужто этот Господь птиц, земли и весны и есть Господь людей? И вдруг он почувствовал, как, откликаясь на соловьиный призыв, и в нем запела душа, восхваляя вечные муки и радости: Бога, любовь, надежду...

Иисус дрожал, а душа его пела. Он даже и не подозревал, какие богатства он хранил в себе, сколько восхитительных нераскрытых радостей. Всё внутри у него расцветало. Соловей запутался в пахучих ветках и не мог, не хотел улетать. Да и куда? Зачем? Эта земля была Царством Небесным... Но пока Иисус, зачарованный голосами весны, входил наяву в рай, вокруг слышались хриплые крики, заметалось пламя факелов, отражаясь в панцирях воинов, окруживших его, и ему показалось, что сквозь дым и блеск он различил Иуду: две сильные руки обняли его, и губы уколола рыжая борода. Он вскрикнул, и ему показалось, что сознание покинуло его, но тут же он почувствовал тяжёлое дыхание Иуды рядом и услышал полный отчаяния голос:

— Радуйся, рабби!

Луна уже склонялась к бледно-голубым горам Иудеи. Поднялся холодный сырой ветер, и губы у Иисуса посинели. Невдалеке высился слепой и смертельно бледный Иерусалим. Иисус обернулся и взглянул на солдат и левитов.

— Приветствую посланников моего Господа! — промолвил он. — Идемте! — И тут он заметил Петра, который в толчее успел полоснуть ножом по уху одному из левитов. — Верни свой нож в ножны. Ибо все, взявшие меч, мечом погибнут.

ГЛАВА 29.

Иисуса схватили. Оскорбляя, оплевывая, пихая в спину, его провели через рощу, через долину Кедрона в Иерусалим к дворцу Каиафы, где должен был собраться Синедрион и вынести приговор мятежнику.

Было холодно под утро, и прислуга грелась у костров, разожженных во дворе. То и дело левиты приносили всё новые и новые сведения из дворца. От обвинений, предъявленных Иисусу, волосы вставали дыбом: этот еретик произнес такие-то и такие-то кощунства против Бога Израиля, такие-то и такие-то против Закона Израиля, заявив к тому же, что собирается разрушить Святой Храм, а землю эту засеять солью!

Петр, потуже завернувшись в хламиду, проскользнул во двор. Склонив голову и протянув руки к огню, чтобы согреться, он с ужасом внимал этим вестям.

— Эй, старик, — окликнула его какая-то служанка, замедлив шаги, — что это ты прячешься? Подними-ка голову, чтобы мы взглянули на тебя. Кажется, ты был с этим еретиком.

Услышавшие её левиты пригляделись к Петру.

— Клянусь, я его не знаю! — испуганно воскликнул Петр, поднимая руку, и бросился к воротам.

Но другая служанка, видя, что он собирается улизнуть, встала у него на дороге.

— Эй, старик, куда ты? Ты был с ним. Я видела тебя.

— Я не знаю его! — снова вскричал Петр и, оттолкнув девушку в сторону, двинулся дальше. Но тут его за плечи схватили два левита и принялись трясти.

— Твой говор выдает тебя. Ты галилеянин, один из его учеников!

— Я не знаю этого человека! — завопил Петр и грязно выругался.

И тут во дворе закричал петух. Петр застонал — он вспомнил, что говорил ему учитель: «Петр, Петр, петух не прокричит, а ты уже трижды отречешься от меня». Выйдя на улицу, апостол упал под деревья и разрыдался.

Светало. Небо стало кроваво-красным.

Из дворца в волнении вылетел бледный левит.

— Первосвященник разодрал свои одежды! Вы только представьте, что заявил этот преступник! «Я — Христос, сын Божий!» Все старейшины тоже принялись рвать свои одежды и кричать: «Смерть! Смерть!»

— Сейчас его поведут к Пилату, — появился другой левит. — Только он может отправить его на казнь. Расступитесь.

Двери распахнулись, и из дворца появилась вся израильская знать. Впереди медленно плыл утомленный Каиафа. За ним члены Синедриона — клочковатые бороды, хитрые злобные глазки, беззубые рты и ядовитые языки. Все они кипели от гнева. За ними, спокойный и печальный, шёл Иисус. Он был избит, и по лицу его струилась кровь.

Двор наполнился криками, проклятиями и смехом. Петр, вскочив, прислонился к стойке ворот, слезы бежали у него по щекам.

— Петр, Петр, — бормотал он, — трус, лжец, предатель! Встань и крикни: «Я с ним!» — и пусть они потом убивают тебя, — он упрашивал и заставлял себя, но его брренное тело, вжавшись в столб, лишь дрожало.

Иисус споткнулся о порог и начал падать. Протянув руку, чтобы удержаться, он наткнулся на плечо Петра. Петр окаменел. Он чувствовал, как рука учителя вцепилась в него и замерла. Сумерки ещё не рассеялись, и Иисус не различил, за кого ухватился. Восстановив равновесие, он тронулся дальше ко дворцу Пилата в окружении стражи и старейшин.

Пилат уже встал, умылся, рабы умастили его тело ароматическими маслами, и теперь он нервно прогуливался по открытой площадке на крыше своего дворца. Он никогда не любил этот пасхальный день. Упившись своим Богом, евреи приходили в неистовство, затевали стычки с римскими солдатами, провоцируя свое очередное избиение, что вовсе не входило в интересы Рима. А в эту Пасху ему добавили ещё одну неприятность. Во что бы то ни стало иудеи решили распять бедного назаретянина, безумца... Отвратительный народ!

Пилат сжал кулаки. Его охватило упрямое желание спасти этого дурачка, и не потому, что он был невиновен (невиновность — что это означает?), и не потому, что он жалел глупца (увы, если бы он мог испытывать жалость к евреям), но лишь для того, чтобы взбесить этот неблагодарный народ.

Внизу слышался шум. Пилат увидел, что вся площадь перед цитаделью заполнена иудеями, все дворы и галереи Храма забиты толпами беснующихся людей. Они орали, плевались и пинали Иисуса, которого солдаты вели к огромным воротам цитадели.

Пилат спустился в приемный зал и сел в свое тяжёлое резное кресло. Дверь отворилась, и два чёрных гиганта втолкнули Иисуса. Одежда его была растерзана, лицо залито кровью, но голову он держал высоко, и глаза его сияли спокойным нездешним светом.

— Снова ты передо мной, Иисус из Назарета, царь Иудейский, — улыбнулся Пилат. — Похоже, они хотят убить тебя.

Иисус смотрел в окно на небо. Мысли и тело его уже отлетели, и он молчал.

— Перестань пялиться на небо! — в гнев вскричал Пилат. — Лучше посмотри на меня! Ты разве не знаешь, что я имею власть отпустить тебя на свободу или распять?

— Ты не имеешь никакой власти надо мной, — спокойно ответил Иисус, — никто не имеет, кроме Господа.

— Смерть! Смерть! — неслись внизу разъяренные крики.

— Что они так безумствуют? — спросил Пилат. — Что ты им сделал?

— Явил истину, — ответил Иисус.

— Какую истину? — улыбнулся Пилат. — Что есть истина?

Сердце Иисуса скорбно сжалось. Вот он мир, и вот правители мира. Они спрашивают, что есть истина, и смеются.

Пилат подошёл к открытому окну. Он вспомнил, что вчера был схвачен Варавва за разбой, а по заведенному обычаю в день Пасхи освобождали одного преступника.

— Кого хотите, чтобы я отпустил вам? — закричал Пилат толпе. — Иисуса, царя Иудейского, или бандита Варавву?

— Варавву! Варавву! — завывала толпа.

Пилат кликнул экзекуторов.

— Бичуйте его, — указал он на Иисуса, — а потом наденьте на него терновый венец и пурпурную мантию, дайте ему длинный камыш вместо скипетра. Он — царь, оденьте его по-царски! — Пилат задумал представить безумца в самом прискорбном виде, чтобы люди сжалились над ним.

Стражники увели несчастного, привязали его к колонне и принялись избивать. Сплетя венец из колючего терновника, солдаты насадили его на голову Иисуса — по его вискам и лбу начала сочиться кровь. Накинув ему на плечи красную тряпку и всунув в руки камыш, они затем привели его снова к Пилату.

— Добро пожаловать, ваше величество! — не в силах сдержать смех, расхохотался Пилат. — Идем, я покажу тебя твоим подданным. — И, взяв Иисуса за руку, он вывел его на террасу. — Видите ли его?! — закричал он толпе.

— Распни его! Распни! — взвыли внизу.

Пилат распорядился, чтобы ему принесли таз и кувшин с водой, и на глазах разъяренного народа он вымыл руки.

— Я умываю свои руки, — промолвил он. — Не виновен я в его крови, не виновен. Да падет грех на вас!

— Его кровь падет на наши головы и головы наших детей! —
взревела толпа.

— Уведите его, — приказал Пилат, — и не надоедайте мне больше!

Иисуса схватили и, водрузив крест ему на спину, оплевывая и оскорбляя, погнали к Голгофе. Крест был тяжёл. Сын человеческий шёл, спотыкаясь и оглядываясь по сторонам. Вдруг он увидит кого-нибудь из своих учеников, сможет кивнуть ему, увидит сочувствие в глазах. Но никого из них не было видно.

— Благословенна смерть, — со вздохом прошептал он. — Слава Тебе, Господи!

Ученики тем временем схоронились в харчевне Симона-киринеянина. Они ждали, когда будет совершено распятие и наступит ночь, чтобы незамеченными покинуть город. Укрывшись за винными бочками, они настороженно прислушивались к радостным крикам уличной толпы — весь город бежал на Голгофу. Люди весело проводили Пасху — наевшись до отвала мяса и напившись вина накануне, теперь они шли посмотреть на распятие, чтобы развлечься.

Толпы валили и валили, ученики же, прислушиваясь к топоту шагов на улице, трепетали. Время от времени слышались сдавленные рыдания Иоанна, Андрей, бормоча угрозы, вскакивал и бессильно сжимал кулаки. Петр маялся, обвиняя себя в трусости, которая не давала ему выбежать на улицу и быть убитым вместе с учителем. Сколько раз он клялся: «С тобой, рабби, до самой смерти!» А теперь, тогда пришла смерть, он спрятался за бочками.

— Прекрати выть, Иоанн, — не выдержал Иаков, — ты же мужчина. И ты, красавчик Андрей, кончай крутить свой ус. Сядьте! Все сядьте. Давайте кое-что решим. Предположим, он действительно Мессия.

С какими лицами мы будем стоять перед ним через три дня, когда он воскреснет? Вы об этом подумали? Что скажешь, Петр?

— Если он Мессия, мы погибли — вот что я скажу, — с безысходностью промолвил Петр. — Я же говорил вам, что уже трижды отрекся от него.

— Но если он не Мессия, мы тоже погибли, — продолжил Иаков. — Что скажешь ты, Нафанаил?

— Я скажу, что отсюда нужно сматываться. Иначе нам конец, так или иначе, Мессия он или нет.

— И бросить его? Да как ваши души смогут вынести это! — воскликнул Андрей и кинулся к двери.

— Сядь, несчастный, пока я тебя не разорвал на тысячу кусков! — вцепился в его хитон Петр. — Надо найти другой выход!

— Лицемеры! Лицемеры и фарисеи, — зашипел Фома. — Какой выход? Давайте говорить открыто, без обиняков: мы заключили сделку и потеряли весь свой капитал. Да! Деловые отношения. И не надо на меня смотреть как на врага, — именно так это и называется — небольшая сделка. Ты мне, я тебе. В обмен на Царствие Небесное я отдал свои товары — гребенки, нитки, зеркала. И вы поступили так же. Один отдал свою одежду, другой — своих овец, третий — душевный покой. А теперь всё рухнуло. Мы обанкротились, весь наш капитал пошёл к чёрту! А теперь смотрите, как бы нам не лишиться и жизни! Что я вам могу посоветовать? Бежать, пока есть время!

— Согласны! — вскричали Филипп и Нафанаил. — Бежим, пока есть время!

Петр обеспокоенно взглянул на Матфея, сидевшего в стороне. Не проронив ни слова, он слушал, что говорили другие.

— Бога ради, Матфей, не записывай этого. Сделай вид, что не слышишь. Не делай из нас посмешища на вечные времена!

— Не бойся, я знаю, что делаю, — ответил Матфей. — Я многое вижу и слышу, но выбираю... Однако послушайте меня ради вашего же блага: будьте благородны, покажите, как вы смелы, чтобы я мог описать это, и вы, бедняги, прославитесь тогда. Вы ведь апостолы — а это не шутка!

В это мгновение дверь распахнулась, и в харчевню вошёл киринеянин. Одежда на нем была порвана, лицо и грудь залиты кровью, глаз заплыл. Ругаясь и стеная, он стащил с себя обрывки хитона, окунул голову в таз, где обычно мыл стаканы, и, взяв полотенце, обтер грудь и спину, не прекращая кряхтеть и плевать. Потом припал к крану бочки и принялся пить. Услышав возню за бочками, он перегнулся через край и увидел сбившихся в кучу учеников.

— Вон с глаз моих, грязные псы! — в ярости завопил он. — Это так-то вы любите своего учителя? Сбежали! Вшивые галилеяне, негодяи!

— Видит Бог, мы бы всей душой... — заблеял Петр, — но плоть наша...

— Заткнись, болтун! Если бы душа твоя была готова, ты бы не болтал о плоти! Тогда бы всё пришло тебе на помощь — и посох в руке, и хитон на спине, и камни под ногами — всё, всё! Посмотрите на меня, трусы: синяки и ссадины, одежду порвали, глаз чуть не выбили! А всё почему? Чёрт бы вас побрал, грязные ученики! Потому что я защищал вашего учителя. Я, вшивый трактирщик, жалкий киринеянин, сражался с целым городом! А почему? Может, я верю, что он Мессия и завтра он придёт и возвеличит меня? Ни черта, ни черта подобного! Всё потому, что у меня есть эта дурацкая совесть, и я не жалею об этом! — Он носился по комнате,

наталкиваясь на стулья, ругаясь и сплевывая кровь. Матфей сидел как на гвоздях, — ему надо было поскорее узнать, что случилось во дворце Каиафы, что во дворце Пилата, что говорил учитель, что кричал народ, — надо было всё записать.

— Если ты веришь в Бога, Симон, брат мой, — промолвил Матфей, — успокойся и расскажи нам всё по порядку: как, где, когда и что говорил учитель, если он вообще говорил.

— Конечно, говорил! — взревел Симон. — «Чёрт бы вас побрал, ученики!» — вот что он сказал. Давай, записывай! Что ты на меня уставился? Бери свое перо и пиши: «Чёрт бы вас побрал!»

Из-за бочек слышались рыдания. Иоанн, хрипло крича, катался по полу, Петр бился головой о стену.

— Если ты веришь в Господа, Симон, — с мольбой в голосе снова повторил Матфей, — скажи мне правду, чтобы я мог записать её. Неужели ты не понимаешь, что будущее всего мира зависит сейчас от твоих слов?

Петр продолжал биться головой о стену.

— К чёрту, не отчаивайся, Петр, — сжалился над ним трактирщик. — Я скажу вам, что вы должны сделать, чтобы прославиться во веки вечные. Слушайте: скоро его поведут мимо харчевни — шум уже доносится. Вставайте, откройте дверь и возьмите у него крест. Он нелегкий, чёрт бы его побрал, а ваш Мессия хрупкий, избили парня к тому же, — и со смехом он пнул Петра ногой. — Ну, сделаешь? Я хочу, наконец, уже видеть какие-то поступки здесь и сейчас.

— Я бы так и сделал, клянусь тебе, если бы вокруг не было такой толпы, — заныл Петр. — Они же из меня сделают отбивную.

— Пошли вы всё к дьяволу! — плюнул в них разъяренный трактирщик. — Неужели никто из вас не решится? Ты, стручок

Нафанаил? А ты, Андрей-головорез? Никто? Никто! Тьфу! Провалитесь вы к дьяволу! Бедный Мессия, надежных же ты выбрал себе полководцев! Лучше бы ты выбрал меня! Может, я и заслуживаю быть повешенным, но у меня, по крайней мере, осталась крупица собственного достоинства. А если у человека оно есть — неважно, пьяница он, вор или лжец, — всё равно он человек! А если у вас нет достоинства, будьте вы хоть невинными голубками, всё равно цена вам — грош! — И плюнув ещё раз в сторону учеников, он распахнул дверь и, пыхтя, остановился на пороге.

Улицы были полны народа.

— Он идёт! идёт царь Иудейский! — хохотали бегущие граждане.

Ученики снова забились за бочки.

— А-а, значит, у вас нет ни совести, ни чести? — обернулся Симон. — Вы даже не хотите его увидеть? Вы даже не можете утешить его своим видом? Ну, хорошо же! Тогда пойду я! Я буду махать ему руками и кричать: «Это я, Симон-киринеянин, я тут!» — И он выскочил на улицу.

Волна за волной катились толпы людей. И вот проскакали римские всадники, за ними с крестом на плечах шёл Иисус, он был весь в крови, мантия превратилась в лохмотья. Силы покидали его. Он то и дело спотыкался, падал, ему давали подняться и пинками понуждали двигаться дальше. Позади ковыляли калеки, раздосадованные тем, что он не исцелил их. Они сыпали проклятия на его голову, норовя ударить своими костылями и палками. Иисус временами оглядывался — неужели не появится никто из его возлюбленных учеников? Что с ними случилось?

И вдруг в дверях харчевни он увидел машущего ему рукой Симона. Сердце его вострепелось от радости. Он кивнул ему и тут же

оступился, споткнувшись о камень, и обрушился наземь с крестом на спине. Иисус застонал от боли.

Киринаянин бросился к нему, поднял его и взгромоздил крест на свои плечи.

— Мужайся, — улыбнулся он Иисусу. — Я здесь, не бойся.

Они миновали городские ворота и начали подниматься на вершину Голгофы. Вокруг всё смердело мертвечиной — распятых преступников не снимали с крестов, их трупы оставались висеть и поедались хищными птицами.

Киринаянин опустил крест. Два римских солдата, вырыв яму, укрепили его между камней. Иисус в ожидании опустился на камень. Солнце сияло прямо над головой, раскалённые добела небеса безмолвствовали. Ни пламени, ни ангела, ни малейшего знамения, говорящего о том, что кто-то сверху наблюдал за земными событиями... И пока Иисус так сидел в ожидании, разминая между пальцами комочек земли, он почувствовал, что перед ним кто-то стоит. Медленно подняв голову, он увидел и узнал.

— Привет тебе, моя верная спутница, — пробормотал Иисус. — Наше путешествие подошло к концу. Свершилось то, чего ты желал, свершилось и то, что желал я. Всю свою жизнь я трудился, преобразуя Проклятие в Благословение. Я добился этого, и теперь мы друзья. Прощай, мать! — И он безмятежно помахал рукой мрачной тени.

— Вставай, ваше величество! — заорали солдаты, хватая его за плечи. — Пора взойти на престол!

Они раздели его, обнажив худое тело, покрытое синяками и ранами.

Жара усиливалась. Люди, наоравшиеся до хрипоты, молча наблюдали за происходящим.

— Надо дать ему вина подкрепиться, — предложил один из солдат.

Но Иисус оттолкнул чашу и раскинул руки на кресте.

— Отче, да свершится воля твоя, — прошептал он.

— Лжец! Дешевка! Обманщик! — снова завопили слепые, прокажённые и увечные.

— Где Царствие Небесное? Где столы, ломящиеся от хлебов? — подхватили бродяги, швыряя в Иисуса камни и гнилые фрукты. Иисус хотел крикнуть ещё что-то, но солдаты, обвязав его веревками, стали подтягивать на крест. Закончив свое дело, они позвали палачей с гвоздями. Те подняли молотки... При первых ударах солнце скрылось, небо потемнело, и на нем выступили звёзды — нет, не звёзды — слезы начали падать на землю.

Толпу обуял ужас. Испуганные лошади римской кавалерии, отступая и шарахаясь в стороны, принялись теснить людей. Наступила такая тишина, как бывает перед землетрясением.

Симон-киринеянин упал на камни. Земля колыхалась под его ногами, и ему стало страшно.

— Ну, всё, сейчас преисподняя поглотит нас! — прошептал он.

Он поднял глаза и огляделся. Мир словно пребывал в глубоком обмороке — всё окутала синеватая мгла. Люди растворились в ней, лишь глаза чёрными звёздами сверкали вокруг Симона. Огромная стая ворон, почуявших кровь и начавших слетаться к Голгофе, рассеялась в панике. С креста слышался слабый стон, и киринеянин, сжав зубы, чтобы не разрыдаться, поднял голову и взглянул вверх.

— Боже! — вырвался у него крик.

Толпы ангелов, слетевших с небес, приколачивали Иисуса к кресту. Они порхали вокруг, одни поддерживали его тело, чтобы не сорвалось, другие подносили гвозди; третьи стучали молотками, а маленький розовощёкий и златокудрый ангелочек с пикой в руках взмахнул ею и пронзил Иисусу сердце.

— Что это? — трепеща, пробормотал киринаец. — Сами Силы Небесные... Сам Господь распинает его!

И тут — никогда в жизни Симон не испытывал такого горя и отчаяния — душераздирающий крик пронзил всё пространство от земли до неба:

— Илї... Илї... (12)

Продолжить у страдальца не хватило сил. Распятый уронил голову и выпустил дух.

ГЛАВА 30.

Веки его задрожали и открылись... Иисус чуть не вскрикнул от изумления и радости. То был не крест, но огромное дерево, раскинувшее свои ветви от земли до неба. Весна одела растение цветами и поющими птицами... А сам он — он стоял, прислонившись к стволу.

— Раз, два, три... — начал он считать, подняв голову... — тридцать три. Столько, сколько мне лет. Тридцать три птицы, и все поют. Что-то случилось с его глазами, не оборачиваясь, он мог теперь видеть весь цветущий мир. Его слух улавливал все проклятия и стоны, все звуки мира, обращая их в песню. Но из сердца его, проткнутого пикой, всё ещё струилась кровь.

Ветра не было, но милосердное дерево само осыпало свои цветы на его спутанные волосы и окровавленные руки. И пока он пытался среди этого моря лепестков и щебета вспомнить, кто он такой и где находится, воздух перед ним затрепетал, сгустился, и явился ангел.

Не раз и во сне, и наяву он видел ангелов, но такого — впервые. Создание излучало такую нежность, такую человеческую теплоту! Его голова и пухлые щечки поросли мягкими и курчавыми волосами, глаза радостно искрились, как у влюбленного юноши. Тело было хрупким и стройным. Только странный сине-чёрный пушок покрывал его ноги от щиколоток до округлых бёдер.

— Кто ты? — в замешательстве спросил Иисус — сердце его бешено колотилось.

Ангел улыбнулся ласковой, доброй улыбкой и сложил свои зелёные крылья как бы для того, чтобы не пугать Иисуса.

— Я почти то же, что ты, — ответил он. — Я — твой ангел-хранитель. Верь мне.

У него был такой знакомый, совсем человеческий голос. Ангельские голоса, которые слышал Иисус прежде, всегда отличались жестокостью — они лишь бранили его. Возликовав, он заискивающе взглянул на ангела в ожидании, когда тот заговорит снова. Ангел почувствовал это и откликнулся.

— Господь послал меня усладить твои уста. Люди и небеса дали тебе испытать много горечи. Ты страдал и боролся. За всю жизнь тебе не довелось пережить ни единого счастливого дня. Все, все покинули тебя в твой последний страшный час — твоя мать, братья, ученики, бедные, увечные и обиженные. Ты остался в темноте один и беззащитен. И тогда Господь сжалился над тобой. «Эй, куда ты смотришь? — закричал Он мне. — Спускайся и спасай Моего сына. Я не хочу, чтобы он был распят. Довольно! Довольно!» —

«Боже милостивый, — трепеща, ответил я Ему, — разве не Ты послал его на землю, чтобы он был распят и спас человечество? Потому я и сижу здесь, не шевелясь, ибо я считал, что такова Твоя воля». — «Пусть он будет распят во сне, — ответил Господь, — пусть во сне переживёт всю боль и муку».

— Ангел-хранитель, — вскричал Иисус, обняв его, боясь, что он исчезнет, — ангел-хранитель, так я не был распят?

— Успокойся, не волнуйся, — промолвил ангел, опуская свою белоснежную руку на голову Иисуса. — Нет, ты не был распят.

— Так, значит, всё это был сон — крест, гвозди, боль, затмение солнца?

— Да, сон. Все твои страсти ты пережил во сне. Во сне ты взошёл на крест и тебя прибили к нему. И пять ран были нанесены тебе во сне, но с какой силой, взгляни! Кровь до сих пор сочится из твоих стигматов.

В смятении Иисус посмотрел по сторонам. Где он? Что это за долина, покрытая цветами? Где Иерусалим? Где его душа? Он повернулся к ангелу и прикоснулся к его руке. Плоть была упругой и прохладной — живой и реальной.

— Ангел-хранитель, твои слова приносят облегчение. Ты говоришь, и крест становится тенью креста, гвозди тенью гвоздей, и вся казнь поднимается в небо и тает там, словно облачко.

— Идем! — промолвил ангел, и легкой поступью двинулся по цветущему лугу. — Великие радости ждут тебя, Иисус из Назарета. Господь позволил мне дать тебе вкусить все удовольствия, о которых ты мечтал. Возлюбленный, земля прекрасна — ты увидишь. Вино, смех, губы женщин, шалости первенца на твоих коленях — всё прекрасно! Даже мы, ангелы, — поверишь ли? —

склонившись с небес, взираем на землю и вздыхаем тайком, — его мягкие зелёные крылья раскрылись и обняли Иисуса. — Смотри!

Иисус взглянул — и что же он увидел? Вдали сиял Назаретский холм в лучах восходящего солнца. Крепостные ворота открылись, и тысячи мужчин и женщин хлынули из них. Восседая на белых лошадях, облаченные в дорогие одежды, они размахивали белоснежными стягами, на которых были вышиты золотые лилии. Спустившись меж цветущих холмов, на которых высились царские дворцы, процессия двигалась по изумрудным травам, пересекая ручьи. Иисус уже различал шум, смех, пение.

— Ангел-хранитель, — изумленно промолвил Иисус, — кто это? Кто эти цари и царицы? Куда они идут?

— Это царский свадебный поезд, — улыбнулся ангел. — И идут они на свадьбу.

— Кто же женится?

— Ты. Это первая радость, которую я дарю тебе.

Кровь бросилась Иисусу в голову. Он знал, кто будет невестой, и ликовал.

— Идем, — поспешно ответил он и тут же почувствовал, что сидит на такой же белой лошади с золотой уздечкой. Он взглянул на себя — латаная-перелатанная туника его обратилась в бархатный, шитый золотом хитон, над головой колыхалось синее перо.

— Это и есть Царствие Небесное, которое я провозглашал людям? — спросил Иисус.

— Нет, — рассмеялся ангел. — Это — Земля.

— Как же она так изменилась?

— Она не менялась, это ты изменился. Когда-то сердце твое не любило её, и ты шёл вопреки её воле. Теперь же оно любит — вот и весь секрет. Гармония Земли и сердца, Иисус из Назарета, и есть Царствие Небесное... Но что же мы тратим время на слова? Едем, невеста заждалась. — Ангел тоже взлетел на белую лошадь, и они тронулись в путь. Горы впереди дрожали от лошадиного топота — процессия приближалась. Женский смех стал громче. Птицы, хлопая крыльями, летели к югу, провозглашая:

— Он идёт! Он идёт! Он идёт!

И сердце Иисуса трепетало, как птица, взлетев к самому горлу. «Я иду! Я иду! Я иду!» — пело оно.

И вдруг в разгаре скачки, в вихре восторга, он вспомнил своих учеников и, оглядываясь по сторонам, принялся искать их в свадебном поезде. Но никого не увидел.

— А мои ученики? — удивленно спросил он своего спутника. — Я не вижу их. Куда они могли подеваться?

— Разбежались, — насмешливо промолвил ангел.

— Почему?

— Страшно стало.

— Даже Иуда?

— Все! Все! Вернулись к своим лодкам, попрятались в своих хижинах. Клянутся, что никогда не видели тебя, не знают тебя... Не оглядывайся больше назад. Забудь о них. Смотри вперёд.

Пьянящий запах цветущих садов затопил всё вокруг.

— Вот мы и добрались, — спешиваясь, промолвил ангел, и лошадь его растаяла в воздухе.

Жалобное и мощное мычание послышалось из-под олив. Тревога охватила Иисуса, и он вгляделся в рощу. Лоснящийся чёрный крутобедрый бык с белой звездой во лбу был привязан к одному из стволов. Свадебный венец покоился на его рогах, хвост был задран к небесам. Никогда в жизни Иисус не видел такого сильного и великолепного зверя. Глаза его были темны, мышцы перекачивались под шкурой. Он олицетворял собой мужскую силу. «Это не бык, — со страхом подумал Иисус, — это божество».

— Не бойся, Иисус из Назарета, — хитро улыбнулся ангел. — Это всего лишь бык — молодой и девственный. Смотри, как он высовывает язык и облизывает свои влажные ноздри, как он опускает голову и бодает дерево в нетерпении сразиться с ним, как он натягивает веревку, чтобы разорвать её и вырваться на свободу. Теперь взгляни на луг. Видишь?

— Телки. Там пасутся молодые телки.

— Нет, они не пасутся, они ждут, когда бык сорвется. Слышишь, как он ревет? Какая страсть, какая мощь и мольба! Поистине, он подобен уязвленному тёмному божеству... Что же ты помрачнел, Иисус из Назарета? Отчего глаза твои стали темны?

— Идем, — хрипло проговорил Иисус. И голос его тоже был полон страсти, мощи и мольбы.

— Сначала я отвяжу быка, — рассмеялся ангел. — Неужто тебе его не жаль?

Он подошёл и развязал веревку. Какое-то мгновение зверь стоял неподвижно, но вдруг понял, что свободен, и огромными прыжками помчался на луг.

И в то же мгновение до Иисуса донесся звон браслетов и ожерелий из ближайшего сада. Он обернулся: перед ним, смущенная и покрасневшая, стояла Магдалина в венке из цветов лимона.

— Мария, возлюбленная моя! — бросился он к ней и схватил её в объятия. — Сколько лет, о, сколько лет я мечтал об этом мгновении! Кто осмеливался препятствовать нам? Кто не давал нам обрести свободу? Господь?.. Ну, что ты плачешь?

— От радости, милый, от того, что я так хочу тебя. Идем же!

— Идем. Веди меня! — Он обернулся, чтобы попрощаться со своим спутником, но ангел уже исчез. Исчез и царский кортеж. Внизу, на лугу, бык покрывал телок.

— Кого ты ищешь, любимый? Почему ты оглядываешься? Лишь мы остались на Земле. Я целую твои стигматы. Какое счастье! Что за Пасха! Весь мир воскрес. Идем!

— Куда? Дай мне руку — веди меня. Я с тобой.

— Идем в гущу сада... Тебя преследуют, хотят схватить. Всё ведь было готово — крест, гвозди, толпа, Пилат. И вдруг ангел слетел и похитил тебя. Идем, пока не взошло солнце и тебя не нашли. Они в бешенстве, они жаждут твоей смерти.

— Что я им сделал?

— Ты хотел им добра, ты хотел спасти их. Разве они могут тебе это простить?! Дай же мне руку, любимый. Следуй за женщиной — она всегда найдет дорогу, — взяв его за руку, она торопливо пошла между цветущими деревьями — её огненно-красная фата трепетала на ветру. Пальцы её горели в мужской руке, уста пахли сладостью.

Она оглянулась на Иисуса, и дрожь охватила его — глаза её блестели ласково и обольстительно, так же, как у ангела.

— Не бойся, возлюбленный, — улыбнулась Магдалина. — Все эти годы я хотела сказать тебе и не осмеливалась. Но теперь...

— Что сказать? Говори.

— Даже если ты на седьмом небе, а прохожий просит у тебя напиться, спустись на землю, чтобы напоить его. Если ты святой и женщина просит тебя о поцелуе, отступи от своей святости и подари его просящей. Иначе тебе не удастся спастись.

Иисус схватил её в объятия, она запрокинула голову, и уста их слились.

Горячая кровь прилила к их лицам. Колени их подкосились, и, опустившись под цветущий лимон, они возлегли.

Солнце стояло над их головами. Легкий ветерок осыпал цветочные лепестки на их обнажённые тела. Зелёная ящерка, застыв на камне, взирала на них своими круглыми неподвижными глазками. Из долины то и дело долетал удовлетворенный рев быка. Потом начал накрапывать дождик — он остудил разгоряченные тела и омыл их.

Нежно воркуя, Мария обнимала мужчину, прильнув к нему.

— Никогда ещё меня не целовал мужчина. Никогда я не ощущала его бороду на своих губах и щёках, его колени меж своих колен. Сегодня день моего рождения?.. Ты плачешь, любимый?

— Жена моя, я никогда не знал, что мир так прекрасен, что плоть столь священна. Она — дочь Господа, прелестная сестра души. Я не знал, что плотские радости не греховны.

— Зачем стремиться к небесам, страдать, искать неведомую влагу вечной жизни? Я эта влага. Склонись, напейся и обрети счастье... Ты всё ещё горюешь, любимый? О чём ты?

— Моё сердце, как засохшая роза Иерихона, оживающая, когда её снова полиют. Женщина — вот источник бессмертной влаги. Теперь я понял.

— Что понял, милый?

— Путь.

— Какой путь? Какой путь, дражайший Иисус?

— Путь, на котором смертные обретают бессмертие, путь, по которому Господь спускается на землю в человеческом облике. Я сбился с него, потому что искал пути вне плоти; я хотел идти путем заоблачных мечтаний, путем великой смерти. Прости меня, женщина, соратница Господа. Я преклоняюсь перед тобой, Богожена... Как назовем мы нашего сына?

— Отнеси его к Иордану и окрести как хочешь. Он твой.

— Давай назовем его Параклет — «Утешитель».

— Т-с-с! Кто-то спешит через сад. Наверное, это мой верный арапчонок. Я велела ему встать на страже, чтоб нам никто не помешал. Вот он.

— Госпожа, Савл... — белки глаз арапчонка ослепительно сверкали, пухлое тельце покрылось потом, он тяжело дышал, как загнанная лошадь.

— Тихо! — вскочила Магдалина и зажала ему рот. — Возлюбленный муж, ты устал, — повернулась она к Иисусу. — Усни. Я скоро вернусь.

Иисус закрыл глаза. Сладкий сон смежил его веки, и он не видел, как Магдалина прошла между деревьями и исчезла на пустынной дороге за холмом.

Но душа его бодрствовала и, покинув спящее на земле тело, устремилась за Магдалиной. Куда направилась она? Почему глаза её вдруг наполнились слезами? Ястребом летела душа Иисуса за этими глазами, не давая им ускользнуть из виду.

Испуганный арапчонок, спотыкаясь, спешил впереди. Они миновали рощу олив. Солнце ещё не село. Дорога пошла лугом. Развалившиеся на траве телки лениво пережевывали жвачку. За

спиной слышались крики людей, лай собак, и путники свернули к скалам. Арапчонок весь дрожал от страха.

— Я ухожу! — прокричал он и бросился наутек. Магдалина осталась одна. Она огляделась — камни да колючки. Голая смоковница нависла над ущельем. Два ворона, сидевшие в дозоре на самой высокой скале, увидев Магдалину, принялись каркать, созывая товарищей.

Послышался звук осыпающихся камней. Мужчины карабкались на утес. Вот уже появился чёрный с рыжими пятнами пес с высунутым из пасти языком. И вдруг между скал открылось заросшее можжевельником и туей ущелье, словно кладбище.

— Приветствую тебя, — раздался спокойный и громкий голос.

— Кто это? — остановилась Магдалина. — Кто приветствует меня?

— Я.

— Кто ты?

— Бог.

— Бог! Позволь мне покрыть голову и спрятать свою наготу... Зачем ты привел меня в эту дикущую чащу? Где я? Я ничего не вижу, кроме туи и можжевельников.

— Это место смерти и бессмертия... Великомученица, я привел тебя туда, куда хотел. Готовься к смерти, Магдалина, чтобы перейти в бессмертие.

— Я не хочу умирать. Я не хочу бессмертия. Позволь мне жить на этой земле, а потом обратиться в прах, когда состарюсь.

— Смерть — это караван, идущий в далекую страну. Не бойся, Магдалина. Взойди на чёрного верблюда, вступи в небесную пустыню.

— А что это за бесноватые, вынырнувшие из кустов?

— Не бойся, Магдалина, это — погонщики моих верблюдов. Прикрой глаза рукой. Разве ты не видишь чёрного верблюда с красным бархатным седлом, которого они ведут? Не противься им.

— Господи, я не боюсь смерти, но выслушай меня. Сегодня впервые в жизни душа моя и плоть соединились, впервые поцелуй был предназначен и той, и другой, и я должна умереть в этот миг?

— Прекрасный миг для смерти, Магдалина. Лучшего не найти. Не противься.

— О, что это за крики, угрозы и взрывы хохота я слышу? Господи, не покидай меня! Они хотят убить меня!

— Магдалина, ты насладились высшим счастьем своей жизни, — донесся уже издали всё тот же спокойный голос. — Выше тебе не подняться. Смерть добра... До встречи, первая мученица! — Голос затих.

Появились, сверкая ножами и мечами, левиты и кровожадные слуги Каиафы, и, завидев Магдалину, все бросились к ней.

— Мария Магдалина! Блудница!

Туча закрыла солнце, земля потемнела.

— Нет! Нет! — вскричала несчастная женщина. — Я была блудницей, но теперь нет! Я заново родилась сегодня!

— Мария Магдалина — блудница!

— Клянусь, я стала другой! Не убивайте меня! Смилуйтесь! Да кто ты такой — лысый, толстый, кривоногий! Ты, горбун, не прикасайся ко мне!

— Блудница Мария Магдалина, я — Савл! Господь Израиля послал меня за тобой из Дамаска, повелев убить его.

— Убить кого?

— Твоего любовника! — он повернулся к своей банде. — Хватай её! Она его любовница, она всё знает! Отвечай, где ты спрятала его, продажная девка!

— Не скажу!

— Я убью тебя!

— В Вифании.

— Врунья! Мы только что оттуда. Ты спрятала его где-то здесь. Правду!

— Отпусти мои волосы! Почему ты хочешь убить его? Что он тебе сделал?

— Смерть каждому, кто поднимет руку на святой Закон!

Но чем дальше говорил горбун, тем сластолюбивее становился его взор, тем ближе подвигался он к Магдалине, тем жарче становилось его дыхание.

— Савл, — простонала Магдалина, и ресницы её затрепетали, — взгляни на мою грудь, руки, шею. Неужели тебе не жаль их? Не губи их!

Савл подошёл ещё ближе. Голос его стал глухим и хриплым.

— Признайся, где он, и я не убью тебя. Мне нравятся твоя грудь, твои руки и шея. Пожалей сама свою красоту и признайся. Что ты на меня так смотришь? О чём ты думаешь?

— Я думала, Савл... просто подумала, какие чудеса ты мог бы свершить, если б Господь просветил тебя, и ты бы увидел истину. Моему возлюбленному нужны такие ученики, как ты, чтобы завоевать мир, — не рыбаки, торговцы и пастухи, но такой огонь, как ты, Савл!

— Завоевать мир? Он хочет завоевать мир? Как? Говори, Магдалина, это как раз то, что я хочу!

— При помощи любви.

— Любви?

— Слушай, Савл, что я тебе скажу. Отошли остальных, я не хочу, чтобы они слышали. Человек, за которым вы гонитесь, которого хотите убить, — сын Бога, Спаситель мира, Мессия! Клянусь своей душой.

— Савл, Савл, её объятия — западня. Берегись! — предостерегающий левит с редкой седой бородой.

— Уйдите! — приказал Савл и снова повернулся к Магдалине: — При помощи любви?.. Я тоже хочу завоевать мир. Когда я вижу, как корабли выходят в открытое море, покидая гавань, сердце моё начинает гореть. Мне хочется дойти до края земли, но не как нищий раб, нет, как царь с мечом в руках! Но как это сделать? Не знаю. Я чувствую себя таким несчастным, что иногда мне хочется убить себя. И потому я убиваю других, — он помолчал и прошептал ей на ухо: — Где твой учитель, Магдалина? Скажи, чтоб я мог найти его и поговорить с ним. Я хочу, чтобы он рассказал мне, что такое любовь и какая любовь покорит мир. Почему ты плачешь?

— Потому что я не хочу говорить тебе, где он. Но я хочу, чтобы вы встретились. Он — сама кротость, ты — горящий пламень. Вместе вы завоюете мир. Но я не верю тебе, Савл, нет, не верю — потому-то я и плачу.

Она ещё не кончила говорить, а просвистевший камень уже попал ей в лицо.

— Братья, во имя Бога Авраама, Исаака и Иакова, бейте её! — воскликнул чахоточный левит, он-то и швырнул первый камень.

Гром раздался с небес. Заходящее солнце окунулось в кровь.

— Вот её тысячу раз целованному рту! — вскричали слуги Каиафы, камень выбил ей зубы.

— Вот её чреву!

— Вот её сердцу!

— Вот её глазам!

Магдалина сжала голову руками, пытаясь защититься. Кровь хлестала у неё изо рта и распоротого живота. Началась агония.

Душа-птица взмахнула крыльями — она всё видела. Пронзительно вскрикнув, она вернулась к телу, оставленному под деревом, и вошла в него. Большая дождевая капля упала Иисусу на губы. Он проснулся и сел. Что это ему приснилось? Он не мог вспомнить. Лишь скалы и женщина в крови — вот всё, что осталось в памяти... Может, это была Магдалина? её лицо грезилось текучим, как вода, рябь набегала на него то и дело, и Иисус не мог ничего разглядеть. Потом камни и кровь вдруг обратились в пряжу, а женщина в пряжу, распеваящую за работой. Голос её звучал трогательно и нежно.

Белые цветы поблескивали в тёмной листве над его головой. Он прижал ладони к влажной земле, ощущая её прохладу и весеннюю теплоту. Быстро оглянувшись — вокруг никого не было, он припал губами к земле и принялся целовать её.

— Матушка, держи меня, — прошептал он, — а я буду держаться за тебя. Разве ты не можешь быть моим Богом? Трава зашуршала, слышались легкие шаги, засвистел невидимый чёрный дрозд. Иисус поднял глаза и увидел перед собой довольного и веселого

своего зелёнокрылого ангела. Курчавый пушок на его теле искрился в лучах заходящего солнца.

— Привет, — промолвил Иисус. — Твое лицо сияет. Какие новые добрые вести принёс ты мне? Я верю тебе: крылья твои зелены, как весенняя трава.

Ангел засмеялся и сложил крылья. Пристроившись рядом с Иисусом, он растер между пальцами цветов лимона и вожделенно вдохнул его аромат, потом взглянул на запад — там небо уже стало тёмно-вишневым. Легкий ветер скользил над землей, и листва радостно шуршала.

— Какие счастливые люди! — промолвил ангел. — Вы созданы из праха и воды, как и всё живое на Земле. Потому вы и подходите друг другу: мужчины, женщины, мясо, овощи, фрукты... Разве ты не из того же праха и воды? Всё стремится соединиться. Вот только что по пути сюда я слышал, как тебя звала женщина.

— Зачем звала? Что она хочет?

— её прах и влага призывают твой прах и влагу, — улыбнулся ангел.
— Она сидит над своей пряжей и поет. Её песня, полная тоски по тебе, перелетает горы и разливается по долинам. Послушай. Сейчас она доберется и до нас. Тихо! Вот она. Слышишь? Мне показалось, она поет, но она не поет, она плачет. Слушай внимательно. Что ты слышишь?

— Я слышу, как птицы возвращаются в свои гнезда. Близится ночь.

— И больше ничего? Напряги все свои силы. Пусть душа твоя покинет тело, чтоб оно не мешало ей слушать.

— Слышу! Я слышу! Женский голос — далеко, далеко... Это погребальный плач, но я не могу разобрать слов.

— А я их прекрасно слышу. Послушай сам. Что она оплакивает?

Иисус встал и напрягся — душа его взлетела, достигла деревни и, перелетев через порог, замерла во дворе.

— Я слышу... — прижал палец к губам Иисус.

— Что же?

Гроб из злата-серебра, позлащенная гробница,

Пожалей его глаза, словно чёрные зарницы,

Пожалей его уста, голос нежный, как у птицы...

— Узнаешь ли ты певунью, Иисус из Назарета?

— Да.

— Это Мария, сестра Лазаря. Она всё ещё прядет себе на приданое. Она думает, ты умер, и оплакивает тебя. Её белоснежная шея обнажена, её бирюзовое ожерелье ниспадает ей на грудь. Тело её взмокло от пота и благоухает, как благоухает хлеб, вынутый из печи, как спелая айва, как земля после дождя. Вставай. Пойдём и утешим её.

— А Магдалина? — испуганно вскричал Иисус.

Ангел взял его за руку и снова усадил на землю.

— Магдалина, — безмятежно промолвил он. — Я и забыл сказать тебе. Она мертва.

— Мертва?

— Её убили. Ну, что ты сжал кулаки, Иисус из Назарета, куда ты направился? Кому ты собираешься мстить? Господу? Это Он убил её. Сядь! Всевышний метнул молнию и пронзил её в момент наибольшего счастья, и теперь она обрела бессмертие на небесах. Есть ли для женщины большая радость? Она не увидит, как увядает её любовь, каким трусливым становится её сердце, как гниет её

плоть. Я был там, когда он убивал её, и всё видел. Она воздела руки к небесам и вскричала: «Спасибо Тебе, Господи! Этого я и хотела!»

— Лишь псы могут испытывать такую страсть к подчинению, псы и ангелы, — вспыхнул Иисус. — Я не пес и не ангел. Я — человек, и я кричу: «Несправедливость! Несправедливость! Господи, несправедливо было убивать её. Самый жестосердный дровосек не станет рубить дерево в цвету, а Магдалина только расцвела!»

Ангел обнял его и принялся гладить по голове и плечам, успокаивая. Наконец совсем стемнело. Ветер разогнал тучи, а на небе зажглась Вечерняя звезда.

— Терпи, смирись, не отчаивайся, — повторял ангел. — Лишь одна женщина существует для мужчины, одна женщина с бесчисленным количеством лиц. Один лик спадает, другой возникает. Мария Магдалина умерла — другая Мария живёт и ждёт нас, ждёт тебя. Она — Магдалина, лишь с другим лицом. Ну! Она снова вздохнула. Пойдём утешим её. Чрево свое она хранит — хранит для тебя, Иисус из Назарета, для величайшей из всех радостей мира — сына, твоего сына. Идем же! — И обняв Иисуса, ангел медленно приподнял его с земли. Они встали под деревьями, и Вечерняя звезда, смеясь, глядела на них.

Постепенно сердце Иисуса успокаивалось. В темноте лица Магдалины и сестры Лазаря начали сливаться, становясь одним. Спустилась благоуханная ночь и окутала Иисуса и ангела.

— Летим, — сказал ангел, обнимая Иисуса за пояс. От него пахло мускатом и сырой землей. Иисус закрыл глаза, склонил голову ему на плечо и глубоко вздохнул — ему нравился этот запах покоя и забвения.

Улыбнувшись, ангел расправил крылья и крепче прижал к себе Иисуса. И снова во влажном ночном воздухе послышался женский голос, безмятежный, как весенний дождь: «Гроб из золота-серебра, позлащенная гробница...»

— Летим, — улыбнулся Иисус.

ГЛАВА 31.

Всю ночь Иисус скользил над землей в объятиях ангела.

Огромная луна вползла на небо — сегодня она была странно веселой. Вместо Каина, убивающего Авеля, на ней отчетливо виднелись широкие смеющиеся уста, два добрых глаза и сияющие полные щёки — круглое лицо блуждающей в ночи влюбленной женщины. Мимо проносились деревья, ночные птицы кричали человеческими голосами. Расступались горы, пропуская ночных скитальцев, и вновь сходились за их спинами.

Какое это было счастье лететь над землей, как летаем мы только во снах! Вся жизнь обратилась в сон. Может, это и есть Царствие Небесное?.. Он хотел спросить об этом ангела, но испугался, что проснется, и промолчал.

Каким легким вдруг стал мир. Как будто приходишь к друзьям с тяжестью на сердце, но вот уж подано прохладное вино, ты пьешь его, и дух становится невесомым — он взлетает, розовым облаком качается над твоей головой, и мир, становясь таким же легким и невесомым, отражается в нем, словно в зеркале.

Снова Иисус повернулся к ангелу, чтобы спросить о чём-то, но тот прижал палец к губам.

Внизу закричали петухи, приветствуя зарю, — приближалась деревня. Луна закатилась за горы, начинался тихий рассвет. Земная жизнь снова стала реальностью, время возобновило свой ход. Горы, рощи, деревня — всё вернулось на свои места, где повелел им быть Господь. Вот и любимая дорога, ведущая к милосердной Вифании, заросшей оливами, смоквами и виноградником. А вот и памятный желанный дом с горящим очагом, святой пряжей и двумя сестрами — двумя бессонными светочами...

— Вот мы и добрались, — промолвил ангел.

Из трубы вился синий дымок. Сестры уже встали и разожгли очаг.

— Иисус из Назарета, — промолвил ангел, складывая крылья, — сестры разожгли огонь, надоили молока и разогревают его для тебя. Не о смысле ли Царствия Небесного ты хотел спросить меня по дороге? Тысячи малых радостей составляют его, Иисус из Назарета. Постучать в дверь и увидеть женщину, открывшую тебе, сесть перед огнём и наблюдать, как она готовит тебе пищу; а когда стемнеет, почувствовать её объятия. Это и есть спасение — от объятия к объятию, от отца к сыну. Вот путь.

— Я понял, — промолвил Иисус и, замерев перед дверью, протянул руку к молотку.

— Не спеши, — удержал его ангел. — Послушай, лучше нам больше не расставаться. Мне страшно оставлять тебя одного беззащитным — я пойду с тобой. Я превращусь в арапчонка — того, которого ты видел в саду, и стану твоим слугой. Я не хочу, чтобы ты опять заплутал, пойдя не той дорогой.

Не успел он договорить, как перед Иисусом оказался арапчонок. Ростом мальчик был ему по пояс, широкая улыбка обнажала белоснежные зубы, в ушах качались два золотых кольца, в руках он держал корзину, наполненную всякой всячиной.

— Вот, хозяин, — улыбнулся он. — Подарки обеим сестрам: тонкая одежда, серьги, браслеты, веера из драгоценных перьев. Теперь стучись.

Иисус постучал. Из-за двери слышался звук шагов, и женщина спросила:

— Кто там?

Иисус залился краской. Он узнал голос — это была Мария. Дверь распахнулась, и обе сестры упали ему в ноги.

Рабби, мы преклоняемся перед твоими страстями, мы приветствуем твое святое воскресение. Добро пожаловать!

— Позволь мне прикоснуться к тебе, рабби, чтобы я убедилась, что ты жив, — промолвила Мария.

— У него настоящее тело, Мария, настоящее, — вскричала Марфа, — такое же, как у нас! Видишь? И тень от него падает на наш порог!

Иисус слушал их и улыбался.

— Марфа и Мария, как я рад видеть вас. Как я счастлив снова оказаться в уютном, тихом, добром человеческом жилище. Мы живы и страждем, готовы радоваться и грустить. Слава Тебе, Господи! — Так, беседуя с сестрами, он вошёл в дом. — Какое счастье снова всё это видеть — очаг и пряжу, квашню и кувшин с водой, стол со знакомой лампой. Я преклоняюсь перед вашей милостью, верные мои жены. Когда женщина подходит к воротам рая, она спрашивает: «Господи, позволишь ли войти и моим спутникам?» — «Каким спутникам?» — спрашивает Господь. «Вот они, — отвечает она, — корыто и колыбель, лампа и кувшин, прялка и пряжа. Если непустишь их, то и я не войду». И Господь добродушно смеется: «Ты — женщина, разве могу я отказать тебе? Входите все. В раю уже столько колыбелей и прялок, что скоро мне некуда будет поместить святых».

Женщины рассмеялись. Мария обернулась и увидела арапчонка с переполненной корзиной.

— Рабби, что это за мальчик? Как мне нравятся его зубки.

Иисус опустился перед очагом. Сестры принесли ему молока, мед и целую ковригу белого хлеба. Глаза Иисуса наполнились слезами.

— Семь небес были малы для меня, мне не хватало семи добродетелей и семи великих идей. А теперь, что за чудо, сестры мои! Мне довольно вашей малой хижины, куска хлеба и простых слов.

Он обошёл дом как хозяин, принёс со двора охапку сухой лозы, подбросил её в огонь. Пламя вспыхнуло ярче. Он набрал воды из колодца и напился. Раскинув руки, он обнял за плечи Марию и Марфу.

— Возлюбленные Марфа и Мария, я сменю свое имя. Вашего брата, которого я воскресил, убили. Я займу его место здесь, в углу. Я буду пасти его скот, я буду пахать, сеять и убирать урожай на его полях. А когда по вечерам я буду возвращаться домой, мои сестры будут омыwać мои усталые ноги и готовить мне пищу. А потом я буду садиться перед огнём на его скамейку. И звать меня будут Лазарь.

Арапчонок не сводил с него глаз. И чем дольше он смотрел, тем больше менялись лицо Иисуса и всё его тело — голова, грудь, руки и ноги. Он всё сильнее начинал походить на Лазаря, живого и здорового Лазаря, с крепкой шеей, загорелой грудью, огрубевшими мозолистыми руками. Сестры трепеща следили в полумраке за этим преображением.

— Я изменил свое тело. Я изменил свою душу. Привет вам! Я объявлю войну нищете и посту. Душа — веселый зверь. Уста, скрывающиеся за этими усами и бородой, — уста души. Я

объявляю войну целомудрию. Немые неподвижные младенцы живут в чреве каждой женщины. Раскройте ворота и выпустите их в свет! Незачинающий убивает... Что ты плачешь, Марфа?

— Как ещё я могу ответить тебе? У нас, женщин, нет другого ответа.

— У нас, женщин, объятия всегда раскрыты, — раскинув руки, промолвила Мария. — Входи, мой господин. Садись. Распоряжайся. Ты — хозяин дома.

Я закончил борьбу с Господом, — сияя, продолжил Иисус. — Мы помирились. Больше я не буду делать кресты. Я буду делать корыта, колыбели, кровати. Я принесу мои инструменты из Назарета и приведу свою несчастную мать, чтобы внуки наконец одарили её своей нежностью.

Мария сжала его руку, Марфа облокотилась на его колени. Свернувшись перед огнём, арапчонок делал вид, что спит, но между длинных ресниц то и дело поблескивали его чёрные глаза — он наблюдал за Иисусом, и хитрая довольная улыбка растекалась по его лицу.

— Я ткала, рабби, твои страсти на белом-белом одеяле — крест, а вокруг тысячи тысяч ласточек. Я пускала челнок то с чёрной, то с красной нитью и пела погребальную песнь — ты услышал меня, сжалился и пришёл, — сказала Мария.

— Я умею лишь месить тесто, стирать белье и говорить «да», — вступила Марфа. — Это мои единственные достоинства. Я знаю, ты выберешь мою сестру себе в жены, но позволь мне дышать с вами одним воздухом, позволь мне стелить и взбивать вам постель и хлопотать по хозяйству, — она вздохнула и продолжила: — Девушки в нашей деревне поют песню, очень грустную песню. Они поют её весной, в дни, когда птицы высиживают своих птенцов. Позволь мне спеть её, и ты поймешь, ибо в ней вся моя печаль:

Эй, вы, юнцы желторотые,
Я устала, устала себя продавать,
Всё отдам, отдам по дешевке,
Но нет купца на моё добро.
За гнездышко ласточки — губы свои,
За яйцо орла — нежную грудь,
За боль сердечную — всю себя.
Пусть же купит меня кто-нибудь.

Глаза Марфы набухли от слез, а Мария обняла Иисуса за пояс, словно боясь, что его отнимут у неё. Сердце у Марфы заняло так, будто его пронзили острым ножом, но, собравшись с силами, она продолжила:

— И ещё, рабби, я хочу сказать тебе одну вещь, а потом я уйду и оставлю вас одних с Марией. Однажды неподалеку отсюда, в Вифлееме Иудейском, жил молодой князь по имени Вооз. Дело было летом, и слуги его, сжав, обмолотив и отвеяв зерно, сложили его на току, справа — пшеница, слева — жмых. Он же улегся между двумя скирдами и заснул. В середине ночи на ток тихо вошла бедная женщина по имени Руфь и опустилась возле его ног. Она была бездетной вдовой, и много горестей выпало на её долю. Мужчина почувствовал в ногах тепло её тела, протянул руку и уложил её рядом с собой... Понимаешь ли ты меня, рабби?

— Да. Продолжай.

— Я уйду, — поднялась Марфа.

Иисус и Мария остались одни. Взяв циновку и одеяло, на котором были вышиты крест и ласточки, они поднялись на крышу. Они легли и укрылись тканью, чтобы Господь не видел их, и принялись ласкать друг друга. Вдруг одеяло соскользнуло, Иисус открыл глаза и увидел арапчонка, который сидел на краю крыши. В руках у него была пастушья свирель, и он играл, устремив взор на Иерусалим.

На следующий день вся деревня ходила полюбоваться на нового Лазаря. Арапчонок сновал взад и вперёд, носил воду, доил овец, помогал Марфе растапливать очаг, а потом садился на порог и играл на своей свирели. С дарами пшеницы, молока, фиников и меда крестьяне приходили приветствовать странного гостя, столь походившего на Лазаря. Арапчонок всем понравился, его тискали и смеялись с ним, и тот смеялся вместе с вифанцами.

Пришёл и слепой старейшина. Протянув руку, он ощупал лицо Иисуса, его ноги, руки, потом покачал головой и рассмеялся.

— Да вы что, совсем ослепли? — закричал он собравшимся во дворе жителям. — Это не Лазарь. Дыхание его пахнет иначе, он иначе сложен, и кости у него крепче. Их и мечом не рассечь.

— Я не Лазарь, — признался Иисус. — С ним всё кончено. Меня просто тоже зовут Лазарь, мастер Лазарь, я — плотник. К этому дому меня привел ангел с зелёными крыльями, и я вошёл сюда, — он взглянул на арапчонка, который весь трясся от смеха.

Время бежало, словно бесконечная вода, орошая мир. Зерно созрело, заблестал виноградник, оливки налились маслом, гранатовые деревья подарили плоды. Прошла осень, настала зима — у нового Лазаря родился сын. Отдыхая после родов, Мария с бесконечным восторгом взирала на новорожденного.

— Боже, как это чудо могло выйти из моего чрева? Я напилась бессмертной влаги, — повторяла она, — я напилась бессмертной влаги — я никогда не умру!

Шёл дождь, стояла тёмная ночь. Земля распахнулась навстречу небесам, обращая в жижу их избыточное семя. Мастер Лазарь, растянувшись в своей мастерской на стружках среди неоконченных колыбелей и корыт, прислушиваясь к раскатам грома, думал о своем новорожденном сыне и о Боге. Душа его была покойна. Впервые Господь явился ему в образе дитя. Он слышал, как Тот плачет и смеется в соседней комнате, резвясь на коленях матери. «Неужто Господь так близок, — размышлял Лазарь, поглаживая свою чёрную бороду. — Неужто Его розовые пятки так нежны, и Он боится щекотки? И Его так легко развеселить, этого Всемогущего Бога, человеческой лаской?»

Арапчонок вошёл в мастерскую. Сейчас, ночью, пока его не видели женщины, он снова превратился в ангела и прилег, распластав крылья, на стружках.

— Иисус, ты не спишь? — прошептал он в темноте.

Иисус сделал вид, что не слышит, — ему так нравилось отдыхать в тишине, слушая лепет новорожденного. Улыбка расплывалась по его лицу. Как он привязался к этому арапчонку. Сколько тот для него делал бегал по делам, помогал столярничать, а по вечерам, когда дневные труды были закончены, присаживался на порог и играл для него на своей свирели. И слушая его, Иисус забывал об усталости. А когда всходила первая звезда, они все садились за стол, а арапчонок то и дело шутил и подсмеивался над бедной Марфой и её девственностью.

— В моей родной Эфиопии, — игриво глядя на Марфу, говорил он, — люди не скрывают своих желаний и не терзают свои сердца, как вы, иудеи. Мы честно и открыто говорим о своих страстях и

облекаем их в плоть и кровь. Если я хочу съесть банан, кому какое дело, мой он или чужой, я его всё равно съем. Если я хочу искупаться, я иду и купаюсь. Если я хочу поцеловать женщину, я целую её. И наш Бог не наказывает нас за это. Он такой же чёрный, как и мы, в ушах у него золотые серьги, и он тоже поступает как ему вздумается. Он наш большой брат, а мать у нас общая. Ночь.

— А ваш Бог смертен? — спросила его как-то Марфа.

— Пока жив хоть один чернокожий, он будет жить, — ответил арапчонок и ущипнул Марфу за пышное бедро.

Каждый вечер, после того как гасили лампаду, ангел-хранитель распускал в темноте свои крылья и укладывался рядом со своим спутником. Они шептались тайком от женщин, и ангел давал советы Иисусу на следующий день. Потом снова обращался в арапчонка и отползал на свое место. Но сегодня ему не спалось.

— Ты спишь, Иисус? — повторил он громче.

Иисус снова не ответил. Тогда ангел вскочил, подошёл к нему и потормошил за плечо.

— Эй, мастер Лазарь, я ведь знаю, что ты не спишь! Что же ты не отвечаешь?

— Я не хочу разговаривать. Я счастлив, — ответил Иисус, закрывая глаза.

— Ты доволен мной? — горделиво спросил ангел. — Может, ты хочешь чего-нибудь ещё?

— Нет, друг мой, нет, — сердце человека налилось теплом. — Какой дурной путь я выбрал для поисков Бога, по какому склону я катился, ударяясь о камни и преграды. Крик мой просто отзывался эхом в горах, и я считал, что это ответ Господа!

— В одиночку нельзя найти Господа, — рассмеялся ангел. — Для этого нужны двое — мужчина и женщина. Ты не знал этого, и я тебе объяснил; и теперь, соединившись с Марией, после стольких лет бесплодных поисков ты, наконец, обрел Его. И теперь ты лежишь во мраке, прислушиваясь к Его плачу и смеху, и ликуешь.

— Это и есть смысл Господа, это и есть суть человека, — сказал Иисус. — Вот путь, — и он снова закрыл глаза.

Вся его жизнь пролетела над ним, и он вздохнул.

— Я бы погиб, если бы не ты, мой ангел-хранитель, — нежно промолвил он, беря того за руку. — Будь всегда рядом со мной.

— Не бойся, так и будет. Я не брошу тебя. Ты мне нравишься.

— Сколько будет длиться это счастье?

— До тех пор, пока я буду с тобой, а ты со мной, Иисус из Назарета.

— Навсегда?

— Что такое «навсегда»? — рассмеялся ангел. — Неужели тебе до сих пор не надоели громкие слова, Иисус из Назарета, громкие слова, неосуществимые идеи, царствия небесные? Неужто даже твоему сыну не удалось излечить тебя от них? — Он стукнул кулаком по полу. — Здесь Царствие Небесное — на Земле. Здесь Бог — твой сын. Здесь вечность — каждое мгновение, Иисус из Назарета, каждое проживаемое тобой мгновение. Их тебе недостаточно? Если нет, так знай же, вечности не будет, — он умолк.

Во дворе слышались легкие шаги, — кто-то приближался, ступая босиком.

— Кто там? — приподнялся Иисус.

— Женщина, — улыбнулся ангел и, подойдя к двери, отпер её.

— Какая женщина?

— Я уже говорил тебе — ты что, забыл? — погрозил ангел ему пальцем. — В мире есть лишь одна женщина, одна, но с бесчисленными ликами. Один из этих ликов и идёт к тебе. Вставай приветствовать её. Я ухожу, — и скользнув, словно змейка, в стружки, он исчез.

Шаги замерли перед дверью. Иисус повернулся к стене, закрыл глаза и сделал вид, что спит. Дверь открылась, и в комнату, сдерживая дыхание, скользнула женщина. Она медленно приблизилась к углу, где лежал Иисус, и бесшумно, не говоря ни слова, свернулась в его ногах.

Иисус почувствовал, как волна жара поднимается от его ног к коленям, бедрам, сердцу, и, протянув руку, нащупал в темноте распущенные кудри, лицо, шею и женскую грудь. Вся — надежда и покорность, она молча ждала — тело её дрожало, покрывшись потом.

— Кто ты? — тихо промолвил Иисус.

Женщина молчала. Иисус пожалел, что спросил, снова позабыв о словах ангела. Какая разница, как её зовут, откуда она пришла, красива она или безобразна? Она была женским ликом земли. Её чрево терзало её: оно наполнилось сыновьями и дочерьми, задыхающимися и не могущими выйти на волю. Она пришла к мужчине, чтоб он проложил им путь. Сердце Иисуса захлестнуло сострадание.

— Я — Руфь, — ответила женщина.

— Руфь? Какая Руфь?

— Марфа.

ГЛАВА 32.

Проходили дни, месяцы, годы. Сыновья и дочери множились в доме мастера Лазаря, Марфа и Мария соревновались, кто родит больше. А он работал, то борясь в мастерской с сосной, дубом и кипарисом, вытачивая из них орудия для человека, то в поле, сражаясь с ветрами, грызунами, саранчой и сорняками. Вечерами он усталый возвращался домой, садился во дворе, и женщины мыли ему ноги, разжигали огонь, накрывали на стол, а по ночам раскрывали ему свои объятия. И так же, как он обрабатывал дерево, высвобождая заключенные в нем колыбели, так же, как он возделывал землю, расчищая путь винограду и зерну, которые хоронились в ней, он трудился над женским телом, открывая дорогу Господу.

«Какое это счастье, — думал Иисус, — какое глубокое согласие между телом и душой, землей и человеком!..» А Мария и Марфа протягивали руки, чтобы коснуться мужчины, которого любили; детей, которые вышли из их чрева и походили на него; дотрагивались до них, чтобы убедиться, что вся эта радость и счастье не были сном. Слишком много обрушилось на них счастья, так что порой им становилось боязно.

Как-то под утро Марии привиделся страшный сон. Она вскочила и выбежала во двор — Иисус только что вымылся и сидел на земле, прижав к ней ладони. Неслышно приблизившись, она присела рядом.

— Что такое сны, Лазарь? — тихо спросила она. — Из чего они сотканы? Кто их нам посылает?

— Ни ангелы, ни дьяволы, — ответил ей Иисус. — Когда сатана восстал против Господа, сны не могли решить, на чью сторону встать. Они остались между ангелами и дьяволами. А почему ты спрашиваешь? Что тебе приснилось, Мария?

Но Мария лишь разрыдалась и не ответила. Иисус погладил её по руке.

— Пока ты держишь его в себе, Мария, он будет мучить тебя. Расскажи и избавься от муки.

Мария и хотела начать, но ей было так страшно, что она едва дышала. Лаская, Иисус пытался ободрить её.

— Всю ночь луна светила так ярко, что я не могла уснуть. Но на рассвете я, верно, задремала, и привиделась мне птица... Нет, не птица, у неё было шесть огненных крыл — верно, это один из серафимов, окружающих престол Господа. Он приблизился, крылья его затрепетали, и вдруг, бросившись на меня, он обнял ими мою голову и зашептал мне в самое ухо... Муж мой, я падаю ниц перед тобой, я целую твои ноги. Прикажи мне замолчать!

— Мужайся, Мария. Я ведь с тобой. Чего ты боишься?.. Так он заговорил с тобой. Что же он сказал?

— Что всё это... — У неё снова перехватило дыхание, и, обхватив колени Иисуса, она сжала их изо всех сил.

— Что всё это... что, возлюбленная Мария?

— Сон, — и она разрыдалась.

— Сон? — вздрогнул Иисус.

— Да! Всё это сон.

— Что ты имеешь в виду? Что это «всё»?

— Ты, я, Марфа, наши объятия по ночам, дети... Всё-всё — ложь! Ложь, изобретенная искусителем, чтобы обмануть нас! Он взял сон, смерть, воздух и слепил из них... Лазарь, помоги мне! — упав на землю, она начала конвульсивно вздрагивать и вдруг затихла. Из дома выбежала Марфа с розовым маслом и бросилась растирать ей виски. Мария очнулась, открыла глаза и, увидев Иисуса, прижалась к его ногам.

— Она шевелит губами, — заметила Марфа. — Нагнись. Она хочет что-то сказать тебе.

Иисус склонился и приподнял её голову.

— Что ты говоришь, моя Мария? Я не слышу.

— ...и что ты, рабби... — сказала Мария, собрав все свои силы.

— Что я? Говори!

— ...был распят! — закончила Мария и снова лишилась чувств.

Они перенесли её в дом, уложили на постель, и Марфа осталась с ней. Иисус распахнул дверь и направился в поле — его мучило удушье. Услышав за спиной топот ног, он обернулся и увидел арапчонка.

— В чем дело? — гневно вскричал Иисус. — Я хочу побыть один.

— Я боюсь оставлять тебя одного, Иисус из Назарета, — блеснул глазами арапчонок. — Наступил трудный час. Сомнения могут охватить тебя.

— Этого я и хочу. Временами мой смущенный разум туманит мне взор.

— Разве ты женщина? — рассмеялся арапчонок. — Ты веришь в сны? Пусть женщины плачут. На то они и женщины — они не в

силах перенести большое счастье, потому и плачут. Но мы-то можем?

— Да. Замолчи!

Они быстро шли вперёд, поднимаясь на зелёный холм. В траве мелькали анемоны и жёлтые маргаритки. Земля пахла тимьяном. Между слив Иисус видел свой дом. Над крышей струился мирный дымок, и тревога начала отступать. «Наверное, женщины успокоились, — подумал он. — Сели перед очагом, разожгли огонь...»

— Пойдём назад, — кивнул он арапчонку. — Они — слабые существа, надо их пожалеть.

Шли дни. Как-то вечером к ним забрел странный полупьяный путник. Дело было в субботу, и Иисус не работал. Он сидел на пороге, играя со своими младшими сыном и дочерью. С утра прошёл дождь, но к полудню погода прояснилась, и теперь легкие розовые облака бежали к западу. Небо в просветах между ними было голубым, как бирюза. На крыше ворковали голуби. Мария с набухшей от молока грудью сидела рядом.

Путник остановился, злорадно взглянув на Иисуса, и расхохотался.

— А-а, мастер Лазарь, здорово тебе повезло! Годы бегут и проносятся мимо твоей двери, а ты восседаешь, как патриарх Иаков со своими двумя женами Лией и Рахилью. У тебя ведь тоже две жены — Мария и Марфа. Одна, как я слышал, заботится о доме, а другая — о тебе; а уж ты заботишься обо всем: о дереве, земле, женах... и Господе? Но ты бы высунул нос за дверь дома, заслонил бы глаза от солнца, присмотрелся бы, что творится в мире... Ты когда-нибудь слышал о Пилате, Понтии Пилате? Да сгорят его кости в смоле!

Иисус узнал путника и улыбнулся.

— Симон-киринеянин, человек Божий, проходи! Возьми скамейку, садись. Марфа, чашу вина моему старому другу!

Путник опустился на скамью и обеими руками взял чашу.

— Я известен всему миру, — гордо заявил он. — Кто только не приходил на поклонение в мою харчевню. И тебе бы следовало прийти, мастер Лазарь. Но не сбивай меня. Я спросил тебя, слышал ли ты о Пилате, Понтии Пилате. Ты его когда-нибудь видел?

Из дома появился арапчонок и замер, прислонившись к дверному косяку.

— Как будто туман в голове, — промолвил Иисус, сясь вспомнить. — Да, холодные глаза, пепельно-серые, как у ястреба, насмешливая улыбка, золотой перстень... Больше ничего не помню. Ах да, серебряный таз — его принесли ему, чтобы он вымыл руки. Всё. Будто сон — солнце поднялось, и он растаял... Но ты напомнил мне о нем, киринеянин, и я вспомнил, как он мучил меня во сне.

— Будь он проклят! Я как-то слышал, что сны для Господа значат больше, чем реальная жизнь. Так вот. Господь наказал Пилата. Его распяли.

— Распяли?! — вскричал Иисус.

— Что ты так разволновался? Так ему и надо! Его нашли вчера на рассвете распятым. Он, видно, помешался. Лишился сна. Вскакивал по ночам с кровати, хватал свой таз и принимался мыть руки, приговаривая: «Я умываю руки, я невиновен!» Но кровь крепко пристала к его рукам, ему приносили всё новую и новую воду, и он тер их ночи напролет. Потом он выходил из дворца и шёл к Голгофе. Но и там не мог обрести покоя. Каждую ночь приказывал двум своим верным неграм бить его кнутом. Он собрал тернии, сделал из них венец и, рая голову, насаживал его на себя.

— Помню... помню... — пробормотал Иисус. Время от времени он украдкой поглядывал на арапчонка, который внимательно слушал, прислонившись к дверям.

— В конце концов Пилат начал пить, переходя от харчевни к харчевне. Он и ко мне приходил — пил, пока не валился с ног. Жена его бросила. Потом пришёл приказ из Рима сместить его... Ты слушаешь, мастер Лазарь? Что ты вздыхаешь?

Иисус сидел, уставившись в землю, и не отвечал. Арапчонок подлил Симону вина.

— Замолчи! — прошипел он ему на ухо. — Уходи отсюда!

— Почему это я должен молчать? — разозлился Симон. — Короче говоря, вчера на рассвете твой дружок Пилат был найден на самой вершине Голгофы распятым!

Резкая боль пронзила сердце Иисуса, словно его прокололи пикой, четыре синеватых шрама на руках и ногах набухли, налились кровью.

Мария, заметив, как он побледнел, подошла и принялась гладить его колени.

— Дорогой мой, ты устал. Пойди в дом и ляг.

Солнце уже спустилось, воздух посвежел. Киринаеянин, уже абсолютно пьяный, устал от болтовни и заснул. Арапчонок, схватив его за руку, поднял на ноги одним рывком и потащил вон из деревни.

— Ты бредишь! — гневно прокричал он, указывая ему на дорогу к Иерусалиму. — Убирайся отсюда!

Поспешно вернувшись домой, он нашёл Иисуса лежащим в своей мастерской, глаза плотника были устремлены на клочок неба в

дымовом отверстии. Марфа готовила обед. Мария кормила младшего ребенка и молча наблюдала за Иисусом.

— Он ушёл, — злобно блестя глазами, сообщил арапчонок. — Он совершенно пьян — не знает, что говорит.

Иисус повернул голову и страдальчески взглянул на арапчонка, не осмеливаясь заговорить. Его взгляд словно просил о помощи, но мальчик, прижав палец к губам, лишь улыбался.

— Спи, — промолвил он, — спи.

Иисус закрыл глаза.

Губы его разомкнулись, морщины на лбу разгладились, и он заснул. На следующий день, пробудившись на рассвете, Иисус ощутил радость и облегчение, словно ему удалось избежать большой опасности. Арапчонок уже встал и, посмеиваясь про себя, приводил в порядок мастерскую.

— Над чем ты смеешься? — подмигнул ему Иисус.

— Я смеюсь над человечеством, Иисус из Назарета, — тихо ответил тот, чтобы не слышали женщины. — Какие ужасы приходится вам, беднякам, переживать то и дело! Отвесные скалы справа, отвесные скалы сзади, отвесные скалы слева. Путь лишь вперёд, да и там лишь один канат, натянутый через бездну!

— Постой, постой, — засмеялся Иисус. — Я споткнулся на твоём канате и чуть не упал. Но спасся!

Вошли женщины, и разговор перешёл на другую тему. Был разожжен очаг — начинался день. Гурьба смеющихся ребятишек высыпала во двор и принялась играть в жмурки.

— Мария, откуда у нас столько детей? — рассмеялся Иисус. — Марфа, полный двор! Нам нужно расширить дом или прекращать рожать.

— Мы расширим дом, — откликнулась Марфа.

— Они лазают по стенам и деревьям во дворе, как белки. Мы объявляем войну смерти, Мария. Да будет благословенно женское чрево! Оно словно рыба, полно икринок, и каждая икринка — человек! Смерти не победить нас.

— Нет, возлюбленный, смерти не победить нас. Лишь ты будь здоровым и береги себя, — ответила Мария.

Иисус был в хорошем настроении и решил подразнить её. К тому же Мария ему очень нравилась сегодня — она стояла перед ним, ещё полусонная, и расчесывала волосы.

— Мария, неужели ты никогда не думаешь о смерти, о Божьей милости? Неужели тебя не волнует, что с тобой станет на том свете?

Мария встряхнула своими длинными волосами и засмеялась.

— Это мужские заботы. Нет, я не ищу милости Господа. Я — женщина и стремлюсь лишь к милости своего мужа. Я не стучусь, как нищая, во врата Господа, выпрашивая вечные блаженства рая. Я обнимаю любимого, и мне не нужно другого рая. Оставим вечное блаженство для мужчин!

— Вечное блаженство для мужчин? — переспросил Иисус, лаская её обнажённые плечи. — Милая жена, земля — лишь малоеместилище. Как же можно ограничиваться ею и не желать большего?

— Женщина счастлива лишь тогда, когда ей положены пределы. Ты знаешь это. Женщина — гнездо, а не источник.

Запыхавшись вбежала Марфа.

— Какой-то человек ищет наш дом! Низенький, толстый, горбатый, голова лысая, как яйцо. Он будет здесь через минуту.

Следом, едва переводя дух, влетел арапчонок.

— Мне он не нравится — я захлопну калитку у него перед носом. Он перевернет у нас всё вверх дном.

— Чего ты боишься? — возмутился Иисус. — Кто он такой, что ты боишься его? Открой ворота!

— Выгони его! — потребовал арапчонок.

— Почему? Кто он такой?

— Выгони, — повторил арапчонок, — и не задавай никаких вопросов.

Иисус разозлился.

— Или я не свободен? Разве я не волен в своих поступках? Открывай дверь!

С улицы уже доносились шаги — они замерли перед домом, и в ворота постучали.

— Кто там? — спросил Иисус, подбежав к воротам.

— Посланец Господа. Откройте, — ответил высокий властный голос.

Во двор вошёл толстый горбун, ещё не старый, но совершенно лысый. Глаза его горели, и женщины, вышедшие из дома, отпрянули.

— Радуйтесь! — воскликнул гость, раскрывая объятия. — Я принёс вам Благою Весть!

Иисус всматривался в него, пытаясь вспомнить, где он уже видел эти знакомые черты.

— Кто ты? — холодная дрожь волнами пробежала по его спине. — Кажется, я где-то видел тебя. Во дворце Пилата?

— Это Савл. Кровожадный Савл, — ухмыльнулся арапчонок, пристроившийся в углу двора.

— Ты Савл? — потрясённый, спросил Иисус.

— Я был им, но теперь я переменился. Я увидел истинный свет. Я — Павел. Я спасся — слава Господу! — и теперь я спасу мир! Не только Иудею, не только Палестину, весь мир! Я несу Благою Весть через моря и океаны — ей тесно на одном клочке земли, ей нужен весь мир. И не качай головой, мастер Лазарь, не смейся. Я спасу мир!

— Дружище, — ответил Иисус, — я уже вернулся оттуда, куда ты только идешь. Помнится, когда я был помоложе, я тоже собирался спасти мир. Может, быть молодым и означает иметь такое желание? Я ходил босой, в отрепьях, вместо пояса у меня был ремень, утыканный гвоздями, как у древних пророков. Я кричал: «Любовь! Любовь!» И ещё кучу всякой всячины, которую и вспоминать не хочется. В меня швыряли гнильем, меня били, едва не распяли. Дружище, с тобой будет то же самое! — Он увлекся и, позабыв о своей роли мастера Лазаря, открывал незнакомцу тайны своей жизни. Арапчонок кинулся между ними, пытаясь прервать начавшийся разговор.

— Не надо разговаривать с ним, мастер. Мне нужно кое о чём спросить его, позволь-ка мне, — и он повернулся к незнакомцу. — Не ты ли, злодей, умертвил Марию Магдалину? Твои руки в крови. Убирайся из приличного дома.

— Ты? Ты? — вздрогнул Иисус.

— Да, я, — глубоко вздохнул Павел. — Я бью себя в грудь, разрываю свои одежды и рыдаю: «Грешен! Грешен!» Но я получал приказы Синедриона убивать всех нарушавших Закон Моисея. Я делал это, пока однажды по дороге в Дамаск небо у меня над

головой не разорвала молния. Я упал наземь. Сияние ослепило меня — я потерял зрение. И тут над моей головой раздался укоризненный голос: «Савл, Савл, зачем ты преследуешь Меня? Что Я тебе сделал?» — «Кто ты?» — воскликнул я. «Я — Иисус, которого ты гонишь. Вставай, отправляйся в Дамаск, и там мои верные последователи скажут тебе, что делать». Я вскочил, трепеща, глаза мои были открыты, но я ничего не видел. Спутники мои взяли меня за руку и довели до Дамаска. И в дом, где я остановился, пришёл один из его учеников — Анания — да благословит его Господь. Он возложил руку на мою голову и принялся молиться: «Иисус Христос, верни ему зрение, дабы он мог понести в мир Евангелие!» И пока он говорил, завеса упала с моих глаз, зрение вернулось ко мне, и я был окрещен. Я стал Павлом, апостолом к народам. Я несу проповедь о Благой Вести... Что ты так смотришь на меня? Глаза прямо на лоб вылезли! Мастер Лазарь, что ты так разволновался?

— Какую Благоую Весть? — дрожащим голосом спросил Иисус.

— Иисус из Назарета — ты, верно, слышал о нем — был сыном не Иосифа и Марии, а сыном Господа. Он приходил на Землю в человеческом облике, чтобы спасти людей. Священники и фарисеи схватили его, отвели к Пилату и распяли. Но на третий день он восстал из мёртвых и вознесся на небеса. Смерть побеждена, люди, грехи прощены, врата рая открылись!

— И ты, ты видел этого воскресшего Иисуса из Назарета? — спросил Иисус. — Ты видел его собственными глазами? На что он похож?

— Он, как вспышки молнии, да, как вспышки молнии!

— Лжец!

— Его ученики видели его. Они собрались в одном доме после распятия, двери были закрыты. Вдруг он явился среди них и сказал: «Да пребудет мир с вами!» Они все видели его и поразились, лишь Фома не мог поверить своим глазам — он вложил персты свои в его раны и предложил ему вкусить рыбы, которую ел сам.

— Лжец!

Но Павла уже было не остановить — глаза его сияли, сгорбленное тело распрямилось.

— Он был рожден не от мужчины, его мать была девственницей. Архангел Гавриил снизошёл к ней с небес и сказал: «Радуйся, Мария!» — и слово, как семя, упало в её чрево. Так он и был зачат!

— Лжец! Лжец!

Павел замер в изумлении. Соседи, заслышав крики, уже пооткрывали свои двери и прислушивались. Обе испуганные жены выглянули во двор, но арапчонок снова загнал их в дом и запер дверь на засов. Иисус кипел от гнева, он больше не мог сдерживаться. Подойдя к Павлу, он схватил его за плечи и принялся трясти.

— Лжец! Лжец! — вопил он. — Я — Иисус из Назарета, и меня никогда не распинали, и я никогда не воскресал. Я — сын Марии и Иосифа, плотника из Назарета. Я не Божий сын, а человеческий, как и все остальные. Что за кощунство ты говоришь! Что за ложь! И при помощи этой лжи, мошенник, ты собираешься спасти мир?!

— Ты? Ты? — изумленно пробормотал Павел. Пока мастер Лазарь с пеной у рта выкрикивал свои проклятия, он заметил на его руках и ногах синеватые шрамы, словно от гвоздей, и ещё один шрам — под сердцем.

— Что ты выпучил глаза? — закричал Иисус. — Что ты уставился на мои руки и ноги? Этими стигматами отметил меня Господь, пока я

спал. Господь или искушитель — я и сам толком не знаю, кто. Мне снилось, что я на кресте, и тело моё разрывает нестерпимая боль, я закричал, проснулся — и всё исчезло. То, что мне предстояло перенести в действительности, я пережил во сне и спасся!

— Замолчи! Замолчи! — закричал Павел, сжимая виски руками — ему казалось, что голова его вот-вот расколется от всего этого.

— Нет. Я всё скажу!

Арапчонок вцепился в его руку, пытаясь остановить, но Иисус отшвырнул его на землю и снова повернулся к Павлу.

— Я всё скажу, чтобы обрести, наконец, покой. То, что я должен был пережить наяву, я пережил во сне. Я спасся! Я пришёл в это селение под чужим именем и с новым телом. И здесь я живу человеческой жизнью: я ем, пью, работаю и рожаю детей. Пламя пожара отступило, и теперь я горю ровным мягким светом, вернувшись к очагу, на котором моя жена готовит пищу детям. Я собирался плыть завоевывать мир, но бросил якорь в этом мирном семейном корыте. И я ни о чём не сожалею. Я — сын человеческий, говорю тебе, не Божий... И нечего разносить ложь по белу свету! Так и знай, я пойду и разоблачу тебя!

Теперь уж взорвался Павел.

— Заткни свою бессовестную глотку! — бросился он на Иисуса. — Замолчи, пока тебя не услышали! В несчастьях, несправедливостях и нищете этого мира распятый и воскресший Иисус был единственным утешением для честных обманутых людей. Правда это или ложь — какое мне дело? Главное — это может спасти мир!

— Пусть лучше мир погибнет с правдой, чем будет спасён при помощи лжи. В сердцевине такого спасения сидит большой червь, имя которому Сатана.

— Что есть правда? И что ложь? То, что дает человеку крылья, совершает великие дела и создает могучие души, то, что поднимает человека над землей, — всё это правда. Всё, что подрезает человеку крылья, — ложь.

— Да замолчишь ли ты, сын Сатаны?! Крылья, о которых ты говоришь, это крылья Вельзевула.

— Нет, я не замолчу. Мне наплевать, правда это или ложь, видел я его или нет, распят он был или не распят. Я созидаю истину, созидаю её из веры, упований и упрямства. Я не ищу её, я её созидаю. Я возвожу её выше человека и заставляю человека расти до неё. И если для спасения мира потребуется распять тебя, я распну тебя, хочешь ты этого или нет. Если для спасения мира потребуется воскресить тебя, я тебя воскрешу! А ты можешь сидеть здесь в этой разнесчастной деревне и делать корыта, колыбели и детей. Я заставлю воздух принять твой облик, если хочешь знать. Он станет твоей плотью, терновым венцом, гвоздями, кровью... Всё это стало теперь необходимо. Во всех уголках Земли бесчисленные взоры будут устремлены вверх, и люди будут видеть тебя распятым у себя над головами. Они будут плакать, и слезы очистят их души от всех грехов. А на третий день я воскрешу тебя из мёртвых, ибо нет спасения без воскрешения. Последний и самый страшный враг — это смерть. Я уничтожу её. Как? Воскресив тебя как Иисуса, сына Божьего, Мессию!

— Это неправда. Я пойду и буду кричать, что я не был распят, не воскресал, что я не Бог!.. Что ты смеешься?

— Кричи сколько хочешь. Я не боюсь тебя, ты мне даже не нужен больше. Колесо, которое ты толкнул, завертелось, — кто его теперь остановит? По правде говоря, пока ты здесь болтал, я даже подумал, а не придушить ли тебя, чтобы ты не кинулся доказывать бедному человечеству, что не был распят. Но я тут же одумался. А

почему бы тебе и не покричать? Верующие схватят тебя и бросят в костер, как святотатца!

— Я говорил лишь одно слово, нес одну весть — любовь! Любовь, и больше ничего.

— Сказав «любовь», ты выпустил всех демонов и ангелов, спавших в душе человеческой. «Любовь» — это не простое слово, как тебе кажется. В нем скрыты поверженные войска, горящие города и много крови — реки крови и реки слез. Лик Земли переменился. Теперь ты можешь кричать сколько угодно, хоть до хрипоты: «Я не это имел в виду! Это не любовь! Прекратите убивать друг друга! Мы все братья! Остановитесь!» Как же они могут остановиться? Что сделано, то сделано!

— Ты смеешься как дьявол.

— Нет, как апостол. Я стану твоим апостолом, хочешь ты того или нет. Я воссоздам тебя и твою жизнь, твоё учение, твоё распятие и воскрешение, как захочу. Тебя зачал не Иосиф, плотник из Назарета, тебя зачал я, Павел, — книжник из Тарса Киликийского.

— Нет! Нет!

— Кто тебя спрашивает? Я не нуждаюсь в твоём разрешении. Что ты суешь свой нос в мои дела?

Иисус в отчаянии повалился на землю и сжал голову коленями. Как ему справиться с этим дьяволом?

— Да и разве ты можешь спасти мир, мастер Лазарь? — подойдя к Иисусу, насмешливо проговорил Павел. — Какой возвышенный пример ты можешь ему предложить, чтобы он последовал за тобой? Пойдя с тобой, разве сможет он возвыситься над своей природой, расправить свои крылья? Если мир захочет обрести спасение, он станет слушать меня! Меня!

Апостол огляделся. Двор был пуст. Лишь вжавшийся в угол арапчонок подвывал, как побитая собака. Женщины спрятались, соседи разбежались. Но Павел, одним прыжком вскочив на деревянный настил, начал проповедь, словно двор был полон людьми:

— Люди, поднимите свои взоры. Взгляните! С одной стороны — мастер Лазарь, с другой — Павел, слуга Христа. Выбирайте! Если вы пойдете с ним, с мастером Лазарем, вас ждет нищенская жизнь, обремененная заботами, вы будете жить и умирать, как овцы, которые оставляют после себя немного шерсти и кучу дерьма, если вы пойдете со мной, — вас ждет любовь, сражения, война — мы завоюем мир! Выбирайте! С одной стороны, Христос, сын Господа, спасение мира; с другой — мастер Лазарь!

Павел пылал, окидывая орлиным взором невидимые толпы людей. Кровь его кипела. Стены двора расступились, исчезли арапчонок и мастер Лазарь. Он слышал голоса отовсюду: «Апостол всех народов, ты, который скрепил вымысел своим потом и кровью и превратил его в истину, веди нас! Будь нашим пастырем! Далеко ли идти?»

— Далеко, покуда видит глаз, — возопил Павел, раскрывая объятия, словно желая охватить весь мир, — и ещё дальше! Покуда вмещает человеческое сердце! Мир велик — слава Тебе, Господи! За землей Израиля лежит Египет, Сирия, Финикия, Малая Азия, Греция и большие богатые острова — Кипр, Родос, Крит. А дальше — Рим. А ещё дальше — страна белокурых варваров. Какое счастье подняться ранним утром, когда ветер с гор или с моря дует в лицо, и нести крест, чтобы укрепить его камнями и воздвигнуть в сердцах людей, завладев миром! Какое счастье страдать, сносить побои и претерпеть смерть ради Христа! — Павел затих, приходя в себя. Невидимые толпы растаяли в воздухе. Он увидел Иисуса, который стоял, прислонившись к стене, и ошеломленно слушал его.

— Ради Христа... Не ради тебя, мастер Лазарь, но истинного Христа
— моего Христа!

Не в силах более сдерживать себя, Иисус разрыдался.

— Что ты плачешь, Иисус из Назарета? — прошептал арапчонок, неслышно приблизившись к нему.

— Как можно удержаться от слез, дружок, когда знаешь единственный путь спасения человечества?

Павел сошёл с настила. Его редкие волосы были мокры от пота. Он снял сандалии, вытряс из них набравшийся песок и повернулся к воротам.

— Я отряхну пыль твоего дома со своих сандалий, — бросил он Иисусу, в растерянности стоящему посреди двора. — Прощай! Желаю сладкой пищи, хорошего вина, нежных поцелуев и многих лет жизни, мастер Лазарь! И не вздумай соваться в мои дела. А если сунешься, тебе конец — слышишь, мастер Лазарь? Конец! Но не пойми меня превратно. Я был рад повидаться с тобой. Я свободен теперь, это-то мне и было нужно — отделаться от тебя. Да, я отделался от тебя — теперь я сам себе хозяин. Прощай!

Он отодвинул засов и повернул на Иерусалимскую дорогу.

— Как он спешит! — выйдя за ворота и гневно глядя ему вслед, промолвил арапчонок. — Бежит, как оголодавший волк, намеревающийся сожрать весь мир!

Он обернулся было к Иисусу, чтобы вернуть его к делам, разогнать опасное настроение, удручающее его, но тот уже стоял посередине дороги, с болью и страстью глядя вслед удалявшемуся апостолу. Страшные воспоминания и надежды, которые уже совсем стерлись в его памяти, снова обрели былую яркость.

— Иисус! Иисус из Назарета! — испуганно схватил его за руку арапчонок. — Твой разум мутится. Куда ты смотришь? Идем в дом!

Но Иисус, побледнев и не говоря ни слова, лишь стряхнул прочь руку ангела.

— Пошли домой! — гневно повторил тот. — Лучше послушайся — ты ведь хорошо знаешь, кто я такой.

— Оставь меня в покое! — крикнул Иисус, не спуская взгляда с Павла, который уже исчез за горизонтом.

— Может, ты хочешь пойти с ним?

— Оставь меня! — снова закричал Иисус. Внезапный озноб охватил его — зубы стучали.

— Мария! Марфа! — закричал арапчонок и обхватил Иисуса за пояс, чтобы он не убежал.

Женщины прибежали на зов с толпой ребятишек. Из ближайших домов начали выходить соседи, обступая Иисуса, стоявшего посередине дороги с бледным, как полотно, лицом. И вдруг веки его опустились, и он мягко повалился на землю.

Он почувствовал, как его подняли, отнесли в постель, растерли виски, он уловил запах розового уксуса. Наконец Иисус открыл глаза и, увидев своих жен, улыбнулся, потом перевел взгляд на арапчонка и, вцепившись в его руку, сказал:

— Крепче держи меня! Не отпускай меня! Мне хорошо здесь.

ГЛАВА 33.

Иисус сидел у себя во дворе под старой виноградной лозой, седая борода ниспадала на его обнажённую грудь. Была Пасха. Он только что вымылся, умастил волосы, бороду и подмышки и переоделся в чистое. Дверь в дом была закрыта, он был один. Его жены, дети и внуки шумели в задней части дома; арапчонок, который ещё на рассвете залез на карниз, сердито смотрел в сторону Иерусалима и молчал.

Иисус глядел на свои руки. Они загрубели и сморщились. На них выступили синие высохшие вены, а рубцы от старых таинственных ран на ладонях начали бледнеть и исчезать. Он покачал своей седой головой и вздохнул.

— Как быстро прошло время, как я постарел. И не только я, но и мои жены, и деревья в моем дворе, и двери, и окна, и камни, по которым я хожу.

Он испуганно закрыл глаза и почувствовал, как время, словно вода, струится сквозь его голову вниз, сквозь шею, омывая грудь, живот и бедра, и, наконец, вытекает в землю через пятки.

Во дворе раздались шаги, и он, вздрогнув, очнулся. Это была Мария. Увидев, что он поглощен своими мыслями, она тихо подошла и села у его ног. Иисус положил руку ей на голову, на её когда-то жгуче-чёрные волосы, которые теперь, как и его собственные, стали седыми. Его охватила необъятная нежность. «В моих руках она поседела, — подумал он, — в моих руках...»

Он наклонился и заговорил с ней:

— Помнишь ли ты, Мария, помнишь ли ты, сколько раз прилетали ласточки с тех пор, как я хозяином перешагнул порог твоего дома, с тех пор, как я стал твоим мужем? Сколько раз мы вместе сеяли, жали, делали вино и собирали оливки? Твои волосы стали седыми, Мария. Поседела и наша стойкая Марфа.

— Да, милый, мы стали седыми, — ответила Мария. — Годы проходят. Мы посадили виноград, в тени которого сейчас сидим, в тот год, когда приходил этот проклятый горбун, так тебя напугавший. Помнишь? Сколько лет мы уже снимаем с него виноград.

Арапчонок бесшумно соскользнул вниз с крыши и оказался перед ними. Мария поднялась и ушла. Она не любила этого странного приемыша. Он не рос и не старел; он был не человеком, а духом, злым духом, который, однажды войдя, уже не покидал дом. Она не любила его насмешливых глаз, не любила его тайных бесед по ночам с Иисусом. Осклабясь, арапчонок подошёл ещё ближе.

— Иисус из Назарета, — вкрадчиво произнес он, поблескивая острыми белыми зубками, — близится конец.

— Какой конец? — спросил Иисус.

Арапчонок прижал палец к губам.

— Конец близок, — повторил он и уселся на корточки напротив Иисуса, насмешливо поглядывая на него.

— Ты уходишь? — спросил Иисус и внезапно почувствовал странную радость и облегчение.

— Да, конец. Почему ты улыбаешься, Иисус из Назарета?

— Счастливого пути. Ты дал мне то, что я хотел, ты мне больше не нужен.

— Так ты со мной прощаешься? Какой ты неблагодарный. Все эти годы я трудился ради тебя, чтобы дать тебе радость, которой тебе так не хватало. И что, всё задаром?

— Если ты хотел умастить меня, как пчелу, медом, тебе это не удалось. Я съел весь мед, который хотел, который хватило сил съесть, но не запачкал крыльев.

— Каких крыльев, пророк?

— Свою душу.

Арапчонок злорадно рассмеялся.

— Несчастный, ты думаешь, у тебя есть душа?

— Есть. И ей не нужны ангелы-хранители — она свободна.

— Предатель! — взревел арапчонок, придя в неопишемую ярость. И, вырвав один из камней, которыми был вымощен двор, он растер его руками в песок и рассеял прах вокруг себя.

— Ну, что ж, посмотрим, — и, выругавшись, он двинулся вон.

С дороги донеслись крики, рыдания, ржание лошадей... Толпы бегущих людей вдруг заполонили всё вокруг.

— Иерусалим горит! Иерусалим взят! Мы погибли! — раздавалось отовсюду.

Уже много месяцев римляне осаждали восставший город, но израильтяне верили в Яхве. Они не боялись. Священный город не мог сгореть, священный город не знал страха — у каждых ворот стояло по ангелу с мечом. А теперь...

Выскочившие на улицу женщины кричали и рвали на себе волосы. Мужчины раздирали на себе одежду и взывали к Господу. Иисус поднялся, взял за руки Марию и Марфу, ввел их в дом и затворил дверь.

— Что вы плачете? Зачем сопротивляетесь воле Господа?

Послушайте, что я скажу вам, и не бойтесь. Время — это огонь, возлюбленные жены. Время — это огонь, а вертел в руках Господа. Каждый год он зажаривает по пасхальному агнцу. И в этом году

пасхальный агнец — Иерусалим, в будущем году это будет Рим, потом...

— Замолчи, Лазарь! — вскричала Мария. — Ты забываешь, что мы — слабые женщины.

— Прости меня, Мария, — промолвил Иисус. — Я вправду забыл. Когда душа возносится к высотам горним, она забывает о сострадании.

На улице раздались тяжёлые шаги. Послышался громкий стук в ворота.

Вскочив и подбежав к задвижке, арапчонок взглянул на Иисуса и насмешливо улыбнулся.

— Открыть? — он с трудом сдерживал злорадный смешок. — Это твои старые друзья, Иисус из Назарета.

— Мои старые друзья?

— Сейчас ты их увидишь, — ответил арапчонок и распахнул ворота.

На пороге стояла группа стариков, которые, опираясь друг на друга, стали входить во двор. Казалось, что они склеены друг с другом и не могут быть разделены.

Иисус сделал шаг им навстречу и остановился. Он хотел было протянуть им руку и пригласить в дом, как вдруг его охватило смятение, а ноги подкосились — сердце наполнили горечь и боль. Он сжал кулаки и замер. Воздух вокруг смердел. Смесь гари, немытых тел и гниющих ран создавала невыносимую вонь. Арапчонок вскарабкался на крышу овчарни и, смеясь, наблюдал за ними.

Иисус сделал ещё один шаг и обратился к старику, который шёл впереди.

— Ты, который впереди, подойди-ка сюда. Сейчас мы разгребем руины, в которые тебя превратило время, и я попробую узнать тебя. Как бьется моё сердце... Но эта обвисшая кожа, эти пустые глаза — я не знаю их.

— Ты не узнаешь меня, рабби?

— Петр! Это ты! Скала, на которой в юности я хотел построить свою церковь! Как ты постарел, сын Ионы. От скалы ничего не осталось — одна дырявая губка.

— Годы, мой рабби...

— Какие годы? Нечего обвинять время. Пока душа бодрствует, она держит тело и не позволяет времени прикоснуться к нему. Твоя душа постарела, Петр, твоя душа!

— Мирские беды обрушились на меня. Я женился, родил детей, терпел удары судьбы, мне довелось видеть, как горит Иерусалим... Я — человек, эта жизнь сломила меня.

— Да, ты — человек, эта жизнь сломила тебя, — с состраданием согласился Иисус. — Бедный Петр, для того, чтобы выстоять в нынешнем мире, нужно обладать силой не только Господа, но и дьявола.

Он обратился к следующему старику, который выглядывал у Петра из-за плеча.

— А ты? Тебе обрезали нос — голова твоя скорее напоминает череп мертвеца, чем лицо живого человека. Как же мне тебя узнать? Скажи что-нибудь, старина! Скажи «рабби», может, я узнаю тебя!

Трясущееся существо, собрав все силы, выкрикнуло это слово и замерло, опустив голову.

— Иаков! Старший сын Зеведея, расчетливый скупердяй, силач и гигант!

— То, что от него осталось, рабби, то, что осталось, — шмыгнул носом Иаков. — Житейские бури не пожалели и меня. Корпус дал трещину, палубу затопило, мачты сломались. Я вернулся в гавань развалиной.

— В какую гавань?

— К тебе, учитель.

— Чем же я могу помочь тебе? Я не та верфь, где тебя смогут починить. Я скажу тебе жестокую правду, Иаков, тебя ждет единственная гавань и называется она — дно морское. Как говаривал твой отец, — ясно как Божий день.

Нестерпимая печаль охватила его.

Он подошёл к следующему в этой веренице стариков.

— А ты? Ты, ты, старый стручок, ты случайно не Нафанаил? Тебя совсем скрючило. Ты только посмотри на себя — пузо, двойной подбородок! Что случилось с твоими стальными мышцами, Нафанаил? От них ничего не осталось. Одна дряблость. Ну, ничего, не вздыхай, Нафанаил, и её достаточно, чтобы вознестись.

— Куда вознестись? — ни с того ни с сего разозлился Нафанаил. — Мало того, что я потерял уши, пальцы и один глаз. Мало ты нас пичкал Царствием Божьим, его блеском и величием, всем этим бредом... Ну, ничего, теперь мы протрезвели! А, Филипп? Я прав?

— Что тебе сказать, Нафанаил, — ответил старикашка, стоявший в середине. — Что я могу сказать тебе, брат мой. Я виноват в том, что убедил тебя идти с нами.

Иисус покачал головой и взял за руку старика, откликнувшегося на имя Филипп.

— Как я люблю тебя, Филипп, лучший из пастухов, ибо нет у тебя паствы. А своим пастушьим стрекалом ты пасешь пространство. По ночам ты выводишь ветры и гонишь их на выгоны. Ты разжигаешь костры, устанавливаешь над ними котлы, кипятишь в них молоко и спускаешь его вниз с горы в долину, чтобы нищие могли напиться. Твои фантазии — твоё богатство. И неважно, что действительность приносит тебе лишь нищету, одиночество и голод... Вот что значит быть моим учеником! А теперь... Филипп, Филипп, лучший из пастухов, как ты пал! Ты возжелал настоящих овец, чью шерсть и тело ты сможешь пощупать руками, — и ты погиб!

— Я голодал, — промолвил Филипп. — Что мне оставалось делать?

— Думать о Господе, и Он бы насытил тебя, — ответил Иисус, и снова ему на сердце навалилась тяжесть.

Он подошёл к сгорбленному дрожащему старику, который стоял, вцепившись в желоб для воды. Иисус приподнял лохмотья, покрывавшие его голову, но черты этого лица ни о чём ему не сказали. Он откинул назад волосы, падавшие на лоб, и наткнулся на большое ухо с заткнутым за него сломанным пером.

— Добро пожаловать, большое ухо! Большое волосатое ухо, дрожащее, как у кролика, от страха, любопытства и голода. Добро пожаловать, чёрнильные пальцы и чернильное сердце! Ты всё ещё пишешь, Матфей, мой летописец? Твое перо совсем сломалось, прямо-таки как копье после боя.

— Зачем ты смеешься надо мной? — с горькой усмешкой ответил Матфей. — Зачем ты смеешься над нами? Вспомни лучше, с каким блеском и величием я описывал твою жизнь. Я бы мог обессмертить твоё имя, как и ты сам. А теперь петушок лишился всех своих перышек. Да и не петух это был, а так... цыпленок. Позор тебе!

У Иисуса дрогнули колени, он опустил голову. Но ненадолго, раздражение новой волной нахлынуло на него, он распрямился и угрожающе затряс рукой перед лицом Матфея.

— Заткнись! Как ты смеешь?!

Тощий кривой старик вытянул голову из-за плеча Нафанаила и захихикал. Иисус мгновенно узнал его.

— Фома! Мой любимый недоносок! Привет! Где ты посеял свои зубы? Что ты сделал с теми двумя волосинами, которые украшали твой череп? И у какого козла ты занял эту грязную бороденку, которая висит у тебя на подбородке? Двуликий, семиглазый хитрюга Фома, ты ли это?

— Собственной персоной. Только зубы отсутствуют — выпали по дороге, как и волосы. Всё остальное на месте.

— А житейская сметка?

— Как верный петух. Знает, что не он поднимает солнце, но каждое утро взлетает на навозную кучу, кричит, и солнце встает как миленькое.

— И ты тоже, герой, сражался за Иерусалим?

— Я сражался?! Что я, дурак? Я играл в пророка.

— В пророка? У муравьишки выросли крылья? Тебя благословил Господь?

— При чем здесь Господь? Я своим умом дошёл.

— И до чего же ты дошёл?

— Что значит быть пророком. Твое святейшество тоже когда-то знало это, но теперь, боюсь, забыло.

— Ну, напомни мне, хитрюга Фома, — может, мне это ещё пригодится. Так что же такое — быть пророком?

— Пророк — этот тот, кто надеется, когда все отчаиваются. А когда все полны надежды, отчаивается он. Ты спросишь меня, почему? Потому, что он разгадал великую тайну: колесо поворачивается.

— С тобой опасно разговаривать, Фома, — подмигнул ему Иисус. — В твоих маленьких быстрых глазках я вижу хвост, два рога и всполохи пламени.

— Пламя истины горячо — ты и сам это знаешь, рабби, да всё жалеешь человечество. Сердце жалостливо — потому-то мир и пребывает во мраке. Разум безжалостен — потому-то мир и пребывает в огне... А-а, ты хочешь, чтобы я замолчал, Ты прав, — я помолчу. Мы не станем открывать великие тайны перед простаками. Ни у кого из них не хватает мужества, кроме одного, пожалуй, — вот этого.

— А кто это?

Фома подковылял к воротам и ткнул пальцем в огромного старика, который, как высушенное спаленное дерево, стоял на пороге. Корни его волос и бороды всё ещё отливали рыжим.

— Вот этого, — повторил Фома и отошёл в сторону. — Иуда! Он единственный, кто остался стоять. Берегись, Иисус. Он полон сил. Извинись перед ним и говори с ним вежливо. Смотри, как он зол.

— Ну, что ж, во избежание быть съеденным попробуем укротить этого пустынного льва. До чего мы докатились! Иуда, брат мой! — произнес Иисус, повысив голос, — Время — зверь-людоед, но оно не насыщается человеческой плотью — оно уничтожает города, государства и, да простит мне Господь, даже богов! Но тебя оно не тронуло! Твой гнев не выкипел — нет, ты никогда не примиришься с миром. Я вижу нож на твоей груди. Гнев, ненависть и надежда —

три величайших поводыря юности — блещут в твоих глазах...
Привет тебе!

— Иуда, ты слышишь? — пробормотал Иоанн, пристроившийся на корточках у ног Иисуса. Он изменился до неузнаваемости — два глубоких шрама пролегли по щёкам и шее, белоснежная борода закрывала грудь. — Ты слышишь, Иуда? Учитель обращается к тебе. Ответь ему!

— Он упрям, как осел, — заметил Петр. — Рот на замке — ничего не скажет.

Но Иисус не смутился и продолжил, лаская взглядом своего старого сурового спутника.

— Болтливые птицы, Иуда, пролетали над моим домом и принесли мне вести. Говорят, ты был в горах, сражаясь против своих и чужих тиранов. Потом спустился в Иерусалим и, захватив предателей саддукеев, заколол их, как агнцев, на алтаре Бога Израиля, увив им шеи красными лентами. У тебя великая, мужественная и отчаянная душа, Иуда. С тех пор, как мы расстались, радость покинула тебя. Иуда, брат мой, как я скучал по тебе. Добро пожаловать!

Иоанн в страхе не спускал глаз с Иуды, который не шелохнувшись, так и стоял, закусив губы.

— Злой дух никогда не прекращал витать над его головой, — пробормотал наконец он и отошёл к остальным.

— Берегись, рабби, — добавил Петр. — Он видит тебя насквозь и только прикидывает, с какой стороны удобнее напасть.

— Я с тобой говорю, Иуда, брат мой, — продолжил Иисус. — Разве ты не слышишь меня? Я приветствую тебя, а ты не хочешь приблизить руку к сердцу и ответить мне, что ты тоже рад меня видеть. Может, ты онемел от лицемерия страданий Иерусалима? Что ты кусаешь свои губы? Ты же мужчина — не плачь, распрями

плечи. Ты мужественно выполнил свой долг. Глубокие раны на твоих руках, груди, лице — подтверждение того, что ты боролся, как лев. Но что может человек против воли Господа? Сражаясь за спасение Иерусалима, ты сражался против самого Господа. Давным-давно Он задумал стереть священный город с лица Земли.

— Берегись, он шагнул тебе навстречу, — испуганно шепнул Филипп. — Смотри, он набычился — сейчас бросится на тебя.

— Давайте-ка отойдем, ребята, — пробормотал Нафанаил. — Иуда уже сжал кулаки.

— Муж наш, будь осторожен! — закричали Марфа и Мария, выбегая вперёд.

Но Иисус продолжал спокойно говорить, хотя губы его слегка и начали подрагивать.

— Я тоже боролся, как мог, Иуда, брат мой. В юности я хотел спасти мир. Но когда разум мой достиг зрелости, я ступил на путь человеческий. Я стал трудиться: пахал землю, копал колодцы, сажал виноград и оливы. Я взял женщину и родил себе подобных — я победил смерть. Разве не к этому я всегда стремился? Я сдержал свое слово — я победил смерть!

С безумным криком Иуда бросился вперёд, одним движением оттолкнув Петра и женщин, загораживающих Иисуса.

— Предатель!

Все замерли. Иисус побледнел и прижал руки к груди.

— Я? Это ты обо мне, Иуда? Ты сказал жестокое слово. Возьми его назад!

— Предатель!

Всё старческое стадо пожелтело от ужаса и бросилось к выходу. Фома выскочил первым на улицу. Обе женщины устремились за стариками.

— Братья, не уходите! — закричала Мария. — Сатана поднял руку на Иисуса. Он хочет уничтожить его.

Замешкавшийся Петр тоже скользнул к дверям.

— Куда ты? — схватила его Марфа. — Ты снова предашь его, снова?

— Я не хочу участвовать в этом, — вздохнул Петр. — Искарriot здоров, как бык, а я дряхл.

Иуда и Иисус остались одни. Казалось, от ярости Иуда выпускал пар, пропитанный запахами пота и гнойных ран.

— Римский прихвостень! — прорычал он снова. — Твое место на кресте. Туда Господь Израиля поставил тебя сражаться. Но у тебя ослабли ножки. Смерть взглянула тебе в глаза, и ты испугался. Ты побежал прятаться за юбки Марии и Марфы. Трус! Ты изменил свое лицо и имя, прикинулся Лазарем, только чтобы спасти свою шкуру!

— Иуда Искарriot, — перебил его Петр, обступившие его женщины придали ему мужества. — Иуда Искарriot, разве так можно говорить с учителем? Где твое уважение?

— Какой учитель?! — закричал Иуда, сжимая кулаки. — Вот этот?! У вас что, ни глаз, ни мозгов не осталось? Это он — учитель? Что он говорил нам? Что он нам обещал? Где армии ангелов, с которыми мы собирались спасти Израиль? Где крест, который должен был стать нашей лестницей в небеса? Этот лже-Мессия не успел увидеть крест, как у него закружилась головка и он грохнулся в обморок! А потом эти добрые женщины подрядили его строгать им детей. Он говорит, что боролся, мужественно боролся. Да, он боролся, как петух в курятнике. Но твое место было на кресте, предатель, и ты прекрасно знаешь это. Вспахивать новь и утробу женщин может

любой. Ты должен был взойти на крест. Ты гордишься тем, что победил смерть? Горе тебе! Рожать детей на съедение преисподней — это, по-твоему, победа над смертью?! Корм для сатаны — вот что такое твои дети! Ты просто стал поставщиком мяса для него. Предатель! Трус!

— Иуда, брат мой, — дрожа, сказал Иисус. — Иуда, брат мой, да поймей же ты сострадание.

— Ты разбил моё сердце, сын плотника, как я могу сострадать тебе? Я, как покинутая женщина, готов кричать, выть и колотиться головой о камни! Я проклинаю день твоего рождения, я проклинаю день своего рождения! Я проклинаю час, когда встретил тебя и ты наполнил моё сердце надеждами! Какую радость, какую свободу ты вдохнул в нас! Какое счастье было слушать тебя, когда ты говорил о Земле и Небе, шагая впереди всех! Казалось, ягоды винограда увеличивались до размеров арбузов. Чтобы насытиться, нам всем хватало одного пшеничного зернышка. А как-то ты умудрился накормить даже тысячную толпу пятью хлебами. А звёзды! Какой свет, какой блеск разливался по небу! Воистину, то были не звёзды, а ангелы! Нет, не ангелы, то были мы — твои ученики, мы вместе с тобой всходили на небосклон и сияли вокруг тебя, и ты горел, словно солнце. Помнишь, ты обнял меня и умолял: «Предай меня, предай. Я должен быть распят и должен потом воскреснуть, чтобы спасти мир!»

Иуда вздохнул и умолк. Раны на его теле открылись, начали кровоточить. Старики, снова приклеившись друг к другу, стояли, опустив головы, пытаясь вспомнить всё и вернуться к жизни.

Слезы навернулись на глаза Иуды. Он отер их резким движением и снова перешёл на крик — сердце его всё ещё было переполнено.

— «Я агнец Божий, — блеял ты. — Я должен быть принесен в жертву, чтобы спасти мир. Иуда, брат мой, не бойся. Смерть —

дверь в бессмертие. Я должен перешагнуть этот порог. Помоги мне!» А я так любил тебя, так верил тебе, что согласился. Я пошёл и предал тебя. А ты... ты...

Пена капала с его губ. Схватив Иисуса за плечи, он встряхнул его и прижал к стене.

— Что ты здесь делаешь?! Почему тебя не распяли?! — снова закричал он. — Трус! Предатель! Это всё, на что ты способен? Где твоя совесть?! Я поднимаю свой кулак и спрашиваю тебя: почему?! Почему ты не распят?!

— Тише! Тише ты! — умоляюще произнес Иисус. Его давно зарубцевавшиеся стигматы вдруг открылись, и из них закапала кровь.

— Иуда Искарот, — снова вмешался Петр, — у тебя нет жалости. Посмотри на его ноги и руки, приложи свою руку к его ранам, если не веришь глазам своим. Они кровоточат.

Иуда натужно рассмеялся, сплюнул и добавил:

— И не вздумай, ты, сын плотника, валить свою вину на меня — не выйдет! Это твой ангел-хранитель прилетел к тебе ночью.

Иисус вздрогнул.

— Мой ангел-хранитель...

— Да, твой ангел-хранитель по имени Сатана. Это он заклеил твои руки, ноги и тело, чтобы тебе сподручнее было обманывать людей. Чтобы совесть твоя могла отсыпаться в этой лжи. Что ты на меня уставился? Молчишь?! Трус! Предатель!

Иисус закрыл глаза. Голова кружилась, он с трудом держался на ногах.

— Иуда, — его голос дрожал, — ты всегда был неистовым упрямцем, ты всегда попирал человеческие законы. И ты забыл, что душа человеческая как стрела: она высоко взлетает к небу, но всегда падает обратно. Птица, садясь на землю, складывает крылья, то же делает и душа.

— Позор на твою голову! — задрожав от бешенства, выкрикнул Иуда. — Вот до чего ты дошёл, ты — сын Давида, Божий сын, Мессия! Жить на земле — значит есть хлеб и превращать его в крылья, пить воду и превращать её в крылья. Жизнь на земле — это распростертые крылья. Вот, что ты говорил нам, ты — предатель! Это не я говорю, это твои слова. Если ты забыл, я тебе напому! Где Матфей? Иди сюда! Открой свои свитки, они у тебя всегда под сердцем, как у меня мой нож. Открой свои письма. Они уже почти стерлись от времени и пота, но кое-что ещё можно разобрать. Открой их, Матфей, и прочти, чтобы наш гостеприимный хозяин мог услышать и вспомнить.

Однажды ночью в Иерусалиме к тебе тайно пришёл важный чиновник по имени Никодим и спросил тебя: «Кто ты? Что ты делаешь?» И ты, сын плотника, ты ответил ему — вспомни! — «Я кую крылья!» И когда ты сказал это, все мы почувствовали, что у нас за спиной пробиваются крылья. А сейчас к чему ты пришёл, петух? Ты бормочешь, что жить на земле надо со сложенными крыльями! А? Прочь с глаз моих, трус! Если жизнь — это не гроза с громом и молнией, то она не нужна мне! Не подходи ко мне, Петр, ты — несчастный флюгер! Ни с места, Андрей! Замолчите, женщины! Я не трону его. Зачем поднимать на него руку? Он умер и погребен. Он всё ещё ходит, говорит, плачет, но внутри у него труха — он труп. Да простит его Господь, ибо я не в силах это сделать. Да падут на его голову кровь, слезы и пепел Иерусалима!

Больше старики не могли вынести, силы оставили их, и они рухнули наземь. Их память проснулась: они вспомнили свою молодость,

вспомнили мечты о Царствии Небесном, о престолах, о величии... Рыдания сотрясали их немощные тела. Мыча и стеновая, они бились на каменных плитах двора.

Иисус тоже рыдал.

— Иуда, брат мой, прости меня! — Он бросился к рыжебородому, но тот уклонился, брезгливо вытянув руки, чтобы Иисус не коснулся его.

— Не прикасайся ко мне! — заорал Иуда. — Я больше ни во что не верю, никому не верю. Ты разбил моё сердце!

Запнувшись, Иисус обернулся в поисках поддержки. Женщины рыдали, распростершись на земле и распустив волосы, ученики смотрели на него со злобой и ненавистью. Арапчонок исчез.

— Я — предатель, трус, — прошептал он. — Теперь я всё понял: я пропал! Да, да, я должен был взойти на крест, а я трусил и убежал. Простите меня, братья, я предал вас. О, если бы я мог начать жизнь сначала!

Он упал на землю и забился головой о камни.

— Друзья, друзья мои, скажите мне хоть одно доброе слово, утешьте меня. Я погиб, я погиб! Я протягиваю вам руку. Неужели никто из вас не пожмет её, не ободрит добрым словом?! Никто? Никто? Даже ты, возлюбленный Иоанн? Даже ты, Петр?

— Что я могу тебе сказать? — проговорил любимый ученик. — Чем ты околдовал нас, сын Марии?

— Ты обманул нас, — утирая слезы, промолвил Петр. — Прав Иуда: ты изменил своему слову. Наши жизни прошли зря.

И вдруг вся эта куча копошащихся старческих тел завывала, завибрировала на единой ноте:

— Трус! Предатель! Трус! Предатель!

— Всё напрасно, весь мой труд напрасен, напрасен, — причитал Матфей. — С какой выдумкой я увязывал все твои слова и поступки с древними пророчествами! Непростая это была работа, но я справился с ней. Я говорил себе, что потом в церквях благоверные будут открывать фолианты, тисненные золотом, и говорить: «Сегодня будем читать из Святого Евангелия от Матфея». Такие мысли окрыляли меня, и я писал. А теперь эта мечта во всем её блеске растаяла, как дым! А ты, ты, неблагодарный, ты, обманщик, ты, предатель, — будь проклят! Ты должен был быть распят! Хотя бы ради меня, хотя бы ради этих свитков ты должен был быть распят!

И снова все стали твердить:

— Трус! Предатель!

Один лишь Фома подошёл к Иисусу:

— Рабби, я не покину тебя, когда все отвернулись от тебя и называют предателем. Я не покину тебя, я — пророк Фома! Мы знаем, что колесо вращается. И я не покину тебя. Я подожду, когда колесо повернется.

— Пошли! — поднялся Петр. — Иуда, веди нас.

С трудом дыша, старики начали подниматься. Иисус лежал на земле, раскинув руки. А они, проходя мимо, потрясали кулаками, плевались и выкрикивали:

— Трус! Предатель! Трус! Предатель! Трус! Предатель! Один за другим они произносили эти слова и исчезали за дверью.

Преодолевая боль, Иисус разлепил веки и окинул взглядом всё вокруг. Он был один. Дом, деревья, деревенская улица, да и сама

деревня — всё исчезло. Ничего не осталось, кроме камней у него под ногами, камней, запятнанных кровью, и внизу — далеко внизу — толпа: тысячи голов в темноте.

Куда он попал? Зачем он здесь? И почему так больно? Он не мог вспомнить. В груди родился крик: «Лама савахфани!» Он попытался протолкнуть его сквозь горло, но губы не слушались его. Голова кружилась, он с трудом сохранял сознание. Ему казалось, что он падает всё ниже, ниже и умирает.

Кто-то из стоявших внизу пожалел его — и перед ним закачалось копье с насаженной на него губкой. Острый запах уксуса ударил Иисусу в нос, он глубоко вздохнул, взглянул на небеса, и разрывающий сердца крик вырвался наружу:

— Или... Или, лама савахфани!

Голова его бессильно поникла.

Невыносимая боль терзала его сердце, руки и ноги. Он увидел венок из терний, кровь и крест. Две золотые серьги и два ряда острых ярко-белых зубов блеснули в лучах заходящего солнца. Он услышал злорадный смех, и всё исчезло. Иисус остался один. Через некоторое время он вздрогнул — память вернулась к нему. Он всё вспомнил, и тут же дикая необузданная радость охватила всё его существо! Нет, он не трус, не предатель! Нет! Он распят! Он с честью дошёл до конца, он сдержал свое слово. Лишь на мгновение он поддался искушению и позабыл о своем предназначении. Но всё это было миражом — счастье, жены, дети, уродливые старики, называвшие его трусом и предателем! Всё это было лишь наваждением, посланным дьяволом. Его ученики живы и бодры. Они разошлись по всей Земле, неся людям Благою Весть. Слава Тебе, Господи, свершилось!

И торжествующий крик огласил Голгофу:

— Свершилось!

И эхом откликнулось:

— Начало положено.

• • • • •

Никос Казандзакис (1883-1957) — проповедник «героического нигилизма». Был последователем европейских философов-идеалистов, потом — коммунистом, буддистом, язычником, христианином. Автор пьес «Христос», «Прометей», «Будда» и романов «Христа распинают вновь», «Грек Зорба», «Капитан Михалис. Свобода или смерть». В 1956 году получил премию Мира.

• • •

ПРИМЕЧАНИЯ.

1 Адонай (др.-евр.) — Господь.

2 Ессеи — иудейская секта. Считаются одним из идейных предшественников раннего христианства.

3 Левиты — сословие церковных служителей.

4 Псалтирь — щипковый музыкальный инструмент семейства цитр.

5 Зелоты — иудейская секта, боровшаяся против римского владычества.

6 Маккавеи — знатный иудейский род, возглавивший освободительное движение против эллинистического владычества.

7 Акриды — саранча.

8 Рабби, равви, раввуин — почетный титул, обращение к учителю.

9 Апофтегма (др.-гр.) — изречение.

10 Стадия — греческая мера длины. Составляет 184,97 м.

11 Опресноки — тонкие сухие лепёшки из пресного теста, которые иудаизм предписывает есть верующим в дни Пасхи.

12 «Или, Или! Лама савахфани?» (Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?) — последние слова Иисуса Христа, сказанные на кресте (Мат. 27. 46).

• • •

СОДЕРЖАНИЕ:

Никос Казандзакис. ПОСЛЕДНЕЕ ИСКУШЕНИЕ ХРИСТА.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ГЛАВА 1-33

Об авторе.

Примечания.

(Пер.: Мария Ланина).

• • •

ОГЛАВЛЕНИЕ

НИКОС КАЗАНДЗАКИС.2

ПОСЛЕДНЕЕ ИСКУШЕНИЕ ХРИСТА.2

 ПРЕДИСЛОВИЕ.2

 ГЛАВА 1.7

 ГЛАВА 2.16

 ГЛАВА 3.29

 ГЛАВА 4.39

 ГЛАВА 5.61

 ГЛАВА 6.76

 ГЛАВА 7.92

 ГЛАВА 8.114

 ГЛАВА 9.137

 ГЛАВА 10.156

 ГЛАВА 11.174

 ГЛАВА 12.186

 ГЛАВА 13.209

 ГЛАВА 14.227

 ГЛАВА 15.249

 ГЛАВА 16.268

 ГЛАВА 17.282

 ГЛАВА 18.311

 ГЛАВА 19.331

 ГЛАВА 20.347

 ГЛАВА 21.361

 ГЛАВА 22.377

 ГЛАВА 23.396

 ГЛАВА 24.417

 ГЛАВА 25.432

 ГЛАВА 26.450

 ГЛАВА 27.478

 ГЛАВА 28.500

 ГЛАВА 29.518

 ГЛАВА 30.530

ГЛАВА 31.....	547
ГЛАВА 32.....	558
ГЛАВА 33.....	575
ПРИМЕЧАНИЯ.....	594
СОДЕРЖАНИЕ:.....	595
ОГЛАВЛЕНИЕ	596

• • •